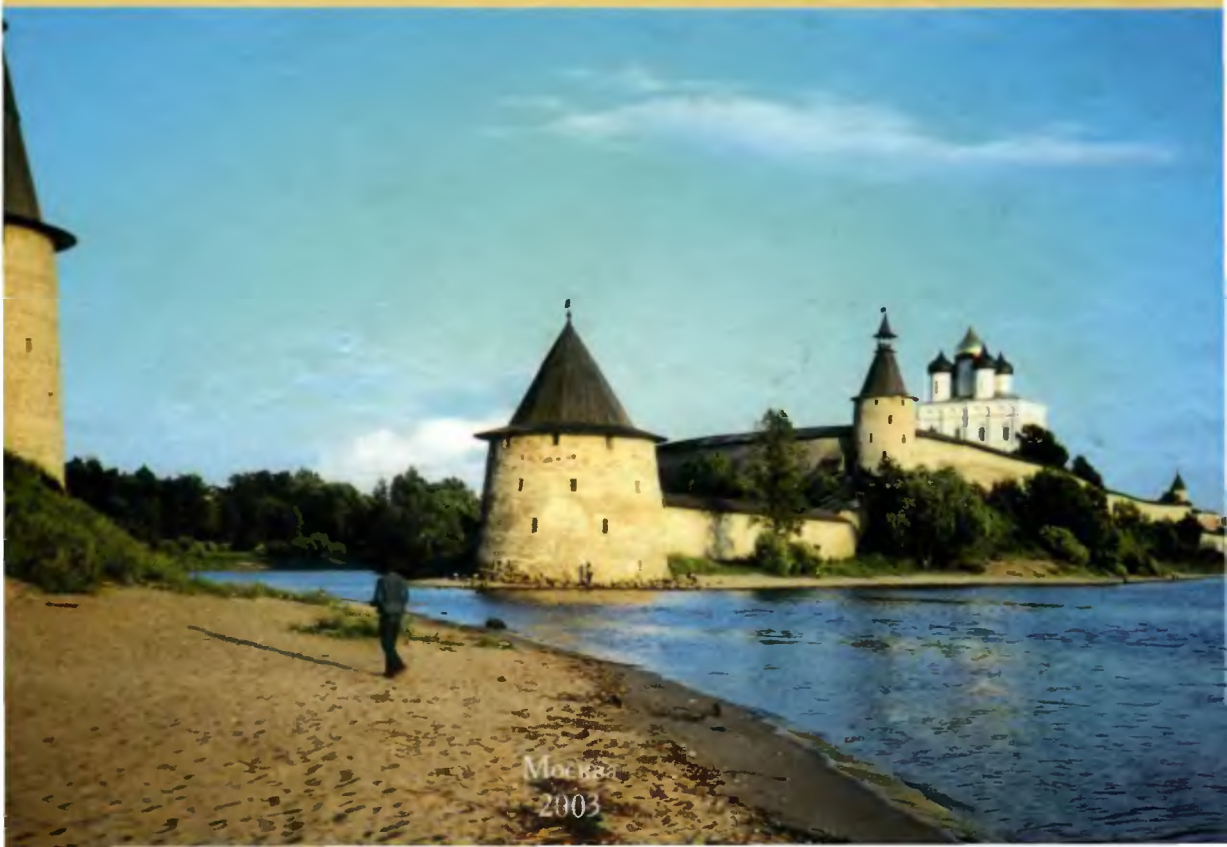
Российская академия наук
Министерство образования Российской Федерации
Администрация Псковской области

ПСКОВ В РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

(к 1100-летию летописного упоминания)

Том 2



Москва
2003

Российская академия наук
Министерство образования Российской Федерации
Администрация Псковской области

ПСКОВ В РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

(к 1100-летию первого летописного упоминания)

Том 2

Москва
2003

УДК 941/949 (470.25)
ББК 63.3
П86

Ответственный редактор *В.В. Седов*, академик РАН

Редакционная коллегия:
В.В. Седов (председатель), В.И. Грибанов, В.В. Емельянова,
В.Н. Лещиков (сопредседатели), С.А. Биговчий, Н.В. Большакова, Л.Д. Васильева,
О.К. Волочкова, В.В. Воробьев, И.Н. Ермолаев, Е.П. Иванов, И.О. Колосова,
Э.В. Королева, Л.Я. Костючук, В.И. Охотникова, З.А. Тимошенкова,
А.В. Филимонов, С.В. Щербаков

П86 Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция: В 2 т. Т. 2. Моск. гос. ун-т печати. — М.: МГУП, 2003. — 452 с.: ил.

ISBN 5-8122-0629-5(Т. 2)
ISBN 5-8122-0616-3

© Коллектив авторов, 2003
© Оформление. Московский государственный университет печати, 2003

Содержание

СЕКЦИЯ 3
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПСКОВА В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ (XVIII–XX вв.). ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 7

Иванов Е.П.
Псковский характер в контексте исторического процесса 8

Лебедев В.Б.
Образование приходского духовенства во второй половине XVIII в. на примере Псковской епархии 15

Петров С.Г.
Псковские корни 23

Маркова М.Т.
Источники по истории псковской дворянской усадьбы 29

Кузнецова О.В.
Деятель псковской культуры Н.П. Яхонтов (1764–1840) и его неизвестная ранее опера «Милет и Милета» 33

Кащенко С.Г.
Реформа 19 февраля 1861 г. в Псковской губернии. Традиционные источники и новейшие методы исследования 38

Журавлева Т.Н.
Земская публицистика 44

Истомина Э.Г.
Социокультурная среда Пскова XIX в.: Проблемы изучения 50

Боренко Г.П.
Роль исторического архитектурно-планировочного потенциала Пскова в его градостроительном развитии 56

Плоткин К.М.
Этническая история Псковского региона 66

Пихо Маре
Украшения сету XVII–XIX вв. 73

Ланцев В.В.
Архитектура крестьянской усадьбы Псковского края (конец XIX — начало XX в.) 82

Новожилов А.Г.
Динамика традиционной культуры сельского населения Псковского пограничья во второй половине XX в. (Печорский, Пыталовский, Палкинский районы) 89

Чернуха В.Г.
Псковская губерния в материалах Сельскохозяйственной комиссии 1872–1873 гг. 95

Левин Н.Ф.
Прославление псковичами святой Ольги Российской 102

Вершинина Н.Л.
А.Н. Яхонтов и Псковский край 109

Никитина Н.П.
История г. Пскова на страницах «Псковских губернских ведомостей» 117

Розов Е.К.
Земские подворные переписи крестьянских хозяйств Псковской губернии в конце XIX — начале XX в. 122

Китанина Т. М.
Псковская и Новгородская губернии в годы Первой мировой войны (на материалах Особого совещания по обороне государства август 1915 — декабрь 1917 г.) 127

Попова О.В.
Русская православная церковь в двух мировых войнах. Региональный аспект 131

Филимонов А.В.
История Пскова в исследованиях краеведов 1920–1930-х годов 139

Кононенко Т.В.
Формирование системы национального исторического туризма на примере г. Пскова 147

Силеенков В.В.
Псковщина партизанская в литературе военных лет (1941–1945) 157

Шкаровский М.В.
Псковская православная миссия и религиозное возрождение на Северо-Западе России в 1941—1944 гг. 161

Верняев И.И.
Традиционные социальные институты в колхозном строительстве на Псковщине (1930 — 1950-е годы) 175

Михайлов А.А.
Из истории военного образования в Пскове 183

СЕКЦИЯ 4
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ПСКОВСКОЙ ИСТОРИИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ 191

Герд А.С., Лебедев Г.С.
Славяне, финны, балты и скандинавы на Северо-Западе Европейской России в период русского этногенеза 192

Михайлова Л.П.
Псковские следы в лексике говоров Обонежья 198

Петрова З.М.
Из истории псковских говоров (по псковским памятникам письменности XIV–XVIII вв.) 203

Мжельская О.С., Костючук Л.Я.
Русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв. как источники сведений о жизни древнего Пскова и его обитателей (псковский торг) 207

Анна Болек
Псковские разговорники-словари в работах краковских русистов 213

Лутовинова И.С., Пецкая Т.А.
Отражение быта в речи псковских крестьян 218

Тарасова М.А., Большакова Н.В.
Судьба человека (по рассказам псковичей) 224

Ивашко Л.А., Поцепня Д.М.
Этические и эстетические оценки в речи псковичей 230

Черепанова О.А.
Цитатный фонд словаря как форма вербализации общенационального и регионального сознания (Цитатный фонд ПОС как текст) 234

Аверина С.А.
Псковские жития как лингвистический источник 239

Малышева И.А.
Псковская таможенная книга 1749 г. как лингвистический источник 245

Нечунаева Н.А
Рукописи Минеи из собрания Печорского монастыря 250

Ковалых Е.В., Сидоренская Н.Д.
Псково-Печерский монастырь как один из центров русской (псковской) письменности XVII в. 256
Дискуссия 261

СЕКЦИЯ 5
ЛИТЕРАТУРА, АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВО ПСКОВА 265

Мехнецов А.М.
Фольклорные традиции Псковской земли: содержание, место, значение в культуре восточных славян 266

Бобров А.Г.
Попытка одного отождествления (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) 270

Бурыкин А.А.
Псков в истории рукописной традиции «Слова о полку Игореве» (факты и гипотезы) 278

Лагунин И.И.
Историко-градостроительный ансамбль города Пскова. Вопросы истории, охраны и развития 284

Разумовская А.Г.
Древности Пскова в пространстве литературной памяти 305

Охотникова В.И.
Пути развития Псковской агиографии 314

Конявская Е.Л.
Повествования об Александре Михайловиче Тверском в псковских летописях 322

Усачев А.С.
Эволюция рассказа о происхождении княгини Ольги в русской книжности середины XVI в. 329

Сиренов А.В.
Архетип Степенной книги и историографическая деятельность Собакиных 335

Смирнова А.Е.
К вопросу об источниках службы Савве Крыпецкому 341

Пуцко В.Г.
Каменные иконки средневекового Пскова 347

Родникова И.С.
Образ Богоматери Чирской: к вопросу о почитании и сложении иконографического типа 356

Сорокатый В.М.
Складень «Походная церковь» начала XVI в. из московского частного собрания: К вопросу об элитарном слое искусства Пскова 372

Лифшиц Л.И.
Вновь о датировке «Варваринских икон» 374

Стець И.М
Псковские мастера в зодчестве России XVI в. ... 377

Голубева И.Б.
Псковская школа реставрации памятников архитектуры ... 385

Мокеев Г.Я.
Дом Святой Троицы православной Руси. Проблема восстановления ... 394

Новикова Н.Н.
Прибалтийское влияние в архитектуре Пскова второй половины XIX — начала XX в. ... 405

Площук Г.И.
Мотив возгорания в свадебном обряде Псковской области ... 411

Лобакова И.А.
Псковская редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» (О времени создания и принципах переработки текста источника) ... 418

Панченко О.В.
Соловецкая редакция «Повести о рязанском епископе Василии» в сборнике Псковского Древлехранилища ... 424

Федорова И. В.
Списки древнерусских «хождений» в собрании Древлехранилища Псковского музея-заповедника ... 433

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ... 440

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ... 443

СЕКЦИЯ 3

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПСКОВА В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕЕ ВРЕМЯ (XVIII - XX вв.). ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.П. Иванов

ПСКОВСКИЙ ХАРАКТЕР В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

А есть ли он — псковский характер? Есть: «Что ни город, то норов», — говорит русская пословица. Псковский характер отличается рядом специфических черт. Именно выделение их и является самым трудным в нашей теме, ибо псковский характер есть одновременно и русский характер. Выявлению специфики псковского характера мы и посвятим наше выступление.

В словаре В.И. Даля характер определяется как «нрав человека, нравственные свойства, качества его, свойства души и сердца»[1]. То же касается и народа: «Свойство целого народа, населения племени, не столько зависящее от личности каждого, сколько от условно принятого; житейские правила, привычки, обычаи»[2]. Отметим, что словосочетание «псковский народ» когда-то было распространенным. Современные словари в выделение характера включают «своеобразную особенность человека», «индивидуальный склад личности, проявляющиеся в особенностях поведения и отношения (установок) к окружающей действительности»[3]. Исследователи склонны видеть в характере личности человека «общество внутри нас, существующее в виде однозначных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний»[4]. Заметим, что в определениях характера присутствует и то, что сейчас называется менталитетом, поэтому мы рассматриваем и то, и другое, тем более что отделить их друг от друга иногда нельзя.

Мы отчетливо сознаем, что полностью раскрыть тему в одном выступлении вряд ли возможно. Наша задача скромнее — поставить проблему псковского характера и осветить некоторые его аспекты, особенно важные и интересные для современников.

В советские времена до рубежа 1980—1990-х годов проблема национального характера и менталитета в науке вообще отсутствовала. В социально-политическую задачу, ставившуюся ученым Коммунистической партией, входило «исследование» процесса создания новой исторической общности — советского народа, что предполагало поиски унифицирующих тенденций в жизни советских людей. Сама по себе эта задача исключала необходимость и даже возможность заняться, во всяком случае, открыто изучением особенностей характера населения той или иной области, края или местности. В то время как в США, например, около 40 лет существует государственный научный центр по изучению национального характера.

Сейчас, когда региональный аспект в жизни России набрал большой вес, дело коренным образом изменилось. Тщательное изучение всего, связанного с историей местного края, должно помочь решить многие вопросы. Учет особенностей взглядов, мировоззрения, черт характера жителей конкретных российских местностей просто необходим при осуществлении политики региональных органов власти и местного самоуправления.

Отличительные черты псковского характера надо искать в особенностях положения, хозяйства, обстоятельств, исторического процесса Псковской земли. Предки псковичей — это кривичи псковские, являвшиеся отдельной этнической единицей в рамках крупного племенного образования славян — кривичей. Начало их формирования восходит к середине 1-го тыс. н.э. Археологические данные свидетельствуют о том, что это была именно отдельная группа славян — кривичей

(например, длинные курганы — усыпальницы и образ захоронения, женские украшения). Причем, в этногенетический процесс здесь включились финно-язычные аборигены и балты. Территория псковских кривичей включала в себя бассейны реки Великой и Псковского озера, включая Гдовскую землю[5]. То, что псковские кривичи были особым этнографическим образованием, не вызывает сомнения у ученых. Это подтверждают и лингвистические данные. Так сложилось, что кривичи долгое время жили в относительной изоляции от других славян. Это сохранило их самобытность и язык, отличающийся архаизмами и ставший основой псковского диалекта: псковичи акали, а не окали. У них звук «х» или «хв» произносился вместо «ф», «ц» вместо «ч», предлог «в» превращался в «у», и наоборот. Нередко переставлялись целые слоги (вместо магазин — гамазея, монастырь — намастырь). В западных местностях Псковской земли заметным было влияние прибалтийских языков или белорусского[6]. По справедливому замечанию В.В. Седова этнографический ареал псковских кривичей совпадал с государственной территорией Псковской республики. Это было обычным явлением: «Псковская земля была таким же образованием, как Саксония, Бавария, Фризия или Тюрингия»[7].

Особенностью Псковской земли было ее пограничное положение. Находясь геополитически между Западной Европой и Россией, она веками была передовым рубежом в деле защиты русских земель, а с другой стороны — посредницей в многогранных русско-европейских связях. И если она избежала непосредственного нашествия монголо-татар, то западное влияние здесь было заметным (не случайно, например, у С. Герберштейна есть упоминание о том, что псковичи носят прическу с польским пробором[8]).

С давних времен, со времен великой княгини Ольги и великого князя Владимира — Крестителя, Псковская земля была одним из оплотов и форпостов православия. Основой псковского характера, впрочем, как и великорусского, были православная религиозность. И сейчас в Пскове действует 26 храмов (в Новгороде, к примеру, только 6), возрождены многие монастыри и этот процесс продолжается.

С точки зрения экономической псковичи были самодостаточны. В средние века они не только обеспечивали себя хлебом, но и вывозили его за рубеж. Процветало рыболовство и льноводство. Общеизвестно, что Псков был крупным центром ремесла и торговли. На всю Россию славились псковские строители и литейщики.

Есть и еще одно обстоятельство, ранее не отмечавшееся в научной литературе. Территория Псковской земли была не очень большой — до 350 км с севера на юг и до 150 км с запада на восток. Это способствовало централизации государственной жизни и осознанию псковичами себя единой общностью, обостренному чувству Родины. Влияние Запада (в том числе и положительное) не подавляло, а обостряло это чувство. Кроме того, отсутствие больших площадей земли делало класс бояр не столь богатым: «Боярские владения не достигли в Псковской земле таких размеров, как в Новгороде, вследствие чего не было большой разницы состояний: низшие классы не находились в такой зависимости от высших, и боярский класс не был таким замкнутым, как в Новгороде», — писал академик С.Ф. Платонов[9]. Боярская аристократия в Пскове не выродилась в олигархию и не имела здесь такой политической силы, как в Новгороде. В Пскове не было резкого сословного неравенства и хронической социальной розни по сравнению с тем же Новгородом. Не было и следов холопства, полусвободных состояний, как новгородские половники. По замечанию В.О. Ключевского, «в этом отношении Псковская область была, может быть, единственным исключением в тогдашней России»[10]. Этот великий историк сделал чрезвычайно важное для нашей темы

замечание: «В псковских нравах и заключалась нравственная сила, смягчившая действие противоречий, какие мы заметили в политическом быту Новгорода, хотя элементы их были налицо и в Пскове»[11]. Далее он говорит о том, что эти элементы не различались слишком, «сохраняли способность ко взаимному соглашению и дружному действию и тем выработали некоторый политический такт, эту нравственную силу, обнаружившуюся в настроении общества и в складном соотношении общественных классов в гуманных и благовоспитанных нравах, которые замечали в псковичах иноземные наблюдатели»[12]. Псков был централизованнее и демократичнее, а это «наряду с местными особенностями жизни, давало другое содержание истории Пскова». Добавим, что это же придавало и некоторые особенности псковскому характеру. То, что пскович был не столь политизирован, что политическое спокойствие было характерно ему, проходит через всю нашу историю. И в царское время Псков был политически благонадежен и не дал ни одного сколько-нибудь выдающегося революционера.

Все указанные выше обстоятельства, безусловно, отразились на «функционировании» псковского характера. Тут же, правда, надо отметить, что его нельзя отрывать от общерусского. В этом смысле все то, что писали русские ученые о народном характере, надо учитывать и при анализе псковского характера. Имеется в виду и В.О. Ключевский, и Н.О. Лосский, и Н.А. Бердяев и др.[13]

Изучая псковский характер, мы до сих пор не нашли непосредственных сведений о нем и вынуждены довольствоваться больше косвенными данными, сохранившимися в летописях, книгах и других средневековых источниках.

Кое-что дают свидетельства иностранцев, наблюдавших псковичей в разные века. Небольшой материал представлен в изданиях краеведов XIX в., в частности — в работах И.И. Василева. Интересные данные имеются у литераторов и лингвистов, изучавших псковские литературные памятники и занимавшихся проблемами создания «Псковского областного словаря».

Псковичи отличались любовью к свободе. Свободолюбие во многом объяснялось демократическим, республиканским строем жизни Пскова. Скромность — их отличительная черта. Как однажды заметил академик А.М. Панченко, Псков никогда «не претендовал на первенство». Не случайно, теория «Москва — Третий Рим», рожденная на Псковской земле, пальму политического и религиозного первенства отдает Москве. Псковичам не присуща заносчивость. Псков можно уважать, по словам того же А.М. Панченко, за то, «что он уступал пальму первенства суеты мирской ... порядочный человек... скромен... Вот Псков в этом смысле для меня — велик»[14]. Скромность псковича сочетается со смирением. Эта черта псковского характера проходит через века. Аполлон Григорьев назвал когда-то пушкинского Ивана Петровича Белкина русским идеалом «смирного человека». Он не знал, что этот персонаж — псковский дворянин. Недавно это убедительно доказал А.М. Панченко[15].

Не случайно среди первых руководителей Псковской области мы почти не встретим собственно псковичей. Чаще всего это выходцы из Великих Лук.

Особенно сильно у псковича проявлялся консерватизм, вообще присущий русскому человеку. Еще с давних времен предки псковичей — кривичи — сохранили свою самобытность, будучи достаточно автономными от других славянских племен, как уже отмечалось выше. Это способствовало усилению консервативных начал в характере потомков.

Пограничное положение и ряд других обстоятельств делали псковичей более настроенными к коллективизму, ибо с врагом можно успешно бороться только

сообща. Надо сказать и о том, что необходимость защищать границы воспитывала ответственность за Родину, патриотизм и обостряла чувство собственного достоинства у псковичей.

Испытывая тяготы в столкновениях с врагами, псковичи склонны были понимать и тяготы других. Не случайно они оказывали помощь соседним землям, в том числе и новгородцам, принимали у себя опальных князей. Однако стоило какому-либо князю показать себя с негативной стороны или посягнуть на псковские вольности, он тут же изгонялся. И наоборот, верность псковским обычаям, честность и порядочность, любовь к истине и правде особенно ценились в Пскове, о чем говорит тридцатитрехлетнее княжение Довмонта (1266–1299), кстати говоря, выходца из прибалтийских земель.

Не раз подчеркивалось иностранцами, прибывшими в Псков в разные века, чувство собственного достоинства псковичей. Так, немец Кихель (конец XVI в.) сетовал на то, что псковичи в обращении с иноземцами угрюмы, грубы, да еще ни перед кем не снимают шапки[16]. Действительно, псковичи вели себя подчеркнуто независимо в переговорах, что, очевидно, и не понравилось иностранцу, желавшему, но не добившемуся от горожан чего-то для себя важного. Не упустил возможность Кихель заметить и склонность псковичей к хмельному застолью. Однако не мог он не подчеркнуть расположенность их к добротной, опрятной одежде, трудолюбие, исключительную выносливость в «алчбе и жажде», умение довольствоваться малым, стойкость в бою[17] (это было очень хорошо проверено Стефаном Баторием).

Что же касается застолья с вином, то речь идет не о пьянстве. Как говорилось в одном из источников, «нельзя заключить, что крестьянин наш (псковский. — Е.И.) любит пьянство для пьянства. Он любит веселую славянскую беседу, компанию, и вино у него не цель, а средство»[18].

Псковичи были осторожны, осмотрительны и бдительны в контактах с иностранцами, предпочитая не пускать их в город. Тем не менее иноземцы подчеркивали учтивость, вежливость псковичей и в то же время твердость их в отстаивании своей точки зрения (лифляндец Шпангейм, начало XV в.)[19].

Внешнеполитические и военные обстоятельства сильно влияли на жизнь и характер псковичей. В.О. Ключевский о военной роли Пскова в истории нашей страны сказал так: «При двусмысленном и прямом враждебном отношении Новгорода, для которого Псков со своими стенами в четыре ряда служил передовым оплотом с запада и юга, эта борьба была крупной исторической заслугой не только перед Новгородом, но и перед всей русской землей тех веков. Эта же борьба в связи с ограниченным пространством области создала главные особенности политического строя и быта Пскова»[20].

Качества псковичей-воинов не раз становились предметом рассуждений врагов, пытавшихся взять Псков. Тот же Кихель, например, отмечал, что псковичи «переносят алчбу и жажду более, нежели какой другой народ», что они «против неприятелей мужественны», особенно при защите своих крепостей и городов. Об этом же свидетельствовал не кто иной, как сам Стефан Баторий в 1581–1582 гг., безуспешно пытавшийся взять Псков: «псковичи в защите своих городов не думают о жизни», «умирают от голода, но не сдаются», а «в поле же сии верные отечеству ратники» отличались «чудесным терпением, снося морозы, вьюги и ненастье под легким наметом и в шалашах сквозящих». О том же говорил и один из свидетелей другой попытки захватить город шведами в 1615 г.: «Сидят в Пскове в осаде всякие люди добре крепко и меж себя крест целовали, что битца до смерти, а города не здать»[21].

В мирской жизни псковичи, по свидетельству иноземцев, были добры, благожелательны, гостеприимны, веселы, отличались добрым юмором. Об этом есть много свидетельств в словаре-разговорнике ганзейского купца Т. Фене, хорошо изучившего псковичей (начало XVII в.). Еще раньше немецкий дипломат С. Герберштейн в «Записках и московитских делах» отмечал их «честность, искренность и простодушие», говорил о том, что они «не прибегали ни к какому многословию для обмана покупателей». В то же время С. Герберштейн заметил, что присоединение Пскова к Московскому государству отрицательно сказалось на нравственности псковичей. Потеря свободы и перевод в город москвичей, присланных сюда великим князем, сопровождались «введением» в Пскове «гораздо более порочных обычаев московитов... От этого вместо более общительных и даже утонченных обычаев псковитян почти во всех делах были введены гораздо более порочные обычаи московитов. Именно псковитяне при всяких сделках отличались такой честностью, искренностью и простодушием, что они не прибегали ни к какому многословию для обмана покупателей, а одним только словом указывали на самую вещь»[22]. Однако псковский характер выдержал это нелегкое испытание. Г. Вернадский в своем труде «История России. Россия в средние века» сделал интересное для нас замечание: «Однако влияние псковских традиций и близость города к Западу были таковы, что с течением времени манеры потомков москвичей, поселившихся в Пскове, постепенно «псковизировались». Псковский народ в конце XVI и на протяжении XVII в. являл собой свидетельство несколько иного духа, чем обычный московский. Они были более независимы по отношению к властям»[23].

Таким образом, псковичи ассимилировали москвичей, проявив при этом нравственную стойкость, независимость и свободолюбие.

Упорство, самостоятельность псковичей были замечены иностранцами. Так, например, лифляндский магистр Шпангейм во время мирных переговоров с псковичами в начале XV в. говорил, что «псковский народ» никак не возможно отвратить «от того, что он задумал». Вполне естественной была и раздражительность Шпангейма, который сетовал на странности и упрямство псковичей в ходе переговоров. Более чем через полтораста лет, в конце XVI в., другой немец — Кихель — тоже жаловался, что в обращении псковичи «угрюмы и грубы, ни перед кем не снимают шапок»[24]. Эти жалобы понятны, если учесть многовековую агрессивность немцев, направленную против Руси.

Псковский характер отразился в литературе и искусстве Пскова. Об этом прекрасно сказал в свое время академик Д.С. Лихачев, который отмечал мягкий юмор псковичей, выражавшийся в сохранившихся на полях книг сетованиях, шутках и недоумениях писцов. Это придавало «псковским рукописям характер живого и непосредственного отражения действительности, характер удивительной домашности и семейности, которая была так типична для Пскова в целом. Не случайно псковские князья, возбуждая псковичей к битве, всегда напоминали им о том, что все они близки друг другу, как товарищи и родичи: «братие, не посрамим отец своих и дедов, кто стар, тот отец, кто млад, той брат...»

Тот же характер исключительного демократизма, простоты, домашности, интимности, обыденной хозяйственной предусмотрительности носит и псковская архитектура»[25]. Далее академик говорит о сочетании силы, жизнерадостности, исключительной простоты с изощренным мастерством в псковской живописи. Умея легко воспринимать западные достижения в живописи, псковские художники «претворяли их в крепкие формы национальных традиций в своеобразном чисто псковском живописном мастерстве»[26]. Даже «удивительно живописный, мягкий и обвитой пейзаж Псковской области есть такое же создание псковичей, как и их великое

искусство»[27]. Действительно и то, что псковские храмы удивительно вписываются в этот пейзаж. Недаром псковские церкви называют «самыми изящными во всей империи» (И. Бродский). Трудно не согласиться с еще одним выводом Д.С. Лихачева: «Простота, демократизм, мужественная суровость составляют важную черту псковского искусства, придавая ему особенно национальный характер»[28]. Именно псковский характер лежал в основе этого искусства.

После присоединения прибалтийских земель к России в начале XVIII в. Псковская земля теряет не только остатки былой самостоятельности и независимости, но и пограничное положение. Изменилось ее геополитическое положение. Она превращается в глухую, аграрную российскую провинцию. Замкнутость, оторванность от бурной экономической и политической жизни, усугубленные отвратительными путями сообщения, мелкотой и разбросанностью населенных пунктов, способствовали консервации бытовых норм и характера жителей Псковской земли. Псковский характер постепенно унифицируется с общероссийским. В частности, это выразилось в усилении монархических черт сознания, что в сочетании с традиционным консерватизмом привело к особенно проявлявшейся лояльности к императорам, а в советское время — к вождям и вообще к любой власти. Так что хрестоматийный эпизод из кинофильма «Мы из Кронштадта» («мы пскопские...») имеет под собой историческую почву. Конформизм бытует на Псковской земле.

Значительное воздействие на положение и характер населения Псковской губернии оказал развивавшийся в XIX в. капитализм. В деревне и городе усиливается стяжательство, обман и т.д. В результате некоторые черты мировоззрения, нравов и характера псковичей поменялись знаками — плюс на минус, усиливались негативные признаки в их жизни. Чувство достоинства и воинственность нередко перерастало в драчливость. Наверное, не случайно появилась даже разновидность рукопашного боя под названием «скобарь». (Показательно, что авторы многосерийного фильма «Рожденные революцией» главного героя сделали псковичом: карьера его начиналась именно с умения хорошо драться во время кулачных боев). В Новгородской области до сих по ходит частушка:

Псковичи — народ потешный:
Едут с ярмарки домой,
Кто — в изорванной одежде,
Кто — с разбитой головой.

Разрушение традиционных норм крестьянской жизни в советское время привело и к деформации лучших черт псковского характера. Прозвище «скобарь» с 1930-х годов все чаще становится оскорбительным и характеризующим человека как невежественного, грубого и некультурного.

Лишь в последние годы, с возрождением исторической правды и традиций, с расширением свободы появления индивидуальности, слово «скобарь» получает вновь уважительный смысл. Дело за «малым» — восстановить лучшие черты псковского характера! Тем более что, несмотря на огромные испытания, в душе псковичей осталось много хорошего: уважение к людям, искренность, чувство товарищества, трудолюбие, доброжелательность, открытость и многое другое. Крепкая основа положительных черт псковского характера, к счастью, сохранилась.

Таким образом, псковский характер, в основе своей конечно русский, имеет ряд специфических черт. Особенно благоприятными условиями для его появления явились условия самостоятельного существования Псковской республики в XII–XV вв. Но и после присоединения к Московскому государству псковичи сумели его сохранить.

Важным рубежом, повлиявшим на изменения в псковском характере, было превращение его во внутрироссийскую губернию после присоединения Прибалти-

ки в начале XVIII в. В первую очередь это выразилось в усилении консервативности характера, закреплении в нем монархических и ряда других черт.

Следующим рубежом в развитии псковского характера стало развитие капитализма в XIX в. Он выдержал ряд тяжелых ударов. Но, в общем, уцелел. Еще более тяжелые времена для него наступили в советские времена в связи с крупными социально-политическими и экономическими изменениями, борьбой с религией. Тем не менее лучшие черты его сохранились до сих пор, что вселяет надежду на неплохое будущее псковичей. Об этом свидетельствует удивительное письмо, поступившее в редакцию одной из псковских газет из далекой Сибири. Автор его — А.Н. Аникеева, пишет, что для нее Псковская область «является каким-то светлым символом». Обе ее бабушки — выходцы из разных мест Псковской земли. В начале XX в. семьи их переехали в Сибирь (очевидно, во время столыпинской реформы) и привезли с собой туда свой псковский характер. Видела она и псковичей, переселившихся в Сибирь уже в 20–30 годах XX в.. Автор письма отмечает: «...Жители Псковской земли ... являются особыми людьми. Это самые умные, гуманные, то есть жалостливые, простые, добродушные люди. У псковских жителей и говор особый... все мужчины из Псковской области были настоящими патриотами своей Родины»[29]. Приятные, но обязывающие к ответственности нас, псковичей, слова. Нельзя же обмануть такие лестные суждения о себе.

---

[1] Даль Владимир Толковый словарь живого великорусского языка Том IV М, 1980 С 542

[2] Там же Том II М, 1979 С 558

[3] Большой энциклопедический словарь Гл ред А М Прохоров Издание второе, переработанное и дополненное М, 1999 С 1306

[4] Касьянова К О русском национальном характере М, 1994 С 26

[5] См Седов В В Псковичи//Псковская губерния 2001 № 29(49) С 13

[6] Псковская губерния Историко-географические очерки как пособие народным учителям по предмету родиноведения с картой губернии Составил И Н Васильев Псков, 1896 (далее – Васильев И Н)

[7] Седов В В Указ соч С 13

[8] Герберштейн Сигизмунд Записки о московитских делах//Россия XV-XVII вв глазами иностранцев Л,1986 С 106

[9] Платонов С Ф Собрание сочинений по русской истории СПб, 1993 С 154

[10] Ключевский В О Сочинения в девяти томах Том II М, 1988 С 89

[11] Там же С 91

[12] Там же С 91-92

[13] Ключевский В О Указ Соч Т I М, 1987 С 312-317, Лосский Н О Характер русского народа// «Посев», 1957, Бердяев Н А Душа России Л, 1990

[14] Псковский характер//Псковская правда 1997 3-4 октября С 2

[15] Панченко А М Иван Петрович Белкин, псковский помещик Псков, 2002 С 11-13

[16] Василев И И Указ соч С 92

[17] Там же

[18] Псковские хроники История края в документах и исследованиях Вып 1 Псков 2000 С 9

[19] Василев И И Указ соч С 92

[20] Ключевский В О Указ соч Т II С 87

[21] Василев И И Указ соч С 92

[22] Герберштейн Сигизмунд Указ Соч С 106

[23] Вернадский Г История России Россия в средние века Цит по «Псковские хроники История края в документах и исследованиях» Вып 3 Псков, 2002 С 4-5

[24] Василев И И Указ соч С 90

[25] Лихачев Д С Псков//Псковская правда 1994 23 ноября

[26] Там же

[27] Там же

[28] Там же

[29] «Псковский базар» 2000 6 апреля С 4

В.Б. Лебедев

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

По свидетельству современников и мнению большинства исследователей состояние духовного образования в России и соответственно уровень профессиональной подготовки служителей церкви не соответствовал сложности возложенных на духовное сословие задач. Просвещенные современники смотрели на духовных лиц как на «представителей невежества и суеверия» и, гордясь своей причастностью к новейшей западной философии, избегали общения с «защитниками рутины»[1]. По свидетельству английского путешественника Уильяма Кокса, значительная часть приходских священников была просто не в состоянии прочесть Евангелие, отчего они «служили и говорили проповеди на память»[2]. Псковский архиерей Иннокентий (Нечаев) отмечал, что часть его подчиненных, совершая тайны, не понимает их значения. «Как слепой может показать прямой путь другому: как сам незнающий может научить иного...», — обрушивается он на необразованных пастырей[3].

Одной из главных причин необразованности духовенства исследователи и современники полагали неудовлетворительное состояние духовных учебных заведений в России. Инструкция Комиссии церковных имений 1762 г. отметила следующие проблемы в системе духовного образования:

1. Бедное содержание архиерейских семинарий.
2. Незначительное количество обучающихся в них «достойных и надежных» семинаристов.
3. Недостаточный уровень подготовки учителей латинского и греческого языка.
4. Отсутствие в программе обучения «философских и нравоучительных» наук, церковной и гражданской истории, географии.
5. Принудительный порядок набора в семинарию.

Ряд недостатков в системе духовного образования, вытекающих из вышеназванных проблем, отмечали и историки церкви. Среди них «жалкое, даже нищенское» содержание учеников, особенно находящихся на своем коште, а также невысокий уровень оплаты семинарских преподавателей, что приводило к отсутствию должного количества подготовленных преподавателей, вынужденному совмещению одним учителем 2–3 должностей[4]. Крайне низко оценивал уровень подготовки семинарских преподавателей Н.М. Никольский[5] и А.В. Карташев[6].

В царствования Екатерины II и Павла I государственная власть не раз предпринимала попытки поднять уровень духовного образования. Во-первых, во второй половине XVIII в. дважды увеличивалась сумма, ежегодно выделяемая из казны на содержание духовных школ. В 1763 г. она составляла 40000 рублей, в 1784 году повысилась до 77500 рублей, в 1797 г. Павел I увеличил ее до 142000, а в 1800 г. довел до 181931 рубля. Изменилось и место данной статьи расходов в рамках общей суммы штатных расходов казны на духовное ведомство. Если в начале царствования Екатерины II доля расходов на образование духовенства составляла менее 9%, то к концу века достигла почти 19% от всей суммы государственных расходов на нужды церкви[7]. В годы царствования Павла I, даже учитывая возросшее число духовных учебных заведений в стране можно говорить об увеличении денежной суммы, получаемой на содержание каждой семинарией ми-

нимум на 1/3. Так, согласно «Росписи сумм, назначаемых в прибавку на содержание духовных училищ и на другие расходы до духовного чина относящиеся» от декабря 1797 г. Псковская семинария стала получать годовое содержание в 3500 рублей, что было на 1500 рублей больше получаемой ранее суммы[8].

Несмотря на увеличение расходов, связанных с содержанием семинарии, практически не изменились качественные и количественные характеристики их преподавательского состава. В 1789 г. преподавательский состав псковской семинарии, помимо ректора и префекта, насчитывал всего четыре человека.

Таблица 1

Преподаватели Псковской духовной семинарии в 1789 г.

Преподаватель	Класс, преподаваемые предметы	Образование	Общий стаж преподавания	Возраст
			в годах	
Николай Плюшевский	Риторика, поэзия, немецкий язык, история.	Псковская семинария, Троицкая семинария	4	25
Михаил Меншиков	Высший грамматический класс, география	Псковская семинария	5	26
Варфоломей Белявский	Низший грамматический класс и арифметика	Псковская семинария, Петербургская Учительская семинария	6	28
Федор Быстрицкий	Информатория, сиротская школа	Псковская семинария	4	24

Источник: Ведомость об учителях и учениках духовных учебных заведений. — РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Ед. хр. 417. Лл. 486об-470.

Таблица 2

Преподаватели Псковской духовной семинарии в 1793 г.

Преподаватель	Класс, преподаваемые предметы	Образование	Общий стаж преподавания	Возраст
			в годах	
Стефан Попов	Философия, немецкий язык	Псковская семинария, Александро-Невская семинария	3	25
Григорий Перстинский	Риторика, поэзия	Псковская семинария, Александро-Невская семинария	2	24
Федор Быстрицкий	Высший грамматический класс, география и история	Псковская семинария	8	27
Ефим Колобов	Низший грамматический класс и арифметика	Псковская семинария	3	25
Борис Лавров	Информатория, сиротская школа	Псковская семинария	1	22

Источник: Ведомость псковской семинарии за 1793 год. — РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Ед. хр. 571. Лл. 2об-4.

Обращает на себя внимание тот факт, что все преподаватели — бельцы — молоды и не женаты. Все они приступили к преподавательской работе сразу по окончании собственного обучения. Обучение будущих преподавателей в лучших учебных заведениях страны носило явно целевой характер. Прохождение подго-

товки в этих учебных заведениях позволяло бельцам занимать преподавательские должности, требующие достаточно высокого уровня подготовки сразу по окончании учебы. Преподавательский состав постоянно обновлялся. Учителя переходили вместе с семинаристами в новый класс и преподавали им новые предметы. Отсутствие специализации в преподавании весьма сложных предметов и непродолжительность срока работы в семинарии не давали возможности создать в епархии коллектив учителей-профессионалов, способных постоянно совершенствовать методику преподавания и собственные знания в рамках преподаваемой дисциплины. Отток преподавательских кадров из семинарии был связан, прежде всего, с уровнем материального обеспечения учителей, причем в Псковской семинарии он был одним из самых высоких по стране. Учитель информатории получал в 1785–1799 гг. годового жалования 50 рублей, низшего грамматического класса — 80 рублей, высшего грамматического — 100 рублей, риторики — 120 рублей[9]. П.В. Знаменский полагал, что семинарским учителям выгоднее было принять приход или уйти в монастырь[10]. Распространенная в епархии практика в целом подтверждает данный вывод: бывшие семинарские учителя занимали священнические места в самых престижных церквах Пскова. Таким образом, приходящие в семинарию учителя изначально рассматривали преподавательскую деятельность как временное занятие, позволяющее достаточно быстро достигнуть более высокого положения в епархии.

Сложившаяся в семинарии традиция оставлять преподавание богословия и философии за настоятелями крупных монастырей объясняется как скудным материальным обеспечением духовного образования, так и общей закономерностью продвижения по лестнице церковной иерархии С одной стороны, префект и ректор, будучи монахами, за свою педагогическую деятельность получали с 1785 г. соответственно 100 и 150 рублей, в качестве прибавки к штатному содержанию, то есть немногим больше начинающих учителей[11]. Кроме того, высокий статус преподавателей-настоятелей должен был внушать семинаристам и большее уважение к изучаемому предмету. Осуществление преподавательской деятельности начальствующими монахами имело один, но весьма существенный недостаток — преподавание не являлось их главным занятием. Помимо преподавания они должны были выполнять административные функции как начальствующие лица в собственных обителях, в семинарии, а зачастую и в духовной консистории.

Число учащихся семинарии постоянно росло (в 1790 г. — 177 человек, в 1797 г. — 194), но главным образом за счет учащихся низших классов. Количество же студентов в классах богословия и философии увеличилось незначительно. В 1790 и 1797 годах их насчитывалось 11 человек в возрасте от 20 до 24 лет[12]. То есть ежегодно семинарии могла выпускать 3–4 кандидатов на священнические и дьяконские места, имеющих полное семинарское образование.

Как видно из табл. 3, священники, имевшие богословское или философское образование, составляли 13% от общего числа священников епархии. Главной причиной столь небольшого числа закончивших последние классы семинарии является не дороговизна обучения в губернском городе, не сложность курса, а отсутствие для епархии реальной потребности в численном увеличении этой категории приходского духовенства. 58 священников достаточно было для замещения таких важных для функционирования системы управления епархией должностей, как члены духовных правлений и присутствующие члены консистории, благочинные, десятоначальники, депутаты, преподаватели. Эти же священнослужители занимали места настоятелей городских соборов и церквей, посещаемых наиболее образованными прихожанами из числа дворян, купцов и мещан. Например, в Пскове такими храмами были церкви Успения с Пароменья и Климента с Запско-

вья. В конце века все священники, служившие в них, имели богословское образование[13].

У большинства представителей белого духовенства во второй половине XVIII в. отсутствовала внешняя мотивация к получению полного семинарского образования, поскольку епархиальное начальство в условиях действия принципа наследования приходов членами одной семьи не имело реальной возможности предоставлять приходы только окончившим семинарию.

Таблица 3

Количество священников, имеющих семинарское образование (конец 80— начало 90-х годов XVIII в.)

Уезд	Священников						
	Учившихся в высших классах семинарии		Учившихся в низших классах семинарии		Не получивших семинарского образования		Всего
	число	%	число	%	число	%	
Новоржевский	1	2.00	7	15.00	38	83.00	46
Островский	4	12.00	17	50.00	13	38.00	34
Порховский	9	15.00	6	10.00	44	75.00	59
Холмский	1	2.00	4	6.00	60	92.00	65
Великолукский	1	2.00	2	4.00	49	94.00	52
Торопецкий	1	3.00	6	14.00	35	83.00	42
Опочецкий	1	4.00	12	46.00	13	50.00	26
Печорский	6	23.00	12	46.00	8	31.00	26
Псковский	5	13.00	17	46.00	15	41.00	37
Итого в уездах	29	7,50	83	21,50	275	71.00	387
г. Псков	12	37,50	11	34.00	9	28.00	32
В уездных городах	17	50.00	9	26,50	8	23,00	34
Во всех городах	29	44.00	20	30.00	17	26.00	66
Всего	*58*	*13.00*	*103*	*23.00*	*292*	*64.00*	*453*

Источники: Клировые ведомости — ГАПО. Ф.39. Оп.1. Ед. хр. 479. Лл.51об-120; Ед.хр.735. Лл.1об-69; Ед.хр.734. Лл.7об-8; Ед.хр.418. Лл. 2об-112, 122об-237; Ед.хр.1253. Лл.1об-89; Ед. хр. 1035. Лл.1об-2: Ед.хр.667. Лл.1об-51; Ед. хр.1082. Лл. 1об-169; Ед.хр.927. Лл. 2об-116.

Экзамены, которые сдавали претенденты на священно- или церковно-служительское место, были значительно проще, чем требования программы обучения в семинарии. В Псковской епархии кандидаты на священническое место освидетельствовались членами консистории в умении читать по книгам. Если экзамен был выдержан успешно, архиерей экзаменовал претендента в знании катехизиса[14]. От причетников экзаменаторы требовали умения читать по книгам и петь по нотам. Однако епархиальное начальство вынуждено было предоставлять причетнические места и плохо обученным кандидатам, давая им возможность доучиться уже после вступления в должность[15]. В формулярах клировых ведомостей дьяконам и священникам требовалось указать степень их умения читать книги и поучения, причетникам — умение читать и петь по нотам. Из данных клировых ведомостей видно, что священнослужитель, не отвечавший этим требованиям, был редкостью (8 священников и 11 дьяконов). Причем большая их часть была неспособна к

чтению из-за старческой слепоты или «дробливости» языка. В то же время большая часть причетников не отвечала тем минимальным требованиям, которые епархиальное начальство предъявляло к уровню их профессиональной подготовки.

Таблица 4

Уровень профессиональной подготовки причетников в Псковской епархии в 80— 90-х годах XVIII в.

Уезд	Степень подготовки причетников				Всего причетников
	Хорошая	Посредственная	Посредственная по состоянию здоровья	Продолжают обучание	
Новоржевский	52	29	—	3	84
Островский	8	61	—	2	71
Порховский	11	103	—	3	117
Холмский	18	101	—	2	121
Великолукский	10	91	—	3	104
Торопецкий	23	67	—	2	92
Опочецкий	8	35	—	—	43
Печорский	13	44	1	—	58
Псковский	20	47	—	6	73
итого в уездах	163	578	1	21	763
г. Псков	20	26	2	6	54
В уездных городах	28	34	2	1	65
Всего в городах	48	60	4	7	119
Всего в епархии	211	638	5	28	882

Источники: Клировые ведомости — ГАПО. Ф.39. Оп.1. Ед. хр. 479. Лл.51об-120; Ед.хр.735. Лл.1об-69; Ед.хр.734. Лл.7об-8; Ед.хр.418. Лл. 2об-112, 122об-237; Ед.хр.1253. Лл.1об-89; Ед. хр. 1035. Лл.1об-2: Ед.хр.667. Лл.1об-51; Ед. хр.1082. Лл. 1об-169; Ед.хр. 927. Лл. 2об-116.

Большинство причетников либо умело петь только «наслышкою», либо даже на слух пело неудовлетворительно. Некоторые причетники и в зрелые годы испытывали проблемы с чтением. Епархиальное начальство вынуждено было мириться с таким положением дел, не имея возможности заменить плохо подготовленных служителей церкви более образованными.

Получить семинарское образование имели возможность главным образом дети городского духовенства и выходцы из расположенных близ Пскова уездов. Поэтому вновь учрежденные духовные гимназии появились именно на южных границах епархии в Великих Луках (при Троицком монастыре), Торопце и Невеле. В Пскове при семинарии была открыта сиротская школа[16].

Иннокентий (Нечаев), таким образом, частично претворил в жизнь нереализованный план преобразования духовных школ, в составлении которого ранее принимал живейшее участие. Само название «гимназия» было заимствовано им из этого проекта. По плану преобразования гимназиями предполагалось назвать созданные при монастырях каждой епархии школы начальной грамотности для детей различных сословий[17]. В результате псковскому архиерею удалось открыть такое же количество духовных школ, какое предлагалось планом. Они, как и предполагалось, разместились в основном в монастырях, но, в отличие от проекта, носили исключительно сословный характер.

Их структуру и деятельность можно рассмотреть на примере открытой в 1779 г. на территории Полоцкой губернии Невельской духовной гимназии. Город Невель был выбран в силу того, что именно вокруг него и сосредоточились 24 православные церкви губернии. В 1788–1793 гг. гимназия находилась в Полоцке, но ввиду неудобства такого ее расположения для местного православного духовенства была переведена обратно. Количество своекоштных учащихся никак не ограничивалось, казенно-коштных без особого определения консистории не могло быть более десяти. На их содержание отпускалось по десять рублей на человека в год. Обучение в гимназии состояло из двух частей. В «первой школе» учили читать и писать на русском и польском языках, а также петь по нотам. Во «второй школе» преподавали латынь, катехизис и арифметику. То есть курс «первой школы» гимназии соответствовал 1–2 классам семинарии, а «второй школы» — 3–4 классам[18].

Благодаря открывшимся гимназиям дети духовенства из Невельского, Великолукского, Торопецкого и Холмского уездов имели возможность получать образование, равное первым четырем классам семинарии, невдалеке от дома. Однако священнослужители из Порховского уезда и прибалтийских губерний, желающие дать детям систематическое образование, были вынуждены идти на значительные расходы, отправляя их учиться в Псков. Кроме того, далеко не все служители церкви, проживавшие близ гимназий, отдавали в них своих детей. Многие предпочитали обучать сыновей дома, по богослужебным книгам, что так же нашло отражение в клировых ведомостях рассматриваемого периода. В 1797 г. в семинарии и гимназиях епархии числилось одновременно 258 учеников, в то время как общее число детей, достигших учебного возраста и еще не занимающих церковно-служительских мест, превышало 500 человек[19].

Таблица 5

Число учащихся в гимназиях в 90-ые гг. XVIII в.

Год	Гимназии		
	Великолукская	Торопецкая	Невельская
1793	29	43	13
1797	25	39	—

Источники: Ведомости об учителях и учениках духовных учебных заведений — РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Ед. хр. 571. Лл. 17об-20об; Оп. 78 Ед. хр.989. Лл. 548об-551об.

Примечание: [а] в составе Могилевской епархии.

Несмотря на существовавшую преемственность духовного образования в гимназиях и семинарии в единую систему они так и не были объединены. Руководство деятельностью гимназий осуществлялось не семинарским начальством, а епархиальными органами администрации, в основном духовными правлениями. Перед ними же гимназии отчитывались в своей деятельности, посылая в семинарию лишь отчеты о расходовании выделенных семинарских средств и ведомости об учениках[20]. Сложившаяся в Псковской епархии система гимназий оказалась непрочной в силу отсутствия серьезной материальной поддержки их существования. Деньги на нужды Торопецкой, Великолукской, Холмской гимназий и сиротской школы выделялись из суммы, отпускаемой на содержание Невельской гимназии. Поэтому после отхода Невельской гимназии к Могилевской епархии, прочие были закрыты, а сиротская школа соединилась с Псковской семинарией[21].

Отсутствие у служителей церкви желания, либо возможности дать детям полное семинарское образование, соединенное с отсутствием у епархиального началь-

ства необходимости и возможности заставить всех сыновей священнослужителей и причетников обучаться в семинарии и гимназиях, дало, по крайней мере, один положительный эффект. В семинарии учились в основном те, кто по своим умственным способностям был в состоянии усваивать довольно сложную учебную программу. Разумеется, пребывание в стенах духовного учебного заведения еще не гарантировало получение нужного священнослужителю объема знаний. Всегда был, хоть и незначительный, процент семинаристов, малоспособных к учению.

Таблица 6

Успеваемость учащихся Псковской семинарии в 1790 г.

Класс	Оценка успеваемости учащихся			Переведены в другие учебные заведения	Всего учащихся
	Отлично	Справляются	Неудовлетворительно		
Богословия	3	7	—	1	11
Философии	5	10	1	2	18
Риторики	5	17	3	3	28
Высший грамматический	4	16	7	—	27
Низший грамматический	6	17	10	—	33
Писарская школа	1	32	7	—	40
Итого	24	99	28	6	157

Историчник: Ведомость об учителях и учениках духовных учебных заведений за 1790 г. — РГИА. Ф. 796 Оп. 71 Ед.хр. 417 Лл. 472–481.

Желающих поступить на учебу было больше, чем мест в духовных учебных заведениях. Епархиальное начальство некоторых епархий было вынуждено набирать учеников в семинарию исходя из финансового положения их родителей. Так, в Воронежской епархии обязательным считалось обучение только детей священников и городских причетников, а в Костромской зачисляли в семинаристы только детей священников из приходов не менее чем со 100 дворами[22]. История духовного образования в Псковской епархии также знает примеры отказа епархиального начальства обучать церковнослужительских детей, но эти отказы связаны с просьбами взять семинариста на казенный кошт. Так, резолюцией архиепископа было отказано дьячку Перновской церкви. Отцу было предписано обучать своего сына дома чтению и нотному пению, а потом просить его определения в церковнослужители[23].

С другой стороны, епархиальные власти не могли не заботиться об обязательном обучении той категории детей, которые с большой долей вероятности должны были занять места своих отцов — диаконов и священников. Если те пытались под предлогом болезни уклониться от учебы, то факт наличия серьезного заболевания проверялся в Консистории[24]. Имущая часть духовенства, особенно в отдаленных от Пскова уездах, полагая и так обеспечить своим детям приход, была по меньшей мере не активна в вопросах получения ими духовного образования. В 1795 г. великолукское духовное правление даже вынуждено было рапортовать в Консисторию о неявке в гимназию после «рождественских вакаций» 11 учеников (около половины всех учащихся гимназии)[25].

На примере Псковской епархии можно видеть, что политика государства и церковных иерархов в отношении духовного образования была в целом прогрес-

сивной и начала приносить некоторые положительные результаты. Но усилия светских и духовных властей в этом отношении оказались недостаточными. Во многом это связано с материальной необеспеченностью значительной части приходского духовенства, которое имело стимул давать своим детям семинарское образование, чтобы обеспечить их будущее, но не имело к этому средств. Не в меньшей степени это объясняется и желанием государства проводить реформу духовного образования без больших финансовых затрат со стороны казны. К концу века для православной церкви не назрела еще жизненная потребность «образовываться», так как сам низкий уровень образования паствы позволял церкви обходиться небольшим числом ученого духовенства, воспроизводство которого система духовного образования без труда обеспечивала.

---

[1] Трегубов С.И. Религиозный быт русских и состояние духовенства в XVIII веке по мемуарам иностранцев. Киев, 1884. С.166

[2] Записки Уильяма Кокса: путешествие его в Россию в 1778 г.: Пер. с англ.//Русская старина Т.19. 1877.С. 46-47.

[3] Иннокентий (Нечаев). Наставления от архипастыря священнику. СПб., 1795. С. 1-2.

[4] Добросклонский А. Руководство по истории русской церкви. Выпуск четвертый. (Синодальный период 1700-1890 гг.). М.,1893. С. 205-206.

[5] Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1988. С.230.

[6] Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1997. Т.2. С.551.

[7] Карташев А.В. Указ. соч... С. 550, 554-555. Добросклонский А. Указ. соч. С.207.

[8] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Царствование государя императора Павла Перваго. 6 ноября 1796 г. — 11 марта 1801 г. Петроград, 1915. № 161. С. 139.

[9] Князев А.С. Очерки истории Псковской семинарии от начала до преобразования ее по проекту устава 1814 г. М.,1866 С. 67-68; Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001. С. 655.

[10] Знаменский П.В Указ. соч. С. 660.

[11] РГИА. Ф. 796 Оп. 71. Ед.хр. 417. Лл. 472-482; Оп. 78. Ед. хр. 984. Лл. 537-548, 552-552 об.

[12] ПГОИАХМЗ. Фонд Псковской духовной Консистории. Ед.хр. 325/49. Лл. 19об-20, 45об-46

[13] Розанов Н. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721-1821) Ч. 3. Кн.1. М., 1870. С. 56.

[14] ГАПО Ф. 39. Оп. 1. Ед.хр. 171 Л.18 об.

[15] ГАПО Ф. 39. Оп. 1. Ед.хр. 171 Л.35 об.

[16] Знаменский П.В Указ. соч. С. 510.

[17] Карташев А.В. Указ. соч. С. 550.

[18] Горючко П.С. Материалы для истории Невельской духовной гимназии.1780-1809 гг. Витебск, 1901. С. 1–10.

[19] ГАПО. Ф.39 Оп.1 Ед. хр. 479. Лл. 51об-120; 735. Лл. 1об-69. Ед.хр. 734 Лл. 7об-8. Ед.хр. 418 Лл. 2об-112, 122об-237. Ед.хр.1253. Лл.1об-89. Ед. хр. 1035. Лл.1об-2. Ед.хр. 667 Лл. 1об-51. Ед. хр. 1082. Лл. 1об-169. Ед.хр. 927. Лл. 2об-116.

[20] Знаменский П.В Указ. соч. С .535.

[21] Там же. С.510.

[22] Там же. С. 564.

[23] ГАПО. Ф.39 Оп.1. Ед.хр. 171. Л.47.

[24] ГАПО. Ф.39 Оп.1. Ед.хр. 171. Л.47а.

С. Г. Петров

ПСКОВСКИЕ КОРНИ

«К какой-то мрачной тайне»

Анна Ахматова подарила ему — «гусарскому мальчику, с простреленным виском» (М.Кузмин) — бессмертие, пускай и не литературное, а скорей всего, окололитературное. Возможно, скандально литературное, но все-таки — бессмертие!

В первый раз она вспомнила «корнета со стихами и с бессмысленной смертью в груди» (А. Ахматова) спустя два месяца после его самоубийства — в июне 1913: «Иль того ты видишь у своих колен, кто для белой смерти твой покинул плен?»

Спустя восемь лет — в 1921 г. — без названия («Пророчишь, горькая, и руки уронила....»): «Как лунные глаза светлы, и напряженно. Далеко видящий остановился взор. То мертвому ли сладостный укор...»

А потом Всеволод Князев стал действующим лицом «Поэмы без героя». Не уверен, что прав В. Виленкин: «Героем поэмы Всеволод Князев не стал, как не стали ее героями и другие действующие лица ее сюжета». Кажется, это противоречит утверждению самой Ахматовой. На вопрос: «Кто герой?» — «Я ответила: «Там их трое. Главный был наряжен верстою. А другой как демон одет. Чтоб они столетьям достались, их стихи за них постарались. Третий прожил лишь двадцать лет. И мне жалко его». (...) Третий, конечно, Князев. Литература на тему «Князев, М.Кузмин, О.Судейкина-Глебова и отражение их отношений в «Поэме без героя» велика, и нет никакой нужды ее пересказывать. Напомним лишь пунктирно факты его биографии. Всеволод Гаврилович Князев родился 25 января 1891 г. в Петербурге, застрелился 5 апреля 1913 г. в Риге (похоронен на Смоленском кладбище Петербурга). Учился в Тверском кавалерийском училище, после чего вступил вольноопределяющимся в 16 гусарский Иркутский полк, расквартированный в Риге.

В 1910 г. познакомился с поэтом Михаилом Кузминым (об их взаимоотношениях существует довольно обширная литература), посвятившим Князеву цикл стихотворений «Осенний май». Тогда же с помощью Кузмина в «Новом журнале для всех» было опубликовано стихотворение юного гусара «Мне мнится...». Кроме этого, при жизни Всеволода было напечатано еще одно его стихотворение — «Когда она говорит — исцеляются раны....» (Новая жизнь, 1911, № 4).

Бывая наездами в Петербурге, Князев вошел в круг «апполонцев», был знаком с Н.С.Гумилевым и А.Ахматовой, посещал литературно-артистическое кафе «Бродячая собака».

Летом 1912 г. познакомился с актрисой Ольгой Глебовой-Судейкиной, и большая часть его последующих поэтических посланий обращена к ней. Причинами самоубийства Князева могли быть и ссора с Кузминым, и сложные, мучительные, драматические отношения с Глебовой-Судейкиной[1].

Отец Всеволода Гавриил Михайлович издал со своим предисловием всю сохранившуюся поэзию сына («Стихи. Посмертное издание». СПб., 1914), отмеченную влиянием А.Блока, М.Кузмина, но проникнутую «свежестью и искренностью юношеского чувства»[2].

Невозможно, считает В. Виленкин, согласиться с академиком В. Жирмунским, когда в своей превосходной статье «Анна Ахматова и Александр Блок» он говорит о Князеве всего лишь как об авторе «довольно посредственных стихов»[3]. Сочини-

теля посредственных, заурядных, лишенных таланта стихов Ахматова не назвала бы поэтом, хотя путь его только еще начинался. Не сказала бы: «Сколько гибелей шло к поэту...», вспоминая «мгновенья последние» Всеволода Князева, застрелившегося «на пороге» своей «Коломбины» (он покончил с собой у дверей квартиры О.Глебовой-Судейской). Если бы она отказывала ему в таланте, она не выбрала бы его строк для эпиграфа (глава четвертая, часть первая «Поэма без героя»):

«Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты».

Обошлась бы без прямых цитат из его стихов в самом тексте поэмы («поцелуйные плечи», «палевый локон» — это Всеволод Князев, потому и взято в кавычки)[4].

Удивительно, что «гусарский мальчик» предчувствовал финал своей жизненной драмы:

Я иду к какой-то мрачной тайне,
Я не знаю сам — куда иду...
Счастье все случайней и случайней,
Песни все бледнее и печальней,
И чего-то я напрасно жду...
Жду и жду, и сам, чего, не знаю,
То ловлю далекую звезду,
То горю, горю и не сгораю,
То люблю, то с злобой проклинаю,
И куда-то все иду, иду...

Он ушел, но вопросы остались: кто его отец, где корни его семьи? Ответы на них, Бог ведает, могут — нельзя и этого исключить — понять лучше юного поэта, людей той эпохи...

Запомним его таким

«Еще одна смерть в ряду целого ряда умирающих представителей русской интеллигенции, и все на той же почве ослабленного организма, сдающего при первом заболевании. Гавриил Михайлович Князев прохворал только два дня: ему было всего 60 лет», — писал известный литературовед профессор Ф.Д.Батюшков в некрологе, посвященном памяти ученого[5]. «Он мог бы еще много поработать и оставил незаконченными несколько предпринятых им трудов. Один из главных — это редактирование сочинений Ломоносова в издании Академии наук. Двести лет оставались неразобранными и даже непрочитанными некоторые из латинских статей Ломоносова, сохранившихся в черновых рукописях. Теперь, когда часть их была напечатана (вышло 3 тома), благодаря стараниям Князева, то оказалось (не забудем, данные слова были написаны в 1919 г. — С.П.), что до сих пор не знали о многих открытиях Ломоносова, опередившего ими западных ученых на 40–50 лет. Для Князева работа над текстом Ломоносова, помимо трудностей дешифрования крайне неразборчивого почерка, сопряжена была с побочной работой ознакомления с чуждыми ему как филологу отраслями естественных наук. Но он вдохновился примером разносторонности гения самого Ломоносова, которого прекрасно охарактеризовал в статье «Ломоносов: природа его гения» (1915 год)»[6]. Добавим, что в 1934 г. были опубликованы 6 и 7 тома сочинений М.В.Ломоносова, одним из редакторов которых являлся Князев[7].

... В середине XIX в. имя священника Михаила Князева было известно многим. Настоятель Петропавловского собора в Пскове занимался также статистикой, писал труды по истории. Недаром его избрали членом Вольного экономического

общества. В семье этого необычного человека и появился на свет 10(22) сентября 1858 г. его сын Гавриил[8]. После учебы в Псковской гимназии юноша в 1881 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. На всю жизнь запомнил он лекции В.И.Ламанского, выдающегося ученого-слависта. Спустя годы Князев любил называть себя учеником Владимира Ивановича, а после кончины последнего издал книгу Ламанского «Три мира азиатско-европейского материка» со своим предисловием (Петроград, 1916). Также опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения (1916 год, № 9–12) весьма содержательную статью «Славянский «восточный вопрос» в определении В.И.Ламанского»[9].

Вдохновленный учителем и сам Гавриил Михайлович много занимается историей и культурой славянства. Его первая печатная работа посвящена творчеству средневекового хорватского поэта Н. Ветрановича-Чавчича. Отмечая гражданские мотивы в лирике Ветрановича, исследователь с особым чувством относится к стихотворениям, содержащим сетования на рознь христианских народов, особенно славян, призывающих братские народы к объединению усилий в борьбе с османами[10].

Не станем скрывать, что нашему земляку ближе всего была традиция старого славянофильства, последним поборником которого, кстати, считался В.И.Ламанский. Естественно, что Князев много писал также о взглядах братьев Киреевских, Константина Аксакова, А.С.Хомякова[11].

Как замечает профессор Батюшков, «все эти статьи, с присоединением новых, еще не написанных, должны были выйти отдельной книгой, над составлением которой Князев работал в последние годы. Около половины ее уже напечатано в листах, но события последнего времени (имеется в виду октябрь 1917 г. — С.П.) вынудили приостановить издание. Богатый материал, собранный и любовно разработанный Князевым, представляет ценный вклад в историю славянофильства и можно только пожелать, чтобы этот труд, при лучших обстоятельствах, все же появился. Те статьи, которые уже были напечатаны в виде отдельных глав, ныне переработанные и восполненные автором, достаточно свидетельствуют о качестве работы»[12]. Лучшие обстоятельства так и не наступили, архив псковича в годы гражданской войны был потерян — и до него ли было в голодном и холодном Петрограде?[13] Если от истощения умер в ту пору гениальный ученый Алексей Шахматов!

Впрочем, вернемся в 1881 год. Выпускник университета Г.М.Князев понимает: занятия славистикой — это дело для души, но надо было добывать средства и на жизнь. Что ж, Гавриил Михайлович был талантливой натурой и сумел проявить различные свои качества в разных отраслях научно-литературной и педагогической деятельности. В течение почти сорока лет он непрерывно вел занятия по русскому языку и литературе с воспитанниками 1-го Петербургского реального училища, а в столичном театральном училище читал курс эстетики[14]. Для студентов балетного отделения Князев создал новый предмет — «эстетику балета», который раньше ни в России, ни за границей не преподавали. В связи с этим им был напечатан в 1912 г. труд «Основания эстетики в приложении к балетному искусству»[15]. Книга, как характеризовали ее современники, «написана общедоступным языком с расчетом на малоподготовленного читателя. Содержание курса требовало бы более капитальной разработки, но и то, что сделал Гавриил Михайлович, заслуживает внимания»[16].

Помимо общих теоретических сведений по эстетике, Князев обладал музыкальными способностями, изучал теорию музыки, и именно понимание сущности и свойств музыкального ритма дало ему возможность овладеть нервом балетного

искусства, которое все основано на музыке и пластике. То же качество к применению к поэзии привело его к изданию рукописей барона Д.Г. Гизбурга, автора оригинальной теории о ритме в стихосложении. Исследователь предпослал прекрасно выполненному изданию обязательное введение («О русском стихосложении. Опыт исследования ритмического строя стихотворений Лермонтова» (1915 г.))[17].

В связи с занятиями в реальном училище им напечатан ряд статей в журнале «Русская школа» под общим заглавием «Современные вопросы преподавания русского языка и словесности в русской школе» (1901 г.)[18]. Для юношества им составлен научный очерк о литературной деятельности А.П.Чехова (1911 г.). Не потеряла значения его рецензия, весьма, между прочим, обстоятельная, на собрание сочинений А.Н.Островского под редакцией М.И.Писарева (Журнал Министерства народного просвещения за 1905 г.)[19].

В памяти современников Г.М.Князев остался как педагог-энтузиаст, как способный ученый-исследователь, как скромный человек, готовый всегда придти на помощь. Короче, как настоящий русский интеллигент. Запомним и мы его таким.

Родом из Слауя

Дед Всеволода — Михаил Сергеевич Князев — появился на свет в семье дьякона Троицкой церкви Великолукского уезда 6 ноября 1819 г.[20] С 1 сентября 1837 по 13 июля 1843 г. молодой великолучанин обучался в Псковской духовной семинарии богословским, философским, филологическим, историческим и физико-математическим наукам, а также латинскому, греческому и немецкому языкам. Окончил это учебное заведение по первому разряду[21]. Сразу же получил назначение учителем латинского языка в низшее отделение Псковского духовного училища, но, не вступив в должность, по распоряжению начальства, отправлен был в Горыгорецкую школу высшего разряда (Белоруссия), где продолжился курс изучения наук, какие изучал в семинарии, сверх этого — право, химию, сельское хозяйство, архитектуру, геодезию и черчение. Здесь его занятия продлились до 16 июня 1846 г.[22]

Потом — возвращение в Псков, в свой «alma mater». Он становится учителем сельского хозяйства и естественной истории[23]. Тем самым, связав свою жизнь с городом на р. Великой навсегда. Кроме преподавательской деятельности (порой Михаил Сергеевич замещал по необходимости своих коллег, вел занятия и по каноническому праву и библейской истории, и по медицине)[24], он исполнял в семинарии административные обязанности: помощник инспектора (12 января 1849 г. — 1 декабря 1853 г.), секретарь правления (16 ноября 1853 г. — 23 августа 1858 г.), эконома (16 июня 1863 г. — 13 ноября 1868 г.)[25]. Одновременно с этим он начинает пастырское служение: 1 декабря 1853 г. он рукоположен в священники Троицкого кафедрального собора[26]. И еще успевает заниматься научной деятельностью: публикует работы по статистике Псковщины.

Его усилия не остались без признания. «За отлично-усердную службу назначено квартирное пособие 60 рублей, в год из духовно-учебного комитета» (27 февраля 1851 г.)[27]. Императорское Вольное экономическое общество удостаивает М.С.Князева серебряной медали за составление труда «Хозяйственно-статистическое описание Псковского уезда» (26 апреля 1852 г.)[28]. «За усердное преподавание порученных ему предметов» правление Санкт-Петербургской духовной академии объявляет ему благодарность (23 октября 1853 г.)[29]. Впрочем, и в

дальнейшем Князеву «изъявляли архипастырскую признательность и Божие благословение», наградили набедренником, бархатной фиолетовой камилавкой, наперсным крестом[30].

60-е годы принесли изменения в жизнь отца Михаила: Псковский губернский статистический комитет избирает его своим действительным членом (20 апреля 1862 г.)[31]. 8 апреля 1863 г. он был избран временным членом Псковской духовной Консистории, а 13 июня 1867 г. утвержден действительным членом[32]. В семинарии прекращено преподавание дисциплин «сельское хозяйство» и «естественная история» (26 апреля 1866 г.)[33], и Князев ведет занятия по классу педагогики. «За отнесением педагогики по новому уставу, к разряду других предметов, остался за штатом и уволен, по просьбе, от учительской должности» (24 июля 1868 г.)[34]. Ну, а 13 ноября этого же года уволен от должности эконома «с полным пенсионным учительского жалованья в количестве 321 рубля 75 копеек»[35].

Теперь главным для него становится пастырское служение. Указом Святейшего Синода от 31 марта 1871 г. возведен в сан протоиерея[36], а 13 апреля 1871 г. стал ключарем Троицкого кафедрального собора[37]. Через три года — 31 мая 1874 г. — назначен настоятелем Петропавловского собора[38]. Впрочем, вероятно, и «alma mater» не могла обойтись без отца Михаила: 27 февраля 1873 г. он избран духовенством на 6 лет членом правления семинарии[39], а 20 февраля 1875 членом распорядительного собрания правления[40].

Не обошли неутомимого труженика и награды: 6 мая 1875 г. награжден орденом Святой Анны 3-й степени[41], 27 мая 1881 г. — Святой Анны 2 степени[42], 14 апреля 1886 г. — орденом Святого Владимира 4-й степени[43]. Получил знак Красного Креста общества попечения о раненых и больных воинах (26 ноября 1882 г.)[44].

Семья у М.С.Князева была большая: старший сын, Гавриил, женат на Марии Петровне Шуйской[45], Сергей (1861 года рождения), женат на Марии Алексеевне Жадрицкой, в 1887 г. — подпоручик 41 артиллерийской бригады[46], дочь Елизавета (родилась в 1864 г.)[47], Николай (1867 года рождения) учился в ту пору в Санкт-Петербургской духовной академии[48], Александр (1871 года рождения) проходил курс наук в Псковской духовной семинарии[49]. Старшая же дочь — Наталия (появилась на свет в 1855 г.) — вышла замуж за протоиерея Троицкого Кафедрального собора Петра Долговского[50].

Умер отец Михаил 22 мая 1896 г. в 8.30 утра[51]. Настоятеля Петропавловского собора и члена Псковской духовной Консистории провожал весь город. 23-го была отслужена панихида, на которой присутствовал архиепископ Псковский и Порховский Антонин. В прессе писали, что еще 18 мая отец Михаил служил литургию в Петропавловском соборе, что к коронации Николая II покойный священник был удостоен редкой для духовенства наградой — палицей, а также и о том, что его душа и мягкое сердце были известны всякому, кто только с ним имел дело, хотя нередко он раздражался, но сейчас же забывал свою злобу[52]. Похоронили М.С. Князева на Дмитриевском кладбище в Пскове[53].

Вот оказывается, какова семья молодого поэта Всеволода Князева. О ней — смеем думать — можно написать сагу вроде «Будденброков», да и чем-то Михаил, Гавриил, Всеволод напоминают героев Томаса Манна. Декаданс затронул самых младших: сделал их утонченными, но лишил жизненных сил. Возможно, они слишком далеко отошли от своих корней? Кстати, а знал ли Всеволод Князев о своих великолукских корнях? Впрочем, едва об этом мог задуматься человек, который писал такие строки:

Музе памятник, музе покой –
Здесь могила ее всей тщеты...
Жизнь полна и без лиры тоской,
Но и с лирой в ней нет красоты[54].

---

[1] Тименчик Р. Князев Всеволод Гаврилович // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. М., – 19. Т. 2. С. 572.

[2] Там же. Есть и другая версия, принадлежащая Ольге Арбениной (Гильдебрандт): «А вот история В. Князева и Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной. У меня была знакомая Нора Сахар. (...)

По дороге в Париж Нора была в Берлине, когда, как будто, было нашествие русских, и Нора встретилась с Ольгой Афанасьевной. Она подошла к ней и смело спросила ее о романе О.А. с Князевым: «Он застрелился из-за вас?» Прелестный ответ Ольги Афанасьевны: «Ах, нет, к сожалению, не из-за меня».

Бедный Князев был в Риге, где к нему подкатилась какая-то офицерская (или генеральская) дочка. Князев не пренебрег ею, но не хотел жениться, а она пошла к начальнику жаловаться, и тот призвал Князева и требовал от того, чтобы он восстановил честь девушки. Бедный Князев застрелился на лестнице у себя. Юркун говорил, что Кузмина остановила (на извозчике) мать Князева и сообщила ему печальную весть. Кузмин очень спокойно и бесстрашно принял это известие. Юркун огорчился за покойного.

Я помню старичка Князева (отца), который у нас на драматических курсах читал курс эстетики. Его лекции и книга были очень скучные, подробно я ничего не помню, я тогда не знала о родстве отца Князева с молодым, воспетым Кузминым и Ахматовой.

Юркун вскользь рассказал как-то, что Ахматова швырялась (на улице) к Кузьмину и очень яростно его бранила за Князева. Меня это удивило, но не слишком, и я подробно не узнала (и не спросила) ничего. Надписи Князева к Кузмину очень нежные, впечатление, что он или любил, или очень почитал Кузмина как поэта». (Арбенина О.О. А.Глебова-Судейкина. Неопубликованные мемуарные заметки. (Подготовил текст с рукописи при жизни автора М. Толмачев.) // Русская мысль, № 4061, 19-25 января 1995 г. С. 13).

[3] Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. 1977. С. 346.

[4] Виленкин В.В. В сто первом зеркале (Анна Ахматова). М., 1990. С. 258.

[5] Вестник литературы. 1919. № 5.

[6] Там же.

[7] Горяинов А.Н. Князев Гавриил Михайлович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 186.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же. За нее Г. Князев был удостоен Советом Санкт-Петербургского университета золотой медали, 3 февраля 1881 г. (ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 412. Л. 26).

[12] Вестник литературы. 1919. № 5.

[13] Горяинов А. Указ. соч. С. 186.

[14] Там же. Один из его учеников в театральном училище впоследствии писал: «Из педагогов по общеобразовательным предметам особого внимания заслуживали Н.С. Зацимовский и Г.М. Князев. (...) Князев читал нам эстетику. Это был педагог энтузиаст. Он любил свою науку, но мы мало что в ней понимали. Большинство из нас знало только одно — что «эстетика есть наука о прекрасном». Система спрашивания уроков у него была такая, что он сам же и отвечал на задаваемые нам вопросы. Мы только повторяли вопрос, а он спешил отвечать и спрашивал: «Так ведь?». Ну мы, конечно, очень охотно отвечали: «Так, Гаврила Михайлович!». (Лопухов А.Б. (Воспоминания)// В кн.: Борисоглебский М.В. Материалы по истории русского балета, Т. 2. Л., 1939. С. 214.)

[15] Вестник литературы. 1919. № 5.

[16] Лопухов А. Указ. соч. С. 214.

[17] Вестник литературы. 1919. № 5.

[18] Русская школа. 1901. № 3. Кстати, работы Г.М.Князева по русскому языку перепечатывались в годы гражданской войны. Примерная программа по истории русской литературы. Птг., 1919. С. 17.

[19] Вестник литературы. 1919. № 5.

[20] ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д.412. Л. 21.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же. Л. 21 об.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же. Л. 25.
[28] Там же. (Кстати, 21 февраля 1849 г. Императорским Вольным экономическим обществом избран в его корреспонденты. Л.22).
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Там же. Л. 22 (В 1881 году М.С. Князева избрали членом Псковского археологического общества. Л. 24 об.).
[32] Там же. Л. 23.
[33] Там же. Л. 21 об.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 25.
[37] Там же. Л. 22.
[38] Там же. Л. 22 об.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Там же. Л. 25 об.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же. Л. 27.
[46] Там же. Л. 25 об.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] Там же.
[50] Там же.
[51] Псковский городской листок. 1896. 29 мая. № 39. С. 2.
[52] Там же.
[53] Псковский городской листок. 1896. 26 июня. № 47.
[54] Князев В. Эпитафия // Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 360.

М. Т. Маркова

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПСКОВСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Интерес к истории дворянских усадеб закономерен, так как «дворянская усадьба — это организм, в котором соединились хозяйственная, социальная, административная, бытовая и культурная функции, различающиеся по этапам развития страны»[1].

Дворянская усадьба стала универсальным символом российской жизни XVIII — начала XX в. Это даёт возможность осуществлять комплексное изучение истории дворянской усадьбы историками и искусствоведами, а следовательно, расширяет круг источников. Историк исследует процесс формирования и функционирования усадьбы, искусствовед — стилевые характеристики построек и парков.

Провинциальный исследователь, краевед, пытается разрешить обе задачи, чему способствуют имеющиеся в его распоряжении многочисленные и разнообразные источники, хранящиеся в архивах и музеях.

В Псковской губернии в начале XX в. существовало более 700 усадеб, а в родословной книге записано 932 фамилии дворян[2].

История большинства усадеб может быть прослежена с конца XVIII в. до постановления Совнаркома в январе 1924 г. о выселении дворян из усадеб. Основ-

ным источником по истории дворянских родов служат «Дела о внесении в родословную книгу Псковской губернии», которые входят в фонд Псковского дворянского депутатского собрания (ф. 110). Здесь хранятся документы о владениях князей Дондуковых-Корсаковых и Шаховских, графов Гейден и Строгановых, баронов Вревских, Розен, Медем, Бюнтинг и др., а также менее знаменитых, но известных фамилий российского дворянства Елагиных, Неклюдовых, Новосильцевых, Оболенских, Куропаткиных, Яхонтовых.

В Государственном архиве Псковской области хранятся документы, по которым восстанавливается история мемориальных усадеб Михайловское, Тригорское, Петровское, Наумово-Карево, Полибино, Любенск-Вечаша, Лог, Ломы, Прихабы и др.

Весь блок документов даёт возможность составить генеалогическое древо дворянского рода, познакомиться с государственной, земской и общественной деятельностью представителей данного рода. Землевладения, как правило, состоящие в различных уездах, восстанавливаются по фондам губернской межевой конторы, губернского землемера и губернской чертёжной[3].

В фондах ГАПО имеется обширный материал об отношениях помещиков и крепостных крестьян[4]. Так в Себежском музее имеются копии инвентарных описей имений, составленные в середине 40-х годов XIX в. Из документов узнаём о повинностях крепостных крестьян, размерах оброка, рекрутских наборах, продолжительности рабочего дня — «от восхода до захода солнца».

Документы фонда губернского статистического комитета позволяют проанализировать процесс капитализации дворянских усадеб после отмены крепостного права, когда основным доходом становятся промышленные производства: винокуренные, маслодельные, кирпичные, черепичные, деревообрабатывающие, спичечные, полотняные, конезаводы, садовые питомники. Примером могут служить спичечная фабрика «Сфинкс» в имении князя Салтыкова Чернево Гдовского уезда, санаторий минеральных вод «Хилово», созданный в 1865 г. П.П. Балавенским, знаменитый конезавод графа Строганова в Волышово, садоводческие питомники в имении Быстрецово Н.Ф. Фан-дер-Флита, имении Булаево генерала Вохина, усадьба Алтун Г.Н. Львова.

Таким образом, многочисленные фонды ГАПО позволяют выяснить процесс становления и развития дворянской усадьбы, а также разнообразные формы деятельности их владельцев.

Усадебный строй в значительной степени определяется личностью владельца, его положением в обществе, кругозором, духовными запросами. Одним из показателей духовной культуры дворян являются библиотеки дворянских усадеб.

В древлехранилище Псковского историко-архитектурного музея-заповедника сохранились остатки библиотечных фондов Н.П. Яхонтова (116 ед. хранения), среди которых «Посольская книга XVII в.», «Евангелие» XVIII в., книги по истории, словари, художественная литература на иностранных языках, клавиры опер, в том числе созданных хозяином усадьбы. По каталогу 1831–1866 гг. известен состав библиотеки баронов Вревских, состоящей из 2067 томов и находившейся в имении Голубово. В древлехранилище есть остатки библиотеки генерала А.Н. Куропаткина, вывезенные из имения Шешурино. Можно составить представление о духовных запросах Богушевских, Пальчиковых, фон Гембиц, Окулич-Казарина, Фан-дер-Флита, фон Беллен и других дворян Псковской губернии по сохранившимся остаткам их библиотек[5].

Показателем эстетических пристрастий владельцев усадеб служат архитектурно-парковые ансамбли. До середины XIX в. в основном это деревянные постройки в стиле провинциального классицизма. Примером может служить дом Яхонтовых в с. Туховик. Но во второй половине XIX в. всё большее место занимает эклектика. В этом стиле выполнены постройки в усадьбах Глубокое графа Гейдена, Старые Липы Брянчаниновых. Кирпичный стиль характерен для усадьбы Чернево князя Салтыкова. Черты неоклассицизма прослеживаются в имении Холомки князя Гагарина. Многостилевое разнообразие характерно для усадебных построек имения Волышово, создававшееся с XVIII до начала XX в. Восстановить зрительный облик несохранившихся построек помогают фотографии. Здесь уместно упомянуть имена В.Г. Проскурякова, который запечатлел на многочисленных фотографиях большинство построек Волышова, и В. Козлова, который сохранил образ имения Старые Липы (рис. 1).

Одним из источников изучения истории дворянских усадеб является мемуарная литература. Например, опубликованный в «Нашем наследии» дневник П. Голицина даёт яркое описание охоты в Волышово в 1889 г. В воспоминаниях О.В. Волкова (внука П. Гейдена) содержатся описания и фотографии имения Глубокое начала XX в.

Изучению парковых ансамблей служат планы-схемы и паспорта 90 дворянских усадебных парков, которые находятся в Научно-производственном центре реставрационных мастерских. Составление планов-схем было осуществлено в 60–80-е годы XX в. специалистами из Ленинграда. В паспортах содержатся сведения о типе садово-паркового ансамбля, возрасте деревьев и аллеях парка. План позволяет восстановить усадьбу по сохранившимся фундаментам дома, хозяйственных построек. Нанесённые на план речки, пруды, дороги очень многое говорят исследователю[6].

Все перечисленные выше источники можно отнести к массовым, так как по ним мы можем восстановить историю большинства дворянских усадеб Псковской губернии.

Но есть уникальный источник, по которому прослеживается история баронского рода Бюнтинг-Медем с XIII в., и история усадьбы Халахальня с 1838 до 1940 г. Это «Хроника княгини Софии Апраксиной», подаренная Печорскому музею её сыновьями Николаем и Петром во время их посещения родового имения. «Хроника» на французском языке (225 с.), и огромное количество иллюстраций. «Хроника» даёт богатейший материал о двух баронских родах, содержит сведения о судьбах многочисленного семейства Софии Михайловны Бюнтинг, оказавшейся в эмиграции, затем вернувшейся в Эстонию, чтобы восстановить родовое гнездо, где построила дом по собственному проекту, организовала молочную ферму, хорошее овощное хозяйство. Младшая дочь София Николаевна вышла замуж за князя Николая Апраксина, здесь в Халахальне родились в середине 30-х годов Николай и Пётр. Но в 1939 г. в связи с вводом советских войск в Эстонию семья вновь оказалась в эмиграции, а Николай Апраксин арестован и отправлен в Ленинград.

Уникальность этого документа заключается в том, что историю большинства усадеб можно проследить до 1924 г., когда идёт массовое выселение дворян из усадеб, а здесь видим пример восстановления родового имения и как бы продления истории усадьбы до начала Второй мировой войны.

Рис 1 Усадьба А Н Брянчанинова

Судьба большинства дворянских имений трагична В фондах земельных отделов местных Советов постоянно встречаются документы, свидетельствующие о разорении усадеб

В описях 1918 г дается подробное описание построек, инвентаря, скота, транспортных средств, запасов зерна, сена и т д Здесь же встречаем описание интерьеров помещений в барском доме мебель, посуда, ковры, гардины, картины, иконы, пианино (рояль), библиотеки и т д

Гражданская война стала серьезным испытанием для дворянских усадеб Сохранилась масса документов, по которым видно, как белые и красные забирают все, что понравилось, и оставляют квитанции, по которым можно судить о реквизиции предметов

В 1924 г, когда началось массовое выселение дворян из усадеб, опять составляют описи построек и имущества При сравнении даже с 1918 г видим, какое разорение испытали дворянские гнезда И последующие годы усугубляют положение дворянских имений

Реставрация — дорогое удовольствие Так, на восстановление Пушкинских мемориальных мест в связи с 200-летием поэта израсходованы миллионы рублей

Восстановление усадьбы Полибино, где провела юношеские годы Софья Ковалевская, продолжается более 20 лет Примером разумного решения проблемы может служить судьба усадьбы Холомки, переданной на баланс Петербургскому политехническому университету Остается нашей общей болью Волышово

В последнее десятилетие в области возрастает интерес к истории дворянских усадеб Есть группа исследователей-энтузиастов, которые публикуют в местной

печати статьи, выступают на конференциях. В областной администрации зреет идея развития туризма, составной частью маршрутов может стать и посещение дворянских усадеб.

Может быть, назрела необходимость создания Псковского отделения Всероссийского общества изучения русской усадьбы. Это в значительной степени будет способствовать консолидации сил исследователей-краеведов, даст возможность участвовать во всероссийских конференциях, что в свою очередь позволит включиться в общероссийское усадьбоведение.

---

[1] Отечественная история. 2002. № 5. «Круглый стол».

[2] Памятные книжки Псковской губернии. Псков. 1913-1914. С. 480-530. Карташев В. Списки дворянских родов, внесённых в родословные книги Псковской губернии на 1 июля 1916 года. Псков, 1916.

[3] ГАПО. Ф. 38. Ф. 14. Ф. 196

[4] ГАПО. Ф. 366.

[5] ПГОИАХМЗ. Именные фонды.

[6] НПЦ. Фонды усадеб.

О. В. Кузнецова

ДЕЯТЕЛЬ ПСКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ Н.П. ЯХОНТОВ (1764–1840) И ЕГО НЕИЗВЕСТНАЯ РАНЕЕ ОПЕРА «МИЛЕТ И МИЛЕТА»

Имя Николая Петровича Яхонтова (1764 – 1840) — талантливого композитора и просвещенного деятеля русской культуры конца XVIII — начала XIX в., значительная часть жизни которого была связана с Псковом, остается малоизвестным. Между тем Яхонтов прославился в свое время как оперный композитор и как активный деятель в различных областях жизни Псковской губернии, таких, как образование, губернское управление и др. Как музыкант он был известен не только в Пскове, но прежде всего в Санкт-Петербурге.

Интерес исследователей к композитору возник в середине XX в., после того, как в Псковском государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике были обнаружены рукописи двух его опер. В 1962 г. вышла в свет статья А. С. Розанова «Композитор Николай Петрович Яхонтов»[1]. До сегодняшнего дня именно эта работа остается единственным специальным исследованием о жизни и творчестве композитора. До этого имя Яхонтова только упоминалось в отдельных работах в связи с кружком Н. А. Львова[2]. Некоторые сведения о композиторе содержатся в работах А. Н. Глумова[3]. С 1980-х годов проявляется интерес к Яхонтову у журналистов местной (псковской) периодической печати[4]. Среди публикаций о композиторе следует назвать статьи в Музыкальной энциклопедии и в энциклопедии «Музыкальный Петербург»[5]. Но они не добавляют новых фактов.

Напомним основные вехи биографии Яхонтова, известные из публикаций.

Н. П. Яхонтов родился в Псковской губернии, служил в Преображенском и Измайловском полках в Санкт-Петербурге. В 1784 г. уволен с военной службы, поступил в Коллегию иностранных дел и служил в русских посольствах в Стокгольме и Париже. По возвращении в Петербург в 1789 г. служил в Почтовом

ведомстве. Как музыкант (пианист и композитор) он получил известность в литературных и художественных кругах Петербурга. Пребывая в столице, Яхонтов общался со многими выдающимися деятелями эпохи Просвещения: Н. А. Львовым, Г. Р. Державиным, В. В. Капнистом (с которыми состоял в родстве), Д. Г. Левицким, В. Л. Боровиковским. В доме Н. А. Львова Николай Петрович, вероятно, мог встречаться с И. Прачем, Е. И. Фоминым, Ф. М. Дубянским, Д. С. Бортнянским.

В 1793 г. Яхонтов переехал в Псков, сохраняя по-прежнему дружеские и творческие контакты со столицей. Николай Петрович вел активную деятельность в различных учреждениях Пскова: состоял советником при псковском губернаторе Х. Л. Зуеве, одновременно находясь на должности директора казенного училища, преобразованного в гимназию в 1808 г., Яхонтов особое внимание обращал на развитие у учащихся гимназии любви к хоровому искусству, поощрял занятия в классе пения, снабжал учащихся нотными пособиями. С конца 1790-х годов Яхонтов служил псковским губернским прокурором, в 1803–1807 годах — председателем гражданской палаты, в 1814 г. был избран судьей Псковского совестного суда.

После переезда в Псков Яхонтов продолжал поддерживать связи с Н. А. Львовым и Г. Р. Державиным, а также начал активно общаться с псковскими общественными деятелями. Николай Петрович часто гостил у В. П. Пальчикова, приятеля А. С. Пушкина, в имении Щиглицы Псковской губернии, которое было своеобразным культурным центром и куда приезжали семьи Пущиных, Львовых, Козляниновых, Кожевниковых. Вероятно, в такие дни устраивались усадебные домашние концерты и музыкальные вечера, где могли исполняться произведения Н. П. Яхонтова. Он является автором трех опер: «Le Roi et le pâtre» («Король и пастух») «Сильф, или Мечта молодой женщины» и «Милет и Милета».

С 1820 г. композитор поселился в своем имении — селе Туховик Псковской губернии, где и скончался в 1840 г.

В биографии композитора есть некоторые неточности, требующие дополнительных разъяснений и проверок. Так, например, остается неясным место рождения Яхонтова: в одних работах указывается село Кунино Псковской губернии, в других – Псков[6]. Еще одна неточность связана с датой прибытия Яхонтова в Петербург: по одним данным – это 1774 г., по другим – 1779 г.[7] Ответы на эти и многие другие вопросы могут дать архивные материалы.

Большая часть известных на сегодняшний день источников биографии композитора хранится в Государственном архиве Псковской области. Во-первых, это фонд семьи Яхонтовых[8]. Среди документов фонда есть сведения о родословной фамилии Яхонтовых. Во-вторых, это фонды Учреждений суда и прокуратуры и местных органов государственного управления, то есть тех учреждений, где служил Яхонтов в «псковский период»; в этих фондах также могут найтись источники к его биографии.

А. С. Розанов, упоминая формулярный список и первое завещание композитора, ссылался на фонд Псковского губернского дворянского депутатского собрания[9]. Мы ознакомились с документами, которые были им указаны, но ни текста завещания, ни формулярного списка не обнаружили. Вероятно, шифры, указанные Розановым, ошибочны. Между тем именно формулярный список Яхонтова мог бы разъяснить те неточности, о которых упоминалось выше.

В другом хранилище – Псковском Государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, в его древлехранилище — есть личный фонд Н. П. Яхонтова[10], в котором 110 единиц хранения занимает библиотека композитора. Большую ее часть составляют книги на иностранных

языках. Думаем, что подробное изучение библиотеки может дать много ценной информации не только о вкусах, пристрастиях, образовании Яхонтова, но и многое может сказать о нем, как о деятеле своей эпохи.

Источники, связанные с музыкальной деятельностью композитора, также хранятся в основном в Пскове. В древлехранилище Псковского музея находятся рукописи клавиров двух его опер: «Le Roi et le pâtre» и «Сильф, или Мечта молодой женщины»[11], с которыми мы ознакомились в 2002 г.

Охарактеризуем вкратце первые две оперы Яхонтова, а затем более подробно остановимся на опере «Милет и Милета», рукопись которой до последнего времени была неизвестна.

Описание рукописей, находящихся в псковском древлехранилище, и сведения о музыке этих опер даны в статье А. С. Розанова. Но источники требуют дальнейшего изучения, в частности, остается открытым вопрос их датировки.

Первая опера «Le Roi et le pbtre» — «комедия с песнями» в одном действии. Текст на французском языке. Автор либретто и год создания оперы пока не установлены. Клавир оперы насчитывает 114 листов, включает 28 музыкальных номеров, которые чередуются с разговорными диалогами. Среди музыкальных фрагментов есть несколько арий, романс в куплетной форме, пастораль, дуэт, два ансамбля и три хора. В увертюре оперы встречаются авторские указания на инструменты: кларнеты, валторны, гобой, флейты, виолончели obligato и контрабасы obligato[12]. Своеобразие рукописи заключается в написании автором динамических оттенков: «pia» вместо «piano», «for.» вместо «forte». Вокальные строчки, нотированные в скрипичном и басовом ключах, помещаются между двумя инструментальными: верхней строкой (в скрипичном ключе) и нижней (в басовом).

Вторая опера «Сильф» – комедия с песнями в двух действиях на текст пьесы Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины». С обнаружением этого клавира впервые стал известен полный текст пьесы Львова. Именно по этому псковскому источнику текст пьесы опубликован в новейшем собрании сочинений Н. А. Львова, подготовленном К. Ю. Лаппо-Данилевским[13]. Им указаны три источника текста пьесы: 1) фрагменты пьесы, хранящиеся в РНБ; 2) полный текст, вошедший в собрание сочинений Львова; 3) список «Сильфа» с авторской правкой, который находится в РГАЛИ[14].

На форзаце клавира «Сильфа» есть запись на французском языке — посвящение Софье Алексеевне Пальчиковой, урожденной Пещуровой: «Dedié à Madame Sophie de Paltchicoff née de Pestschouroff par un Melomane dévoué»[15]. Клавир, насчитывающий 165 листов, содержит 23 музыкальных номера и развернутую увертюру. Большое значение в опере, по сравнению с «Королем и пастухом», играют ансамблевые номера. В опере есть два инструментальных номера: увертюра и эпизод «восхода солнца», обозначенный в тексте ремаркой Львова: «Слышна тихая музыка, изображающая восхождение солнца и пение птичек»[16]. Вокальные партии в клавире «Сильфа» записаны в ключах до (сопрановом, альтовом, теноровом и басовом).

Музыка третьей оперы Н. П. Яхонтова — пасторали «Милет и Милета» на либретто Н. А. Львова — еще до недавнего времени считалась утерянной. Такие сведения встречаются даже в новейшей справочной литературе. В энциклопедии «Музыкальный Петербург» написано: «... сохранился лишь текст Львова и его пожелания о характере музыкальных номеров»[17]. Однако партитура оперы хранится в Отделе рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова[18]. Впервые сведения о ней появились в 2001 г. в буклете, посвященном юбилею Д. С. Бортнянского[19]. В

апреле 2002 г. в рамках Чтений рукописного отдела Петербургской консерватории впервые были исполнены фрагменты оперы.

Рукопись находится в картонном переплете, оклеенном цветной бумагой типа «павлинье перо»; корешок и уголки из темно-коричневой кожи. Формат листов 22,4 × 31,3 см, рукопись насчитывает 116 листов. Музыкальный текст оперы чередуется с разговорными диалогами, записанными на листах голубой бумаги. Партитура, к сожалению, неполная, конец ее утрачен, так как финальный хор оперы обрывается. По-видимому, не хватает одного–двух листов. Возможно, утерян также титульный лист и лист с указанием действующих лиц.

Музыка оперы была написана на сюжет «пастушьей драмы» Н. А. Львова. На сегодняшний день выявлено три рукописных источника литературного текста «Милета и Милеты». Первый хранится в РНБ, в фонде Г. Р. Державина. По этому источнику текст пьесы впервые опубликован в 1994 г. К. Ю. Лаппо-Данилевским в собрании сочинений Н. А. Львова[20]. При этом Лаппо-Данилевский ничего не говорит о двух других источниках. Второй также хранится в РНБ; впервые был обнаружен А. Н. Глумовым[21]. Третий, выявленный недавно, хранится в Отделе рукописей СПбГК[22].

В результате сравнения опубликованного текста пьесы с текстом рукописной партитуры можно сделать следующие предварительные выводы: во-первых, оба текста в основном, совпадают за исключением небольших разночтений («твои и ручки» – «твои ручки», «позабыл» – «забыл», «слишком» – «с лишком», «доброжелание» – «доброе желание»). Во-вторых, в партитуре отсутствует фрагмент текста в 4-м явлении. Предстоит уточнить: либо в партитуре недостает листа, а существующая сплошная нумерация была проставлена позднее, либо этот фрагмент в опере не предполагался.

Как указывалось в литературе, в качестве лейтмотива этой «пастушьей шутки» Львовым было выбрано державинское стихотворение «Мечта» («Вошед в шалаш мой торопливо...»), связанное с историей сватовства Г. Р. Державина ко второй супруге Дарье Алексеевне Дьяковой[23].

Написав пьесу «Милет и Милета», Львов пожелал, чтобы Яхонтов сочинил к ней музыку, о чем он сообщил композитору в письме от 10 сентября 1796 г. Текст письма хранится в РНБ, в фонде Г. Р. Державина, вместе с автографом пьесы Львова и опубликован в 1994 г.[24] Копия этого письма предваряет партитуру «Милета и Милеты», находящуюся в Отделе рукописей Петербургской консерватории. Львов не ограничился простым пожеланием написать музыку, но дал конкретные указания композитору в приписках к письму, озаглавленных «Задача вместо предисловия» и «Заданная музыка» и до сих пор полностью не опубликованных. В них драматург просит Яхонтова аранжировать для своей пастушьей драмы отрывки из опер «Нина» Дж. Паизиелло, «Редкая вещь» В. Мартин-и-Солера, дуэт Maestro di capella dilettante *Gubarini*, песню на стихотворение Державина «Вошед в шалаш ...», а также сочинить небольшую Симфонию «в пастушьем вкусе»[25].

Опера «Милет и Милета» написана для двух сопрано, хора и оркестра. Интересна ремарка Львова в начале «пастушьей шутки»: «Действующие лица (оба сопраны): Милет, пастух и противу всех правил выходит первый сопрано. Милета, пастушка, второй сопрано для того, что так уже выучены дуэты»[26]. А. С. Розанов и К. Ю. Лаппо-Данилевский указывают на то, что драматург написал оперу для двух своих дочерей Елизаветы Николаевны Львовой (1788–1864) и Веры Николаевны Львовой (1792–1872)[27]. На наш взгляд, эти сведения вызывают сомнения. Сопоставив дату написания Львовым письма к Н. П. Яхонтову (1796) с годами

рождения девочек, мы пришли к заключению, что они были слишком малы для исполнения оперных партий.

Опера Н. П. Яхонтова включает увертюру и семь музыкальных номеров. Вокальных номеров пять: дуэт Милета и Милеты «Как приятно, друг мой милой», ария Милеты «Одна тут искра отделилась», ария Милета «Когда со мною шутит Милета», финальный дуэт с хором «Любить и утешаться», а также хор пастухов «Спи, прекрасная Милета», повторяемый в опере дважды. В партитуре три инструментальных номера: увертюра (Pastorale, G-dur), картина сельского покоя (Largo, Es-dur) и небольшой ритурнель (Andantino, F-dur).

Оркестровый состав включает струнные, из духовых используются гобои, кларнеты, фаготы и валторны. Лишь однажды, в арии Милета, Яхонтов вводит в партитуру флейты.

Дальнейшее изучение источников, касающихся оперы «Милет и Милета», должно прояснить целый ряд вопросов: какая же из двух редакций текста лежит в основе оперы, воспользовался ли Яхонтов указаниями драматурга на музыкальные фрагменты других опер, где и когда была поставлена опера, является ли рукопись партитуры автографом автора, наконец, попытаться узнать, когда и каким образом партитура оперы оказалась в Петербургской консерватории. Должна быть подробно изучена и музыка самой оперы.

Дальнейшего изучения требуют также источники биографии и творческой деятельности композитора. Это расширит наши представления о культурной жизни Пскова конца XVIII — начала XIX в., о связях Пскова и Петербурга и об одном из ярких деятелей псковской культуры — Николае Петровиче Яхонтове.

---

[1] Розанов А. С. Композитор Николай Петрович Яхонтов // Музыкальное наследство. М., 1962. Т. 1. С. 11–64.

[2] Николай Александрович Львов (1751–1803) — деятель культуры, ученый, поэт, переводчик, архитектор, график, фольклорист, автор оперных либретто.

[3] Глумов Н. А. Музыка в русском драматическом театре. М., 1955. С. 56; Глумов Н. А. Н. А. Львов. М., 1980. С. 26, 131-132.

[4] См. статьи: Изюмов Е. Русский композитор Николай Яхонтов // Ленинская искра. 1985. 18, 20 октября; Изюмов Е. Композитор Яхонтов // Псковская правда. 1986. 17 октября; Изюмов Е. Композитор Николай Яхонтов // Красный маяк. 1986. 13 мая; Русанова А. Жизнь и судьба Н. П. Яхонтова // Стерх. 1999. № 12-6.

[5] Розанов А. С. Яхонтов Николай Петрович // Музыкальная энциклопедия. М., 1982. Т. 6. С. 647; Крюков А. Н., Розанов А. С. Яхонтов Николай Петрович //Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. СПб., 1999. Т. I: XVIII век. Кн. 3. С. 314-315.

[6] См.: Изюмов Е. Русский композитор Николай Яхонтов; Изюмов Е. Композитор Яхонтов; Розанов А. С. Яхонтов Николай Петрович. С. 647; Крюков А. Н., Розанов А. С. Яхонтов Николай Петрович. С. 314.

[7] См.: Розанов А. С. Композитор Николай Петрович Яхонтов. С. 13; Розанов А. С. Яхонтов Николай Петрович. С. 647; Крюков А. Н., Розанов А. С. Яхонтов Николай Петрович. С. 314.

[8] ГАПО. Ф. 565. 15 ед. хр.

[9] См.: Розанов А. С. Композитор Николай Петрович Яхонтов. С. 18.

[10] Псковский музей: древлехранилище. Ф. 882. 118 ед. хр.

[11] Псковский музей. древлехранилище. Ф. 882. Ед. хр. 114. Инв. № 1118; там же. Ед. хр. 115. Инв. № 260.

[12] Это позволило А. С. Розанову предположить, что ранее опера существовала в виде партитуры, до нас дошедшей.

[13] Львов Н. А. Избранные сочинения. Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. ст., комм. и примеч. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кельн и др.: «Белау-Ферлаг»; СПб., 1994. В примечаниях на с. 408 К. Ю. Лаппо-Данилевский ошибочно называет рукописный клавир оперы — партитурой.

[14] Львов Н. А. Избранные сочинения.. С. 408.

[15] «Посвящается мадам Софье Пальчиковой, урожденной Пещуровой, преданным меломаном». Псковский музей: древлехранилище. Ф. 882. Ед. хр. 115. Инв. № 260. Л. 1. Подробнее о С. А. Пальчиковой см.: Розанов А. С. Композитор Николай Петрович Яхонтов. С. 21-22; Изюмов Е. Посвящение // Музыкальная жизнь. 1987. № 9. С. 17.

[16] Псковский музей: древлехранилище. Ф. 882. Ед. хр. 115. Инв. № 260. Л. 53; Львов Н. А. Сильф, или Мечта молодой женщины // Львов Н. А. Избранные сочинения. С. 217.

[17] Крюков А. Н., Розанов А. С. Яхонтов Николай Петрович. С. 314.

[18] ОР СПбГК. Инв. № 6951.

[19] Сквирская Т. З., Сомов В. А. Бортнянский и русская музыкальная культура его времени в документах Отдела рукописей Петербургской консерватории // Невские хоровые ассамблеи — 2001: Музыкальный фестиваль. Посвящается 250-летию со дня рождения Д. С. Бортнянского: [Буклет] / Гл. ред. А. Н. Кручинина. СПб., 2001. С. 17-18.

[20] Львов Н. А. Милет и Милета // Львов Н. А. Избранные сочинения... С. 275-283. Шифр источника, указанный Лаппо-Данилевским: ОР РНБ. Ф. 247. Т. 37.

[21] Глумов Н. А. Н. А. Львов. М., 1980. С. 187. Им указан шифр источника: ОР РНБ. Ф. 247. Т. 23.

[22] ОР СПбГК. Инв. № 6951.

[23] См.: Розанов А. С. Композитор Николай Петрович Яхонтов. С. 17; Львов Н. А. Избранные сочинения... С. 19, 408.

[24] Львов Н. А. Избранные сочинения... С. 349

[25] ОР СПбГК. Инв. № 6951. Л.1–2 об.

[26] Там же. С. 275.

[27] См.: Розанов А. С. Композитор Николай Петрович Яхонтов. С. 17, 40; Львов Н. А. Избранные сочинения... С. 414. Даты жизни дочерей Львова указаны Лаппо-Данилевским.

С.Г. Кащенко

РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г. В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. ТРАДИЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ И НОВЕЙШИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

В настоящее время на кафедре источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ при поддержке РГНФ проводится работа по изучению аграрных отношений на Севере и Северо-Западе России в 60–80-е годы. XIX в.

В ходе исследования была создана обширная компьютерная база данных, включающая тысячи архивных документов, связанных с реализацией крестьянской реформы и проведением выкупной операции в Псковской губернии[2].

Центральным сюжетом в этих исследованиях стало изучение традиционных документов с применением новейших компьютерных технологий и математико-статистических методов, что дало возможность проанализировать до- и послереформенную структуру крестьянских наделов и платежей, выяснить степень и особенности ее деформации.

На основании компьютерного анализа уставных грамот и выкупных актов нами был сделан ряд выводов о характере реализации реформы 19 февраля 1861 г. в губернии.

По сведениям дел о выкупе накануне реформы в губернии проживало 153642 помещичьих крестьянина и 1931 дворовых (ревизские души). Известно, что А.Тройницкий по материалам 10-й ревизии определял число крепостных крестьян в 175111 душ мужского пола, а число дворовых — 9427 душ мужского пола. В это число у Тройницкого входят также крепостные люди беспоместных дворян (54 души у 23 помещиков) и помещиков, имеющих до 21 души (мелкопоместных). Последних было в губернии 671 человек с 6137 крепостными[3].

Очень близкую цифру о крепостном населении губернии дает А.Бушен: 175 078 крестьян и 10 009 дворовых[4]. Таким образом, у нас нет основания сомне-

ваться в точности вычислений А.Тройницкого и А.Бушена (они практически приводят одну и ту же цифру), а имеющиеся у нас расхождения в 21,5 тыс. крестьян и 7,5 тыс. дворовых можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в дела о выкупе не попали владения мелкопоместных дворян (примерно 6 тыс. крепостных) и дворян, не имевших земли, во-вторых, часть крепостных (в особенности дворовых) проживала в городах и посадах, и, наконец, в фонде Главного выкупного учреждения отсутствует определенная часть грамот. У нас есть все основания считать, что расчеты, проведенные нами верны (об этом свидетельствует и работа Г.М.Дейча, в которой расчет дореформенных наделов ведется на 150,5 тыс. душ крепостных крестьян)[5].

Фактически мы имеем данные о 87–88% крепостных крестьян, хорошо сохранившуюся репрезентативную выборку, которая вполне позволяет решать поставленные задачи и делать уверенные статистические выводы.

Приведем также некоторые абсолютные цифры, которые мы будем использовать в дальнейшем: до реформы имели надел 151455 крестьян, отпущено после 10-й ревизии 450 крестьян, по той или иной причине не получили надел 3972 души мужского пола. После отмены крепостного права в губернии стали пользоваться землей 150714 крепостных.

Компьютерный анализ позволил сделать новые, более точные выводы о распространении форм эксплуатации на территории губернии. Хорошо известный в историографии факт о преобладании барщины получил подтверждение, однако наши цифры несколько отличаются от традиционных. Расчеты показали, что около 60% псковских крестьян исполняли барщину, 24,3% — состояли на оброке, 15,7% — находились на смешанной повинности.

В губернии отчетливо выделяется группа юго-восточных уездов с резким преобладанием барщины.

Действительно, в Великолукском уезде процент оброчных достигает 91,6; в Торопецком — 84,8, в Холмском — 63,2; в Новоржевском — 75,2. Эти уезды, а также Островский (83,1 % барщинных крестьян) и определили преобладание барщины в губернии в целом.

Заметно отличались от ранее названных два северных уезда: Порховский и Псковский. Здесь на барщине состояло менее половины крестьян, а в Порховском уезде явно доминировала оброчная форма эксплуатации (на оброке состояло 50,7% крепостных).

Порховский уезд, самый большой в губернии по численности крепостного населения, был не похож на другие уезды. Близость к С.-Петербургу (уезд граничил со столичной губернией) стимулировала отхожие промыслы, здесь находилось значительное число владельцев крупных и средних имений, которые чаще предпочитали оброк барщине, в уезде имелись два торговых центра: уездный город и посад Сольцы, в которых псковские товары (в частности, лен и кожи) не только продавались, но и предварительно перерабатывались. Это способствовало развитию внеземледельческих занятий населения.

Выгодное торговое положение губернского города, развитая по губернским меркам промышленность и промыслы способствовали распространению оброчной и смешанной форм эксплуатации в Псковском уезде. Здесь на барщине находилось менее половины крестьян (45%), на оброке — 28,7%, на смешанной повинности — 26,2%

Порховский и Псковский уезды представляли в губернии промыслово-торговый центр, испытывавший наибольшее влияние товарно-денежных отношений. Наибольший доход приносило здесь льноводство (оба уезда по количеству высеваемого льна стояли на первом месте в губернии).

При расчете средних дореформенных размеров крестьянского надела мы исходили из того, что относительно точно земля до реформы была измерена у 150306

крестьян, в пользовании которых находилось 929 795,5 дес. Таким образом, средний дореформенный надел составлял в губернии 6,2 десятины на душу мужского пола. Эти данные практически совпадают с показателем, полученным Г.М.Дейчем[6].

Однако средний показатель размера крестьянской земли по губернии в целом не может дать представления о тех разнообразных ситуациях, которые складывались до реформы в различных уездах

Наибольшие дореформенные наделы были в двух барщинных восточных уездах: Холмском (7,7 десятин на душу) и Торопецком (8,4 десятин). Здесь наделы заметно превосходили средний размер по губернии в целом (в Холмском — на 1,5 десятин или на 24,2%; в Торопецком — на 2,2 десятин или 35,5 %). Объяснение этому видится в том, что огромные земельные массивы (более 60% в каждом из уездов) были практически непригодны для земледелия — находились под лесом. Таким образом, в земледельческих уездах помещики должны были предоставлять крестьянам, в основном находившимся на барщине (и, следовательно, привязанным к земле), большие земельные наделы (аналогичная картина прослеживалась, например, в периферийных уездах С.-Петербургской губернии).

В остальных псковских уездах средние размеры наделов были либо несколько меньше губернского уровня (Великолукский, Опочецкий, Новоржевский, Островский, Псковский), либо равны ему (Порховский уезд).

Наименьшие по размерам средние наделы (на 0,9 десятин или на 14,5% меньше среднегубернского уровня) были у великолукских крестьян.

В этом сельскохозяйственном уезде земля по псковским меркам представляла большую ценность и давалась крестьянам в ограниченных размерах. Вторым важным фактором, повлиявшим на размеры наделов, было то, что подавляющее число местных крестьян находилось на барщине (оброка в уезде практически не было), В условиях земледельческого уезда наделы барщинных практически всегда (как это было показано на примере других северо-западных губерний) заметно уступают наделам оброчных крестьян. Это в значительной мере и обусловило невысокий средний размер надела в уезде.

На размеры наделов псковских крестьян (в уезде наделы были ниже общегубернских на 0,7 десятин или 11,3 %), по-видимому, повлияла близость к губернскому городу, земля недалеко от губернского центра представляла повышенную ценность. Ситуация в Новоржевском уезде напоминала положение в Великих Луках, а Опочецкий уезд был похож на Псковский.

Средние размеры наделов как по губернии в целом, так и для каждого уезда складывались из размеров наделов оброчных, барщинных, находящихся на смешанной повинности. В целом по губернии средний размер надела оброчных составлял до реформы 6,6 десятин на душу и был больше наделов других категорий крестьян (у барщинных и состоявших на смешанной повинности он был равен 6,1 десятин, т.е. на 0,4 десятин или 6% меньше по отношению к наделу оброчных). Следует, однако, помнить о том, что именно барщинная деревня определяла лицо губернии и надел барщинных практически равен среднему губернскому.

Средние губернские цифры подтверждают общий вывод о том, что для земледельческих уездов и губерний наделы оброчных крестьян в основном превышают наделы барщинных. Подобная картина наблюдалась в 6 из 8 уездов губернии.

Рассмотрим теперь распределение размеров дореформенных крестьянских наделов. Эту наиболее трудоемкую часть работы практически невозможно выполнить без применения компьютерных технологий. Нами были построены т.н. «вариационные ряды» с интервалом в 1 десятину.

В дореформенной псковской деревне наделы могли принимать самые различные значения: от 1 до 30 и более десятин в расчете на душу мужского пола. Наиболее часто встречались наделы от 3–4 десятин (у 11,4 % крестьян) до 6–7 десятин (у 17 %). Наделы свыше 12-13 десятин присутствовали весьма редко (менее 1% крестьян для каждого интервала). Примерно также выглядели дореформенные распределения крестьянских наделов для каждой из категорий крестьян.

Реформа 19 февраля 1861 г. существенно изменила крестьянские наделы в губернии. Для того чтобы понять суть этих изменений, рассмотрим сначала, каковы были т.н. «высшие» размеры крестьянских наделов для отдельных уездов.

В Псковском и Великолукском уездах высший размер надела был установлен в 4,5 десятин удобной земли на душу. В Новоржевском, Опочецком, Островском, Порховском уездах размер был несколько больше (5 десятин), еще выше (5,5 десятин) он поднимался в Торопецком уезде и, наконец, самым высоким (6 десятин) он был в Холмском уезде.

Из поуездного анализа стало видно, что высшие размеры наделов оказали самое существенное влияние на пореформенное крестьянское землепользование. Произошла нивелировка крестьянских наделов после реформы с группировкой вокруг высшего размера надела внутри каждого уезда, что изменило картину в рамках губернии в целом. Подробнее механизм наделения крестьян землей, приведший к «нивелировке», описан нами в работе «Отмена крепостного права в столичной губернии» (СПб., 2002).

Средний размер крестьянского надела после реформы стал равен в губернии 4,8 десятин, таким образом, сокращение его составило 1,4 десятин или 22,3% от дореформенного размера.

Как и следовало ожидать, при существовавшем в губернии механизме наделения крестьян землей, при котором большинство крестьян получили высший размер надела, наибольшие наделы достались после реформы крестьянам тех уездов, в которых эти высшие размеры были наибольшими.

Так, наивысший пореформенный размер надела был у крестьян Холмского уезда (5,9 десятин на душу), в Торопецком уезде он составил 5,4 десятин. Самые низкие размеры наделов были в Псковском и Великолукском уездах (по 4,3 десятин), что хорошо подтверждают наши выводы.

Для всех категорий крестьян после реформы размеры наделов выровнялись и стали равны 4,8-4,9 десятин на душу (данные по губернии в целом).

Если сравнить уровни изменений средних размеров надела по уездам, то обращает на себя внимание огромное (превышающее треть дореформенного надела) сокращение в Торопецком уезде (на 3,0 десятин на душу или на 35,4 %). В этом плане уезд разделил участь остальных периферийных сельскохозяйственных уездов Северо-Запада (аналогичная ситуация сложилась в Лужском и Гдовском уездах столичной губернии).

Наименьшее сокращение испытали средние размеры наделов в Опочецком (0,8 десятин, 13,9%), Новоржевском (0,9 десятин, 16,1%) и Великолукском (1,0 десятин, 18,2%) уездах. В этих трех уездах дореформенные наделы крестьян были наименьшими в губернии и сокращать их в больших размерах было нельзя. В остальных уездах сокращение среднего размера надела составило 20–24% (т.е. находилось на среднегубернском уровне).

Для Псковской губернии средний процент изменения крестьянских наделов в ходе реформы (22,7%) складывался из отрезка примерно четверти земли (24,5%) и незначительной прирезки (1,8%). Если учесть, что примерно каждый шестой псков-

ский крестьянин (15,4%) получил увеличенный надел, то становится ясно, что размеры этой прирезки в каждом конкретном случае были микроскопическими. Фактически это была даже не прирезка, а уточнение дореформенного надела (обычно производимое при пореформенном измерении земли).

Отрезка же распространялась на 2/3 псковских крестьян (68,3%), что вызывало сильное брожение в крестьянской среде и приводило к многочисленным фактам крестьянских возмущений.

Большой интерес представляет также пореформенное распределение крестьянских наделов по губернии в целом.

Так же, как и в каждом уезде, структура крестьянских наделов после реформы существенно трансформировалась. Однако, если на уездном уровне происходила нивелировка крестьянских наделов и усреднение, «приближение» к размеру «высшего», который в каждом уезде был один, то для губернии в целом, где имелись 4 «высших» размера (4,5; 5; 5,5 и 6 десятин) надела, группировка произошла в трех интервалах: от 4 до 5 десятин (29,0% крестьян), от 5 до 6 десятин (47,1%) и от 6 до 7 десятин (10,2%). Эти данные хорошо вписываются в общую схему изменения структуры крестьянских наделов.

Перейдем теперь к рассмотрению крестьянских платежей. До реформы средний размер оброка составлял в губернии 9 руб. 74 коп. в расчете на душу мужского пола. Наивысший размер оброка платили крестьяне соседних Порховского и Новоржевского уездов (10 руб. 76 коп. и 10 руб. 79 коп. соответственно). Учитывая, что около половины всех оброчных крестьян губернии проживало в Порховском уезде, становится ясно, что ситуация именно в этом уезде определяла положение в губернии в целом.

Самые малые размеры оброка были у крестьян периферийного Торопецкого уезда (6 руб. 79 коп. с души), что хорошо подтверждают аналогичные наблюдения, сделанные в Новгородской и С.-Петербургской губерниях: в отсталых, непромышленных уездах невысокие дореформенные платежи оброчных крестьян служат своеобразным индикатором «зажиточности» деревни. Чем беднее деревня, тем ниже платежи.

В остальных уездах платежи до реформы составляли 8–9 руб. с души.

После реформы «высший» размер платежей был установлен для 7 из 8 псковских уездов в 8 руб. с души и только в наиболее развитом Порховском уезде этот размер был поднят до 9 руб.

Это оказало существенное влияние и на структуру, и на средний размер пореформенных платежей. В каждом уезде средний размер платежей опустился ниже высшего размера и в расчете на душу мужского пола сократился. Наивысший средний размер после реформы оказался в Порховском уезде (где он и до реформы был одним из самых больших в губернии и где «высший» размер после реформы превосходил все остальные). Пореформенный средний размер платежей в Порховском уезде составил 8 руб. 41 коп. В Новоржевском, Псковском и Островском уездах средний пореформенный размер платежей находился на уровне 7 руб. 30 коп. — 7 руб. 40 коп. с души. В остальных уездах средний размер пореформенного оброка колебался от 6 руб. 40 коп. (минимальный размер оброка в Торопецком уезде) до 7 руб. 14 коп. в Холмском. Новые поуездные размеры оброка уступали дореформенным, что и сказалось на среднем размере оброка для губернии в целом (7 руб. 74 коп.). Таким образом, сокращение в среднем составило 2 руб. на душу или 20,5 % от дореформенного размера платежей.

Распределение дореформенных платежей показывает, что размеры их колебались в весьма широких рамках. Встречались и минимальные оброки в 1–2 руб.

(правда, их было только 0,5%), и платежи, превышавшие 20 руб. с души (0,9%). Основная масса платежей до реформы приходилась на промежуток от 5 до 14 руб.

После реформы в губернии практически исчезли платежи свыше 9 руб. (фактически платежи свыше 8 руб. остались только в Порховском уезде). Нивелировка пореформенных платежей выразилась в концентрации их в трех интервалах: от 7 до 8 руб. (16,8%), от 8 до 9 руб. (59,6%) и от 9 до 10 руб. (13,6%). Последняя цифра соответствует числу крестьян, плативших по 9 руб. с души.

Как и в других северо-западных губерниях, мы сталкиваемся здесь с двумя процессами, идущими параллельно, но в противоположных направлениях: сокращением крестьянских наделов и сокращением крестьянских платежей. Размеры этих сокращений можно сопоставить, проанализировав величину платежей в расчете на дес. удобной земли.

До реформы такие платежи в среднем по губернии составляли 1 руб. 47 коп. Для отдельных уездов аналогичные средние различались весьма значительно. Наименьший показатель (62 коп. с десятины) был в Торопецком уезде, здесь при самом высоком среднем размере надела был один из самых низких средних платежей. Наиболее высокие показатели, почти в 3 раза превышающие торопецкие, наблюдались в Порховском (1 руб. 63 коп.) и Новоржевском (1 руб. 86 коп.) уездах.

Распределение повинностей до реформы в расчете на десятину удобной земли показывает большой разброс в значениях: от 20 коп. на десятину (около 2% крестьян) до платежей, превышающих 4 руб. (также около 2 %).

После реформы в связи с нивелировкой наделов и платежей изменилось и данное распределение, причем группировка после реформы происходила вокруг значений, равных частному от деления «высшего» размера платежей на «высший» размер надела. Таких значений было несколько: 1 руб. 77 коп. (8 руб., деленные на 4,5 десятин), 1 руб. 60 коп. (8 руб. и 5 десятин), 1 руб. 80 коп. (9 руб. и 5 десятин), 1 руб. 46 коп. (8 руб. и 5,5 десятин), 1 руб. 33 коп. (8 руб. и 6 десятин). Группировки вокруг этих значений отчетливо прослеживаются на уровне каждого уезда. В целом же по губернии они «расплываются». Как малые, так и большие размеры платежей практически исчезают, а наиболее часто теперь встречаются наделы от 1,2 до 2 руб. на десятину.

Наиболее существенный вывод, который прослеживается и на уездном уровне (в 6 уездах из 8) и по губернии в целом, состоит в том, что и в псковской деревне размеры платежей в расчете на десятину, так же как это было и в С.-Петербургской и в Новгородской губерниях, выросли. Это указывает на то, что сокращение крестьянских наделов было значительно большим, чем сокращение крестьянских платежей.

Новый погубернский показатель величины платежей в расчете на десятину стал равен 1 руб. 63 коп. (увеличение на 16 коп. или 10,9 %). Исключением здесь стали лишь два уезда. В Опочецком величина платежей практически сохранилась (1 руб. 57 коп. и 1 руб. 56 коп.) и только в Новоржевском значительно сократилась (с 1 руб. 86 коп. до 1 руб. 59 коп.). Последнему факту можно дать довольно простое объяснение. В Новоржевском уезде проживала относительно небольшая группа оброчных крестьян (около 2,5 тыс. душ), положение которых весьма напоминало положение оброчных крестьян в соседнем Порховском уезде. Однако, как уже отмечалось выше, в Порховском уезде оброчные крестьяне доминировали и «высший» размер пореформенных платежей был установлен здесь с ориентацией на оброчные хозяйства и повышен на 1 руб. по сравнению с остальными уездами. В Новоржевском же уезде платежи были установлены с ориентацией на барщинные хозяйства и оказались равны не 9 руб. (как у соседей), а 8 руб. на душу

мужского пола. В результате платежи новоржевских оброчных крестьян сократились и, следовательно, сократились и платежи в расчете на десятину. Это исключение, на наш взгляд, лишь подтверждает общее правило: обложение повинностями крестьянской земли после реформы в Псковской губернии значительно возросло.

Это означает, что сокращение в ходе реформы крестьянских наделов шло более интенсивно, чем сокращение крестьянских платежей и, потеряв в общей сумме платежей, псковские помещики сумели поднять «поземельную плату». К тому же после реформы они получили компенсацию в виде отрезанной у крестьян земли, которая в дальнейшем могла продаваться и сдаваться в аренду тем же крестьянам. Однако, приводя этот общий для Псковской губернии факт, нельзя не напомнить еще раз о том, что реформа 1861 г. оказала неодинаковое воздействие на разные группы крестьян в разных уездах.

---

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 03-01-00063а

[2] Использованы документы РГИА. Ф. 577. Главное выкупное учреждение.

[3] Троицкий А. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 34, 45.

[4] Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 г. редактора Центрального статистического комитета А.Б. Бушена. СПб., 1863. С. 272.

[5] Дейч Г.М. Крестьянство Псковской губернии во второй половине XIX и в начале XX в.: Дис. ...докт. истор. наук. Л., 1960. С. 355.

[6] Дейч Г.М. Крестьянство Псковской губернии... С. 355.

Т.Н. Журавлева

ЗЕМСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

(по материалам «Вестника Псковского губернского земства» за 1880–1889 гг.)

«Вестник Псковского губернского земства» — один из интереснейших источников по истории Псковского земства и истории края конца XIX — начала XX в. Современные исследователи привлекают материалы, опубликованные в земском периодическом издании, при изучении истории народного образования, здравоохранения, кооперации, страхового дела, земства в Псковской губернии. Но сам «Вестник Псковского губернского земства» (в дальнейшем «Вестник») как объект исследования редко попадал в поле зрения историков[1]. Не получила должного освещения публицистика «Вестника»[2]. А между тем это один из немногих источников по истории общественно-политической жизни губернии в 80-е годы XIX в., в период смены курса во внутренней политике страны от реформаторского либерального к охранительному консервативному.

«Вестник Псковского губернского земства» — первый в Псковской губернии негосударственный орган печати начал выходить со 2 октября 1880 г. и просуществовал до 1918 г., дольше, чем другие неофициальные губернские периодические издания. Его издавала губернская земская управа. При создании «Вестника» земцы ставили две основные задачи: первая — информирование земских гласных, земских служащих, чиновников коронной администрации и населения губернии о

деятельности органов местного самоуправления. Вторая состояла в том, чтобы дать возможность гласным и жителям всей губернии обмениваться мыслями и предварительно разрабатывать вопросы к предстоящим земским собраниям[3].

Соответственно все публикуемые в «Вестнике» материалы можно разделить на две группы. К первой следует отнести официальные документы высших органов власти, распоряжения коронной губернской администрации и документы, образующиеся в результате деятельности земских учреждений, городских дум, а также общественных организаций. Во вторую группу входят статьи, корреспонденции из уездов, заметки, письма читателей, материалы статистических исследований, перепечатки статей из других периодических изданий, в том числе и земских. В последних для нас наиболее интересна публицистика. В разные годы она неравномерно представлена на страницах земского печатного органа. В 1880 — 1881 гг. публикации по злободневным вопросам земской жизни занимали большую часть «Вестника». С изменением внутриполитической ситуации и усилением «охранительного начала» в царствование Александра III число их уменьшается, они постепенно вытесняются обзорными статьями об основных направлениях деятельности земств, просветительскими и статистическими материалами.

«Вестник» первых двух лет издания отличает значительное число авторов. Для периодического издания земцев писали выходцы из всех сословий: дворяне, крестьяне, священники, купцы, чиновники, земские служащие: врачи, учителя, статистики. Большая часть опубликованных материалов не подписана полным именем, вместо фамилий проставлялись инициалы или псевдонимы, некоторые статьи анонимны.

В период с 1880 по 1890 г. в «Вестнике» преобладала консервативная публицистика. И это несмотря на то, что издатели, члены губернской земской управы, в рассматриваемый период стояли на позициях умеренного либерализма. Об этом пишет А.А.Ярцев[4] в своей диссертации, это подтверждают и наши собственные изыскания. Отчасти объяснение этому факту мы находим в одной из статей «Вестника». Неизвестный автор пишет: «Я не хочу вовсе обвинять «Вестник Псковского губернского земства», приютивший на своих страницах эту реакционную воркотню людей мертвых для прогресса, для постоянного улучшения нашего общественного строя. На его страницах должны, разумеется, помещаться мнения гласных всевозможных оттенков. Вражду ко всему свежему молодому, живому вовсе нельзя игнорировать; в земстве она, как это не печально, представляет еще силу, с которой нельзя не считаться»[5].

Вторая и главная причина, обусловившая усиление позиций авторов, придерживающихся консервативных взглядов, связана с общим «охранительным курсом» Александра III.

Самыми яркими и плодовитыми корреспондентами «Вестника» в 1880–1887 годы были Д.И.Дараган и Петр Великолуцкий. Дмитрий Иванович Дараган — гласный Островского уездного земства в 1865–1873 гг., помещик Островского уезда, генерал от инфантерии, публиковал свои статьи в земском периодическом издании с первых номеров. С 1881 по 1887 годы в «Вестнике» были напечатаны его очерки и заметки под общим названием «Мысли сельского хозяина». (Заметим, что под таким же названием появилась его статья в № 4 «Русского вестника» за 1883 год. На нее ссылается В.А.Твардовская, анализируя позиции журнала по крестьянскому вопросу.)[6] Сначала Д.И. Дараган подписывал свои работы инициалами «Д.Д», а с 1885 г. под серией публикаций «Мысли сельского хозяина» стояла его фамилия. Предметом его выступлений в периодическом органе псковских земцев были самые разные вопросы. Как писал Д.И. Дараган в одной из

заметок, «в статьях наших мы касались и народного продовольствия и переселения крестьян, и крестьянского кредита и малоземелья крестьянских наделов; не молчали по поводу проектов от страхования полей от неурожаев, об учреждении должности губернского агронома, об учреждении в Псковском уезде школок грамотности; ... мы сделали целое обозрение положения — в каком находится у нас мелкое и крупное землевладение; ... мы наметили целую программу о том, какие предметы должны входить в земскую статистику, чтобы давать верное понятие об экономическом состоянии данной местности; в заметках наших на сообщение Д.И. Иванова под рубрикой «Псковский уезд» мы касались таких именно вопросов, которые должны были обсуждаться в земском собрании»[7]. В последующем темы его публикаций не меняются. Основное содержание статей Дарагана, к какому бы вопросу он ни обращался, в конечном итоге, сводилось к критике действий земских учреждений почти по всем направлениям деятельности. Д.И. Дараган был противником земской реформы в том виде, в котором она была проведена. Существующие земские учреждения действовали, как следует из его рассуждений, в интересах крестьян. Д.И. Дараган полагал, что крестьяне не должны рассчитывать ни на помощь государства, ни на поддержку земства, «мы считали бы благом для народа, если бы он перестал уповать на земство и понял бы, что благосостояние его зависит не от кого другого, как от него самого, от его трудолюбивой, твердой, бережливой и порядливой жизни»[8].

В статье, опубликованной им в «Русском вестнике», он прямо пишет, что причины бедственного положения крестьян в их ленности, прирожденной беспечности, в их нравственной, умственной и экономической несостоятельности[9]. Помочь крестьянам можно только просвещая их, обучая грамотности, воспитывая в них нравственность. Поэтому все усилия земства должны сводиться к просветительству, к созданию народных школ, которые «есть...рычаг к поднятию народного благосостояния»[10]. Необходимо «только привлечение как можно более крестьянской молодежи к простому учению грамоте, т.е. читать и писать... даже только читать». А обучение, по убеждению автора «Мыслей сельского хозяина», должно проходить только на средства сельской общины[11].

Интересно, что рассуждения Д.И.Дарагана о проблемах современной ему сельской жизни перемежаются с историософскими размышлениями: «Бедность и неустроенность крестьян, тяжелое положение помещичьих хозяйств в пореформенное время — это частные проявления экономической слабости России. Причины отставания страны от Западной Европы кроются в истории России; в татаро-монгольском нашествии, крепостном праве, которое было самым длительным среди европейских государств, в огромных пространствах России и малолюдности ее при такой территории, национальном характере и в «недостатке просвещения в массах»[12].

С такими рассуждениями Д.И. Дарагана не согласен еще один постоянный автор «Вестника» — Петр Великолуцкий (Очевидно, это псевдоним, дворян с такой фамилией в Псковской губернии не было. Сначала он также подписывал свои публикации инициалами «П.В.»). Причины отставания России от других европейских государств и Соединенных Штатов Америки, прежде всего, считал Петр Великолуцкий, в неверной экономической политике государства, в протекционизме: «Создавая фабрики и заводы, покровительствуя им посредством высоких таможенных тарифов, субсидиями и иными мероприятиями, мы упустили из виду необходимость создать для них потребителей в лице собственных сограждан, так как конкурировать нашим фабрикантам с западноевропейскими пока не под силу»[13]. В экономике страны должна быть «свобода выбора той сферы деятельности, к

которой кто более склонен». Община должна быть разрушена, следует вывод из рассуждений автора, бедные хозяева в деревне не могут производить конкурентоспособный товарный хлеб. Россия с ее неблагоприятными климатическими условиями средней полосы не должна во главу угла своей экономики ставить сельское хозяйство. В России нужно развивать промышленность, и здесь П. Великолуцкий вступает в резкую полемику с Д.И. Дараганом. Обширность территории, разнообразие климата — это преимущества России, да и сам русский народ «по своему духовному складу оказывается положительно способным в сферу индустриального труда, как в этом сознаются и сами наиболее дельные иностранцы»,[14] — считал П. Великолуцкий.

Обращаясь, как и Д. Дараган, к истории России, в поисках причин, повлиявших на ее отставание от европейских государств, он и здесь не согласен со своим оппонентом. Не татаро-монгольское иго, а позднее появление на исторической сцене помешало развитию России, а иго не было таким злом, как его представляют. И еще один фактор, по мнению П. Великолуцкого, отрицательно повлиявший на судьбу страны, — «чрезмерный индивидуализм, свойственный всем славянским племенам»[15]. Интересно, что весь довольно обширный исторический экскурс содержит отсылки на статьи Шелгунова и Щапова.

Но большая часть статей П. Великолуцкого была посвящена текущим злободневным проблемам земской жизни, тем же самым, о которых писал Д.И. Дараган. Шла ли речь о земских недоимках, народной школе, о причинах упадка крестьянских хозяйств. Земские недоимки, считали оба автора «Вестника», — это результат чрезмерного налогообложения, из-за которого у владельцев имений изымалось до $^1/_3$ дохода[16]. Петр Великолуцкий был противником «общеобразовательного направления» в любом виде обучения, будь то народная школа или среднее учебное заведение. (См. выше у Дарагана: достаточно просто обучить читать крестьян.) Избыточные знания, по его логике, привели к появлению в России категории «лишних людей», не способных к созиданию.

Упадок крестьянского хозяйства и нехватка рабочих рук — это результат непродуманной крестьянской реформы, которая привела к падению нравов в деревне. «С тех пор и доныне характер крестьянского труда принял свойство неутомительного препровождения времени между двух праздников, коим нет числа, и двух базаров, а тем более ярмарок»[17].

Критика П. Великолуцким деятельности земских учреждений была резкой, обличительной, явно тенденциозной. Стиль его статей очень верно передает эпиграф к одной из его публикаций.

«Не стая воронов слеталась,
На груды павших в битве тел
Собранье гласных собиралось
Удалых земских воротил»[18].

Но, несмотря на неприятие им характера деятельности современных ему земских учреждений, П.Великолуцкий — сторонник органов местного самоуправления: «Дурно ли, хорошо ли идет земское дело, общество имеет нравственное удовлетворение в том, что само заведует своим хозяйством и исполнено основательных надежд, что если теперь это хозяйство идет не совсем удовлетворительно, то со временем пойдет лучше, если обстоятельства будут благоприятствовать земскому делу»[19].

На все его выпады против земств появилась только одна статья, защищающая земские учреждения — «По поводу статьи: «Люди не от мира сего», подписанная инициалами М.С. В ней автор перечисляет результаты двадцатилетней деятельно-

сти земств: школы, больницы, доктора, практикующие среди сельского населения, всего этого не было до 1864 г. А причиной экономической несостоятельности помещичьих хозяйств являются, по мнению М.С., не земские налоги, а их владельцы «со своим неумением, не приспособленностью, не любовью к делу». Но оппонент П. Великолуцкого в чем-то вынужден признать его правоту: «Никто не отрицает того явления, что в земство с течением времени втерлись своекорыстные элементы, допустим, пожалуй, эти элементы в настоящее время составляют большинство, но это ведь еще не значит, что все земские деятели поголовно «пенкосниматели», как их называет г. Великолуцкий; не мало есть еще людей искренно преданных земскому делу»[20].

Таким образом, необходимость земских учреждений признавалась и консерваторами и либералами, только оценка их деятельности была различной.

В 1888–1889 годах на страницах «Вестника» развернулась полемика об эффективности деятельности земских учреждений. В 23 номере за 1888 г. за подписью «Гласный» редакция начала печатать большой очерк «Обзор 25-летней деятельности земства Псковского уезда». Неизвестный автор, гласный Псковского уездного земства, рассматривал все направления работы уездного органа местного самоуправления, и любое из них в его очерке выглядит неэффективным, просто навязанным народу, приносящим не столько пользу, сколько вред. Любые нововведения, будь то школы или больницы, создавались за счет земских налогов, которые были крайне обременительны для крестьян, полагал он, и в силу этого ухудшали его материальное положение. В заключение автор писал: «Окончив обзор деятельности земства Псковского уезда, за 25 лет его существования, нельзя не сознаться, что, в сущности, мы мало полезного сделали. Мы торопились только о том, что из этого выйдет»[21]. С подобным взглядом на земские учреждения были согласны не все гласные Псковского уездного земства. И в 1-м номере за 1889 г. появляется статья «Возражение» за подписью «Земские гласные в числе 6-ти». Последние восприняли критику автора «Обзора...» как обвинение в отношении всего земства и «образованного общества» и доказывали, с цифровыми выкладками, несостоятельность утверждений анонимного автора по всем пунктам его обвинений. И это была не единственная статья, в которой выражалось несогласие с отрицательным отношением к деятельности земства. С «Возражениями на обзор...» выступил «уездный земский гласный» в №6 «Вестника» за 1889 г. И газета Псковский городской листок в двух номерах опубликовала «Возражение неизвестному «гласному» от уездного земского гласного».

Следует отметить, что в этой полемике оценки набор аргументов в пользу своей точки зрения традиционный как для консерваторов, так и для либералов. Пожалуй, новым у оппонентов было то, что критик земских учреждений выступал с позиций защитника народных интересов, а аргументы либералов не сводились к пространным рассуждениям о пользе того или иного начинания, а подтверждались цифрами. Но последнее обстоятельство для критика земских учреждений оказалось не убедительным и в своем «Ответе...» он писал: «На это можно ответить одно, что статистика и действительность всегда вещи разные, и пререкаться об этом излишне, а официальные сведения есть только повторенная статистика»[22].

На наш взгляд, самыми оригинальными материалами «Вестника» за этот период были корреспонденции гласных-крестьян. В них авторы выступали как защитники своего сословия; шла ли речь о случаях злоупотребления волостных чиновников при исполнении своих служебных обязанностей или о ситуациях, связанных с нарушениями закона при переделах крестьянских наделов.

В небольшой заметке гласного Николая Кириллова «Несколько слов о действиях одного из волостных старшин» рассказывалось о нарушениях закона при сборе

оброчных податей. В заключение он делает вывод, по которому Кириллова никак нельзя назвать безгласным, безропотно подчиняющимся дворянскому большинству в уездном собрании. «Я думаю, действия его (волостного старшины. — Т.Ж.) были противозаконны; ни за какие недоимки, ни за какие взыскания долгов без исполнительных листов, сундуки не ломаются и не обыскиваются...Правда, много есть недоимок по губернии и на крупных землевладельцев, что видно из докладов земских управ, но с ними так жестоко не обходятся, на них нет Остенского волостного старшины, хотя закон для всех одинаков»[23].

Автором очерка «О крестьянском общественном землевладении», подписанного инициалами Ив.И.И., по-видимому, был гласный Псковского уездного земства И.И. Иванов, неоднократно публиковавший свои материалы до 1885 г. в «Вестнике», сначала подписываясь инициалами, а потом фамилией. В данной публикации он описывал факты злоупотреблений при переделах земли крестьянами-общинниками, в результате чего вдовы, одинокие старики оказывались практически без средств существования, анализировал законодательство по этому вопросу и предлагал меры к ограничению произвола по отношению к слабым членам общины[24]. Язык, стиль, проблемы, которые он поднимает в своих публикациях, позволяют сделать вывод о И.И. Иванове, как человеке достаточно образованном, знакомом с законами и, вполне возможно, только номинально к тому времени относившемся к крестьянскому сословию. Но в публикациях «Вестника» он горячо отстаивал интересы своего сословия. Показательна его отповедь критикам крестьян, недостатка которых на страницах не было: «Многие из признанных и непризнанных радетелей и попечителей о народном благосостоянии слишком многотребовательны и притом только к мужику. Смотрят на него во все глаза и за ним только и замечают пороки и недостатки, подгулял мужик в праздник, надел ли пиджак, который он благоразумно счел удобнее и дешевле длиннополой сибирки, ...взял ли молодой парень гармошку вместо бывшей балалайки, гудка или дуды — все это ему ставится в безнравственность. При этом советуют ему пить, и есть меньше, работать чуть не без отдыха и носить вечно одну и ту же сермягу... Мужик несколько столетий находился в крепостной зависимости, в безусловном повиновении владельцу, почему же его не выучили грамоте, не постарались сделать из него более нравственного человека? А после в какие-нибудь 25 лет желают от того же мужика полного перерождения»[25].

Приведенная выше цитата взята из заметки, опубликованной в 1884 г. В последующем подобных публикаций в «Вестнике» не было.

В заключение следует отметить, что в первые два года существования «Вестника» он действительно выступал трибуной для земцев Псковской губернии. На его страницах печатали свои заметки, статьи, письма представители всех сословий по самым злободневным вопросам земской жизни с различных позиций. С изменением политической ситуации в стране уменьшилось количество публицистических материалов и преобладающими стали статьи консервативного толка с резкой критикой в адрес земских учреждений, что не расходилось в целом с правительственным курсом.

---

[1] Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т.1, СПб.,1909. С. 563; Журавлева Т.Н. К вопросу о «Вестнике Псковского губернского земства» // Псковская губерния и ее архив. История и современность: Материалы научно-практической конференции 16 ноября 2001 г. Псков, 2001; Егорова Т.В. Из истории издательского дела на Псковщине // Земля Псковская древняя и современная. Псков, 1993. С. 16; Ярцев А.А. Земство Северо-Западных губерний России (1864–1904). Диссертация... кандидата исторических наук. СПб., 1995. С. 18.

[2] Журавлева Т.Н. Там же. С. 65–66.
[3] Там же. С.64.
[4] Ярцев А.А. Там же. С.76.
[5] Причины упадка благосостояния крестьянского населения Псковской губернии // Вестник Псковского губернского земства (в дальнейшем ВПГЗ). 1881. № 13 С.100.
[6] Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 112, 120, 121, 234.
[7] Д.Д. Мысли сельского хозяина (По поводу №9 Вестника Псковского губернского земства 1884 г.) // ВПГЗ. 1884. № 17 С.260.
[8] Д.Д. Заметка на сообщение Д.И.Иванова, помещенное в № 29-м «Вестника» под рубрикой «Псковский уезд» // ВПГЗ. 1881 № 32 С.256.
[9] Д.Д. Мысли сельского хозяина // Русский вестник. 1883, № 4 С. 587.
[10] Дараган Д. Мысли сельского хозяина (По поводу изменеиия порядка издания и формы «Вестника Псковского губернского земства») // ВПГЗ. 1887. № 4. С. 144.
[11] Д.Д. Мысли сельского хозяина. (По поводу статьи: Будущность наших народных учителей в связи с вопросом «о школках»). // ВПГЗ. 1884. № 10. С.148.
[12] Дараган Д. Мысли сельского хозяина. (По поводу статьи «К материалам о нашей необстоятельности») // ВПГЗ. 1885. № 8. С. 125–127.
[13] Петр Великолуцкий. К материалам о нашей необстоятельности (Из экскурсии по Вестнику Губернского земства) // ВПГЗ. 1885. № 18 С.276.
[14] Там же. С. 280. ВПГЗ. 1885. № 20. С. 309.
[15] ВПГЗ. 1885. № 19. С.294.
[16] ВПГЗ. 1884. № 51–52. С.805.
[17] Там же. С.808.
[18] Там же.
[19] Петр Великолуцкий. Ответное слово на клеветы М.С. // ВПГЗ. 1886. № 23. С.364.
[20] М.С. По поводу статьи: «Люди не от мира сего» // ВПГЗ. 1886. № 16. С.253.
[21] Гласный. Обзор 25-летней деятельности Псковского уездного земства // ВПГЗ. 1889. № 2. С.113.
[22] Ответ возражениям, помещенным в Земском вестнике на статью «Обзор 25-летней деятельности Псковского уездного земства» // ВПГЗ. 1889. № 8. С. 492.
[23] Гласный Николай Кириллов. Несколько слов о действиях одного из волостных старшин // ВПГЗ. 1881. № 11. С.86.
[24] Ив. И.И. Очерк о крестьянском общественном землевладении// ВПГЗ. 1881. № 32. С.256–258.
[25] ВПГЗ. 1884. № 15. С.227.

Э.Г. Истомина

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ПСКОВА XIX в.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Свое особое звучание городская социокультурная среда как широкая проблема наиболее осязаемые формы приобрела в начале XX столетия, когда появились исследования известных культурологов И. М. Гревса, Н. П. Анциферова и др. На новом историографическом уровне, на базе историко-социологических и культурологических исследований, на основе принципиального расширения круга источников и проблем изучение городской культуры обозначилось в 90-е годы XX в., когда появились труды, раскрывающие особенности функционирования города как социокультурного явления исторического процесса[1].

Следует отметить, что важное значение для углубления этой насущной проблематики имели исследования, посвященные культуре Петербурга, в которых особое внимание акцентировалось на методической стороне раскрытия темы[2].

Историографическая традиция изучения городской культуры благодаря во многом и названным работам постепенно стала выходить из орбиты широкого использования конкретно-отраслевых подходов, связанных с исследованием ее отдельных сфер. Появились исследования, где в основу методики ложился системно-функци-

ональный анализ культурного процесса, «при котором приоритетным становится рассмотрение культуры не как суммы отдельных отраслей, а функциональной системы, через выработанный механизм ее распространения — школу, книгу, культурно-просветительные учреждения, культурно-информационную коммуникацию»[3]. В итоге появилось междисциплинарное поле изучения культуры, требующее рассмотрения и учета многих факторов, составляюших живую ткань городской жизни, в том числе природные, социоэкономические, конфессиональные, социокультурные, архитектурные, художественно-эстетические и пр.

Историография культуры Пскова XIX столетия рассматривает многие стороны его общественно-культурной среды (театр, образование, биографии выдающихся деятелей). Однако в ней отсутствуют исследования, посвященные охвату вышеназванных основных факторов, способных раскрыть процесс формирования культурно-информационной системы, объединяющей конкретные историко-культурные явления, одновременно локализуя и персонифицируя их. Отсутствие широкой панорамной картины социокультурного пространства Пскова XIX в. в определенной мере связано и с тем, что в работах, где представлены различные сферы культурного процесса (просвещение, книга, периодика, театр и т.д.), пока еще имеет место недооценка роли конфессионального фактора (в данном случае — православной культуры).

Не разработана в целом как часть информационно-культурной системы деятельность местных обществ (археологического, музыкального, хорового, охоты и пр.), которые несомненно консолидировали городское сообщество, создавали такой качественный фактор, как «деятельная интеграция». В этом отношении особенно важен метод исторического «портретирования» деятелей тех обществ, в той или иной мере вносивших свою лепту в развитие городской культуры, формируя социальные связи, в итоге которых и возникала социокультурная информационная среда и ее инфраструктуры. Такой подход позволяет выявить в городском социуме не только то общее, что роднит его с прочими губернскими городами, «строится» в соответствии с общегосударственной политикой, но и обозначить определенные стороны его уникальности, неповторимости.

В рамках культурно-исторической антропологии, на наш взгляд, значительно легче выявить те общественные аспекты, которые влияли на развитие культурной коммуникации в псковской интеллектуальной среде, проанализировать шкалу ценностей, представлений и установок конкретных участников социокультурных процессов, сопоставить основы и эволюцию профессиональной и народной городской культуры.

В исследованиях рассматриваемой проблематики особенно явно проступает междисциплинарность подходов, широкое использование методов и определенной суммы данных из таких смежных наук, как социология, этнология, психология.

Остановимся на некоторых моментах городской церковной сферы, на значимости сакральных ценностей и их вписанности в светскую культуру Пскова. Этот аспект социокультурной среды менее всего затронут в трудах как псковских краеведов, так и историков широкого профиля.

Важнейшим моментом в характеристике конфессионального фактора являлись особенности его исторического функционирования. Древний Псков — это один из вариантов города-собора, в котором фиксировался образ-архетип — не церковь земная, но церковь небесная. Псковичи называли свой град «домом св. Троицы. За стенами средневекового Довмонтова города был собран целый сонм святынь — шесть соборов и 12 церквей (по числу концов и пригородов Псковской земли), предстоящих св. Троице. Вход в «дом св. Троицы» был отмечен собором Входа в

Иерусалим (внутренней стены Довмонтова города) и церковью Иоанна Богослова (свидетеля Небесного Иерусалима), находящейся вне стен Довмонтова города[4]. Неудивительно, что от начала XIV в. до 1460-х годов в Пскове было воздвигнуто 50 церквей. При этом псковской средневековой церковной культуре были чужды горделивый масштаб, уверенность, властность, как это выражалось в новгородской архитектуре. «Но, как отмечает А.И. Комеч, в чистоте поэтического образа псковских церквей есть особая непосредственность кроткого смирения, доверительность молитвенного обращения к Богу»[5].

Псков имел свою специфику церковной жизни, которая объяснялась ее долгой зависимостью от власти новгородских владык. Частная жизнь псковской церкви была в руках «поповских старост», избиравшихся из священников городских соборов, число которых было непостоянным (во второй половине XV в. — 6, позднее к ним прибавилось еще 5 соборов). Деятельность «поповских старост» была весьма ощутимой, проявляясь на многих сторонах городской жизни. Новгородские владыки редко посещали Псков, хотя их «гощение» по нескольку недель со значительной свитой всегда стесняло псковичей. Но освободиться от этой власти Пскову удалось лишь после учреждения патриаршества в 1589 г., когда было открыто несколько архиерейских кафедр, в том числе и псковской[6].

Однако долгое отсутствие близости высшей церковной власти укоренило в местном духовенстве широкое проявление себя не только в церковной сфере, но и в светской жизни. Неудивительно, что обычной формулировкой летописных известий и общественных постановлений были слова: «все божие священство и весь Псков». В итоге исторически сложилось так, что псковское духовенство стало играть важную культурообразующую и культуросохраняющую роль. В городе главенствовал Храм — он определял динамику городского социокультурного пространства, его внешний облик, «внутреннее содержание» и, наконец, менталитет псковичей. Сложное и многозначное понятие Храма в данной городской среде раскрывалось не только через типичное объяснение — «особое здание, посвященное Богу и предназначенное для служения ему»[7]. Храм в Пскове являлся центром духовной жизни и в значительной мере местом, в котором формировались определенные экономические связи города. Его многочисленные традиции и освященные законом функции имели исключительно сильное воздействие на все формы бытования Пскова, в том числе и на сферу торговли, ремесла, художественной жизни, политические и коммуникативные процессы. Он обеспечивал устойчивость традиционной культуры и направлял выбор новаций. Подобная роль церкви предопределила вектор городского социокультурного пространства на десятилетия вперед. Она заложила и многие стереотипы в этой области. Именно поэтому вопрос о специфике влияния церкви на городской социум имеет принципиальное значение для более глубокого познания механизмов сложения социокультурной среды и в XIX в.

В XIX в. роль Храма была определена выполнением многих сугубо государственно-административных функций (в частности, духовенство проводило регистрацию рождений, браков, смерти, освящение различных событий). Чередование труда и отдыха, формы и проведение праздников также в значительной мере определялись датами религиозного календаря, обязательного для всех. Религиозно-бытовой регламент, затрагивающий все важнейшие стороны жизни, выступал в качестве своеобычного закона общественного и личного поведения. Особое значение для горожан имел церковный приход — определенный микрорайон, где культурное влияние духовенства проявлялось в полной мере в том числе в сфере начального обучения. Все учащиеся учебных заведений, помимо изучения специ-

альных предметов (закона Божьего и священной истории), были обязаны посещать по воскресным и праздничным дням церковь и, по возможности, участвовать в церковных хорах.

Церковь постоянно выступала в качестве территориального объединения множества разнородных форм деятельности, оказывающих значительное влияние на формирование общественно-культурной среды города. Так, значительным явлением в общественной жизни Пскова были многочисленные и многолюдные крестные ходы. В XIX в. они совершались как в честь различных исторических событий (например, в память об освобождении от войск Стефана Батория в 1581 г., в память о войне 1812 г. и т.п.), так и в честь местных святых и храмовых праздников (в течение года по этому поводу совершалось 12 ходов); и наконец, крестные ходы устраивались по особому желанию жителей (например, в связи с избавлением от эпидемии холеры и т.д.). Отдельные крестные шествия длились до трех дней. Их участники проходили значительные расстояния, например, совершая обход вокруг города и посещая сельские монастыри. Так в 1867 г. был утвержден крестный ход, связанный с Крыпецким монастырем, в 1868 г. — с погостом Выбуты[8]. 8 сентября 1881 г. в день празднования юбилея «славной защиты Пскова, во время осады его Польским королем Стефаном Баторием в 1581 г.» состоялся крестный ход, в котором участвовали прихожане 30 городских церквей, монашество трех монастырей, городские власти, начальство и учащиеся всех учебных заведений и «громаднейшая масса» как городского, так и окрестных сел и деревень населения[9]. Начало крестного хода было отмечено богослужением в Троицком соборе, на котором присутствовали губернатор, все гражданские и церковные власти. Такие общественно значимые события оказывали огромное влияние на коммуникативные процессы в культурной среде города.

В XIX в. в Пскове, как и ранее, главным сакральным центром оставался Троицкий собор. С ним были связаны основные проявления духовно-нравственной и общественной жизни города, здесь находились религиозные и государственные святыни. Троицкий собор являлся доминантой центрального пространства города (в семантическом смысле). Именно эта территория обладала наибольшей сакральностью и ассоциировалась с выражением государственной идеи, одновременно выступая как символ и олицетворение города[10].

Культурологи одним из важнейших культурообразующих факторов считают городскую архитектуру. В этом отношении в XIX в. в Пскове доминировала церковная архитектура. Это была постоянная среда обитания горожанина. Архитектурное пространство диктовало особый тип поведения, создавало определенное эмоциональное восприятие города как для постоянно живущих в нем, так и для приезжающих[11].

Однако, оставляя специалистам попытку рассмотрения восприятия горожанами в XIX в. псковской церковной архитектуры, следует заметить, что приходские церкви в этот период продолжали оставаться важнейшими центрами духовной и общественной жизни псковского населения. Здесь совершались общественные богослужения, через церковную культуру (иконопись, прикладное искусство, пение) прихожане соприкасались с высокой культурной традицией. Каноничность богослужения формировала общие для многих поколений горожан вкусы, зрительные впечатления и нравственные позиции. В XIX в. в богослужебную практику стало входить проповедничество, что вносило в молитвенно-литургическое общение некий новый аспект — появлялась пища для ума, рассудка и интеллекта. В последние десятилетия XIX в. к проповедничеству добавилась катехизация — систематическое внебогослужебное собеседование по вопросам основы веры, литургичес-

кой службы. В храмах зачитывались императорские приказы, что превращало церковь в один из каналов систематической информации гражданского и политического характера. В организации церковных буден и праздников значительную роль играли мирские сходы. Они избирали или нанимали причт, определяли церковного старосту, непосредственно распоряжались церковным имуществом, контролировали церковную казну. Среди старост приходов было немало известных горожан — купцов, чиновников, городской интеллигенции. В последней четверти XIX в. в приходах создавались попечительства, ведавшие состоянием приходского храма, оснащением приходской школы и т.п.

Псковская церковь оказала значительное влияние на формирование культурно-просветительской, общеобразовательной среды. Одним из старейших учебных заведений Пскова была духовная семинария, где по отчету 1887 г. училось 244 человека и в духовном училище при ней — 122 ученика. В епархиальном женском училище в этот период насчитывалось 159 учеников[12].

С именами псковских священников, лиц, причастных к высокой церковной власти, связано и развитие «церковной археологии», отрасли знания, занимавшейся памятниками старины. В ней проявились определенные принципы, связанные с изучением «христианских древностей». Прежде всего, духовенство стало приобщаться к описанию монастырей, храмов, библиотек, рукописных собраний и ризниц, что внедрялось в церковную практику по рекомендациям Синода. Обозначился своеобразный жанр монографического церковно-археологического (или церковно-статистического) очерка. Обычно объектом его был храм, монастырь, для изучения и описания которого привлекался широкий круг источников — от архивных документов по истории до описаний, рисунков прикладного искусства, строительных деталей, надгробий, облачений и т.д. Составителями таких очерков чаще всего были священники, настоятели монастырей. Пскову повезло — один из первых трудов в этой плоскости был создан Евгением Болховитиновым, служившим на псковской кафедре с 1816 по 1822 г. Здесь он положил начало написанию «Истории княжества Псковского» (издана в Киеве в 1831 г.), трудился над «Летописями древнего славяно-русского княжеского города Изборска» (Отечественные записки, 1825 г., ч.22, № 61), составлял «Описание шести псковских монастырей» и т.д. После него особый след в создании подобных трудов оставили такие представители церкви, как протоиерей Н. Ф. Милевский, иеромонах Иосиф, А. С. Князев (бывший инспектор духовной семинарии), священники В. Д. Смиречанский, Г. Лебедев, А. К. Березский, преосвященный Павел (бывший епископ Псковский и Порховский) и ряд других. Многие священнослужители проявили особую активность, участвуя в работе Псковской археологической комиссии, Псковского археологического общества, Статистического комитета.

В начале 90-х годов был разработан Устав Псковского церковно-археологического комитета, утвержденный в 1908 г.. Главная его цель — изучение церковно-религиозной жизни Псковского края в его прошлом и настоящем, охранение церковных древностей, образование церковно-археологического музея письменных и вещественных памятников местной церковной старины[13]. В 1910 г. вышел в свет первый труд Комитета — «Псковская старина: Труды Псковского церковно-археологического комитета» под ред. Н.И. Серебровского.

Обозначенная деятельность представителей церкви, в т. ч. их труды по сохранению «христианских древностей», объединяла творческие силы Пскова в интеллектуальное сообщество, создававшее механизмы формирования связей, посредством которых и возникала культурно-информационная среда. Этим преодолевалась ог-

раниченность и замкнутость в сфере культурных норм и ценностей. Изучение подобных аспектов городской жизни позволяет конкретизировать наши знания о социокультурной среде.

В добавление к этому следует отметить, что на протяжении XIX в. в Пскове действовало от 30 и до 45, а в некоторые годы и более церквей, и от трех до четырех монастырей: Спасо-Мирожский, Старо-Вознесенский, Иоанно-Предтеченский, Снетогорский (в последнем с 1804 г. — пребывание Архиерейского дома). Тесную связь с Псковом имели и монастыри ближайшей округи — Крыпецкий Иоанно-Богословский и Спасо-Елизаровский. Почти все они владели богатейшими ризницами и библиотеками, которые сыграли особую роль как в комплектовании Псковского музея, так и в создании впоследствии Псковского древлехранилища, одного из крупнейших России.

Пласт православной культуры был тесно связан со светской просветительской средой: с учебными заведениями, которыми располагал город (мужская и женская гимназии, учительская семинария, земское женское училище, реальное училище, землемерное училище, кадетский корпус, рисовальные классы, а с 1913 г. — Художественно-промышленная школа им. Н.Ф. Фан-дер-Флита и др.), библиотеками (в разное время их число от двух до шести — общественная и частные, при различных обществах, например, народная библиотека Псковского попечительства о народной трезвости и пр.), книжными магазинами (в 80-е годы — два частных книжных магазина, книжный склад при уездной земской управе и книжный «шкаф» на железнодорожном вокзале).

Особую роль в духовно-культурной интеграции, в воскрешении и сбережении исторической памяти, создании коммуникативной сети городского и даже регионального уровня сыграли частные инициативы местной интеллектуальной элиты через деятельность таких организаций, как Статистический комитет, Археологическая комиссия при нем, затем Археологическое общество Пскова, почетными и действительными членами которого были выдающиеся деятели науки и культуры: А. С. Уваров, С. Ф. Платонов, А. А. Спицын, Н. Ф. Окулич-Казарин, А. А. Бобринский и др. Благодаря деятельности этого общества было подготовлено и издано немалое количество исследований, альбомов, документов, собраны (получены в качестве пожертвований или выкуплены многие частные библиотеки, монастырские собрания рукописей и старопечатных книг, важнейших музейных экспонатов). В 1914 г. в обществе было 119 действительных, 28 почетных членов и 17 сотрудников[14].

Для создания полной модели социокультурной среды города несомненно должна рассматриваться и деятельность других обществ, бывших важной составляющей псковской реальности (музыкальное, хорового пения, драматического искусства, врачей и пр.).

Предлагаемый подход будет способствовать изучению механизмов возникновения местных интеллектуальных сообществ, вызревания их инициатив по расширению и углублению культурно-информационной среды, связей этих сообществ с правительственным курсом в области культуры. Важно и осмысление такой проблемы, как связь Пскова со столицей, оказывавшей несомненное влияние на многие стороны провинциальной жизни. Таким образом, объединение всех вышеназванных факторов даст возможность реконструкции общей картины социокультурной среды города.

Итак, размышления о культурных процессах Пскова, его культурно-информационной среде создают предпосылки для решения проблем не только городской микроистории, но и позволяют расширить рамки изучения историко-культурного пространства, осмыслить его в контексте общего развития культуры России.

---

[1] Город как социокультурное явление исторического процесса: Сб. статей. М., 1995; Город и искусство: субъекты культурного диалог:. Сб. статей. М., 1996. Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998; Социокультурное пространство диалога. Сб. статей. М., 1999 и др.

[2] Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга. Очерки истории. СПб., 2001 и др.

[3] Кошман Л.В. Указ. соч. С. 15.

[4] Вильк Е.А. Сакральный город: основной сюжет Петербургской мистерии //Феномен Петербурга. Труды Международной конференции. 3-5 июля 1999. СПб., 2000. С.41.

[5] Комеч А.И. Специфика архитектуры Пскова и традиции церковной жизни в его организации // Город как социокультурное явление исторического процесса: Сб. статей. М., 1995. С.262.

[6] Василев И. И. Историко-статистический очерк города Пскова. Псков, 1878. С.32–34.

[7] Христианство. Энциклопедический справочник. Т. 3. М., 1995. С. 167.

[8] Василев И. И. Историко-статистический указатель города Пскова. Псков, 1889. С. 57–58.

[9] Трехсотлетний юбилей славной защиты Пскова во время осады его польским королем Стефаном Баторием в 1581 году. Псков, 1881. С. IV–VII.

[10] Кириченко Е.И. Сакральный, государственный и социальный аспекты в градостроительстве (Россия XVIII–XX в.) // Город и искусство .... С.94–95.

[11] Келлер Е.Э. Указ. соч. С.13–15.

[12] Василев И.И. Историко-статистический указатель ... С.61.

[13] Псковские епархиальные ведомости», 1909. N 1. С.1-7 // Сохранение памятников церковной старины России XVIII – начала XX в.: Сб. документов. М., 1997. С. 235–237.

[14] Василев И. И. Историко-статистический очерк города Пскова... С. 47.

Г.П. Боренко

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПСКОВА В ЕГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Формирование объемно-пространственных композиций, воспринимаемых нами в современном Пскове как исторический центр города, прошло противоречивый путь развития, расцвета, упадка и, наконец, послевоенного периода XX в. становления системы охраны-развития историко-культурного наследия.

Критерии градостроительной, пространственной значимости исторического недвижимого наследия проходили сложный путь — от оценки и взятия под охрану отдельных объектов: зданий, сооружений, объектов археологии, отдельных городских и загородных дворцово-парковых ансамблей — к охране территории культурного слоя земли, фрагментов планировки и застройки периодов средневековья, губернского города XIX в., отдельных периодов застройки XX в. Такой путь оценки и становления системы охраны культурного наследия прошло и наследие Пскова. Несмотря на потери недвижимых памятников культурного наследия, понесенные Псковом за прожитые столетия, его исторический архитектурно-планировочный потенциал оценивался высоко, и Псков одним из первых в 1970 г. был включен в список 115 исторически ценных городов, то есть признавалась необхо-

димость оценки и формулирования правил охраны исторического градостроительного наследия с учетом потенциала его развития.

Правила охраны исторического недвижимого наследия разрабатывались в течение нескольких десятилетий. Постепенно намечалось направление более широкого охвата разнообразия условий существования и сохранности историко-культурных объектов и территорий их расположения.

Для обоснования необходимости распространения охраны от отдельного архитектурного памятника к охране-развитию градостроительной, пространственной структуры исторического города необходимо рассмотреть становление современных взглядов на ценность внутригородских пространств, а также их взаимосвязь с природным городским и пригородным ландшафтом.

Результаты многолетних исследовательских работ историков, краеведов, археологов, архитекторов позволяют выделить ключевые этапы формирования планировки и застройки Пскова, проследить их устойчивые пространственные качества, сохраняющие преемственность композиционных образов как всего города, так и его внутренних открытых пространств: набережных, площадей, улиц и парков.

Из анализа преображения ландшафта, связанного с территориальным распространением городской структуры на пригороды, необходимо выделить те устойчивые композиционные приемы формообразования внутригородских пространств и те панорамные композиции, которые обозреваются при подъезде к городу и сохраняют уникальные архитектурно-градостроительные качества Пскова. В понятии охрана-развитие историко-культурного наследия, применительно к пространственной ситуации Пскова, под определением «развитие» подразумевается преемственность композиционных приемов организации городских пространств исходя из результатов анализа исторического пути их развития. Выводы такого анализа перспективно использовать при дальнейшем развитии города и особенно при реконструкции исторического центра.

Для первого этапа оценки существующей градостроительной ситуации характерно выявление особенностей природного ландшафта, благоприятного не только для функционального развития поселения, но и для создания композиционных пространственных связей с окружающими природными достопримечательными особенностями рельефа, лесных массивов, открытых ландшафтов луговин, рек и озер.

На первых этапах формирования городской среды возвышенности рельефа — холмы, гряды водоразделов, особенно выходы скальных пород при слиянии рек, то есть структура природного рельефа и служил основой, камертоном объемно-пространственных композиций поселений, многие из которых со столетиями превращались в обширные городские пространства, поглощавшие естественную связь с природным окружением.

Анализ ключевых этапов тысячелетнего преобразования внутригородских пространств, их композиционных взаимосвязей с пригородным ландшафтом послужил основой для выделения градостроительных объемно-пространственных предметов охраны современного Пскова.

Основание крепости — Кремля — на высоком рельефе при впадении реки Псковы в реку Великую не только отвечало функциональным требованиям средневековья о размещении крепостей, но и выявило градостроительную композиционную основу городской структуры на тысячелетия. Последующее формирование современных городских пространств, изменение композиционных связей с природным ландшафтом, застройкой зависело от изменений экономического и социального, культурного преобразования общества. Эти изменения отражались на каче-

ственных характеристиках новой городской среды, которая или раскрывала ценные пространственные качества предыдущего периода, или подавляла, или их уничтожала.

Процесс законотворчества в области охраны использования градостроительного наследия тесно связан с развитием городского хозяйства и направлениями нового строительства. На современном этапе этого процесса сформулированы правила охраны отдельных разновидностей недвижимого культурного наследия в Законе об объектах культурного наследия Российской Федерации, вступившего в силу 25 июня 2002 г.

Однако еще не ясно проявился инструментарий градоформирующих приемов, который мог бы объединить выводы специалистов, составивших правила охраны обособленно: в области археологии, архитектуры, природного ландшафта, и создать условия охраны ценных городских пространств, зрительно воспринимаемых в активно развивающемся городе.

На примере развития территории Пскова и превращения природных ландшафтов в городскую планировку и застройку различной степени архитектурно-пространственной ценности попытаемся выявить некоторые характеристики, раскрывающие смысл определения «охраны-развития» в современных условиях. Иначе говоря, рассмотрим некоторые закономерности между охраной городских пространств, сформированных во времена основания крепости, в периоды развития посадов, с поэтапным ограждением их крепостными стенами, в период застройки Пскова — губернского города и, наконец, нескольких периодов трансформации городских пространств в XX в.

Результаты исследований исторической топографии в сопоставлении с историческими планами и письменными источниками, а также с натурным обследованием территории позволяют оценить сочетания природного ландшафта с планировкой и застройкой, возникшие в средневековом городе и сохраняющие ключевую роль в пространствах современного Пскова[1].

Целесообразно выделить несколько градаций пространств, заслуживающих отношения к ним как к предметам градостроительной охраны: — пространства многовекового преобразования планировки и застройки Окольного города; — пространства долин рек Великой и Псковы; а композиционные приемы организации пространств новой застройки как вид «охраны-развития» исторического архитектурно-планировочного потенциала Пскова.

Формирование внутригородских открытых пространств исторического центра — Окольного города

Освоение природных ландшафтов строительными средствами на первых этапах формирования городской ткани Пскова раскрывают исследования и научные работы историков, археологов, архитекторов начиная с конца XVIII в. Изучению архитектуры зданий и сооружений посвящены многие научные труды. Свое отношение к топографии описал Ф.А.Ушаков, оценив историческое преобразование средневековых сооружений — крепостных стен 1309–1375 гг., ценные исследования провел Н.Ф.Окулич-Казарин, опубликовав их результаты в книге «Спутник по древнему Пскову». На основе исторических источников и археологических работ Г.П.Гроздилов охарактеризовал в общих чертах процесс развития города.

В XX в. развивалось сопоставление письменных документов, исторических планов с результатами археологических исследований. Данные по истории и топографии крепостных сооружений Пскова, повлиявших на форсирование знаний о

своеобразной пространственной городской структуре, содержатся в работах археологов П.А.Раппопорта, В.В.Косточкина, С.А.Тараканової, В.Д.Белецкого, М.Х.Алешковского, И.К.Лабутиной, А.Н.Кирпичникова. Знания в области археологии церквей и монастырей пополнили исследования археологов Г.П.Гроздилова и В.Д.Белецкого.

Историю знаний псковской архитектуры обогатили труды Ю.П.Спегальского, Л.М.Тверского, А.В.Бунина, В.А.Лаврова, Е.Н.Морозкиной, Г.Я.Макеева и др. Изучение феномена исторического наследия продолжается и в наши дни.

Успехи, достигнутые в открытиях памятников, их изучении и обогащении новыми фактами истории становления и развития псковского городского ландшафта, долгое время не выходили за рамки корпоративных научных достижений. Не использовались научные результаты в реальном развитии планировки и застройки. Город же и внутригородские пространства жили по законам социально-экономического развития определенных исторических периодов. Методы сохранения историко-культурного наследия первоначально складывались по музейной методике. Первоначальная организация охранных зон предусматривала только физическое сохранение памятника и благоприятные территориальные участки вокруг памятника (охранные зоны), для беспрепятственного осмотра его деталей — с ближних расстояний и всего объема по возможности — с дальних расстояний.

В послевоенные 40-е годы — период первых шагов возрождения городов — проявилось стремление к градостроительным приемам выявления городских пространств, в которых определяющую роль играли сохранившиеся и возрождаемые памятники архитектуры во взаимосвязи с исторической планировкой и компонентами природного ландшафта.

Один из первых опытов градостроительного подхода к сохранению архитектурно-планировочных памятников через охрану пространств, в которых проявилась бы связь архитектуры и планировки прошлого, принадлежит Юрию Павловичу Спегальскому[2].

В годы Великой Отечественной войны в Пскове были уничтожены половина жилого фонда, общественные и промышленные здания, ряд памятников древнерусской архитектуры. Уже в последние дни войны Юрий Павлович, архитекторы и инженеры-проектировщики искали пути восстановления города. В 1945 г. был создан генеральный план Пскова коллективом специалистов под руководством архитекторов Н.В.Баранова и А.И.Наумова[3]. К этому времени был подготовлен Ю.П. Спегальским первый проект охраны памятников — «Проект заповедников Пскова». Проект содержал результаты многолетних исследований средневековой псковской архитектуры в тесной взаимосвязи с планировкой улиц, площадей, доминирующего композиционного положения в городском пространстве средневековой архитектуры. Особое внимание было обращено на роль оборонительных сооружений (системы стен и башен) в архитектурно-планировочной организации городского пространства. Автор стремился найти приемы сохранения и в ряде случаев воссоздания большей части древних улиц, площадей, архитектурного образа застройки в новых современных ему градостроительных условиях возрождаемого города. Юрий Павлович в своем проекте искал пути живой планировочной и объемно-пространственной связи реставрированных зданий-памятников, сохраняемых площадей и улиц средневековой планировки, врисовывая их в новую систему планировки и застройки, предложенную авторами генплана.

В определении характера застройки возрождаемой ценной планировочной структуры автор считал главным соблюдение сомасштабности объемов зданий с планировочными элементами древних улиц. В проекте высказана мысль о том, что установление охранных зон вокруг отдельных памятников не играет градостроительной роли. Это мнение противопоставлялось установившемуся в то время отно-

шению к архитектурному памятнику как к музейному экспонату. Однако для восстановления композиционного смысла архитектурного памятника в изменяющейся городской среде необходимо оценить всю сложившуюся многовековую планировку и застройку исторической части города, а не выбирать из нее небольшие участки с архитектурными памятниками для охраны только одного из периодов развития города.

Ценность первого опыта градостроительного подхода состоит в ясно выраженном стремлении к научному обоснованию решений генплана. Одновременно с нормативными планировочными решениями генплана прозвучали градостроительные требования к охране историко-архитектурного наследия. Генплан смог учесть проект зон охраны памятников древнего Пскова только в виде небольших фрагментов Окольного города.

К 50-м годам большая часть городской застройки Пскова оставалась малоэтажной и усадебной. В пространстве города четко воспринимались уцелевшие в войну только фрагменты крепостных стен Окольного города, Кремля, кончанских церквей, гражданских построек, относящихся к протяженному периоду существования города: от X до 40-х годов XX в.

Экономической основой не только развития, но и существования малых и средних городов в середине прошлого столетия был единственный путь — размещение промышленных предприятий, в подавляющем большинстве — филиалов промышленных гигантов крупных городов.

На примере Пскова можно проследить, как появление крупных промышленных предприятий изменило сложившиеся к 50-м годам представления о масштабе территориального развития города. Генпланы того времени в соответствии с градостроительными нормативами взяли курс на индустриализацию города и развитие многоэтажного типового домостроения.

К сожалению, застройка Окольного города типовыми пятиэтажными домами, последовавшая в пятидесятые годы прошлого столетия по планировочным проектам на основе градостроительных норм и правил, не учитывала ценный потенциал исторических пластов развития композиций городских пространств. Направление на стандартизацию проектного дела и строительства, обусловленное социально-экономическими условиями тех лет, значительно сократило возможность осуществления планировочной и объемно-пространственной преемственности средневековых фрагментов и последующих периодов городского строительства.

Несмотря на усложненную градостроительную ситуацию, в проектах, разработанных институтом «Ленгипрогор» совместно с Псковской специальной научно-реставрационной мастерской, в 60 — 70-е годы последовательно развивались методы формирования охранных мероприятий исторического наследия с позиций их градоформирующей роли.

В 1967–1969 годах Архитектурная мастерская № 2 института «Ленгипрогор» разрабатывает проект охраны памятников исторического центра Пскова[4].

В 1968–1969 годах в работе над проектом принял участие Ю.П.Спегальский в качестве консультанта. Специалисты Псковских научно-реставрационных мастерских во главе с главным архитектором В.П.Смирновым активно приступили к реставрации архитектурных памятников. Осуществленные в натуре участки района Солодежни, Покровской башни, а также реставрационные работы в районе Полонища и Кремля подтвердили правильность учета композиционного значения памятников в городском пространстве, намеченных в 1945–1947 годах.

В проектах охраны памятников, работа над которыми продолжалась в сопоставлении с разработкой градостроительной документацией территориально развиваю-

щегося Пскова как общественно-культурного и промышленного областного центра, учитывалась градостроительная роль построек на ключевых исторических этапах становления городских пространств. Проектные решения следовали градостроительному принципу сохранения городских средневековых ансамблей не как обособленных памятников исторической застройки, а как пространственно связанных между собой планировкой улиц, площадей, набережных, и, наконец, водной системой с архитектурой последующих периодов в единый городской ансамбль — Исторический центр развивающегося современного города[5].

Значимость построек XVIII–XIX столетий в предпроектных исследованиях стилевых характеристик архитектуры, прежде всего, определялась с позиций их градостроительной роли и масштабности по отношению к самому ценному — историческому ядру города и его планировочной структуре, к основным памятникам средневековой архитектуры, сохраняющим в течение многих веков неповторимый архитектурно-ландшафтный образ древнего Пскова.

На формирование городской среды Пскова, как и в большинстве российских городов, сохранивших градостроительные памятники средневековья, регулярная перепланировка на рубеже XVIII–XIX вв. стала этапом преобразования внутригородских пространств. В каждом случае индивидуального развития города застройка XIX в. сыграла значительную роль в урегулировании внутригородских пространств: спрямлении улиц, выявлении четких геометрических очертаний площадей. Архитектурное формирование регулярной планировки начала XIX в. представляет особую ценность, если оно выражено масштабной застройкой по отношению к площади, параметру улиц, поддерживает высоту строений, соотношение озелененных и застроенных пространств, сохраняет или подчеркивает композиционное значение средневековой архитектуры и своеобразие природного ландшафта.

К концу XIX в. благодаря застройке центра города этого периода стали зримыми планировочные решения в их объемно-пространственном выражении в натуре. Сравнивая средневековые планы и планы XIX в. с их архитектурным выражением на фотоматериалах и отдельными постройками в натуре (сохранившимися после Второй мировой войны), можно судить о преемственности лучших традиций российского градостроительства: бережном отношении к архитектурным ансамблям средневековья — сохранением масштабного соотношения рядовой застройки и архитектурных акцентов, выявлением активной композиционной связи с окружающей природной средой, включением компонентов природной среды не только в композиции городских пространств, но и ориентацией улиц на пригородные пейзажи. Особое внимание уделяется в Пскове пространствам долин рек. Разность высот отметок рельефа берегов р. Великой подчеркивалась контрастом высоты застройки противоположных берегов реки, выявляя природные качества акватории в условиях преобразования городских пространств второй половины XIX в. — Пскова губернского периода.

Главная городская архитектурная доминанта Троицкий собор композиционно объединяла не только основные визуальные оси долин рек, городских магистралей, улиц, но и оставалась архитектурным ориентиром загородных дорог.

Однако застройка второй половины XIX в. не всегда способствовала раскрытию градостроительных замыслов предыдущих периодов. Иногда даже вкрапление одного крупногабаритного здания искажало спокойный ритм застройки улиц, площадей, целых районов города, составляющих масштабную фоновую среду для выразительного ансамбля архитектуры более раннего периода. Например, в историческом центре Пскова — это многоэтажный дом по ул. Ленина.

Удачные примеры, с градостроительных позиций, оставили XIX и начало XX в. в застройке Новгородской (Карла Маркса), Советской улиц, Октябрьского проспекта. Органично вошли в городской ландшафт постройки архитектора Ф.П.Нестурха. Благодаря масштабному соответствию объемов застройки параметрам улиц и площадей, регулярная перепланировка начала XIX в. приобрела объемно-пространственное, композиционное звучание. Архитектура фрагментов улиц, набережных и площадей, органично вошедшая в застройку Пскова, соразмерна сохранившимся пространствам средневековых архитектурных ансамблей и сооружений.

Разрушения Второй мировой войны, уничтожившие почти весь деревянный фонд города, обнажили противоречия и согласованность пространственных решений и преобразования природного ландшафта предвоенного периода.

Дискуссии в послевоенный период по поводу будущего развития города не умолкали (они не умолкают и до сих пор): быть ли городу музеем и жить за счет туризма и возрождения народных ремесел или развиваться в качестве преемника губернского статуса. Первый вариант, скорее консервации, чем развития, противоречил истории геополитического значения Пскова — столицы средневековой республики, губернского города в XIX в., областного центра — с середины XX в.

Областной город — многофункциональный, живой, развивающийся организм, он требовал организации жизни населения, соответствующих нормам и правилам 60–70-х годов. Перенос на исторические районы типовых решений микрорайонирования угрожал существованию градостроительного ансамбля Окольного города. Комплексный подход к оценке памятников истории и культуры намного уменьшил количество сторонников охраны отдельных сооружений без сомасштабной им городской среды. Предлагалось регулировать высоту застройки и размеры площадей кварталов исходя из интересов охраны величины и положения в городском пространстве исторических архитектурных ансамблей. Наконец, получило признание предложение регулировать объемное и планировочное внедрение застройки в исторически ценную городскую среду — как неоспоримо важное звено в деле спасения градоформирующего, композиционного значения архитектурного памятника.

Начиная с рубежа 60–70-х годов в институте «Ленгипрогор» впервые генплану и проектам детальной планировки предшествовали «проекты зон охраны памятников истории и культуры»[6].

На основе анализа итогов многолетних историко-архитектурных и археологических исследований, а также натурных обследований стало очевидным то, что охрана гармонично сосуществующих пространств исторической среды различных эпох должна быть признана градостроительной ценностью Пскова. В проектах генплана и развития центра города учитывались градостроительные достижения всех периодов становления как функциональных зон, так и городских пространств (рис. 1).

Живописное разнообразие природного ландшафта долин рек Великой, Псковы, Мирожки — природный каркас пространственного архитектурно-планировочного развития Пскова.

Живописные качества природного каркаса подчеркнуты размещением главного ансамбля — Кремля — на самом высоком рельефе узкого участка полуострова при впадении Псковы в Великую. Основная доминанта кремля — Троицкий собор, несмотря на ряд перестроек в течение тысячелетия, сохраняет градоформирующее качество, объединяя в пространственный ансамбль долины рек на расстояниях до «порога» зрительного восприятия архитектуры построек и сооружений (3 км)[7].

Рис. 1. Формирование архитектурно-пространственных композиций долин рек в системе исторического центра

Величие пространства долины реки в пределах исторического центра выявлено на первых этапах градостроительного развития Пскова противопоставлением крупных архитектурных объемов кремля с Троицким собором, стен, башен и культовых сооружений высокого правобережья — небольшим объемам архитектурных акцентов низкой пойменной полосы левобережья на Завеличьи (церквей Климента, Успения с Пароменья, Иоановского собора и ансамбля Мирожского монастыря — на полуострове при впадении р. Мирожки в р. Великую). Градостроительный прием, продиктованный средневековыми военно-стратегическими, функциональными требованиями, постепенно сформировал архитектурно-ландшафтный ансамбль, сохранивший и в наши дни пространственное величие, соответствующее названию

реки «Великая». Широту пойменного пространства «хранят» сочетания небольших объемов архитектурных акцентов, озеленение и низкие строения, расположенные у воды, обозреваемые на фоне неба и отражающиеся в водах реки — в контрасте с главной городской доминантой ансамбля кремля — Троицким собором.

Таким образом, архитектурно-ландшафтное городское пространство поймы реки Великой в пределах протяженности стен Окольного города, объединяющее природный ландшафт, исторические и архитектурные памятники рассматриваются как ландшафтно-градостроительный предмет охраны культурного наследия. В режимах регулирования застройки главной пространственной достопримечательности древнего архитектурно-ландшафтного ансамбля необходимо пересмотреть проектную и строительную практику размещения крупных габаритов зданий и сооружений в пойме р. Великой, между ул. Горького и набережной реки — на Завеличьи, а также на полуострове водораздела рек Великой и Мирожки. Природный ландшафт долины реки Псковы в пределах Окольного города с живописным рельефом, в сочетании с архитектурными доминантами — кремлем с Троицким собором и Гремячей башней — завершенное архитектурно-ландшафтное пространство, несомненно, также представляет предмет градостроительной охраны.

Застройка этих территорий крупногабаритными зданиями приведет к утрате уникального внутригородского архитектурно-ландшафтного пространства. Главная ценность панорам исторической застройки Петербурга, Пскова и других городов с внутригородскими водными системами — сохранение зрительного прочтения силуэтных частей исторических архитектурных ансамблей в панорамах прибрежной застройки на фоне неба.

В проектах зон охраны недвижимого культурного наследия предусматривалась не только охрана — возрождение градостроительных решений прошлого, выраженное в сохранении городских пространств, созданных сочетанием архитектуры с природным ландшафтом, но предлагалось распространить своеобразные приемы организации городских пространств на новые районы, с учетом доминирующего положения архитектурных акцентов в композициях пространств исторического центра. Застройка XIX–XX вв., возводимая в городе с многовековой архитектурно-строительной культурой, оценивалась с позиций градостроительного вклада — обогащения внутригородских пространств и раскрытием ландшафтных особенностей Псковской земли.

Композиционные приемы организации пространств новой застройки рассматривались как вид «охраны-развития» исторического архитектурно-планировочного потенциала Пскова.

Введение градостроительных приемов регулирования застройки за пределами территории памятника содержит потенциальные возможности создания переходного строительного модуля от малоэтажной застройки, приближенной к историческим малогабаритным строениям — к современной многоэтажной застройке новых районов. Поэтому в проектах охранных зон памятников предлагалось несколько зон регулирования застройки. Режимы зон регулирования застройки, распространяемые на вновь осваиваемые территории, предлагали следовать исторически сложившимся приемам Пскова размещения доминант и архитектурных акцентов в рядовой системе новостроек района Завеличья. Предусматривалось сохранение маломерных кварталов с более низкой застройкой в районе Запсковья (рис. 2).

К сожалению, в застройке новых микрорайонов преобладали стандартные решения размещения доминант рядами вдоль магистралей. Например, вдоль Рижс-

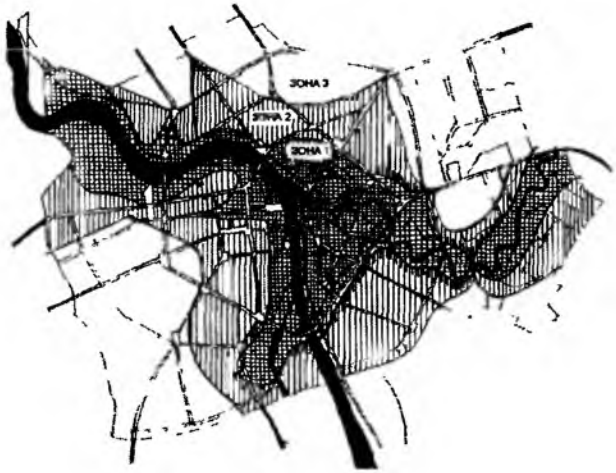


Рис. 2. Адаптация композиционных приемов исторического центра в новых районах

кого проспекта, что умалило композиционное значение завершения пространства главной магистрали Завеличья ансамблем кремля с Троицким собором.

В генеральном плане, следуя рекомендациям «проекта зон охраны памятников истории и культуры», можно выделить те градостроительные приемы, применение которых направлено на пространственное единение городских территорий и развитие индивидуальных архитектурных решений. К числу основных градостроительных приемов относятся:

– развитие радиально-кольцевой планировки, которая четко выражена в исторической части города;

– компактность селитебных территорий с пространственной ориентацией основных композиционных направлений к долинам рек Великой и Псковы;

– композиционное объединение городской застройки ансамблем кремля;

– охрана композиционного влияния доминант исторического центра и органичное включение природного ландшафта на территории новой многоэтажной застройки введением секторов новой малоэтажной застройки при общей тенденции постепенного увеличения этажности по мере удаления от исторического центра к периферийным районам города;

- распространение регулирования застройки по высоте и плотности на промышленные и коммунально-складские территории.

При оценке застройки учитывались все периоды ее становления во всех функциональных зонах города.

В 90-е годы XX в. продолжилась работа по адаптации положений генерального плана к новым социально-экономическим условиям жизни города в совместной работе института «Псковгражданпроект» и Санкт-Петербургского института «Урбанистики». Необходима адаптация и проекта зон охраны объектов культурного наследия к складывающимся социально-экономическим условиям.

Федеральный закон предписывает то, что в исторических поселениях «государственной охране подлежат все исторически ценные градоформирующие объекты»[8]. Для установления градостроительной охраны исторических памятников Пскова, прежде всего, необходимо обновление и приведение в соответствие с современны-

ми требованиями базы данных с подробным описанием территории, границ и предметов охраны памятника и градостроительного ансамбля.

Учитывая опыт многолетней работы над проектами охраны градостроительного наследия, необходимо сознавать, что низкий уровень их реализации зависит от несогласованности с отраслевыми программами развития города. Все отраслевые проекты, социальные, инженерные и экономические программы развития Пскова должны в первую очередь иметь научное сопровождение в виде исходного опорного материала — четкое представление о территориальной и объектной ценности псковского исторического наследия. Только осознание ценности историко-культурного потенциала в современной экономической ситуации, в решении инженерных проблем может привести к разумным решениям охраны-развития исторического наследия.

---

[1] Лабутина И.К. «Историческая топография Пскова в XIV–XV вв.». М., 1985.

[2] Боренко Г.П. «Истоки градостроительного подхода к охране историко-архитектурного наследия Пскова в работе Ю.П.Спегальского»//Псков. Памяти Ю.П.Спегальского 1909-1969 гг.», с.42–61.

[3] «Архитектура и строительство», №10, 1946 г. (Проект планировки Пскова. Генеральный план города. Авторы: член-корр. Академии архитектуры СССР Н.В.Баранов, архитектор А.И.Наумов).

[4] «Проект охраны памятников истории и архитектуры 1967-1969 гг.» (институт «Ленгипрогор», архитектурно-планировочная мастерская № 2. Авторы: руководитель мастерской Д.Д.Барагин, гл. архитектор проекта Г.П.Боренко//Строительство и архитектура Ленинграда, 1968, № 6, с. 27–29.

[5] «Проект генерального плана г. Пскова» (утвержден Совмином РСФСР в 1974 году (институт «Ленгипрогор»).

[6] Проекты зон охраны памятников истории и культуры Пскова разрабатывались начиная с конца 60-х годов прошлого века.

[7] Бунин А.В., Круглова М.Г. Архитектурная композиция городов. М., 1940, с.125–126.

[8] Закон об объектах культурного наследия народов Российской Федерации, принятый Государственной думой 25 июня 2002 года. Статья 59, п. 2.

К.М. Плоткин

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА

Во второй половине XX в. в исторической науке произошло изменение исследовательской парадигмы. Историки преодолели увлечение анализом долговременных социальных и экономических структур путем применения количественных, математических методов. Они обратились к изучению массового сознания и культурных стереотипов, мотивов и стратегий поведения реальных людей. Появились междисциплинарные исследования с широким применением методов и достижений антропологии и этнологии[1]. На смену обобщенным схемам пришло признание множественности форм исторического процесса, этнического и регионального многообразия. На стыке научных дисциплин сформировалось новое направление — историческая антропология[2].

Проявлением этого процесса в региональной историографии был проект «Культура и этнос», посвященный исторической этнографии Псковского края. Проект осуществлен в рамках Региональной научно-технической программы Администрации Псковской области и Министерства науки и технологий РФ в 1995–1997 гг. специалистами Санкт-Петербургского университета, Российского этнографического музея и Псковского областного института повышения квалификации работни-

ков образования под руководством проф. А.В. Гадло. Итог проекта — коллективная монография «Историко-этнографические очерки Псковского края»[3].

Объектом изучения впервые стали псковичи как этнотерриториальная (областная) группа русского народа, изначально входившая в зону его формирования и внесшая большой вклад в сложение национальной культуры. В этнографической науке население Псковской области вместе с жителями Смоленской и примыкающих частей Тверской и Калужской областей принято рассматривать как особую этнографическую группу великорусов. Она занимает положение, переходное между северными и средними, средними и южными великорусами и близка белорусам[4]. Среди них псковичи выделяются рядом диалектных и этнокультурных особенностей. Их этническая история есть длительный и многоэтапный процесс трансформации славянской племенной группировки в одну из составляющих великорусской нации.

Природа этничности, существующие определения этноса как природного, социального, биосоциального, информационного, многокомпонентного явления, иерархия этнических коллективов остаются дискуссионными. Вероятно, это одна из «вечных проблем», связанных со сменой идеологий и мировоззренческих дискурсов. В конкретном исследовании термин «этнический» используется в отношении групп людей, обладающих идентичностью, общей историей и традиционным культурным наследием[5].

Исторические источники позволяют проследить процесс формирования псковичей как этнотерриториальной группы русских, различные проявления их идентичности в социальной жизни, социокультурные вариации, периоды относительной стабильности и периоды изменений.

Этническая идентичность проявляется в историческом процессе как конкретное переживание целостности, как род самоопределения или определения другими во взаимодействии. Она имеет ситуативный характер и ярче всего проявляется в пограничных ситуациях, во взаимодействии с иноэтничной средой. Пограничный характер Псковской земли весьма способствовал таким проявлениям. Существенно, что в более поздние периоды культурно-историческая принадлежность личности нередко не совпадает с ее этническим происхождением, поэтому редукция национальной идентичности к этнической неправомерна. Идентичность сама является процессом, а не некоей данностью.

Важным аспектом этнической консолидации псковичей является лояльность. Первоначальными объектами лояльности в средневековый период были суверен, легитимная династия, конфессия, регион («земля»). Позднее, в результате исторического развития, возникла национальная лояльность. Объектами лояльности становились также класс, идеология, субкультура.

На протяжении большей части своего исторического пути псковичи представляли собой традиционное аграрное общество, в котором устная традиция, «заветы отцов и дедов» определяли отношения между людьми. Существовало единство производственной деятельности и повседневного быта, освященное религией. Человек с его индивидуальностью растворялся в коллективе, общине. Это общество выработало устойчивый и самобытный комплекс этнической культуры, адаптированной к природной и социальной среде и общей для всех социальных слоев. Только в XIX в. индустриально-городская культура потеснила ее в городах и помещичьих усадьбах Псковского края. Крестьянские общины сохраняли традиционную культуру как живую функционирующую систему до насильственной коллективизации конца 1920–1930-х годов. Этнографические наблюдения демонстри-

руют постепенную смену культурных стереотипов в ходе модернизации XX в., проявляющуюся в живых и субъективных оценках современников и участников процесса.

Этнические аспекты ярко проявляются во все периоды псковской истории и дают интересный материал для сравнительного исследования.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. До появления славян с конца II тысячелетия до н.э. до середины I тысячелетия н.э. по Псковскому региону проходил стык прибалтийско-финского и восточно-балтского этнокультурных массивов. Деление региона на две историко-культурные зоны с незначительными подвижками границ сохранялось весь ранний железный век. Его устойчивые следы в политическом, административно-территориальном и культурном аспектах сохранялись во все последующие периоды вплоть до современности.

В середине третьей четверти I тысячелетия н. э. обширная территория лесной полосы Восточной Европы от верховий р. Мсты на востоке до Западного Причудья была занята носителями культуры длинных курганов (КДК). В пределах Псковской области известно несколько плотных скоплений могильников этой культуры, соответствующих первичным племенам крупного союза. Они насчитывали несколько сотен большесемейных групп, живших на небольших открытых поселениях (типа починков), которые группировались вокруг возвышенных укреплений — городищ. Среди укрепленных поселений известны крупные центры — Псковское городище, Изборск, Камно, Подоржевка. Известны поселения ремесленников, железоделательный центр Черная Гора.

Проблема происхождения и этнической принадлежности КДК дискутируется в науке с начала XX в. Одни исследователи считают данные курганы памятниками славян — кривичей, другие приписывают их сооружение дославянскому населению, третьи относят самих кривичей к восточным балтам. Предпринимались попытки найти истоки КДК в грунтовых могильниках прибалтийско-финского населения, в позднетушемлинских древностях восточных балтов, в культуре славян Повисленья, рано переселившихся на север и живших в отрыве от остального славянского мира[6].

Существенны аргументы лингвистов. Псковские говоры обнаруживают ряд особых черт, которые неизвестны в других славянских диалектах. Эти архаичные черты связывают ареал псковских говоров преимущественно с районами Польского Поморья. Их наличие дало основание предполагать, что древнейшая основа псковского диалекта имеет западно-славянское происхождение, а его носители проникли на территории вокруг Пскова еще до начала массовой среднеднепровской колонизации (А.С. Герд). Видимо, неслучайно финны — суоми и эсты — до сих пор называют своих русских соседей древнейшим общеславянским этнонимом «вене»[7].

Носители КДК представляли собой ту этническую основу, на которую накладывались все последующие волны пришельцев. Они включили в свой состав остатки местного дославянского населения.

Впоследствии западно-славянские черты растворились в массе собственно восточно-славянских диалектов (мнение А.А. Шахматова: «псковский говор насквозь русский»; гипотеза Б.А. Ларина о балто-славянской основе псковских говоров). Начало проникновения северно-русских черт связано со второй волной славянской колонизации и надежно датируется VIII–X вв. по сплошному распространению культуры сопок словен новгородских в восточной части региона и их проникновению в ареал псковской группы КДК. По археологическим и диалектным материалам в этот период прослеживается также колонизационная волна с юга, со стороны смоленско-полоцких кривичей, особенно ощутимая в южной половине региона.

Существенно, что именно с длинными курганами и сопками псковские крестьяне связывали предания о богатырях, защитниках земли и людей, о войнах с мифической «Литвой»[8]. Гибель богатырей в борьбе с мифическими противниками в исторической памяти народа обычно означает конец мифологического времени и начало реальной истории.

СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И ВОЛОСТЕЙ. В X–XII вв. Псковский регион оказался на пограничье новгородских, полоцких, смоленских даней и оброков и был поделен на отдельные феодальные владения[9].

Территории, тяготевшие к Пскову и Изборску, стали ядром Псковской земли. Псков и Изборск, служившие базой княжеских походов в Прибалтику за данью, жили под защитой законов Русской Правды, охранявших людей князя от враждебного окружения самоуправлявшихся смердьих общин. Формирование земли-волости шло через распространение на них суда и дани.

Опираясь на Псков, киевские князья и новгородцы продвинули свои владения на запад от Чудского озера, в земли эстов и латгалов. Погребения, отдельные находки прибалтийско-финского и латгальского происхождения известны в самом Пскове и в Псковской земле[10].

Бассейн Шелони на востоке области входил в состав племенной территории словен, ставшей ядром Новгородской земли.

Юг региона, где возникли города Луки, Усвяты, Жижец, Торопец с волостями, был поделен между Новгородом, Полоцком и Смоленском.

Эта мозаика волостей X–XII вв. отражает общерусские процессы дробления и выделения местных центров консолидации. Однако в этнокультурном отношении она обнаруживает удивительное единство, совпадая с ареалом псковских говоров начала XX в. и ареалом погребального обряда (курганы с зольно-угольной прослойкой в основании и погребениями по обряду трупосожжения и трупоположения). Это единство (при наличии островков субстратного населения и инфильтрации локальных групп соседей) сформировалось в предшествующий период и включило в себя волны новых пришельцев[11].

По мнению А.С. Герда, в этот период говоры к западу от Новгорода и к северу от Пскова и Порхова образуют псковско-новгородское диалектное единство (без говоров южнее Опочки и Лук). Его носители продвинулись в район оз. Селигер, начали освоение Русского Севера[12].

ПСКОВИЧИ В XIII–XVII вв. В первой половине XIII в. политическое положение Пскова изменилось в результате германского завоевания Прибалтики, начала литовской военной активности, общего ослабления Руси в результате монгольского нашествия.

Однако именно с XIII–XIV вв. Псков вовлекается в общий процесс формирования единой русской народности. Наиболее ярким свидетельством этого служит появление памятников письменности: богослужебных книг, летописей, житийной литературы, повестей, многообразных деловых текстов, включая писцовые, приходно-расходные книги и грамоты. В них нашли отражение как общеславянские литературные процессы и влияния, так и местные типы языковых состояний.

По мнению лингвистов, в период расцвета Господина Пскова XIV–XV вв. росло обособление псковских говоров, увеличивалось южно-русское влияние, сложилось особое койнэ горожан. Присоединение Пскова в 1510 г. к Москве прервало тенденцию формирования особого славянского микроязыка и привело к постепенному оформлению западной псковской группы среднерусского наречия[13].

Кратковременное псковское княжение Всеволода Мстиславича (1137) заложило одну из основ политической системы Пскова: самостоятельный княжеский

стол[14]. Город стал самоуправляемым, свободно приглашавшим князя, русского или «из литовской руки». Формальное старшинство Новгорода проявлялось только в сохранении церковной зависимости от новгородского архиепископа. Политическая система Пскова стала представлять собой сочетание властных структур и общинного самоуправления на всех управленческих уровнях. В XIV–XV вв. вечевая система представительства боярских кланов в управлении городской общиной, подчиненными ей пригородами и сельскими губами претерпела неоднократное реформирование и усложнение. Параллельно с системой боярского представительства от концов существовала система сотен, объединявшая свободных «черных людей», посадских жителей, оказавшихся по мере роста городской территории в черте укреплений. Общинные или соборские структуры с выборными старостами объединяли жизнь псковского духовенства и купечества. Таким образом, субъектами самоуправления в Пскове до 1510 г. были естественно сложившиеся внутренние структуры этноса: разнообразные и разноуровневые общины и объединения, сельские и городские.

Общинные самоуправляемые структуры Господина Пскова были дуалистичны по своей природе. Они содержали потенциальные возможности саморазвития как в сторону тупика боярской олигархии, так и в направлении формирования предпосылок гражданского общества, что свидетельствует о наличии демократического начала в традиционной русской потестарно-политической культуре. В ходе формирования единого национального государства обе возможности были сметены московским самовластием. Но объективная потребность в самоуправлении сохранялась и в условиях самодержавия. Попытки реставрации или введения самоуправленческих начал предпринимались как снизу, в ходе народных восстаний XVII в., так и сверху, в ходе реформаторских усилий А.Л. Ордина-Нащокина и др.

В XIV–XV вв. Псковская земля выступает как часть исконной этнической территории русских при сохранении политической независимости и областной специфики. В XVI–XVII вв. она становится государевой вотчиной, сохраняющей областное своеобразие. Политическая лояльность московскому правителю отчетливо проявилась в событиях 1510 г., что свидетельствует о существенном продвижении трансформации псковичей в областную группу русских. Впрочем, смутное осознание этнической принадлежности долгое время уступало сознанию областному и маскировалось конфессиональными оппозициями: христиане-поганые, христиане-басурманы, православные-латыняне и т.д.

Пограничное положение Пскова делало его пристанищем для беглецов с территорий, заселенных балтами и прибалтийскими финнами. Широко известен эпизод с литовским князем Довмонтом. В 1265 г. он бежал в Псков в сопровождении дружины. Появление в пограничном городке 300 литовских мужей с семьями увеличило его население на 15–20 %.

На состав городского населения сильно влияли эпидемии и осады, «своды» бояр и купцов в XVI в., что приводило к пополнению населения за счет иногородних.

Западная граница, проведенная в 1242 г. по договору Александра Невского с Ливонским орденом, отсекла от этнического массива эстов группировку чуди между р. Пивжей и Изборском, что впоследствии привело к формированию особой этноконфессиональной общности сету, пополнявшейся в XVI–XVII вв. за счет беженцев из Ливонии.

В результате династических браков и военных походов под властью Литвы в XIV в. оказались Усвяты, Торопец, Жижец; в XV в. Литва добилась совместного с Новгородом управления Ржевой, Луками и Холмом; Себеж и Невель неоднок-

ратно переходили из рук в руки. Власть Речи Посполитой сопровождалась переходом в католичество и ополячиванием местной шляхты и отдельных групп служилого населения (панцырные бояре, путные бояре, слуги при замках), а также насильственным присоединением крестьян к Брестской унии 1695 г.

Отвоевание этих земель проходило в процессе укрепления Русского национального государства и также сопровождалось разорением.

Особенно ужасными были последствия Ливонской войны (кризис 80-х гг. XVI в.) и Смутного времени (начала XVII в.), когда население края сокращалось в 6–7 раз. Даже в конце XVII в. его численность лишь приблизилась к уровню начала — середины XVI в.

Литовские набеги, войны с Ливонией сопровождались захватом добычи и полона, массовыми депортациями населения, фактами геноцида. Обратное движение населения, перевод жителей других городов и служилых людей способствовали этническим изменениям. В регионе, особенно в его южной половине, селились люди, чьи традиции заметно отличались от псковских и новгородских.

ПСКОВИЧИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в. С XVIII в. Псковский край оказался в глубине империи. В его состав вошли Псковская земля, 4 уезда бывшей Новгородской земли, Торопецкий уезд. Событийная история как бы приостановила здесь свое течение. Ритм и стиль провинциальной жизни меняются медленно и мало. Формы культуры, общественный этикет следуют традиции. Общее социально-экономическое развитие страны не приводит к резким катаклизмам.

В XVIII в. численность населения быстро росла (с 1719 по 1767 г. — с 255 тыс. до 500 тыс. чел.). В конце XVIII — середине XIX в. этот рост замедлился. В 1859 г. население составило 706 тыс. чел. Затем вновь ускорился. По итогам переписи 1897 г. численность населения возросла на 60%, до 1122,3 тыс. чел. С учетом Гдовского, Невельского и Себежского уездов она составила 1470,3 тыс. чел.

По итогам переписи 1926 г. в существующих ныне границах проживало 1674,4 тыс. чел. Это максимально высокий показатель, вдвое превосходящий нынешнее население области. Губерния сохраняла чисто аграрный характер — горожан было всего 128,8 тыс. чел. (7,7%)[15].

Псковская губерния была среди 28 губерний Европейской России, составлявших ядро великорусской народности, и в числе 15 губерний, выделявшихся плотностью великорусского населения (свыше 90%)[16].

По данным середины XIX в. русское население составляло 98 % всех жителей губернии (включая 8 тысяч раскольников и свыше 500 казачьих недорослей). Отмечен усиливающийся приток эстонских и латышских переселенцев, локальные группы сету, красногородских эстонцев и две группы эстонцев в Гдовском уезде В Себежском и Невельском уездах помимо местных белорусов проживали 3 локальные группы панцырных бояр (11 тыс. чел.), 5 локальных групп русских раскольников и евреи.

В 1897 г. русских было 1063 тыс. чел. (94,72%). Основные этнические меньшинства — эстонцы и латыши, а также финны и белорусы, в городах — немцы, поляки и евреи. В Невельском и Велижском уездах преобладали белорусы, в Себежском — русских и белорусов было поровну, а из меньшинств выделялись евреи и поляки (потомки шляхты и панцырных бояр).

К 1926 г. присутствие эстонцев и латышей несколько сократилось в результате их выезда на родину и изменения границ. Между 1897 г. и 1926 г. произошла естественная ассимиляция белорусов, доля которых в населении юго-западных уездов сократилась до нескольких процентов.

Псковичи XIX — первой четверти XX в. представляли собой региональное аграрное сообщество, характеризующееся яркой традиционной культурой. Для них характерны шесть групп говоров псковского диалекта[17].

Основу традиционного хозяйства составляло трехпольное земледелие с пережитками лядинного земледелия (перелога) в лесистых, слабо заселенных районах. Выделяются великорецкий льноводческий район, северо-восточный льноводческий район и юго-восток региона, где натуральное хозяйство сочеталось с отхожими промыслами. Рыболовство на богатых рыбой озерах носило товарный характер. Вся производственная деятельность одухотворялась аграрно-магической обрядностью, нередко глубоко архаичной.

Прослеживаются своеобразные черты материальной культуры. Специфически псковские усадьбы трехрядной планировки, включавшие трехкамерный дом, крытый двор, складские постройки. Три территориальных комплекса женской одежды — псковский, великолуцкий и торопецкий.

Воспроизводство псковского крестьянства в физическом смысле, его образа жизни и культуры обеспечивали локальные крестьянские сообщества: двор (семья), деревенская община (поземельный, хозяйственный, соседский и духовно-обрядовый союз семей), междеревенские коллективы — сельское общество, волость, окружице, группы родственных семей, половозрастные группы, артели и т.п. Особую роль играли приходские общины, в рамках которых наблюдается совместное прохождение группами сельского населения годового календарного цикла праздников и как следствие этого предпочтение при заключении браков внутри этих групп[18].

Передача традиций обеспечивалась развитой календарной обрядностью и обрядами жизненного цикла — фольклором.

ТРАГЕДИЯ XX в. С начала XX в. Псковский край превращается в источник людских ресурсов для динамично развивающихся центров страны, прежде всего Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Полоса войн, революционных потрясений и социальных экспериментов первой половины XX в. привела к двойному сокращению населения в 1940—1960-е гг. Псковичи в XX в. отставали на полтора — два десятилетия от всей страны в процессах модернизации традиционного уклада жизни. Лишь к концу 1960-х гг. в регионе завершились процессы индустриализации и урбанизации. Однако депрессивный характер региона в условиях тяжелого кризиса 1990-х гг. привел к особо тяжелым формам кризисных явлений и постепенно нарастающему запустению к концу 1990-х гг.

Многовековой процесс этнической истории Псковского региона, как часть истории Отечества в этих условиях представляет не только научный интерес. Прошлое гораздо ближе к нам, чем это обычно кажется. Традиционная культура и архаический общинный быт — это существенная часть личного опыта многих поколений. Они проступают в современной жизни, подчас определяя общественное сознание и поведение. Изучение этой стороны прошлого может дать новые импульсы к решению проблем современности.

---

[1] Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 48-59.

[2] Кром М.М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. С. 7–10.

[3] Историко-этнографические очерки Псковского края/Под ред. А.В. Гадло. Псков. 1999.

[4] Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры/Под ред. К.В. Чистова. М., 1987. С. 59.

[5] Ethnic groups and boundaries: the social organisation of cultural difference. Ed. by F. Barth. 1998. P.5.

[6] Седов В.В. Первая волна славянского освоения Северо-Запада // АИП. Псков, 1987. С. 46–47.

[7] Историко-этнографические очерки..., с. 48.

[8] Фаресов А. Богатыри Псковской земли // Новое время. 1891. № 5600.

[9] Алексеев Л.В. О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968. С. 246-248. Рис. 1.

[10] Ершова Т.В. Древности латгалов в Псковской земле XI-XII вв. // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков. 1992. С. 124–133.

[11] Седов В.В. Восточные славяне в IX-XIII вв. 1982. С. 169.

[12] Историко-этнографические очерки..., с. 50.

[13] Там же, с. 50.

[14] Янин В.Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII-XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6. С. 11–12.

[15] Статистические данные приведены по изданиям: Семья и семейная политика в Псковской области. Псков. 1994. С. 13, 21-28; Золотарев Д.А. Этнический состав населения северо-западных областей областей и Карельской АССР // Труды КИПС. Вып. 12. Л., 1927. С. 14, 16, 22-23, 68, 111, 115, 117. Табл. 29, 51, 53, 54.

[16] Пештич Н.П. К самоопределению народностей в России. СПб., 1906. С. 29.

[17] Герд А.С. Лингвогеографическое членение Псковской области по данным лексики // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992. С. 71–78.

[18] Верняев И.И. Крестьянский социум Псковского края (вторая половина XIX — первая четверть XX в.). Историко-этнографическое исследование. Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 1999. С. 14-23; Новожилов А.Г. Определение границ конвиксии у сельского населения северо-запада России XIX-XX вв. // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Т.I. СПб., 2002. С. 99–103.

Маре Пихо

УКРАШЕНИЯ СЕТУ XVII–XIX вв.

Культуру сету характеризует обилие серебряных украшений. Для сету украшения по своей значимости и высочайшем семиотическом статусе не только украшения. Они в максимальной степени сохраняют и передают этнически значимую информацию, дают возможность проследить культурные контакты и взаимодействия, внутренние и внешние процессы, происходившие в культуре сету.

Старинных украшений сету сохранилось единичные экземпляры, они представляют бесспорный интерес и их отдельное рассмотрение оправдано. Сету в конце XX в. не помнят и не «узнают» своих старинных украшений. Их названия сохранились в старинных песнях, но не известна форма украшения. У части украшений не сохранились названия. Единичные украшения сохранились в музеях и в частной коллекции. Подлежавшие рассмотрению украшения относятся к концу XVII — первой половине XIX в. По способу ношения они относятся к категории шейно-нагрудных и нагрудных украшений.

Общее название шейно-нагрудных украшений было *юте-, кате-, колме-, неля-, вийе ринна*, т.е. одно-, двух-, трех-, четырех-, пятинагрудные (рядные). Их можно разделить на группы:

1. Одно- или двухрядное ожерелье из крупных серебряных бус яйцевидной формы (иногда в составе со стеклянными бусинками синего и желтого цветов), с подвесками разной формы. Народное название *хельмекырд*, бусинный ряд.

2. Трехрядное ожерелье из цепочек, имеющее в своем составе листьевидные подвески. Народное название *лехекырд*, лиственный ряд.

3. Однорядная цепочка, состоящая из крупных серебряных бус овальной формы с орнаментом рельефных шариков в комбинации с цепочкой. Подвески из крупных монет. Названия не известны.

4. *Виракырра.* Форма украшения не известна.

5. Нагрудники на льяной и кожаной основе с нашитыми монетами. Название не известно.

Шейно-нагрудные украшения

Рис. 1. Хельмекырд — бусинный ряд

1.*Хельмекырд*, бусинный ряд состоит из одного, редко двух рядов бус. Их количество в одном украшении колеблется от десяти до тридцати и более бусин (рис. 1). Подвески к *хельмекырд* разнообразной формы. В одном украшении они могли быть в различной комбинации:

а) литые кресты с процветшими концами,

б) литые кресты с процветшими концами и листьевидными подвесками,

в) литые кресты с процветшими концами и одним крестом из тонкой жести,

г) литые кресты с процветшими концами и крупными монетами,

д) литые кресты с процветшими концами и подвесок из монет в ажурном ободке,

е) литые кресты с процветшими концами и листьевидными привесками, прикрепленными к бусам при помощи крупных серебряных бусин,

ж) листьевидные подвески, прикрепленные к ожерелью при помощи крупных серебряных бусин.

Слово *хельмес* (бусина) имеется в восточных и западных прибалтийско-финских языках[1], что говорит об их древности. Наиболее ранние металлические (бронзовые) бусины разной формы в юго-восточной Эстонии относятся к раннему железному веку. Две бронзовые бусины найдены в круглом кургане среднего железного века в Линдора[2]. Две бронзовые бусины обнаружены также в могильниках води[3]. Серебряные бусы вошли в комплект украшений эстонских женщин в средние века. Они были различной формы и разных размеров, достигая иногда диаметра 6 см. По своей форме они были круглыми, овальными, яйце- и дынеобразными, и двуконическими. Бусины были гладкие, с орнаментом рельефных шариков или с прямыми или спиралевидными бороздками. Искусствовед Х. Юпрус называет орнамент рельефных шариков «куриной» или «гусиной» кожей. Находки кладов, в составе которых вместе с монетами XVIII в. встречались и мелкие бусы, орнаментированные «куриной» и «гусиной» кожей, на территории Эстонии указывают на продолжительность традиции их ношения. Х. Юпрус считает, что ношение бус в Эстонии вновь оживилось под влиянием католического паатер[4], т.е. четок.

Сетуская *хельмекырд* из бусин яйцеобразной формы, их срединная, соединительная часть в виде рельефного пояска покрыта насечкой. Размеры бусин в ожерелье обычно увеличиваются к центру. Украшение сетуских бус рельефными шариками И. Маннинен и Х. Юпрус считают наиболее поздним вариантом развития эстонских бус с этим орнаментом[5]. В отчетах эстонских ювелиров под годом 1764 бусы с орнаментом рельефных шариков известны под названием «краузе кораллен»[6].

Литые процветшие кресты в *хельмекырд* относятся к нательным, они встречаются только в этом украшении. Их можно датировать XVII — началом XVIII в. В общеэстонских украшениях литые процветшие кресты не известны. По уточненной хронологии процветшие кресты в Новгороде датируются 1116–1369 гг.[7] В Латвии их изготовляли по русским образцам в XIV–XV вв.[8] Интересно, что находки крестов в изученных могильниках Сетумаа весьма малочисленны. Нательные крестики найдены в трех погребениях в могильнике Скудельня, где они датированы XVI–XVII вв.[9], и в могильнике Тсиргу[10], где находка нательного креста датируется началом XIX в. Случайная находка обломка медного нательного креста с тремя овальными завершениями (XVII в.) известна из полуразрушенного могильника в сетуской деревне Порканова (подъемный материал автора 1979, далее п.м.). Включение крестов в ожерелье у сету вероятнее всего началось под влиянием Псково-Печорского монастыря и церковной культуры.

Крепление листьевидных подвесок ожерелью посредством бусины известно и шире. По такому же принципу крепились листьевидные подвески из Симуна (Эстония) и острова Пакри[11], заселенного уже в XII в. эстонскими шведами. Монеты-подвески в ажурном ободке обычны и для остальных эстонцев. Их отличие от сетуских в орнаменте ажурного ободка, которым обрамлены монеты.

Хельмекырд является общим как для сету, так и для эстонцев. Главным различием сетуского *хельмекырд* от общеэстонского был значительно больший размер бус при одинаковом их декоре. При всех особенностях, при большом размере бус, при разнообразии и различии в форме подвесок *хельмекырд* — украшение общеэстонское, но с сильными местными особенностями. Сету сохранили и носили это

Рис. 2. Лехекырд — лиственный ряд

украшение в своем комплекте вплоть до XX в. Сохранившиеся *хельмекырд* можно датировать XVII — второй половиной XIX в.

2. *Лехекырд*, лиственный, ряд вышел из употребления раньше, чем *хельмекырд*, бусинный ряд, поэтому в фондах музеев они большая редкость. Ожерелье лиственный ряд состоит из трехрядного ожерелья из цепочек с подвесками в виде листьев (рис. 2). Сету считают их листьями черемухи (п. м. автора, 1979). Лиственные подвески имеют форму стилизованного листа растения, их предшественниками считаются монеты с ушком, которые носили в качестве нагрудных подвесок[12]. Они характерны для эстонских и карельских древностей, где появились в XII в.[13] В XI–XII вв. круглые листовидные подвески были распространены в Скандинавии, где они известны в кладах до X в.[14] и в Норвегии[15]. В Эстонии их более широкое распространение начинается на рубеже XII–XIII вв. преимущественно в Северной Эстонии. Подвески были круглые, реже трапециевидные. С конца XIII в. область их распространения продвинулась из Северной в Центральную Эстонию и далее в Южную Эстонию и Северную Латвию. Расцвет листовидных подвесок относится к XV–XVI вв. Их много находят в кладах, что говорит о значительном распространении подобных подвесок у эстонских женщин. Листовидные подвески круглой формы известны в могильниках Ижорского плато, они были распространены и на территории Древней Руси[16]. Трапециевидные листовидные подвески в курганах

Древней Руси весьма часты в составе височных колец и как украшение к онучам. А. А. Спицын датировал их XI–XII вв.[17] В пограничных с Сетумаа территориях листовидные подвески известны в жальниках Сиксали[18] и в могильниках водского типа Тартумаа.

Важнейшим различием между древними и средневековыми листовидными подвесками является их размер. Так же, как и остальные украшения, они имели тенденцию к увеличению. В Эстонии носили листовидные подвески вплоть до XVII в. С конца XVII в. распространяются продолговатые подвески в форме листьев дуба. В народе их называли листьями. Они упоминаются в народных песнях эстонцев и сету.

В отличие от сету остальные эстонцы листьевидных подвесок в XIX в. уже не носили. Известные сейчас эстонские листьевидные подвески маленького размера, и использовались в качестве подвесок к небольшим украшениям. Более поздние сетуские листьевидные подвески схожи с эстонскими.

Считается, что листьевидные подвески в костюме сету исчезли раньше, чем бусы. Действительно, на фотографии 1897 г., где 30 женщин сету засняты в полном комплекте украшений конца XIX в., листьевидные подвески отсутствуют полностью. Как рудимент одну листьевидную подвеску могли носить и в начале XX в., но уже в составе другого украшения. Следует заметить, что территория сету является самой восточной окраиной распространения листьевидных подвесок.

В Латвии листьевидные подвески использовались в качестве подвески к сердцевидной фибуле. Среди украшений Швеции мы видим сердцевидную фибулу с подвесными листьями, а также застежку с подвеской листьевидной формы[19]. Интересно, что листьевидные подвески в нагрудных и других украшениях носили и лопари, но у них они были мужскими украшениями[20].

3. Однорядная цепочка из крупных серебряных бус и цепочки, к которым прикреплены крупные монеты-подвески. Название этого украшения не известно. Более ранние монеты в украшении западноевропейские, поздние — русского происхождения. Хронологический разрыв между самой ранней и самой поздней монетой составляет в этом украшении 155 лет. В украшении имеются испанские монеты 1623 и 1626 гг. Филиппа IV, талеры Объединенных провинций северной Голландии 1641 и 1649 гг., датский шиллинг времен Кристины V 1695 г. Русские монеты относятся к петровскому времени 1704 г. и Екатерины II к 1778 г. (определение Маури Киудсоо, Эстония). Это украшение известно в одном экземпляре и имеет сетуское происхождение. Украшение можно датировать второй половиной XVIII в.

Экспедиция Эстонского Национального Музея в 1912 г. обнаружила у жителя д. Хельби старинную монету, которую он соглашался продать лишь за значительную сумму. Покупка не состоялась, но в дневнике сохранился рисунок, монету посчитали шведской. Повторный осмотр рисунка помог уточнить монету: это немецкий талер 1648 г. Старинные западноевропейские монеты среди сету были не редкостью до 1940-х гг., им придавали из-за старины и изображению на них мужских голов «особые» значения, объяснить которые в конце XX в. уже не могли (п. м. автора).

4. *Виракырд, виракырра* (множ. ч.) представляют особый интерес, так как сохранилось лишь его название, встречаемое в старинных песнях сету, и не известно, каким было само украшение. В 1903 г. о *виракырра* упоминает Я. Хурт, заметив, что его носили девушки вокруг шеи и что это было многорядное ожерелье из бус[21]. Слово *виракырра*, по данным диалектологического словаря, отмечено во множе-

ственном числе и означает в Сетумаа бусы[22]. Вторую часть этого сложного слова *кырд* мы находим в названиях некоторых других сетуских украшений: например, *хельмекырд, лехекырд, ристикырд, каалакырд*. В этом контексте слово *кырд* означает ряд, т.е. ряд бус или цепочек, к которым прикреплены подвески.

Сетуское слово *вира* вероятнее всего можно объяснить от водского *вирка, йоно, хельминауха*-ряд, бусы[23] и от ижорского *вирга, вирка*, — бусинный, или *верга* — девять рядов, девять цепочек[24]. Водское слово *вирка* отмечено уже во второй половине XVIII в. у Федора Туманского[25]. Описание *вирка* следующее: «сия *вирка* состоит из трех ниток, первая нитка покороче состоит из весьма крупных в большой орех змеиных голов, перемешанными с черными камнями; и на одном висит крест, что называют *рисси*, другая нитка длиннее состоит из зеленых и красных каменьев и она нитка лентой привязана к поясу»[26]. Из дальнейших названий этого украшения у води известно *риссивирка* и параллельно *ристивирка*[27]. Напомним здесь о сетуском *ристикырд* и латышское *верзе* (длинный) ряд, украшение[228]. Слово *вирка* имеется в эстонском, ливском, карельском и вепском языках в значении «профессия», «обряд», «ряд», «шеренга». В диалектах эстонских островов оно встречается в форме *виирг, виира* — ряд[29]. В значении украшения слово *вира, вирка* встречается только у сету, води и ижор. Вероятно, это указывает на древнее родство или общее происхождение этих народов в древности от чудских племен к северу от Чудского озера, но, возможно, и на более поздние контакты сету с водью и ижорой. Наличие общих черт в культуре сету, води и ижоры подтверждают и данные языковедов, фольклористов и этнографов[30]. Сохранившееся в старинных песнях сету *виракырд* означает ряд бус, т.е. бусинный ряд.

Интерес представляет недавно обнаруженный в фондах Эстонского национального музея рисунок старинного костюма сету середины XIX в. Название *сорра вирра кырд* дано тонкой двурядной цепочке. Рисунок очень мелкий и нечеткий, поэтому форма украшения неопределима. Словом *сора* назывались в первые десятилетия XX в. небольшие серебряные бусы (п.м. автора). Сибирские сету помнят, что *сора* — стеклянные бусинки желтого цвета (п.м. автора). *Сора* в языке сету означает желток. Из других объяснений *сора* — маленькие бусинки (эст), *цора* цвета яичного желтка; крупный песок; *сиру*–песок, песчинка(фин), осколок камня, раздробленный (эст), *суро, сора*, зернышко, зерновые (морд)[31]. Возможно, так назывались пастовые бусы у сету.

Нагрудные украшения, нагрудники

Известные сегодня сетуские нагрудные конусообразные фибулы *суур сыльг* выполнены из серебра. Фибула *суур сыльг*, единственное нагрудное украшение сету, была в готовом виде перенята от эстонцев. Самая ранняя из сетуских фибул относится к 1808–1818 гг.[32] Их изготовляли в городах Эстонии, откуда и происходят наиболее ранние сетуские фибулы.

Уже в середине XIX в. конусообразная сетуская фибула, претерпев изменения в размере и декоре, была полифункциональным, этнознаковым предметом и символом фертильного (детородного) возраста у сету[33]. Конусообразную фибулу укрепляли в центре груди, она была нагрудным украшением, но фактически ничего не скрепляла, т.е. не была функционально связана с покроем одежды.

Фибула — древний и многофункциональный предмет культуры, известный на территории финских племен с древнейших времен. Их носили эстонцы, финны, карелы и поволжские финны. Имеющиеся их названия указывают на общие корни:

мордовская — *сульгам, сульгамо*, марийская — *шелькама*, чувашская — *шельгеме*, финская — *сольки*, общеэстонская — *сыльг*. Слово *сыльг*, очевидно, финно-волжского происхождения. К. Редеи восстанавливает форму солке[34]. Возможно, оно относится к носителям культуры текстильной керамики, т.е. ко второй половине II тыс. до н.э. — первой половине I тыс. до н.э., что не противоречит данным о появлении финно-угров в Восточной Прибалтике с приходом туда племен текстильной керамики, говоривших тогда на диалектах, принадлежавших финно-угорскому языковому единству[35].

Нагрудники

Так как именно с фибулой *суур сыльг* связано наибольшее число обрядов, то естественно предположить, что до появления конусообразных фибул из серебра женщины сету украшали себя каким-то центральным нагрудным украшением, изготовленным из материалов, не сохранившихся до наших дней, поскольку могли быть из более доступных, но менее стойких материалов, таких, как ткань и кожа, возможно, дерево или береста. Примером таковых могут быть ранее не известные нагрудники из Псковско-Печорского монастыря и Печорского музея. Два из них обнаружены во время ремонтных работ в пещерах Псковско-Печорского монастыря, служивших местом захоронения не только монахов, но и жителей окрестных деревень. Один приобретен Печорским музеем от коллекционера из Старого Изборска. Они представляют собой нагрудники на льняной и кожаной основе, с нашитыми на них монетами. Один из них, на льняной основе, полуовальной формы, покрыт мелкими псковскими монетками как чешуйками, зрительно образуя панцирное покрытие. Дополняют нагрудник несколько более поздних монет первой половины XIX в.[36] Это доныне единственное известное нам украшение сету с использованием псковских монеток. Другой нагрудник, также на льняной основе, по своей форме напоминающий латгальские шейные гривны, покрыт монетами XVIII — первой половины XIX в.[37] Нагрудник на кожаной основе по монетам можно считать изготовленным в первой половине XIX в. Сохранился он не полностью и форма его неопределима. Эти три нагрудника датируются первой половиной XIX в. По некоторым специфическим чертам их можно отнести к более ранним украшениям сету. У всех украшений на льняной и кожаной основах монеты укреплены реверсом, т.е. по такому же принципу, как и монеты в более поздних и многочисленных сетуских ожерельях. Интереснейшая деталь, характеризующая старинное нагрудное украшение, состоит в том, что часть монет имеют совершенно стертые изображения. Это можно объяснить известным среди сету и поныне обычаем соскабливать с монет в украшениях серебро для лечения и при обрядах плодородия. Следуя традиции дарить (отдавать) свои украшения в монастырь, сету продолжали ее и в течение всего XX в. Считаю возможным включить нагрудники в ранее не известные и редкие украшения сету.

Интересно, что у сетуской нагрудной конусообразной фибулы нет археологических предшественников в самой Сетумаа, так как в археологических находках отсутствуют ее предполагаемые прототипы. В связи с этим возникает вопрос о причинах появления общеэстонской конусообразной нагрудной фибулы *суур сыльг* в комплекте сетуских украшений и замена ею более древнего сетуского нагрудника.

Переход от нагрудника к нагрудному украшению был безусловно сложным процессом. Он прослежен у народов Поволжья, где наблюдается процесс перехода куска ткани, несущего функцию защиты груди, в особое нагрудное украшение[38]. Следует обратить особое внимание, что, превращаясь в украшение, нагрудники начинают изготовляться из других материалов.

Конусообразная фибула *суур сыльг* ничего не скрепляла и служила лишь украшением, с которым было связано наибольшее число обрядов. Она укреплялась в центре груди и была символом замужних женщин фертильного возраста. Девушки их не носили. Таковыми являлись и матерчатые нагрудники поволжских финно-угров.

Наличие нагрудников объясняется покроем ворота и длинным грудным разрезом рубахи. Ворот оставался ничем не скрепленным и оставлял на груди открытую щель. Для закрытия груди употребляли особую часть одежды — нагрудник, в наиболее простом виде — кусок ткани. Его носили замужние женщины. Девушки их не носили, так как грудной разрез девичьей рубашки был значительно короче[39].

Длинный, ничем не скрепленный разрез, оставляющий на груди открытую щель, мы видим и у женских рубах сету XIX в. Разрез девичьих рубашек у сету был короче. Важным моментом является наличие нагрудников у замужних женщин фертильного возраста. Таковыми являются и поздние сетуские фибулы.

Акцентирование груди специальными нагрудниками указывает на далекие параллели. Небезинтересно, что нагрудник якутского шамана назывался *тюсюлюк*. Считают, что термин этот производен от слова *тюос* — грудь, грудная кость. Схожие названия имеются у алтайцев, телеутов, шорцев и с тем же значением[40]. В словаре Э. К. Пекарского *тюсюлюк* переводится как нагрудник, фартук. Это соотносится с позднейшим понятием нагрудной фибулы. Чрезвычайно почтительное отношение к акцентированию груди отмечено у тюрков Сибири. Известные старинные бисерные нагрудники, к которым можно отнести хакасский нагрудник *пого*, надевала сваха во время свадьбы, и не исключено, что он изображал грудь птицы независимо от семантики бисерного рисунка. По мнению Е. Д. Прокофьевой, нагрудник шамана также должен был представлять собой грудь птицы. В телеутском тексте понятие «имеющий зоб», т.е. грудь, передается словом *поокту*, сопоставимым с *погоок* — зоб, кадык[41]. У сету понятие «грудь, пазуха» передается словом *пуго, пугу*.

В металлической пластике финно-угров, где известны многочисленные фигурки водоплавающих птиц-уточек, при маленькой голове и туловище видим мощную гипертрофированно акцентированную грудь, т.е. зоб. Но известны также и фигурки, где грудь (зоб) акцентирована значительно меньше или не акцентирована совсем. Проблема акцентирования груди (зоба) имела в культуре финно-угров, вероятно, очень важное значение. На фоне варианта уральского мифа о творении (рождении) Земли, где водоплавающая птица, утаившая во рту часть земли, несет за это наказание, ее шея (зоб) становится красной[42], видим особое акцентирование груди (зоба) красным цветом. Безусловно это указывает на очень высокий семиотический статус груди как особого места, где концентрировалось начало творения. Вероятно, лишь подвески-уточки с акцентированной и сильно гипертрофированной грудью следует рассматривать носителями этой идеи. В этом русле становится понятнее акцентирование груди женщины фертильного, детородного возраста специальными нагрудниками, и было не важно, из какого материала они были изготовлены: из ткани, кожи, бисера, монет или из серебра, как поздние фибулы сету.

Нагрудники, изготовленные из разнообразных материалов, известны у многих народов, где их также носили лишь замужние женщины фертильного возраста. Традиционное место таких нагрудников — в центре груди[43]. Грудь женщины, украшенная нагрудником, отождествлялась с фертильным возрастом, с деторождением, продолжением жизни, т.е. рода. Доказательством наличия у сету матерчатых нагрудников до появления серебряной фибулы и связующим звеном могут быть уже известные нам нагрудники на льняной и кожаной основе. Скорее всего в

данном случае мы имеем переход от нагрудника к нагрудному украшению со сменой всей прежней многофункциональности. Вероятно, закрепление обычаем, изготовление у сету нагрудников из другого материала существовало долго и было изменено достаточно резко только в конце XVIII — начале XIX в., когда стал применяться уже более ценный и прочный материал — серебро.

Можно также предположить, что ранее существовал особый обряд уничтожения такого символа со смертью женщины или прекращением фертильного возраста (исключения возможны). И только появление серебряных фибул заставило изменить обряд и сделало ее передаваемой по наследству.

Причина появления общеэстонской конусообразной фибулы *суур сыльг* указывает на начало интеграции сету с остальными эстонцами после Северной войны, когда и Лифляндия и Эстляндия были включены в состав Российской империи.

---

[1] Raun A. Eesti keele etümoloogiline teatmik. Rooma. Toronto, 1982. 12.

[2] Schmidehelm, M. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis//Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Artiklite kogumik. Tallinn, 1965. joon. 8: 2.

[3] Глазов В. Н. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, 29. СПб., 1903.

[4] Üprus H. Hõbehelmed ja eesti soost ehetemeistrid//Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, I (XV). Tartu, 1947. 138–156.

[5] Manninen I. Eesti rahvariiete ajalugu//Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, III. Tartu, 1927; Üprus H. Ук. соч.

[6] Üprus H. Ук. соч.

[7] Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород. Проблемы синхронизации//Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. табл. 1.

[8] Manninen I. Ук. соч., рис. 396, 397.

[9] Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска. АСГЭ. Вып. 7. 1965. 74.

[10] ИИ 4341: 10.

[11] Manninen I. Ук. соч., рис. 398, 399.

[12] Tõnisson E. Eesti aardeleiud 9.–13. sajandist//Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik, II. Tallinn, 1962. 222.

[13] Tõnisson E. Ук. соч., 220–223; Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. Abb. 1065–1073.

[14] Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), VIII: 1.) Dorpat, 1925. 144.

[15] Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Vikingerzeit II. Lund, 1947. 38, рис. 16.

[16] Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. Москва, 1981. 37.

[17] Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. И. Ивановского. — МАР, 20. СПб., 1896. Табл. XXII: 11, 11а.

[18] Лаул С. Поселение и могильник в Сиксали//Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки, 1983. 32: 4, табл. XI: 2.

[19] Manninen I. Ук. соч.

[20] Svensson S. Folkligt dräktilven ur kulturans samlingar. Lund, 1978. 13, 73.

[21] Piho M. J. Hurda käsikiri «Setokeste põhi — ja tähtpääva» etnograafilise allikana//Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, XXXVIII. Tallinn, 1990. 77.

[22] Väike murdesõnastik. Tallinn, 1989. 188.

[23] Mägiste J. Rosona murde pääjooned. Tartu, 1925. 71; Itkonen E., Joki A., Peltola R. 1978. Suomen Kielen Etymologinen Sanakirja, VI. Helsinki, 1978. 1785; Posti L., Suhonen S. Vatjan Kukkosin murtee sanakirja. Helsinki, 1980. 607.

[24] Nirvi R. E. Inkroismurteiden sanakirja. Lexica sosientalis fenno-ugrica, XVIII. Helsinki, 1971. 669.

[25] Öpik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII sajandi lõpul. Tallinn, 1970. 92, 96, 101, 102.

[26] Öpik E. Ук. соч., 92.

[27] Öpik E. Ук. соч., 142.

[28] Itkonen E., Joki A., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja... 1785.

[29] Posti L. Virka — Virittäja, V. Helsinki, 1932. 46.

[30] Рихтер Е. Материальная культура сету XIX — начала XX в. Автореф. канд. дисс. Москва — Таллин, 1961. 7; Пихо М. Металлические украшения сету XIX–XX вв. Автореф. канд. дисс. Санкт-Петербург, 1997. С. 9–10.

[31] Itkonen E., Joki A. J. Suomen kielen etymologinen sanakirja, IV. Helsinki, 1969. 1076.

[32] Kirme K. Eesti sõled. Tallinn, 1984. 96.

[33] Piho M. Setu metallehted 19.–20. sajandil//Rahvakunst ja kaasaeg. Eesti Rahva Muuseumi XXX. Teaduskonverentsi teesid. Tallinn, 1988. 27.

[34] Redei K. Uralisches etymologishes Wörterbuch. Budapest, 1986. 774–775. В памятниках славянских племен фибулы встречаются в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, т.е. в финно-угорском и славянском пограничье. Древнейшее упоминание о фибуле мы находим в «Повести временных лет». Оно относится к 945 г. Фибула там названа словами сустугъ, сустюги и определяется как нагрудная застежка (от слова стягивать). Из финских языков слово сустуг в значении нагрудная брошь, пряжки, застежка была заимствована в XI–XIV вв. (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Вып. 1. СПб., 1903. 47).

[35] Напольских В.В. Проблема формирования финно-язычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предистории)//Исследования по древней истории и этногенезу финно-язычных народов. Ижевск, 1990. С. 40–68.

[36] Piho M. Weiblicher Metallschmuck der Setukesen des 19. – Mitte 20. Jahrhunderts//Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, XXXIX. Tallinn, 1992.

[37] Piho M. Hõbeehted setu pulmakombestikus. Silver ornaments in Setu Nuptial Rites//Pro Etnologica, I. Eesti Rahva Muuseumi Üllitised. Publications of Estonian National Museums. Tartu, 1993. 35; Piho M. Setuan breast-plate «suur sõlg»//Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI. Etnologia Folkloristika Moderatores. Jyväskylä, 1996. 338–342.

[38] Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 233–239.

[39] Гаген-Торн Н. Ук. соч., 84–85.

[40] Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 117.

[41] Сагалаев А. М. Ук. соч., 83.

[42] Kannisto A. Materialen zur Müthologie der Wogulen. Helsinki, 1958. C. 195.

[43] Daniels G. Schmuckformen der Völker. Wasmuth, 1989. Abb. 89–90, 119, 128–130, 134–135, 138–139.

В.В. Ланцев

АРХИТЕКТУРА КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЫ ПСКОВСКОГО КРАЯ (конец XIX — начало XX в.)

К настоящему времени изучение архитектурного наследия Псковской земли охватывает значительное количество памятников крепостного, культового и гражданского зодчества периода XII–XVII веков. В этой области археологи, архитекторы, историки и реставраторы проделали огромную работу. Однако до настоящего времени существует ряд малоизученных вопросов, в том числе архитектура сельских усадеб Псковщины, архитектура крестьянских жилых, хозяйственных и производственных построек. Но историко-культурный аспект может быть не единственным в нашем изучении. В условиях интенсивного индивидуального строительства в пригородных зонах традиционный тип крестьянской усадьбы, принципы и приемы формирования планировочной структуры собственно жилища могут помочь в разработке перспективной модели современного строительства на селе. Кроме того, в последнее время значительно возрос интерес к изучению национального своеобразия русской архитектуры и выросла роль народной архитектуры с точки зрения сельского и архитектурного туризма.

В связи с тем что административные границы Псковской губернии часто менялись, территориальные рамки нашего исследования были расширены — кроме Псковской области в зону изучения вошли пограничные земли Ленинградской, Новгородской, Тверской (бывшей Калининской), Смоленской, Витебской (Белоруссия) областей. Кроме этого — приграничные территории Латвии и Эстонии, что, на наш взгляд, допустимо, так как население пограничных земель имело

общие черты материальной, духовной культуры и быта. Все эти территории во все времена были зоной этнических контактов, миграционных переселений и сезонных передвижений (в том числе отходничество), в связи с тем что Псковская земля на протяжении веков была пограничной территорией России.

В хронологическом отношении исследование охватывает период с конца XIX до середины XX в. Это объясняется тем, что во время Великой Отечественной войны значительная часть традиционных построек селян Псковской области безвозвратно исчезла, и наши исследования крестьянской архитектуры и строительства частично велись на примере послевоенных построек, воспроизводящих, как нами было установлено, традиционные постройки.

1. Факторы, влияющие на формирование крестьянской усадьбы

В этнографическом плане население Псковской области принято рассматривать как особую этнографическую группу великорусов, переходную между северными и средними, средними и южными, близкую белорусам[1].

Для учета динамики этнокультурного развития населения Псковской области в течение длительного периода мы, как и многие исследователи[2], отказались от ориентации только на современные административные границы области и ввели условное наименование интересующей нас территории — Псковский край (Псковская земля). Это позволило включить в работу всевозможные данные и разнообразные сведения по районам, в прошлом входившие в состав Псковской области, а ныне находящиеся за ее пределами.

Крестьянство Псковщины было обеспечено всеми природными строительными материалами. В тех районах, где не хватало дерева или строительство из иного материала было более дешевым и с малыми трудозатратами, строения возводили из плитняка (известняка), валунного камня и глины. Разные материалы давали большие возможности для выбора архитектурно-планировочных, конструктивных приемов усадебной застройки, большую палитру декоративного убранства жилища и отдельных построек на усадьбе селянина.

Псковская земля имеет богатую многовековую историю. Прежде всего, она сыграла важную роль в историческом развитии Русского государства — всегда была форпостом северо-западных русских земель. Уже начиная с IX в. между славянскими племенами и племенами соседних народов — эстонцев, латышей и литовцев — существовали тесные связи, нашедшие отражение в сходстве некоторых конструктивных приемов жилища, устройстве печей и т.п. С XII в. эти отношения крепнут и перерастают в прочные экономические и культурные связи. Такие тесные контакты, торговля и миграция населения не могли не сказаться на сходстве элементов материальной культуры в приграничных территориях и в первую очередь на жилище крестьян, что подтверждается археологическими находками 60 — 80-х годов XX в.[3] Это можно объяснить принадлежностью восточного населения Прибалтики и западного населения Псковской земли к одной историко-этнографической области, у населения которой в силу общности его социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складывались сходные культурно-бытовые, или этнографические, особенности. Наиболее ярко они всегда выражались в материальной культуре[4].

Бедность крестьянства и убогость его жилища были характерными чертами Псковской губернии — типичной отсталой губернии аграрной России. Тяжелое положение крестьянства привело к распространению отходничества в губернии, которое имело немаловажное значение и для развития культуры крестьянского

населения и опосредованно повлиявшее на некоторые видоизменения жилища, особенно интерьера и декора.

Столыпинская реформа начала XX в. (и отголоски ее в 20-х годах) дала «хуторскую» форму застройки усадьбы, сохранившуюся в небольшом количестве до настоящего времени в некоторых (преимущественно в западных и южных) районах Псковской области.

Послевоенная самодеятельная застройка являлась во многом прямым копированием или переосмыслением архитектуры традиционной усадьбы крестьянина, все активнее испытывая на себе влияние профессиональной архитектуры.

2. Объемно-пространственные особенности крестьянской усадьбы

Структурное построение усадьбы крестьянина конца XIX в. воссоздать в настоящее время можно только гипотетически, но с достаточной степенью достоверности, если согласиться с мнением некоторых авторов, что больших изменений структура усадьбы не претерпела до начала XX в. Большое разнообразие приемов композиционного построения усадьбы можно найти даже при современных натурных обследованиях. Обобщив воедино немногочисленные архивные и литературные источники конца XIX в. и материалы наших современных натурных обследований (1982 —1993 г.), мы можем получить достоверную картину построения усадеб в различных районах области.

Существенное влияние на плотность застройки сельского поселения, его ансамблевость, оказывает взаимное расположение жилых и хозяйственных построек на усадьбе крестьянина. В основу классификации крестьянских усадеб исследователями в свое время были положены различные признаки[5], но до сих пор единой, общепринятой классификации пока не существует. Мы в своей работе частично используем функциональный принцип классификации, предложенный А.А. Шенниковым, и методику, разработанную в Петрозаводском университете[6].

Усадьбы крестьянами застраивались не сразу, а постепенно. Функция и местоположение каждой из последующих построек примерялись к основному ядру усадьбы — жилому комплексу. Гармония пространства, понимание работы конструкций и материала проявлялись не осознанно, но единый стиль и архитектурная целостность все же прослеживались в каждой усадьбе.

В качестве основного строительного материала в богатой хвойными лесами Псковской области повсеместно использовали дерево, преимущественно сосну и ель. Но применялся и другой природный материал. Так, например, Печорский район является локальным районом применения известнякового камня для строительных целей в крестьянских хозяйствах (с 30-х годов XIX в.). Начало строительства из валунного камня на территории Псковского края, по нашим исследованиям, приходится на начало XIX в. (не позже 1813 г.)[7]. Наибольшее количество таких построек приходится на середину XIX в. Строили их русские мастера, скорее всего это были каменщики-отходники из Гдовского района[8]. Кирпич как строительный материал крестьяне, в первую очередь зажиточные, стали применять только с середины XIX в.

Застройка усадеб по территориям области на период проводимых нами исследований выглядит следующим образом (рис. 1). Северные районы области (Гдовский, Плюсский, частично Псковский, Печорский и Дедовический) — это территории преимущественного распространения так называемых дворов-комплексов, где хозяйственные постройки для содержания скота вплотную примыкают к жилищу (к жилой части комплекса). Формы (типы и подтипы) такого примыкания разно-

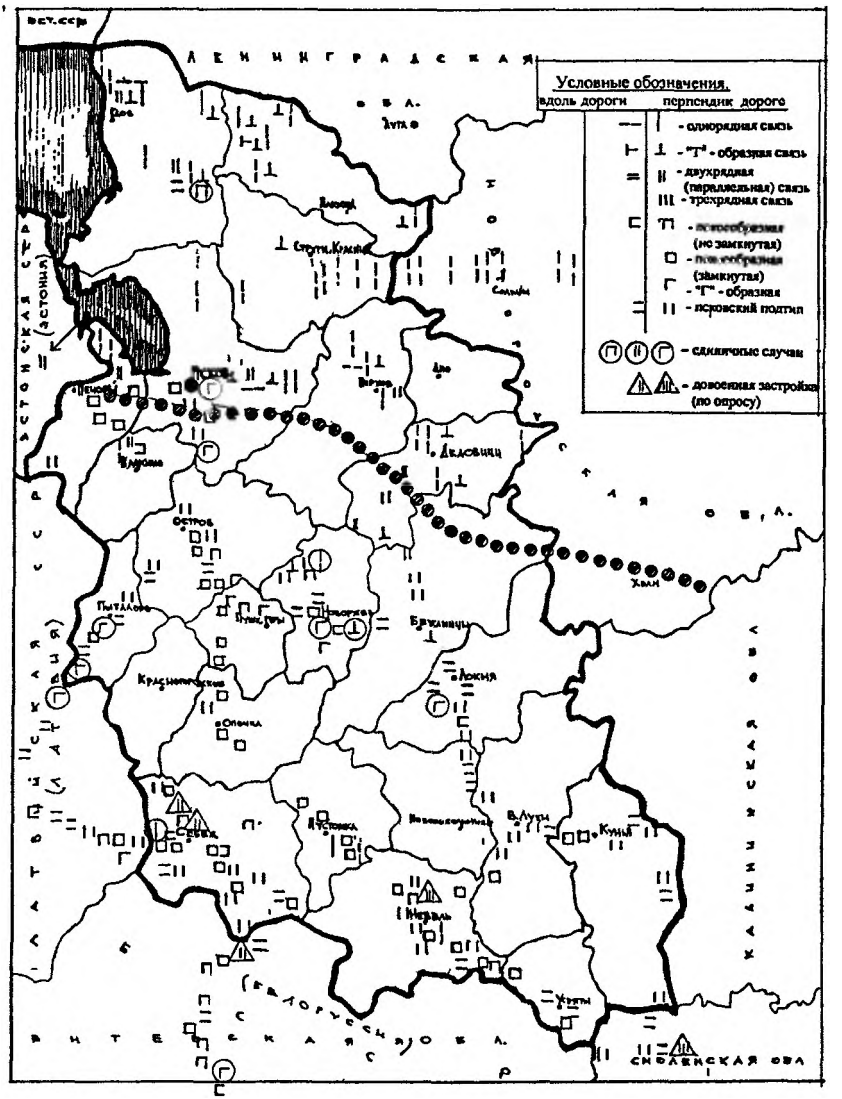


Рис. 1. Распространение основных подтипов связи жилых и хозяйственных построек (по данным автора — 1982–1983 гг.)

образны. Самый простой из них — дом-брус — строили крестьяне менее зажиточные. Кроме того, это наиболее рациональная в планировочном отношении связь, требующая небольшого количества материала для возведения. В Плюсском районе, кроме этого, получают распространение дома-комплексы, называемые этнографами «Т-образная связь». Кроме того, эти северные районы являются территорией распространения крытого одноярусного двора (на территории Псковского края двухэтажные дворы не зафиксированы). В таких дворах-комплексах, построенных из дерева, крыша собственно дворов (для содержания скота) покоилась на столбах-опорах, хлева при этом получались не связанными с каркасом двора. При возведении крытых одноярусных дворов из каменных материалов их также вплотную пристраивали к жилым строениям.

Территория с преимущественным распространением крытых одноярусных дворов, примыкающим к жилищу, по нашим исследованиям, доходит до условной границы, проходящей примерно по линии, проведенной через города Печоры (чуть ниже) — Дедовичи, и уходит к г. Холм (Новгородская обл.) (рис. 1). Далее она идет в Тверскую область и на южных окраинах Ярославской области нами уже не отслеживается. Ниже этой границы все хозяйственные постройки для содержания скота строились и строятся селянами отдельно от жилья, а варианты застройки усадеб представляют пеструю, разнообразную картину.

По нашему мнению, основным типом крестьянского жилища на большей части территории Псковской области в конце XIX — начале XX в. являлось **трехкамерное**, типа **«изба — сени — изба»**. Менее распространенный тип жилища на исследуемой территории — двухкамерные постройки — **«изба + сени»**. Видами усложнения крестьянского жилища являются избы **«с прирубом (1)»** («тристенники» — дер. Тупицино, Гдовский р-н), избы с **«прирубом (2)»** (ставится два сруба, один из которых меньше другого) и **«избы-двойни»** (два одинаковых сруба). Более поздним типом жилой части комплекса является **пятистенок**[9] (рис. 2).

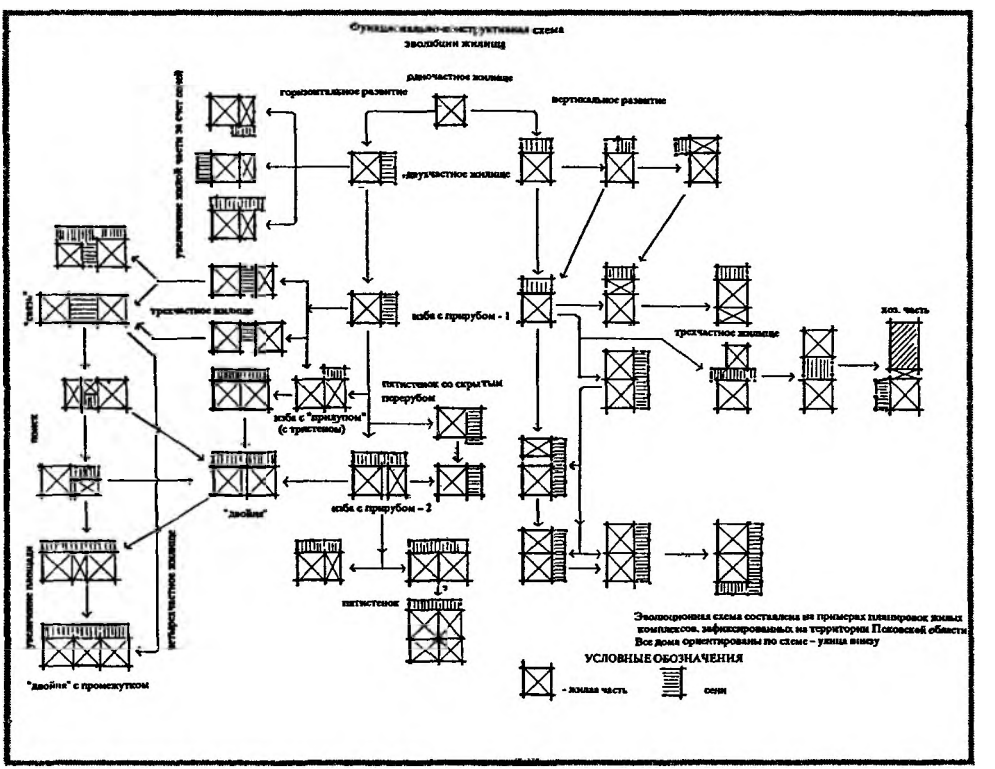


Рис. 2. Функционально-конструктивная схема эволюции жилища

Структурное построение жилой части комплекса выглядит так. Избы с печью у ближайшего ко входу угла (большей частью в левом) отмечаются чаще всего на севере области (западно-русский тип), слегка переходя южную границу распространения крытого одноярусного двора. Далее, примерно с линии Пыталово — Локня, наблюдается тенденция к сдвижке печей от ближней стены (у входа) к середине жилого пространства избы. А уже на территориях, приграничных со

Смоленской областью и Белоруссией, печи стоят почти посередине избы (южновеликорусский тип) и чаще именуются «грубками». В этом прослеживается явное влияние наших южных соседей.

Сельская усадьба как полифункциональный организм, развивающийся и совершенствующийся во времени, всегда включала в себя множество хозяйственных построек[10]. Их можно подразделить на отдельно стоящие на усадьбе (амбары, сенные сараи, бани, летние кухни) и построенные вне усадьбы (риги с гумнами). А также входящие в собственно жилой комплекс (клети, конюшни, хлева, свинарники и пр.). Хотя такое подразделение, по нашему мнению, несколько условно.

Постановка амбаров на усадьбе псковского крестьянина зависит, главным образом, от типа жилого комплекса. В северных районах их ставили отдельно, непосредственно на усадьбе (или вне усадьбы, через дорогу), напротив дома. В южных районах они входят в блок стоящих отдельно от жилища построек, возглавляя композиционный ряд, и чаще именуются клетями. Типичным амбаром для Псковской земли является наземная, однокамерная, одноэтажная, срубная постройка с двускатной крышей, имеющая вход с продольной стороны[11]. Над ним устраивается навес, а перед входом в амбар (клеть) устраивается деревянный настил или земляная площадка. Большинство амбаров на Псковской земле имеют угловые врубки с шестигранным оформлением торцов бревен[12]. Из 27 амбаров (по нашим обмерам) 62,5% имеют такие шестигранные выпуски (в Куньинском — 100%, в Плюсском районе — 58,3%).

Риги псковские крестьяне обычно строили срубными, однокамерными. Гумна — столбчатой конструкции, но очень часто с торцом (дальним от риги) срубной конструкции. Риги вплотную пристраивались к гумнам, имели вход из него, могли иметь с ним одинаковую ширину, но могли быть и уже его[13].

Планировка бань повсеместно белорусско-украинская (по Л.Н. Чижиковой) — т.е. печь-каменка расположена в углу у двери, устьем к ней, но на севере можно встретить бани с так называемым южно-великорусским планом. В Псковском крае и в приграничных зонах бани в исследуемый период строились срубными, с пристроенным предбанником.

Сенной сарай (сенной амбар) — отдельно стоящая, специфическая функциональная хозпостройка крестьянской усадьбы. Наибольшее количество таких построек нами зафиксировано в Плюсском районе.

Кроме вышеуказанных хозяйственных построек, на Псковщине, как и во многих регионах России, бытовали специальные хозяйственные сооружения и приспособления, необходимые для выполнения промежуточных хозяйственных функций: летние кухни, погреба, ледники, рассадники, колодцы, сушила[14], но сведения о них малочисленны. Широко были распространены и хозяйственно-производственные постройки: ветряные и водяные мельницы, кузни.

3. Объемно-пластические средства композиции сельского жилого комплекса

Объемно-пластические средства композиции сельского жилого комплекса зависят от материала строительства. Тектоника сруба обусловлена горизонтально уложенными бревнами, соединенными в углах врубками. Венцы придают зрительную устойчивость всему срубу, а впечатление массивности уменьшают падающие от венцов тени, ритм же их выявляет пластику всей постройки. Тени на врубках, от карнизов, свесов, крылец, балкончиков, мезонинов и других, больших и малых объемно-пластических элементов фасада, выявляют масштаб сооружения и прида-

ют ему объемность и скульптурность, что положительно влияет и на зрительное восприятие всего комплекса в целом.

Живописность валунной кладке придают цвет, текстура и фактура самого камня. Псковские каменщики, например, в раствор шва втапливали почти одинаковые по размеру камушки или околы гранита, тем самым создавался некий замысловатый строчный рисунок. Нами классифицированы типы кладки и способы заполнения швов.

Резное убранство жилого дома, и в частности оконных проемов, стало усложняться благодаря появлению усовершенствованных плотничных инструментов. На наличниках сельских построек сильнее, чем на каких-либо других деталях, сказалось влияние архитектурных стилей городских зданий. В начале XX в. не во всех уездах Псковской губернии можно было встретить оконные наличники с пропильной резьбой. Чаще всего они отмечаются, например, в Порховском уезде, реже — в Островском и Торопецком уездах. Совсем не было декора в Великолукском и Холмском уездах Псковской губернии.

Поскольку крестьянские усадьбы застраивались не сразу, то функция и местоположение каждой из последующих построек примерялись к основному ядру усадьбы — жилому комплексу. Гармония пространства проявлялась не осознанно, но единый стиль и архитектурная целостность все же прослеживались в каждой усадьбе.

Каждый крестьянин по сути дела был и архитектором своей усадьбы. От его вкуса, образа мышления и мировоззрения зависело многое. И хотя действующий во многих местах закон — все делать, как делали наши отцы и деды — был очень силен в сельской местности и на территории Псковской земли тоже, каждое поколение народных умельцев вносило новые элементы в эстетику своего жилища.

---

[1] Историко-этнографические очерки Псковского края//Псков: ПОИПКРО, 1999, С. 9.

[2] Там же, С. 5.

[3] Псков: очерки истории. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1990. С.6; Седов В.В. Древний Изборск // Древний Псков: история, искусство, археология. М., 1988. С. 49—50.

[4] Этнология: Учебник для студентов вузов. М., 2000. С. 131.

[5] См. работы Е.Э. Бломквист, В.П. Орфинского, С.П. Толстова, А.А. Шенникова.

[6] Медведев П.П. Типология крестьянского жилья Беломорского Поморья втор. пол. XIX — первой трети XX в. // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1985. С. 36 — 47.

[7] Ланцев В.В. Архитектура крестьянского жилого комплекса Псковской области (конец XIX — нач. XX в.) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, ПГУ, 1988, С. 117.

[8] Шенников А.А. Развитие крестьянской усадьбы Севера и Северо-Запада Европейской России в XVI — XIX вв. (исследование по истории арх-ры): Автореф. ...канд. арх.. Л.: 1986.

[9] Ланцев В.В. Архитектура крестьянской усадьбы Псковской области конца XIX — сер. XX в. Автореф. ... канд. арх. СПб., 2002. С.14, рис. 1.

[10] Ланцев В.В. Традиционные хозяйственно-бытовые постройки крестьян Псковской области (к. XIX — нач. XX в.) // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1994. С. 115 —134.

[11] Ланцев В.В. Амбары крестьянских хозяйств Псковской области (конец XIX — нач. XX в.) // Труды Псковского политехнического института. Псков, 1998. № 2. С. 163 — 170.

[12] Ланцев В.В. Традиционные хозяйственно-бытовые постройки крестьян... С.118, рис. 18 д, е.

[13] Там же. С. 123, 124, рис. 19.

[14] Там же. С.127, рис. 20.

А.Г. Новожилов

ДИНАМИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (ПЕЧОРСКИЙ, ПЫТАЛОВСКИЙ, ПАЛКИНСКИЙ РАЙОНЫ)*

1. Печорский, Пыталовский и западная часть Палкинского районов Псковской области являются одними из наиболее интересных в плане изучения изменений в традиционной культуре. Оригинальность ситуации в этом пограничном крае определяется двумя факторами. Во-первых, регион носит пограничный характер не только в политическом, но и в культурном отношениях. Здесь издавна существовали межэтнические контакты между русскими и сету, с одной стороны, и эстонцами и латгалами — с другой. Во-вторых, указанные территории в 1920–1940 гг. входили в состав независимых Эстонии и Латвии, были присоединены к Советской России только в 1940 г., а переданы в состав РСФСР лишь при образовании Псковской области в 1944 г.[1]

В результате вышеуказанных причин сложился целый ряд особенностей населения изучаемого края. Уже к 1920-му году население региона было многонациональным, наряду с автохтонным русским и сетуским населением, здесь, в силу небольшой плотности населения, в XIX в. стали появляться переселенцы из Эстонии и Латвии, а с началом столыпинской реформы и из внутренних областей Псковской губернии.

После того как в результате подписания мирных договоров (с Эстонией 2 февраля, с Латвией 11 августа 1920 г.) к этим республикам отошли исследуемые псковские территории, состав населения стал ещё более многонациональным. В первую очередь это происходило за счёт приезжих эстонцев, латышей и поляков[2].

Вторая особенность Псковского пограничья заключается в доминировании хуторской системы расселения. В ходе аграрной реформы начала 1920-х гг. (а в Латвии и повторной реформы середины 1930-х гг.) деревенская система была практически разрушена. За образец была принята хуторская модель, характерная для западных областей Латвии и Эстонии. В этой модели предусмотрен только формальный центр поселения, остальная часть его — разбросанные частновладельческие участки отдельных усадеб.

В целом правительства прибалтийских республик не ограничивались только хозяйственной перестройкой в присоединённых районах. Эстонцы активно ассимилировали сету, в первую очередь через школу и языковую политику. Латыши пошли ещё дальше, объявив русских восточных уездов русскоязычными латышами[3].

Уникальной особенностью Псковского пограничья было существование здесь Успенского Печорского монастыря. Влияние, которое он оказывал на местное население, захватывало все стороны жизни. Особенно велико его влияние на севере, в Печорском районе, где проживают русские и сету, которые находятся под принципиальным влиянием монастыря. Но в 1920–1940 гг. Печорский монастырь был не только религиозным центром, что само по себе немаловажно, но и средоточением русской традиции и культуры, в том числе и для русского населения Латвии[4].

* Статья написана при финансовой поддержке конкурса грантов молодых кандидатов наук Министерства образования РФ.

Характерно, что все эти явления вместе взятые привели к тому, что до 1990-х гг. аборигены Псковского, Пыталовского и западных сельсоветов Палкинского района чётко отделяли себя не только от латышей и эстонцев, но и от русских остальной Псковщины, да и всего СССР. В частных беседах они практически всегда заявляли, что они русские, а все остальные советские[5].

К особенностям псковского пограничья следует отнести и позднюю коллективизацию 1946–1949 гг. Здесь она совпала со вторым этапом аграрной революции, вылившимся в укрупнение колхозов 1949–1951 гг.

На большинство регионов, попавших в сходную ситуацию (Молдавия, западные Украина и Белоруссия и особенно республики Прибалтики), распространялись принципы особой социальной и экономической политики (широкое кредитование, социально-культурное строительство и т.д.), позволявшие снизить социально-политическую напряжённость. Но данная политика не распространялась на воссоединённые приграничные районы Псковщины[6].

Наконец, нельзя не сказать о том, что для исследователя-этнографа немаловажно, что еще в начале 1990-х гг. были живы и находились в экономически активном возрасте информаторы, заставшие и доколхозный и колхозный периоды.

2. Первым узловым моментом развития традиционной культуры Псковского пограничья стала реакция на коллективизацию сельского хозяйства, охватившую этот регион в 1946–1949 гг.

Согласно Акту согласительной комиссии от 16.11.1944 на отошедших к Псковской области от Эстонской и Латвийской ССР территориях были созданы районы: Печорский (336 деревень, 7848 хозяйств), Качановский[7] (215 деревень, 3.815 хозяйств) и Абренский (очень скоро ставший Пыталовским: 391 деревня, 5.825 хозяйств)[8].

Из приведённых данных видно, что средняя дворность поселений в этом регионе была невелика (в Печорском — 23,4 двора на деревню, в Качановском — 17,7, в Пыталовском — 14,7). Сплошная коллективизация по деревням в таких условиях могла превратиться в большинстве случаев в объединение незначительного числа дворов и так в хозяйственном плане тесно между собой связанных. Например, в Линовском сельсовете в деревне Колышкино было 4 двора, в Чернокунах — 8, а в Козлах — 6, причем в 5 из них жили родственники[9].

Дело усложнялось тем, что в Печорском районе более половины крестьян были выведены на хутора, а в Качановском и Пыталовском районах на хуторах жили все. Даже те, кто формально жил на деревенской «старине», в реальности владели ею на хуторском праве. Хуторяне отказывались работать на центральной усадьбе, предпочитая обрабатывать землю около своего двора, то есть свой собственный хутор, причём своим собственным скотом, стоявшим в собственном дворе[10].

Эта ситуация противоречила принципам колхозного строительства, в соответствии с которыми труд крестьян должен был быть обобществлён, а избыточные средства существования он должен был получать из общественных фондов. Крестьяне предпочитали по старинке жить своим умом и трудом, даже если это шло в разрез с государственной доктриной.

Руководство Псковской области стало предпринимать меры по сселению хуторских хозяйств на центральную усадьбу. Однако административное сселение дало незначительный результат, и сегодня в Пыталовском и бывшем Качановском районах преобладают хутора.

Можно выделить две причины неудачи. Во-первых, сама коллективизация шла очень медленными темпами. На 6 апреля 1950 г. в Печорском районе было коллективизировано 2159 крестьянских хозяйств или 25,4 %, в Качановском районе — 2331 или 57,6%, в Пыталовском — 2712, что составляет 39,2%[11].

Во-вторых, в 1949 г. в Псковской области началась кампания по укрупнению колхозов[12], с весны 1950 г. эта кампания приобрела общесоюзный масштаб[13]. В этих условиях сселение с хуторов отошло на второй план. Пожалуй, необходимость увеличивать населённость относилась только к деревням, ставшим центральными усадьбами укрупнённых колхозов.

Само по себе укрупнение колхозов привело к значительному изменению системы расселения. Эта кампания, в отличие от предыдущих, была проведена без учёта системы традиционных связей и инфраструктуры населения, определявшейся местными ландшафтными условиями.

В том же направлении концентрации хозяйственно-активного населения была проведена административная реформа (укрупнение сельсоветов 1954 г.)[14], совпавшая по времени с паспортизацией, обеспечившей мобильность сельского населения.

С этого момента можно говорить, что все процессы, происходившие в Псковском пограничье, мало чем отличались от аналогичных процессов, протекавших во всей Псковской области. Особенность региона заключалась, пожалуй, только в близости прибалтийских республик, где целевое финансирование создало лучшую, чем в Псковской области, социально-бытовую ситуацию. Родовые связи, близость, знание эстонского и латышского языков облегчало как единоразовые поездки, так и переселение на временное и постоянное жительство в Прибалтику.

В дальнейшем, после десятилетней паузы, процесс укрупнения колхозов продолжился. Сначала в 1960 г. были созданы колхозы, границы которых часто совпадали с границами сельсоветов. Правда, в 1965 г. многие из них в силу неуправляемости были разделены на 2 или 3. В то же время часть укрупнённых колхозов были преобразованы в совхозы. С этого периода главнейшими стали два параллельных процесса — благоустройство нечернозёмного села по городским стандартам и массовый отток населения.

Введение безнарядных звеньев и хозяйственного подряда, казалось, на какое-то время оживили традиционную хозяйственно-бытовую систему на селе[15]. Но недолговечность самой экономической системы и её бесперспективность в силу массового оттока молодёжи из сельских районов предопределили безрезультатность этого начинания.

Современную ситуацию, которая стала складываться в период деколхозизации и десовхозизации, в данном сообщении мы не рассматриваем, поскольку процесс ещё не завершился.

3. Данное сообщение посвящено динамике материальной культуры крестьянства Псковского пограничья. Социальные отношения, хотя и связаны теснейшим образом с ней, тем не менее на сегодняшний день являются скорее объектом изучения историков и социологов. Изучение же духовной культуры требует иных, нежели материальная культура, методов исследования. Поэтому в силу ограниченности размеров сообщения мы решили остановиться на материальной культуре.

Описать в рамках одного сообщения все аспекты материальной культуры конечно невозможно. Поэтому речь пойдет, прежде всего, об особенностях динамики традиционной культуры Псковского пограничья, которые отличают её от остальной Псковщины и шире Северо-Запада России.

Описание изменений в материальной культуре населения Печорского, Пыталовского и западной части Палкинского районов стоит начать с орудий труда.

Традиционные орудия сельскохозяйственного труда, сформировавшиеся еще в эпоху натурального хозяйства, стали уступать место промышленно изготовленным еще в конце XIX в. Особенность территорий, временно входивших в состав Лат-

вии и Эстонии, заключается в том, что к моменту коллективизации в крестьянских хозяйствах уже доминировали промышленно изготовленные пахотные орудия и орудия обработки урожая из Германии, Швеции и других стран[16]. Эти территории в 1930-е гг. стали основным поставщиком льна в прибалтийских республиках[17], а деньги, полученные от реализации льна в условиях полунатурального хозяйства, шли на покупку земли и сельскохозяйственных орудий. Причём орудия во многих волостях было купить проще и дешевле. Землю же чаще не продавали, а сдавали в аренду[18].

В период коллективизации были изъяты наиболее крупные орудия сева, уборки и обработки урожая — плуги, бороны, сенокосилки, молотилки и т.д. Поскольку набор необходимых крестьянину сельскохозяйственных орудий резко сократился: соха, лопаты, вилы, косы, грабли, различного вида тара, маслобойки, то возрождение традиций изготовления домашних орудий труда не произошло.

Уже в середине 1950-х гг. стала формироваться широкая сеть магазинов по продаже промышленных товаров, в том числе инструментов, необходимых для работы в личном подсобном хозяйстве[19]. Снижение налогов и, как следствие, повышение покупательной способности колхозников привело к тому, что они могли себе позволить купить необходимый инвентарь. То есть личные подсобные хозяйства крестьян изучаемых районов на протяжении второй половины XX в. были обеспечены инвентарём промышленного производства.

4. Об изменениях в системе поселений было уже сказано выше. Сами же поселения, если они не становились центрами укрупнённых колхозов, сохраняли тот вид, который они приобрели в 1930-е гг. На севере Псковского пограничья это небольшой посёлок в центре деревенских угодий и хутора по их периферии. На юге — коса хуторов по всему пространству полевых угодий.

Некоторые хутора были ликвидированы в 1949–1951 гг., но не та кампания стала решающей в изменении внешнего облика деревень. Гораздо более значимыми стали ликвидация начальных школ, магазинов, клубов и медико-ветеринарных пунктов в тех деревнях, которые перестали быть центрами сельских советов после реформы 1954–1956 гг. и центральными усадьбами колхозов после укрупнения 1960–1965 гг. Молодёжь сама поехала в Паниковичи и Изборск, Линово и Родовое, а нередко и в Печоры и Псков.

Вторым мощнейшим ударом и по системе расселения, и структуре поселений стала мелиорация в середине 1970-х гг., в ходе которой ликвидировались усадьбы и даже группы усадеб. Таким образом, к началу 1980-х гг. хуторская система была ликвидирована.

По иному пути развивались центральные усадьбы укрупнённых колхозов и особенно совхозов. В целом их развитие полностью совпадало с развитием центральной усадьбы типового колхоза русского Нечерноземья.

Основная идея их переустройства сводилась к концентрации населения в одном поселении и строительстве в центре этого поселения общественного центра (сельсовет, правление колхоза, магазины, школа, медицинский пункт, дом культуры), промежуточной частной застройки, а на периферии — массы колхозных хозяйственных построек: для скота, зернохранилищ, мастерских, а в дальнейшем и гаражей как элементов уже агропромышленного ландшафта.

Предприятия соцкультбыта старались переехать в новые специализированные здания. Стали появляться помимо колхозных производственных массивов новые улицы для переселенцев из других деревень. В дальнейшем именно в них строились дома городского типа, поначалу деревянные, а позже и кирпичные. Причем

строились всегда на периферии главного деревенского массива, формируя «новую деревню» или «новые дома».

В отличие от структуры поселения изменения во внешнем виде усадьбы в изучаемом районе стали проявляться сразу же после коллективизации. Были обобществлены клети (зернохранилища и одновременно склады одежды, утвари, переработанной пищевой продукции и т.д.), картофельные ямы, различные мастерские. Резкое сокращение поголовья личного надворного скота привело к опустению большего количества хлевов и сараев для хранения сена (амбаров). С течением времени пустовавшие постройки либо ликвидировались, либо реквизировались.

Складывался нетрадиционный для Псковщины единый двор, включавший одновременно открытый скотный двор и чистый двор, с которого были перенесены небольшие мастерские, а иногда клетушки. Собственно чистый двор (раньше там стояли еще амбары и клети) исчез.

В плане редукции усадебного комплекса приграничные районы ничем не отличались от любого другого района русского Нечерноземья.

Редукция традиционной крестьянской усадьбы, в отличие от изменений в организации поселений, началась сразу после коллективизации, и ее темпы были гораздо выше.

5. Особый интерес представляет динамика изменения интерьеров крестьянского жилища, гораздо больше зависящего от изменения взглядов на достаток и комфорт, чем от внешнего экономического и внеэкономического давления государства. Можно утверждать, что с этой точки зрения изменения в интерьере теснейшим образом связаны с изменениями в одёжном комплексе, рационе питания и наборе предметов утвари.

Надо сказать, что традиционный домашний быт, восходящий к образцам середины XIX в., стал разрушаться уже на рубеже XIX–XX вв. На смену лавкам и полатям стали приходить деревянные, а позже железные кровати, окончательно исчезли избы, отапливаемые по чёрному. Даже самодельные «буфеты» для хранения столовой утвари делались по промышленным образцам нередко с применением стекла.

Но мебель собственно промышленного производства появилась в отошедших к Эстонии и Латвии псковских землях уже в 1930-е гг., когда эти районы стали основным поставщиком товарного льна. На территории Латвии крестьяне ездили покупать мебель рижского производства в Качаново в частную лавку, а в Эстонии мебельный магазин находился в Печорах[20]. В основном это были комоды, но особо зажиточные покупали платяные шкафы и даже мягкие кровати.

Характерно, что эти лавки сохранялись и в первые годы советской власти, т.е. в 1940-е гг., когда во всей остальной Псковской области (округе) подобные учреждения были ликвидированы. Магазины, торговавшие готовой одеждой и бытовой утварью, были ещё более распространены и находились во многих местечках, например, в Абрене-Пыталово и Виликах (Латвия), Печорах и Изборске (Эстония).

Конечно, традиции домашнего изготовления мебели, одежды и утвари не исчезали. Полки, столы, лавки для сиденья и табуретки, рабочую одежду и лапти, мелкую утварь делали либо сами, либо заказывали деревенским умельцам вплоть до середины 1960-х гг.[21]

Колхозизация на некоторое время прекратила частную торговлю, не создав государственной альтернативы. Но этот период в приграничных районах длился недолго, до середины 1950-х гг., когда, как отмечалось, была создана сеть специализированных промтоварных отделов в магазинах центральных усадеб колхозов.

В этих отделах можно было приобрести типовую городскую, «культурную» мебель. Совхозизация привнесла в интерьеры деревенских жилищ еще большее

количество городских элементов, например, бытовую технику. Денежный расчет позволил в течение нескольких лет в корне изменить внутренний вид дома.

За интерьерами потянулась утварь: фарфоровая и металлическая посуда, сепараторы и многое другое изменяло сам бытовой уклад. Но самый большой удар по этому укладу нанесло строительство сначала сельских, а потом районных хлебозаводов. Дешевый хлеб вытеснил домашнее приготовление караваев, оставив в утешение хозяйкам лишь праздничные пироги. Исчезли кадушки для замеса хлеба, но главное исчезла классическая русская печь. На смену ей пришел щит, по сути, тепловой симулятор русской печи.

Одежда промышленного производства завоевала крестьянский рынок также очень быстро. Сначала стала покупаться мужская и отчасти женская праздничная[22] одежда. Но скоро перестали изготавливать и будничную одежду. Дольше всего сохранялось домотканое нижнее и спальное белье и полотенца, но и они исчезают в 1970-е гг. Основная масса ткацких станов были убраны крестьянами на чердак в период между 1955 и 1965 гг.[23]

Главная особенность развития традиционной культуры сельского населения Псковского пограничья определяется двумя основными факторами. Во-первых, масштабными преобразованиями в ходе аграрной реформы в Прибалтийских странах в 1920–1930-е гг. Во-вторых, поздней, по сравнению с остальной территорией Псковской области, коллективизацией, совпавшей по времени с кампаниями по сселению с хуторов и укрупнению колхозов.

---

[1] Акты согласительной комиссии территориально-административного разделения Ленинградской области, Латвийской и Эстонской ССР при организации Псковской области // Государственный архив Псковской области Ф Р-903 Оп 1 Д 31 Л 92-111 (Далее — ГАПО)

[2] Несмотря на высокую, по сравнению с Прибалтикой, плотность населения, особенно на севере Печорского и в Пыталовском районах, цены на земельные участки здесь были ниже, чем в западных районах Латвии и Эстонии См Полевые материалы автора 1997 Дневник 1 Л 45–47 (В дальнейшем — ПМА)

[3] ПМА 2002 Дн 2 Л 48-56

[4] ПМА 1998 Дн 1 Л 52-53, ПМА 2002 Дн 1 Л 25, 39, 42

[5] См, например ПМА 2002 Дн 1 Л 14

[6] Так, решением Исполнительного комитета Псковского областного Совета депутатов трудящихся от 10 апреля 1950 г предлагалось в Печорском, Качановском и Пыталовском районах «утвердить нормы доходности по полеводству и животноводству до уровня действующих норм в РСФСР», а не на уровне, устанавливаемом Постановлением СМ СССР от 17 августа 1947 г за № 2874 «О сельскохозяйственном налоге в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» См ГАПО Ф Р-903 Оп 1 Д 664 Л 159-160

[7] Большая его часть составляет ныне западную часть Палкинского района, меньшая — южную часть Печорского района

[8] ГАПО Ф Р-903 Оп 1 Д 31 Л 106

[9] ПМА 2002 Л 8, 14

[10] ГАПО Ф Р-903 Оп 1 Д 664 Л 35

[11] Там же Л 34

[12] ГАПО Ф Р-903 Оп 1 Д 664 Л 252–253, 348–396

[13] О мероприятиях в связи с укрупнением колхозов Постановление СМ СССР от 17 июля 1950 г //Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам М, 1958 С 534–536

[14] В соответствии с Указом Верховного Совета РСФСР от 16 июня 1954 г См Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988) Справочник Кн 1 Л, 1988 С 73–74, 96, 111

[15] ПМА 2002 Дн 1 Л 18-21

[16] ПМА 2002 Дн 1 Л 14

[17] В Пыталовском районе я наткнулся на безымянную латышскую брошюру 1939 г Там говорилось, что в Латгалии льном засеяно 54,5 тыс га, т е 83,3 % всех посевов в Латвии, причем большин-

ство посевов приходится на Абренский уезд, т.е. будущие Пыталовский и Качановский районы. См.: ПМА. 2002. Дн.1. Л. 51.

[18] ПМА. 2002. Дн.1. Л. 58, 63 и др.

[19] О мерах дальнейшего развития советской торговли. Постановление СМ СССР от 23 октября 1953 г. // История колхозного права: Сборник законодательных документов СССР и РСФСР 1917–1958. Т. 2. М., 1958. С. 408-409.

[20] ПМА. 1996. Дн. 1. Л.24; 2002. Дн. 1. Л. 54.

[21] ПМА. 2002. Дневник 2. Л. 8, 55, 74.

[22] Исключение составляет сетусский женский костюм, практика ношения которого сохранялась в среде старшего поколения вплоть до 1970-80-х гг.

[23] В 2002 г. по этому вопросу было проведено анкетирование в Линовской и Тулинской волостях Пыталовского района. 84% ответов попали в этот промежуток времени.

В.Г.Чернуха

ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ В МАТЕРИАЛАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОМИССИИ 1872–1873 гг.

Цель моего сообщения — обратить внимание исследователей аграрной истории Псковской губернии на материалы первой пореформенной правительственной комиссии. У каждого историка, кто примется изучать ее документы, возникнет вопрос о полноте данных, их достоверности, источниках сведений и т. д., а потому станет вопрос о самой комиссии, необходимость получить данные о причинах ее учреждения, задачах, которые она преследовала, и пр. Поэтому сообщение распадается на две части: история этой комиссии под председательством П. А. Валуева и сведения о ее материалах по Псковской губ.

Известно, что отмена крепостного права проводилась в условиях сильного давления либеральной публицистики, отстаивавшей безупречный тезис об экономических преимуществах свободного труда по сравнению с подневольным. Это должно было привести к процветанию крестьянского хозяйства и к переводу хозяйства помещичьего на рациональный путь с применением наемных рабочих. Материальные потери помещиков должны были обернуться ростом доходов. Завышенные ожидания от крестьянской реформы довольно скоро были развеяны реалиями. Крестьянство выжидало, надеялось на бесплатное предоставление земли, помещики — в большинстве своем — были неспособны вести предпринимательское хозяйство. Надежды на привлечение бывших крепостных к обработке помещичьих земель оказались иллюзорными: непривычные к договорным отношениям российские крестьяне в страду покидали работу в помещичьих усадьбах, помещики не могли найти быстрых способов принуждения их к исполнению условий найма. Правительство, занятое другими реформами, предоставило аграрные отношения естественному ходу событий.

Первые признаки неблагополучия, не снятого реформой 19 февраля 1861 г., проявились в середине 1860-х годов. Сначала: адрес московского дворянского собрания (январь 1865 г.), вызвавший сочувствие дворянства других губерний, затем — первое покушение на императора-реформатора. Их можно было объяснять случайностью, но на следующий год — 1867 — пришелся первый пореформенный неурожай, серьезно подорвавший тезис о свободном труде как панацее. Неурожаем было охвачено более двух десятков губерний Севера и Северо-Запада, в том числе Архангельская, Смоленская, Петербургская, Новгородская и Псковская[1]. Правительство оказалось вынужденным брать на себя заботу о населении пострадавших от «недорода» губерний.

Факт явного неблагополучия положения придал помещикам уверенность, тем более что они обрели в правительственных кругах очень влиятельного лидера — шефа жандармов П. А. Шувалова, уже в первой же своей всеподданнейшей записке заявившего о необходимости «поддержать дворянство»[2].

Попытка поднять значение поместного дворянства была предпринята новым шефом жандармов вскоре после покушения Каракозова и связана с именем псковского губернатора Б. П. Обухова. Тот в 1867 г. объехал губернию, после чего составил записку о необходимости опереться на помещиков как на консервативный элемент и дать местной администрации возможность влияния на земские учреждения. Записка была распространена среди губернаторов и петербургских сановников. Однако либеральные сторонники реформ быстро узнали об этом и предали записку гласности, напечатав ее за границей с собственными критическими комментариями[3].

Последующие события дали консервативной оппозиции (ее часто называли «аристократической» партией) все более аргументов против либеральных установок реформаторов: Парижская коммуна 1871 г., нашумевшие судебные процессы над «нечаевцами» и самим С. Г. Нечаевым, показавшие наличие революционной опасности в самой России, вовсе не снятой опорой самодержавия на монархически настроенное крестьянство[4]. На рубеже 60–70-х годов крепнут голоса консервативной публицистики и позиции консервативной группировки в правительстве. «Под предлогом охранения государя и монархии гр. Шувалов, — замечает в 1873 г. один из министров противоположного лагеря Д. А. Милютин, — вмешивается во все дела, и по его наушничеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указанию. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, гр. Толстой, гр. Пален, Валуев — послушные орудия гр. Шувалова»[5]. Шувалов и его сторонники боролись в Государственном совете против принципов бессловесности, волостной обособленности крестьян, выборного начала, словом, против либеральных постулатов «шестидесятников». Однако слабостью консервативной группировки было отсутствие у нее готовой программы осуществления консервативного курса, в том числе и в аграрной сфере. Поиск идеолога такой программы в министерской среде результата не дал: сочувствовавшие ему министры не были готовы к роли идеологов, которые в публицистике уже начали выдвигать консервативную программу. В аграрной сфере предполагался, в частности, отказ от общины, с тем чтобы создать зажиточное крестьянство, имеющее возможность арендовать у помещиков крупные участки земли. Помещики в этом случае освобождались от необходимости вести собственное хозяйство и превращались в политическое сословие, наподобие английского дворянства (об этом писали Р. А. Фадеев, Н. А. Лобанов-Ростовский, В. П. Орлов-Давыдов и др. Эти идеи поддерживал ближайший друг Александра II кн. А. И. Барятинский[6].)

Тогда вспомнили о находившемся в отставке П. А. Валуеве, и в апреле 1872 г. он был назначен на первый же освободившийся пост — министра государственных имуществ. Он пришел в министерство с уже готовым планом подготовки к смене правительственного курса от ориентации на бессловность, буржуазный ценз, общественную самодеятельность к сословности, усилению влияния поместного дворянства на крестьянскую волость, увеличению представительства дворянства в земстве.

Был готов у него и план подведения фундамента под постановку вопроса о смене курса, куда входил пункт о предоставлении дворянству права представительства в Государственном совете, таким образом превращавшемся в представи-

тельное учреждение или, во всяком случае, делающем шаг к такому превращению. Валуев намеревался представить материалы, максимально полные, объективные, которые бы свидетельствовали, что теперь, в условиях отмены крепостного права, должна быть разработана очередная аграрно-социальная программа, которая бы дополнила, исправила, изменила Положения 19 февраля. Для этого и планировалось создание первой в пореформенной России правительственной комиссии по изучению сельского хозяйства[7].

Решение о создании комиссии было проведено через Комитет министров и утверждено Александром II 23 мая 1872 г. Комиссия официально называлась «высочайше учрежденной комиссией для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Ее председателем был назначен П. А. Валуев. Второстепенное министерство, каким в то время стало Министерство государственных имуществ (МГИ) после повторного проведения в 1866 г. реформы государственной деревни, на короткое время превратилось в лидирующее, самое деятельное. Валуев работал очень быстро: завершение работы Комиссии было всего лишь первым этапом осуществления задуманной программы. Он спешно скомплектовал ее состав, в нее вошли 11 человек: два чиновника от МВД (в том числе будущий министр Л. С. Маков, когда-то правитель канцелярии у Валуева), два чиновника от Министерства финансов (в том числе Н. Ф. Фандер-Флит, псковский помещик), один чиновник от Департамента уделов и 6 человек от МГИ. Среди чиновников МГИ значился крупный помещик, публицист, видная фигура дворянской оппозиции, к МГИ никакого отношения не имевший, князь Н. А. Лобанов-Ростовский[8], зато в своих сочинениях разрабатывавший и дворянский вопрос, и идею изучения через особую правительственную комиссию положения сельского хозяйства.

Хотя министр был озабочен землевладельцами, необходимость создания комиссии он аргументировал потребностью узнать положение земледельцев. Министр циркуляром запросил губернаторов, губернские присутствия, местных чиновников, землевладельцев, членов сельскохозяйственных обществ о положении сельского хозяйства, его бедах и средствах их излечения. Упоминание сельскохозяйственных обществ в качестве источников получения сведений отнюдь не случайно: эти научно-практические организации, объединявшие помещиков, агрономов, земцев, находились под контролем МГИ и не могли проигнорировать запрос министерства. Последнее было поставлено на службу комиссии и спешно готовило материалы для публикации и рассмотрения членами комиссии. К осени 1872 г. сведения были собраны, преимущественно от чиновников и помещиков. Число ответивших комиссии землевладельцев и земледельцев соотносилось как 20:1 (283 и 17). Полученные материалы тут же отправлялись в типографию, печатались и потом собирались в блоки. Свои заседания комиссия начала 21 ноября 1872 г., завершила 28 апреля 1873 г., проведя 52 заседания. Запрос на места и опрос приглашаемых на заседания лиц производился по детально разработанным вопросникам, где важные для председателя и вообще устроителей этой комиссии вопросы о состоянии хозяйства помещиков, решении ими проблемы наемных рабочих, их взглядах относительно нового аграрного законодательства терялись в массе чисто хозяйственных пунктов.

Дальнейшая судьба комиссии такова: весной 1874 г. ее выводы обсуждались в Комитете министров, где присутствовали как сторонники, так и противники усиления роли дворянства. Принципиальное для ее устроителей предложение о допущении представителей дворянства в Государственный совет при обсуждении аг-

рарного законодательства на основании рекомендаций комиссии сразу же привлекло внимание и вызвало сильную оппозицию не только либеральных реформаторов, но и тех, кто опасался сказать слово в защиту представительного правления. Валуеву и Шувалову пришлось отступать. Единственное, на что согласились члены Комитета министров и Александр II, — в виде эксперимента единственный раз созвать для обсуждения уже готового проекта закона о найме рабочих и прислуги нескольких предводителей дворянства, председателей губернских земских управ и городских голов в Государственный совет в качестве экспертов, лишь отвечающих на задаваемые им вопросы. Последовавшая вскоре вслед за этим отставка шефа жандармов и отправка его послом в Лондон должны были показать, что верховная власть на реформу правления идти не намерена. С тем вместе разговоры об усилении роли дворянства, а тем более реальные шаги к этому были приостановлены. Такова история сельскохозяйственной комиссии, и некоторым свидетельством того, что поворот в сословной политике готовился, может служить рескрипт 25 декабря 1873 г. на имя Д. А. Толстого, министра народного просвещения, о привлечении предводителей дворянства к контролю над народными школами.

Материалы «валуевской» комиссии были напечатаны в 5-ти томах как ведомственное издание и имели узкое хождение: они были распространены среди сановников, членов и участников работы комиссии, частью же были разосланы в редакции самых известных периодических изданий для придания им известности и организации поддержки.

Материалы были распределены по 5 томам, не имеющим нумерации и последовательно выстраивающимися в ряд согласно обозначению «приложений». Все тома носят одно общее название: «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Далее идет подзаголовок, затем выходные данные: С.-Петербург, 1873.

Для удобства обозначим эти тома как условные 1—5, в тексте будем ссылаться на номер приложения и его страницу.

Условный т. 1-й содержал итоговый доклад комиссии и протоколы ее 52-х заседаний. К ним были приложены: вопросник из 10 пунктов, разосланный в губернии для получения сведений. Подзаголовок этого тома: «Доклад. Журналы комиссии».

«Приложение I» составляет условный 2-й том материалов комиссии. Это самый объемистый (около 1000 стр.) фолиант. Его подзаголовок: «Систематический свод сведений о современном положении сельского хозяйства и сельской производительности вообще».

«Приложения II, III, IV, V» составляют 3-й условный том материалов комиссии. Название II «приложения» — «Свод сведений о недостатках современного положения сельскохозяйственной промышленности вообще». «Приложение III» было издано в виде «Свода мер, предлагаемых для устранения недостатков современного положения сельскохозяйственной промышленности». «Приложение IV» составляли «Общие статистические таблицы». «Приложение V» — частные записки и заметки».

Весь 4-й том «Приложение VI» — это «Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию».

И наконец, в т. 5-й вошли данные о заложенных имениях. «Приложение VII» называется: «Описание имений по данным Общества взаимного поземельного кредита».

Структурно все материалы комиссии делятся на сведения о «положении» сельского хозяйства России в начале 1870-х гг. (это самая большая их часть), формулирование «недостатков» этого положения и, наконец, предложения о мерах исправления недостатков.

По форме сведения делятся на: мнения, описания, ответы на вопросы, цифровые данные, иногда смешение того и другого вида «сведений». Статистические данные разнородны: как всероссийские, так и погубернские. Все материалы имеют ссылку на источник информации, но непременно безымянный. Указывается только социальная, общественная, профессиональная принадлежность. Еще одна особенность опубликованных фолиантов — сбитая пагинация, иногда чрезвычайно дробная, обусловленная торопливостью группировки их в блоки. Время от времени попадаются, правда редко, примечания издателей относительно их полноты.

* * *

Для комиссии 1872 г. Псковская губерния не являлась ни игнорируемой, ни приоритетной. Она представлена в материалах комиссии наряду с данными по другим территориям. Эти данные имеют по крайней мере двоякий интерес: и как сведения, поступившие с мест, и как информация, уже находившаяся в распоряжении центральной администрации. Это были первые предаваемые гласности сведения о результатах реформы 19 февраля. Во второй половине 1870-х гг. дело сдвинулось с места, и началось изучение сельского хозяйства как на местах, в частности силами земских статистиков, так и министерствами.

«Материалы» — это условное название собранных комиссией данных, сама комиссия называла их «сведениями». Тома трудны для работы сбитой пагинацией и отсутствием предметных и географических указателей. Эти особенности требуют осуществления предварительного поиска и атрибуции: установления источника, «привязки» к месту, если эти сведения неопределенны, сопоставления их с губернскими и иными данными для вынесения суждений о их точности. Тем не менее при проверке и сопоставлении данных комиссии и имеющихся в распоряжении местных исследователей сведений картина пореформенного положения Псковской губернии должна существенно проясниться. Что касается авторства сведений, включенных в «приложения», то чаще всего комиссия ссылается на Торопецкое общество сельского хозяйства, безымянных представителей землевладельцев Псковского, Порховского и других уездов, псковского уездного предводителя дворянства и председателя псковской уездной земской управы. Заметим, что для придания вида объективности своим трудам комиссия Валуева вполне могла представить одного и того же человека в разных ипостасях: землевладелец мог быть и членом сельскохозяйственного общества, и земцем, и предводителем дворянства.

Данные о Псковской губернии, иногда отрывочные, иногда общие, полные или относительно полные, содержатся в каждом из 5 томов материалов комиссии.

В итоговом, обобщающем докладе комиссии Валуева Псковская губерния фигурирует неоднократно, обычно в качестве примера, подтверждающего ее выводы.

На с. 10 «доклада» комиссия, пытаясь оценить состояние в России хлебного производства в начале 1870-х годов и реальное соотношение между производством хлеба и потребностями в нем населения губернии, отнесла Псковскую губ. в тот из трех районов, где хлеб производится «в количестве, недостаточном для местного потребления». В докладе отмечена и еще одна негативная сторона состояния губернии: она названа в числе тех, где выкупные платежи значительно, на 30—50%, превышают существующие продажные цены на землю (с. 33). Еще одним обстоятельством, обратившим на себя внимание комиссии, была задача осуществления ирригационных работ в группе западных и северо-западных губерний, среди них и в Псковской. Более того, министр не только выделил эту задачу как отвлеченную, но тут же заявил, что намерен летом 1873 г. командировать именно в Псковскую губернию особого чиновника для выяснения «топографических усло-

вий осушения болот» (с. 37). Зато комиссия явно могла счесть благополучным положение в губернии в отношении падежа скота: в небольшой таблице (с. 22) убыли скота по России Псковская губерния была помещена в самом ее конце. Судя по этим данным, губерния теряла в год не более 0,2% скота.

Последующие тома материалов комиссии Валуева существенно дополняют и раскрывают эти сведения и содержат множество иных характеристик положения и потребностей земледелия, земледельцев и (преимущественно!) землевладельцев.

2-й том материалов комиссии («Приложение I») содержит сведения, довольно многочисленные, но по Псковской губернии краткие. Бегло перечислим их: на с. 5 Псковская губ. охарактеризована под углом зрения «способов ведения хозяйства», под которыми подразумевается обработка помещичьей земли с помощью привлекаемой рабочей силы (наемные рабочие, «испольщики» и «издельщики»). На с. 42—43 эта картина дополняется описанием условий аренды в губернии. На с. 98—99 приводятся данные о плате годовому наемному работнику «с харчами от хозяина». Данные относятся к уездам Псковскому, Островскому, Порховскому и Торопецкому. На с. 162—163 изложены взгляды землевладельцев нескольких уездов на общину, круговую поруку и участковое землепользование. На с. 225—226 находятся сведения о том, как изменился с 1861 г. рацион псковских крестьян, начинающиеся фразой: «Улучшения пищи крестьян не замечается».

Во втором отделе этого же «Приложения I», при другой пагинации — о «состоянии отдельных отраслей сельскохозяйственной промышленности» — можно найти сведения о севооборотах, урожайности хлебов, размерах запашек (с. 6—9), ценах на хлеб в губернии (с. 85), производстве скота и ценах на него (с. 96—97). Некоторые сведения по Псковской губернии дает общая характеристика «сельских промыслов, служащих подспорьем сельскому хозяйству» (с. 155), в частности, данных по лесоводству (с. 256). На с. 24—25 словесно и в виде цифровых данных охарактеризованы денежные повинности псковских крестьян. На с. 2—3 IV отдела «Приложения Й» приведены продажные цены на землю по четырем уездам губернии.

Отдел V, как и отдел VI этого «Приложения I», сведений о Псковской губернии не содержит (по отсутствию ли у комиссии или по отсутствию в губернии сельскохозяйственного кредита и сельскохозяйственного образования).

«Приложения II, III, IV, V» составляют следующий, 3-й том материалов комиссии. В «Приложении II» («Свод сведений о недостатках...») на мнении из Псковской губернии (с. 5) основывается постулат о семейных разделах как явлении, представляющем вред для сельского хозяйства. Торопецкое общество сельского хозяйства при этом сочло, что устранение этого недостатка может быть произведено путем предоставления отдельным крестьянам права на переселение в другие места (с. 8). При ответе на вопрос относительно «способов взыскания за нарушение условий найма» некие псковские «землевладельцы» (с. 11—12) подали идею о выдаче нанимающимся сельским рабочим «рабочих книжек» в качестве документа, представляющего некоторую гарантию договора о найме, а Торопецкое общество сельского хозяйства предложило — в случае бедности нарушителя договора — привлекать к ответственности все сельское общество.

Комиссией был поставлен и вопрос о повышении нравственности крестьянства и о тех «силах», которые способны взять на себя решение этой задачи. Землевладелец Торопецкого уезда в ответ назвал в качестве таких сил духовенство и «народные школы». На вопрос же о том, как обстоит в губернии дело с народными школами, землевладелец Торопецкого уезда (с. 17) ответил: «Учителей нет, а те, кто есть, не отличаются ни образованием, ни хорошим поведением. Волостные школы с одним учителем, какого Бог послал, не соответствуют цели. Обучающие

в сельских школах получают иногда за 50—70 рублей в год... Учителей набирают преимущественно из отставных солдат и исключенных причетников... Необходимо открытие учительской семинарии».

О важном для комиссии вопросе об общине Торопецкое общество сельского хозяйства и несколько землевладельцев разных уездов высказались в пользу участкового землепользования. В отделе II этого же «Приложения II» псковским уездным предводителем дворянства было категорически сформулировано утверждение, что земледелие «не следует прогрессивному развитию», производство зерна уменьшается из-за истощения почвы, недостаточности ее удобрения, «небрежности» обработки (с. 1). Для Псковской губернии как характерное явление отмечена «неустойчивость» (с. 2) крестьянского хозяйства, вытеснение полеводства льном и вообще хищническое использование земли в этой связи, а также появление особой категории людей («булыни») — «аферистов», скупающих пустоши с последующей сдачей их затем крестьянам в аренду под производство льна. В этом же отделе отмечены как «распространенные» лесные порубки, особенно во «Владельческих дачах». В качестве необходимых для принятия мер борьбы с таким явлением назывались: ускорение следствия по делам о порубках, квалификация порубок как «воровства», введение «билетов» на продажу леса. Кроме того, предлагалась еще и оценка вырубленного леса не по номинальной, а по «истинной» его цене. Упоминалась и необходимость организации лесной стражи (с. 15).

В отделе IV («Землевладение») псковские помещики фигурировали как сторонники ликвидации черезполосности крестьянской и помещичьей земли и ускорения межевых работ, ныне идущих с задержками.

В отделе V публикаторы материалов комиссии причислили Псковскую губернию к числу тех, где дороги (почтовые, грунтовые и проселочные) находятся в «дурном состоянии» и где необходимо устройство хотя бы конной железной дороги, проходящей по шести ее уездам (с. 8).

В отдел «неурожаи» комиссия сочла нужным включить заявление землевладельца Порховского уезда о том, что в этом уезде «общественных запашек хлеба не существует», а пополнить хлебные запасы за один год «невозможно без разорения крестьян» (с. 7).

«Приложение III» этого тома, перечисляющее меры устранения недостатков, не представляет интереса для Псковской губернии, поскольку ее предложения были зафиксированы ранее.

Зато следующее «Приложение IV» этого же тома представляет большую ценность для изучения данных по Псковской губернии, поскольку содержит обильные и разносторонние статистические данные по России с выделением погубернских сведений за первый год каждого пятилетия (1851, 1856, 1861, 1866 и 1871 гг.). Здесь помещены таблицы сведений о посевах, урожаях, скоте, данные о мануфактурном и винокуренном производстве, ценах на ненаселенные земли, лесоматериалы, а также данные о поступлении в казну налогов.

«Приложение V» материалов по Псковской губернии не содержит.

«Приложение VI» (это условный 4-й том материалов комиссии) включает стенографически зафиксированные ответы лиц, находившихся в Петербурге и согласившихся ответить на вопросы комиссии. Она была намерена заслушать трех представителей псковского землевладения. А. А. Корсакова комиссия должна была выслушать на своем 29 заседании, 7 февраля 1873 г., но А. А. Корсаков «по непредвиденным обстоятельствам» не появился («Журналы» комиссии, с. 18). Зато были выслушаны в 30-м заседании, 10 февраля 1873 г., председатель псковской уездной земской управы Николай Александрович Ваганов и 24 февраля 1873 г. на 34-м

заседании комиссии псковский губернский предводитель дворянства, тайный советник, барон Александр Борисович Фон-Фитингоф-Шель. Приглашенным предлагали вопросный лист из 269 пунктов, они по собственному выбору отвечали на некоторые из них, те, в которых были наиболее осведомлены. Ответы Н. А. Ваганова помещены на с. 58—61 «Приложения VI», во 2-й его части, а ответы А. Б. - Финигофа-Шеля там же, на с. 91.

«Приложение VII» (это условный 5-й том материалов комиссии) включает сведения об имениях, заложенных в 1870—1872 гг. в Обществе взаимного поземельного кредита. Том содержит сведения по всей России, в том числе и по Псковской губернии в отдельности. Сведения об имениях Псковской губернии помещены на с. 36—45. Это подробное описание шести имений губернии, по одному на уезд (Псковский, Островский, Порховский, Новоржевский, Холмский и Торопецкий). Сведения не приводят ни имен их владельцев, ни названия имений, но легко могут быть атрибутированы по топографическому описанию.

Если в этой 1-й части «приложения» содержатся единичные описания, то во 2-й его части, имеющей свою пагинацию, на с. 8—10 содержатся краткие статистические сведения, но зато по всем заложенным в Обществе взаимного поземельного кредита имениям (данные по 6-ти имениям Псковского у., 9-ти имениям Порховского у., 3-м имениям Новоржевского у., 2-м — Великолуцкого, 4-м — Островского, 4-м — Опочецкого, 2-м — Торопецкого и 2-м — Холмского).

Таким образом, материалы первой правительственной аграрной комиссии 1872—1873 гг. при внимательном их изучении, атрибутировании и проверке местными данными могут дать выразительную и точную картину состояния и проблем Псковской губ. через 10 лет после отмены крепостного права и начавшегося преобразования ее сельского хозяйства на новых основаниях.

---

[1] Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. С. 235—264.

[2] Былое. 1907. № 1. С. 237.

[3] Русский администратор новейшей школы. Записка псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868.

[4] Лурье Ф. М. Созидатель разрушения: Документальное повествование о С. Г. Нечаеве. СПб., 1994. С. 172—265.

[5] Милютин Д. А. Дневник. Т. 1. М., 1947. С. 119.

[6] Чернуха В. Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 161—186.

[7] Подр. см.: Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х-гг. XIX в. Л., 1978. С. 67—118.

[8] Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам. Конец 1850—середина 1870-х г. М., 2002. С. 269.

Н.Ф. Левин

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПСКОВИЧАМИ СВЯТОЙ ОЛЬГИ РОССИЙСКОЙ

Почитание княгини Ольги в Пскове и на Руси имеет давние, многовековые традиции. Оно началось намного раньше того, как на церковных Соборах 1547–1552 годов её не только официально причислили к лику святых, но и назвали равноапостольной. Краткие жития святой Ольги относятся к XIV и даже к концу

XIII в. Они включались в богослужебные книги, называвшиеся Прологом. Такие проложные жития наш земляк Николай Серебрянский рассматривал в большом научном труде «Древнерусские княжеские жития», опубликованном в 1915 г. и ставшем его докторской диссертацией. В приложенном тексте XIV в. сказано: «Си блаженная Ольга родом бе пльсковитина»[1].

Там же помещена псковская редакция жития княгини Ольги, появившаяся в середине XVI в., незадолго до составления Степенной книги царского родословия. По мнению многих исследователей[2], автором этого жития был известный писатель того времени, пресвитер Василий, принявший постриг под именем Варлаама и ставший в Пскове игуменом монастыря Иоанна Богослова (бывшая монастырская церковь сохранилась на Мишариной горе Запсковья). В этом житии на основании местных преданий впервые говорилось о рождении будущей княгини «в веси зовомыя Выбуто», о «проречении бытия града Пскова» и о помощи Ольги в построении здесь Троицкого храма. Сведения Василия-Варлаама использованы при составлении подробного жития святой Ольги для Степенной книги.

От себя Н. И. Серебрянский счёл нужным добавить: «Указание на Выбуту, как на место родины Ольги, мне лично не кажется совершенно неосновательным. В древнее время Выбута была не просто весью» или погостом, но одним из военных сторожевых пунктов, и варяги могли в ней быть»[3].

В той же рукописи Василия-Варлаама, содержавшей жития многих псковских святых, приведена и особая служба благоверной Ольге. Это тоже свидетельствует о том, что её церковное прославление в древнем Пскове было более распространённым и торжественным, чем в других православных городах.

Отметить столь раннее почитание княгини Ольги на Руси и особенно в Пскове необходимо потому, что некоторые историки продолжают сомневаться в её псковском происхождении. И на этой конференции киевлянин Владимир Рычка зачитал доклад, который так и назвал: «Была ли святая княгиня Ольга уроженкой Пскова?». Сомневающиеся в этом не объясняют, почему её родиной назвали именно Выбутские места. Ведь не могли же без всяких оснований указать на первую попавшуюся точку под Псковом. Значит, для этого были достаточно веские основания. И опирались они, очевидно, не только на широко известные населению предания, но и на местную микротопонимику. И тогда и позднее, через несколько веков, окрестные жители называли Ольгинскими[4]:

1. Правый берег реки Великой напротив Выбут. На этом берегу до сих пор располагается прибрежная деревня Волжино, Ольжино тож, ныне Волженец Ядровской волости Псковского района. Именно её земляки считают родиной княгини Ольги.

2. В этой деревне остатки фундамента от древнего здания размером 8×6 саженей (218 кв. м.) жители считали Ольгиным дворцом.

3. Колодец той же деревни, выдолбленный под обрывом Ольгинского берега, с прозрачной студёной водой — Ольгин ключ.

4. Правый, более глубокий рукав реки Великой, образованный островком Шацким чуть ниже Выбутского погоста, — Ольгины ворота.

5. Мелкая протока с каменистым дном между этим островком и левым берегом Великой — Ольгины слуды.

6. Большой гранитный валун, выступавший из воды южнее островка, на котором по преданию Ольга-Прекраса отдыхала после купания в реке, — Ольгин камень.

7. Ещё один огромный валун (со следом ноги святой Ольги и процарапанным крестом) был в полуверсте от реки и от Ильинской церкви, у которого останавливался крестный ход из Пскова в Выбуты, а в 1888 г. построили часовню — другой Ольгин камень.

8. Псковские летописи отметили, что в августе 6902 (1394) г. псковичи разгромили большое войско напавших новгородцев под Ольгиною горою, на Выбуте. Вот бесспорное письменное свидетельство существования древнего ольгинского топонима.

9. Сани Ольги, долго хранившиеся в Пскове, тоже упоминались в древних летописях.

В Пскове есть ещё одна старинная реликвия с многовековой историей, также связанная с именем княгини Ольги. По её житию, она поставила пресвятой крест на поклонение христианам там, где сошла на берег Великой и увидела три луча, благословлявших с неба место будущей постройки храма святой Троицы и славного, великого Пскова. Долго ли крест простоял на берегу и когда его перенесли в Троицкий собор (рис. 1) — неизвестно. Сейчас там находится другой Ольгин крест, на подставке которого указано, что он возобновлён в 7131 (1623) г. взамен прежнего, сгоревшего во время большого общегородского пожара в 7017 (1509) г.

А.С. Князев в «Указателе достопамятностей города Пскова»[5] утверждал, что Ольгин крест 1623 г. — копия предыдущего, подлинного, установленного самой Ольгой. Однако другой псковский краевед И.И. Василёв в «Археологическом указателе г. Пскова и его окрестностей»[6] усомнился, что через 114 лет могли сделать достоверную копию. Разрешить спор помогают псковские летописи. По ним в 1509 г. такого пожара не было. Его описание, приведённое под Ольгинским крестом, полностью соответствует летописной записи о грандиозном пожаре, случившемся через сто лет, 15 мая 1609 г. Так что крест воссоздавался через 14 лет, когда его ещё хорошо помнили.

Описка в надписи под крестом произошла намного позднее 1623 г., не ранее XVIII в., когда эту надпись обновляли, очевидно, за ветхостью. В таком подновлении и даже дополнении можно убедиться, внимательно прочитав эту надпись. В ней годы приведены как от сотворения мира, так и от Рождества Христова, что могли сделать только после петровской реформы летоисчисления.

В книге И.И. Василёва дано подробное описание Ольгинского креста: в его нижней части на фоне лесного ландшафта изображена благоверная княгиня Ольга и, возможно, её внук Владимир в княжеской одежде. Если Ольгин крест 1623 г. — копия предыдущего, то и крест, погибший в пожаре 1609 г., — не тот, который поставила княгиня. Не могла же она допустить изображения себя и внука на святом кресте! Так что следует согласиться с мнением Н.И. Серебрянского, высказанным в упомянутом труде, что в Троицком соборе изначально стоял своеобразный крест, изготовленный псковичами в память о святой Ольге. Но и в этом случае он остаётся ещё одним свидетельством давнего почитания благоверной княгини в древнем Пскове.

Не меньше загадок в истории другого памятника в честь святой Ольги. Ни в документах, ни в исторических исследованиях не указано, когда на левом берегу Великой, на месте Ольгинского креста, псковичи впервые поставили часовню в её имя. А.С.Князев в том же сочинении отметил, что «часовня, как заметно, не слишком древняя[7]». Ему вторит И.И. Василёв в «Историко-статистическом указателе города Пскова»[8]: «Нынешняя часовня не отличается древностью». Такие суждения сделаны по внешнему виду часовни (её изображение имеется в «Живописной России»[9]). Это не исключает того, что раньше здесь стояла более ранняя Ольгинская часовня, а до неё были ещё более древние...

Ольгинская часовня, которую в 1850–1880-х годах видели Князев и Василёв, простояла всё-таки не так мало. По крайней мере она была в начале XIX в.,

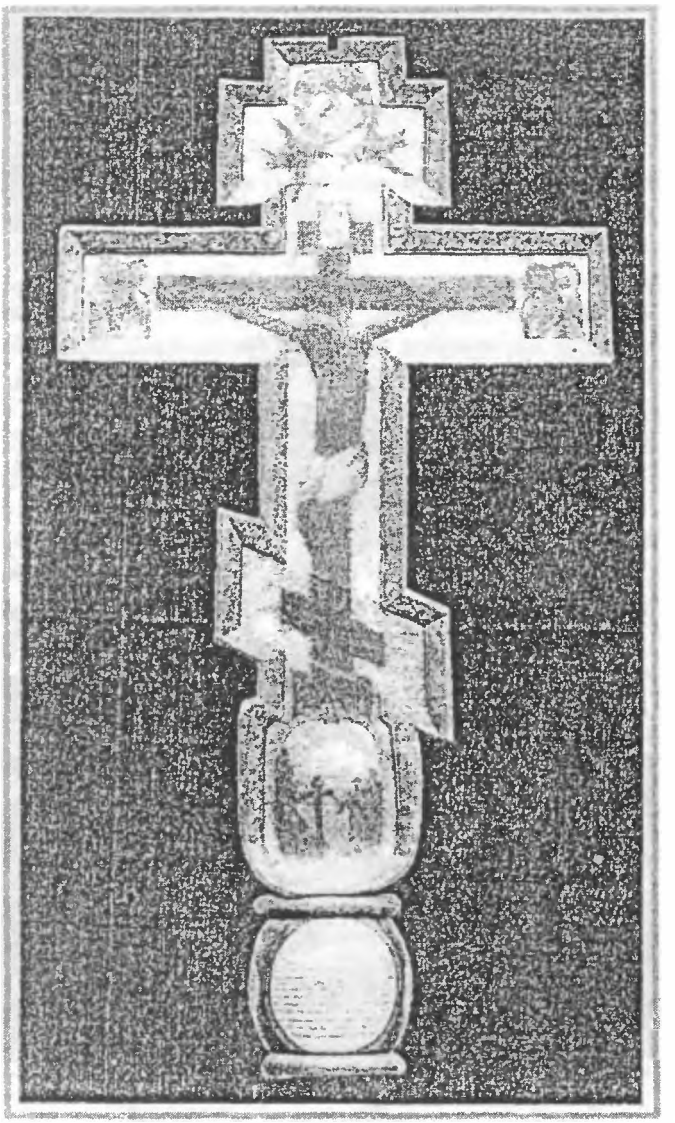


Рис. 1. Ольгин крест

поскольку Князев сообщил о серебряной лампаде, внесённой 25 февраля 1803 г. «в молитвенный храм на берегу Великой реки в граде Пскове против кафедрального собора[10]» и хранившейся в Успенской Пароменской церкви, к которой была приписана эта часовня святой Ольги Российской.

Когда и эта часовня одряхлела, на средства купца и благотворителя Ефима Хиловского её значительно перестроили и в июне 1891 г. заново освятили. Она стала менее стройной, более приземистой, но зато с крепкими, толстыми стенами (рис. 2). После этого И. И. Василёв в «Археологическом указателе г. Пскова и его окрестностей» 1898 г. указал: «Здание часовни новое...»[11]. Н. Ф. Окулич-Казарин в «Спутнике по древнему Пскову» 1911 и 1913 годов также заявляет: «Часовня сооружена в позднейшее время[12]», тоже, к сожалению, не вдаваясь в рассуждения о её более ранних предшественницах, очевидно, из-за отсутствия источников.

Рис. 2. Часовня на Ольгинской набережной

Вполне естественно, что левую набережную Великой, на которой останавливалась святая Ольга и стояла часовня её имени, псковичи с давних времён тоже называли Ольгинской.

Псковичи считали святую благоверную равноапостольную великую княгиню Ольгу своей небесной покровительницей и заступницей. Построив к 1699 г. новый, четвёртый по счету Троицкий собор, они разместили в его нижнем этаже Ольгинский придел. Большой пожар 1770 г. заставил заложить часть нижнего этажа. Тогда придел святой Ольги перенесли в соседний, зимний (тёплый), тоже кафедральный Благовещенский собор.

Многое для прославления святой Ольги делалось и в следующем, XIX в. 11 июля 1844 г., в день её памяти, на собранные деньги псковичи открыли первый детский приют, дав ему имя святой. По инициативе упоминавшегося инспектора

Псковской духовной семинарии Александра Сергеевича Князева, поддержанной архиепископом Феогностом, и с разрешения Святейшего синода был учреждён и 11 июля 1868 г. впервые совершён крестный ход из Троицкого собора в Выбуты, ставший ежегодным.

Псковичи решили, что в 903 г., когда Ольга в лодке сдержанно, рассудительно разговаривала с Игорем, ей было 20 лет, и в 1883 г. отметили тысячелетие со дня её рождения. В честь этого юбилея Псковская городская дума открыла бесплатную Ольгинскую начальную школу на 60 девочек. Постепенно она расширялась, повышала статус, так что в августе 1917 г. стала женской гимназией. Даже пароход, спущенный на воду «Обществом лёгкого пароходства по реке Великой» в мае того юбилейного 1883 г., получил имя «Ольга». На торжественном заседании 11 июля 1883 г. Псковское археологическое общество собрало по подписке 832 рубля на постройку придела святой Ольги к церкви Ильи Пророка в Выбутах.

Этих денег хватило лишь на сооружение в Выбутах часовни при Ольгинском камне-следовике. Её построили только через пять лет и освятили 15 июля 1888 г. во время другого большого юбилейного торжества — 900-летия крещения Руси. В тот же день Псковское уездное земство в новом здании Выбутской начальной школы освятило икону святых равноапостольных князей Ольги и Владимира. А городская дума 20 июня 1888 г. переименовала Продольную улицу Завеличья, ведущую в сторону Выбут, в Княже-Владимирскую и пересекающую её, как бы образующую крест Богодельницкую, в Ольгинскую.

Интерес к Псковской земле как родине святой Ольги скоро появился и в столице. Император Николай II и Александра Фёдоровна в ноябре 1895 г. окрестили первого ребёнка в честь святой Ольги. По рекомендации Святейшего синода, в честь этого события было решено учредить «в Выбутском погосте близ города Пскова, на месте родины святой княгини Ольги, женскую второклассную приходскую с церковью школу».

Через десятилетие по инициативе нашего земляка, известного журналиста столичного «Нового времени» Михаила Меньшикова в память 950-летия крещения княгини Ольги было создано Всероссийское общество святой Ольги. По просьбе общества император 26 октября 1907 г. разрешил повсеместную подписку на сбор средств для сооружения в Выбутах Ольгинского храма. Вчерне он был построен рядом с Ильинской церковью к началу Первой мировой войны. Общество предполагало поставить и памятник святой Ольге в Пскове на Торговой площади. Его проект был Высочайше одобрен в августе 1914 г., но из-за войны приступить к работам не удалось.

С Высочайшего разрешения Ольгинским назвали и постоянный мост через Великую, сооружённый в 1909–1911 годах. О его постройке на средства казны псковичи хлопотали сорок лет, с 1869 г.

Многое из сделанного в память о святой Ольге было уничтожено в советское время. Сразу перестала существовать Ольгинская гимназия. Ольгинская набережная, как и Ольгинская улица, стали называться Красноармейскими. Ольгинский мост в 1923 г. переименовали в мост Красной армии (затем — Советской армии), а в 1969 г. разобрали ради постройки широкого железобетонного. Ольгинскую часовню в Выбутах взорвали в 30-е годы, другую (напротив Кремля) снесли в 60-е. Благовещенский собор в Кремле с Ольгинским приделом в 1933 г. тоже взорвали. Ольгинский храм в Выбутах за многие годы растащили на кирпичи. Выбутскую школу закрыли в 70-е годы за недостатком учеников, а её двухэтажное деревянное здание разобрали.

Первые шаги по возрождению памяти о святой Ольге сделаны в последнее десятилетие ушедшего века. Эту задачу поставило перед собой Ольгинское общество, созданное в 1991 г. при Псковском музее-заповеднике. Уже в том же году на левом берегу Великой напротив Кремля на месте снесённой Ольгинской часовни поставили металлический крест, по очертаниям напоминающий Ольгинский крест, сохранившийся в Троицком соборе. 29 января следующего года набережной вернули прежнее название — Ольгинская. Позднее новому мосту через Великую, сооружённому на месте Ольгинского, тоже возвратили это имя.

С 1992 г. дни города празднуются два дня: не только 23 июля в честь освобождения города от фашистской оккупации, но и 24 июля — в день памяти святой Ольги по новому стилю. Традиционным стал крестный ход, совершаемый в этот день от православных храмов в Кремль на торжественное богослужение. Через год в Выбутах удалось выявить остатки Ольгина камня, взорванного вместе с часовней. Там установили и освятили памятный знак. Тогда же в Выбутах на лужайке возле Ильинской церкви поставили большой валун с памятной доской, напоминающей о том, что эта местность — родина святой княгини Ольги.

Событием в жизни Пскова стало воссоздание в формах древней псковской архитектуры Ольгинской часовни на Ольгинской набережной Завеличья. Её освятили в июле 2000 г. Один из приделов Троицкого собора на втором этаже имеет престол святой Ольги. А недавно в Кремле на месте алтаря Благовещенского собора установили большой памятный крест.

Новым стимулом для прославления благоверной княгини Ольги стал 1100-летний юбилей первого упоминания Пскова в русских летописях, тем более что оно связано с именем Ольги. Появилась надежда на осуществление давней мечты псковичей о памятнике святой Ольге. Почтить праздник древнего Пскова таким подарком пожелали известные скульпторы России Вячеслав Клыков и Зураб Церетели. Горожане приняли активное участие в широкой дискуссии о месте установки будущих памятников.

Таким образом, псковичи много веков прославляли имя святой Ольги разными добрыми делами. И после вынужденного перерыва стараются делать это в наши дни.

---

[1] Серебрянский Н. Древнерусские княжества жития. М., 1915. С. 7.

[2] Охотникова В.И. Литература древнего Пскова // Псковский край в литературе. Псков, 2003. С. 41–47.

[3] Серебрянский. Указ. соч. С. 39, прим. 3-е.

[4] Большинство Ольгинских микротопонимов приведены протоиереем В.Д. Смиречанского в статье «Погост (весь) Выбута (Лыбута). Историческая справка р начале Пскова» // Псковские епархиальные ведомости. Псков, 1914, № 2–5.

[5] Князев А.С. Указатель достопамятностей города Пскова. М., 1858. С. 2–3.

[6] Там же. С. 17–18, прим. 2-е.

[7] Там же.

[8] Василёв И.И. Историко-статистический указатель города Пскова. Псков, 1889. С. 154.

[9] Живописная Россия. Том 1. Часть 1: Северная Россия. Северо-Восток Европейской России. Озерная или Древненовгородская область. СПб.; М, 1881. С. 470-471.

[10] Князев А.С.У Указ. соч. М., 1858. С. 32.

[11] Василёв И.И. Указ. соч. С. 68.

[12] Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913. С. 261–262.

Н.Л. Вершинина

А.Н. ЯХОНТОВ И ПСКОВСКИЙ КРАЙ

Тема «А.Н. Яхонтов и Псковский край» многоаспектна и, по-видимому, не может состояться вне биографического плана. Биография Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890) известна в основных чертах, начало ей положено опубликованной М.И. Семевским в «Русской старине» автобиографической заметкой, написанной поэтом за год до смерти. Псковский, зрелый период жизни Яхонтова занимает в ней значительное место: «...Служил в Петербурге по 1851 г. С этого года переселился в г. Псков, где служил сначала по министерству государственных имуществ, потом — директором Псковской классической гимназии в продолжение 10 лет. Затем избран предводителем дворянства Псковского уезда, а в 1877 г. председателем псковской уездной земской управы. Прослужив в этой должности два трехлетия, вновь избран в предводители дворянства Псковского уезда, в каковой должности состоит и поныне. В начале 1889 г. состоялось в г. Пскове празднование 50 летнего юбилея его службы»[1].

Характерный для эпохи лаконизм автобиографических заметок лишен здесь субъективно-иронического подтекста, намекающего на вынужденное обстоятельствами самоограничение. Это видно из сравнения, к примеру, с автобиографией М.Е. Салтыкова-Щедрина (1887): параллель тем более уместна, что Салтыков и Яхонтов учились в Царскосельском лицее приблизительно в одно время, Салтыков читал и корректировал воспоминания Яхонтова о пребывании в лицее в 1832–1838 годах, оба выделяли в автобиографии два аспекта: связанный с государственной службой и литературно-творческий. Но для Салтыкова важен диссонанс между главными формами его жизнедеятельности — «служил» и «писал»: «После выхода из Лицея (1844) стихов больше не писал. Затем служил и писал, писал и служил вплоть до 1848 г., когда был сослан на службу в Вятку... Прожил там почти 8 лет и служил, но не писал... В 1868 г. совсем оставил службу и исключительно отдался литературе»[2].

Автобиография Яхонтова представляет его образ в единстве личности и судьбы, естественно прорастающих друг в друга: «служил» и «писал» всегда тяготеют к органическому соположению. Дела общественные, общезначимые сочетались в его жизненном пути с литературным трудом, предполагающим те же просветительские цели, неизменно гуманистический взгляд на мир. Псковский период отмечен, одновременно и служебными, все более высокими регалиями, и созданием зрелых, хорошего литературного уровня стихотворений и повести в стихах «Горькая ошибка».

В «Формулярном списке о службе Яхонтова Александра Николаевича»[3] начало псковского периода отражено в записи: «Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 22 Октября за № 208 определен Советником Хозяйственного Отделения Псковской Палаты Государственных имуществ 1851 октября 22». В 1855 г. Яхонтов получает «знак отличия беспорочной службы за XV лет при грамоте за № 164». В январе 1857 г. произведен «за выслугу лет» в статские советники, удостоен «бронзовой медали на Владимирской ленте», учрежденной в память о войне 1853–1856 годов. После краткого перерыва Яхонтов переходит из Псковской палаты государственных имуществ в сферу народного просвещения, исполняя должность директора училищ Псковской губернии. В 1862 г. «за отличие по службе» ему пожалован орден Св. Станислава 2-й степени, в 1874 г. — орден Св. Анны 2-й степени, в 1876 г. — орден Св. Владимира 3-й степени, в 1886 г. — орден Св.

Станислава 1-й степени. В 1870 г. он был произведен в действительные статские советники.

Избирался на должность Псковского уездного предводителя дворянства в 1868, 1871, 1874, 1877, 1885, 1889 годах, в 1877 г. «избран в председатели Псковской уездной земской управы». На службе Александр Николаевич находился в буквальном смысле до последних дней жизни. Еще в феврале 1889 г. состоялось его последнее избрание на должность Псковского уездного предводителя дворянства на очередное трехлетие. Увольнение со службы оказалось неизбежным «по болезни» и последовало 10 августа 1890 г. Умер он в октябре того же года на семидесятом году жизни.

В «Формулярном списке» отмечено, что у Яхонтовых есть родовое имение, составляющее «1000 десятин земли в Псковской губернии и уезде, на которой поселены 125 душ крест. и 258 десятин лесу в этой же губ.».

В 1884 г. Яхонтов опубликовал свои стихи в единственном сборнике со скромным названием «Стихотворения» (СПб., 1884), явно отобрав лишь лучшее, на его взгляд, из многого, написанного за сорок лет. Примечательно, что индивидуальность Яхонтова проявилась в стремлении присоединить свой голос к голосам поэтов куда более известных, чтобы стать своеобразным их отражением, причем именно в этом он, судя по всему, и видел главное значение своего поэтического дара. Поэту была свойственна потребность в умалении своего «я», по выражению Л.Н. Толстого — «стыдливость перед собственным достоинством». Эту особенность национального характера, присущую Яхонтову, подтверждает повторенная им в «Светоче» (1860. Кн. VI.) авторская декларация к новому переводу из И.В. Гете — трагедии «Ифигения в Тавриде» (впервые стихотворение напечатано в августовской книжке «Отечественных записок» (1844) в связи с переводом гетевского «Торгвато Тассо»):

Окончен труд — и жаль расстаться с ним!
Он дух питал чудесной, крепкой пищей;
Богат я был сокровищем чужим,
И — обеднел, и с рубищем своим,
Стучуся в храм поэзии, как нищий!

Критика находила в стихах Яхонтова непосредственное сходство с поэзией А.Н. Майкова, А.К. Толстого, А.С. Хомякова, В.Г. Бенедиктова и в особенности Н.А. Некрасова, «мотивы музы которого он затрагивал всего чаще»[4]. Но диапазон стилистических взаимодействий Яхонтова с меняющимся литературным контекстом 1840–1880-х годов этим не ограничивался: в его стихах узнаваемы образы и интонации А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина. Показательно, что даже не слишком высоко оценивший сборник 1884 г. критик «Вестника Европы» писал, имея в виду поэтический почерк Яхонтова: «...это не заимствование, не подражание — сходство результатов зависит здесь, по всей видимости, просто от сходства настроений...»[5]

Яхонтов, как кажется, получал особое удовлетворение от того, что чувствовал себя частью русской литературы, не заботясь о традиционном для сознания эпохи размежевании «фетовского» и «некрасовского» направлений в поэзии. Как проницательно отметил тот же критик, «он не примыкает всецело к той или другой из движущихся групп; ему более свойственно колебание, чем увлечение... В двух его стихотворениях, стоящих одно подле другого, отражаются иногда два почти противоположные чувства»[6], что особенно заметно из-за выдерживания в их расположении хронологического принципа. Его переводы из И.В. Гете, Г.Э. Лес-

синга, Ф. Шиллера, Г. Гейне, А. Мицкевича и других иностранных классиков продолжали публиковаться в журналах и рекомендовались юношеству много времени спустя после смерти Яхонтова. В 1857 г. его талант переводчика, несправедливо обойденный вниманием, отметил Чернышевский[7].

Сам Яхонтов, как бы шутя, писал о себе в 1888 г.:

... не взыщите,
Что — в незатейливых стихах
Воспел я ваш приют прелестный –
Ведь на Парнасских высотах
Помещик я мелкопоместный[8]

Биографические материалы, в 60-е годы XX в. тщательно собираемые Л.А. Твороговым, свидетельствуют о том, что гуманность и демократизм Яхонтова, освободившего своих крестьян за два года до реформы, постоянно подтверждались неутомимым трудом на благо родного края[9]. Самыми широкими кругами были приняты его «народные издания», среди которых книгу «Город Псков и его окрестности» (СПб., 1886) «Журнал Министерства народного просвещения» регулярно рекомендовал «для ученических библиотек средних и низших учебных заведений и для публичных народных чтений»[10], а в дальнейшем — для учащихся «младшего возраста».

Немногочисленные биографы Яхонтова единодушно отмечают его «вольнодумство». «Люди прежнего закала и иного пошиба... осуждали в Пскове А.Н. Яхонтова, говорили, что «он не на месте» и ставили ему в вину его добродушие, его гуманность, его дружеские отношения к учащим и его сердечность в отношениях к детям», — отмечалось в некрологе «Русской старины», что, как было подчеркнуто там же, являлось «лучшею похвалою А.Н.»[11]. По отношению к Пскову его «вольнодумство» отчасти проявилось в сатирической поэзии, которая до сих пор изучена недостаточно, во-первых, в силу закрепившегося представления о ней только как о продолжении некрасовской гражданской традиции[12], во-вторых, на основании наиболее ярких качеств Яхонтова-лирика — как поэта–созерцателя, романтика, душевно устремленного к вечным темам любви и природы[13].

Однако сатира Яхонтова своеобразна и далеко не всегда имеет тот социально-памфлетный характер, который отличает его поздние стихи, такие, как «Окно в Европу», «Речь губернатора при открытии земского собрания», и т.п. Применительно к первой половине 1850-х годов это в основном «сатира на нравы», окрашенная, правда, в «некрасовские», злободневные тона.

Яхонтов болезненно воспринял переезд из столицы в провинциальный Псков начала 50-х годов, что не отменяло его искреннего стремления бежать «от Северной Пальмиры» в тихую, смиренную жизнь, где «праздно не мечтали» («Горькая ошибка»). Как отмечал Л.А. Творогов, «настроение поэта в последние годы жизни в Петербурге рисует его стихотворение «Туда! Туда!»[14] (заглавие дано в рукописи по-немецки):

Куда-нибудь, но только прочь
От Северной Пальмиры этой,
Где ночь небес сменяет ночь
Души, участьем не согретой;
Где небо, даже и весной,
Печально, холодно и скупо,
Где льется жизнь так пусто, глупо,
Полна до края суетой...

(1850)

Но «нестерпимо опошлилась» жизнь не только в Петербурге — по-иному Яхонтов почувствовал удручающую «заурядность» *нового* (в противоположность *древнему*) Пскова в первые же годы своего пребывания в нем. Не случайно стихотворение «Псков (в 1853 г.)» отнесено в поэтическом сборнике 1884 г. в раздел «сатирических»:

Все одни и те же лица,
По копейке *ералаш*,
Да за Лугою — столица
Как пленительный мираж...[15]

А в стихотворении «В Альбом А.П. Деденевой» (1854), поселившийся в имении Озерки, замечал:

...Вы в двух верстах от нашей скуки,
От наших сплетней городских[16]

В сатире Яхонтов явился представителем школы некрасовского «Современника» дореформенного времени, с его широкой либерально-демократической программой. Не случайно среди неопубликованных до сих пор его стихов есть и стихотворение «Новому поэту Современника», написанное в каламбурном, подстать «литературной маске», им обыгрываемой, стиле[17]. Яхонтов пишет для себя и для «понимающих» людей, предпочитая усеченные, знаковые словесные формы, не всем понятные цветообозначения, ассоциации для «посвященных». Его стихи вращаются в пределах круга лиц, связанных с Псковом, — это В.И. Геррат, Ф.Т. Фандер-Флит, А.П. Кожевников, П.Д. Бутурлин, Е.А. Жигунов и др.

Вот как, например, представлена «картинка из быта старого Пскова: стоянка извозчиков на улицах города, летящих исправно на зов каждого появляющегося седока»[18] в стихотворении «П.Д. Бутурлину»:

Если солнце просияет
И, как было решено,
Петр Дмитрич пожелает
Съездить в мирное *Камно*,
То вблизи его *фатеры*
Спят на дрожках *пролетеры*,
С виду — смирны, *ничего*,
Но, послушны слову, знаку,
Всей толпой они в атаку
Понесутся на него.
Можно им велеть потише
И в толпе их, не спеша,
Выбрать Федьку Балбыша –
Вот того. Что ростом выше.

(1856)

Критика скептически оценивала стихотворения Яхонтова «на случай»[19], однако для земляков Яхонтова эти стихи по-особому значимы. Псков, а возможно, и «опошленность» жизни в целом ассоциируются для Яхонтова с *бурым* цветом — он переходит из стихотворения в стихотворение в первые годы пребывания Яхонтова в Пскове. В шутливом послании, адресованном врачу, доктору медицины, оператору Врачебной управы Василию Ивановичу Геррату, где Яхонтов, по выражению Л.А. Творогова, «высмеивает напасти псковской жизни», есть такие строки:

Рисуется в воображеньи
Осьминедельный карантин,
Когда меня в уединеньи
Томил неугомонный сплин.
Я вижу банки и микстуры,
Вы вкусом горьки, цветом *буры*...[20]

«Бурый» цвет мог вызывать в Яхонтове, знатоке европейской литературы, и культурные ассоциации. «Бурый» у Яхонтова — это эпитет, относящийся к той категории, которая, по замечанию А.Н. Веселовского, «суггестивна в смысле тона, яркости ощущения, нематериальной качественности предмета» — подобно «шекспировскому образу занимающегося утра, шествующего в *рыже-буром* плаще по восточным, покрытым росою холмам» (<«Гамлет»>, 1,I)»[21].

Псков видится Яхонтову в «буром» цвете, которым может оборачиваться и «зеленый» цвет[22]. Не опубликованным и не прокомментированным остается сатирическое стихотворение, относящееся, по-видимому, к 1853 г.:

Когда рыдван *зелено-бурый*
С утра по Пскову дребезжит
И в белой шляпке, с злой фигурой
В нем Т.... ская сидит,
Мороз дерет меня по коже:
Предвижу я, что вот как раз
И к нам она заедет тоже
На грустный звать *подбалок* нас.
В сии опасные минуты
Стремглав бегу я со двора
И добежал бы до Лыбута,
Когда не зимняя пора.
Но жалки эти ухищренья
И ни к чему не поведут:
Ударил час! — Без сожаленья,
На бал везут меня, везут!
Вот привезли: раскрылись двери
И генеральская чета...[23]

Край листа оборван, но кажется, что данный текст нацеливает на продолжение шутливого повествования. Это предположение стало особенно вероятным, когда в Рукописном отделе Пушкинского дома нам удалось обнаружить ранее не известный текст «сатирической» поэмы Яхонтова «Бурый бал»[24], связанной с предыдущим отрывком общим творческим замыслом и метрикой. Вот начало поэмы:

Бывают вещи на смех курам.
Встречать их грустно и смешно.
Вчера я был на бале *буром*,
Каких не видывал давно.
Сей бал давался Культепами
Для культепы в 18-ть лет.
Простился он с Профессорами
Пора ему увидеть свет.
Вот зажигаются шандалы,
Семейство все разряжено
И в зале чем-то ради бала
К несчастию накурено.

Сатира на великосветские претензии чиновников создается при непосредственном отталкивании от восьмой главы «Евгения Онегина»:

И вот она Царицей бала
С великим писком пронеслась.
Но роль Графини Воронцовой
Пришлась ей как-то не под стать.
На ней цвет *бурый*, цвет бедовый
Оставил резкую печать.
.....
Кто с ними стройная, большая
Там в платье розовом стоит?

По контрасту с обществом «культеп» высвечены те, кто не вписывается в бурую цветовую гамму — они представлены в иной, отчасти лирической тональности:

Но и на *буром* этом бале
Встречались яркие цвета
И тальи легкие мелькали,
Смеялись милые уста.
.....
Давно я женщины прекрасней
Елены этой не видал.
Как прихотлив и непокорен,
Но как красноречиво черен
Нигде невиданный алмаз,
Огнем налитый этот глаз!

Определенность, четкость цвета предопределяет положительное отношение к лицу или предмету, в то время как его размытость, смазанность характеризуют нечто заведомо аморфное, несостоятельное, тяготеющее к карикатурности. Интересно замечание языковеда: «Казалось бы, прилагательное *бурый* хотя бы как название масти должно иметь довольно точное значение. Однако здесь мы как раз сталкиваемся с тем, что слово как цветообозначение в общем очень неопределенно»[25]. Более того, как пишет тот же исследователь, «в какой-то исторический период, вероятно, уже в новое время, у прилагательного *бурый* появляется элемент эмоционально-экспрессивной оценки (несколько упрощая и огрубляя, это цвет неопределенный, «неправильный» и некрасивый)»[26].

Семейный портрет хозяев дома увиден рассказчиком сквозь сатирическую призму, о чем свидетельствует *цвет*:

А на земле она и он
С горе подъятыми очами.
Шинель из *бурого* сукна
С плеча спадает; брыжд гигантский
Терзает ухо, и она
В какой-то мантии Гишпанской...

В культурный контекст середины XIX в. *бурый цвет* входит в связи с сатирической тенденцией. Именно так употребляет эпитет Д.В. Григорович: «Картины Гогарта не блещут внешними достоинствами; колорит его... по большей части тускл, в нем преобладают далеко не привлекательные буро-коричневые тона (Григорович. Картины английской живописи)»[27].

Метафорический эпитет «бурый», применительно к «балу», в стилистическом ключе находится между образами «лотерейного бала» Д.В. Григоровича и «пепель-

ного бала» И. Анненского[28] — между «натуральной» и символической образностью. В народных говорах это слово, измененное на «буреть», может означать, в частности, «краснеть от... сознания своей важности»[29]. В таком значении оно вполне может соотноситься с изображением «надутых» чиновников на бале. Так, «Губернский Предводитель Дворянства, Камергер Двора Его Императорского Величества, Действительный Статский Советник», кавалер многих орденов и медалей, имеющий «знак отличия беспорочной службы за XXX лет» Сергей Николаевич Беклешов[30] в стихотворении Яхонтова «В.И. Геррат{ту}» представлен следующим образом:

Страшусь беседы с Б...вым
И приглашения на бал.

Не менее шаржированно выведен и уездный предводитель дворянства Михаил Михайлович Грушевский:

Боюсь, чтобы *талантом* новым
Г....й нас не наказал...

«Бурость» наполняется полунамеками, хорошо понятными Яхонтову и его окружению, как, например, в сатирическом стихотворении «К портрету Б...»:

Вот он (не смею молвить вслух)
Всего дворянства представитель,
Без попеченья Попечитель
И вечного шоссе строитель,
С хохлом породистый петух[31].

Действительно, С.Н. Беклешов был членом Губернского попечительного комитета о тюрьмах, Губернского попечительства детских приютов, Губернской комиссии народного продовольствия, Губернского комитета общественного здравия и ряда других. Он председательствовал и в Комитете, учрежденном «для построения Псково-Рижского шоссе»[32].

Таким образом, оправдывается характеристика, данная Яхонтову Л.А. Твороговым: «... 31-летний «коллежский советник» А.Н. Яхонтов сразу же сделался центральной фигурой местного оппозиционного чиновничества»[33] — однако, может быть, не только «местного». На сегодняшний день нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что поэма «Бурый бал» относится исключительно к псковской действительности. Так, упоминаемый в поэме Львов был приятелем Яхонтова по Петербургу, где поэт жил в окраинной части города на правом берегу Фонтанки у ее слияния с Екатерининским каналом, называемой Коломной (см. комментарий Л.А. Творогова к стихотворению «Л.Л.Львову» 1850 г.[34]). Образ *Елены* появляется в стихотворении «Елена» 1845 года, текстуально близко соответствующем фрагменту поэмы «Бурый бал»:

При блеске свеч, на пышном бале
Сверкали яркие цвета
И ножки легкие порхали
И, с легким смехом, лепетали
Изящно-свежие уста...[35]

Этому стихотворению созвучно еще более раннее произведение Яхонтова петербургского периода — «При громе музыки, при свете бальных свеч...», несущее на себе следы влияния Лермонтова[36].

Можно предположить, что *Елена* (ее образ вписывается и в античный контекст) символизирует принадлежность лица к иному, не захолустному, не *бурому* миру («Как культепам она чужда!»), а *бурый бал* является обобщенным образом провинциальной косности, которую Яхонтов равным образом мог наблюдать и в совре-

менном ему Пскове, и в соответствующих кругах столицы. Так, в «Буром бале» есть явные переклички с рассказом Д.В. Григоровича «Лотерейный бал» (1845), действие которого происходит в среде незначительных петербургских чиновников. У Яхонтова:

... Да и питьё в таком же роде:
Оно в бутылях целый год
На солнце под окошком прело,
Хозяйка сахару жалела;
Так пусть сама его и пьёт!
.....
Везде рекою лился квас,
Шампанского по полбокалу
Досталось каждому из нас.
И было велено лакеям,
Чтоб каждый был и глух и нем.

У Григоровича: «Гости окружили поднос. — Ну, пунштик, — продолжал Михайла Михайлович на ухо экзекутору, — только слава, что пунштик... просто какой-то жиденький чаишка... э! хе, хе! — Я думаю, можно подлить туда немного, знаете, того... ромашки... — Знаешь ли, Савишна, нельзя ли как-нибудь подлить в наши стаканы ромцу, а? — Нет, Софья Ивановна и то заругалась, говорит: много налила... — Что ты врешь, дурица ты этакая! — вскричала Софья Ивановна, лицо которой побагровело от досады. — Извините-с, Михайла Михайлович, глупая баба, только что из деревни сию минуту... пожалуйте ваш стакан»[37].

«Поведенческий текст», соотносимый с личностью Яхонтова, требует тщательного исследования и научной реконструкции. В этом смысле не менее важна та «биография» поэта, которую Г.О. Винокур назвал «специфическим культурным бытием», выдвигая тезис: *«стилистические формы поэзии суть одновременно стилистические формы личной жизни»*[36]. По отношению к Яхонтову этот аспект изучения до сих пор остается совершенно не раскрытым.

---

[1] Русская старина. 1890. № 12. С. 693.
[2] Щедрин Н. (Салтыков М.Е.) Полн. собр. соч. М., 1941. Т.1. С. 86.
[3] Формулярный список о службе Бывшего Псковского Уездного Предводителя Дворянства Действительного Статского Советника Александра Яхонтова. Составлен по 12 октября 1890 г. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп.2. № 3238.
[4] Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т.25. С. 205.
[5] Вестник Европы. 1884. Т.3. Май. С. 261.
[6] Там же. С. 264.
[7] Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Пг., 1918. Т.3. С. 4.
[8] Яхонтов А. 50 летний юбилей усадьбы друга // Русская старина. 1891. Сентябрь. С.622.
[9] См., например: Творогов Л. Поэт — наш земляк. // Псковская правда. 1965. 12 октября.
[10] Журнал министерства народного просвещения. 1887. Ч. CCLI. Май. Разд. VI. С. 20.
[11] Русская старина. 1890. Т. 68. Кн. 12. С. 692.
[12] Там же. С. 691.
[13] См.: Вестник Европы. 1884. Т. 3. Май. С. 263.
[14] Ленинская искра. 1966. 25 февраля. Публикация Л.А.Творогова.
[15] Яхонтов А. Стихотворения. СПб., 1884. С. 109.
[16] Молодой ленинец. 1965. 10 августа. Публикация Л.А.Творогова.
[17] См.: Мельгунов Б.В. Некрасов, Панаев — *новый поэт*: История создания журнальной маски // Его же. Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989. С. 83-109.
[18] Светлый путь. 1967. 30 сентября. Публикация Л.А. Творогова.
[19] Вестник Европы. 1884. Т. 3. Май. С. 263.

[20] Светлый путь. 1968. 9 апреля. Публикация Л.А. Творогова.
[21] Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 68. Курсив мой.
[22] Там же. См. также: Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и прадедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 156.
[23] Стихотворения А.Н. Яхонтова. Тетрадь № 3. // РО ПГИАХМЗ. Ф. 881. № 13/2000. С. 65.
[24] РО ИРЛИ. Архив Батюшкова. № 11043. Л.1-8 (текст на обеих сторонах листа, оборотная сторона нумерации не имеет).
[25] Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. С. 222.
[26] Там же. С. 224.
[27] Там же. С. 227.
[20] Ср. у И. Анненского: «В белом поле был пепельный бал. / Тени были там нежно-желанны» (Анненский И.. Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 170).
[20] Там же. С.223.
[30] Памятная книжка, для Псковской губернии, на 1853 год. Псков. 1853. С. 15.
[31] Светлый путь. 1967. 16 сентября. Публикация Л.А. Творогова.
[32] Помятная книжка... на 1853 год. С. 12, 13, 16, 23, 24.
[33] Светлый путь. 1967. 16 сентября.
[24] Светлый путь. 1967. 30 сентября.
[35] Псковская правда. 1965. 20 марта. Публикация Л.А. Творогова.
[36] Отечественные записки. 1844. , XXXIV. № 61. Отд. 1. Словесность. С. 315.
[37] Физиология Петербурга / Подгот. текста, вступит. статья и примеч. В.А. Недзвецкого. М., 1984. С. 242.
[36] Винокур Г. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 84-85. Курсив мой. — Н.В.

Н.П. Никитина

ИСТОРИЯ г. ПСКОВА НА СТРАНИЦАХ «ПСКОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Периодическая печать — один из видов исторических источников. Он представляет собой издание периодического характера — газеты, журналы, повременные издания научных обществ. В данном сообщении внимание уделено провинциальной газете «Псковские губернские ведомости», в частности тому, каким образом история города Пскова отражалась на её страницах. В исторической науке и журналистике официальные провинциальные издания XIX — начале XX в. не подвергались специальному изучению. В справочном издании «Русская периодическая печать 1702–1894 гг.» даётся лишь общая характеристика губернским ведомостям и отмечается, что они способствовали «оживлению культурной деятельности в провинции»[1]. Б.И. Есин считает их «очень убогим изданием»[2]. В советской историографии большее внимание уделялось нелегальным изданиям, революционной печати. В то же время краеведы рассматривают «Псковские губернские ведомости» как ценный источник по истории Псковского края XIX — начала XX в.[3] Во второй половине XIX в. псковскими краеведами были созданы и опубликованы три указателя по неофициальной части «Псковских губернских ведомостей», которые позволяют ориентироваться в этом издании[4].

Являясь официальным изданием Псковской губернской администрации, ведомости выходили в течение 79 лет с 5 января 1838 г. по 30 декабря 1917 г. еженедельно. Положение об издании было подписано 27 октября 1830 г.[5] Ведомости состояли из двух частей официальной и неофициальной (или «Прибавления»). Наибольший интерес представляет последняя, так как именно в ней содержались материалы по истории г. Пскова. Губернатор курировал это издание, а непосред-

ственную редакцию осуществлял кто-то из чиновников. В частности, среди них можно отметить псковского краеведа В.Н. Гедимина (1861–1901). Интересно, что «Псковские губернские ведомости» не подвергались цензуре (кроме периода 1865–1881 годов).

Историческая тематика изредка появляется на страницах «Псковских губернских ведомостей» с первых номеров. Это статьи под заголовком «Исторические воспоминания», посвящённые князю Довмонту и Николаю Юродливому[6]. Чаще исторические публикации стали появляться в 70—80-х гг. XIX в. Это связано с тем обстоятельством, что в 1871 г. в программу неофициальной части были внесены изменения, согласно которым ведомости должны были заниматься разработкой только местных вопросов, в том числе исторических тем[7]. Во второй половине XIX в. активно развивается частная пресса, земские издания, которые составляют конкуренцию ведомостям, что приводит к упадку этого издания. Этот процесс проявляется в том, что неофициальная часть постепенно сокращается в объёме, а в начале XX в. почти исчезает. Каково же было соотношение в историко-краеведческом материале «Псковских губернских ведомостей» статей, посвящённых непосредственно истории г. Пскова? С 1838 по 1880 год на страницах «Псковских губернских ведомостей» было опубликовано 35 статей по истории Псковской земли в целом, 20 из них касались непосредственно г. Пскова, т. е. 57%. Публикации были различные по объёму. Одни полностью печатались в одном номере, другие имели продолжение в последующих двух, трёх и более. Так, статья известного псковского краеведа И.Ф. Годовикова «Описание и изображение древностей Псковской губернии» публиковалась на протяжении 25 номеров[8]. Впоследствии она была издана с согласия «Псковских губернских ведомостей» Псковской археологической комиссией в качестве отдельной книги[9]. Были и такие публикации, которые продолжались в течение нескольких лет, в частности «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию» занял место в 37 номерах с 1874 по 1876 год[10].

Интересен вопрос об авторах статей исторического характера. Материалы для неофициальной части готовила статистическая комиссия, а затем археологическая[11]. Практически все краеведы второй половины XIX в. публиковались на страницах «Псковских губернских ведомостей». В их числе: К. Евлентьев, И.И. Васильёв, И.Ф. Годовиков, А.С. Князев, священник Николай Милевский. Хотя большинство статей выходило без подписи.

Ряд публикаций являлись перепечатками из других изданий. В частности, статья Н. Иваницкого «Исследование о времени основания г. Пскова» первоначально была издана на страницах «Гродненских губернских ведомостей», статья русского путешественника К. Случевского — в «Московских ведомостях», а ученика Псковской гимназии П. Асленицкого — в «Журнале Министерства народного просвещения»[12].

Ряд публикаций первоначально представляли собой текст выступления на каком-либо торжественном собрании, например речь В.Н. Гедимина, зачитанная на торжественном заседании Псковского археологического общества в 1893 г. в память 700-летия обретения мощей Всеволода-Гавриила[13].

Публикации на страницах «Псковских губернских ведомостей» по истории г. Пскова возможно классифицировать в несколько групп по тематике.

В первую входят описания древних исторических памятников г. Пскова. Давая обзор современному их внешнему виду, т. е. на момент XIX в., авторы подчёркивают их плачевное состояние и вольно или невольно обращаются к тем историческим событиям, с которыми они связаны. Примером может служить статья священ-

ника Николая Милевского. Автор считает, что Псков был «... посредником между Русью и Западной Европой», а в 40-е г.г. XIX в. «...скользит по краю забвения»[14]. Милевский упоминает о таких событиях, как присоединение Пскова к Москве, осада Пскова шведами в 1615 г., восстание 1650 г.

К. Случевский, описывавший визит в Псков Великого князя Владимира Александровича, также даёт описание достопримечательностей губернского города на фоне краткого исторического очерка. При этом он отмечает, что «... история Пскова полна не только исключительной своеобразности мотивов, но и глубоко симпатична, в особенности, если сопоставить её с историей Новгорода»[15]. Автор указывает на тот факт, что из-за пограничного положения Пскову приходилось быть воинственным городом, выдержавшим 26 нападений. Междоусобицы, на его взгляд, привели псковичей к идее слияния с Москвой. Выселение из Пскова 800 знатных семей и замена их новыми автором рассматривается как переливание новой крови и, следовательно, как положительное явление.

Более подробно, в хронологической последовательности, история Пскова изложена в статье И.Ф. Годовикова «Описание и изображение древностей Псковской губернии». В ней автор приводит полный список всех псковских князей и князей-наместников с 988 по 1510 год, с констатацией результатов их деятельности. Таковых И.Ф. Годовиков насчитал 53.

Особенностью всех этих статей является очень краткий, почти схематический рассказ о событиях истории Пскова. Указаний на источники, которыми пользовались авторы, нет, за исключением, пожалуй, работы И.Ф. Годовикова. Он привлёк в качестве материалов «Летопись Псковскую», «Историю Княжества Псковского» митрополита Евгения, «Историю государства Российского» Карамзина, а также сведения устной истории, правда, без их критического анализа. В итоге его статьи приобрели научную окраску.

Вторая группа публикаций посвящена событиям российской истории, непосредственно связанным с Псковом. Главное внимание на страницах «Псковских губернских ведомостей» уделялось событиям Ливонской войны, а именно осаде Пскова войсками Стефана Батория. Причём в связи с этим появились даже статьи учеников псковской гимназии[16]. Данное обстоятельство свидетельствует о росте интереса к истории родного края в среде молодого поколения псковичей и о внимании к этому со стороны официального печатного издания, призванного формировать общественное мнение. Главная идея всех публикаций на эту тему заключалась в показе героического подвига простых псковичей, возглавляемых князьями Иваном Петровичем Шуйским, Андреем Хворостиным. Повествование о событии идёт с использованием множества деталей, таких как, описание места лагеря Батория, расположения обороняющихся, роль женщин, помощь со стороны верующих молитвой, и т. д. Особенностью статей является их эмоциональная окрашенность, для усиления этого эффекта используется введение в текст легенды о трёх вооружённых монахах, которые вдохновили псковичей в самый критический момент обороны. Несомненно, что данное событие русской истории и героическая роль в нём Пскова могли стать, выражаясь современным языком, основным средством патриотического воспитания. Поэтому статьи, посвящённые героической обороне Пскова в 1581 г., были усилены публикациями источников, непосредственно созданных в этот период[17].

Другим популярным сюжетом на страницах «Псковских губернских ведомостей» являлось описание обстоятельств и ход процесса присоединения Пскова к Москве. Один из авторов, скрывающийся под псевдонимом М.М., рассматривал это как уничтожение вольности. Он очень детально, факт за фактом описал ход этого процесса и пришёл к выводу, что «...не имея твёрдых начал самоуправления, Псков должен был войти в общую систему Московского государства»[18]. Можно предположить, что за инициалами М.М. скрывается человек, владеющий навыками научной работы, это проявляется в грамотном оформлении ссылок на источники, даже с указанием страниц. Статья принадлежит перу псковского автора, так как в ней очень часто встречается такое словосочетание, как «наш город». К сожалению, кто скрывается за инициалами М.М., пока установить не удалось. Автор, точно так же как и И.Ф. Годовиков, оперирует Псковскими летописями и «Историей государства Российского» Карамзина, т. е. круг источников по истории г. Пскова за период с 1860 по 1880 год не расширился. Он шаг за шагом описывает все события с 26 октября 1509 г., когда Великий князь Василий приехал в Новгород, до 1528 года, пока не умер дьяк Мисюрь Мунехин, «полновластно» управлявший в Пскове от имени Великого князя. Административные изменения в результате присоединения, по мнению автора, не радовали современников и не привели ни к чему хорошему. Однако и в псковском вече он видел отрицательные черты, такие, как споры и кровопролития, вызванные желанием навязать свою волю, это притом, что характер псковичей, по его мнению, отличался осторожностью и умеренностью. Таким образом, публикации этой группы отражали наиболее яркие моменты, лучше сказать критические, по истории г. Пскова.

Третья группа статей в «Псковских губернских ведомостях» посвящена отдельным лицам, внесшим значительный вклад в историю г. Пскова: княгине Ольге, Всеволоду-Гавриилу, Довмонту, Николаю Юродливому. Причём большее внимание уделялось первому князю псковскому Всеволоду-Гавриилу, чей образ всегда был дорог псковичам. Ведь недаром тяжёлый меч Гавриила (хотя в современной историографии доказано, что он ему не принадлежал) наряду с чудотворными иконами, крепостными стенами в XIX в. был символом города. Князь Довмонт так же был почитаем в Пскове, прежде всего, как князь-воин, принесший городу боевую славу. Поэтому на страницах «Псковских губернских ведомостей» отразились персоналии этих князей. В то же время княгиня Ольга не заслужила столь значимого внимания, хотя также регулярно её имя встречается в газете, но обычно в связи с основанием Троицкого собора и самого города. Данный факт скорее объясняется, с одной стороны, меньшей значимостью роли женщины в общественной жизни России XIX в., а соответственно Ольге чуть меньше внимания, с другой — популярностью военной тематики в истории перед проблемами внутреннего развития.

Четвёртая группа публикаций — это статьи историографического характера. Самая интересная — статья Н. Иваницкого «Исследование о времени основания г. Пскова». Автор рассматривает различные точки зрения на древний период Псковской истории и отмечает, что такие историки и писатели, как Гизель, Щербатов, Ломоносов, Шлецер, Карамзин, Полевой, Соловьёв, считают, что Псков как город существовал ещё до Ольги. Татищев, Хилков, Болтин, Ильинский, Глинка, основываясь на легенде об Ольге, считают, что именно она основала Псков. Н.Иваницкий отмечает, что «...новое молодое поколение псковичей всё жарче ратует за

мысль об основании Пскова Ольгой»[19]. Достоинство этой работы состоит в наличии большого числа ссылок, анализе доказательств различных точек зрения. Эта публикация явно указывает на недостаток письменных источников при определении даты начала Пскова. А археологических данных для ответа на поставленную проблему в XIX в. не было.

Таким образом, подводя итог, можно отметить благодаря публикациям в «Псковских губернских ведомостях», что псковичи смогли шире ознакомиться с историей родного города. Кроме того, неофициальная часть официального издания стала трибуной для местных краеведов, которые стремились просветить провинциального читателя.

---

[1] Русская периодическая печать 1702–1894 гг. М., 1959. С. 255.

[2] Есин Б.И. Русская дореволюционная газета 1702–1917. Краткий очерк. М., 1971; Он же. Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981.

[3] Егорова Т.В. Из истории издательского дела на Псковщине // Земля псковская древняя и современная: Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1993; Кацнельсон Е. Губернские ведомости // Псковская правда, 1993, 15 января; Левин Н. Юбилей псковских газет // Псковская правда, 1998, 13 января.

[4] Евлентьев К.Г. Хронологический указатель статей, касающихся Псковской губернии, помещённых в неофициальной части «Псковских губернских ведомостей» за всё время их, т. е. с 1838 по 1869 год. Псков, 1870; Буцевич В.А. Хронологический указатель неофициальной части «Псковских губернских ведомостей» с 1870 по 1878. Т. 1–2. Псков, 1876-1880; Василёв И.И. Библиографический указатель статей, относящихся к Псковской губернии. Псков, 1891.

[5] Есин Б.И. Русская дореволюционная газета 1702–1917. Краткий очерк. М., 1971. С. 22.

[6] Исторические воспоминания (князь Довмонт) // Псковские губернские ведомости. 1838. № 1–3; Исторические воспоминания (о Николае Юродливом) // Там же. 1838. № 5.

[7] Русская периодическая печать 1702–1894 гг. М., 1959. С. 260.

[8] Годовиков И.Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии // Псковские губернские ведомости. 1880. № 1–5, 7–9, 11–15, 17, 19, 26–29, 33, 41–44, 49, 51.

[9] Годовиков И.Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Псков, 1880.

[10] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Псковские губернские ведомости. 1874. № 35, 37, 40, 43–47, 50. 1875. № 2, 3, 7, 9, 11-14, 26, 28, 33, 35–37, 45-46. 1876. № 3, 4, 7, 9, 12, 19, 27, 35, 41, 42, 49, 50.

[11] Русская периодическая печать 1702–1894 гг. М., 1959. С. 256.

[12] Иваницкий Н. Исследование о времени основания г. Пскова // Псковские губернские ведомости. 1857. № 7–10; Случевский К. Путешествие их Императорских Высочеств Государя Великого князя Владимира Александровича и августейшей супруги Его Великой княгини Марии Павловны по Псковской губернии // Псковские губернские ведомости. 1886. № 3; Асленицкий П. Святой Довмонт, князь псковский // Псковские губернские ведомости. 1845. № 28–29.

[13] Гедимин В.Н. Наше отечество 700 лет тому назад // Псковские губернские ведомости. 1893. № 48.

[14] Милевский Н. Археографическое описание древностей города Пскова, сохранившихся по настоящее время // Псковские губернские ведомости. 1841. № 2–4, 16–17.

[15] Случевский К. Указ. соч.

[16] Осада Пскова Баторием // Псковские губернские ведомости. 1840. № 8.

[17] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Псковские губернские ведомости. 1874. № 35, 37, 40, 43-47, 50. 1875. № 2, 3, 7, 9, 11-14, 26, 28, 33, 35–37, 45, 46. 1876. № 3, 4, 7, 9, 19, 27, 35, 41, 42, 49, 50; Повесть об осаде Пскова польским королём Стефаном Баторием // Псковские губернские ведомости. 1876. № 44–48, 51.

[18] М.М. Уничтожение вольности Пскова (исторический очерк) // Псковские губернские ведомости. 1860. № 15.

[19] Иваницкий Н. Исследование о времени основания г. Пскова // Псковские губернские ведомости. 1857. № 10.

Е.К. Розов

ЗЕМСКИЕ ПОДВОРНЫЕ ПЕРЕПИСИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г.» подворные переписи крестьянских хозяйств не входили в число дел, подлежащих ведению этих учреждений, хотя эти переписи по масштабам работы отнимали значительную часть времени у земских управ.

На эту сторону деятельности земства Псковской губернии исследователи Северо-Западного региона еще недостаточно обращают внимания. Исключением являются статьи М.Г.Шендерюк, посвященные количественному анализу земских подворных переписей в губерниях Северо-Западного региона[1].

Цель подворных переписей:

– выяснить нужды и потребности крестьянских хозяйств, и какая нужна им агрономическая и экономическая помощь со стороны земских органов;

– определить соотношение между потребностью крестьянских хозяйств и их доходностью;

– указать все компоненты, необходимые для ведения рентабельного крестьянского хозяйства: численность работников, площадь посева, количество скота, величину заработков и др.;

– в связи с изданием от 8 июня 1893 г. «Закона о новой системе земского налогообложения земельных угодий» необходимо было определить их ценность и доходность и недвижимых имуществ, от обложения которых земства получали средства для проведения своих мероприятий;

– выявление необходимости оказания продовольственной помощи населению при неурожаях и стихийных бедствиях;

– исследование причин задолженности крестьян по платежам;

– наконец, создание земской статистики, самой достоверной по сравнению с правительственной и ведомственной, по всем отраслям сельского хозяйства, промыслам, демографии населения, его культурного уровня и др.

В работе использованы следующие источники: земские погубернские и уездные статистические сборники[2], земские подворные переписи Н.А.Благовещенского[3], З.М и Н.А. Свавицких[4], Н.А.Свавицкого[5], вестники Псковского губернского земства[6], издания «Промыслы крестьянского населения Псковской губернии[7]», статистика землевладения 1905 г.[8]

При проведении подворных переписей от персонала земских статистических бюро требовался колоссальный объем работы. Она проводилась под руководством заведующего Псковским земским статистическим бюро Н.М.Кислякова. Кроме штатного персонала до (50 чел.) работали земские добровольные корреспонденты (до 1000 чел.). В их качестве выступили фельдшеры, врачи, учителя, студенты вузов, гимназисты, агрономы, крестьяне, мещане и другие грамотные люди.

Земские подворные переписи проводились в Северо-Западном регионе с 1870 по 1914 г. в течение трех периодов: первый – с 1870 по 1893 г., второй – с 1893 по 1905 г., третий – с 1905 по 1914 г. Переписи в Псковской губернии проводились во втором периоде (1897–1904).

В это время в связи с изданием в 1893 г. закона о новой системе земского налогообложения земельных угодий при подворных переписях главное внимание обращалось на качество, ценность и доходность угодий крестьян. При определении ценности земли значение имели: почва, условия орошения, характер угодий. При определении доходности обращалось внимание на издержки при обработке земли, применение улучшенных сельскохозяйственных орудий и удобрений, урожайность хлебов, условия сбыта продукции.

Подворные переписи в губернии были проведены во всех восьми уездах. В отличие от первого периода, когда описывались все дворы, теперь описывались дворы выборочно: в большой деревне — каждый 10-й двор: 1-й, 11-й, 21-й и т.д.; в средней по числу дворов — каждый пятый, в небольших селениях — каждый 3-й или 2-й двор.

Применялись два основных метода при подворных переписях: анкетный, при котором давался на деревню формуляр — бланк (около 10 рубрик), на вопросы которого крестьяне должны были дать ответы о величине наделов и урожайности, о заработках и т.д. Опрос велся на сходе, чтобы показания одних подтверждались, проверялись и контролировались всеми крестьянами.

Второй метод — экспедиционный, наиболее совершенный, когда земские статистики сами выезжали на места и организовали сбор сведений. Центр тяжести при переписи был перенесен из помещения в поле, на луга, в лес. На поле брался почвенный разрез, чтобы взять пробную площадку для определения урожайности с единицы площади. На площади 100 кв. м производилась жатва хлебов, обмолот снопов, и по количеству полученного зерна определялась их урожайность. На лугах по пробным укосам определялось количество сена с одной десятины; осматривался лес, чтобы определить количество кубических метров леса с единицы площади, густоту и качество его. В каждом селении брались не одна, а несколько пробных площадок на поле, покосе, пашне. Широко применялась и глазомерная съемка. В результате получалась сплошная карта угодий. Она служила контролем при определении площади угодий.

Программа подворных переписей крестьянских хозяйств в Псковской губернии включала более 200 показателей. В ходе подворных переписей выяснилось, что в мелких селениях крестьяне находились в лучших условиях при использовании земельных угодий: их полосы были шире, находились близко от деревни, лучше обрабатывались и удобрялись, урожайность на них была выше. В крупных селениях полосы были узкими, находились на значительном расстоянии от деревни, хуже удобрялись и обрабатывались, давали более низкие урожаи.

Это обстоятельство и побудило заведующего земским оценочным бюро Н.М.Кислякова для изучения состояния крестьянских хозяйств произвести их группировку по величине селений, распределив их на 4 группы: а) до 5 дворов; б) от 6 до 10; в) от 11 до 15; г) свыше 15. В качестве характеристики крестьянских хозяйств были взяты следующие показатели: размер семьи, площадь землепользования, обеспеченность рабочим и продуктивным скотом[9].

Подворная перепись крестьянских хозяйств проводилась по следующим рубрикам.

1. Население. Здесь фиксировались следующие данные: число дворов в селении, число мужчин, из них работников 18–60 лет, число женщин, из них работниц 16–55 лет; средний состав двора — мужчин и женщин, сколько на 1 двор приходится мужских работников, сколько на 1 мужского работника приходится едоков.

2. Грамотность. Здесь указывалось: число дворов с грамотными, только с учащимися, число учащихся — мальчиков и девочек, % грамотных мужчин, % грамотных женщин, число мужчин и женщин со средним образованием.

3. Земледелие. В рубрике отмечались: надельная земля в десятинах, усадьба и пашня, % их по отношению ко всей земле, покос и остальная земля в % ко всей площади надела. Купленная земля в десятинах: усадебная, пашня, покос, лес, всего купленной земли в % к надельной, надельной и купленной земли на 1 двор.

4. Способ пользования землей. Число дворов, обрабатывающих землю: своим трудом, % таких дворов; частично наемным трудом, % таких дворов; сдающих землю полностью, сдающих частично, % сдающих полностью; дворов с полностью запущенной пашней, с частично запущенной пашней, % запущенной пашни полностью и частично; дворов, нанимающих годовых работников — мужчин и женщин, на лето — мужчин и женщин, % нанимающих дворов.

5. Сдача надельной земли в аренду (дес.) в своей общине: число дворов, сдающих землю за деньги — пашню и покос; сдающих из части урожая — пашню и покос; сдающих за подати и повинности — пашню и покос.

6. Сдача надельной земли в чужую общину: число дворов, сдающих землю (дес.) за деньги — пашню, покос; сдающих из части урожая — пашню, покос; сдающих за подати и повинности — пашню и покос.

7. Аренда надельной земли в своей общине: дворов, арендующих за деньги — пашни, покоса; аренда дворов из части урожая — пашни, покоса; аренда за подати и повинности — число дворов, пашни и покоса.

8. Аренда надельной земли в чужой общине: дворов, арендующих землю за деньги — пашни, покоса; арендующих дворов из части урожая — пашни, покоса; арендующих дворов за подати и повинности — пашни, покоса.

9. Аренда помещичьей земли: число дворов, арендующих землю за деньги — пашни, покоса; дворов, арендующих землю за отработки — пашни, покоса; дворов, арендующих из части урожая — пашни, покоса.

10. Культура хлебов. Посев на надельной земле (в мерах — 1 пуд) самими домохозяевами: ржи, овса, ячменя, льна, картофеля, гречихи. Число десятин посевной площади на надельной и купленной земле.

11. Группировка дворов по размеру надельной земли: безземельных, до 5 дес., 6–10 дес., 11–15, 16-25, свыше 25 дес. Группировка по рабочему скоту: % безлошадных, с 1 лош., с 2 лош., с 3 и более.

12. Сбор сена в пудах: с надельной земли — самими владельцами, арендаторами. Сбор сена с купленной земли — самими владельцами, арендаторами. Сбор сена с арендованной земли у помещиков. Собирается сена на 1 голову крупного скота (в пудах): с надельной земли, с купленной, с арендованной.

13. Скотоводство. Количество рабочих лошадей, нерабочих; количество коров и быков, нетелей, мелкого скота.

14. Промыслы. Число дворов, занимающихся промыслами: число дворов с местными промыслами, число мужчин, занимающихся промыслами; число дворов с отхожими промыслами; число мужчин-отходников; число выданных паспортов краткосрочных, полугодовых, годовых, на более длительный срок.

Такова программа земских подворных переписей. Но ее полностью не удалось осуществить.

На основе данных земских подворных переписей кратко охарактеризуем крестьянское хозяйство Псковской губернии в конце XIX — начале XX в.

Площадь Псковской губернии составляла 37955,7 кв. верст и состояла из 8 уездов: Псковского, Островского, Порховского, Опочецкого, Новоржевского, Великолукского, Холмского, Торопецкого. Населения в 1905 г. числилось 1183000 жителей. 93 % населения проживало в деревне. В ней насчитывалось 158917

крестьянских дворов[10]. Средняя численность крестьянского двора составляла 6,8 человека. По Всероссийской переписи 1897 г. в губернии было всего 14,6 % грамотного населения.

В связи с увеличением численности крестьянского населения их земельные наделы с каждым годом уменьшались. В 1880 г. их размер составлял 3,5 десятин на душу мужского пола, а в 1900 — 2,6 десятин[11].

Уменьшения размера на душу надельных земель компенсировалось купчими землями. Купчие крестьянские земли в 1892 г. составляли 23 % к количеству надельной земли. Кроме того, крестьяне арендовали 238 тыс. десятин помещичьей земли. Арендные земли крестьян по отношению к надельным в 1881 г. составляли 15,6 %[12].

В структуре земельных угодий псковских крестьян пашня занимала 53,1 %[13], тогда как в губерниях Новгородской и Петербургской Северо-Западного региона пахотные земли составляли лишь 37 %.

Среди сельскохозяйственных культур важнейшее место занимало производство льна. Псковская губерния издавна была «льняной». По производству льна она занимала первое место в России. Самыми льноводными уездами были Порховский, Островский, Опочецкий. Лен занимал свыше 13 % всей посевной площади.

Согласно земским подворным переписям главным фактором, определяющим благосостояние крестьянского хозяйства, являлся размер их землевладения. Обеспеченность землей влекла за собой и большую обеспеченность рабочим скотом. Так, при переписи 3055 дворов Псковского уезда в начале XX в. выяснилась следующая зависимость между размером землевладения и числом лошадей [14].

Таблица 1

Зависимость между размером землевладения и числом лошадей в Псковском уезде в начале XX в.

	Группировка крестьян	Число дворов	Безлошадных	Одна лошадь	Две лощади	Три и более
1	Безземельные	39	36	3	—	—
2	До 5 десятин	481	239	225	16	1
3	6–10 десятин	1172	221	837	104	10
4	11–15 десятин	767	65	543	147	16
5	16–25 десятин	465	14	218	203	30
6	Свыше 25	131	5	31	65	30
Итого		3055	580	1833	535	87

Следующий фактор, определяющий благосостояние крестьянских хозяйств согласно подворным переписям,– это величина селений. В небольших селениях по сравнению с крупными полосы крестьян были шире, лучше обрабатывались и удобрялись.

Земские деятели, анализируя переписи, также отметили, что крестьянское хозяйство ведется тем успешнее, чем больше имеет мужских работников в семье. Такая семья не только выполняет вовремя все сельскохозяйственные работы, но может отпустить на заработки несколько работников.

Кроме местных промыслов, которыми в начале XX в. ежегодно занимались 65 тыс. крестьян, наиболее распространенными среди них были отхожие промыслы. Число отходников в 1900 г. составило 148 858 чел.[15]

О широком распространении отходничества свидетельствуют данные о количестве выданных паспортов в 1891–1900 гг.

Таблица 2

Количество выданных паспортов крестьянам-отходникам Псковской губернии в 1891–1900 гг.

Паспорта	1891–1900
Краткосрочные	73,1
Полугодовые	119,2
Годовые	448,1
На более длительный срок	21,9

Неземледельческие заработки крестьян значительно превышали их доходы от сельского хозяйства. Промысловые заработки использовались для покупки земли, продовольствия и уплаты податей и недоимок.

Итак, земские подворные переписи Псковской губернии содержат ценнейший материал для характеристики крестьянского хозяйства этого региона.

---

[1] Шендерюк М.Г. Социально-экономическая структура крестьянского хозяйства Северо-Запада России в конце XIX — начале XX в. (Опыт количественного анализа поуездных сводок земской статистики) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1990. С. 27–43; Она же. Источниковедческий анализ земских подворных переписей Петербургской, Псковской и Новгородской губерний // Социально-экономические и политические проблемы истории крестьянства Северо-Запада РСФСР IX-XX вв. Новгород, 1991. С. 73–75.

[2] Псковская губерния. Свод данных оценочно-статистического исследования. Псков, 1901. Т.1. Опоческий у. Т. 1. Псков 1901; Новоржевский у. Т. 2. Псков 1901; Великолукский у. Т. 3. Псков, 1905; Торопецкий у. Т. 4. Псков, 1907; Холмский у. Т. 5. Псков, 1907; Островский у. Т. 6. Псков, 1907; Псковский у. Т. 7. Псков, 1913; Порховский у. Т. 8. Псков, 1912. Погубернский. Т. 9. Псков, 1912.

[3] Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. 1. Крестьянское хозяйство. М., 1893.

[4] Свавицкие З.М. и Н.А. Земские подворные переписи (поуездные итоги) 1881-1913. М., 1926.

[5] Свавицкий Н.А.Земские подворные переписи. М., 1961.

[6] Вестники Псковского губернского земства за 1902-1903 гг. Псков, 1902-1903.

[7] Промыслы крестьянского населения Псковской губернии и положение их в 1895-1897 гг. Псков, 1898.

[8] Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907.

[9] Псковская губерния. Свод данных.... Опоческий у. Т. 1. Вып. II. Псков, 1901. С. 55–58.

[10] Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1907. С. 174.

[11] Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 73–76.

[12] Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 138.

[13] Статистический временник Российской империи. СПб., 1884. Сер. III. Вып. 4. Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г. Табл. Б. С. 17.

[14] Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 439.

[15] Материалы комиссии 1901 г. ... С. 223.

Т.М. Китанина

ПСКОВСКАЯ И НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(на материалах Особого совещания по обороне государства август 1915 — декабрь 1917 г.)

Первая мировая война, ставшая переломным этапом в истории человечества, носила исключительно разрушительный характер и потребовала величайшего напряжения материальных и духовных сил конфликтующих государств и в их числе России. Вступив в затяжную, изнурительную кампанию, невиданную ранее по своим масштабам, людским и материально-техническим потерям, Россия вынуждена была коренным образом перестроить экономику, осуществить мобилизацию ведущих отраслей народного хозяйства.

В годы войны основные функции регулирования экономической жизни страны перешли в компетенцию чрезвычайных регулирующих органов — четырех Особых совещаний военного времени во главе с министрами, созданных на основе соглашения правительства и фракций IV Государственной думы 17 августа 1915 г: Особого совещания по обороне государства, Особых совещаний по продовольственному делу, топливу и перевозкам.

В отечественной историографии оценка деятельности Особых совещаний представляется недостаточно полной, что, по всей видимости, отражает степень изученности фактического материала и сравнительно ограниченное введение в научный оборот документации высших регулирующих органов. Между тем взвешенный подход к результатам их функционирования чрезвычайно важен для понимания курса правительственной политики в годы войны и причин активности оппозиционных сил.

Встав на путь военно-государственного регулирования экономики и в первую очередь промышленного производства, правительство вынужденно пошло на соглашение с буржуазной оппозицией в целях осуществления программы вооружения армии, осознав необходимость привлечения частной промышленности к решению оборонных задач. Эта цель определила присутствие, но ограниченное, представителей разных слоев буржуазии в составе четырех Особых совещаний, подчиненных исключительно верховной власти, то есть государю, а не правительству. В то же время мобилизация частной промышленности и привлечение представителей предпринимательских кругов к регулированию военной экономики открывали перед буржуазией реальные возможности продвижения по экономическим каналам к захвату политической власти.

Фактически создание системы Особых совещаний означало, что русским правительством был сделан еще один шаг, ускоривший эволюцию самодержавия в сторону буржуазной монархии и изменивший расстановку политических сил в стране.

Далеко не ординарное значение системы Особых совещаний определило исключительно насыщенное информационное содержание их документальных материалов, отличавшихся достоверностью и репрезентативностью. Источниковедческая оценка этих материалов дана в монографическом исследовании С.В.Воронковой, аналитической статье Л.Я.Сает, в трудах А.Л.Сидорова, В.В.Журавлева, Л.Е.Шепелева[1].

По наблюдениям Л.Я.Сает, в составе документального корпуса Особых совещаний наиболее полными по информативности и значительными по содержанию являются журналы заседаний представителей Особого совещания по обороне госу-

дарства — «распорядительный», «итоговый документ, вобравший в себя значительную подготовительную документацию..., непосредственно отражающий ход заседаний, а следовательно, всю работу Особого совещания по обороне в целом»[2]. Подобная оценка не исключает, разумеется, критического отношения к анализу и интерпретации содержания этого вида источников.

Местонахождением журналов Особого совещания по обороне государства является Российский государственный военно-исторический архив. Сотрудниками архива совместно с московскими историками — представителями научных и высших учебных заведений — в течение длительного времени проводилась кропотливая работа по выявлению, изучению, комментированию и подготовке к научной публикации этих содержательных источников. Журналы Особого совещания по обороне опубликованы в 1975 — 1980 годах в 13 выпусках и охватывают хронологический период с августа 1915 по декабрь 1917 г. Изданы также журналы заседаний действовавшего уже при советской власти Особого совещания по финансированию за декабрь 1917 — март 1918 годов.

Вопросы мобилизации промышленности, стоявшие в центре внимания Особого совещания по обороне государства, были теснейшим образом связаны с состоянием вооружения и материально-технического снабжения войск. Не имевшие крупных промышленных предприятий Псковская и Новгородская губернии привлекали внимание высшего регулирующего органа с точки зрения возможности перевода на военные рельсы местного кустарного и ремесленного производства. Именно мобилизация кустарных и ремесленных мастерских способна была обеспечить потребности действующей армии в разного рода интендантских поставках (предметы обмундирования воинских чинов, шанцевый инструмент, гвозди, подковы, сбруя, повозки и другое обозное оборудование, мешки и т. д.).

Мелкие производственные единицы, расположенные в том числе и в прифронтовых губерниях, оказывали посильную помощь в изготовлении отдельных частей некоторых видов вооружения. В начале августа 1915 г., в период действия Особого совещания, для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения (в литературе принято называть его «майским»), ставшего прямым предшественником Особого совещания по обороне государства, по предложению члена Государственной думы А. Д. Протопопова (с сентября 1916 г. — управляющего, а с декабря министра внутренних дел) рассматривался вопрос о целесообразности привлечения кустарей Новгородской, Костромской, Нижегородской и других губерний к изготовлению лож для ружей. Инициатива была встречена присутствовавшими на заседании Особого совещания представителями законодательных палат, министерств, торгово-промышленных кругов с пониманием и одобрением, вследствие чего было вынесено постановление о начале переговоров по этому вопросу Главного артиллерийского управления с Главным управлением землеустройства и земледелия[3].

Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1915–1916 годах в губерниях Северо-Запада была проведена широкая мобилизация ремесленного производства, причем в реализации правительственного постановления решающую роль играли Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов.

В январе 1916 г. решался частный, но немаловажный вопрос, связанный с армейским вооружением. По представлению действующей при Особом совещании по обороне Реквизиционной комиссии вынесено было постановление о реквизиции в пользу Главного артиллерийского управления гильз особого калибра у владельцев оружейных магазинов и складов в пределах Европейской России, в том числе в Новгородской и Псковской губерниях[4].

ной мерой — продразверсткой министра земледелия А.А.Риттиха, осуществленной 2 декабря 1916 г. По условиям разверстки в течение 35 дней предполагалось собрать в пределах 31 губернии 772 млн. пуд. разного рода хлебов.

Однако план Риттиха не учитывал состояние наличных запасов зерновых в губерниях, что являлось необходимостью, ибо разверстка падала не только на производящие, но и на потребляющие губернии — Новгородскую, Костромскую, Вологодскую и др. Вполне естественно, что прежде всего для потребляющих губерний и без того испытывавших недостаток продовольствия, разверстка обернулась самыми негативными последствиями, не говоря уже о том, что предназначенная ей роль ударной экстраординарной меры оказалась недостижимой[7].

К 1915–1917 гг. относится ряд материалов, касающихся положения северо-западных губерний в целом, правительственных распоряжений относительно состояния находившихся в них промышленных объектов, снабжения войск в прифронтовой полосе, в том числе в Псковской губернии, создания разного рода комиссий и пр. В одном из журналов речь шла об учреждении районной эвакуационной подкомиссии для обследования ряда местностей Петроградской и Новгородской губерний осенью 1917 г. и т. п.[8]

Следовательно, в журналах Особого совещания по обороне государства нашли отражение разные стороны положения губерний Северо-Запада, в том числе Псковской и Новгородской, в период войны, особенно во время экономического кризиса 1916–1917 гг.: вопросы мобилизации промышленности, транспортных перевозок, продовольственной разрухи и др. Даже краткий перечень отдельных проблем, приведенный в настоящем докладе, показывает, сколь важен этот вид источников для изучения экономического положения северо-западного региона в военные годы, сколь важен он и для оценки роли, которую играл Северо-Запад в правительственной политике регулирования экономики.

---

[1] Воронкова С.В. Материалы Особого совещания по обороне государства (источниковедческое исследование). М.,1975; Она же. Обзор материалов Особого совещания по обороне государства// История СССР. 1970. №3; Сает Л.Я. Журналы Особого совещания по обороне государства: опыт источниковедческого анализа. // Журналы Особого совещания по обороне государства. Указатели и материалы 1915 — 1918 гг. 2. М., 1982; Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка //История СССР. 1964. №3; Журавлев В.В. Важный источник по истории предпринимательских организаций российской монополистической буржуазии // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970; Шепелева Л.Е. Работа исследователя с архивными документами. М. — Л.,1966.

[2] Сает Л.Я. Указ. соч., С 237.

[3] Журнал № 21 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 8 августа 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год. М., 1975. С. 178, 182.

[4] Журнал № 38 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 9 января 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 год. 1. М., 1977. С. 22,25.

[5] Журнал № 172 того же Особого совещания. Заседание 24 июня 1917 года // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 год. 3. М., 1978. С. 487–489.

[6] Журнал № 56 того же Особого совещания. Заседание 12 марта 1916 года // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 год. 1. С. 156,157.

[7] Журнал № 142 того же Особого совещания. Заседание 8 февраля 1917 года // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 год. 1. М., 1978. С. 189 и другие документы.

[8] Резолюция председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства по журналу Особой комиссии, образованной из представителей Министерства финансов, подготовительных комиссий и управления делами Особого совещания по обороне от 15 ноября 1917 года за № 205/3. 18 ноября 1917г // Журналы Особого совещания по обороне государства. 8 ноября 1917 — 16 марта 1918 гг. 1. М, 1980. С. 31, 35.

О.В. Попова

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙНАХ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

История русской православной церкви является одной из актуальных научных проблем. Интерес к ней обусловлен повышением роли церкви в нашем обществе, изменением её статуса. На протяжении многих столетий основой русской духовной жизни было православие. Многие исследователи рассматривают его не только как церковную традицию, но и как цивилизационную доминанту, предопределившую весь путь нашего развития. Именно православие, с его системой нравственных ценностей стало тем механизмом, который сохранял и воспроизводил ментальное и социальное единство нашего общества, на крутых поворотах истории не давая ему расчлениться и разрушиться. Поэтому проблемы русской духовности, истоков и сущности православия, а также истории русской православной церкви привлекают сейчас пристальное внимание исследователей. История церкви имеет уже солидную научную базу. В печати опубликованы исследования общего характера, а также те, которые посвящены отдельным аспектам этой проблемы[1].

Русская православная церковь, следуя своему духовному долгу, всегда была со своей паствой в дни самых тяжких испытаний. Патриотизм церкви традиционен и постоянен, в любой войне вместе со всем народом, верующим и неверующим, вставала церковь на защиту самого святого — Земли русской. Опыт, накопленный в военные годы, требует изучения и обобщения. Региональный аспект проблемы позволяет не только выявить общие закономерности, но и выделить особенности деятельности церкви в период войн.

Псковский край, являясь северо-западным форпостом страны, в Первую и Вторую мировые войны первым принимал удар на себя. Все тяготы военного времени ложились на плечи жителей нашего края. Война — это боль, кровь, смерть, раненые, изувеченные люди, дети-сироты, беженцы. Забота о страждущих всегда была главной задачей церкви, а в период войны она усиливалась многократно.

Накануне Первой мировой войны православная церковь представляла собой мощную организацию — 67 епархий управлялись 130 епископами, в 48 тысячах храмов служили 50 с лишним тысяч священников, церковь имела 4 академии, 58 семинарий, 35 тысяч церковных школ и т. д.[2] Однако функционально церковь слабела. Она по-прежнему оставалась в полном государственном подчинении, т. к. Священный синод был государственной структурой, обер-прокуроры назначались и смещались царём. (Кстати, за период войны сменилось 6 обер-прокуроров)[3]. Поэтому в годы войны церковь осуществляла свою деятельность под эгидой государства, в русле его политики и при полной его поддержке. В работе церкви чётко выделяются ряд функций: информационная — все значимые события войны, будь то победы наших войск или их неудачи, находили отражение в церковных молебнах, зачастую население узнавало о состоянии дел на фронтах только в стенах храмов; идеологическая — необходимость объяснить пастве цели начавшейся войны, её характер и т. д.; воспитательная — патриотическое служение самой церкви возрождало эти высокие стремления у верующих, забота о нравственном здоровье также была одной из главных задач; социальная — в годы войны десятки тысяч людей оказались без пищи и крова, потеряли своих близких, испытывали боль и отчаяние, заботу о них и взяла на себя церковь.

Псковская епархия к началу войны была достаточно крупной, на её территории располагалось 403 прихода, в которых служили 1000 священников[4], возглавлял её архиепископ Евсевий (Гроздов)[5]. Текущими делами епархии ведала Псковская духовная Консистория, в состав которой к началу войны входили протоиереи Михаил Лавровский, Александр Иеропольский, Михаил Каменский и священники Михаил Поспелов и Фёдор Колобов. С первых дней войны церковь активно включилась в общее дело борьбы с вражеским нашествием. В храмах был зачитан Высочайший Манифест Николая II, призывавший оградить «достоинство и безопасность Богом хранимой нашей империи», причём в молитвах начавшаяся война называлась справедливой, освободительной «Великой Отечественной войной». 27 августа 1914 г. в Кафедральном соборе прошёл торжественный молебен «о даровании победы русскому оружию над врагом», на нём присутствовали представители губернских, городских и военных властей. После богослужения 6 знамён Псковского ополчения, хранившиеся более 50 лет в соборе, были вынесены на площадь и под звуки военного оркестра, в сопровождении многотысячной процессии доставлены на Иркутский плац, где торжественно вручены вновь сформированным подразделениям[6]. Подобные массовые мероприятия проводились в городе регулярно и имели огромное воздействие на население. 7 октября 1914 г. был совершён крестный ход с чудотворными иконами Псково-Печорского монастыря и Спасо-Елизаровской пустыни от Кафедрального собора к реке Великой. Вернувшись на соборную площадь, несколько тысяч псковичей все как один стали на колени, молясь о победе русского оружия.

В годы войны особую информационную, пропагандистскую и воспитательную роль играла периодическая печать. В Пскове выходили «Псковские губернские ведомости», «Псковская жизнь», «Псковский голос». Особой популярностью пользовались «Псковские епархиальные ведомости», информационная значимость этого издания в годы войны существенно расширилась, в нём освещались героические подвиги наших солдат, публиковались сведения с театра военных действий, а также письма с фронта, проникнутые патриотизмом и боевым духом передовых позиций. С 1 января 1915 г. было решено распространять среди мирного населения «Военную летопись», особый боевой листок, издаваемый Военным ведомством для солдат. Редактор листка обратился к архиепископу Евсевию с просьбой поспособствовать распространению этого издания среди населения прифронтовой Псковской губернии.

Уже в августе 1914 г. Псковская губерния была объявлена на военном положении, стала прифронтовой территорией. 7 сентября в Псков прибыла первая партия раненых воинов, затем они стали поступать в город регулярно. Раненых было так много, что решили проложить специальные рельсы от ст. Псков, где находились бараки для раненых, до трамвайного пути, чтобы быстрее размещать раненых по госпиталям. Все военные госпитали патронировались епархией, для тяжело раненных пастырские обязанности исполнялись прямо в лазаретах, к каждому из них «прикреплялся» священник. Эту нелёгкую миссию выполняли священники Н. Колиберский, П. Любимов и многие другие. Кроме православных священников раненых посещали и представители других конфессий.

Основную тяжесть забот о раненых взяло на себя государство, была сформирована Главная санитарная и эвакуационная часть под началом принца А. Ольденбургского[7]. Серьёзную роль в этом деле играло общество Красного Креста, председателем местного управления был Ф. Балуев[8]. В состав управления входили также самые уважаемые и деятельные люди нашего края — губернатор Н. Медем, вице-губернатор С. Оболенский, губернский предводитель дворянства С. Зубчани-

нов, городской голова А. Агапов и др. На территории края было создано 27 военных госпиталей, формировались санитарные поезда, собирались пожертвования в пользу раненых и т. д. Участие во всех этих мероприятиях церковь считала своей святой обязанностью. Псковская консистория объявила о сборе средств на лечение раненых. К началу 1915 г. общая сумма пожертвований составила 21344 руб. 52 коп.[9] Но денег не хватало, тогда духовенство Псковского округа постановило:

1) ежемесячно 2% церковного дохода отчислять в пользу раненых;

2) ежегодно каждому священнику жертвовать на лазареты личные средства: 4 рубля — псаломщики, 8 — дьяконы, 12 — протоиреи, а т.ак как в округе было 472 священника, 155 дьяконов и 462 псаломщика, то сумма набегала немалая[10].

Кроме сбора средств Консистория взялась за устройство лазаретов. Под госпитали были отданы помещения Псковского духовного и Епархиального женского училищ, причём слушатели старших классов принимали активное участие в их обустройстве, работали санитарами. Был создан общеепархиальный лазарет, устройством которого занимался Комитет в составе А. Фаворского, В. Павского, И. Коведяева и М. Дориомедова[11]. Так как поток раненых с каждым днём увеличивался, Консистория приняла решение оборудовать лазареты при монастырях. Как правило, они были небольшие, но раненые получали там не только медицинскую помощь, но и простое человеческое тепло и участие. Лазареты были созданы в Старо-Вознесенском женском монастыре, Иоановском, Спасо-Казанском Островского уезда и многих других[12]. В лечебных заведениях при монастырях царила особая атмосфера, это очень ценили попавшие туда воины. Через местную печать выражали раненые свою благодарность сёстрам-монахиням за уход и поддержку. Но сердечного участия тоже было недостаточно, раненых нужно было кормить, одевать, обувать. При Епархиальном женском училище была создана мастерская по пошиву одежды для раненых. Со 2 по 8 ноября 1914 г. в Пскове была объявлена неделя сбора теплых вещей. Собранные вещи — полушубки, теплые рубахи, носки и т. д. — поступали не только в госпитали, но и отправлялись на фронт. Зимой 1914 г. для солдат было собрано 3 транспорта вещей и подарков, общим весом 789 пудов, сопровождал груз на передовые позиции священник И. Загорский[13].

Особой заботой церкви были дети. В декабре 1914 г. Синод принял решение открыть при женских монастырях приюты для сирот. Псковские монастыри сразу же заявили о готовности принять на содержание 44 девочки, «а если им не понадобится одежда, то 49»[14]. Консистория приняла решение об устройстве детских приютов в селениях края, подбирать кадры для работы с детьми должны были приходские священники.

Одной из самых обездоленных категорий населения были беженцы. Прифронтовое положение Псковского края привело к тому, что уже в начале войны появились первые беженцы. К середине 1915 г. общее их число достигло 20 тыс., среди них были не только православные, но и католики, лютеране, старообрядцы и т.д., никому не было отказано в помощи. 26 июля 1915 г. в Пскове был создан Особый комитет по призрению беженцев под председательством протоиерея Александра Иеропольского. В состав комитета также входили священники Пётр Любимов, Александр Балод, церковные старосты О. Шорохов и А. Алексеев. Было решено отчислять в фонд беженцев 1% церковных доходов ежемесячно, выделить для размещения беженцев здания церковно-приходских школ, а также давать им приют в монастырях[15]. Для беженцев устраивались питательные пункты, собирались денежные средства, а также продукты, одежда, обувь.

Была у церкви ещё одна святая обязанность — отдать последнюю дань тем, кто погиб на войне. Синод решил: на родине погибших ставить памятные знаки — кресты, часовни и т. д., во всех приходских церквях сооружать доски с именами погибших, умирающих в госпиталях хоронить в одном месте, на братских кладбищах. Инициатива Синода нашла поддержку. «С Высочайшего соизволения» была создана межведомственная комиссия, которую возглавил военный министр Сухомлинов. Но главную тяжесть этих забот взяла на себя церковь. Псковская консистория откликнулась сразу же, были предприняты энергичные меры. 18 ноября 1914 г. Городская Дума приняла решение о выделении специальных мест для захоронений. В Пскове, на Мироносицком кладбище, было выделено место для погребения воинов. Ответственным за братское кладбище был назначен о. А. Юнашевский[16].

Неутомимое служение церкви было вознаграждено по заслугам, сотни священников были представлены к правительственным наградам, среди них и псковичи: протоиерей Николаевской церкви Михаил Каменский к ордену Св. Владимира 4 ст., Алексеевской церкви Михаил Поспелов — к ордену Св. Анны 2 ст., Космодемьяновской церкви о. Владимир Павский — к ордену Св. Анны 3 ст. и т. д.[17]

Таким образом, в первые годы войны православная церковь действовала совместно с государственными институтами и при их полной поддержке. В прифронтовом Псковском крае работа церкви была наиболее масштабной и эффективной. Чёткая организация, создание новых структур — комитетов, комиссий и т.д., богатейший опыт пастырского служения в дни суровых испытаний, рациональное использование имеющихся финансовых средств позволяли церкви живо откликаться на нужды своей паствы, умиротворяя, поддерживая и спасая тех, кто в этом нуждался.

Но события развивались стремительно. Февральская революция изменила положение церкви, Синод был распущен. В августе 1917 г. открылся Всероссийский собор, который не собирался 217 лет. На Соборе вновь был избран Патриарх, им стал Тихон (Беллавин). Но новый революционный взрыв и установление Советской власти вновь круто изменили церковную жизнь. С самых первых шагов отношения с новой властью складывались трагически, и к началу Великой Отечественной войны церковь в стране была почти полностью разрушена.

Нападение Гитлера на СССР сплотило весь народ перед лицом грозной опасности. И вновь православная церковь вместе со всем народом поднялась на борьбу с врагом. Митрополит Сергий, ставший местоблюстителем патриаршего престола после смерти Тихона, уже 22 июня 1941 г. обратился с Посланием к народу: «... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных земель нашей родины»[18].

Это обращение было началом активного участия Сергия и всей православной церкви в патриотической борьбе. За период войны Сергий обращался к народу свыше 20 раз, откликаясь на все важнейшие события войны. Второе его послание осуждало священнослужителей, вступивших на путь сотрудничества с немцами, в 1942 г. он выступил со специальным посланием в поддержку партизанской войны и т. д. Отношение власти к церкви стало заметно меняться. В 1942 г. было разрешено совершать массовые богослужения, пасхальные крестные ходы вокруг храмов. Церкви была передана типография Союза воинствующих безбожников, практически переставшего существовать. А в январе 1943 г. по личному разрешению И. Сталина был открыт банковский счёт, т. е. церковь становилась юридическим лицом[19]. На этот счёт поступали средства в фонд обороны, сбор которых начался по инициативе церкви. К 1944 г. пожертвования в церковный фонд составили 150 млн. руб.[20]

В сентябре 1943 г. И. Сталин встретился с тремя митрополитами: Ленинградским — Алексием, Киевским — Николаем и Местоблюстителем Сергием. Результатом этой встречи стала спешная подготовка и созыв 8 сентября Собора епископов, на котором Сергий был избран Патриархом Всея Руси. Тогда же был создан Священный синод. На Соборе были осуждены священнослужители, сотрудничающие с немецкими оккупационными властями, они объявлялись отлучёнными от церкви и лишёнными сана. После избрания Сергий прожил всего несколько месяцев, не дожив ни до Великой Победы, ни до осуществления своих главных целей. В январе — феврале 1945 г. на Поместном соборе был избран новый Патриарх — Алексий (Симанский), а также утверждено новое Положение об управлении Русской православной церковью.

Все эти меры свидетельствовали о росте влияния и авторитета церкви. Но власть осуществляла строгий контроль за её деятельностью. В 1943 г. был создан Совет по делам русской православной церкви, который возглавил полковник госбезопасности Г. Карпов[21], в 1944 г. — Совет по делам религиозных культов. Позднее оба эти Совета были преобразованы в единый орган — Совет по делам религии при Совмине СССР[22].

Таким образом, отношения церкви с Советской властью постепенно налаживались, церковная жизнь оживлялась под покровительством самого Сталина и с санкции властей.

На временно оккупированной территории церковь оказалась в более сложном положении. Перед нападением на СССР Гитлер имел уже опыт общения с церковью в самой Германии и в захваченных европейских странах. Этот опыт заставил Гитлера серьёзно заняться вопросами религии. Был составлен план создания новой религии и новой Национально-государственной церкви Германии (НГЦ), которая отказывалась от священнослужителей, церковных обрядов, Библии и т. д. «Бог христианства --Бог любви, а любовь не есть божественная сущность. Мы немцы должны быть первыми, кто покончит с христианством»[23]. Но это были перспективные планы, а отношения с церковью на занятых территориях необходимо было выстраивать немедленно. В системе Главного управления СД имелись два отдела IIIC и IVC, которые ведали религиозными вопросами. Первоначально, следуя планам «молниеносной войны», немецкое командование стремилось «не допускать оживления религиозной жизни в оккупированных русских областях», мало заботилось «о поощрении православной церкви» и совсем не собиралось возвращать собственность, национализированную Советской властью, церковным организациям[24]. Но по мере того, как война затягивалась, а оживление религиозной жизни становилось всё заметнее, политика военных властей по отношению к православной церкви изменилась: «Не следует ничего предпринимать против стремления православной церкви добиться влияния на массы», а следует «соблюдать полнейшую религиозную терпимость, использовать церковь в пропаганде нацистских идей», преимуществ «нового порядка» и т. д.[25] Таким образом, с первых дней оккупации советской территории православная церковь стала тем институтом, который действовал легально и открыто.

По инициативе Прибалтийского экзарха Сергия, который остался на оккупированной территории, была создана «Православная миссия в освобождённых районах России». Оккупационные власти не препятствовали её созданию, но потребовали сформировать специальное Управление под эгидой военных властей. Центром миссии стал Псков, здесь же было сформировано и специальное Управление, которое с ноября 1941 г. возглавил Кирилл Зайц. В составе Управления были 3

отдела: канцелярия во главе с Кириллом Зайцем, отдел по развитию христианской культуры — который возглавил Георгий Бенигсон, хозяйственный отдел — которым руководил Иван Ободнев. Всего в Управлении работало 18 человек[26].

Самой первой задачей миссии стало восстановление церковной жизни. В 1917 г. в Пскове было 32 церкви и 40 священников, к 1941 г. не осталось ни одной действующей. По всему Псковскому краю в 1917 г. действовало 431 церковь, а в 1941 — только 5[27]. Первым в городе был открыт Троицкий собор, массовое богослужение прошло 17 августа 1941 г., затем они стали регулярными. К началу 1942 г. в городе было открыто 5 церквей, а к концу оккупации — 10[28].

Во вновь открывающиеся храмы нужны были священники, задачу их подготовки выполняли Богословские курсы, открытые осенью 1942 г. в Вильно. Срок обучения был рассчитан на 2 года, слушатели обеспечивались жильём и хлебными карточками[29]. Финансовое положение курсов было очень тяжёлым, специальный циркуляр властей гласил: «Следует позаботиться о том, чтобы ... не открывались духовные семинарии и подобные учреждения»[30]. Поэтому курсы находились на полном самообеспечении, материальную поддержку им оказывали приходы, проводившие специальные кружечные сборы.

Также без финансовой поддержки властей работала и сама миссия. 10% прибыли отчисляли на её счёт приходы, но главной статьёй дохода была деятельность хозяйственного отдела. При отделе была иконописная мастерская, свечной завод и магазин церковных принадлежностей на ул. Главной (ныне Гоголя), где продавались иконы, молитвенники, нагрудные крестики и т. д. Ежемесячный доход отдела составлял 3–5 тыс. немецких марок, что покрывало все расходы миссии[31]. Прибыль приносило распространение печатной продукции. К 1943 г. тираж журнала «Православный христианин» достиг 90 тысяч, спрос на него был очень большой.

Самую главную свою функцию — социальную — миссия выполняла особенно успешно. Начало было положено созданием детских домов и приютов под патронажем церкви. Первый приют был организован при Дмитровской церкви уже осенью 1941 г., в нём проживало 12 воспитанников. Затем стали создаваться сиротские дома по всей оккупированной территории. В Порховском районе, например, в таких домах жили 245 детишек[32]. Оборудованы приюты были с помощью прихожан, которые несли осиротевшим детям мебель, постельное бельё, одежду, посуду, продукты. Все церкви организовывали тарелочные сборы в помощь сиротам. Церковь опекала также дома инвалидов, богадельни, больницы. Немецкие власти не были заинтересованы в этой опеке, нацистская идеология призывала к уничтожению слабых и убогих. Церкви требовалось немалое упорство и стойкость, чтобы защитить право на жизнь сирых и больных. Помощь церкви получали даже те, кто, казалось, не мог на неё рассчитывать. В первые трагические месяцы войны в плен попали сотни тысяч красноармейцев. На занятой территории немцы создавали концлагеря. Голодные, изможденные военнопленные умирали сотнями. Они были брошены на произвол судьбы, так как жёсткая позиция И. Сталина не позволила Международному Красному Кресту оказать помощь военнопленным. На территории Псковского края были организованы несколько концлагерей — на Завеличье, в Крестах, в Песках, в Промежицах и т. д., в них содержались десятки тысяч человек. Православная миссия протянула им руку помощи. Было опубликовано обращение «К православному русскому народу»: «Проникнутые любовью к нашим, в плену находящимся братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды. ... Дайте то, что можете — одежду, обувь, бельё и т. д. Всё будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным. Рука дающего да не оскудеет»[33]. Сбор пожертвований развернулся по всем приходам. Были созданы подпис-

ные листы, куда заносились фамилии пожертвователей, название и описание вещей. По настоянию миссии в концлагерях стали проводиться богослужения. Под прикрытием сбора средств для военнопленных многие приходы организовывали сбор средств в поддержку Красной армии, откликаясь на призыв местоблюстителя Сергия собрать средства на танковую колонну. На Псковщине было собрано золота, серебра, церковной утвари на сумму 500 тыс. руб., через партизан эти средства были переправлены на Большую землю. Колонна из 40 танков Т-34, созданная на средства, собранные церковью, была передана Красной армии 7.03.44[34].

Но в жизни церкви на временно оккупированной территории были не только благостные дела. Немецкое командование стремилось использовать приходы для пропаганды идей «нового порядка», успехов немецкой армии. Церковь находилась под жесточайшим идеологическим прессом оккупационных властей. В состав Православной миссии входил специальный сотрудник СД. От священников требовали сведения о «неблагонадёжных лицах», партизанах, подпольщиках. В сентябре 1942 г. в управлении миссии было созвано совещание, на котором присутствовали сотрудники СД — Виноградов и Шюррер, они требовали усилить пропаганду среди населения. В ноябре того же года в Дно был созван Благочинный съезд, где также обсуждались формы и методы работы с населением[35]. Власти обязали церковь проводить агитацию среди молодёжи в пользу Русской освободительной армии (РОА) А. Власова. В Пскове был создан Русский комитет с целью сбора средств для РОА и вербовки. В состав Комитета вошли 3 сотрудника миссии. К счастью, большой эффективности работа Русского комитета не имела. Перелом в ходе войны и решительное наступление нашей армии сорвали все планы. Псковская православная миссия прекратила своё существование весной 1944 года, тогда же погиб экзарх Сергий. Имущество и документы миссии сгорели при бомбёжке. Судьба членов миссии сложилась по-разному: часть из них отступила с немецкой армией и осталась на чужбине, другая часть была арестована органами НКВД.

Подводя итоги деятельности православной церкви, можно сделать ряд выводов.

1. В годы военных испытаний патриотическое служение церкви являлось тем фактором, который сплачивал народ, вселял в него уверенность, воспитывал силу духа и стойкость, не позволял расчленяться и разрушиться ментальному единству. Согласно христианской традиции, церковь всегда призывала к покорности и смирению, и только в период войн эта традиция нарушалась. Обращаясь к историческому опыту защиты Земли русской, церковь звала и поднимала свою паству на беспощадную борьбу с вражеским нашествием.

2. Геополитическое положение Псковского края многократно усиливало значимость и эффективность церковной деятельности. Именно здесь наиболее отчётливо проявились основные направления и главные функции этой деятельности — информационная, пропагандистская, воспитательная и социальная. Для реализации этих функций церковные институты проводили серьёзную финансовую, идеологическую и организационную подготовку, что позволяло добиваться впечатляющих результатов.

3. Позиция и политика православной церкви в период войн была обусловлена теми традициями, которые сложились в процессе становления церкви как института. Русская церковь всегда была подчинена светской власти, контролировалась этой властью, опекалась особыми административными органами, существенно ограничивающими свободу деятельности церкви. Попытки борьбы против власти не приносили успеха, эту битву церковь всегда проигрывала. Веками складывающийся конформизм привёл, в конце концов, к тому, что церковь принимала как должное свою подчинённость власти, будь то власть самодержца российского,

советская власть или немецкие оккупационные власти. Способствовали этому и идеи божественности власти, заложенные в православии. Этим, в какой-то мере, объясняется профашистская позиция православной церкви на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны. Эта позиция церкви подвергалась серьёзной критике в советской историографии. Доктриальные истоки и исторические традиции, оказавшие влияние на эту позицию, почти не исследовались. И сейчас ещё этот вопрос открыт и требует более глубокого изучения и серьёзного осмысления.

4. Несмотря на конформизм, церковь никогда не забывала своего главного назначения — заботы о душах людей, поддержки в трудную минуту всех страждущих, обездоленных, больных и сирых. Особенно отчётливо проявилась эта сторона церковной деятельности в период войн. Благодаря усилиям церкви и поддержки этих усилий паствой сотни и тысячи человеческих жизней были спасены, и мы должны быть благодарны ей за это.

---

[1] Никольский Н.М. История русской церкви. Минск, 1990; Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1-2. М., 1991; Полонский А. Православная церковь в истории России. М., 1995; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории, 1994, № 4; Цыпин В. Патриотическое служение Русской православной церкви в Великую Отечественную войну // Новая и новейшая история. 1995. № 2 и др.

[2] Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 35.

[3] Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. М., 1996. С. 658.

[4] Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 414.

[5] Смолич И.К. История русской церкви. М., 1996. С. 658.

[6] Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 17. С. 363.

[7] ГАПО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 16. Л. 11.

[8] Там же. Д. 14. Л. 9.

[9] ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 313. Л. 201.

[10] Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 414.

[11] Там же.

[12] Там же. № 20. С. 440.

[13] Там же. 1915. № 1. С. 18.

[14] ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 313. Л. 384.

[15] Там же. Л. 458.

[16] Там же. Д. 8240. Л. 16.

[17] Там же. Д. 315. Л. 37 (об.).

[18] Русская православная церковь в советское время. Кн. 1. М., 1995. С. 329.

[19] Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 187.

[20] Журнал Московской патриархии. 1944. № 10. С. 3.

[21] ГАПО. Ф. 1776. Оп. 1. Л. 2.

[22] Законодательство о религиозных культах. М., 1978. С. 78.

[23] Якунин В. Установление веротерпимости // Московский журнал. 2002. № 5. С. 34.

[24] Там же. С. 31.

[25] Там же. С. 30.

[26] ГАПО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

[27] Там же. Д. 10. Л. 3.

[28] ГАПО. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

[29] ГАПО. Православный христианин. 1942 № 1–2 Л. 12.

[30] Якунин В. Установление веротерпимости // Московский журнал. 2002. № 5. С. 32.

[31] ГАПО. Ф.1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

[32] ГАПО. Ф. 905. Оп. 1. Д. 42 Л. 1.

[33] ГАПО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[34] Васильева О. Русская православная церковь в 1927–1943 г. // Вопросы истории. 1994. № 4.

[35] Архив УФСБ ПО. Ф. р-200. Оп. 4. Д. 5739. Л. 1509.

А.В. Филимонов

ИСТОРИЯ ПСКОВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ КРАЕВЕДОВ 1920–1930-х гг.

Богатое историческое прошлое Пскова уже в XVIII–XIX вв. привлекало как столичных, так и местных исследователей, результатом чего стали работы Н.И.Ильинского, митрополита Евгения Болховитинова, А.С.Князева, И.Ф.Годовикова, А.И.Никитского, И.Д.Беляева, И.И.Василева, Ф.А.Ушакова, К.Г.Евлентьева, Н.И.Серебрянского, Н.Ф.Окулич-Казарина и др. «Псков — один из тех очагов культуры, который приковывает к себе внимание не только псковичей, но и всех вообще краеведов»[1], — заметил в 1926 г. центральный журнал «Краеведение». Труды дореволюционных ученых и краеведов заложили основу, на которую в силу ее добротности до сих пор опираются современные исследователи. Во многом они служили примером и для краеведов 1920–1930-х гг.

Развитие краеведческой работы, связаниой с изучением Пскова в довоенные годы, подразделяется на два этапа, различавшиеся формами организации, тематикой и составом авторов опубликованных работ. Первый этап охватывает время с начала 1920-х до начала 1930-х гг., когда активно действовало Псковское общество краеведения, охватившее изучением многие вопросы истории, культуры, природы и быта. Существовавшая при губкоме РКП(б) Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт) занималась сбором и публикацией материалов по истории революционного движения. Хотя и с меньшей активностью, но при губкоме РКСМ-ВЛКСМ действовала Комиссия по истории молодежного движения (Истмол). Общество краеведения в 1920-е гг. выпускало сборники «Познай свой край», в журнале «Известия Псковского губкома РКП(б)» (в 1926–1927 гг. — «Спутник большевика») имелась специальная рубрика «Истпарт», материалы по истории Пскова систематически в виде заметок появлялись на страницах газеты «Псковский набат». В то же время утвердившиеся в обществе идеи «национального нигилизма» привели к почти полному отрицанию национального героического прошлого, что выразилось в забвении ряда ярких событий, которыми богата история Пскова.

Несмотря на то что в дореволюционное время вышли несколько крупных работ по истории Пскова, далеко не все вопросы оказались изученными, что особенно подчеркивал известный историк Н.А.Рожков, проживавший в 1923–1924 гг. в Пскове и возглавлявший историко-археологическую секцию местного общества краеведения.

7 июня 1923 г. он выступил на общем собрании общества с докладом «Достижения и цели научного изучения истории Пскова», основные мысли которого в кратком изложении опубликовала газета «Псковский набат».

«Местная история Пскова оригинальна и заслуживает большого внимания, — подчеркнул Николай Александрович. — Прежде, чем остановиться на достижениях, надо рассмотреть источники исторического изучения Пскова. Так называемые «Псковские летописи» совершенно не изучены. 2-й летописи в Пскове вовсе не имеется, ее нет даже в библиотеке Поганкиных палат. Если нельзя ее теперь же переработать научно, то надо хотя бы сделать копию от руки... В отношении критического изучения Псковских летописей ничего не сделано, сделанное — малоудовлетворительно. То же приходится сказать и о «Судной грамоте», имею-

щей не только псковское, но и всемирно-историческое значение. «Псковскую Судную грамоту» следует переиздать фототипически. Всякого рода акты, касающиеся Пскова, как крупинки, разбросаны среди новгородского материала, их надо собрать воедино. Источником исторического изучения является сам город даже в его современном виде. Тут вся древность: стены, Кремль, Солодежня, Поганкины палаты, монастыри и церкви. Много может дать изучение местных архивов, например, архива губернского правления, дворянского собрания и др.

Есть еще две задачи. Мы переживаем величайшую в мировой истории революцию. Мы можем, благодаря методологическим достижениям последнего времени, производить научное изучение Революции теперь же. Следует приняться за обследование типичных мелких единиц (волостей) в экономическом отношении, снимать схему организации советских учреждений, отмечая перемены, происходившие в них от начала революции. Вся эта работа никем еще до сих пор не проделанная...»

Остановившись на работах по истории Пскова, Н.А.Рожков отметил, что «и тут сделано чрезвычайно мало», поэтому «история местного края вся в будущем» и «научное исследование может быть выполнено не одним поколением»[2].

Так Н.А.Рожков обрисовал основные проблемы изучения псковской истории, охарактеризовал источниковую базу, и его идеи стали программой деятельности историко-археологической секции. В начале января 1924 г. на ее собрании Н.А.Рожков конкретизировал многие положения своего предыдущего доклада и предложил четкий план работы, который сводился к следующему: составление подробного плана древнего Пскова, по летописям и писцовой книге XVI в. — карты древней Псковской области, исследование Псковской Судной грамоты, изучение истории революционного движения в Пскове и губернии (5 декабристов-псковичей, С.Перовская и ее связь с Псковом, совещание русских марксистов в Пскове с целью образования искровской группы, революционные события последних лет), изучение народного творчества, дополнение к археологической карте, составленной Окулич-Казариным, изучение псковской архитектуры, иконописи и др.[3]

Некоторые идеи Н.А.Рожкова стали вскоре воплощаться в жизнь, в том числе и лично им. Так, на одном из заседаний секции им был сделан доклад «К топографии г.Пскова», а 21 января 1924 г. на собрании общества прозвучал его доклад «Кремль и Запсковье».[4] Доклады эти, к сожалению, не были опубликованы. В вышедшем в том же году при его непосредственном участии первом выпуске сборника «Познай свой край» Н.А.Рожков поместил вводную статью, озаглавленную «Основные задачи изучения истории Псковского края».

По достоинству оценив труды предшественников об истории Пскова (Ф.А.Ушакова, А.И.Никитского, И.Д.Беляева, митрополита Евгения Болховитинова, Н.Ф.Окулич-Казарина и др.), он все же подчеркнул, что «и при наличности этих работ многие основные вопросы истории Пскова с XII по XV в., которым они по преимуществу посвящены, остаются недостаточно освещенными», а «Псков XVI, XVII, XVIII вв. едва тронут изучением», «XIX в. в истории Пскова также почти совсем не разработан»[5].

Еще до выступлений Н.А.Рожкова одну из первых в послереволюционное время обстоятельных статей о средневековом Пскове опубликовал в 1922 г. бывший генерал А.Н.Куропаткин — «Очерк экономического быта вольных городов Великого Новгорода и Пскова». В ней автор обратился к социально-экономической истории Пскова и его земли: писал о природных условиях края, дал описание древнего пути «из варяг в греки», характеризовал торговлю с Ганзой, занятия населения, повествовал о чеканке псковских монет, каменном строительстве и др. Работа

А.Н.Куропаткина основана на тщательном изучении разнообразных источников и трудов предшественников. Даже отдельные ссылки, приведенные в статье, говорят, что автор хорошо изучил работы В.О.Ключевского, Н.А.Рожкова, Н.Ф.Окулич-Казарина, привлек земские документы, «Свод данных оценочно-статистического исследования Псковской губернии» и др.[6]

Наибольшее же количество работ по истории Пскова принадлежало в 1920-е гг. перу А.К.Янсона, ставшего автором десятков газетных заметок, обстоятельных статей в журналах и сборниках и двух книг. Им не был пропущен ни один из четырех сборников «Познай свой край»: в каждом из них появлялись его статьи, посвященные различным темам и историческим периодам. Для первого выпуска им был написан некролог, посвященный скончавшемуся в апреле 1923 г. в Эстонии Н.Ф.Окулич-Казарину, в котором А.К.Янсон охарактеризовал большой вклад краеведа в изучение истории Пскова,[7] во втором выпуске увидела свет его небольшая статья «Псков в XVII в.», посвященная, главным образом, характеристике внутренней и внешней торговли города,[8] в третьем — «Исторический обзор изучения Псковского края», в котором автор дал оценку работ предшественников, и здесь же опубликовал статью «Страничка Псковской образованности» (о монастырских библиотеках и первых духовных школах),[9] в четвертом — «Псков в первой половине XVIII в.», свидетельствующую об упадке экономики города после Северной войны, главным образом торговли. Здесь же А.К.Янсоном были опубликованы «Новооткрытые копии харатейных грамот в свитках XVII в.»[10]. Даже перечисление работ свидетельствует, что А.К.Янсон откликнулся на призыв Н.А.Рожкова, повествуя о наименее изученных страницах и периодах истории Пскова.

В 1927 г. в Губоно родилась идея подготовки краеведческого справочника по Псковской губернии. Была определена его структура, а написание разделов поручено специалистам соответствующих отраслей. А.К.Янсон на заседании не присутствовал, но ему было поручено написание раздела «Историческое прошлое Псковской губернии», в котором предстояло осветить вопросы о заселении края, зарождении Пскова, структуре власти, материальной и духовной культуре, занятиях жителей, внутренней и внешней торговле и др.[11] В результате проведенной вскоре административно-территориальной реформы сборник «Псковский край» пришлось выпускать Окроно, и в нем среди прочих была обширная статья А.К.Янсона «Прошлое Псковского края» с освещением вопросов, определенных изначально[12]. Вскоре после выхода сборника краевед К.А.Иеропольский писал о статье А.К.Янсона: «написанная опытным методистом-краеведом, читается с захватывающим интересом»[13].

В том же году статья А.К.Янсона «Древний Псков» появилась в ленинградском журнале «Красная панорама»,[14] а в Пскове вышла книжка «Псков в его прошлом», представлявшая собой «пособие по общеобразовательным экскурсиям по г. Пскову». Это была одна из первых за прошедшее после революции десятилетие работа общего характера о Пскове. В ней рассматривались вопросы о зарождении и развитии города, его внутренней жизни, церквах и монастырях, памятниках эпохи «торгового капитализма» и др. Через два года совместно с ленинградским ученым А.И.Васильевым А.К.Янсон написал новую работу «Древний Псков. Исторический очерк и путеводитель», вышедшую в 1929 г. в Ленинграде и содержавшую ряд новых сведений по сравнению с предыдущей работой (например, об искусстве Пскова).

Во всех своих работах А.К.Янсон называл крайне мало имен исторических личностей, связанных с Псковом, почти не упоминал о героических страницах, например, о военной истории Пскова, осадах города и его обороне от иноземных захватчиков. Не прослеживается эта тема и в его многочисленных докладах в

обществе краеведения, а также газетных заметках, полный анализ которых здесь не приводится за недостаточностью места. Но вот в докладе «Святители Псковские» он в духе тогдашних установок дал оценки таким известным деятелям в истории Пскова, как князья Всеволод и Довмонт. Они предстают как «начальники удалых скопищ, совершавших бандитские набеги на литовскую границу», а Довмонт к тому же как «авантюрист, ничем не брезгающий»[15]. Аналогичные оценки этих и других псковских князей присутствуют и в других работах А.К.Янсона, а например, о княгине Ольге он вообще не обмолвился ни словом. Но в 1929 г. газета «Псковский набат» поместила большую статью члена Союза воинствующих безбожников и общества краеведения И.Сигова «Кому молятся в Выбутах», в которой автор охарактеризовал княгиню как кровожадную «святую убийцу», жестоко расправившуюся с древлянами, лицемерку и обманщицу, а ежегодные торжества в честь ее в Выбутах непременно сопровождались пьянками и драками (статья была опубликована под рубрикой «Религия — цепи для трудящихся»)[16].

В русле выполнения программы, предложенной Н.А.Рожковым, работали краеведы К.А.Иеропольский, написавший биографическую справку о псковском декабристе М.А.Назимове,[17] а также статьи о социал-демократической газете «Пчела» и Псковском централе,[18] В.А.Федоров, выпустивший брошюру «Поганкины палаты в Пскове на фоне классовой борьбы в XVII веке» (Л., 1924, 47 с.), А.И.Некрасов, написавший работу об искусстве древнего Пскова,[19] ленинградский ученый А.И.Васильев, продолживший дело Н.Ф.Окулич-Казарина по составлению археологической карты Псковской губернии,[20] хотя их работы представляли лишь элементы для подготовки крупных обобщающих трудов. По-прежнему главное место занимала история древнего Пскова, и в то же время большинство проблем XVIII–XIX вв. освещения не получили. В статье А.К.Янсона, например, опубликованной в сборнике «Псковский край», раздел «Псков в XVIII и XIX вв.» занял менее страницы[21]. Новым же было появление статей краеведов по истории революционного движения XIX — начала XX в., автором которых выступал не только К.А.Иеропольский, ими занимались сотрудники Истпарта.

Среди тем по истории революционного движения прежде всего начала разрабатываться тема пребывания В.И.Ленина в Пскове в 1900 г. В 1924 г. журнал «Известия Псковского губкома РКП(б)» опубликовал множество материалов, среди которых видное место заняла статья члена Истпарткомиссии В.Лебедева «В.И.Ленин в Пскове», где автор обрисовал основные моменты «псковского периода» жизни Ленина, указал места, в которых он бывал, имена людей, с которыми общался. В качестве «Приложения» к статье были опубликованы материалы, поступившие от бывших псковских искровцев: письмо П.Н.Лепешинского, воспоминания О.Н.Бутковской, а также выписки из письма гр. Лурьи, владельца квартиры, в которой в 1900 г. проживал Ленин, о «Ленинской комнате»[22]. Все эти материалы были помещены и в первом выпуске сборника «Познай свой край»,[23] а затем в журнале увидели свет воспоминания искровца Н.Л.Сергиевского[24].

С 1924 г. все больше стало уделяться сбору и публикации материалов о событиях революции 1905–1907 гг., 20-летие которой исполнялось в следующем, 1925 г. Планом Псковского Истпартотдела, утвержденным губкомом 29 января 1925 г., предусматривалось «собрать, разработать и издать в виде сборника материалы, характеризующие революционное движение 1905 г. в Псковской губернии», что предполагалось осуществить не позднее августа 1925 г.[25] Но в последующем «ввиду недостаточности материала» Истпартотдел от издания сборника решил

отказаться, а имеющиеся материалы использовать для напечатания в «Известиях губкома», в номере, специально посвященном юбилею революции.

Юбилейный номер содержал ряд материалов общего характера, а непосредственно к событиям в Пскове относились статья Я.Крумина «1905 год в Псковской губернии», две статьи А.Н.Галацера-Черницкого, посвященные демонстрациям в Пскове в феврале и октябре 1905 г., а также хроника революционных событий 1905 г.[26]

5 февраля 1926 г. редколлегия Истпартотдела рассмотрела вопрос «О предполагаемых исторических работах к 10-летию Октября» и решила подготовить ряд очерков по основным периодам: Февральская революция, Октябрь и первые шаги Советской власти, немецкая оккупация, период белогвардейщины и др., издав их в виде брошюр-сборников объемом в 4–8 печ. листов[27]. Но двигалась эта работа крайне медленно, поэтому в том же 1926 г. первоначальные планы изменились: решено было не просто напечатать серию очерков, а составить из них специальный сборник. Но ликвидация по решению ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. Истпартотдела Псковского губкома партии не позволила завершить задуманное, и выпущенный в 1927 г. сборник «10 лет власти Советов в Псковской губернии» оказался совершенно другим: революционные события 1900–1919 гг. сжато излагались лишь в одной статье, написанной Я.Я.Крастынем, в остальном же очерки принадлежали перу руководящих работников и посвящались итогам 10-летнего хозяйственного и культурного строительства в губернии. Тем не менее сборник, в котором большое место занимали материалы непосредственно о Пскове, оказался заметным явлением, аналога которому не было в 1930-е гг.[28]

Выпуском сразу двух сборников историко-революционного содержания ознаменовался 1929 г. В Ленинграде вышел сборник «Великая оборона Красного Петрограда» (249 с.), представлявший собой «воспоминания рабочих, крестьян, красноармейцев» и подготовленный областным Истпартом. В нем имелся специальный раздел «Балаховщина» с четырьмя воспоминаниями, представленными Псковским Истпартом и повествующими о событиях 1919 г. в Пскове и в губернии[29]. А в Пскове вышла брошюра, задуманная еще в 1921 г., — «Десятилетие Псковского комсомола», подготовленная окружкомом ВЛКСМ и Истмолом. Здесь основное место занимали материалы по истории Псковской организации ВЛКСМ, — как воспоминания, так и статьи исследовательского характера. Среди последних выделялась публикация В.И.Леонова «На защите революции», повествующая о событиях 1918–1920 гг.: создании Псковской организации РКСМ, 1-м губернском съезде комсомола, борьбе с белогвардейцами и др.

Завершающей работой периода 1920 — начала 1930-х гг. стал выпущенный в 1932 г. путеводитель Н.И.Платонова и В.А.Богусевича «Современный и древний Псков», который, в отличие от всех предыдущих работ, вобрал в себя, хотя и в сжатом виде, очерки как о древней истории города, так и послереволюционной[30]. Выпущен он был Псковским райбюро краеведения, сменившим ранее существовавшее общество.

После «золотого века» краеведения 1920-х гг. в начале 1930-х гг. в краеведческом движении наступил значительный спад. Угасла деятельность общества краеведения, были ликвидированы Истпарт и Истмол, в результате в Пскове вообще не осталось организаций, координирующих работу по изучению края. Краеведение осталось уделом отдельных лиц, прежде всего сотрудников музеев. Не было теперь в Пскове и специальных периодических изданий, освещавших вопросы краеведения и публиковавших материалы на исторические темы. Единственной возможностью обнародовать результаты изысканий стали полосы газеты «Псковский колхозник», но для нее печатание такого рода материалов не было главной задачей,

поэтому количество их в начале 1930-х гг. резко сократилось. Исчезли со страниц печати имена краеведов, выступавших в 1920-е гг. основными авторами исторических материалов. Часть их покинула Псков, другие перешли на новую работу, с изучением края не связанную, третьи просто отошли от активной деятельности, а некоторые вообще оказались арестованными.

Перелом произошел в середине 1930-х гг. в связи с постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании истории. Он заключался не только в восстановлении преподавания гражданской истории в школах и исторических факультетов в вузах, но и в смене оценок событий прошлого, исторических личностей, развенчании «национального нигилизма», широкой пропаганде исторических знаний. Этими чертами и характеризовался второй период псковского краеведения, приходящийся на 1930-е гг.

Цементирующей идеей для всего общества становился патриотизм, а русская история, в том числе псковская, давала для этого немало примеров героического прошлого, которые не «поощрялись» в 1920-е гг. Так, например, в первые послереволюционные годы из-под пера псковских краеведов не вышло ни одной статьи о таких исторических личностях, связанных с Псковом, как Александр Невский, Иван IV, Петр I и др., а среди изучаемых тем преобладали социально-экономические и культурно-исторические.

Сделанные в Постановлениях СНК и ЦК ВКП(б) упреки так называемой «школе Покровского» касались и истории Псковской земли. «В течение двух столетий, — писала 28 марта 1937 г. газета «Правда», — русский народ в лице псковитян и новгородцев вел жестокую борьбу против немецкого «натиска на Восток». В результате этой героической борьбы натиск рыцарей-крестоносцев был сломлен: им не удалось захватить ни одной пяди Русской земли и, таким образом, русский народ избавился от опасности порабощения немецкими баронами-крепостниками, которые поработили пруссов, латышей и эстонцев. Ни М.Н.Покровский, ни один из его «учеников» не сказали нигде об этой борьбе ни одного слова»[31].

В связи с этим в печати и в постановлениях местных партийных органов развернулась критика путеводителя Н.И.Платонова и В.А.Богусевича «Современный и древний Псков», авторы которого допустили ряд «антинаучных и политически вредных трактовок», а посему «не заслуживают политического доверия»[32]. При этом критики цитировали отдельные места из книги, например:

«Вооруженная борьба псковского торгового капитала с иностранным западноевропейским... была самым решительным образом поддержана псковскими церковниками, заявлявшими, что ведется она «с помощью божьей и Св.Троицы». Командовавшие псковским войском князья объявлялись святыми. Как святого почитали князя Всеволода Гавриила, жившего в XII веке, известного грабительскими походами против финских племен... «Святым» также считался другой псковский военачальник князь Довмонт, живший в XIII столетии, известный зверскими убийствами своих родственников в Литве и относительно удачными войнами с немецкими рыцарями, которые обычно в течение ряда столетий (XIII–XV) теснили псковичей»[33].

Неверность утверждения о том, что «рыцари обычно теснили псковичей», доказывалась хотя бы тем фактом, что полностью замалчивалась победа в Ледовом побоище 1242 г., когда по определению К.Маркса («Хронологические выписки»), «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы», а стремление России к Балтийскому побережью, являвшееся, опять же по словам К.Маркса, абсолютно необходимым (Маркс К. «Секретная дипломатия

XVIII в.») для развития страны, Н.И.Платонов и В.А.Богусевич рассматривали как «хищническую политику торгового капитала»[34].

Все эти указания руководства страны и критическое переосмысление исторического прошлого не могли не сказаться на изменении тематики краеведческих работ, среди которой все более важное место стали занимать рассказы о героических событиях истории Пскова и известных исторических личностях. В условиях пограничного положения города примеры прошлого становились еще более актуальными.

Среди авторов статей в 1930-е гг. ведущее положение стал занимать И.Н.Ларионов: ни одно имя на страницах газеты «Псковский колхозник» не встречалось чаще его. Количественно среди его заметок на первом месте стояли рассказы о богатствах музея и архитектурных памятниках, а от них И.Н.Ларионов нередко переходил к повествованию о событиях, с ними связанных, написав множество статей о героических страницах истории Пскова. В результате появились статьи и заметки о борьбе псковичей с немцами в XIII–XVI вв., обороне Пскова от войск Стефана Батория в 1581 г. и Густава Адольфа в 1615 г., пребывании в Пскове Петра I, восстании 1650 г. и др. Со статьями по истории города выступали и другие сотрудники музея: Н.Петров, например, также писал о псковской обороне, а кроме того, написал статью о декабристе М.А.Назимове, Т.В.Стрижева рассказывала о памятниках крепостного зодчества и гражданской архитектуры. В конце 1930-х гг. в связи с нарастанием угрозы фашистской агрессии очень актуальной стала тема борьбы с немецкой агрессией, а наиболее популярной исторической личностью — Александр Невский. О нем, как и о Ледовом побоище, писали не только местные авторы (И.Н.Ларионов и Т.В.Стрижева), на страницах газеты «Псковский колхозник» в 1937–1939 гг. были опубликованы большие статьи московских ученых К.В.Базилевича и П.И.Павленко и ленинградца А.И.Васильева. Последний помимо этого опубликовал большую статью «Псковский князь Довмонт-Тимофей», в которой в отличие от предыдущих оценок как авантюриста князь представал выдающимся государственным деятелем, а несколько позже — небольшую заметку «Когда и кем основан Псков».

В целом же изучение дореволюционной истории Пскова во второй половине 1930-х гг. значительно активизировалось, заполнив образовавшиеся в предыдущий период многие «белые пятна».

Значительно слабее, чем в 1920-е гг., исследовалась история города в XX в., и прежде всего революционные события. По традиции в печати ежегодно появлялись статьи, посвященные пребыванию в Пскове В.И.Ленина, авторами их выступали М.Серов, Я.Бармина, В.Зыбковец, Н.Самойлов, М.Корчагина и др. Самым же заметным событием стало издание в 1939 г. сборника документов и материалов «Ленин в Пскове. 1900 г.», подготовленного не псковичами, а сотрудниками Ленинградского филиала музея В.И.Ленина И.В.Никитиным и А.Л.Радушиным.

Что касается других событий начала XX в., то количество газетных заметок по сравнению с 1920-ми гг. также значительно уменьшилось, а опубликованные посвящались событиям 1917 г., германской интервенции 1918 г. и Гражданской войны 1919 г. и во многом были повторением ранее написанного. Наибольшим вниманием здесь пользовались события 1918 г., между которыми и Ледовым побоищем нередко проводились исторические параллели.

Несмотря на то что в 1930-е гг. появилось большое количество разнообразных заметок, они отражали специфику газеты как однодневного периодического издания, поэтому «жизнь» их была недолгой. Вот почему авторы повторялись и вынуждены были неоднократно обращаться к одним и тем же сюжетам, публикуя

заметки под одинаковыми названиями и приводя одни и те же факты, напоминая читателю о героических страницах их родного города. Обобщающих трудов после выхода путеводителя Н.И.Платонова и В.А.Богусевича по истории Пскова не выходило. В 1934 г., правда, появилось сообщение о том, что «по инициативе М.Горького издательство «Академия» приступит к выпуску серии книг по истории городов СССР», где в числе первых планировалось издать книгу о Пскове[35]. Но эта очередная инициатива писателя продолжения для Пскова не имела.

В 1937 г. инициативу к изданию серии брошюр («Библиотечки псковича») проявил Псковский музей, предложивший окружкому ВКП(б) свой издательский план, в котором значились работы как по древней истории города, так и о революционных событиях: «Булак-Балахович», «Немецкая интервенция», «Каменный век на Псковщине», «Архитектурные памятники Пскова», «Гремячая башня», «Псковские синодики», «Мирожский монастырь», «Петр I в Пскове», «1905 год», «Пушкин в Пскове и Псковской губернии», «Эпидемии в древнем Пскове», «В.И.Ленин в Пскове» и др. Изучив предложения и возможности музея, окружком утвердил план выпуска «Записок Псковского государственного музея», хотя на первых порах и сокращенный[36]. Но «библиотечка псковича» так и не состоялась.

Лишь в конце 1939 г. местными авторами был подготовлен сборник «На берегах Псковы и Великой», ставший завершающим трудом периода 1930-х гг. Написан он был главным образом сотрудниками Псковского музея: о Пскове в годы революции, гражданской войны и социалистическом строительстве рассказал в нескольких статьях директор музея А.А.Пурышев, о древней истории города — И.Н.Ларионов, в основу повествования которого были положены материалы статей, опубликованных в газетах. Статья «Ленин в Пскове» была написана для сборника И.А.Борисановым.

Исследователи 1920–1930-х гг., продолжая дело предшественников, расширили, таким образом, проблематику работ, внесли в изучение истории Пскова ряд новых сюжетов, проблем и вопросов, но многое из возможного осталось нереализованным и упущенным. Их деятельность была в значительной мере подготовительным этапом к созданию фундаментальных работ по истории города.

---

[1] Краеведение. 1926. №4. С.554.
[2] Псковский набат. 1923. 10 июня; Листок молодежи. 1923. 7 июня.
[3] Псковский набат. 1924. 12 января.
[4] Псковский набат. 1924. 9 января, 23 мая.
[5] Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения. Вып.1. Псков. 1924. С. 5–8.
[6] Новая жизнь. 1922. №6.
[7] Познай свой край. Вып.1. С. 60–64.
[8] Познай свой край. Вып.2. Псков. 1925. С.71–72.
[9] Познай свой край. Вып.3. Псков. 1927. С. 65–72.
[10] Познай свой край. Вып.4. Псков. 1929. С. 54–61, 136.
[11] ГАПО. Ф.590. Оп.1. Д.1933. Л.150, 153.
[12] Псковский край. Краеведный сборник. Псков, 1927. С. 231–260.
[13] Краеведение. 1928. Т.5. №4. С.254.
[14] Красная панорама. 1927. №15. С. 5–6.
[15] Псковский набат. 1927. 18 января.
[16] Псковский набат. 1929. 23 июля.
[17] Иеропольский К. Декабрист М.А.Назимов // Познай свой край. Вып.1. С. 41–44.
[18] Иеропольский К. Конец «Пчелы»; В застенках пана Черлениовского // Познай свой край. Вып.4. С. 73–77.
[19] Некрасов А.И. Древний Псков и его художественная жизнь. М. 1923. 74 с.
[20] Познай свой край. Вып. 3. С. 73–76.

[21] Псковский край: Краеведный сборник. С.260.
[22] Известия Псковского губкома РКП(б). 1924. №4 (53). С.81, 84-87.
[23] Познай свой край. Вып. 1. С. 11–19.
[24] Известия Псковского губкома РКП(б). 1924. №7 (35). С.21.
[25] ГАНИПО. Ф.1., Оп.1. Д.378. Л.18.
[26] Известия Псковского губкома РКП(б). 1925. №10 (50).
[27] ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.247. Л.72; Д.424. Л.35; Псковский набат. 1926. 4 июня.
[28] ГАНИПО. Ф.3. Оп.1. Д.285. Л.26; ГАПО. Ф.324. Оп.1-а. Д.2. Л.5; Псковский набат. 1927. 31 июля, 25 сентября, 18 октября.
[29] Псковский набат. 1929. 25 декабря.
[30] Псковский колхозник. 1932. 28 мая.
[31] Псковский колхозник. 1937. 24 мая.
[32] ОРАФ УФСБ РФ по ПО. Д.АА-1482. Т.1. Л.16–18.
[33] Платонов Н.И., Богусевич В.А. Современный и древний Псков: Путеводитель. Псков. 1932. С.29–30.
[34] Там же. С.32.
[35] Псковский колхозник. 1934. 27 июля.
[36] ГАНИПО. Ф.3., Оп.2. Д.1101. Л.113, 114; Д.59. Л.211-212; Псковский колхозник. 1936. 8 августа.

Т.В. Кононенко

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ г. ПСКОВА

Основная цель системы национального исторического туризма — сохранение национальной, культурной традиции и ее адаптация к современным социально-экономическим условиям, что является одним из условий обеспечения защиты национальных интересов России на геополитическом уровне.

Способность России к проведению собственной политики прямо зависит от ее способности восстановить собственную историческую и духовную личность. Без воссоздания целостности своего разорванного исторического времени невозможно возрождение общества в целом. Только расчистка и выявление национальных корней экономики, культуры и народного быта, то есть национального фундамента, захламленного социальными новациями XX в., поможет строительству государственного здания России.

Возникший в постперестроечной России идеологический вакуум был заполнен пришлыми моделями жизни, находящимися в разрыве с особенностями русской культуры, истории, менталитета. Моделями зачастую агрессивными, стремящимися к вытеснению всего самобытного и национального. Вот почему такое огромное место в технологиях «холодной» войны заняла фарсовая десакрализация русской истории, ритуальное ее осмеяние.

Наша историческая действительность в своем сегодняшнем продолжении позволяет наполнить содержанием «русскую национальную идею». Осознание этой идеи подталкивает к выработке конкретных шагов, аккумулирующих лучшее из нашей истории и связывающих это с задачами сегодняшнего дня, созданию постоянно действующего механизма, в котором бы сочетались глубинные архетипы российской действительности и элементы современных технологий.

Одним из способов достижения поставленной цели является организация принципиально новой для Российской Федерации системы отдыха и рекреации.

Развитие туристско-рекреационной отрасли должно стать одним из приоритетных направлений стратегического развития страны. Посредством регулирования и прямого участия в этой сфере экономики государство способно оказывать мощнейшее эмоциональное воздействие на личность. Путешествуя, человек помимо полу-

чения положительных эмоций от психофизических ощущений и рекреационного эффекта способен в отдельных случаях перейти от механического познания к изменению мировоззрения. Необходимо учитывать этот важнейший аспект формирования национального самосознания и патриотизма.

Кроме того, в туристско-рекреационной сфере четко прослеживается и экономически привлекательная составляющая. По оценкам Всемирной туристической организации (ВТО), к 2020 г. Россия может занять девятое место среди самых популярных туристских направлений. Прогнозируемое число прибытий в страну — 47,1 млн. человек[1].

Специалисты ВТО считают, что Россия получает от туризма более 7 млрд. долл. в год. Эта цифра сопоставима с доходом от сырьевых отраслей, ВПК, металлургии.

В Российской Федерации из всех видов туристско-рекреационных ресурсов доминирующим является историко-культурное наследие. Целесообразно ввести принципиально новое понятие «исторический туризм», которое в наибольшей степени отражает мировую тенденцию дифференцирования туризма. Дифференцированный туризм отличают разнообразные парадигмы потребностей и мотиваций туристов, множественность узкоспециализированных сегментов в спросе, разнообразие предлагаемых услуг и ярко выраженная специализация туристского предложения. Отличие исторического туризма от всех других известных видов отдыха заключаются в том, что в данном случае постижение природно-историко-культурного комплекса того или иного региона происходит в процессе максимальное возможного погружения в среду.

Одним из способов достижения данной цели является размещение туриста в гостинице, находящейся непосредственно в историческом объекте (кремль, палаты, монастырь, крепость и т.д.), или же в специально спроектированном в соответствии с культурными особенностями данного региона здании, которое тщательно вписано в окружающий ландшафт. Обязательным условием и в том, и в другом случае является соблюдение принципа средового подхода, т.е. гармония с окружающими памятниками истории, архитектуры, археологии и культуры, а также сохранение экологического баланса. Применение в строительстве местных материалов и традиционных технологий способно значительно снизить капитальные затраты на строительство.

Рабочее название подобных гостиниц, построенных в исторических городах России, объединенных в единую цепь и связанных между собой общей идеологией, — «ПОСАДЫ РУСИ». Посад — в Русских княжествах X–XVI вв. торгово-промышленные поселения вне городских стен ставшее позднее частью города. Издревле здесь селились люди ремесленные, торговые, чьими трудами и создавались города Великой Руси.

«Посады Руси» могут стать первой национальной гостиничной цепью, предлагающей качественно новый сервис на туристском рынке: страна позиционируется не по унифицированно-матрешечной схеме, но как совокупность множеств региональных субкультур.

Гостиницы-посады не ориентированы на массовый рынок. Тем не менее они могут стать широко известны как в нашей стране, так и за рубежом как эталон качественного отдыха в России.

Посады призваны быть тем местом, где человеку возвращается ощущение ненарушенной преемственности национальных традиций быта, которое в странах с неразорваниой культурной традицией возобновлялось естественным образом. Рус-

ский путешественник возвращается к своим историческим корням, приходит в свой дом, каким он был когда-то, иностранец же «открывает» неизвестную ранее Россию.

Традиционная для западного мира смысловая пара «фирма — клиент» в каком-то смысле одна из «священных коров» рыночной идеологии, залог стабильности деловых отношений в России, особенно в секторе услуг, срабатывает далеко не всегда. Представляется гораздо более дальновидным делать ставку на такой глубинный архетип, укоренившийся в сознании русского человека, как параллель «хозяин — гость» — использование сложившегося стремления к гостеприимству, что, в свою очередь, восходит к православной традиции. На Руси всегда было желание не «ударить лицом в грязь», удивить, поразить гостя. Принцип создания первоначального комфорта для хозяина важен еще и потому, что лишь человек, обладающий внутренним миром и гармонией, способен принять и создать необходимые условия для своего гостя.

Именно поэтому объекты туристического хозяйства «Посады Руси» могут и должны занимать определенное место в городской инфраструктуре, нести частично городские функции, и только в таком качестве, наполненные реальной жизнью и творческим подходом, они будут по-настоящему интересны гостям.

Таким образом, можно сформулировать следующие основные особенности гостиниц, входящих в цепь «Посады Руси»:

1. Они размещаются в исторических зданиях и/или местах с богатой историей, либо в уникальных природных комплексах.
2. Архитектура, интерьеры, гастрономия и напитки являются типичными именно для данного региона.
3. Гостеприимство.
4. Средний или малый размер.
5. Персональный сервис.
6. Мощности гостиницы рассчитаны на кратковременное пребывание в ней.

Идеология функционирования гостиниц-посадов диаметрально противоположна сложившейся системе так называемых «международных отелей»: обезличенный подход к клиентам, стандартизированный дизайн, циклопические масштабы гостиницы и пр.

При формировании цепи целесообразно учесть опыт Португалии, где уже 60 лет успешно функционирует компания Enatur-Pousadas de Portugal, объединяющая в данный момент 44 гостиницы. Это имя стало синонимом уникальной формы качественного размещения, отличающегося теплым приемом и персональным обслуживанием каждого гостя.

Существует два типа гостиниц:

– исторические поузадаш (pousadas), которые размещаются в национальных памятниках, монастырях, замках или крепостях;

– региональные поузадаш расположены в исторической среде или в красивых уголках природы.

Во всех поузадаш есть свой ресторан, специализирующийся на региональной и местной кухне и винах, также предлагается международное меню.

Сеть португальских поузадаш — Pousadas de Portugal — государственная, и таковой она является со времен диктатора Салазара, который выкупил старые замки и поместья у их хозяев для того, чтобы создать в них гостиницы. Первый отель этого типа появился 19 апреля 1942 г., в местечке Элвас. Все замки разные (можно попасть и в суровую средневековую крепость, можно и в изящный дворец XVIII в., можно в пышно оформленное поместье конца XIX в.), поэтому большинство туристов предпочитают воспользоваться всем этим разнообразием. Пожалуй,

единственное, что объединяет все замки-гостиницы, — это отсутствие какой-либо подделки в обстановке и оформлении (если замок XVIII в., то и мебель, и гобелены, и посуда будут соответствующие), а также наличие удачно вписанных в интерьер или спрятанных с помощью интерьера благ цивилизации (в том же замке XVIII в. обязательно будут кондиционер и ванная комната).

Таким образом, программа национального исторического туризма «Посады Руси» могла бы стать весьма существенной составляющей государственной системы отдыха и рекреации, а также сыграть роль информационного локомотива для других видов туризма (санаторно-курортный, самодеятельный, паломничество).

В России насчитывается 383 города, имеющих исторический статус. Наиболее острая проблема этих городов состоит в сохранности исторических зон. На сегодняшний день, даже при общем понимании необходимости сохранения историко-культурного наследия, практическое осуществление этих задач в границах исторической застройки древнерусских городов страдает синдромом музеефикации. Исторические объекты практически выпадают из функционального контекста города, не выполняют присущей им смысловой нагрузки. Вырванные из повседневной жизни горожан здания становятся «ничьими» и порождают соответствующее равнодушное отношение к себе.

По мнению Научно-проектного института реконструкции исторических городов (ИНРЕКОН), если не принять срочные меры, в ближайшие 10–15 лет погибнет большая часть сохранившейся ценнейшей исторической среды, безвозвратно исчезнет традиционный облик большинства российских городов.

Ошибочно думать, что такая негативная тенденция возникла только в годы советской власти, тут будет уместно привести расширенную цитату из письма А.К. Толстова императору Александру II, датируемого 1860 г. Толстой как романтически настроенный исторический писатель и к тому же большой поклонник средневековой культуры и вечевого периода Новгорода и Пскова не смог не воззвать к самодержцу:

«Ваше величество,

Вследствие нового жесткого приступа моей болезни я несколько дней не был в состоянии двигаться и, так как еще и сейчас не могу выходить, то лишен возможности лично довести до сведения Вашего величества следующий факт: профессор Костомаров, вернувшись из поездки с научными целями в Новгород и Псков, навестил меня и рассказал, что в Новгороде затевается неразумная и противоречащая данным археологии реставрация древней каменной стены, которую она испортит. Кроме того, когда великий князь Михаил высказал намерение построить в Новгороде церковь в честь своего святого, там, вместо того чтобы просто исполнить это его желание, уже снесли древнюю церковь св. Михаила, относившуюся к XIV веку. Церковь св. Лазаря, относившуюся к тому же времени и нуждавшуюся только в обычном ремонте, точно так же снесли. Во Пскове в настоящее время разрушают древнюю стену, чтобы заменить ее новой в псевдостаринном вкусе. В Изборске древнюю стену всячески стараются изуродовать ненужными пристройками...

Обращая внимание на этот беспримерный вандализм, принявший уже характер хронического неистовства, заставляющего вспомнить о византийских иконоборцах, я, как мне кажется, действую в видах Вашего величества, которое, узнав обо всем, наверно, сжалится над нашими памятниками старины и строгим указом предотвратит опасность их систематического и окончательного разрушения...»[2]

Сохранение того немного, что осталось из уникального архитектурного средового наследия наших предков, в XXI в. возможно лишь при изменении концептуальных подходов к решению этой проблемы. Предлагаемая программа помимо выполнения глобальных социально-политических и экономических функций дает и реальный шанс историческим городам восстановить свое былое величие, вновь пережить свой «золотой век».

В современном понимании охранная зона — это лишь форма изоляции памятника. Программа «Посады Руси» предлагает подходы к решению проблем реконструкции, дающие исторической среде новую жизнь при сохранении ее ценностных качеств. «Точкой опоры» при оживлении заповедной зоны становятся гостиницы-посады, здесь в наибольшей мере может быть воссоздана модель микрокосмоса человеческого бытия.

Останавливаясь в гостиницах системы «Посады Руси», путешественник имеет возможность соприкоснуться с культурной традицией через обряды и обычаи. Однако отрепетированное развлечение в режиме услуги никогда не будет нести в себе заряд искренности, радости и осмысленности. Лишь находясь внутри самовоспроизводимой системы обрядов и обычаев, хозяин способен пробудить в госте чувство сопричастности с великой народной культурой.

Обычаи и обряды наиболее сильно выражаются в праздниках. Праздник, в котором через умирание и воскресение, через уподобление природным циклам возникает ощущение величия и осмысленности бытия, дает людям возможность обновления восприятия мира. Праздники, основанные на традиционном народном календаре, в которых находят свое место и стар и млад, и состоятельный и небогатый человек, праздники общенародные позволяют сформировать ощущение близости со своим народом и общей судьбой.

Но сегодня истинного праздника не получается. По большому счету народ разучился искренне веселится и достойно горевать. Советская культура полностью отвергла старые традиции и обряды, заменив их своими «культурно-массовыми мероприятиями». Дальнейший отказ от всего советского привел к тому, что в этой области человеческого общения, в области культуры развлечений возникла «черная дыра». При этом существует реальная опасность полного заполнения данной пустоты элементами западной культуры, что окончательно приведет русский народ к утрате своей исторической самобытности. Нация, теряющая свою самобытность, добровольно выхолащивающая свою индивидуальность и подыгрывающая примитивному восприятию себя другими народами, становится в результате неинтересна этим же народам.

Праздник, когда он является органичной частью народной культуры, способен служить одним из идеологических базисов государства. Традиционная народная культура поддерживает власть, не приемлет пораженчество и бунтарство и является при этом орудием стабильности и порядка. Именно поэтому механизм воздействия культуры на массы должен быть «заведен» на государственном уровне.

Ненасыщенная повседневной красотой бытовая сторона жизни не может выкристаллизовать праздник даже в своем апогее. Быт, по сути, является способом самовыражения человека. Идеальный быт — культ творческой свободы, опирающийся на вехи, оставленные предыдущими поколениями. Если отнять у современного человека медленно и трудно нажитый скарб обрядов, обычаев, всяких условностей, он растеряется, утратит свое житейское уменье, не будет знать, как обойтись с ближним, и будет принужден все начинать сызнова.

Сегодня практически все обряды и обычаи, поощряющие лучшие стороны человеческой жизни, утеряны. Огромный пласт внецерковной, но по духу православ-

ной культуры забыт. Всякий не монашествующий, выходя из храма, попадает в жизнь, максимально далекую от того образа жизни, который сопутствовал когда-то русскому человеку — на уровне семьи и ближайшего круга общения человек оказался в потрясающем обрядовом вакууме.

В гостиницах-посадах имеется возможность моделировать традиционный русскому человеку образ жизни, спроецировав его на современную действительность.

Неотъемлемой частью материальной культуры любого народа является еда и все, что с ней связано. В том, что и как мы едим, ярко проявляются характерные черты бытового уклада жизни многих поколений наших предков. Русская национальная кухня прошла чрезвычайно длительный путь развития, отмеченный несколькими крупными этапами, каждый из которых оставил неизгладимый след. Не случайно русская кулинария давно пользуется известностью во всем мире. Тем не менее парадоксально, что внутри самой России чаще всего встречается выхолощенный, «советский» вариант русской кухни.

Реставрация старинных рецептов — одна из задач системы национального исторического туризма. Причем отличие от имеющегося уже в этой области опыта заключается в следующих акцентах: отказ от фальсификации оригинальных русских кушаний, привлечение авторских кулинарных школ, региональный аспект гастрономии, неожиданная подача, отечественные поставщики, качество, гарантируемое торговой маркой «Посады Руси».

Выдающийся русский публицист и мыслитель Михаил Осипович Меньшиков, занимающий позиции экономической автаркии России, справедливо замечал в начале XX в.:

«Сближение с Европой разорило Россию, разучило ее обслуживать свои нужды, лишило, как кулак деревню, экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но страшно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни — грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи, — сделались народу уже почти едва доступными. Они обираются начисто скупщиками и увозятся в «центры», «заграницу». Мне кажется, лучше бы опять вернуться, хоть в некоторой степени, к старому порядку, то есть чтобы яблоки были снова дешевле апельсинов»[3].

Экономическое значение функционирования ресторанов и других форм общественного питания при гостиницах трудно переоценить. В США на их долю приходится 45% всех доходов гостиничного бизнеса.

Душа народа находит свое отражение не только в архитектуре, фольклоре, еде и напитках, но и в декоративно-прикладном творчестве. Кустарными промыслами в старой России было занято свыше 10 миллионов человек. Мир восхищался нижегородской лаковой мебелью, новоторжским золотым шитьем по коже и бархату, вологодскими изделиями из рога и бересты. В советское время чиновниками было определено несколько «приоритетных» направлений (гжель, хохлома), которые были поставлены на конвейер и окончательно тем загублены. Последний сокрушительный удар ремеслу был нанесен тем, что в общественном сознании твердо укрепилось представление о предметах народного творчества лишь как об украшении, декорации жилища. Вырванные из бытового контекста, вещи перестали нести присущую им смысловую нагрузку и в результате резко сократился спрос на эти изделия.

Реализация Программы позволит востребовать потенциал настоящих мастеров своего ремесла из российской глубинки, донести до гостей посадов лучшие образцы этого народного декоративно-прикладного творчества. Репродуцирование эле-

ментов этнографической коллекции способно улучшить качество жизни настоящего и будущих поколений.

В современных экономических условиях при отсутствии сколько-нибудь ощутимой государственной поддержки единственным способом выживания музеев, а в особенности музеев-заповедников, является включение их в систему национального исторического туризма «Посады Руси».

В настоящее время в России насчитывается 75 музеев-заповедников и 31 музей-усадьба. Эти уникальные историко-культурные территории формируют важную часть культурно-экологического каркаса России. Накопленный музейными работниками опыт, материалы, фонды и т.д. нуждаются в новых технологиях подачи и психофизического воздействия на посетителя с целью зарабатывания средств. В свою очередь, музеи способны наполнить идеологию «Посадов» культурной тканью, оживляющей исторические моменты, лица и события. Музей — это депозитарий, куда общество дает то, что вышло из употребления, лишь на время, с тем, чтобы когда-то, на новом витке спирали развития культуры, воспользоваться своими былыми достижениями. Возврат хранимого в культурную среду — это не поражение, а победа, факт развития культуры, свидетельствующий, что музей как социальный институт небесполезное изобретение.

Одним из связующих звеньев системы национального исторического туризма является качество, гарантируемое торговой маркой «Посады Руси», — качество сервиса, пищи, отдыха и развлечений.

Говоря прагматично, русская культура уже давно нуждалась в совершенно определенной и узнаваемой торговой марке, которая соединила бы в себе все позитивные начинания и заинтересованные силы. Наличие подобной марки позволит концентрировать внимание средств массовой информации и общества на вопросах современного развития национальной культуры.

Всякое деяние, направленное на раскрытие как россиянам, так и иноплеменным культурных и исторических достопримечательностей России, должно происходить при понимании того, что их вдохновляющей основой всегда была православная традиция.

Независимо от степени воцерквленности путешествующего человека, посредством деликатного погружения в среду, косвенного и ненавязчивого воздействия, проводится мысль о неразрывной связи истории России с православием. Через выстраивание связей с духовными центрами Русской православной церкви формируется духовно зрелая, социально-активная группа граждан.

Широко используемые в европейской музейной традиции восковые фигуры не отвечают российскому менталитету, которому чужда любая застывшая, искусственная реальность, натурализм, не несущий дополнительных нюансов восприятия, а лишь покорно имитирующий реальную жизнь. В каком-то смысле этому устремлению европейских стран соответствуют непривычные для православного восприятия скульптуры в католических храмах.

Программа «Посады Руси» решает проблему «оживления» исторических мест естественно и радикально, т.е. путем разумного сочетания исторических фольклорных групп и фрагментов современного быта.

Великая европейская литература оказала, по существу, неоценимую услугу развитию туризма в Европе второй половины XX в., и действительно, поселив своим творческим воображением литературных героев в ту или иную историческую эпоху и местность, завораживая наши впечатления их страстями, мыслями и делами, авторы неизбежно привлекают наше внимание к мирам далеким и чужим.

Разве звучали бы для нас такой чарующей музыкой названия французских городов, имена вельмож времен Людовика XIV, да и марки знаменитых вин изрядно потускнели бы в наших глазах, если бы не были написаны романы Дюма.

Обсуждая конкретные проблемы реализации программы «Посады Руси», можно долго говорить о трудностях человеческого фактора на местах, о таких, к сожалению, укоренившихся качествах людей, как безответственность, низкий уровень обслуживания, воровство, и т.д.

Но жизнью давно доказано, что в экстремальных условиях жизни, когда все привычное рушится и появляется хроническая неуверенность и чувство шаткости окружающего, а сейчас именно такие времена, необходимо не муссировать общее настроение, не потворствовать ему, а настойчиво и уверенно апеллировать к лучшим качествам человека, одновременно принимая жесткие меры к тому, чтобы проявлять худшие черты было просто невыгодно. Опираясь на лучшие черты, национальные и личностные, постепенно достраивать микрокосмос сознания.

Говоря даже об очень нужных и хороших делах в описательной терминологии «чернухи» и упадничества, мы неизбежно задаем обреченный на неудачу вектор с самого начала дела. При осуществлении крупных акций, связанных с преобразованием, пусть даже с безусловно положительным финансовым результатом, в регионах, необходимо четно продумать подачу материала, его соответствие представлениям и психологии людей.

В случае с «Посадами Руси» это соответственно два основных столпа: желание выделиться и создать что-то особое, как нигде нет, и традиционная черта гостеприимства, слегка искаженная позднейшими наслоениями низкопоклонства перед иностранцами.

Когда в наши дни говорят о возрождении России через глубинку, провинцию, часто как-то забывают, что для подавляющего большинства таких городов активность жизненной позиции и самосознание себя как реальной силы, способной к творческому созиданию и конструктивным изменениям, перестали быть обычными задолго до революции большевиков.

Корни этого явления, феномена «Сонного царства», нужно искать в периоде объединения русских земель вокруг Московского княжества. Необходимость укрепления централизованной власти, преодоления центробежных сил распада одновременно, к сожалению, привели к тому, что присоединенные земли постепенно утрачивали самобытность истории, культуры и, как следствие, приобретение комплекса провинциальности. Первоначальная идея Москвы как «первого среди равных» города превратилась в идею превосходства.

Там, где нет гордости за свою маленькую родину, ощущения, что какие-то памятники культуры, истории уникальны и больше нигде не встречаются, что-то производится здесь лучше, чем где-либо, неизбежно приходит пассивность жизненной позиции, утрата перспектив и ущербность.

Изначально заниженные требования к себе, к результатам своего труда формируют посредственность уже на стадии обдумывания любой идеи, и, следовательно, конкурентоспособность теряется уже в момент зарождения инициативы.

Старания сделать что-то как все, унифицированно, уничтожают всю суть взаимного обмена, туризма в регионах, тогда как правильно найденные решения — залог успеха.

В 1965 г. Константин Георгиевич Паустовский создает свой блестящий публицистический очерк «Письмо из Тарусы». С неподдельной болью пишет он о малых городах Средней России, руководителям которых пресловутая «индустриализация» ошибочно представляется единственным шансом возрождения экономи-

ческого роста. Пишет он и о том, что не видят, не замечают городские власти огромных богатств, лежащих порой буквально под ногами, требующих только огранки и бережного обращения.

Богатства эти заключаются в громадном потенциале историко-культурных объектов, природоохранных зон, способных составить базу для полноценного отдыха россиян, да и приезжих[4].

Одним из таких регионов, безусловно, является Псковская область. Данная оценка базируется на уникальном сочетании географических, природных и историко-культурных факторов и благоприятной экологической ситуации, делающих этот регион чрезвычайно привлекательным для туризма и паломничества. В этой связи хочется вспомнить слова Д.С. Лихачева о Пскове, не потерявшие свою злободневность и сегодня:

«Застройка Пскова равнялась его уничтожению. Красоту Пскова убили панельной застройкой. Основные центры предвозрождения — Псков и Новгород. Сейчас в правительстве решается вопрос о возрождении Пскова и Новгорода, приведение их в порядок. На это будут отпущены большие деньги. Но есть опасность, что получится, как с Суздалем: развитие туризма превратит древнерусские города в валютные. Значит, нужно сначала возродить города для жизни (причем не только как исторические центры, но целиком), а лишь потом строить отели для иностранцев. Намеревались пригласить реставраторов из Болгарии и Польши»[5].

В пояснительной записке к проекту планировки архитектурных заповедников в г. Пскове Юрий Павлович Спегальский, замечательный архитектор и ученый, напоминающий мощью своего таланта титанов Возрождения, отметил:

«Если наряду с существующими широкими, шумными, пыльными улицами с большим движением транспорта появится дополнительная сетка пешеходных улиц, тихих, не пыльных, хорошо озелененных, почти совершенно свободных от какого-либо транспорта, проходящих в очень удобных для пешеходов направлениях, появится ряд тихих, обильно озелененных уютных площадок — это представит существенное удобство для населения города.

Застройка архитектурных заповедников создаст в центре города ряд участков с повышенными гигиеническими условиями, благодаря тому, что эти участки при всех современных удобствах — канализации, водопровода, электрическом освещении и пр. — будут иметь малоэтажную застройку и очень развитое озеленение. Благоустройство этих участков, поскольку они расположены в центре города, где имеется водопроводная и канализационная сеть, а также поскольку они застраиваются малоэтажными домами, не требующими сложного саноборудования, является не только вполне возможным, но и экономически рентабельным, как это доказано последними работами по вопросу благоустройства малоэтажного строительства.

Интересы охраны и изучения памятников и интересы красоты города и сохранения его характера древнего русского города, требующие создания в городе архитектурных заповедников, не вступают в противоречие с утилитарными, санитарно-гигиеническими или экономическими интересами города в целом»[6].

События последних лет вернули городу исторически присущее ему значение — быть связующим звеном между Россией и Западом. Пограничное месторасположение Псковской области с государствами Балтии и, как следствие, близость к потенциальным туристам из европейских стран, несомненно, является дополнительным фактором, свидетельствующим об экономической привлекательности развития туристического бизнеса в данном регионе.

В 2002 г. состоялась экспедиция, целью которой являлось натурное исследование потенциально возможного места для строительства в Пскове принципиально новой гостиницы — Посада.

Для строительства в Пскове гостиничного комплекса на 80–100 мест 4 звездочного уровня комфортности был предложен участок между улицей Поземского и ул. Набат, в устье реки Псковы. Близость Крома, линейная структура набережной, уже существующие постройки, представляющие собой историко-средовую ценность и задающие масштаб, — все это устанавливает совершенно конкретные рамки объемно-пространственного и стилевого решения гостиничного комплекса.

Совершенно ясно, что здесь уместно строительство зданий не выше 1–3 этажей, сохраняющее уже существующий архетип улицы-набережной. Открытая структура улицы позволяет деликатно решить градостроительные вопросы столь важного для всего города места и между тем оставляет возможность его естественного развития. Жилые номера, ресторан и некоторые рекреации должны выходить окнами на набережную Псковы. Все обслуживание, основные спортивные помещения и т.п. могут быть расположены в глубине участка — условном «дворе». Современная инженерная и функциональная инфраструктура «ненасильственным путем» выносится во вновь создаваемые, внешне невидимые подземные и чердачные пространства.

Стилевым камертоном главных (уличных) фасадов могут служить жилые и общественные здания, описанные в альбоме Годовикова — уникальный документ прошлого века, созданные отставным военным инженером Иваном Годовиковым, который сделал обмеры и описал наиболее интересные здания города Пскова (данный документ представляет огромную историческую и художественную ценность и находится сейчас в древлехранилище Псковского музея). Очевидно, что формы «современной» архитектуры здесь не совсем уместны, в то время как сдержанные аллюзии исторических стилей не противоречат современным функциям гостиничного комплекса. Восстановленное на сохранившихся фундаментах здание — дом купца Светланова — органично войдет в общий архитектурный ансамбль. В символическом «потоке времени» дом Светланова будет представлять культуру и быт XIX в.

На втором этапе реализации проекта планируется восстановление исторического ансамбля нижних решеток и создание, таким образом, кольцевого туристического маршрута по древнему Пскову.

В соответствии с Федеральным законом об охране памятников от 25 июня 2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области, пожалуй, впервые, разработал полный комплект охранной документации, включающий: паспорт на памятник истории и культуры Дом Светланова, градостроительные исследования исторического квартала г. Пскова в границах улиц Л.Поземского, Набат и северо-западной части крепостных стен окольного города.

В целях обеспечения конкурсной состязательности прогрессивных градостроительных решений по регенерации участка исторического центра г. Пскова с учетом строительства гостинично-культурного комплекса «Званица» «Русский строительный холдинг» совместно с Администрацией г. Пскова и Псковской организацией Союза архитекторов России объявили открытый конкурс на лучший эскизный проект строительства.

После подачи конкурсных проектов нами будет организована выставка в Приказных палатах Псковского Кремля (ориентировочно — с 7 по 21 июня 2003 г.). В ходе ее проведения общественность сможет ознакомиться с представ-

ленными вариантами и зафиксировать свои впечатления в книге посетителей, впоследствии это будет обязательно учитываться авторитетным жюри во главе с вице-президентом Союза архитекторов России Ю.А. Сдобновым.

Итак, как говорится: «Amat victoria curam» — «Победа любит старания».

---

[1] Tourism: 2020 Vision — Executive Summary. Madrid, WTO, 1999.
[2] Толстой А.К. Собр. соч. Т. 4. М., 1980.
[3] Меньшиков М.О. Экономика русской цивилизации. М., 1995.
[4] Паустовский К.Г. Собр. Соч. Т. 6. М., 1958.
[5] Лихачев Д.С. Без доказательств. СПб., 1996.
[6] Аршакуни О.К. Народное зодчество Пскова. М., 1987.

В.В. Силеенков

ПСКОВЩИНА ПАРТИЗАНСКАЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941–1945)

В годы Великой Отечественной войны вышло немало книг, брошюр, статей о борьбе советского народа в тылу немецко-фашистских армий. Основное внимание в ней уделялось партизанскому движению. Авторы пытались раскрыть его истоки, характер, особенности, обобщить боевой и политический опыт партизанских отрядов и соединений, показать его эффективность. Необходимость конспирации, а также отсутствие достаточной источниковедческой базы обусловили то, что большинство работ этого периода носило в основном общий характер. Несмотря на это, в литературе военных лет можно найти немало интересных фактов и суждений о героической борьбе партизан и подпольщиков.

Первой из них является брошюра И.Гохберга и Ю.Аксенова «Советские партизаны Великой Отечественной войны» (М.,1941), в которой мы находим лишь упоминание о боевых действиях наших земляков. В сборнике «Героическая борьба советских партизан» (Вып. 1-й Казань, 1941) содержится подробная информация о действиях невельских партизан в ноябре 1941 г., которые за 3 недели совершили 8 налетов на фашистские войска и вывели из строя более 700 немцев и немало боевой техники. Сообщается и о боевых действиях ленинградских партизан[1] (с. 38).

Более подробная информация о боевых действиях содержится в работах, опубликованных в 1942 г. Среди них брошюра Б.Волина «Всенародная партизанская война» (ОГИЗ, 1942), в которой подведены итоги годичной борьбы ленинградских партизан: было уничтожено более 24 тыс. оккупантов, спущено под откос 140 поездов, взорвано 146 складов, 405 мостов. Упоминается о продовольственном обозе из 200 подвод от жителей освобожденных партизанами районов Псковщины для Ленинграда (с. 42).

Анализу партизанской борьбы в Ленинградской области посвящена также статья секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) М.Никитина «Народная армия в тылу врага» (Партийное строительство, 1942, июнь, №11). Эта армия, по его мнению, стала массовой и активной. Автор делает вывод, что «советский партизан — это не только воин, но и большевистский политический деятель, представитель советской власти на временно захваченной немцами территории» (с. 44).

Позднее, в ноябре 1942 г., в том же журнале были опубликованы два материала о ленинградских партизанах: о снайперах и о диверсионной деятельности. А в декабре того же года — статья секретаря Калининского обкома ВКП(б) И.Бойцова «Партизаны Калининской области», в которой подводятся итоги их борьбы до ноября 1942 г.: истреблено 25 764 оккупанта, пущено под откос 287 эшелонов, взорвано 259 мостов, уничтожено 1218 автомашин.

Тогда же вышла в свет брошюра[2] военного корреспондента В.Старикова, побывавшего в течение 20 дней у партизан Ленинградской области (из содержания видно, что он находится на территории Порховского и соседних с ним районов). Описав ущерб, нанесенный Порхову гитлеровской оккупацией, автор рассказывает о первой коммунистической конференции партизанского края, состоявшейся в июле 1942 г.

П.Павленко и Б.Изаков[3], рассказывая о партизанах Плюсского, Локнянского, Пустошкинского и Опочецкого районов, главное внимание уделяют их тактике. Основой ее, по их мнению, является дерзость, подвижность, внезапность, связь с частями Красной армии.

В 1943 г. выходит первая брошюра, целиком посвященная партизанскому движению в Ленинградской области[4]. Автор — начальник Ленинградского штаба партизанского движения. В ней на конкретном материале раскрывается многогранная героическая борьба псковичей и ленинградцев с захватчиками, наглядно концентрируется внимание читателя на том, что партизанское движение находится под руководством коммунистов. Во всех партизанских отрядах действуют большевистские организации, которые ведут политико-воспитательную работу среди партизан. В июле 1942 г. состоялась конференция коммунистов партизанского края, которая призвала партизан переходить «от обороны к активным партизанским формам борьбы». В брошюре подводятся итоги боевой деятельности партизан на 1 апреля 1943 г.: истреблено 44 876 оккупантов, их агентов, предателей, сброшено под откос 360 поездов, взорвано 478 мостов, уничтожено 167 танков, 169 различных складов. Отмечается о появлении новых форм борьбы, в том числе о движении «охотников за немецким зверьем»[5].

В середине 1943 г. был опубликован дневник начальника штаба отряда «Дружный», который входил в состав II Ленинградской партизанской бригады, И.А.Шматова[6]. Автор отмечает два важных условия успеха партизанской борьбы: постоянная связь партизанских отрядов с местным населением и авангардная роль коммунистов.

В брошюре Р.Сидельского «Борьба советских партизан против фашистских захватчиков» (ОГИЗ, 1944) партизанское движение в Ленинградской области названо «одним из наиболее активных и героических отрядов» советских партизан. Сообщается, что в ноябре 1943 г. они освободили несколько тысяч советских граждан, которых оккупанты намеревались угнать в Германию. А в период наступательной операции Советской армии под Ленинградом (январь 1944 г.) партизаны нанесли сильные удары по немецким коммуникациям, оказали помощь армейским частям при освобождении Луги, Дно и других городов (с. 27). Автор делает вывод, что партизанам «был характерен моральный дух, беспредельный героизм и отвага, готовность на любые жертвы во имя победы над врагом» (с. 31).

Из анализа литературы военных лет вытекают несколько выводов:

– деятельность партизан северной части области получила большее освещение, чем южной;

– в характеристике партизанской борьбы наибольшее место занимали боевые действия в соотношении с другими. Причины этого вполне объяснимы;

– оказалась не раскрытой подготовительная работа к партизанской и подпольной деятельности.

А теперь проследим, в какой степени получили отражение в литературе тех лет вопросы большевистского подполья.

Первые сведения о псковских подпольщиках мы находим в работах, вышедших в 1942 г. Особое внимание в трудах того периода уделено деятельности коммунистов Партизанского края. Ценный материал по этому вопросу содержится в журнале «Партийное строительство», который с 1942 г. начал публиковать документы и рассказы участников партизанского движения под рубрикой «Из опыта подполья и партизанской борьбы в тылу у немцев». В номере шестом была помещена статья командира объединенных партизанских отрядов края, в которой приводятся факты не только из боевой, но и политической деятельности партизанских организаций. В номере пятнадцатом журнала опубликован протокол партийной конференции края, состоявшейся 18 июня 1942 г.

В это же время предпринимается попытка проанализировать первый опыт издания подпольных газет, в частности газеты «Коммуна», выходившей в освобожденном партизанском районе[7]. Отдельные факты участия псковской молодежи в борьбе с врагом приводятся в брошюре секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А.Михайлова[8].

В литературе, вышедшей в 1943 г., партийной работе на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками Советской земле уделяется больше внимания[9]. Был опубликован дневник начальника штаба партизанского отряда «Дружный» И.А.Шматова[10] с предисловием, написанным М.Н.Никитиным[11]. Автор живо рассказывает о работе дновских подпольщиков, о формах и средствах массово-политической работы среди населения.

Немалый интерес представляет брошюра М.Н.Никитина[12]. Обобщая опыт вооруженной борьбы ленинградских партизан за год, автор немало места отводит партийно-политической работе партийных организаций в партизанских отрядах и среди населения, росту рядов партии, укреплению авторитета коммунистов. В брошюре приводятся сведения о партизанских подпольных газетах.

В статье заведующего сектором отдела кадров Ленинградского обкома ВКП(б) М.Старшинова[13] более подробно говорится о партийной работе в партизанских отрядах, об успехах политической работы среди населения.

Активный участник партизанского движения И.В.Виноградов публикует статью о подпольной печати[14]. В ней автор дает первый подробный анализ нелегальной печати псковских коммунистов, показывает ее роль в мобилизации партизан и населения на борьбу с врагом.

В 1944 г. вышли работы, в которых авторы более подробно повествуют о подпольной борьбе. Так, в книге Р.Сидельского[15] делается попытка выяснить основное содержание подпольной партийной работы: организация партизанского движения и руководство им, политическая работа среди населения. Автор раскрывает некоторые формы массовой работы с населением.

Более углубленно исследуются вопросы, связанные с организацией печати. В это время вышел сборник статей «Газеты Ленинградской области в дни Отечественной войны»[16]. Здесь можно отметить три статьи. О выпуске боевых листовок в партизанских отрядах и первых газетах сообщается в статье И.Виноградова и П.Заранкина «Газеты народных мстителей». Подробные сведения о партизанской печати содержатся в статье И.Виноградова «Печать партизанского края». И.Шматов рассказывает о том, как создавалась газета «Дновец», как готовились ее номера, о чем писалось на ее страницах, о роли газеты в развитии партизанской борьбы в разоблачении фашистской пропаганды.

В статье начальника ЛШПД М.Н.Никитина[17] впервые говорится о работе по созданию партийного подполья, упоминается о межрайонных партийных центрах, показывается, как постепенно развертывалась политическая работа коммунистов, подводятся итоги партизанской борьбы.

Одновременно продолжалась работа по изучению опыта комсомольской работы в партизанских формированиях[18].

Из работ, опубликованных в 1945 г.[19], следует особо отметить сборник «В борьбе с врагом», в котором впервые за годы войны была названа численность подпольных комсомольских организаций на оккупированной территории Ленинградской области, и сборник «По зову партии», где приводится более полный перечень газет, издававшихся подпольными райкомами Ленинградской области, время издания и материалы из них.

Анализ литературы 1942–1945 годов показывает, что число исследований по истории коммунистического подполья на Псковщине в годы войны было невелико. Наиболее полно была отражена работа по изданию партийной печати. По вполне понятным причинам слабо раскрытыми или вообще не затронутыми оказались такие вопросы, как организация коммунистического и комсомольского подполья, массово — политическая деятельность подпольщиков, руководство партизанской и другими формами борьбы трудящихся.

---

[1] Северная часть территории нынешней Псковской области входила тогда в состав Ленинградской области, а южная — Калининской.

[2] Стариков В.У. Партизан: Записки военного корреспондента. ОГИЗ, 1942.

[3] См.: Павленко П., Изаков Б. Народные мстители. М., 1942.

[4] Никитин М.Н. Партизанская война в Ленинградской области. ОГИЗ, 1943.

[5] Там же. С. 80-92.

[6] См.: Год борьбы в тылу врага (Из дневника партизана-орденоносца Ленинградской области тов.Ш.). Л.,1943.

[7] См.: «Газета в бою». М., 1942

[8] Михайлов Н.А. Комсомольцы в тылу у врага. М., 1942.

[9] См.: Пономаренко П.К. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1943; Ярославский Е. Партия Ленина–Сталина — организатор борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками. М., 1943; Митин М. Партия Ленина–Сталина — вдохновитель и организатор борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками // Пропагандист. 1943. № 19–20.

[10] См.: Год борьбы в тылу врага (Из дневника партизана-орденоносца Ленинградской области тов.Ш.). Л.,1943.

[11] М.Н.Никитин в годы войны был секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) и начальником Ленинградского штаба партизанского движения.

[12] См.: Никитин М.Н. Партизанская война в Ленинградской области. М., 1943

[13] См.: Старшинов М. Партийные организации в тылу врага // Пропаганда и агитация. 1943. № 10.

[14] См.: Виноградов И. Советская печать в тылу врага. // Пропаганда и агитация. 1943. № 21.

[15] См.: Сидельский Р. Борьба советских партизан против фашистских захватчиков. М., 1944.

[16] См.: Газеты Ленинградской области в дни Отечественной войны. Л., 1944.

[17] См.: Никитин М.Н. Итоги борьбы ленинградских партизан // Партийное строительство. 1944. № 9.

[18] См.: Старшинов М., Шапошникова А. Комсомольцы и молодежь Ленинградской области в тылу врага // Пропаганда и агитация. 1944. № 2. В борьбе с врагом: Очерки и рассказы о комсомольцах и молодежи Ленинградской области в дни Отечественной войны. Л., 1945.

[19] См.: Шевердалкин П. Партизаны — боевые помощники Красной армии в освобождении ленинградской земли от немецко-фашистских захватчиков. // Пропаганда и агитация. 1945. № 2; По зову партии: Сборник стихов, песен, рассказов и очерков ленинградских партизан. Л., 1945; Листовки партизанской войны в Ленинградской области. Л., 1945.

М.В. Шкаровский

ПСКОВСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 1941—1944 гг.

Особую страницу в истории Псковского края составляет период Великой Отечественной войны. Почти все области России, оккупированные германскими войсками, считались прифронтовой полосой и управлялись военной администрацией, которая во многих случаях на практике смягчала принятую нацистскими ведомствами негативную линию в отношении Русской церкви. Особенно благоприятная, по сравнению с другими территориями, ситуация существовала на Северо-Западе России, где успешно и очень эффективно действовала так называемая Псковская православная духовная миссия.

Возглавлявший Прибалтийский экзархат Московской патриархии митрополит Сергий (Воскресенский) смог получить разрешение на деятельность Миссии со стороны вермахта в середине августа 1941 г. Реально же миссионерская работа прибалтийских православных священников на территории СССР в границах 1939 г. началась еще в июле, сразу после прихода германских войск. В частности, два таких священника — Сергий Ефимов и Иаков Легкий — были арестованы НКВД в июне 1941 г. и перевезены из Латвии в тюрьму г. Острова. Оказавшись на свободе с уходом Красной армии, они переехали в Псков и провели первые богослужения[1].

Организуя такой институт, как Миссию, митрополит Сергий стремился возродить каноническую духовную жизнь там, где она была почти полностью уничтожена в 1930-е гг. Напутствуя первую группу из 14 миссионеров, среди которых было много выпускников Богословского института в Париже, экзарх говорил: «Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни»[2].

Конечно, разрешая деятельность Духовной миссии, германское командование преследовало и свои цели, которые, впрочем, в дальнейшем в основном остались неосуществленными. Эту ситуацию образно описал в своих воспоминаниях о. Георгий Бенигсен: «Наша жизнь и работа при немецкой оккупации были непрерывной борьбой с немцами за душу русского человека, за наше право служить этой душе, служить нашему родному народу, из-под ига подпавшему под иго другое... Наконец исполнился предел наших чаяний: нам удалось отправить в оккупированные немцами русские области первую группу священников-миссионеров... Началась работа, полная апостольского подвига, полная трудностей и препятствий, постоянно чинимых немцами. Им очень хотелось использовать нас в своих целях порабощения и эксплуатации русского народа, очень хотелось через нас, как наиболее близко стоящих к народу и пользующихся в народной толще максимальным доверием, проводить все свои преступные мероприятия. Они получили от нас жесткий отпор по всему фронту и поняли, что просчитались. Но мы уже настолько прочно завоевали свои позиции в народе, так вросли в него, что ликвидация нашего миссионерского дела грозила бы для немцев крупными осложнениями. Им пришлось смириться с существующим положением и ограничиться

тщательной слежкой за каждым нашим словом и поступком да попытками организации мелких провокационных актов на местах. А мы росли не по дням, а по часам. Мы шли в народ, несли ему слово Христовой любви и правды, слово утешения и надежды»[3].

18 августа упомянутая группа прибыла в Псков, где было создано управление Миссией, формальное руководство которой принадлежало экзарху Сергию. Территория, входившая в ведение миссии, включала в себя юго-западные районы Ленинградской, Новгородскую и Псковскую области, с населением около 2 млн. человек. Прибытие первых миссионеров совпало с началом массового религиозного подъема. Священник Иоанн Легкий позднее вспоминал: «Когда в августе 1941 г. мы приехали в Псков, на улице прохожие со слезами подходили под благословение. На первом богослужении в соборе все молящиеся исповедовались. Нам казалось, что не священники приехали укреплять народ, а народ укрепляет священников»[4]. В печатном органе Миссии — журнале «Православный христианин» — также отмечалось: «Народ переполнял храмы... Священники не успевали передохнуть от количества треб. Давно не видели стены старых храмов Псковщины и окрестностей таких искренних слез, не слышали таких громких молитв»[5]. Согласно отчету миссионера Владимира Толстоухова, служившего в городах Новоржев, Опочка, Остров, только с 19 августа по 19 декабря 1941 г. он совершил более 2 тыс. «погребений с заочными проводами». Священник Иоанн Легкий в августе–ноябре крестил 3500 детей. Всего за первые месяцы работы Миссии было крещено около 50 000 несовершеннолетних разного возраста. В январе 1942 г. в крещенском крестном ходе с водосвятием участвовало 40% (10 тыс. из 25 тыс.) оставшегося в Пскове населения[6].

Эти сведения подтверждаются и немецкими источниками. Так, в докладе представителя Министерства занятых восточных территорий при группе армий «Север» начальнику главного отдела политики Лейббрандту от 19 декабря 1941 г. говорилось: «Значение Церкви в народной жизни снова начинает расти. С усердием трудятся по восстановлению храмов. Спрятанное от ГПУ церковное имущество снова используется по своему назначению»[7]. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. указывалось: «Успех миссионерской работы обусловлен главным образом тем, что большие массы русского народа, в особенности крестьяне, несмотря на старания большевиков, остались верны Православной вере и родной Церкви. Факты, свидетельствующие о том, общеизвестны: церкви переполнены молящимися, священники имеют так много дел... что едва с ними справляются, число причастников и детей, которых крестят, поразительно большое... миссионеров повсюду встречают с почтением и доверием, стараются посильно заботиться об их благополучии, родители охотно доверяют своих детей священникам для религиозного образования». В подобной сводке от 6 ноября 1942 г. сообщалось, что в трех церквах Пскова имеется 10 000 прихожан, и с августа 1941 по 15 сентября 1942 г. в них крещено 2000 детей, совершено 600 отпеваний и 20 венчаний[8].

Постепенно Миссия смогла развернуть свою издательскую деятельность. В сообщении полиции безопасности и СД от 4 декабря 1943 г. говорилось, что она распространяет различные издания религиозно-церковного содержания, например, журналы, молитвенники, учебники Закона Божия и т.д., которые были напечатаны в Риге, Ревеле и Пскове. В декабре 1942 г. вышел первый, выпущенный Миссией Церковный календарь под редакцией священника Н.Трубецкого. Он был чисто духовного содержания. Гитлер, Германия и т.п. нигде не упоминались. В календаре сообщалось также, что на книжном складе в Пскове имеются Евангелия, Библии,

псалтыри, молитвослов, готовится к печати учебник Закона Божия и нотные церковные песнопения[9].

Миссия издавала с августа 1942 по май 1944 г. ежемесячный журнал «Православный христианин» тиражом 2–3 тыс. экземпляров, вела катехизические курсы для взрослых. Большинство же кандидатов в священство посылались на обучение в Ригу и Вильно. С целью возрождения религиозной жизни с мая 1942 г. в регионе впервые зазвучало в эфире церковное слово. Еженедельные трансляции из Пскова охватывали значительную территорию области. В сентябре 1942 г. священником Георгием Бенигсеном по радио был прочитан доклад на тему «Религия и наука», второй доклад «Игумен всея Руси» он посвятил 550-летию со дня смерти Сергия Радонежского. Все расходы, связанные с этой деятельностью, покрывались в основном добровольными пожертвованиями населения — 10% приходского дохода посылалось в Псков. Кроме того, значительные доходы приносил хозяйственный отдел Миссии, в который входили свечной завод, магазин церковных принадлежностей и иконописная мастерская. Чистая прибыль отдела составляла 3–5 тыс. марок в месяц и покрывала расходы на выплату жалованья служащим и сотрудникам управления Миссии. Священники жалованья не получали и существовали на пожертвования прихожан. До половины дохода пересылалось в экзархат, значительная часть из этих сумм шла на содержание Духовной семинарии в Вильно. Попытка добиться летом 1942 г. разрешения на открытие Духовной семинарии в Пскове оказалась безуспешной[10].

Серьезные помехи существовали и в хозяйственной деятельности Миссии. В сообщении полиции безопасности и СД от 6 ноября 1942 г. говорилось, что с 1 сентября по распоряжению местной комендатуры все члены Миссии должны платить ежемесячный налог с дохода. Кроме того, свечная фабрика Миссии была обложена налогом в 30% с оборота и иконописная мастерская — в размере 10% с оборота. Миссия «приводит в движение все рычаги, чтобы избавиться от этого груза налогов». При этом германская и местная русская администрации знали, что налогообложение церковных учреждений или удержание налога с их доходов «впервые в русской церковной жизни было введено большевиками». Налогообложение приходов являлось тем более несправедливым, так как в 1942 г. они попрежнему «не обладали недвижимым имуществом, которое можно было бы использовать в хозяйственных целях; имевшаяся ранее собственность «национализирована» большевистским правительством».

В приходах не существовало самообложения, и все их доходы состояли из добровольных пожертвований. Необходимо указать также, что, не желая материально обременять доведенное до крайней нужды русское население, экзарх издал 1 мая 1942 г. распоряжение: «Священник, который требует за совершение служебных действий гонорар или установил определенную плату за эту деятельность, подлежит отстранению» В октябре 1942 г. начальник Миссии просил германскую администрацию запретить налогообложение церковных общин и устроенных для пользы церкви предприятий, но, вероятно, безрезультатно[11].

Главную роль в финансово-хозяйственной деятельности играл К.И. Кравченок, с октября 1941 до весны 1944 г. он являлся казначеем и заведующим хозяйством Миссии и в этом качестве управлял свечным заводом и иконописной мастерской. В его обязанности входило и восстановление церквей, ремонт жилых и хозяйственных церковных построек. Кравченок имел незаконченное высшее богословское образование и поехал из Риги в Псков, как и многие светские члены Миссии, стремясь избежать проводившейся в Латвии мобилизации в германскую армию.

Согласно свидетельствам знавших его людей Кравченок всегда «действовал не в интересах немцев»: устраивал на работу в мастерскую и на свечной завод людей, которым грозил вывоз в Германию, отправлял собранные в церквах продукты питания в лазарет для раненых военнопленных, собирал в храмах обувь, одежду и деньги для нуждающихся, давал в Миссии приют бездомным детям и т.д. Первоначально он часто выступал с докладами, особенно перед молодежью. Но затем последовал донос в СД об антигерманском выступлении Кравченка на учительской конференции в Пскове, где он, приводя пример Св. князя Александра Невского, «говорил о великой моральной силе русских людей, о любви к Родине и служении своему народу». После этого случая нацисты запретили Миссии посылать Кравченка с докладами[12].

Выполняя директивы Берлина, германская военная администрация прямо не содействовала, но и не препятствовала возрождению храмов. В то же время известны неоднократные случаи занятия церковных зданий под казармы и даже — как в селе Выборы в 1943 г. — размещения воинских частей для проживания в действующих храмах. В сентябре 1941 г. вышло распоряжение германского командования, по которому все материальные затраты по содержанию культовых зданий должно нести местное население. Военная и гражданская администрация ограничилась демонстративной передачей верующим некоторых церковных ценностей. Особенное значение имела передача в январе 1942 г. в Троицкий собор Пскова чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, написанной по преданию Евангелистом Лукой и вывезенной немцами из Тихвина. А в декабре 1942 г. экзарху были вручены 1026 русских Библий, Евангелий и церковных рукописей XVI–XIX веков[13]. Подобные акции были рассчитаны прежде всего на пропагандистский эффект.

С первых дней своего существования Миссия стала вести и большую благотворительную работу. Заметную роль в ней играл Псково-Печорский монастырь. Уже 19 августа 1941 г. его наместнику игумену Павлу (Горшкову) из Пскова поступила записка: «Отец Павел! Умоляю Вас, посетите богадельню, окажите милосердие несчастным, никому не нужным людям. Ведь подумайте, от голода один выбросился из окна, вчера умер, а другие просят отравить их». И вскоре из хранившихся в монастырских кладовых и собранных среди паломников и прихожан продуктов был составлен и отправлен в Псков обоз из 4 подвод. Оказывалась помощь и советским пленным военнослужащим. Так, 24 августа игумен Павел получил еще одну, на этот раз благодарственную записку: «Больные, раненые военнопленные и персонал госпиталя лагерного пункта 134 в городе Пскове выносят глубокую благодарность за присланные продукты — муку, хлеб, яйца и другие пожертвования»[14]. В ноябре 1941 г. Миссия выпустила обращение к населению: «Тронутые любовью к нашим в плену находящимся братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды... Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь своему ближнему... Дайте что можете: одежду, обувь, белье, одеяла и т. д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным: «Рука дающего да не оскудеет». Заботой оказались окружены и дети-сироты. Так, в Пскове при храме Димитрия Солунского был создан приют, в котором содержались 137 детей 6–15 лет. Только в этом городе благотворительные сборы Миссии составляли 10 000–12 000 рублей ежемесячно[15].

Первым начальником Миссии стал протоиерей Сергий Ефимов, в октябре 1941 г. его сменил протоиерей Николай Колиберский, после смерти которого в ноябре 1941 г. новым начальником был назначен заслуженный протопресвитер Кирилл Зайц с предоставлением ему права совершать литургию по архиерейскому чину.

Его помощником стал священник Иван Легкий, членами управления Миссии — протоиерей Николай Шенрок, священник Георгий Бенигсен, секретарем — священник Николай Жунда. Для связи с местами и наблюдения за духовенством в 1942 г. организовали институт благочинных в округах: Псковском, Новгородском, Порховском, Гдовском, Дновском, Островском, Гатчинском, Славковичском, Солецком, Ушаковском, Карташевском[16]. Миссия стремилась взять управление всей церковной жизнью края в свои руки, она не только наблюдала за храмами, но и назначала вновь рукоположенных священников.

В упоминавшемся обращении в октябре 1942 г. к германской администрации К. Зайц просил сообщить все немецким ведомствам и русским органам самоуправления: «а) что учрежденное экзархом управление Миссии признано в качестве руководящего Миссией и представляющего ее органа, б) что на территории, которая предоставлена Миссии соответствующими германскими органами власти, все приходы и клирики подчиняются управлению Православной Миссии... г) что в качестве благочинных отдельных благочинных округов и настоятелей отдельных приходов признаются только священники, назначенные управлением Миссии... д) что на территории Миссии к совершению богослужений могут быть допущены только личности, которым... управлением Миссии... были выданы необходимые для этого свидетельства»[17].

В приходской жизни соборное начало было почти совершенно отменено. Циркуляром экзарха от 16 марта 1942 г. устанавливалась единоличная форма управления приходом с настоятелем во главе, запрещался созыв общих собраний в приходах. Как совещательный орган мог существовать попечительный совет, но члены его, а также церковные старосты, ревизионные комиссии подбирались всецело по усмотрению настоятеля[18].

За короткий срок число действующих церквей в западных районах Ленинградской области выросло в десятки раз. Согласно сведениям журнала «Православный христианин», к началу 1943 г. на территории бывшей Псковской и части Петроградской губерний имелись: 221 приходский храм и 84 священника, в том числе 14 миссионеров из Прибалтики. Кроме того, в течение 1943 г. количество церквей значительно выросло, например в Псковском районе — с 6 до 23 (в том числе в самом Пскове — до 10), а в целом в Псковской епархии примерно до 150. Необходимо учитывать также 52 храма западной части Новгородской епархии, не менее 18 в Великолуцкой и 81 в Калининской епархиях[19]. Таким образом, общее число их в оккупированных районах Северо-Запада России составляло как минимум 409 (из них 108 в Ленинградской епархии), увеличившись по сравнению с довоенным временем примерно в 15 раз. Цифру в 400 приходов называла и издававшаяся в Печорах газета «Новое время». Рост количества храмов сильно затруднял необходимость восстановления зачастую полуразрушенных церковных зданий. Особенно тяжелая ситуация существовала в Новгороде, который находился на линии фронта. Здесь сильно пострадали почти все храмы, даже знаменитый собор Святой Софии. Новгородцы организовали Церковно-археологический комитет для охраны и реставрации древних церквей, но ему было не под силу все восстановить[20]. Особо следует отметить возникновение в пос. Вырица Ленинградской епархии двух монашеских общин — мужской и женской, насчитывавших вместе несколько десятков насельников. Их духовно окормлял знаменитый старец Серафим Вырицкий — бывший духовник Александро-Невской лавры.

Количество священников к началу 1944 г. достигло 175. Их острейшая нехватка была серьезной проблемой. Местных священнослужителей и миссионеров было относительно немного, поэтому Миссия в ускоренном порядке посвящала мирян в

саны диакона и иерея. Появлялись и «самосвяты»[21]. На территории собственно Ленинградской епархии миссионеров почти не было, и важными источниками пополнения духовенства служили клирики, освобожденные перед войной из мест заключения или снявшие в 1930-е гг. сан. Например, протоиерей П. Жарков с 1929 до начала 1940-х гг. отбывал заключение на Соловках, затем работал санитаром в Обуховской больнице, жил в Вишере, а с конца 1941 г. стал служить в Любани, Ушаках, Тайцах. В Гдовском районе возглавили приходы прот. В. Ирадионов и иеромонах Лин, также отбывшие 10-летнюю ссылку, причем первый снимал сан, и т. д.[22] Однако священников все равно не хватало, и весь период оккупации существовала практика «когда один служитель культа обслуживал по 3–4, а иногда и по 5 приходов»[23].

В своем обращении осенью 1942 г. К. Зайц писал о возможных путях частичного решения этой острой проблемы: «Чтобы увеличить персонал Миссии, требуется: а) не препятствовать воссоединению Эстонского епископства с экзархатом, б) сделать возможным прием в состав Миссии священников-эмигрантов... в) не чинить препятствий личностям, которых управление Миссии посылает для совершения рукоположения во священника или обучения в богословских школах в Ригу, Вильно...»[24]. Но и в дальнейшем все перечисленные препятствия продолжали сохраняться.

Во вновь открытых церквах начали звонить в колокола, организовываться крестные ходы, возобновилось религиозное обучение детей. Так, в Красногорском округе в 1942 г. под руководством миссионера Ф. Ягодкина находилось 15 начальных церковных школ, а в Пушкиногорском районе функционировало 17 подобных заведений. Попытки ввести обучение Закону Божию в общеобразовательных школах значительного успеха не имели, прежде всего из-за противодействия германских властей. В этой связи Миссии пришлось вести многомесячную упорную борьбу. Первоначально военная администрация отнеслась к обучению детей Закону Божию положительно. В меморандуме квартирмейстера комендантам области тыла группы армий «Север» от 14 августа 1942 г. говорилось о том, что представляется целесообразным для усиления антикоммунистической тенденции снова разрешить преподавание религии священниками. Введение этого предмета в качестве факультативного или обязательного квартирмейстер предлагал предоставить на усмотрение местной администрации[25]. Но директивы из Берлина заставляли придерживаться другого подхода. И уже в акте записи заседания служащих военной администрации на территории группы армий «Север» от 6 сентября 1942 г. сообщалось, что проводить религиозные занятия в школах не разрешено, подобные занятия в школьных помещениях допускаются лишь вне учебных планов. По отношению к ним предлагалось проявлять предельную осторожность[26].

Такие же колебания были характерны и для местной администрации. В сообщении полиции безопасности и СД от 6 ноября 1942 г. указывалось: «Псковская комендатура в связи с заявлением Миссии о введении религиозных занятий сперва приняла отрицательное решение. Одновременно было запрещено проведение религиозных курсов вне школы... В ответ на это Миссия обратилась в комендатуру Пскова с новым заявлением и предложила: 1. Ввести религиозные занятия как официальный предмет преподавания. 2. В будущем отдел народного образования назначает преподавателей Закона Божия в качестве государственных служащих с постоянным окладом. На это прошение было дано предварительное разрешение начать религиозные занятия в школах. Окончательное решение отложено на более позднее время. В связи с открытием школ Миссия наметила на 4 октября общие богослужения для школьников. Она собирается постепенно привнести иконы во все школьные помещения»[27].

Окончательное решение оказалось не в пользу Миссии. В выпущенных военной администрацией обязательных «Учебных программах для начальных школ» от 18 декабря 1942 г. преподавание религии отсутствовало. Более того, в мае 1943 г., сразу после окончания учебного года, были насильственно закрыты существовавшие в Пскове Дмитровская и Варлаамовская церковные школы. Всех детей старше 12 лет сделали трудообязанными, в то время как прежде это касалось лишь людей в возрасте 14–65 лет[28].

Правда, в дальнейшем факультативное преподавание Закона Божия в школьных помещениях после окончания уроков все же оказалось разрешено. Для руководства подобной деятельностью в Пскове 15 мая 1943 г. был учрежден «Стол по распространению христианской культуры среди молодежи». Согласно сообщению полиции безопасности и СД от 4 декабря 1943 г. охватываемая «Столом» молодежь делилась на 3 группы: маленькие дети, школьники и подростки, посещающие школы. Работа с детьми была организована подобно существующей в детском саду, молодежь же разбивалась на группы, которые занимались религиозно-нравственными вопросами. Политические вопросы на этих занятиях не рассматривались[29]. «Молодежный стол» также разрабатывал учебные планы и готовил учителей для факультативного преподавания Закона Божия. Их катастрофически не хватало. Псаломщик Николо-Конецкого прихода Псковской области С.Д. Плескач в своем докладе от 25 января 1944 г. Ленинградскому митрополиту Алексию (Симанскому) писал: «Педагоги и учителя забегали потому, что их заставили преподавать Закон Божий. А как он будет преподавать, когда он был год тому назад настоящим передовым комсомольцем. Таким образом, кадр учителей не был подготовлен, а потому здесь получился полный разрыв»[30].

Руководящая роль в работе с молодежью принадлежала Г. Бенигсену. В 1946 г. он вспоминал: «Мы делали все, что могли. Открыли сотни приходов, окрестили десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Открывали церковные приюты, детские сады и приходские школы. Вели огромных размеров катехизацию. Несли проповедь Евангелия в каждый доступный нам уголок. Посильно несли труд социальной помощи. Вели подпольную работу с детьми и молодежью, организуя церковные союзы, содружества, сестричества и братства»[31].

Первоначально Миссии удалось провести несколько богослужений для советских военнопленных. По сообщению берлинской газеты «Новое слово» подобное богослужение для 800 военнопленных с присутствием многочисленных горожан и крестьян состоялось 6 августа 1941 г. в Троицком соборе Пскова. В проведенном потом крестном ходе участвовало 2500 человек. На следующее воскресенье по просьбе населения крестный ход был повторен и собрал уже 5000 участников[32]. В дальнейшем такие факты стали невозможны. Но некоторым священникам Миссии и позднее удавалось проникать к военнопленным. В частности, в докладе экзарху протоиерея П. Кудринского, служившего ранее в Рождествено под Гатчиной, говорилось, что он до осени 1943 г. обслуживал четыре лагеря военнопленных: «Каждое воскресенье я совершал богослужения в лагерях по порядку. Помимо этого я мог посещать лагеря в любое время и при известных условиях беседовать с военнопленными с глазу на глаз». Более того, около 25 человек были освобождены по ходатайству Кудринского, лишь с августа 1943 г. он потерял эту возможность[33].

Помимо препятствованию преподавания Закона Божия и душепопечению военнопленных Миссия сталкивалась и с другими ограничениями властей. Так, по распоряжению Псковской комендатуры священникам было запрещено устраивать венчания до официальной регистрации брака. Нарушение запрета каралось денеж-

ным штрафом до 500 рублей. В ноябре 1942 г. в РКО была проведена акция по мобилизации металла, в том числе снятию и переплавке части церковных колоколов. В августе 1942 г. в Печорах был арестован и передан СД русский священник Грец за то, что он отпевал в церкви расстрелянных нацистами. При этом Грец заранее сообщил о своем намерении в окружной комиссариат и т. д.[34]

Особенно много возмущений верующих и духовенства вызвали попытки в декабре 1941 г. ввести в некоторых городах (Остров и Струги Красные) вместо принятого в Русской церкви юлианского григорианский календарь. Местные власти даже грозили священникам Миссии за неподчинение привлечением к ответственности. Видимо, подобные попытки предпринимались и далее, но без всякого успеха. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. подчеркивалось: «В религиозных делах нужно считаться с психикой народа. Православный русский гораздо менее страдает, если он в церковный праздник идет на работу с сознанием, что в его отсутствие торжественное богослужение в церкви проводится в соответствии с принятым священным обычаем, чем если он знает, что в его свободные от работы дни этому обычаю не следуют... Политически нежелательные результаты такого настроения сами по себе понятны»[35]. Не случайно К. Зайц в своем упоминавшемся обращении осенью 1942 г. писал: «Чтобы обеспечить канонический порядок церковной жизни в освобожденных русских областях, необходимо: а) сохранить каноническую принадлежность православного населения и церковной организации этой территории к Русской церкви; б) не препятствовать и не изменять цикл богослужений, которые совершают по юлианскому календарю и восточным пасхалиям»[36].

Следует остановиться и на деятельности в годы войны той части священнослужителей и мирян Русской церкви, которые не признавали Московскую патриархию за ее компромиссы с советской властью и не подчинялись Псковской Миссии. Именно Ленинградская епархия являлась главным регионом распространения так называемого иосифлянского движения, названного так по имени руководителя — митрополита Ленинградского — Иосифа (Петровых). Представители этого движения, возникшего в 1927 г., отвергали известную декларацию митрополита Сергия о лояльности советской власти, отказывались поминать Заместителя Патриаршего местоблюстителя и государственную власть в своих храмах и т.п. ОГПУ, а затем НКВД жестоко преследовали иосифлян и к середине 1930-х гг. почти все их священники перешли на нелегальное (катакомбное) положение.

В годы войны различия между отдельными течениями Русской церкви во многом сгладились. На занятой вермахтом территории часть иосифлян легализовала свою деятельность. Псковская Миссия воссоединяла их с Московской патриархией: протоиерея А. Кибардина, протодиакона М. Яковлева, протоиерея Д. Кратирова и др. Последний в 1943 г. был вывезен из Новгорода в Германию, в 1945—1946 гг. он служил настоятелем русского собора в Берлине[37].

Иную позицию занимали представители другого, близкого к иосифлянам течения в Русской церкви — истинно-православные христиане (ИПХ). На Северо-Западе России они в основном предпочитали оставаться в подполье. Кое-где отдельные священники ИПХ стали служить более открыто, но занять храмы им удалось лишь в 2—3 местах. Известный историк катакомбной церкви И. Андреев (Андреевский) писал, что, несмотря на настойчивые требования экзарха, такие священники отказывались поминать Патриаршего местоблюстителя: «Так, напр., в г. Сольцы Новгородской епархии митрофорный протоиерей о. В., бывший благочинный церквей города Минска, а затем ставший катакомбным священником,

несмотря на строжайший приказ благочинного Новгородского района... — категорически отказался поминать Сов. Митрополита Сергия. Это было в 1942. А в 1943 и 1944 гг. о. В. стал тайно поминать митрополита Анастасия (главу зарубежной Русской церкви)»[38]. Возглавлявший ИПХ на Северо-Западе России схиепископ Макарий (Васильев) в конце 1941 г. поселился в Псково-Печорском монастыре. Он отказался подчиниться экзарху и предсказывал неудачное окончание войны для Германии. Вместе с тайным епископом Псковским Иоанном (Ложковым) Макарий пытался установить контакты с митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Ладе). Однако посланный ими иеромонах Никифор (Рихтер-Меллин) был задержан в Кенигсберге в поезде и отправлен обратно[39].

Иеромонах Никифор, немец по национальности, стремился вести миссионерскую работу даже в вермахте. После войны он рассказывал, что лично крестил 45 германских офицеров и солдат, и скандал по этому поводу возник лишь тогда, когда был крещен офицер СС. Никифору грозило наказание. Ему также вменялось в вину венчание 8 пар, где невестами германских военнослужащих были русские девушки. Это в глазах командования являлось очень серьезным проступком, но иеромонах сумел скрыться от ареста[40].

В Латвии в середине 1930-х гг. возникло около 10 старостильных (то есть сохранивших юлианский календарь) полулегальных православных приходов, чьи священники в 1940 г. при установлении советской власти полностью ушли в подполье. Узнав о пребывании в Печорах схиепископа Макария, к нему стали приходить представители таких приходов, желавшие видеть его своим правящим архиереем[41]. Но в ночь на 1 апреля 1944 г. Владыка был убит при бомбардировке Печор советской авиацией. Интересно, что в сообщении командира гестапо и СД в Латвии Кирсте в РСХА от 17 мая 1944 г. говорилось о существовании легальной православной общины в Кандау, которая не признает экзарха и его официальную церковную юрисдикцию[42]. То, что большая часть общин ИПХ Северо-Запада России в период оккупации осталась в подполье, позволило им продолжать свою деятельность и после окончания войны, несмотря на смерть руководителя.

Псковская Миссия создавалась под эгидой оккупационных властей, и священство ее вынуждено было реагировать на распоряжения германского командования, хотя многие из них фактически саботировались. Миссионеров обязывали в дни начала войны или захвата частями вермахта населенных пунктов устраивать торжественные молебны и крестные ходы, участвовать в вербовке людей на работу в Германию, а затем во власовскую РОА. В одном из воззваний, выпущенном управлением Миссии, говорилось: «Русские патриоты обязаны всемерно содействовать уничтожению и плодов, и корней коммунизма. Мы верим, что найдется немало русских душ, готовых к участию в уничтожении коммунизма и его защитников...»[43] А в циркуляре митрополита Сергия от 8 июля 1943 г. указывалось: «В день Св. Троицы германское командование объявило торжество передачи земли в полную собственность крестьянства, а посему предлагается управлению Миссии: 1) Дать циркулярное распоряжение всему подведомственному духовенству... специально в проповедях отметить важность сего мероприятия. 2) В Духов день в Соборе, после Литургии, совершить торжественный молебен с участием всего духовенства Пскова...»[44]. Впрочем, 8 марта 1942 г. в Пскове и Луге уже проводились благодарственные богослужения по поводу объявления аграрного указа для занятых территорий[45]. По распоряжению К. Зайца были собраны и представлены в управление Миссии сведения о гонениях на церковь в СССР. Туда же миссионеры передали списки уничтоженных советской властью священников.

Необходимо отметить, что действия многих священнослужителей Миссии находились под контролем партизан. Отношение последних к миссионерам было очень неоднозначным, так как разнообразными были и партизанские отряды, состоявшие отнюдь не только из прокоммунистически настроенных людей. Эти контакты не прошли мимо внимания оккупационных властей, которые с февраля 1943 г. обязали священников давать письменные отчеты о встречах с партизанами. В этом месяце начальник канцелярии экзархата И. Д. Гримм писал К. Зайцу: «Приезжающие из России миссионеры дают противоречивые сведения об отношении партизан к священникам и вообще к Церкви. По словам одних, партизаны считают священников врагами народа, с которыми стремятся расправиться. По словам других, партизаны стараются подчеркнуть терпимое и даже благожелательное отношение к Церкви... Ввиду большой важности этого вопроса, которым интересуются также и германские учреждения, прошу сообщить все относящиеся к нему факты и Ваши по их поводу соображения. В частности, меня интересует, верит ли народ агитационным сообщениям об изменении церковной политики большевиков, и как он на эти сообщения реагирует. Прошу Вас также предложить подчиненным Вам священнослужителям при всякой возможности письменно докладывать Вам об относящихся к этому вопросу фактах и наблюдениях для дальнейшего препровождения мне этой информации»[46].

Доклады отдельных священников поступали сначала К. Зайцу, а затем от него экзарху. Митрополит Сергий в свою очередь на основе их написал для отдела политики Рейхскомиссариата Остланд три докладных записки «Отношение партизан к Церкви» от 19 марта, 30 апреля и 18 июня 1943 г. Конкретная информация, которая могла бы быть использована против партизан в военной области, в этих записках практически отсутствовала. Сведения, сообщаемые в них, обычно имели двухмесячный срок давности.

Из отчетов священников следует, что партизаны строго следили за тем, чтобы в проповедях не было каких-либо выступлений против советской власти. В одном из приходов иеромонаху Иоасафу «было высказано предложение о сборе средств в церкви на Красную армию и дан намек о незаконности обслуживания двух приходов, расположенных при этом еще в разных районах, одним священником». Ему же было предложено написать письмо в Москву Патриаршему местоблюстителю: «Последний, мол, пришлет ответ, т. е. утвердит или не утвердит данного священника в занимаемом приходе...». Священник В. Толстоухов сообщал, что «поблизости от его приходов отряд партизан временно захватил деревню, причем их начальник побуждал крестьян к усердному посещению церкви, говоря, что в Советской России Церкви дана теперь полная свобода и что власть коммунистов идет к концу»[47].

Как видно из записок экзарха, в 1943 г. подавляющее большинство партизан уже положительно относились к Церкви. Например, согласно свидетельству священника Иакова Нациса: «Партизаны ведут очень искусную пропаганду, которой надеются завоевать симпатии населения. Эта пропаганда, кажется, направляется одинаковым образом. Она учитывает религиозность населения, как реально существующий факт, с которым следует считаться. Поэтому затушевывается все, что могло бы оскорбить религиозное чувство народа. Священников и церкви не захватывают, богослужениям не препятствуют... Партизаны разъясняют крестьянам, что религиозная политика советов коренным образом изменилась; безусловно признана свобода вероисповедания; борьба с религией была роковой ошибкой...; таким образом крестьяне на занятых немцами территориях тоже могут спокойно ходить в церковь...; партизаны даже утверждают, что они сами охотно ходили бы в церковь, чтобы молить Бога об освобождении России от немцев». При этом парти-

заны даже приказывали крестьянам посещать храмы и искусно использовали в своей пропаганде случаи оскорбления религиозных чувств населения со стороны частей вермахта, вроде занятия действующей церкви под казарму[48].

Правда, среди партизанских отрядов были и бандитские шайки, грабившие священников, и небольшое количество коммунистических групп, оставшихся верными официальной довоенной доктрине враждебного отношения к религии. Но и они специально «не охотились» за священниками. Архимандрит Кирилл (Начис), говоря автору, что отношения миссионеров с партизанами были спокойными, вспомнил лишь один факт убийства последними псаломщика в селе Владимирец Псковского округа[49]. Хотя порой миссионеры погибали во время перестрелок партизан с германскими солдатами. Такой случай произошел 30 января 1944 г. в церкви погоста Бельское Устье Ропшинского района — случайной пулей в храме был убит священник Николай Беляев[50].

Не только партизаны агитировали священнослужителей. Ленинградский митрополит Алексий, понимая все значение народного сопротивления в тылу немецких войск, неоднократно обращался к своей пастве, оказавшейся на оккупированной территории, с соответствующими призывами. Особенное значение имело его пасхальное послание от 25 апреля 1943 г.: «Продолжайте же, братие, подвизаться за веру, за свободу, за честь родины; всеми мерами и мужчины, и женщины помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизан, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей родине и своей вере народ...»[51] Обращение митрополита Алексия в листовках было переправлено через линию фронта и распространено среди населения. О силе его воздействия свидетельствует письмо бойца 2-й партизанской бригады А. Г. Голицына владыке: «Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим и в борьбе против фашизма. Этот листок среди населения — как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого он будет обнаружен»[52].

Следует указать, что отдельные российские священники сотрудничали с оккупантами. Настоятели приходских церквей реагировали на политические призывы Миссии очень дифференцированно. Краткая характеристика их позиции содержится в интересном, хотя и сильно тенденциозном, мартовском 1944 г. докладе посланного в качестве своеобразного «инспектора» из Ленинграда А.Ф. Шишкина митрополиту Алексию после обследования приходов Гатчинского и Павловского районов: «В ком билось сердце патриота Родины и кому действительно дорога была Русь не профашистской миссией, а Святым Владимиром Крещенная... и кровью истинных сынов своих на поле брани напоенная — тот и в немецком плену любил ее паче жизни своей и умер как истинный патриот. Таковыми были, например, священник А. Петров (г. Гатчина) и священник М. Суслин (с. Орлино). Оба они расстреляны немцами. Те же, кто не мог отнести себя к разряду героев, но кто, живя в немецком плену, думал иногда, что за фронтовым кордоном живут их братья и сестры, сыновья и дочери, терпят муки холода и голода и все во славу Отчизны своей — тот слушался миссии, не порывая молитвенного общения со своими иерархами, молился за православное русское воинство и терпеливо ожидал встречи «со своими», решив не покидать приходского места при эвакуации немцев. Таковыми были, например, протоиерей Красовский, священник Митрофанов, протоиерей Забелин. Но были и такие, которые, проявляя «ревность не по разуму», молились за Адольфа Гитлера, устраивали торжественные богослужения в «юбилейные» дни захвата немцами селений, чтили власть предержащих, получали от них подарки. Наконец, были просто предатели Родины, типа священника Амосова,

которые неистовствовали по отношению к Советской власти и Ленинградскому иерарху. При наступлении частей Красной армии они бежали с немцами, грабя храмы, забирая священные сосуды и антиминсы. Таковыми были протоиерей Кудринский из с. Рождествено, священник Лаптев из Орлино»[53].

В целом же Миссии не удалось полностью взять под контроль религиозную жизнь на оккупированной части Северо-Запада России. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. говорилось, что имеются отдельные местности, где служат священниками люди, не состоящие ни в какой связи с Миссией[54]. Уровень церковной дисциплины тоже оставался недостаточно высоким. Пассивная форма протеста против отдельных указаний экзаршей власти стала довольно широко распространенной уже в первые месяцы оккупации. Так, в циркуляре от 17 февраля 1942 г., адресованном благочинным, митрополит Сергий отмечал, что духовенство при богослужении не считает необходимым надевать свои духовные знаки отличия, чем проявляет пренебрежение к епархиальной власти, удостоившей их награды, а в циркуляре от 25 сентября 1942 г. указывал, что духовенство отступает от установленного епархиальной властью порядка поминания светских и духовных властей в положенных местах богослужения и т. д.[55]

Особенно острые конфликты стали возникать, когда после пасхального 1943 г. послания митрополита Алексия Миссия под давлением немцев была вынуждена запретить возносить его имя. В упоминавшемся докладе С. Д. Плескача говорилось: «Примерно в мае месяце 1943 г. гдовское духовенство прекратило поминать на ектениях митрополита Алексия. Почему прекратило, мы не знаем, но прекратило, а иеромонах Лин продолжал поминать. Тогда его вызвали в Гдов, но он не поехал, а поехал я, и мне там дали такой выговор, что приходится теперь вспоминать с удовольствием. После я узнал от протодиакона Ф.И. Юдина, что будто бы были какие-то листовки за подписью Владыки к немецким войскам с призывом прекратить бойню. В это время приехал новый благочинный из Латвии Алексий Ионов, который на литургии не поминал нашего митрополита, а только Сергия. Как только кончилась литургия и когда христиане подходили к кресту — не знаю почему, между иеромонахом Лином и новым благочинным получилась перекидка, и иеромонах Лин уличил его в том, что он находится в Ленинградской епархии, забыв закон о правящих иерархах, за что иеромонах Лин чуть не поплатился приходом, но христиане заступились за него, и дело прекратилось... Во время службы русские священники, которые имели совесть, поминали митрополита Алексия, а потом Сергия, а литовские (прибалтийские) священники поминали только одного Сергия и архиепископа Нарвского Павла... Получился раскол»[56]. Подобное положение было и в других районах области. Так, в докладе митрополиту Алексию от протоиерея Н. Ломакина, в феврале 1944 г. посетившего Новгород, отмечалось, что в период оккупации «везде за богослужением возносились имена Патриаршего Местоблюстителя, Вашего Высокопреосвященства и литовского епископа», чтобы помешать этому нацисты даже применяли ложь — «незадолго перед изгнанием из Новгорода немцы распространили слух о смерти Вашего высокопреосвященства»[57].

Расчеты нацистов использовать в своих целях религиозный фактор на Северо-Западе России не оправдались. Примеры патриотической деятельности священнослужителей очень многочисленны. Так, в с. Ящерово Гатчинского района были расстреляны за антигерманскую агитацию оба священника местной церкви В. Романов и Алексий. В характеристике Ленинградского митрополита от 2 июня 1944 г. на священника Ф. Пузанова, награжденного медалью, говорилось: «Во время оккупации свящ. Пузанов имел связи с партизанами, давал им хлеб, снабжал одеждою,

давал им сведения о положении дел, о действиях немцев и т. д.»[58]. Священник Федор служил в с. Бродовичи-Заполье Псковского округа и однажды во время карательной операции нацисты сожгли его храм. Пузанова спрятали местные жители и переправили к партизанам. В течение 1943 г. священник собирал среди верующих средства для строительства танковой колонны «Димитрий Донской». Ему удалось собрать целую котомку золотых монет, серебра и денег. Эти пожертвования на общую сумму около 500000 рублей были переданы партизанами на «Большую землю»[59].

Служивший в Гатчине протоиерей Ф. Забелин спрятал советского разведчика в алтаре храма, спасая его таким образом от германской погони. А в ходатайстве 24 жителей Красного Села от 31 января 1945 г. об открытии в их городе церкви отмечалось, что в 1941–1944 гг. в этом храме при немцах ежедневно священник Иоанн совершал «по уставу положенное Богослужение, молясь за страну родную, за наших бойцов в Красной армии и, вполне понятно, за свою Советскую власть трудящихся. Молитвы за всех нас были усердны о даровании скорой победы нашей Красной армии и свободы от напавших на нас злодейски гитлеровцев»[60] и т. д. В пасхальном 1944 г. послании Ленинградский митрополит подчеркивал: «С радостью услышал я о преданности вере, о верности Родине многих пастырей за все время пребывания в фашистской неволе... также отрадно было узнать о том, что многие священники и миряне бестрепетно всеми имевшимися у них способами боролись против засилья оккупантов: помогали партизанам, укрывали их от врагов...»[61]

Своеобразным русским патриотом был и наместник Псково-Печорского монастыря игумен Павел. Он участвовал в подготовке антисоветских документов, подписывал официальные приветствия фашистским властям, но в это же время поддерживал тайную связь с партизанами. Через жительницу Пскова, горячую ревнительницу монастыря А.И. Рубцову, игумен переправлял им целые возы продовольствия. Рубцова была арестована в 1943 г. и расстреляна. На допросах она держалась с удивительной стойкостью и не выдала наместника. Согласно другим свидетельствам (жителей Печор), игумен Павел прятал в помещении монастыря рацию, по которой передавались через линию фронта сведения о фашистах, собранные иеромонахами в приходах. В то же время, будучи в прошлом эмигрантом, участником белого движения, наместник имел мало оснований любить советскую власть. Этим, видимо, объясняются его активные попытки эвакуировать монастырь при приближении фронта в марте 1944 г. Однако подавляющее большинство братии, несмотря на жестокие бомбардировки и артиллерийские обстрелы, которым подвергалась обитель, категорически отказалось уезжать, и игумен остался вместе с монахами[62].

Сокровища монастыря были все же вывезены по указанию германских властей. Их судьба очень интересовала даже Рейхсминистерство занятых восточных областей. Так, начальник руководящей группы по вопросам культуры Мильве-Шреден 29 июня 1944 г. писал в оперативный штаб рейхслейтера Розенберга: «Вы взяли на себя обеспечение сохранности сокровищ греко-православного Печорского монастыря. Так как эти сокровища не только обладают значительной культурно-исторической ценностью, но и высоко почитаются в Православной церкви, им придается существенное политическое значение. Поэтому я прошу Вас подойти к обеспечению сохранности этих сокровищ с особой тщательностью»[63]. В связи с наступлением советских войск в начале 1944 г. в Прибалтику были вывезены и другие главные церковные святыни: из Новгорода — мощи семи святых, из Пскова также мощи двух святых и чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, некоторые священные предметы из храмов Нарвы и т. д.[64]

В это время из северо-западных областей России в Прибалтику оказались эвакуированы (в значительной степени насильно) сотни тысяч людей, а с ними и многие священники. Г. Бенигсен так вспоминал об этой акции: «Мы уже давно видели надвигавшийся крах Германии, но это нас не касалось. Мы отовсюду уходили последними, делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы. Уходя, немцы увеличивали масштабы своих безумных зверств»[65]. В итоге ввиду полной принудительной эвакуации Пскова и прилегающих районов 21 февраля 1944 г. Православная Миссия в составе 69 священнослужителей прибыла на территорию Латвии и прекратила свое существование. К. Зайц был назначен руководителем другой «Внутренней Миссии», созданной для душепопечения эвакуированных[66]. Однако большинство священников бывших оккупированных северо-западных областей все же осталось на своих местах и продолжило служить после прихода советских войск.

---

[1] Устное свидетельство автору 9 апреля 1996 г. участника Псковской Миссии архимандрита Кирилла Начиса.

[2] Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927—1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 44.

[3] Бенигсен Г. Христос победитель // Вестник русского христианского движения. 1993. № 168. С. 134, 136.

[4] Алексеев В., Ставру Т. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 14. С. 148.

[5] Православный христианин. 1942. № 1. С. 4.

[6] Балевиц З. Православная Церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967. С. 31; Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 148—149.

[7] Institut für Zeitgeschichte (IfZ), MA 797, Bl. 524.

[8] Bundesarchiv — Berlin (BA), R58/225, Bl.164—165, R58/699, Bl.13.

[9] Bundesarchiv — Militaerarchiv (BA-MA), RH23/281, Bl.95; Церковный календарь на 1943. Псков, 1942. С. 63—64.

[10] BA-MA, RH23/281, Bl.79; Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 44; Поспеловский Д.В. Русская православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 207.

[11] BA, R58/699, Bl. 10—11.

[12] Фельдман-Кравченок Н. Не сломить клевете силы духа. Памяти К.И. Кравченка (1918—1973) // Вестник русского христианского движения. 1990. № 159. С. 272—273.

[13] BA, R5101/22183, Bl.80; Ковалев Б.Н. Духовно-нравственная сфера — объект противостояния в годы Великой Отечественной войны. Новгород, 1993. С. 8.

[14] Дедюхин Б.В. Сердца сокрушенные: Беседы, интервью, очерки о русском православии. Саратов, 1990. С. 193—194.

[15] BA, R58/699, Bl.13; Васильева О.Ю. Свои или чужие? (Псковская Православная Миссия). М., 1993. Рукопись. С. 8, 10.

[16] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; Веверс Я.Я. Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига, 1973. С. 7.

[17] BA, R58/699, Bl. 9.

[18] Балевиц З. Указ. соч. С. 49.

[19] ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д.14. Л. 27. Д. 10, л. 26.

[20] Синодальный архив Русской православной церкви за границей (СА), Д.18/41. Л. 19—20.

[21] Балевиц З. Указ. соч. С. 33, 41.

[22] ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 2—3, 64—65.

[23] Там же. Д. 10. Л. 12.

[24] BA, R58/699, Bl. 10.

[25] BA-MA, RH23/281, Bl. 55.

[26] Ebenda, Bl. 79.

[27] BA, R58/699, Bl. 12.

[28] BA-MA, RH23/281, Bl. 83—91; Полчанинов Р. Псковская Православная Миссия // Православная Русь, 1998, № 12, С. 14—15.

[29] BA-MA, RH23/281, Bl. 94—95.

[30] ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
[31] Бенигсен Г. Указ. соч. С. 138.
[32] Новое слово. 1941. 21 сентября.
[33] Politisches Archiv des Auswaertigen Amts (AA), Inland I-D, 4758.
[34] IfZ, MA795, Bl. 1262, 1314; BA, R58/699, Bl. 13.
[35] BA, R58/225, Bl. 181–183; Третий рейх и православная церковь // Наука и религия, 1995, № 5, С. 23–24.
[36] BA, R58/699, Bl. 9.
[37] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.6991. Оп. 1. Д. 130. Л. 480.
[38] Андреев И. О положении Православной церкви в Советском Союзе. Катакомбная церковь в СССР. Джорданвилл, 1951. С. 13.
[39] Амвросий Сиверс. Истоки и связи Катакомбной церкви в Ленинграде и области (1922–1992 гг.). Москва, 1993. Рукопись. С. 7.
[40] Амвросий Сиверс. Истинно-православные христиане и война 1941–1945 гг. // Русское православие. 1999. № 1(15). С. 25.
[41] Там же. С. 28.
[42] BA, R6/179, Bl. 32.
[43] Балевиц З. Указ. соч. С. 45.
[44] Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927–1943 годах. С. 45.
[45] BA-MA, RW4/v. 235, Bl. 88–92.
[46] Васильева О.Ю. Свои или чужие? С. 7.
[47] IfZ, MA795, Bl. 1425; Васильева О.Ю. Свои или чужие? С. 7–8.
[48] IfZ, MA795, Bl. 1417–1418.
[49] Устное свидетельство 9 апреля 1996 г.
[50] Васильева О.Ю. Свои или чужие? С. 7–8.
[51] Русская православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 34–36.
[52] ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
[53] Там же. Д. 7. Л. 19.
[54] BA, R58/225, Bl. 177.
[55] Балевиц З. Указ. соч. С. 64, 72.
[56] ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 4.
[57] Там же, л. 15.
[58] Там же, л. 9, д. 13, л. 38.
[59] Московский церковный вестник. 1989. № 2. С. 6; Якунин В. За Веру и Отечество. Самара, 1995. С. 71.
[60] ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 38; Якунин В. Указ. соч. С. 70.
[61] Журнал Московской патриархии. 1994. № 4. С. 7.
[62] Левитин А. Защита веры в СССР. Рукопись, привезенная из Советской России. Париж, 1966. С. 53–54; Дедюхин Б.В. Указ. соч. С. 195.
[63] BA, 62Di1/Film 730, Aufn. Nr 726.
[64] Ebenda, R6/179, Bl. 16.
[65] Бенигсен Г. Указ. соч. С. 138.

Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего митрополита Берлинского и Германского и Среднеевропейского митрополичьего округа Серафима (СР), июнь 1944. С. 4.

И.И. Верняев

ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В КОЛХОЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА ПСКОВЩИНЕ (1930 – 1950-е гг.)

С середины 1990-х годов кафедра этнографии и антропологии СПбГУ проводит полевые этнографические исследования в Псковской области. На первом этапе исследований наибольшее внимание уделялось сбору материала по так называемой «традиционной культуре». Изучались традиционный хозяйственный быт, жилище, одежда, календарная и семейная обрядность, социальные институты в их состоянии на конец XIX – начало XX в. Но по мере изменения информационных

возможностей «поля» полевые отряды кафедры все более обращались к изучению трансформаций традиционной культуры, хозяйства, социальных структур на протяжении XX в., социокультурных процессов в деревне колхозного и постколхозного периодов.

В ходе исследования встал, в частности, вопрос о роли традиционных социальных структур в колхозном строительстве: как и в какой степени в ходе формирования колхозного строя разрушались традиционные социальные институты или, наоборот, были задействованы, включены в формирующиеся колхозные хозяйственно-социальные структуры? Как конкретно происходило взаимодействие старых и новых социальных институтов?

В исторической литературе существует ряд наблюдений и соображений относительно роли соседско-территориальных, общинных объединений в колхозном строительстве[1]. Но почти не уделено внимания значению семейно-родственных, клановых группировок. Однако полевые и архивные данные, материалы периодической печати тех лет свидетельствуют о сохранении и даже актуализации в ходе колхозного строительства роли родственных групп. Зачастую в основе колхозных единиц (звеньев, бригад, а в первые годы колхозного строительства — и колхозов в целом) лежали неформальные объединения родственных семей.

Факты формирования колхозов (коммун и артелей) Псковщины на основе родственных групп отмечались еще до начала массового колхозного строительства. Так, в одном из докладов отдела по работе в деревне Ленинградского обкома ВКП(б) 1928 г. в отношении Псковского округа констатировалось следующее: «Почти совершенно отсутствует рост колхозов за счет примыкающих к их землям единоличных хозяйств. Как правило, пополнение коммун (и артелей) происходит за счет крестьян несоседних деревень, иногда из других сельсоветов и даже районов. Нередки случаи, когда колхозники «выписываются» из другого района или даже уезда. Делается это чаще всего по признакам родства, близкого знакомства с кем-либо из данного состава членов колхоза. Рост существующих колхозов за счет смежного крестьянства составляет самый незначительный процент даже в тех случаях, когда колхоз окружен беднотою или маломощными (чаще всего хуторянами)»[2]. В 1929 г. заведующий деревенским отделом Ленинградского обкома в своей докладной записке отмечал: «... нередки случаи, когда состав колхозов в большинстве состоит из родственников»[3]. По сообщению газеты «Псковский набат», в 1929 г. в дер. Павлихино Красногородского района организовался колхоз (ТОЗ), в который вошли 6 родственных дворов. Цель членов этого колхоза, по замечанию автора газетной заметки, — сохранить свою землю, не допустить вхождения соседних хозяйств[4]. Аналогичный факт отмечен газетой в дер. Матюшино Середкинского района, где организовался колхоз из шести дворов, члены которых — «все родственники»[5].

Необходимо заметить, что усиление родственно-клановых группировок в противовес территориально-общинному принципу объединения отмечалось еще в конце XIX — начале XX в. в России в целом и на Псковщине, в частности.[6] Эти тенденции, по-видимому, сохраняли свою силу и в начале колхозного строительства.

Именно значимость родственно-кланового принципа при формировании первых колхозов объясняет частые сетования местных руководящих органов на замкнутость коллективных хозяйств, их «закрытый» характер, «карликовость», нежелание объединяться и расширяться[7]. В упомянутой выше докладной записке заведующего деревенским отделом обкома приводится один из многочисленных фактов: «Например, коммуна «Быстрая» Порховского района состоит из 7 зажиточных семей, большинство которых родственники. Приняли двух батраков, которые в колхозе батрачат: один — мельник, другой — пастух. Такие колхозы совершенно замыкаются от местного населения, оказывают противодействие мероприятиям по укрупнению и стремятся избавиться от всякого вмешательства регулирующих органов»[8]. В газете «Псковский набат» за 1 января 1930 г. констатировалось преобладание в округе малых колхозов. Из 227 колхозов 107 имели в своем составе от 5 до 8 дворов. При этом отмечалось, что «сопротивление приему новых членов проявляется именно там, где в колхозе много родственников...».[9] Относительно небольшие размеры колхозов сохранялись вплоть до укрупнений 1950–1951 годов. До этого времени средняя артель, по данным И.В. Карасева, включала 31 двор[10].

Аналогичные факты имели место на территориях, отошедших от Эстонии и Латвии к Псковской области после освобождения от немецко-фашистских войск (Печорский, Качановский и Пыталовский районы). По наблюдениям И.В. Карасева, здесь в ходе коллективизации конца 1940 — начала 1950-х годов были случаи создания небольших колхозов из 6–10 родственных дворов[11].

На следующих этапах колхозного строительства, в период формирования внутри сельскохозяйственных артелей производственных единиц — бригад и звеньев, — семейно-родственная неформальная подоснова проявила себя вновь. В Постановлении Леноблисполкома от 16 февраля 1932 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов» констатировалось, при формировании бригад «допущены извращения производственного принципа, выразившиеся в организации бригад по территориальному признаку, из родственников или по социально-имущественным группам»[12].

Обычным явлением была организация работ в колхозе семейными коллективами как наиболее жизнеспособными социально-хозяйственными ячейками. В 1939 г. Ленинградский облисполком в специальном постановлении отменил решение общего собрания колхоза «Торма» Кингисеппского района о создании звеньев, состоящих из членов одной семьи, и рекомендовал установить порядок организации звеньев «на добровольном согласии членов колхоза вне зависимости от семейной связи»[13]. Аналогичные факты имели место и в районах Псковского округа Ленинградской области. Так, в частности, анализ состава специализированных звеньев колхозов Глубоковского сельсовета Опочецкого района 1940-х годов показал родственно-семейную основу многих из этих производственных единиц[14].

Колхозное руководство нередко фактически вводило посемейную организацию колхозных работ с закреплением определенных участков за тем или иным колхозным двором для выполнения на нем всего цикла сельскохозяйственных работ.

Так, в апреле 1949 г. в колхозе «Передовик» Опочецкого района было принято решение: «Приступить немедленно к подкормке озимых, для чего: закрепить за каждым колхозным двором определенный участок для подкормки, по уходу и уборке. Для подкормки использовать навозную жижу, мелкий навоз под навозную

землю и фекалий, как колхозные, так и колхозников».[15] Правление колхоза им. Сталина того же района в 1956 г. приняло решение о посемейной организáции труда на льноводческих работах: «Имеющиеся поля, занятые посевами льна в 1–3 бригаде, разбить на участки по хозяйствам с обязательным их тереблением...»[16] Общее собрание колхоза «Путь Ленина» Опочецкого района в 1947 г. приняло решение с целью скорейшего проведения сенокоса выделить каждой семье участок, «внедрить сдельщину и не работать скопом»[17].

Надо отметить, что подобные факты получили отрицательную оценку центрального руководства уже в период проведения коллективизации в начале 1930-х годов. В передовице «Правды» от 16 февраля 1932 г. осуждалась практика подворной организации колхозных работ[18]. Однако подобная практика так и не была изжита, о чем убедительно свидетельствуют, в частности, и псковские материалы. Проведя коллективизацию с целью создания крупного хозяйственного организма, преодоления мелкой крестьянской организации хозяйства, руководство на практике вынуждено было до известной степени вернуться к посемейной организации работ и распределения ответственности уже в рамках колхозной системы. При организации самых ответственных работ колхозное руководство включало потенциал колхозного семейного дворохозяйства, опиралось на эту устойчивую традиционную социальную единицу.

Колхозный двор, семейное хозяйство было той единицей, которая, подвергшись удару коллективизации, сохранила свою социальную, хозяйственную, культурно-бытовую значимость. Остановимся еще на одном весьма показательном аспекте взаимоотношений семейных хозяйств колхозников и новых колхозных структур.

При изучении взаимодействия колхозных дворов и коллективного хозяйства прежде всего обращают внимание на тот поток ресурсов, которые колхозные дворы получали от колхоза, на зависимость мелких личных хозяйств от крупных, на их несамостоятельность. Однако существовала и обратная зависимость. Особенно на первых этапах колхозного строительства колхозная экономика по ряду важнейших вопросов была зависима от личных хозяйств колхозников, значительный поток разнообразных ресурсов добровольно или принудительно перекачивался из колхозных дворов в коллективные хозяйства. Подробно эти факты изучались нами на полевых и архивных материалах Опочецкого района (большинство данных относится к послевоенному периоду)[19].

Огромное значение для экономики послевоенных колхозов имел поток ресурсов, получаемых из личных хозяйств колхозников. Сами находясь в крайне стесненном положении, личные хозяйства тем не менее оказывали коллективным хозяйствам добровольно или принудительно разнообразную помощь.

С середины 1930-х годов центральным и местным руководством жестко поставлен о необходимости создания товарных ферм крупного рогатого скота. При этом фактически основным источником пополнения ферм молодняком скота стали личные хозяйства колхозников. Личные хозяйства обязаны были передавать колхозу телят на условиях контрактации и в меньшей степени — покупки.

Так, например, в государственном плане по развитию животноводства Ленинградской области на 1938 г. определялось, что в этом году всего по области необходимо для создания и пополнения колхозных ферм приобрести и законтрактовать у колхозников 5000 телок (в том числе в Псковском округе — 1100 телок)[20].

Соответствующие решения по контрактации принимало руководство колхозов. В январе 1948 г. правление колхоза «Передовик» постановило: «Колхозники, имеющие в личном пользовании корову, должны каждый законтрактовать теленка и сдать на ферму не ниже средней упитанности по истечении трех месяцев. Сдачу теленка на ферму производить в присутствии зоотехника. Развернуть социалистическое соревнование внутри бригад и каждого колхозника в отдельности, вызывая друг друга на социалистическое соревнование»[21]. Колхоз «Путь Ленина» Опочецкого района в 1947 г. должен был законтрактовать 52 головы телят и 20 — ягнят. По условиям контрактации сдавать необходимо было теленка определенного возраста (обычно — шестимесячного)[22]. Кроме пополнения колхозных ферм законтрактованный молодняк шел на мясо, которое сдавалось государству в счет выполнения обязательных госпоставок колхоза[23]. За контрактованных телят колхоз рассчитывался деньгами и зерном. Однако существующие расценки далеко не удовлетворяли крестьян[24].

За отказ от контрактации колхоз принимал меры, заключающиеся в наложении ограничений на личное хозяйство. Так, в 1948 г. общее собрание членов колхоза «Передовик» Опочецкого района постановило: «В виду того, что член колхоза Михайлова Евдокия не законтрактировала теленка, а зарезала, общее собрание колхозников постановило: с 12/IX 1948 лишить пастьбы скота на колхозных выгонах и не выдавать сена, причитающееся на трудодни 1948 г.»[25]. В 1949 г. правление колхоза принимает решение: всех, кто не контрактирует своих телят, лишить бесплатного пользования пастбища для выпаса личного скота и для отказников установить плату в 200 руб., за случку коровы с колхозным быком брать с них по 50 руб. (для контрактантов — 10 руб.) и «срезать» количество кормов, причитающихся на трудодни[26]. В колхозе «Путь Ленина» Опочецкого района за случку коровы с колхозным быком с тех, кто не контрактирует телят, брали по 100 руб., для контрактантов эта услуга была бесплатной[27]. Скот тех, кто не контрактировал телят, здесь не допускали на колхозное пастбище[28]. Таким образом, «контракт» по сдаче телят колхозу в значительном числе случаев не был добровольным, игнорирование его влекло за собой серьезные санкции.

Следуя частной хозяйственной логике, избежать «контрактации» стремились иногда и члены руководства колхоза. На одном из общих собраний членов колхоза «Передовик» 1948 г. колхозник Миронов Василий обвинил членов правления в том, что те не контрактуют своих телят[29].

Кроме телят колхоз контрактовал в хозяйствах колхозников ягнят[30].

Личные подсобные хозяйства помогали колхозу в выполнении государственного плана по некоторым видам продукции.

Есть данные, что личные хозяйства обязаны были сдавать в колхоз овощи. Так, в колхозе «Передовик» Опочецкого района была установлена норма — по 6 кг

овощей с каждого колхозного двора для расчета с государством по обязательным госпоставкам[31]. В 1947 г. для выполнения плана по сдаче овощей государству правление колхоза «Путь Ленина» Опочецкого района приняло решение получить овощи из личных хозяйств колхозников, обменяв их на колхозный турнепс. Было установлено следующее соотношение: за 10 кг свеклы — 15 кг турнепса; за 10 кг капусты — 15 кг турнепса[32].

Некоторые колхозы в счет обязательных поставок молока государству рассчитывались молоком, собранным с личных хозяйств. В 1956 г. правление колхоза им. Сталина приняло решение о сборе молока с подворий колхозников для сдачи его в счет госпоставок колхоза. За молоко руководство колхоза предполагало рассчитываться зерном, считая при этом, что «такое мероприятие выгодно как для колхоза, так и для колхозников»[33].

Подавляющая часть домашней птицы была сосредоточена в личных хозяйствах. В связи с этим колхозы вынуждены были рассчитывать при выполнении планов по сдаче заготовительным организациям яиц на помощь хозяйств колхозников. Так, например, колхоз «Передовик» Опочецкого района в 1948 г. выполнил план по сдаче яиц государству только на 50%. Бригадир одной из бригад предложил на общем собрании: «Насчет выполнения яичек государству у нас не может быть разговору. Каждый колхозник, случивший корову, может вполне заплатить по 5 яичек для сдачи государству, и в крайнем случае может колхоз может купить за колхозное молоко и выполнить яички». В результате было принято решение, что за случку личных коров с колхозным быком хозяева должны были отдать колхозу 10 яиц и 5 руб.[34]

В связи с приведенными фактами нуждается в коррекции статистика сельскохозяйственного производства, с одной стороны, колхозов, с другой — личных хозяйств колхозников. Зачастую то, что реально было произведено в личных хозяйствах, сдавалось колхозом и учитывалось как произведенное в обобществленном секторе.

В первые послевоенные годы на колхозных работах нередко в качестве тягловой силы, наряду с общественным скотом и лошадьми, использовался крупный рогатый скот колхозников[35]. В апреле 1947 г. общее собрание колхоза «Путь Ленина» Опочецкого района приняло решение: «Вывезти все удобрения на поля и отдать коров, имеющихся в личном пользовании, в колхоз на время весеннего сева на обработку полей. Чтоб обеспечить себя хлебом в будущей жизни. Примером должны послужить члены правления и бригадиры, первые обучить своих коров на обработку полей колхоза». Ежедневно каждая личная корова должна была отработать на колхозном севе по 2 часа[36].

Личные хозяйства помогали колхозу в пополнении и обновлении семенного фонда, покупке инвентаря, лошадей и др. При этом нередко были задействованы промысловый потенциал колхозных дворов. Так, в колхозе «Передовик» Опочецкого района, в деревнях которого издавна был развит бондарный промысел, все мужчины должны были сделать по нескольку кадок, вывезти их на базар, а вырученные деньги сдать на покупку семян и лошадей. За изготовление кадок бондарям начислялись трудодни с дифференциацией в зависимости от типа и

размера кадки[37]. Председатель хозяйства, оценивая значение продукции бондарей, констатировал, что «колхоз больше средств ниоткуда не имеет, чтобы купить недостающее количество семян клевера, удобрений и инвентаря»[38]. Колхозники сельхозартели «Путь Ленина» одалживали колхозу деньги на покупку лошадей[39].

Личные хозяйства одалживали колхозу картофель (в том числе сортовой) для посадки на колхозных полях. В 1946 г. в колхозе «Путь Ленина» Опочецкого района было принято решение собрать «по колхозникам» 14,5 центнера «верхушек картофеля» для посадки на колхозных полях. Колхоз обязался вернуть картофель осенью в двукратном размере. Председатель колхоза, чтобы показать пример, сам сдал в колхоз 4 меры картофеля[40].

В наказание за падеж, гибель колхозного скота колхозники иногда должны были отдать в колхоз свой скот. Так произошло, в частности, в 1947 г. с колхозницей артели «Путь Ленина», которая отдала своего бычка колхозу в качестве компенсации за гибель во время ее пастьбы колхозного теленка[41].

Находясь по воле колхоза, как правило, в весьма стесненном положении при заготовке кормов, личные хозяйства тем не менее нередко одалживали колхозу корма[42]. В 1956 г. общее собрание колхоза им. Сталина приняло решение: «Ввиду создавшегося тяжелого положения с кормами поручить правлению колхоза позаимствовать сена у колхозников с возвратом 10% надбавки»[43].

Колхозные поля удобрялись в значительной степени за счет частных подворий.[44] В апреле 1948 г. правление колхоза «Передовик» Опочецкого района принимает решение: «Обязать каждое хозяйство подкормить озимые фекалиями из своих дворов по 0,50 га, не менее. Остальную площадь подкармливать... из общественных дворов...»[45] В 1949 г. общее собрание колхоза «Передовик» принимает решение: «Мы, колхозники, обязуемся вывезти на колхозные поля со своих личных дворов не менее 300 возов навоза, собрать по 1,2—2 ц золы, по 15 кг птичьего помета»[46]. В 1956 г. правление колхоза им. Сталина приняло решение о вывозе с каждого двора на колхозные поля по 5 возов навоза и 100 кг золы. За предоставление колхозу удобрений колхозникам начислялось соответствующее количество трудодней[47].

Навоз, птичий помет и золу свозили на колхозные поля и колхозники сельхозартели «Путь Ленина». Бригадные собрания этого колхоза принимали решения «не весь имеющийся навоз вывозить на свои личные усадьбы; отдать имеющиеся излишки навоза от своих личных коров на поля в колхоз»[48]. Однако председатель хотел большего: «Отдать все удобрения на поля в колхоз для повышения урожая, отдать в колхоз максимум навоза от своих личных коров, собрать всю золу и полностью фекалий»[49]. За 10 возов навоза колхозникам выдавалось по 5 пудов ржаной соломы[50].

Известны также случаи заимствования колхозом денег у колхозников на покупку автомобиля. Правление колхоза им. Сталина в 1956 г., получив отказ в госбанка о займе в размере 17 тыс. руб. на покупку автомобиля, приняло решение позаимствовать необходимые средства у колхозников[51].

Обычной была ситуация использования хозяйственных построек колхозных дворов для размещения колхозного стада крупного и мелкого рогатого скота

(взрослого и молодняка), хранения продукции в качестве производственных помещений. Вплоть до 1960-х годов собственной производственной инфраструктуры колхозам не хватало.

В целом поток ресурсов, постоянно переходящих от семейных хозяйств в колхоз, был достаточно велик. Без этого симбиоза с частным сектором колхозной экономике вряд ли удалось бы подняться. Семейные хозяйства колхозников в условиях скудости помощи со стороны государства были одним из основных источников ресурсов, необходимых для становления и развития колхозной экономики. Ресурсы и элементы инфраструктуры, добровольно или принудительно перекачиваемые в колхозное хозяйство, были разнообразны — хозяйственные постройки, скот, удобрения, посевной материал, корма, некоторые виды продуктов и др. Нередко продукцией личных хозяйств колхозников колхоз рассчитывался по своим обязательствам перед государством. Вследствие скудости оплаты за труд в колхозе основная нагрузка по воспроизводству рабочей силы ложилась на семейные хозяйства. Семьи колхозников и в новых условиях ориентировались на традиционную модель двойственной экономики дворохозяйства, сочетающую занятие сельским хозяйством и отход на заработки. Таким образом, колхозная экономика восстанавливалась и развивалась в значительной части за счет сохранения основных элементов традиционного семейного крестьянского дворохозяйства.

Сравнительные исследования переходных обществ XX в., к каковым относится и Россия, показывают, что на этапе перехода, модернизации многие традиционные социальные институты оказываются задействованными, вновь актуализированными, включенными в формирующиеся новые отношения и структуры. Зачастую они выполняют роль неформальных внутренних механизмов модернизации, резерва ресурсов для социально-экономических перемен, социального амортизатора их последствий.

---

[1] Осокина В Я. Социалистическое строительство в деревне и община 1920–1933. М., 1978; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.

[2] История коллективизации сельского хозяйства СССР: Документы и материалы. Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937). Л., 1970. С. 48–49.

[3] Там же. С. 144.

[4] Псковский набат. 1930. № 4. 12 января. С. 4.

[5] Там же. № 10. 12 января. С. 3.

[6] Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 — 1914 гг. М., 1992. С. 234–237; Верняев И.И. Крестьянский социум Псковского края (вторая половина XIX — первая четверть XX в.): Историко-этнографическое исследование. Автореф. канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 20.

[7] История коллективизации сельского хозяйства СССР: Документы и материалы. Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937). Л., 1970. С. 139, 140, 339; Псковский набат. 1930 г. № 13, 16 января. С. 4.

[8] История коллективизации сельского хозяйства СССР... С. 139, 145.

[9] Псковский набат. 1930 г. № 1. 1 января. С. 4.

[10] Карасев И.В. Развитие сельского хозяйства в Псковской области в 1944–1958 годах. Л., 1991. С. 8.

[11] Карасев И.В. Коллективизация единоличных хозяйств в западных районах Псковской области (1950) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 1994. С. 98–99.

[12] История коллективизации сельского хозяйства СССР... С. 253.

[13] Бюллетень постановлений Ленинградского облисполкома № 14. 1939. Л., 1939. С. 13.
[14] Опочецкий районный государственный архив (далее: ОРГА). Ф. 614. Оп. 1. Д. 12. Л. 6–7.
[15] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 12. Л. 45 об.
[16] ОРГА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 67. Л. 44.
[17] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 30. Л. 14 об.
[18] Бригадная система организации труда в колхозах / Под ред. Н.Н. Анисимова, И.С. Шахова и др. М.-Л., 1932. С. 52; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 162–163.
[19] Архив кафедры этнографии и антропологии СПбГУ: Отчет о полевых исследованиях 2002 г. в Опочецком районе Псковской области.
[20] О государственном плане развития животноводства по Ленинградской области на 1938 г. Постановление президиума Ленинградского облисполкома от 29 июня 1938 г. // Крестьянская правда. 1938. № 148. 30 июня. С. 1-4.
[21] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 9. Д. 2; см. также: Д. 28. Л. 23; Д. 30. Л. 8.
[22] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 30. Л. 28.
[23] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 6, 11–12.
[24] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 9. Д. 7–7 об.; Д. 12. Л. 13 об.; Д. 28. Л. 18.
[25] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–18 об.
[26] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 12. Л. 13 об.
[27] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 30. Л. 12 об.
[28] Там же. Л. 29.
[29] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2 об.
[30] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
[31] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об., 21.
[32] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.
[33] ОРГА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 67. Л. 5–5 об., 17, 23, 27, 44, 61 об.
[34] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–18 об.
[35] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.
[36] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 30. Л. 13 об.
[37] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2 об.; Д. 9. Л. 3.
[38] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 12. Л. 45 об.
[39] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.
[40] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 28. Л. 23, 24; Д. 30. Л. 5–5 об., 25.
[41] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 30. Д. 15 об.
[42] ОРГА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 67. Л. 23 об.
[43] Там же. Л. 64.
[44] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 8. Л. 2; Д. 12. Л. 45 об.
[45] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 9. Л. 11–12.
[46] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 12. Л. 39–40 об.
[47] ОРГА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 67. Л. 2 об., 22; Ф. 614. Оп. 1, Д. 30. Л. 28.
[48] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 28. Л. 24; Д. 30. Л. 8.
[49] ОРГА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.
[50] Там же. Л. 31; Д. 31. Л. 3.
[51] ОРГА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 67. Л. 31.

А.А. Михайлов

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПСКОВЕ

Дело военного образования имеет в Пскове очень глубокие исторические корни и богатые традиции. Уже в XVIII в. в городе действовала Гарнизонная школа, которая предназначалась для солдатских детей, обучавшихся там грамоте и ремёслам. В 1798 г., по инициативе императора Павла I, все гарнизонные школы страны, включая псковскую, были переименованы в отделения Императорского Военно-сиротского Дома и подчинены особой Экспедиции о военно-сиротских

учреждениях. Согласно новым правилам, в Военно-сиротские отделения на казённое содержание могли зачисляться не только солдатские дети, но и сыновья малоимущих дворян и офицеров. Однако даже обедневшие дворяне вовсе не стремились воспользоваться предоставленной льготой. Многие не без оснований считали учебный курс отделений слишком примитивным, другие не хотели, чтобы их дети учились вместе с солдатскими или боялись царившего в отделениях сурового режима.

Обычно в отделение принимали мальчиков, достигших 7-летнего возраста, но в отдельных случаях брали и 6-летних. Все они, невзирая на «младенчество», должны были жить в интернате и носить форму. На воспитательские должности назначались строевые офицеры, а учителями могли стать и военные, и гражданские лица. Детей учили Закону Божьему, чтению, письму и арифметике. Много времени отводилось под строевые упражнения и ремёсла. Экзамены проходили один раз в год, в августе, под руководством командира местного гарнизонного батальона, которому вообще принадлежала «полная над отделением дирекция»[1]. По достижении 15 лет все воспитанники направлялись на военную службу солдатами или унтер-офицерами. Вполне понятно, что дворянам подобная карьера представлялась незавидной и они предпочитали отдавать своих детей в кадетские корпуса, которые располагались в основном в Петербурге. Внутренний режим корпусов был тоже военизированным и очень строгим, но учебная программа — гораздо шире, а выпускники получали офицерский чин.

По данным 1801 г., в Псковском военно-сиротском отделении обучалось 170 воспитанников и служило всего шесть учителей: три — по русской грамоте и три по арифметике. Само обучение проходило следующим образом: в понедельник, вторник, четверг и пятницу до обеда дети, умевшие писать, обучались арифметике, а прочие учились по азбукам, часословам и псалтырям чтению и письму. После обеда все ученики «читали зады». В субботу, до обеда, слушали воинский артикул, а по средам — повторяли пройденное. В табельные и воскресные дни занятий не было[2].

Для размещения Псковского военно-сиротского отделения отвели так называемый «старый генерал-губернаторский дом». По данным учёного-краеведа Ф. А. Ушакова, дом этот стоял на месте, где прежде был княжеский двор, а с 1510 г. жил наместник[3]. Здание многократно перестраивалось, разрушалось и снова восстанавливалось. Сообщая в Петербург о плохом состоянии помещений военно-сиротского отделения, командир гарнизона писал: «...Во многих комнатах от течи грозят разрушением потолки, крыша досчатая сгнила, а местами провалилась. Окна и печи в весьма худом состоянии»[4].

В 1803 г. для руководства военно-сиротским отделением учредили специальную должность смотрителя. В 1819 г. её занял штабс-капитан Алексей Григорьевич Лукашевич, который стал буквально засыпать начальство просьбами о предоставлении нового помещения[5]. Под его давлением губернские власти составили смету на исправление дома. Однако, выяснив, что ремонт обойдётся недёшево (архитектор просил 700 руб.), они направили в Министерство внутренних дел запрос о том, на чей счёт будут осуществляться работы. После нескольких лет волокиты пришёл ответ, что ремонтировать дом должен тот, кто его отводил, т. е. сами губернские власти. Администрация начала немедленно пересчитывать смету и в итоге урезала её почти втрое. Но тут дело приняло новый оборот. В августе 1823 г.

Псковская губерния была причислена к остзейским губерниям, находившимся под управлением генерала от инфантерии Ф. О. Паулуччи[6]. Тот, будучи профессиональным военным и опытным администратором, нашёл успешное решение. Он обратился в Министерство внутренних дел с предложением перевести военно-сиротское отделение в более удобное здание Присутственных мест (то есть губернской администрации), а сами Присутственные места выселить в здание отделения. Так военная школа получила 2-этажный дом на Губернаторской улице, который теперь вошёл в состав Дома Советов.

В 1824 г. все военно-сиротские отделения были подчинены Департаменту военных поселений и лично любимцу императора Александра I графу А. А. Аракчееву. Ещё в 1805 г. воспитанникам было присвоено наименование кантонистов, а с 1827 г. их стали сводить в роты, полубатальоны и батальоны. В Пскове был организован полубатальон численностью в 500 кантонистов. Приём учащихся стал осуществляться по новым правилам. Отныне все солдатские дети делились на три категории: младше десяти лет, от десяти до пятнадцати лет и от пятнадцати до восемнадцати лет. Дети первой категории должны были находиться на воспитании у родителей и опекунов. По достижении десяти лет им вменялось в обязанность посещать кантонистские школы, но жить можно было и в семьях, и в интернате, в зависимости от обстоятельств. Когда кантонисту исполнялось пятнадцать, он в обязательном порядке переводился в интернат. Особые параграфы правил запрещали принимать солдатских детей в гимназии, приходские и уездные училища. По достижении 18 лет солдатские сыны направлялись на службу, «в строй».

Во время реорганизации Псковского военно-сиротского отделения в полубатальон им руководил майор Крыжановский. Он проявил себя как весьма деятельный офицер. Труднее всего было решить проблему с обеспечением заведения хорошими педагогическими кадрами. Жалование в полубатальоне было низкое, и служили в нём, главным образом, те, кто не смог устроиться в гражданские учебные заведения. Начальству даже пришлось ввести обучение кантонистами друг друга, по образцу Белль-Ланкастерской школы. Кроме того, Крыжановский обратился в Главное управление военных поселений с просьбой разрешить ему направить 12 лучших кантонистов в Псковскую гражданскую гимназию для подготовки в учителя. Разрешение было получено, и в декабре 1827 г. директор гимназии сообщал, что семеро из двенадцати кантонистов показали хорошие способности.

Конечно, программы кантонистской школы оставались довольно примитивными. Но она приносила немалую пользу, обеспечивая армию грамотными унтерофицерами и помогая солдатским детям получить хотя бы элементарное образование. Не случайно численность псковских кантонистов постоянно росла. К 1844 г. она достигла 2243 чел.

В 1859 г. Псковский полубатальон военных кантонистов был преобразован в Училище военного ведомства. Новое заведение отличалось от своего предшественника более мягким внутренним режимом и тем, что родители отдавали туда детей добровольно (в кантонисты забирали всех солдатских сынов в обязательном порядке). Вообще, контингент воспитанников в Псковском училище военного ведомства оказался очень пёстрым. Основу его составили солдатские дети, но

были также выходцы из офицерских и чиновничьих семей. Кроме того, по особому приказу военного министра, в училище определяли малолетних бродяг и сирот из приютов.

В ноябре 1862 г. военный министр Д. А. Милютин начал коренную реформу военно-учебных заведений. В стране создавалась сеть военных гимназий, юнкерских и военных училищ. Гимназии имели общеобразовательный 7-летний курс и принимали в основном сынов офицеров не младше 10 лет. Те из них, кто успешно осваивал военно-гимназический курс, поступали в военные училища (не путать с училищами военного ведомства), дававшие исключительно специальную, военную подготовку. Юнкерские училища напоминали военные, но принимали более широкий круг лиц: выпускников народных и городских училищ, лучших унтер-офицеров из армии и др. С 1866 г. по всей стране начали открываться военно-начальные школы, которые ещё два года спустя переименовали в военные прогимназии. Задачей прогимназий было обеспечить общим образованием тех, кто избрал офицерскую карьеру, но либо не поступил в военную гимназию, либо был оттуда исключён за неуспеваемость. Выпускники прогимназий шли в юнкерские училища или в старшие классы военных гимназий.

В 1868 г. открылась Псковская военная прогимназия, имевшая 4-летний учебный курс. Возглавил новое заведение полковник Попелло-Давыдов, имевший репутацию отличного педагога. Большую роль в становлении гимназии сыграл также священник Андрей Сенаторский, являвшийся очень колоритной фигурой. Во время Крымской войны он в качестве полкового священника участвовал в обороне Севастополя и за проявленное мужество получил боевые ордена[7]. Мягкий и добрый священник, по воспоминаниям сослуживцев, пользовался большой любовью и уважением учеников.

В 1876 г. Псковскую прогимназию реорганизовали в гимназию. Её учебный курс соответственно увеличился и включал: русский, французский и немецкий языки, историю, естествознание, физику, математику, географию, законоведение, Закон Божий и ещё целый ряд предметов. Телесные наказания практически вышли из употребления. Как правило, виновных сажали в карцер, лишали воскресного отпуска, а самых маленьких оставляли без сладкого за обедом. Кстати, и питание стало гораздо лучше: детям давали мясные кушанья, разнообразную рыбу, пироги, каши, а по праздникам даже пирожные и конфеты.

Большую часть гимназистов составляли казённокоштные пансионеры, которые обучались за государственный счёт и жили в интернате. Попасть в их число, как говорилось выше, могли лишь дети офицеров и военных чиновников. Приём осуществлялся по старшинству разрядов: в первую очередь сироты, потерявшие отцов на войне, затем сыновья инвалидов, кавалеров ордена Св. Георгия, генералов... Благотворительность, таким образом, оставалась важным элементом в деятельности военной школы. Здесь следует заметить, что, вопреки расхожему мнению, большинство офицеров жило совсем небогато, получая очень скромное жалование. Казённые вакансии часто были для них единственным шансом дать детям хорошее образование.

В 1882 г. по указу Александра III все военные гимназии были переформированы в кадетские корпуса, названные так по аналогии с военно-учебными заведениями начала XIX в. Согласно принятому в 1886 г. «Положению», их задачей было: «доставлять малолетним, предназначенным к военной службе в офицерском звании и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и

соответствующее их предназначению воспитание»[8]. Кадетские корпуса унаследовали от военных гимназий общеобразовательный учебный курс, но в их внутренней организации и педагогической работе усилился военный элемент.

Воспитанники (кадеты) были разделены на роты, но в отличие от времён Николая I в каждую роту отбирали детей примерно одного возраста. В учебном плане кадеты делились на семь классов. Минимальный возраст для приёма в младший, 1-й, класс, определялся 10 годами.

Роты состояли из нескольких отделений. Во главе каждого отделения стоял офицер-воспитатель, требования к которому отличались немалой строгостью. «Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов» гласила, что: «Воспитателю при соответствующих его призванию качествах ума, сердца, характера и образования необходимы: практическое здравомыслие, житейская опытность, понимание явлений духовной и телесной жизни детей вообще, умение обращаться с ними и способность подчинять их своему влиянию, верная оценка пороков, заблуждений и слабостей, господствующих в современном обществе, близкое знакомство с настоящими условиями жизни и ясное понимание требований к офицерской службе»[9]. Разумеется, на практике укомплектовать штаты корпуса только такими людьми было невозможно. Но всё же среди псковских офицеров-воспитателей было немало талантливых педагогов, о которых кадеты вспоминали с теплотой. Руководство корпусом осуществлял директор, обычно в чине генерал-майора. Его ближайшим помощником являлся инспектор классов, который отвечал за учёбную работу. Должность инспектора, равно как и должности учителей-предметников, могли занимать и военные, и гражданские лица.

Педагоги старались сформировать в первую очередь у кадетов такие качества личности, как интерес к военной службе, верность монархии, мужество, дисциплинированность, скромность. Воспитанники носили форму, причём вносить в неё какие-либо изменения запрещалось. Это ограничение установили, чтобы дети из богатых семей не выделялись на общем фоне и зависть не мешала бы дружбе. В обычные дни псковские кадеты ходили в тёмно-зелёных мундирах с чёрными погонами и шароварах. Головным убором служила фуражка с красным околышем и чёрной выпушкой по тулье. В холодное время надевали чёрные суконные шинели, а на голову — башлыки. Кадетская форма была удобной, красивой и в то же время дисциплинировала детей, приучая их к порядку.

Большинство кадет испытывало большую гордость за носимую форму. Один из них, Борис Ждан-Пушкин, даже написал в корпусном журнале «Псковичъ» в 1913 г. статью с выразительным названием «Обаяние мундира», в которой отмечал: «Мундир военного резко отличающий его носителя от прочих смертных, должен постоянно напоминать об обязанностях военной службы, о её назначении и цели. Цель эта велика и возвышенна... В каждый миг и офицер, и солдат должны быть готовы отдать свою жизнь за других, за Родину. Этот героизм налагает неизгладимый отпечаток на всю наружность военного, он-то и отражается таким заманчивым блеском на его мундире»[10].

Не случайно самым обидным наказанием считалось у кадет лишение погон. Весьма характерный в этом отношении документ сохранился в архиве Псковского корпуса. Это протокол заседания Педагогического комитета, которое состоялось 27 января 1887 г. и было посвящено разбору проступка кадета 4-го класса Б. Корчица. Названный воспитанник нанёс оскорбление воспитателю (обозвал его «поганой

сволочью») и был за это заключён в карцер. Когда же виновному объявили, что с него снимут погоны, он заплакал и, «...сильно рассердясь, сказал, что пусть его лучше отправят в Ярославскую школу, чем лишат погон»[11]. Надо заметить, что Ярославская военная школа была учебным заведением низшего разряда, и перевод в неё имел бы гораздо более серьёзные последствия, чем временное лишение погон.

Вообще, корпусные педагоги придавали совершенно особое значение формированию у кадет интереса и любви к военной службе. «Инструкция по воспитательной части» настоятельно требовала, чтобы все доступные воспитательные средства, все способы непосредственного воздействия наставников на их питомцев, как и вся обстановка жизни сих последних, своевременно возбуждали и твёрдо упрочивали в каждом из них живой интерес к военному делу и к славе родного оружия, глубокое уважение к воинской доблести и признательную память о боевых подвигах соотчичей, искреннее сознание святости присяги...»[12].

В большинстве случаев эта нелёгкая задача решалась успешно. Так, обучавшийся в Псковском корпусе с 1910 по 1917 г. В. Айзов подчёркивал в своих мемуарах, что и он сам, и его товарищи с детства знали, что должны «в мирное время быть исправными по службе, в случае же войны, если понадобится, умереть за Веру, Царя и Отечество»[13].

Уже в самом начале своего существования, в 1880-е годы, Псковский кадетский корпус считался одним из лучших в России по уровню успеваемости воспитанников и качеству учебной подготовки. Так, начальник Константиновского военного училища генерал К. Анчутин в своём «Отчёте за 1884–1886 годы» отмечал: «Из всех кадетских корпусов за рассматриваемый период времени наилучший контингент бесспорно дал училищу Псковский кадетский корпус. Можно сказать даже более, что с кадетами этого корпуса не может идти в сравнение не один из прочих корпусов, имевших в училище столь же многочисленных представителей. Положительно почти все без исключения кадеты этого корпуса отличались воинской порядочностью, скромностью и симпатичностью...»[14]

Такие корпусные педагоги, как учитель словесности К. С. Хоцянов, математик В. Ф. Трояновский, преподаватель естествознания Н. А. Зарудный, были известны далеко за пределами губернии, регулярно помещали статьи в педагогической прессе, разрабатывали учебные пособия. В очень большой степени успех деятельности корпуса зависел от его директора, который располагал очень широкими полномочиями. С 1883 по 1891 г. заведением руководил генерал-майор А. С. Курбатов. Ко времени назначения в Псков он уже имел большой опыт педагогической службы в Киевской военной гимназии и 2-м кадетском корпусе в Петербурге. По воспоминаниям одного из сослуживцев «отношения его (Курбатова — А. М.) к кадетам были всегда ровны, внимательны и сердечны... кадеты его безгранично любили»[15]. Именно благодаря умелому руководству Курбатова, реорганизация гимназии в кадетский корпус прошла быстро и слаженно.

В 1892 г. А. С. Курбатов был переведён в Петербург, а его место в корпусе занял И. А. Боголюбов, к тому времени довольно пожилой, 62-летний генерал. Возможно, именно в силу преклонного возраста он не мог уделить службе достаточного внимания. При Боголюбове в корпусе упала дисциплина. Традиционный для корпусов «цук» (притеснение старшими воспитанниками младших) принял совершенно дикие, прямо-таки криминальные формы. В итоге главный начальник

военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович в 1901 г. отстранил Боголюбова от должности.

С 1902 по 1905 г. директором корпуса состоял генерал-майор В. А. Шильдер. Время его руководства стало для заведения золотым веком. По инициативе Шильдера, стали широко практиковаться такие методы воспитательной работы, как экскурсии, гимнастические праздники, музыкальные вечера. Несколько раз псковские кадеты становились победителями спортивных соревнований между корпусами, проходивших в Петербурге. А вот как один из кадетов вспоминает об экскурсии, организованной офицером-воспитателем: «Поход проделывался пешим порядком со скатками, винтовками и прочим. Ночевали обыкновенно в палатках... Каждая прогулка крепче нас сплачивала и невольно приближала одного к другому»[16].

Начинания Шильдера с успехом продолжили его преемники: В. П. Родионов (1906–1912) и Г. С. Осипов (1912–1917). С началом в 1914 г. Первой мировой войны жизнь в корпусе вошла в полосу тяжких испытаний. Многие офицеры-воспитатели ушли в действующую армию. Частыми стали случаи побегов на фронт воспитанников. В августе 1917 г. из-за приближения к Пскову зоны военных действий корпус был эвакуирован в Казань. В силу полученного воспитания большая часть его воспитанников не могла принять Февральской революции и сохранила верность монархии. Уже 26–27 октября 1917 г. они участвовали в попытке казанских юнкеров подавить выступление революционно настроенных солдат, но потерпели поражение. Впоследствии корпус перебрался в Иркутск, где влился в состав военно-учебных заведений, создаваемых правительством А. В. Колчака.

Всего за время своего существования (1882–1917) Псковский корпус дал 1443 выпускника, поступивших в военные училища. Многие из них стали видными военными деятелями, внесли заметный вклад в развитие русской армии. Иные просто честно служили офицерами, мужественно сражались в Русско-японскую и Первую мировую войны. Особо следует отметить выдающегося военного историка П. Н. Симанского (окончил корпус в 1883 г.), теоретика в области военной администрации В. Н. Минута (1886), педагога С. Верховского (1884), военного переводчика И. Ягелло (1884). Такие выпускники корпуса, как А. Келчевский и А. Боровский, были видными деятелями белого движения. В. Д. Грендаль, напротив, перешёл на сторону Советской власти и стал одним из виднейших специалистов по артиллерийскому вооружению Красной армии. Но на какой бы стороне не сражались бывшие кадеты-«псковичи», они всегда проявляли исключительное: стойкость и верность высокому званию русского офицера.

---

[1] Лалаев М. С. Наши низшие школы военного ведомства // Педагогический сборник. 1886. Кн. 1. С. 250.

[2] Ушаков Ф. А. Материалы для истории Псковского кадетского корпуса. Псков. 1901. С. 12.

[3] Там же. С. 13.

[4] Там же.

[5] А. Г. Лукашевич начал службу в 1810 г. подпрапорщиком 3-го Морского полка. В 1812 г. он был произведён в прапорщики, в 1817 — в поручики, в 1818 — в штабс-капитаны. Лукашевич участвовал в заграничном походе русской армии 1815 г., а в отделении служил до 1819 г., после чего перешёл в Псковскую казённую палату на должность дворянского заседателя. В 1836 г. стал винным приставом в городе Острове. Его сын, Николай Алексеевич, служил помощником старшего хранителя Эрмитажа и главным гардеробмейстером Императорских театров Петербурга // ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 524. Л. 1–5, 44-46.

[6] Известный литератор Ф. В. Булгарин оценивал личность Паулуччи следующим образом: Он был храбр, откровенен, даже к собственному вреду, решителен... Что он добрее душой, это скажут вам все до

единого в Лифляндии, Курляндии, Эстляндии и в Псковской губернии...// Ф. В. Булгарин Воспоминания. М., 2001. С. 487–488.

[7] ВФ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 68. Л. 204–216.

[8] Положение Военного совета о кадетских корпусах, Высочайше утверждённое 14 февраля 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. Т. 6. СПб., 1888. С. 60.

[9] Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1905. С. 60.

[10] Псковичъ. 1916. № 1 (18). С. 19.

[11] ВФ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 72. Л. 19.

[12] Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1905. С. 18-19.

[13] Айзов В. Последние дни корпуса в Пскове // Досуг кадета-псковича (на правах рукописи). Париж. 1957. С. 25.

[14] Ушаков Ф. А. Материалы для истории Псковского кадетского корпуса. Псков. 1901. С. 68.

[15] Воспоминания о покойном А. С. Курбатове // Педагогический сборник. 1908. № 4. С. 342–343.

[16] Зайцев М. А. Походы и экскурсии в корпусе // Военная быль. 1954. № 10. С. 6–7.

СЕКЦИЯ 4

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ПСКОВСКОЙ ИСТОРИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А.С. Герд, Г.С. Лебедев

СЛАВЯНЕ, ФИННЫ, БАЛТЫ И СКАНДИНАВЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД РУССКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Предлагаемый вниманию читателя текст представляет собой сжатое обобщение результатов работы междисциплинарного коллектива исследователей, объединенных общностью интересов и методов изучения региональных процессов демогенеза, этногенеза и культурогенеза на территории Прибалтийской России. Коллектив этот действует в общей сложности двадцать лет с 1982 г. в виде Межфакультетского семинара профессора А.С. Герда и профессора Г.С. Лебедева, лингвиста и археолога[1]. Излагаемые выводы основаны на материалах коллективной монографии 35 авторов «Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны» под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева (СПб.,2001).

Первоначально семинар в 1982–1991 гг. работал на кафедре археологии исторического факультета, затем — на кафедре математической лингвистики филологического факультета и при Центре региональных исследований и музейных технологий «Петроскандика» Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) С.-Петербургского государственного университета (с грифом Центра «Петроскандика» и вышло излагаемое и другие относящиеся к теме издания). Семинар с самого начала объединил археологов и лингвистов (топонимистов, диалектологов), историков, этнографов, в его работу включились филологи-скандинависты, балтисты и древнерусскники, финно-угроведы, фольклористы, музыковеды, церковные историки, историки архитектуры и антропологи.

Первые результаты исследований, направленных изначально на проблему славянского этногенеза и взаимодействия славян с родственными (прежде всего балтийскими — летто-литовскими) и соседними народами (иранцами, фракийцами, германцами, прежде всего скандинавами, а также финно-уграми, волжскими и прибалтийскими), были обобщены в опубликованном после семи лет работы межвузовском сборнике «Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования» под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева (Л., 1989). Несмотря на большое количество авторов (19 исследователей) и разнообразие проблематики, сборник фактически был выполнен как моноисследование, «коллективная монография», подчиненная единому плану и формулирующая обоснованную материалами различных дисциплин общую концепцию[2].

В целом она заключается в представлении о формировании славянства на основе общего, исходно – славяно-балтского (праславяно-балтского) этнокультурного массива «городищенских культур» раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Наиболее ранняя и яркая из этих культур, лидирующая по отношению к остальным (днепродвинской, штрихованной керамики, юхновской), — милоградская культура VIII в. до н.э. — III в. н.э., предшествующая зарубинецкой «культуре полей погребений» рубежа н.э. В результате взаимодействия с ней на милоградской основе и в ареале формируется культура «памятников киевского типа» III–IV вв. н.э., синхронная черняховской культуре полей погребений, и исходная, очевидно, для «достоверно славянской» культуры Прага-Корчак V–VII вв., которая соответствует финальной фазе славянского языкового и культурного единства.

Эта концепция («лесная гипотеза») происхождения славянства, обсуждающаяся в литературе уже свыше тридцати лет[3], альтернативна более распространенной, вклю-

чающей в «цепь предшественников» пражско-корчакской культуры, так называемой «культуры полей погребений», зарубинецкую и черняховскую[4]. Сторонники «лесной гипотезы», отвергая генетическую связь этих культур с «достоверно славянскими»[5], относили культуры полей погребений к германцам — бастарнам и готам[6]. С одной стороны, такая идентификация согласуется с лингвистическими данными о ранних славяно-германских контактах[7]. С другой, восстанавливаемый в этом случае и по лингвистическим, и по археологическим, и по историческим данным «германо-скандинавский (готский) импульс», пронизавший пространство Восточной Европы от юго-западной Балтики до Северного Причерноморья на рубеже эр, привел к раннему обособлению от исходного «балто-славянского массива» его юго-западной части (в бассейне Припяти) и быстрой кристаллизации на этой основе собственно славянства[8].

При этом значительно меняются и представления о дальнейшей роли «лесного массива» культур раннего железного века в этногенезе не только славян, но и балтов (летто-литовских народов, наиболее близких славянам в языковом отношении). Активизация балтского этногенеза связана с кристаллизацией в западной части исходного этнокультурного массива на побережье юго-восточной Балтики (в «Янтарном крае» между Вислой и Неманом) «балтийской курганной культуры» поздней бронзы – раннего железного века, производных от нее «курганных» и «племенных культур». Экспансия этих культур на восток и северо-восток вдоль балтийского побережья, к бассейну Даугавы (Западной Двины) вела к вытеснению или ассимиляции предшествующих «городищенских культур», прежде всего «культуры штрихованной керамики», известной на территории Литвы, Белоруссии, России и восточной Эстонии[9].

Таким образом, в 1989 г. обрисовались новые направления и темпы, во-первых, собственно славянского этногенеза, во-вторых, ранних славяно-германских контактов и взаимодействий, в-третьих, этногенеза балтийских летто-литовских народов и, наконец, проблематика взаимоотношений всех этих этносов — славян, балтов, германцев — с финно-уграми.

Методам изучения этих взаимодействий посвящена следующая «коллективная монография», подготовленная участниками семинара: «Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон» под ред. А.С. Герда и Г.С. Лебедева (СПб., 1999), состоящая из двух частей[10]. Первая, написанная А.С. Гердом и Г.С. Лебедевым, обобщает основные понятия и принципы теоретического аппарата междисциплинарных региональных исследований (такие, как ИКЗ – «историко-культурная зона», «топохрон» и некоторые другие). Во второй, написанной теми же авторами совместно с археологами В.А. Булкиным и В.Н. Седых, предложенный аппарат использован для изучения конкретных ИКЗ Северо-Запада Европейской части России – Днепро-Двинского междуречья, «Верхней Руси» (Ленинградская, Новгородская, Псковская области), Волго-Окского междуречья.

В этой, «конкретно-исторической», части обоснован ряд базовых положений. Во-первых, представление о самостоятельной североевропейской (скандобалтийской) макро-ИКЗ, где на рубеже I и II тыс. н.э. (VIII–XI вв.) формируется особая субконтинентальная «скандобалтийская цивилизация эпохи викингов», выступающая как арена взаимодействия всех этносов – обитателей ИКЗ: скандинавов и славян, балтов и финнов, вступающих в фазу образования раннесредневековых народностей, а в ряде случаев и государств (Русь, Польша, государство ободритов, Германия, Дания, Норвегия, Швеция)[11]. По мере христианизации во второй половине X – середине XI в. ряда этих государств «скандобалтийская цивилизация», возникшая на местной этнокультурной основе (языческой и лишенной античного наследия, в отличие от христианской или исламской цивилизаций римско-византийского Средиземноморья), адаптируется и интегрируется в христианско-феодальную цивилизацию средневековой Европы.

Скандобалтийская, или Балтийская морская, цивилизация (БМЦ), определила важный этап этногенеза народов Европы, в том числе славян, а также характер их взаимодействия с соседними этносами. Истоки этого взаимодействия уходят в глубь веков и тысячелетий, к началу освоения ИКЗ человеком (демогенеза), относящегося к постгляциальной эпохе среднекаменного века (мезолита). С этого времени (XII–VIII тыс. до н.э.) начинается практически непрерывный процесс формирования и эволюции иерархии ИКЗ, основных ареалов и их границ.

К этим начальным границам относятся прежде всего «широтная» граница ИКЗ по Даугаве (Западной Двине) – Оке, разграничивающая прафинно-угорский (к северу от границы) и «североиндоевропейский» (прабалто-славянский) этнические массивы. Граница сохраняет устойчивость до последних веков I тыс. до н.э., когда в конце эпохи бронзы – раннем железном веке — начинается экспансия индоевропейских (в этнической перспективе – прабалтских) племен в северном и северо-восточном направлениях. В раннем средневековье (до IX–XI вв. включительно) эта граница очерчивает с юга северно-русский ареал древнерусской народности, территорию Верхней Руси (или «Руси Рюрика»), которая входит, в свою очередь, в «северославянскую этнокультурную зону», а вместе с нею в состав БМЦ.

Не менее древней проступает «меридиональная» граница по линии Ладожское озеро – Волхов – Ильмень – Ловать – верховья Западной Двины. В «прафинно-угорскую эпоху» она разграничивала, видимо, «праприбалтийско-финский» и «праволжско-финский» этнические массивы, а в конце I тыс. н.э., не позднее рубежа VII-VIII вв., по этой линии направлена основная экспансия славянского населения, разделившего прибалтийских и волжских финнов. Начиная с Приильменья (прежде всего западного) вдоль Ловати и Волхова, Луги и Плюссы, Шелони и Мсты формируется «племенная территория» ильменских словен (новгородцев), ее анклав на славяно-балто-финском пограничье («псковское ядро») и зоны дальнейшего освоения в северо-западном и северо-восточном направлении, на Ижорское плато и в Южное Приладожье[12].

Речные магистрали Волхов и Ловать, через верховья Западной Двины связанные с Днепром, становятся базовой составляющей трансконтинентального «Пути из Варяг в Греки» из Балтийского в Черное море[13], основной коммуникации этнокультурных контактов местных славян, финнов и балтов с продвигающимися по этому пути с севера скандинавами (норманнами, варягами, викингами) и пользующимися этим путем с юга византийскими христианами, а также хазарами (владевшими значительной частью Крыма) и мусульманскими купцами, активно использовавшими прежде всего Великий Волжский путь с Каспийского моря на Балтику[14].

Нева-Волхов-Ловать-Днепр, Волга-Ока-Западная Двина (Даугава) – естественные и наиболее древние линии коммуникаций по речным трассам и долинам, на которых возникают и наиболее значимые центры, или узлы, этих коммуникаций. К древнейшим из них относится Ладога в низовьях Волхова (ныне – Старая Ладога), с середины VIII в. – контактный центр местных финнов (чуди, веси, мери), словен Поволховья-Приильменья, скандинавов (варягов) и верхнеднепровских славян или балто-славян (кривичей). Примерно через сто лет функции центрального пункта Верхней Руси, или Руси Рюрика, зоны контакта и взаимодействия славян с финнами и скандинавами, берет на себя Новгород, к началу X в. на славяно-балто-финском пограничье известен Псков (возникший, видимо, как и Новгород, в сгустке «предгородских поселений» в середине предшествующего – IX столетия). Современниками этих древнейших верхнерусских городов были Полоцк на Западной Двине, Ростов Великий в Волго-Окском междуречье и Муром на Оке, Смоленск на Днепре, у волоков на Ловать и Западную Двину.

Наряду с древнейшими речными путями и урбанистическими центрами, большое значение для освоения региона имел также весьма древний путь по водоразделу Волжс-

кого и Балтийского бассейнов, со времен новокаменного века (неолита, VI–III тыс. до н.э.) выступающий как своеобразная «контактная зона» первобытных культур, сравнительно свободная для продвижения трасса миграций населения, в «диагональном» по отношению к «широтному» и «меридиональному» направлениям, с юго-востока на северо-запад. Этот «Серегерьский путь» русских летописей, от верхневолжских озер Селигер и Волго – в Приильменье, имел большое значение для постепенного продвижения масс населения, в конечном счете определивших ход демо- и этногенеза Верхней Руси[15].

Обобщая картину тысячелетнего славяно-финского взаимодействия на Северо-Западе Европейской России, нельзя не обратить внимание на устойчивое присутствие третьего, ***скандинавского фактора,*** в различной мере, но равно значимого для обеих других составляющих – ***славянской*** и ***финской***. Постепенное и волнообразное распространение славян в зону обитания прибалтийско-финских народов, летописной «чуди» со сколь угодно раннего времени (определенно с рубежа VII-VIII вв.) идет на фоне и «под аккомпанемент» резких и прерывистых импульсов с северо-западного побережья Балтики, со Скандинавского полуострова[16]. В соседней Эстонии эти импульсы с определенной периодичностью (раз в триста лет) прослеживаются от эпохи средней бронзы (рубеж II – начало I тыс. до н.э., условно, – X–VIII вв. до н.э.) фактически до Крестовых походов Средневековья (XII–XIV вв. в Скандобалтике), причем раз за разом, особенно на ранних этапах, «нордический импульс» постепенно растворяется в местной культуре, при этом воздействуя на нее и определяя ее своеобразие[17]. Территории к востоку от р. Нарвы, видимо, также должны были испытывать воздействие этих импульсов. Материалы «Очерков...» позволяют как будто наметить их воздействие в первой половине I тыс. н.э. (IV–VI вв.), когда единичные находки в бассейне р. Луги, от о. Тютерс до курганов Турова на Оредежи, можно интерпретировать как своего рода **«готский импульс»**.

Важно при этом, что освоение мореплавания в «Архипелаге восточной части Финского залива» – Большой и Малый Тютерсы, Гогланд, Лавенсаари (Мощный) и др. – определенно относится к «периоду допарусного мореплавания» скандинавов, предшествующему «эпохе викингов». Парусные суда появляются, судя по изобразительному материалу готландских стел, «картинных камней», не ранее VII в. н.э. Допарусное мореплавание гребных судов, ограниченное этим хронологическим рубежом, начинается на Севере в эпоху бронзы (с XII в. до н.э.), и во всем этом хронологическом интервале (XII в. до н.э. – VI в. н.э.) теоретически возможна языковая трансформация древнесеверного слова ***ruth*** – *гребцы* в прибалтийско-финское ***ruotsi*** – *шведы*.

Вероятно, эта трансформация уже состоялась, когда наступила «эпоха парусного мореплавания» викингов и Восточная Европа испытала очередной, новый импульс вторжений скандинавов на морские и речные пути Северо-Запада, это собственно **«варяжский импульс»** VIII-XI вв. Действие его, особенно в X в., определялось значением развернувшейся международной «пушной торговли» с Востоком, основными контрагентами которой, наряду со славянами и скандинавами, выступали прибалтийско-финские, волжско-финские и тюркские народы Поволжья. По оценке современного ориенталиста и нумизмата Т. Нунена, в X в. только оборот Волжской Булгарии с мусульманскими государствами Средней Азии достигал 1,25 млн. дирхемов в год, что предполагало экспорт 500.000 ед. пушнины (12,5 тыс. «сороков» меха) ежегодно. Значительная часть этого оборота, через земли «веси» в Приладожье, осуществлялась в Ладоге и оттуда направлялась в Скандинавию[18].

Инициатива в пушной и иной торговле на речных путях Восточной Европы IX–XI вв. в конечном счете от скандинавов и финнов перешла к славянам, а пушнина Севера оставалась устойчивым и значимым компонентом экономики Русского государства до конца XVII в. Драматичными перипетиями «этнического состязания» в клю-

чевой развилке международных речных путей, Ладоге и Новгороде прежде всего определилось, по-видимому, и освоение слова ***ruth*** в славянской речи IX-X вв., где оно приобрело форму ***«русь»*** в первоначальном значении *«княжеская дружина»* и в ходе становления древнерусской государственности превратилось в название народа и страны – Русь, Россия[19]. Именно в ходе этих событий славянское население достигло прибрежья Финского залива Балтийского моря и в IX–XI вв. установило определенную степень контроля над устьем Невы и обоими берегами Финского залива. Процесс этот сопровождался, видимо, и определенной консолидацией и перегруппировкой финноязычной «чуди», в частности его результатами можно считать оформление этносов ижор и карел, вошедших в XI–XIII вв. в качестве союзников-«федератов» в состав Новгородского государства.

Третий импульс из средневековой Скандинавии, **«импульс Крестовых походов»** XII–XIV вв., ярче всего проявился в основании Выборга в 1293 г. Последовавшая через 30 лет стабилизация границы России и Швеции по условиям Ореховецкого мира 1323 г. на многие века вперед определила этнополитическую ситуацию в регионе, равно как и судьбу сложившихся в нем этносов и стабильность границ ИКЗ.

Ключевое значение Выборга, определившееся по ходу многовекового «перебора вариантов» (готского, варяжского, крестоносного «скандинавских импульсов»), во многом обусловлено его гидрографическим соотношением с островами Финского залива.

Остров Гогланд, где в последние годы выявляются археологические памятники широкого диапазона (от «Крестовых походов» до предположительно периода раннего железа – эпохи бронзы, как и на соседних островах Архипелага), волею судеб стал в XX в. ареной единственного в своем роде эпизода финско-славянско-германских отношений в наиболее трагическом, военном, их проявлении. Здесь 15 сентября 1944 г. состоялось едва ли не единственное в истории Второй мировой войны сражение финской армии с силами германского вермахта, когда 12-й полк береговой артиллерии майора Мартти Миеттанена отразил четырехкратно превосходивший его силы немецкий десант. 3000 солдат и офицеров вермахта, в рамках операции «Tanne Ost» получившие задание овладеть островом Гогланд, были встречены артиллерийским огнем, из 1400 высадившихся десантников 155 погибли, 175 были ранены, остальные сдались в плен и 19 сентября 1944 г. были переданы Советской армии. Потери финской стороны, насчитывавшей до 700 бойцов, не превысили ста человек (из них 37 убитыми)[20].

«Перекресток судеб» этносов и государств Балтики в середине акватории Финского залива, на островах Архипелага открывал с древнейших времен пути ***на север***, в Выборгский залив и водную систему Карельского перешейка с выходом в Ладожское озеро, равно как и ***на юг***, в Нарвскую и Лужскую губу, акватории Чудского и Псковского озер, бассейн Приильменья к Пскову и Новгороду, и наиболее значимая морская трасса – прямо ***на восток***, в устье Невы к «морскому фасаду» и гаваням С.-Петербурга, а далее вверх по Неве, в акваторию Ладожского озера, на Волхов к Ладоге, Новгороду и речным путям Русской равнины. Очевидно, актуальной задачей в изучении как славяно-финских, так и скандо-славяно-финских отношений становится углубленное исследование этого исторического пространства балтийской акватории и побережий между островами Гогланд и Тютерсы и Островами С.-Петербурга, между Выборгом и Ладогой, Новгородом, Псковом; объединение сил исследователей на региональном и международном уровне, равно как и организация мультидисциплинарных и междисциплинарных работ, позволяет ожидать здесь интересных и принципиально новых результатов.

В частности, ***юго-восточная «лужская трасса»*** этого перекрестка, намеченная по находкам сравнительно ранних артефактов, ведет через водораздел Луги и Приильменья в Поозерье, наиболее вероятную «племенную область» ильменских словен, а из

смежной с нею области Южного Приильменья – на «Серегерьский путь» к истокам Западной Двины, Днепра и Волги посредн Русской равнины. Эта трасса «Северо-Запад – Юго-Восток» из морского бассейна Скандобалтики на Русскую равнину, очевидно, во все времена была открыта для двусторонних движений и взаимодействий. В XV–XVI вв. ее усиливает «Ивангородская дорога» московских государей[21] от Нарвы к Новгороду, а в XVIII в. – трасса из Петербурга в Москву и Николаевская (ныне Октябрьская) железнодорожная магистраль, по сути дела в том же направлении, осевая в исторических судьбах России нового времени и современной эпохи.

Трасса от островов Архипелага, Гогланда и Тютерсов на Нарву – Чудское и Псковское озера – р. Великую, ***«южная трасса»*** перекрестка Архипелага, выводит в зону градообразования **Пскова** и ареал диалектного **«псковского ядра»** на стыке славяно-балтофинского этнических массивов. Последние годы археологическая экспедиция (СЗАЭ Центра «Петроскандика» СПбГУ) исследовала древнерусские «погосты» бассейнов рек Плюссы и Луги. Эти **погосты** – Которский, Гремяцкий, Тесовский, Передольский, – позволяя восстановить конкретный маршрут ***«Пути св. Ольги»*** в 947 г. из Новгорода в Псков, одновременно указывают на древние коммуникации «псковского ядра» через Полужье с Приильменьем, с выходом на «Серегерьский путь» древнейшего освоения праславянским населением территории Северо-Запада Восточной Европы.

---

[1] Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 2001.

[2] Славяне. Этногенез и этническая история: Междисциплинарные исследования / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. Л., 1989.

[3] Вернер Й. К происхождению и распространению антов и славинов // СА. 1972. № 4. С. 102–115.

[4] Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982; Седов В.В. Славяне в древности. М., 1996; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1997.

[5] Ляпушкин И.И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 127-136.

[6] Каспарова К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. Вып. 25. Л., 1984. С. 108–177; Мачинский Д.А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. Вып.107. М., 1966. С. 3–8; Щукин М Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994; Еременко В.А. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции историко-политических процессов III-I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1997.

[7] Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Ч. 1. СПб., 1899; Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 227–262.

[8] Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Л., 1989. С. 105-115.

[9] Ушинскас В.А. Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов // Славяне... 1989. С. 62-67.

[10] Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 1999.

[11] Лебедев Г.С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья: Тезисы докладов X Всесоюзной конференции скандинавистов. М., 1986. С. 158-160; Lebedev G.S. Slavs and Finns in Northwest Russia revisited // Fennoscandia archaeologica. XI (1994). Helsinki, 1994. P. 89-99; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). Послесловие // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189-297, 360-363.

[12] Герд А.С., Лебедев Г.С. Границы и ареалы ИКЗ Верхней Руси, их стабилизация и историческая интерпретация // Основания... С. 290–295.

[13] Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Дракон «Нево» на Пути из Варяг в Греки. Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. 2-е изд. СПб., 2000.

[14] Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Он же. Варяги и Русь. И от тех варяг прозва ся Русская земля. СПб., 2001.

[15] Булкин В.А., Герд А.С. Очерк древнейшей истории озера Селигер // Основания ... С. 251-264.

[16] Кальмер Ю. Археологические древности Руси // Stratum plus: Неславянское в славянском мире. 1999. № 5. С. 153–158.

[17] Lõugas V. Über die Beziehungen zwischen Skandinavien und Ostbalticum in der Bronze- und frühen Eisenzeit // Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbalticum aufgrund der archäologischen Quellenmaterialien / Acta Universitatis Stockholmensis / Studia Baltica Stockholmensia 1. Uppsala, 1985. S. 51-60; Laul S. Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas. Tallinn, 2001.

[18] Noonen T. Volga Bulgharia's Tenth-century Trade with Samanid Central Asia // Acta Eurasia Medii Aevi. II (2000-2001). Harrassowitz Verlag, 2001. P. 140–218.

[19] Петрухин В.Я. Комментарий к главе 9 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 291-332.

[20] Анттила Р. Остров Сур-Сари, жемчужина Финского залива. Хумппила, 1996. (финск. изд., русск. пер. в Архиве Департамента охраны памятников истории и культуры Администрации Ленинградской области).

[21] Селин А.А. Ивангородская дорога. СПб., 1997.

Л.П. Михайлова

ПСКОВСКИЕ СЛЕДЫ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ ОБОНЕЖЬЯ

Лексика русских говоров Карелии содержит в своем составе различные напластования как в хронологическом, так и в ареальном отношении. Как показывают исследования ряда финских и российских ученых, в ней совмещаются субстратные и собственно русские элементы. В настоящее время этноязыковая ситуация в Обонежье характеризуется сосуществованием вепсов, карел и русских. Последние населяют Заонежский полуостров, Восточное, Южное, Юго-Западное Обонежье, включая Посвирье[1]. «Онежская диалектная зона оказывается почти в центре западно-северно-русских диалектов, в общей западнорусской диалектной зоне»[2]. Псковский вклад в систему говоров Обонежья весьма существен. Пять из двенадцати типов диалектных объединений, куда входит Обонежье, включают псковские говоры[3].

Онежско-псковские связи, ярко представленные на лексическом уровне, соотносятся с этапом «особой миграции с территории древнего Пскова (XIV-XVI вв.) и в особенности с территории Причудья (Гдов)», который следовал после миграции единой новгородской культуры Верхней Руси[4].

Лексика псковских говоров имеет территориальное продолжение в ряде обонежских говоров. К словам такого рода относится, например, северно-псковское, отмеченное (по данным Картотеки Псковского областного словаря, хранящейся в Псковском педагогическом институте, далее — КПОС) в гдовских и плюсских говорах[5] слово ***кеж*** 'настой под овсяный кисель', получившее разветвленную семантическую специализацию в говорах Карелии: 'отстой, осадок процеженного раствора из тертого картофеля; крахмал' в медвежьегорских и вытегорских говорах; 'процеженный настой ржаных высевок, ржаной крупы, употребляемый для приготовления киселя', 'густой настой из ржаной или овсяной муки, используемый для приготовления киселя' в пудожских, медвежьегорских (последнее значение также в сланцевских) говорах; 'напиток из овсяной муки', 'раствор из овсяной муки, используемый при выделке овчин' в каргопольских говорах; 'закваска для теста' в подпорожских говорах [СРГК II: 338]. За пределами указанной территории отмечено лишь ***кеж*** 'отстой из ягод, употребляемых для приготовления киселя' в шенкурских говорах Архангельской области [СРНГ XIII: 175].

Рассмотрим некоторые лексемы, объединяющие псковские и заонежские (медвежьегорские) говоры. Медвежьегорским говорам известно слово ***брýхнуть*** в значениях 'упасть, удариться, производя шум', 'внезапно потечь, хлынуть (о слезах)' [СРГК I: 123]; ср. в гдовских говорах: ***брýхаться*** 'идти, проваливаясь, увязая', ***брýханица*** 'ля-

коть, мокрый снег' [ПОС II: 184]. Наличие некоторых общих семантических компонентов в структуре лексических значений указанных заонежских и гдовских слов очевидно. Расхождение в семантике вполне естественно в связи с длительным самостоятельным развитием говоров.

Медвежьегорское ***гря'бать*** 'тянуть' [СРГК I: 404] – псковское, себежское ***гря'бать*** 'граблями собирать в одно место', островское 'работать веслами' [ПОС VIII: 61]. К псковским более близки по семантике омонимы с корнем ***греб-***: подпорожское ***гребáть*** 'сгребать, собирать что-н.' и волховское, пудожское ***гребáть*** 'грести веслами' [СРГК I: 389]. Более обобщенная семантика медвежьегорского ***гря'бать*** связана с остальным компонентом 'двигать'. Корень ***гряб-*** представляет собой результат переноса ударения на предшествующий слог с одновременным переходом гласного **[*e*]** в **[*a*]** после мягкого согласного: ***гребáть > гря'бать*** – заонежским «яканьем»[6].

Такого рода «яканье» отражено также в гдовском ***кя'петок*** 'часть привязá, короткая палка' [КПОС], представляющее собой образование от ***кеп*** 'бьющая часть цепа, било', широко бытующее в архаическом слое псковских говоров [СРНГ XIII: 182; см. также указанную работу С.М. Глускиной].

Данные слова демонстрируют указанную особенность не только в заонежских, но и в псковских говорах, что объясняется, вероятно, общими фонетическими процессами в сопоставляемых говорах.

Медвежьегорское ***залáза***, прион. ***залозá*** 'желчный пузырь' [СРГК II: 147, 151] имеет частичное семантическое соответствие в псковском ***зáлоза*** 'небные миндалины, гланды' [ПОС XI: 307]. Ср. псковское, тверское осташковское ***зáлоза***, смоленское, брянское, южное, западное ***залóза*** 'железа, затвердевшая опухоль' [СРНГ X: 217], украинское ***залáза***, белорусск. ***залоза***, польское ***zołza*** 'железа, гланда', с начальным **[*з*]/ [*ź*]** (в противовес начальному **[*ж*]/ [*ǯ*]** в остальных славянских языках)[7], охватывающие украинский, белорусский, польский языки и близкие к ним русские говоры. На территорию Заонежья и Прионежья указанные слова могли прийти, как представляется, с территории Псковской земли.

Медвежьегорское ***залáза*** демонстрирует перетяжку ударения на предшествующий слог и переход **[*o*]** в **[*a*]**, подобно «заонежскому яканью» – переходу **[*'e*]** в **[*'á*]**; эта аналогия дает основания видеть здесь процесс «заонежского аканья». Ср. медвежьегорское ***брáдница*** 'та, которая ходит пешком' [СРГК I: 104], и ***бро́дница*** 'топкая, жидкая грязь, по которой идут вброд' без указ. места [СРНГ III: 190], великолукское ***бродни́цы*** 'небольшой невод, которым (обычно двое) ловят рыбу на неглубоких местах или в узких реках' [ПОС II: 176]. Наличие подобного перехода отмечено в новоржевском слове ***кáвер*** 'ковер' [КПОС]. Надо полагать, что такого типа «аканье», как и «заонежское яканье», на наш взгляд, имеет субстратные истоки: соответствие прибалтийско-финского **[*ă*]** и русского **[*o*]** (ср. русск. ***окно, вор*** — фин. ***akkuna, varas*** и т.п.) характерно для периода ранних контактов[8]. Влияние прибалтийско-финской акцентологической и фонетической системы на русскую на территории Псковской земли и Заонежья, начало освоения которого славянами относится к древнейшему периоду, как показывают материалы, обнаруживается до настоящего времени в некоторых словах, явившихся результатом лексикализации «аканья». На фонетическом уровне, без лексикализации, зафиксированы случаи псковско-заонежского «яканья» и «аканья» в говорах Гдовского района: *я'му гвáрю* (ему говорю), *я'дя* (едят), *кунец утя'нул*; *кáты тáма* (коты), *Бáрис* (Борис)[9].

Отмеченные фонетические процессы являются свидетельством сохранности исторически обусловленного прибалтийско-финского субстрата. Земли современной Псковской области, наряду с Ленинградской и Новгородской, составляли ядро территории Руси Рюрика. «Верхняя Русь, Русь Рюрика – это, прежде всего, зона стабильного и

раннего взаимодействия славян (словен и кривичей) с финскими племенами лесной зоны Восточной Европы (чудь, весь, меря), а равным образом тех и других – с варя́гами, скандинавами»[10].

Надо полагать, что в псковских говорах вышеуказанные явления отражаются в несколько меньшей степени, нежели в говорах Заонежья, причиной чего является продолжающееся в наши дни контактирование русских, карел, вепсов, часто в пределах одного населенного пункта. Двуязычие – активное у карел и вепсов, пассивное у русских – поддерживает фонетические особенности, некогда возникшие на территории Псковской земли и перенесенные в говоры Русского Севера.

В псковских и олонецких говорах имеются и общие заимствования из прибалтийско-финских языков: ср. печорское ***кя'рпы*** 'жерди с сучьями, предназначенные для сушки' [КПОС], и олонецкое ***кя'рба*** 'ствол срубленного нетолстого деревца с обрубками сучьев, служащий примитивной лестницей, на которой поднимаются на верх скирды (преимущественно на лесных сенокосах)' [СРНГ XVI: 210]. Слово ***кя'рба*** в указанном значении М. Фасмер возводит к финскому ***kärvds***, ***kärpäs*** 'суковатая жердь – остов копны; стояк для сети' [Фасмер II: 441].

Ряд слов, известных на псковской территории, проникли в лексическую систему пудожских говоров Карелии, т.е. юго-восточной части Обонежья. Среди них отметим псковское стругокрасненское, опочецкое ***гру́дка*** 'печь из камня, без трубы' [ПОС VIII: 47] и близкое по семантике пудожское ***гру́дка*** 'лежанка', то есть 'небольшой выступ печи, на котором можно лежать' [СРГК I: 401].

Псковское середкинское ***дёкнуть*** 'украсть' [ПОС IX: 7] близко к пудожскому ***дёкнуться*** 'исчезнуть, подеваться куда-то' [СРГК I: 443]. Ср. также псковское гдовское ***дёкаться*** 'виднеться', середкинское ***дёкнуться*** 'стать едва видимым, покрыться туманом' [ПОС IX: 7], содержащие в семантической структуре признак 'исчезновение; проявление, наличие не в полном объеме'. В вельских говорах Архангельской области известно ***декаться*** 'скрыться, укрыться' [СРНГ VII: 336]. В говоры Севера слова с корнем ***дек- / дёк-*** пришли через посредство псковских говоров, по всей вероятности, из западнославянских языков: польское ***dekować*** 'укрывать, прятать', ***dekować się*** 'укрываться, прятаться'[11].

Пудожское ***загрудеть*** 'стать твердым, огрубеть' [СРГК II: 110], возможно, связано с псковским себежским ***груд***, островским, псковским, печорским, красногородским, палкинским, пушкиногорским ***гру́да***, опочецким, карамышевским ***гру́день*** 'замерзшая грязь на дороге', печорским ***гру́ден*** 'о неровном, кочковатом пути', островским, локнянским ***гру́да***, употребляющимся предикативно для обозначения 'обледенения в результате замерзания после оттепели, т.е. затвердения почвы, снега и т.п.' [ПОС VIII: 46]. Слово ***гру́да*** 'замерзшая грязь на улице, на дороге' известно и как тихвинское, смоленское рославльское, курское рыльское, брянское трубчевское, карачевское, калужское жи́здринское, пензенское саранское, архангельское холмогорское, 'дорога, покрытая комьями мерзлой грязи' – как архангельское холмогорское [СРНГ VII: 158].

Интерес в плане древних этнических миграций, взаимовлияний и в отношении происхождения представляет группа родственных слов, обозначающих дресву, т.е. 'мелкий щебень, крупный песок, получающийся от выветривания горных пород, при обделке камня и т.п.', отмеченных в говорах Севера и Северо-Запада. В говорах северовосточного Обонежья, Ладого-Тихвинской группы, межзональных белозерских, а также в североморских говорах бытуют слова ***гверста́, гвёрста, верста́, ве́рска***, в кирилловских говорах ***гверст, верст*** 'мелко дробленый камень, дресва', в медвежьегорских и пудожских говорах ***гве́рстенник, ве́рстеник, ве́рсеник, ве́рсник*** 'камень, легко поддающийся дроблению' [СРГК I: 331]. В конце XIX в. ***верста́*** 'мелкий камень, щебень;

дресва', ***верстля'вый камень*** 'гранит' бытовало в западных обонежских говорах, в частности петрозаводских, ***верстина*** 'песок из разгоревшего камня' в юго-восточной части Обонежья – в каргопольских говорах [СРНГ IV: 148, 149]. Современным пудожским говорам известно ***чéвер*** 'острый мелкий камешек' [Картотека СРГК]. Ср. также ***гверстлúвый, верстлúвый, верслúвый*** 'рассыпчатый, легко поддающийся дроблению (о камне)' [СРГК I: 332], ***реслúвый*** 'легко разрушающийся от удара, хрупкий' (в иллюстрации речь идет о камне) в медвежьегорских говорах [СРГК V: 518]. Последнее появилось, вероятно, из несохранившегося ***грес(т)ливый*** в результате упрощения группы согласных в начале слова под влиянием прибалтийско-финских языков, как и ***верстá*** из ***гверстá***.

В псковских говорах широко представлено ***гверстá*** 'мелкие камешки, гравий' (с оттенком 'мелкий щебень, дресва') – в дедовичских, палкинских, порховских, островских, сланцевских, красногородских, опочецких, печорских, ашевских, бежаницких, гдовских, великолукских, дновских, карамышевских, локнянских, лядских, новоржевских, новосокольнических, павских, псковских, пустошкинских, пушкиногорских, пыталовских, себежских, торопецких, холмских говорах. Реже бытуют его варианты – ***говерстá*** в островских, ***гýверста*** в ашевских и новоржевских говорах. Активно употребляется в том же значении ***гверздá*** – в псковских, середкинских, стругокрасненских, сланцевских, лядских, гдовских, новосельских, плюсских, порховских говорах. Довольно богата группа суффиксальных образований: ***гверстúнка*** в псковских, островских, пыталовских, ***гверздúчка*** в середкинских, ***гверстúца***; ***гверстлúвый*** в печорских, ***гверздлúвый*** в сланцевских, ***гверстянóй*** в пушкиногорских, ***гвершлúвый*** в великолукских, ***гверстля'вый*** в новоржеских, в значении 'с мелкими камешками', ***гверстлúвый*** в островских, новосокольнических, новоржевских, опочецких, псковских, пустошкинских, ***гверздлúвый*** в гдовских, ***гверздовóй*** в псковских, ***гверстянóй*** в опочецких, дедовичских, островских и новоржевских, ***гверстя'ный*** в псковских и новоржевских, ***гвершльúвый*** в опочецких в значении 'легко рассыпающийся в дресву' [ПОС VI:147-148]. Без начального **[г]** отмечено островское ***верстънка*** и новоржевское ***верстлúвый***. Территориально противопоставлены более редкие лексемы – гдовское ***гвердá*** и великолукское ***гвершь*** 'то же, что ***гверста***' [Там же], ср. ***гвердúвый камень*** 'род рассыпающегося камня' в лужских говорах [СРНГ VI: 158].

В новгородских говорах также широко распространено слово ***гверстá***: 'толченый камень, дресва' в опеченских, боровичских, волотовских, новгородских, поддорских, старорусских, 'речной песок' в волотовских, боровичских, валдайских, поддорских, старорусских, холмских, 'сыпучий камень' в уторгошских, 'крупный песок из развалившихся под действием жары и воды камней' в поддорских, батецких, новгородских, волотовских, солецких, крестецких, новгородских, холмских, хвойнинских, 'кусочки извести' в боровичских говорах [НОС II: 9–10][12]. По нашим данным, слово ***гверстá*** 'сыпучий камень' известно также в любытинских говорах. Родственные слова ***гверстúстый, гверстлúвый, гверстя'ный, гверстук, гверстя'га*** несколько расширяют географию, включая залучские, шимские говоры [Там же]. Ср. также новгородское опеченское ***сýгверсть*** 'почва с примесью крупного песка' [НОС X: 177].

Данные СРНГ дают сведения о бытовании слова ***гверстá*** и производных от него также на территории тверских, вологодских говоров [СРНГ VI: 158]. В итоге можно отметить, что слово ***гверста*** охватывает Северо-Западную диалектную зону.

Параллельно на псковской территории отмечены ***грествá*** 'мелкие осколки камня, дресва' – в великолукских, куньинских и холмских говорах, прилагательные ***грествúвый, грестлúвый, грествя'ный, грестля'вый*** 'легко распадающийся на мелкие осколки, греству', расширяющие географию с данным вариантом корня за счет остро-

вских говоров [ПОС VIII: 16-17]. Подобные слова отсутствуют в говорах Новгородской области и Карелии, по данным словарей. Однако ***гресткá*** 'дресва, крупный песок, мелкий щебень' известно также тверским и калужским мещовским, прилагательные ***гресткóвый, грестлúвый, грестля'вый*** – тверским осташковским говорам; ср. в новосибирских ***гресвб*** 'песчаная земля с галькой' [СРНГ VII: 134].

Значение 'гравий, крупный песок' и т.п. имеют и слова с начальным сочетанием согласных **[хв]**: гдовское ***хвёрш, хвёршúн, хворш***, порховское ***хверж, хвержда́***, гдовское, порховское, ашевское и локнянское ***хверщ***, новоржеское ***хверштъ*** [КПОС]. Ареал слова ***хверш*** расширяется за счет новоржевских, печорских, дедовичских, дновских, порховских, стругокрасненских говоров; ср. также ***хвершлúвый*** 'мягкий, слабый (о камне)' в печорских и сланцевских говорах, ***хверщúвое место*** – в новоржевских [Там же]. Слово ***хверш*** бытует также в западных новгородских говорах; родственное ***хверь*** 'мелкие камешки' известно старорусским говорам [НОС XII: 9-10], ***верш*** 'крупный, гладкий песок вроде гальки' в новгородских говорах [СРГК I: 182].

Дресвá 'наносная мель в реке из песка, гальки' бытует в томских, пермских, сибирских говорах, 'крупные железные опилки, мелкие обрезки листового железа' в самарских говорах, 'красный песчаник' в пермских говорах, 'остатки после мятья льна' в вятских говорах, как вариант можно рассматривать ***дреслá*** 'источенный белый камень, используемый для жерновов; дресва' в амурских говорах, ***дресфá*** 'мелкий щебень; дресва', 'отлогий покрытый булыжником берег' в сибирских говорах [СРНГ VIII: 185]. Данные слова, вероятно, представляют собой диалектные семантические или фонетические варианты общеизвестного ***дресвá*** 'мелкий щебень, крупный песок, получающийся от выветривания горных пород при обделке камня и т.п.' [БАС III: 1112].

Исследователи считают слово ***гресвá*** вторичным по отношению к ***дресвá***[13]. Сложность этимологии подчеркивается А.И. Поповым, обращающим внимание на связь данного слова с немецким ***Grieβ*** 'крупный песок, гравий'[14].

Дверстá 'дресва' зафиксировано в пудожских и архангельских говорах, 'мелко раздробленный перекаленный булыжник, используемый для чистки посуды, мытья некрашеных полов и под.', ***дверстянóй, дверстя'ный*** в архангельских говорах, ***дверстлúвый*** 'дресвяный' в пудожских говорах [СРНГ VII: 283]. Интересен факт отсутствия слов ***дрества*** и ***дверста*** в псковских говорах, по данным ПОС.

В вытегорских говорах отмечено ***зверстá*** 'пережженный камень, рассыпающийся в дресву' [СРГК II: 245]. Ср. сербохорв. ***зверст*** 'вид камня' (Черногория) [Фасмер I: 398]. Факт наличия начального **[зв]**, объединяющего Обонежье и Южную Славию, подтверждают основанные на большом фактическом материале (в частности, находка ножа с волютообразным завершением на северо-западном побережье Онежского озера) выводы В.В. Седова о миграции славян из Дунайского региона в лесные области Восточно-Европейской равнины[15].

На псковской территории в значении 'мелкий щебень, дресва' известно ***жúрства*** в пустошкинских, ***жерствá*** в себежских и невельских говорах, ***жерствéц*** в холмских, ***жерствя'ный*** – в себежских [ПОС X: 214-215]. В русских говорах на территории Латвии и Литвы бытует слово ***жвир*** 'гравий, крупный песок, дресва', ***жвировáть*** 'покрывать слоем гравия', ***жвиртекýн*** 'сырая, малопригодная для земледелия почва, с мелкими камнями и песком' [СРНГ IX: 91]. Ср. литовское ***žvyras*** 'гравий', ***žvirgždas*** 'крупный песок, гравий'[16].

Интересно приводимое без толкования слово ***звор*** в тверских говорах с иллюстрацией: «Треска и ***звор*** постоянно обжигают лицо, руки и ноги кующих гвоздарей» [СРНГ XI: 224]. Можно допустить, что оно входит в анализируемое гнездо, возможно, обозначая мелкие металлические осколки, отлетающие при ударах по наковальне. Обратим

внимание также на обособленность семантики родственного слова ***гверздень*** 'лапоть из ивовой коры' в локнянских говорах [ПОС VI: 147].

Такие факты, как (1) соотношения начальных сочетаний **[гв] // [хв] // [зв]** и усеченного **[в]**, возникшего под влиянием прибалтийско-финских языков, с одной стороны, **[г] // [ж]** – с другой, **[го] // [гу] // [же]// [че]** – с третьей, (2) наличия вариантов с чередованием **[е]// [о] // –** , (3) существования слов с корнем на сонорный согласный с расширителями в виде разных согласных, (4) сочетания с древней приставкой ***су-***, могут служить основанием для предположения о славянском или балто-славянском происхождении слова ***гверста*** и его родственников. Данное слово в его фонетических реализациях было принесено на территорию Обонежья переселенцами в период единой новгородско-псковской миграции с территории Верхней Руси.

---

[1] Муллонен И.И. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 2001. С. 332.

[2] Герд А.С. Обонежье в свете данных русистики // Там же. С. 349.

[3] Там же. С. 351.

[4] Герд А.С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии... С. 415.

[5] См.: Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 24.

[6] Колесов В.В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53–58.

[7] Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2002. С. 128.

[8] Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001. С. 133.

[9] Касаткина Р.Ф. Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Я.-И. Ивара Бьёрифлатена. Oslo, 1997. С. 84.

[10] Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии... С. 46.

[11] Стыпула Р., Kozalek Г. Польско-русский словарь. М., 1989. С. 80.

[12] Приведенная в НОС форма *гверзда* не подкреплена иллюстрациями, а слово *гверздяник* 'участок мелкого леса, где рубят зимой дрова', отмеченное в старорусских говорах, по семантическим показаниям дает мало оснований для восстановления производящего слова *гверзда*.

[13] Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. V. М., 1978. С. 226.

[14] Попов А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы / Под ред. Ф.П. Филина. Л., 1957. С.12.

[15] Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 545.

[16] Либерис А. Литовско-русский словарь. Вильнюс, 1962. С. 739.

З.М. Петрова

ИЗ ИСТОРИИ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ (ПО ПСКОВСКИМ ПАМЯТНИКАМ ПИСЬМЕННОСТИ XIV–XVIII вв.)

Предметом моего сообщения являются некоторые проблемы исторической диалектологии. Историческая диалектология как самостоятельная дисциплина в отличие от описательной имеет свой объект изучения, а именно зафиксированные в памятниках письменности диалектные особенности, которые в процессе развития общерусского языка так и остались в памятниках, локально ограниченных, не получив развития и распространения в общерусском языке, или получили свое распространение в диалектах.

Таким образом, историческая диалектология дает материал как для решения проблемы формирования и развития общерусского языка, так и проблемы формирования

и развития русского диалектного языка. Эти проблемы должны решаться на основе всех уровней языка – фонетики, грамматики, словообразования, лексики и фразеологии.

В настоящее время нет оснований считать, что историческая диалектология как самостоятельная лингвистическая отрасль науки сформировалась: «Исторической диалектологии русского языка пока еще не существует»[1].

Наиболее значительные достижения в области исторической диалектологии относятся к фонетике. Здесь можно сослаться на исследования А.И.Соболевского[2], Н.М.Каринского[3], на наблюдения о языке псковских памятников письменности А.А.Шахматова[4]. Богатый материал и убедительные выводы о происхождении псковских говоров на основе фонетических и орфографических данных содержатся в статье Е.Н.Кандауровой «К истории древнепсковских диалектов XIV в.»[5]. В своей статье Е.Н.Кандаурова на материале древнепсковского памятника XIV в. исследует языковые особенности (фонетику и орфографию) диалекта древнего Пскова. Опираясь на исследования особенностей древнепсковского диалекта А.И.Соболевского, Н.М.Каринского, А.А.Шахматова и свои собственные наблюдения над языком псковского Пролога 1383 г., Е.Н.Кандаурова делает наблюдения над изменением древнепсковских говоров под влиянием иноязычной среды и носителей других диалектов, появившихся в результате миграции на Псковской земле.

В монографии «Очерки исторической диалектологии Северной Руси» К.В.Горшкова отмечает, что «в настоящее время [монография вышла в свет в 1968 г. – *З.П.*] исследование обобщающего характера по исторической диалектологии древнерусского и русского (великорусского) языков может быть осуществлено прежде всего в результате «интерпретации значительного материала»[6].

Что касается морфологии, словообразования, лексики, фразеологии, сведения по исторической диалектологии, как правило, до настоящего времени остаются фрагментарными. Не разработана методика исследования, неотчетливо выделен предмет исследования, нет обобщающих работ по исторической диалектологии на словообразовательном, лексико-фразеологическом уровне.

Активная лексикографическая работа по составлению диалектных и исторических словарей древнерусского и русского языка, введение в научный оборот местных архивных рукописных памятников позволит в будущем создать обобщающие труды по исторической диалектологии на лексическом материале.

У нас нет оснований считать, что проблемы исторической диалектологии на уровне лексическом и словообразовательном находятся вне сферы интересов лингвистов. Развернувшаяся сразу после Отечественной войны активная работа по собиранию диалектного материала работа над областными словарями, изучение местных памятников письменности, хранящихся в архивах, – все это подготавливало почву для наблюдений в области исторической диалектологии. Особенно большое значение имеет СРНГ, исторические словари (XI–XIV вв., XI–XVII вв., XVIII в.). В последнем из перечисленных словарей областные слова маркируются специальной пометой.

Для развития исторической диалектологии большое значение имели специальные конференции, посвященные изучению говоров и местных памятников письменности (например, конференция в Череповце в 1970 г.)[7]. Наблюдениям над функционированием диалектизмов в памятниках письменности и в говорах посвящены статьи этого сборника В.И.Максимова[8], А.И.Сологуб[9], В.С.Тереховой[10] и др. В.Я.Дерягин в статье «Изучение памятников деловой письменности Севера в связи с задачами исторической диалектологии» дает рекомендации по методике историко-диалектологического анализа письменных памятников. Как справедливо отмечает В.Я.Дерягин, прежде всего необходим «возможно более полный учет и комплексное предварительное описание

источников в историко-диалектологическом отношении и подготовка материалов для сопоставления с данными живых говоров»[11]. Описание памятников, как полагает В.Я.Дерягин, должно проводиться отдельно по центрам старой письменности. Изучение памятников позволит обнаружить общее и особенное в языке памятников. Далее следует выявить данные современной диалектологии, их изменение и развитие и сравнить с изменениями в письменности. Наблюдения В.Я.Дерягина относятся к северно-русским памятникам письменности и к северно-русским говорам, но в применении к памятникам и говорам других регионов они остаются в основном теми же.

Методом лингвистической географии также должны проводиться историко-диалектологические исследования. В проекте ЛАРНГ предусматривается составление историко-лингвистических карт, которые «должны показать историческую динамику диалектной лексики»[12]. Это очень сложная и трудновыполнимая задача. Это могут быть карты истории отдельных слов, материалы для которых содержатся в архивных (рукописных и опубликованных) региональных материалах. Такие карты отразили бы пространственно-временные изменения данных слов.

Подводя итоги, можно с полным основанием сделать вывод о том, что всем предшествующим развитием диалектологии как науки подготовлено и ведется историко-диалектологическое изучение диалектной лексики. Об этом свидетельствует огромный накопленный материал по диалектной лексике, собранный для атласов и словарей, монографии и диссертации по русской диалектологии, введение в научный оборот многочисленных региональных архивов.

Следует особо выделить большие успехи в историко-диалектном аспекте изучения лексики псковских говоров. Прежде всего это относится к «Псковскому областному словарю с историческими данными»[13]. Приводимые в словарных статьях исторические данные позволяют проследить за употреблением слова в псковских памятниках письменности и в современных псковских говорах. Принципам построения исторической части ПОС посвящена статья О.С.Мжельской[14]. В своей статье О.С.Мжельская приводит богатый иллюстрированный материал, свидетельствующий об исключительной ценности исторических данных о жизни слова, о стремлении «выявить факты отражения лексики псковских говоров в псковских памятниках письменности»[15]. Многие статьи этого словаря представляют собой монографические исследования в историко-диалектологическом аспекте. Жанр ПОС – полный словарь псковских говоров (включая слова литературные, употребляемые носителями диалектов) с историческими данными ориентирует многих диалектологов псковского региона на исследование диалектной лексики именно в историко-диалектологическом плане. Ранее нами уже упоминались исследования языка Пскова и области А.И.Соболевского, Н.М.Каринского, Т.Н.Кандауровой в области фонетики. В середине прошлого столетия была защищена диссертация О.С.Мжельской, посвященная проблемам исторической диалектологии на материале сопоставления данных разных псковских памятников и псковских грамот, в том числе Псковской судной грамоты[16]. В 1994 г. была защищена диссертация Ю.Ф.Денисенко «Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров Средневековья (на материале местной лексики Псковских летописей...)»[17]. Упомяну недавно защищенную диссертацию Е.В.Ковалых, посвященную исследованию псковских памятников письменности в сопоставлении с живыми современными псковскими говорами[18].

В своем исследовании неизменяемых форм страдательных причастий в функции сказуемого (***дом построено, окно вымыт***) в псковских говорах автор настоящей статьи обратилась прежде всего к псковским памятникам письменности[19]. Были сделаны выборки всех случаев употребления причастий на ***-но, -то*** из 60 псковских памятников разных жанров: житий, повестей, летописей, деловых памятников, писем, записок,

дневников. В числе примеров со страдательными причастиями на ***-но, -то*** (безличные предложения, отрицательные предложения с количественно-именными сочетаниями) встретилось также небольшое количество примеров с причастиями на ***-но, -то***, не согласованными с подлежащим (***город и башни покрыто тесом; вылито титла Царского Величества; поручено же быть ему стража нощная морская***). На единичные, немногочисленные случаи отсутствия согласования причастия на ***-но, -то*** с подлежащим в памятниках разных регионов обращали внимание многие исследователи. Но современные диалектные явления нет оснований рассматривать как архаизмы, хотя истоки их засвидетельствованы памятниками XVI–XVII вв.

Краткий и далеко не полный обзор историко-диалектологических исследований показал, что это направление изучения русских народных говоров подготовлено и активно ведется во многих регионах, особенно на материале псковских говоров. Инициатором такого направления исследования диалектной лексики был Б.А.Ларин.

---

[1] Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974. С. 75.

[2] Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884; Он же. Важная особенность старого Псковского говора // Русский филологический вестник, 1911, № 1–2; Он же. Псковский Трефолой 1446 г. // Русский филологический вестник, 1884, № 2.

[3] Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909; Его же. Очерки из истории псковской письменности и его языка. СПб., 1916–1917.

[4] Шахматов А.А. Несколько заметок о языке псковских памятников XIV-XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения, 1909, № 7.

[5] Кандаурова Т.Н. К истории древнепсковского диалекта (о языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды института языкознания АН СССР Т. VIII. М., 1957. С. 178–286.

[6] Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. (По данным исторической фонологии.) М., 1968. С. 3.

[7] См.: Вопросы изучения северно-русских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970.

[8] Максимов В.И. Несколько древнепсковских лексических диалектизмов // Вопросы изучения северно-русских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 166–170.

[9] Сологуб А.И. Об эволюции новгородского диалекта // Там же. С. 35–43.

[10] Терехова В.С. О местных медицинских названиях в лечебниках XVII–XVIII вв. // Там же. С. 170–173.

[11] Дерягин В.Я. Изучение памятников деловой письменности Севера в связи с задачами исторической диалектологии // Там же. С. 177.

[12] Лексический атлас русских народных говоров. (Проект.) СПб., 1994. С. 65.

[13] Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12. СПб., 1967–1996.

[14] Мжельская О.С. Псковский областной словарь с историческими данными и историческая лексикография // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии): Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 2001. С. 133–145.

[15] 15. Там же. С. 136.

[16] Мжельская О.С. Местная лексика в псковской деловой письменности XIV–XV вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1956; Она же. Местная лексика в псковской деловой письмениости XIV–XV вв. // Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. № 1. Вып. 24. Л., 1958. С. 163-199.

[17] Денисенко Ю.Ф. Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров Средневековья (на материале местной лексики Псковских летописей – наименований понятий времени и рельефа): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.

[18] Ковалых Е.В. Общерусское и региональное в языке псковских монастырских хозяйственных книг XVII века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Псков, 2000.

[19] Петрова З.М. Особенности сказуемостного употребления страдательных причастий прошедшего времени в псковских памятниках письменности и в современных псковских говорах: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1962 (рукопись).

О.С. Мжельская, Л.Я. Костючук

РУССКО-ИНОЯЗЫЧНЫЕ РАЗГОВОРНИКИ XVI–XVII вв. КАК ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ПСКОВА И ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ (ПСКОВСКИЙ ТОРГ)

Во второй половине XX в. источники, свидетельствующие об истории древнего Пскова и его области, были пополнены сообщениями иностранцев о языке и быте древних псковичей в XV–XVII вв. В это время в связи с активными торговыми отношениями между Псковом, Новгородом, с одной стороны, и Северной Германией и Прибалтикой – с другой, возникают руководства, своеобразные «учебники» для изучения обиходного русского языка иностранцами, в первую очередь немецкими купцами. Они создавались иностранными авторами при постоянной помощи русских информантов и обычно назывались «Русскими книгами». При изучении истории торговли Пскова с Северной Германией и Прибалтикой ганзейским союзом эти источники представляют весьма ценный материал, так как содержат списки товаров, находившихся в торговом обороте, перечни денежных единиц, а также слова, относившиеся к управлению, общественной жизни, быту Древней Руси. В них есть диалоги на темы быта и торговли, записанные «со слуха».

Важно, что составители таких памятников были не славяне: немцы, в известной мере владевшие русским языком, фиксировали, во-первых, спонтанную речь окружающего населения, тем самым отражая то, что прежде всего бросалось им «в уши», стараясь пояснить каждую фразу, каждую номинативную единицу на своём родном языке, что, даже при несовершенстве графической передачи русского текста латинскими буквами, помогает понять смысл; во-вторых, не только общерусские лексические единицы или грамматические формы, но и местные, региональные. При столкновении «своего» и «чужого» (универсальная оппозиция!) всегда детальнее шло выяснение смысла; отсюда и обилие синонимов, и полнее контекст для образцовых фраз, в частности на тему торговли, поскольку разговорники составлялись для купцов. И информант, и составитель разговорника, находясь в ситуации «своего» языка, старались яснее представить ситуацию смысла по отношению к «чужому» языку.

«Русские книги» были известны русской науке еще в XIX в., но языкознание того времени относилось к ним скептически, считая, что их использованию в качестве памятников языка препятствует наличие в них неточных записей русских слов и фраз и даже прямых ошибок. Отношение к ним изменилось с 40-х гг. XX в., когда Б.А. Ларин опубликовал работы, содержащие расшифровку и анализ трех источников такого рода: «Грамматика» Г.В. Лудольфа (1696), «Парижский словарь московитов» (1586) и «Словарь-дневник» Р. Джемса (1618–1619)[1]. В своих исследованиях Б.А. Ларин доказал, что записи иностранцев могут дать ценнейшие материалы для изучения живой обиходной речи XVI–XVII вв. Несмотря на действительно существующие неточности и ошибки, эти записи дают достоверные данные, в первую очередь по лексике и фразеологии городской речи того времени, и показывают, что обиходная речь тогда была практически свободна от влияния церковно-славянского книжного языка, бывшего в употреблении в памятниках письменности.

Работы Б.А. Ларина побудили ученых Германии, Скандинавии, Англии и Польши к разысканиям в рукописных отделах местных библиотек. В результате теперь издано более 10 «Русских книг», которые расшифрованы и исследованы с учетом методик Б.А. Ларина. Они представляют несомненный интерес для историков и историков языка.

В докладе мы используем три памятника: «Русскую книгу» Томаса Шрове (1546) (издана группой польских славистов под руководством А. Фаловского), «Русскую книгу» анонимного автора (1568) (издана А. Фаловским) и «Руководство по разговорному русскому языку» Тонниса Фенне (1607) (издано группой ученых под руководством Р. Якобсона). Эти памятники были составлены либо в Пскове (Фенне), либо в его ближайших окрестностях, может быть, в Нарве (Анонимная книга), либо в Прибалтике (Шрове)[2]. Прототип был близок и псковско-новгородским языковым особенностям. В той или иной степени эти «разговорники» уже привлекались к исследованию. Отметим работы А.Л. Хорошкевич[3], А. Фаловского[4], А. Болек[5], Д. Стоуна[6]. Книга Фенне является одним из источников исторической части Псковского областного словаря с историческими данными[7]. Названные тексты представляют особый интерес для изучения лексики и фразеологии языка торговли, звучавшего в XVI–XVII вв. на псковском рынке. Данные их по объёму и подробности не идут ни в какое сравнение с теми сведениями, которые мы находим в других разговорниках и тем более в деловой письменности Северо-Запада того времени.

Для анализа мы выбрали лексику, охватывающую несколько тем: процесс покупки товара и заключения сделки, получение прибыли и понесение убытков, правила честной торговли. Все эти слова и выражения принадлежали торговому языку, распространенному на крайнем Северо-Западе Руси; эту разговорную речь можно назвать торговым койне, распространённым в XV-XVII вв. в указанном регионе.

1. Группа слов, в основном глаголов, описывала процесс покупки товара и заключения сделки. Для обозначения тех предметов, которые понравились, разговорники использовали слова с корнем ***люб-***: ***любо*** 'нравится, по вкусу кому-н.', ***любовь*** 'желание иметь что-н., заинтересованность в чем-и.', ***любить, слюбить, излюбить, излюбовать, слюбовать*** и др.

Любо употреблялось как безлично-предикативное слово (Ф – 16 случаев, Ш – 13), часто оно отмечается в обороте ***коли (как) тебе любо***: *Мой товар тебѣ сготовлен; коли тебѣ любо. тогды ёво возьми.* Ф,383; *Приди ко мне зафтро, коли тебѣ любо. ино я хочу тебе показать свой товар.* А,60. Но А предпочитает в том же значении форму ***любит*** глагола ***любить***, используя ее как неизменяемое безлично-предикативное слово (9 случаев): *Мои товар пере (!) тобои, любит ли тебе, купи.* А,60.

Слово ***любовь*** использовалось весьма близко к употреблениям ***любо*** и ***любит***. Оно обычно представлено в сочетаниях ***по своей любови*** или ***на свою любовь***: *Яз твоёво товару посмотрю по своей любови. токо товар мнѣ любо. ино яз с тобою сторгую.* Ф,338; *Сметь ли мнѣ своёго товару смотрить на свою любовь?* Ф,304. Слово ***любовь*** входит в устойчивое сочетание ***любовь да воля***, которое означало 'право свободного выбора того, что нравится': *В меня есть всякои товар, хочешь со мнои менитца? Яз тоба даю любовь да волю. возьми, которои ты хочешь.* А,80 об.

Излюбить, слюбить 'дать согласие, обещать': *Еще я ёму тогу товару не излюбиле на ту цену продать.* Ш, 109об. ***Излюбовать, слюбовать*** 'выбрать то, что нравится': *Здесь лежи мой товар в дву кучах; слюбий одну кучу, которую ты хочешь, ... я теб? ту припроважу.* Ф,407.

Семантически к этим словам близок глагол ***прилипать, прильнуть*** 'проявлять, проявить сильное желание купить товар': *Чёму ты прилипаешь к тому товару? Товар не по твоему обычаю.* Ф,302.

К этой же группе относятся общерусские глаголы ***выбрать, выбирать***: *Даи мене волю товар выбирати.* А,94.

Процесс совершения сделки передается глаголами ***сговориться, смолвиться*** 'договориться, согласиться': *Держи мн? тое цену, как ты нынѣча со мной сговорился, и яз*

тебѣ так... держу, как я с тобой смолвился. Ф,444. Ср. также слово ***приговор*** 'договоренность': *Помнишь ты, что наш приговор был? Что я тобе посулил, больши тебе не дам*. А,83.

Во время сделки возникали разногласия, на которые указывает глагол ***спираться*** 'ссориться, препираться', 'оспаривать (товар) друг у друга': *О чём вы спиретесь? Вы сами ведете, каков у вас приговор был*. Ф,330. *Много люди спирялися о твои товар?* А,89.

Несогласия разрешал ***промежник*** 'маклер', который, ***промежничая***, стремился удовлетворить обоих клиентов (***на обе стороны***): *Поди да добываи промежника, которыи нам промежничит. Я не хочу без промежника с тобои торговать, того для что я не знаю гораздо русского языка*. А,68 об. В слове ***промежник*** проявляется специализация значения 'посредник, третейский судья' (СлРЯ XI–XVII, 20: 166)[8]. Действия промежника получили свое отражение в глаголах ***розвести*** и ***розвестись*** 'уладить спор, примирить участников сделки': *Коли вы хотите меня слушать, я вас розведу*. Ф,220: *Розведитесь, как пригоже, добро вам в суд не лазить*. Ф,289. Есть еще и местное слово-синоним ***разогнуться***: *Я с тобой разогнуться/розвестись хочу*. Ф,434. Услуги посредников при торговых операциях вознаграждались денежной оплатой, чаевыми. Для обозначения такого вознаграждения использовалось слово ***могорец***: *Я твое орудьё стряпал, дай мн? нын?ча могорец за мою волокиту*. Ф,398.

Завершение сделки обозначалось выражением ***бить (ударить) по рукам*** и его местным эквивалентом ***обручить***: *Я хочу вас развести, только ты еще ему придаи, да беите собе по рукам да живите здорово!* А,69. *Право, дружке, то мн? в досаду, что ты мн? тот товар отказываешь, которой я от тебе обручил. да нын?ча товар иному продаешь*. Ф,375. В Ф оба способа выражения используются по 5 раз.

В конце сделки полагалось ***литки пить*** 'отмечать покупку-продажу выпивкой и угощением': *Сегодне мы литки пить. Кому того платить? То нам об'ѣмя платить*. Ф,337.

По завершении сделки товар доставлялся покупателю. Это действие обозначалось глаголом ***припровадить*** (в Ф – более 20 раз): *Припровади ты мои товар, опосле я тобе твои припроважи*. А,92. Глагол ***доставить*** (ФШ) имел другое значение – 'снабдить чем-н.': *У меня был добр'ѣ доброй товар, и ты ко мн'ѣ не пришёл. Кабы ты ко мн'ѣ пришёл, яз бы тебе доставил с товаром добрым*. Ф,354.

2. Большое внимание разговорники уделяют получению прибыли или, напротив, понесению убытков в результате купли-продажи. Для обозначения прибыли использовались несколько слов: ***прибыль, прибыток, прикуп, приим*** и ***приимок, корысть***. Убыток имел такие названия: ***убыток, наклад, протори***.

Среди названий прибыли наиболее употребительными были ***прикуп*** (15 случаев), ***приимок*** (11 случаев), меньше использовались ***корысть*** (7 случаев) и ***прибыток*** (5 случаев) (по тексту Ф). Среди этих слов ***прикуп, прибыток*** и ***корысть*** известны и другим памятникам древнерусского языка, а ***приимок*** было местным.

Прикуп: *В моим товару прикупа тебе будет много*. А,76 об. Особенностью слова ***приимок*** является использование его в форме родительного падежа: *Что ты мн? примка дашь? Я теб? товар перепущу*. Ф,316.

Прибыток: *Я торгую с прибытка, да и ты таково ж*. Ф,297.

Корысть: *О чём теб? на мн? завидно, что Бог мн? примка заслал? Я твоей корысти не завижу*. Ф,360 (одновременное использование двух синонимов в развёрнутом контексте).

Слово ***прибыль*** оказалось в разговорниках малоупотребительным: *Станем вмести торговать, пошлет ли нам Бог прибыль?* А,83 об.

Среди названий материального ущерба самым употребительным было слово ***убыток*** (20 случаев), достаточно часто использовалось слово ***наклад*** (10 случаев) и совсем редко ***протори*** (2 случая). Все эти слова известны и другим памятникам древнерусского периода.

Убыток: *Тот убыток тебѣ? Бог за твое свойство* ['беззаконие'] *послал.* Ф,248. ***Наклад***: *Надобет товар покупати как опеть можно без наклади продати.* А,75 об.; *Я свой товар смѣтил, не будет мнѣ в ём ни прикупу, ни наклади.* Ф,304. Слово ***протори*** имело более широкое значение 'расход, издержки': *Что тебѣ в том товару стало проторов на дорогѣ?* Ф,328. Среди примеров употребления этих слов есть выражения пословичного характера: *Наклад прикупу большой брат.* Ф,478 (смысл пословицы основан на обыгрывании антонимов; ср. и в свободном использовании: *...не будет... ни прикупи, ни наклади.* Ф,304).

Тема выгоды-убытка развивается и в глаголах: ***принять*** 'получить прибыль'; ***наложить*** 'оказаться в убытке, понести убыток' и его синонимы ***проторговать, проторговаться, опродать.***

Принять (14 случаев): *Что ты мнѣ накинешь на мое-то? Мой товар твоёго луче, мнѣ от тебе принять.* Ф,357. Противоположный смысл выражал глагол ***наложить*** 'понести убыток' (9 случаев): *В того товару столико наложил, неможно мене опеть в десят год столико приняти.* А,93; *Я тебе продам, да мнѣ у своёго товару не наложить, не принять, на свою цѣну тебѣ товар перепущу.* Ф,303. Редко употреблялись глаголы ***проторговать*** (1 случай), ***проторговаться*** (2 случая) и ***опродать*** (2 случая): *Я тебѣ с своим товаром не проторговал/опродал, я тебѣ ёво по закону продам.* Ф,346.; *Я проторговался, в наклад я продал, наложил у того товару.* Ф,285. В близком значении встретилось местное псковское выражение ***как бы на вороту не пало***, оно в образной форме передает представление о возможных убытках: *Дивья дорого купить, да надобь опять продать, кабы на вороту не пало, да опять мнѣ не погинуть.* Ф,282. Здесь ***ворот*** 'шея' и выражение могло быть понято так: если дорогой товар останется у меня, следовательно, я понесу убытки.

В приведённых примерах на употребление рассмотренных слов часто наблюдается своеобразная «игра словами», усиливающая выразительность сказанного: антонимичные употребления слов со значениями 'получить прибыль' – 'понести убыток' или синонимичные повторы слов, имеющих близкие значения, что может свидетельствовать об «отработанности» этих слов и выражений, о длительной устной традиции употребления этих фраз.

3. Рынок в городах Северо-Запада Руси имел свои правила честной торговли, основанные на взаимном уважении коммерсантов. Один из разговорников формулирует их так: *Я хочу с тобои торговать как бы с моим братом иль отцом. Торгуи со мною ласкаво бес коловерти. Торгуи со мною сердцем да по закону.* А,63 об.

Важнейшим требованием было торговать ***по закону*** 'по принятым правилам, соответственно установившейся на рынке цене'. Это выражение достаточно широко употреблялось (в Ф – 13 случаев, в Ш – 10): *Починашь продать по закону... да люди от тебе купят.* Ф,279; *Ты продаи по закони добру, я опеть в тебе куплю.* Ш,54 об.

Другим требованием было поступать в торговле ***прямо***. В разных высказываниях это слово означало 'честно, открыто', 'справедливо', 'правильно'. Часто встречается в диалогах: Ш – более 20 случаев, в Ф – более 30: *Пожалуи, уставь нашёму товару цену как прямо, кабы нам обемя обидно не было.* Ш,61 об.; *Ты прямо считал, яз виноват, прощай, напрасно тебе поклепал.* А,70 об. Встречаются в текстах и другие слова того же корня — ***по-прямому:*** *Что ты просишь по-прямоми, скажи подлинно.* А,70 об.; ***прямой*** 'справедливый, честный': *Ино ты прямой чёловек, даи Бог тебе долго жити.* А,43.

Синонимом к ***прямо*** являлось ***пригоже*** 'честно', 'пристойно', 'надлежащим образом'. Обычно слово употреблялось в выражении ***как пригоже:*** *Что мне убавливать? Я пригоже просил.* Ш,12; *Розведитесь как пригоже, добро вам в суд не лазить.* Ш,10; *Скажи ты мене, хочешь ли мое сукно купити? Возьми как пригоже есть.* А,64 об.

Отношения между участниками торговой сделки предполагали не только официальную порядочность, но и известную человеческую теплоту, приветливость, Приведем некоторые из слов, выражавших такую эмоциональность.

Ласково 'вежливо, любезно': *Торгуи со мною ласкаво без коловерти*. А,63 об. Здесь в качестве уточняющего слова употреблено ***без коловерти*** 'без уверток, отговорок, злобы'. Значение это, очевидно, возникло на основе народного употребления: в псковских говорах ***коловерть*** 'водоворот'.

Всем сердцем 'чистосердечно, искренне': *Я с тобой торгую всѣм сердцем, без лести.* Ф,303. *Торгуи со мною сердцем да по закону.* А,63.

Достаточно часто встречается обращение ***дружке*** (звательная форма от ***дружок***) 'приветливое, несколько фамильярное обращение к партнеру по торговым операциям' (Ш – 9 случаев, Ф - 6): *Право, дружке, в* [нашей] *земли ваши куны не ходе.* Ш,59; *Право, дружке, то мнѣ добрѣ в досаду, что ты мнѣ тот товар отказываешь.* Ф,375.

Нечестность, прямой обман получили широкое отражение в «кодексе чести» купцов. В центре группы слов, обозначающих эти понятия, стоит слово ***обман*** и его однокоренные.

Обман 'слова, поступки, намеренно вводящие в заблуждение; ложь': *Я то давно догадался/прим?тил, что товар оман был.* Ф,404 (народно-разговорная фонетическая черта: произношение [***мм***] вместо [***бм***]). У слова ***обман*** были в речи псковичей два синонима ***обманка*** и ***лесть***: *Я не смею с тобой торговать, я оманки/омани от тебе блюдусь.* Ф,408; *Скажи мн? торг без лести, что теб? за тот товар прямо взять.* Ф,305.

Были в употреблении глаголы ***обманить, обманивать, обманывать*** 'поступить, поступать нечестно по отношению к кому-н.': *Мсти тебѣ Бог, что ты меня оманил.* Ф,429; *Веть вы русаки хитры немцов оманивати.* А,68; *Лестлив да сердце худо: оманывать доброго друга.* Ф,470. Яркий синоним к глаголам с корнем ***обман-*** – глагол ***перельстить***: *Не перельсти меня своим товаром.* А,88. Это слово известно только в рассматриваемых разговорниках.

Рядом использовались глаголы близкого значения: ***изменить, изменять, переменять, хитрить, исхитрить*** 'подменить, подменять (весь товар или его часть), ухудшив этим (его) качество': *Ты твои товар изменил да исхитрил, лиходей.* А,76 об.; *Не измѣняй/перемѣняй моёво товару, да припровади мнѣ ёво тим же лицом, каков я от тебе купил.* Ф,395; *Я своёво товару не хитрил, мой товар без хитрости.* Ф,339.

Изменить означало и 'нарушить ранее данное обещание': *Не измѣни мнѣ в том товарѣ, я на тебѣ надѣюсь, как на родного брата.* Ф,363. Синонимичными были и фразеологизированные выражения ***(своим) словом изменить (вернуть, свернуть); взад ладить (лазить?)***: *Я себѣ промахнулся да мало просил за свой товар и ныне взад не лажу да своим словом не верну.* Ф,286.

Лица, нечестно действующие на рынке, получали названия ***измѣнник, обманщик, перелестник*** 'кто не держит данного слова, обещания; лжец': *Измѣнник ты, измѣнил ты своим словом; ты мнѣ тот товар вперёд отсулил да опять иному продал, которой тебѣ боле меня дал.* Ф,284; *Ты еси оманщик, вси люди так говорит (!), надобет се тебе стерчи да иным людем сказывати.* А,80.

В эту группу входят несколько устойчивых сочетаний. В торговом языке используются выражения со словом ***душа***, в которых оно означает 'совесть человека': ***душа твоя подынет (подоймет)*** 'как предостережение: будешь отвечать за свои поступки, грех будет на твоей душе': *Не божись криво, душа твоя подынет.* Ф,210. Другое сочетание ***души не топи (потопи)*** означает предостережение 'опозоришь, погубишь себя', оно имеет синоним ***бесу (диаволу) душу (и) не продай***: *Не божись крива, да души не топи.* Ш,27 об.; *Не емли посулу да бѣсу души не продай.* Ф,299.

Мы рассмотрели около 200 слов, относящихся к торговому языку, распространенному в пограничных городах Северо-Западной Руси (в докладе представлена лишь малая часть их), но далеко не исчерпали его лексический запас. Учитывая данные исторической лексикографии, можно сделать вывод, что основу торгового языка составили общерусские слова, известные памятникам письменности XI–XVII вв.: ***взять*** 'получить деньги', ***давать***, ***дать***, ***закон***, ***заплатить***, ***корысть***, ***купить***, ***ласково***, ***любо***, ***менять***, ***обман***, ***перечесть***, ***потянуть*** и мн. др.

Но этот язык имел и некоторые местные особенности. В разговорниках представлены фономорфологические и словообразовательные варианты общерусских и местных слов: ***обманывать – обманивать; вынуть – вынять; подынуться – вздынуться***.

Отдельные грамматические формы слов лексикализовались и приобрели определенную синтаксическую функцию: ***любит*** – безлично 'нравится', ***любовь*** – безлично 'то же', синонимы ***судит***, ***стоит*** 'имеет цену, стоит'.

Общерусская лексика явилась базой для семантических местных новообразований: ***опасть*** 'понизиться в цене', ***прилипать*** 'проявлять желание купить товар', ***розогнуться*** 'уладить спор, рассчитаться' как синоним к ***розвестись***; ***принять*** 'получить доход'.

Обнаружены словообразовательные неологизмы для того времени: ***приимок*** 'барыш, прибыль' (ФШ); ***замерка*** 'повышение цены' (ФШ); ***скальвеница*** 'помещение, где взвешивают' (Ш) от ***скалва*** 'вес' (ФШ), а в Ф – описательное наименование ***вѣсча полата***.

Мы отметили ряд местных фразеологизмов, отличавших речь покупателей и продавцов: ***любовь да воля***; ***по своей Любови***; ***душа подынет***; ***пить литки***; ***идти вперёд*** 'безлично. О получении прибыли'.

Лексическое своеобразие языка торговли подчеркивалось не только тем, какие в нем имелись местные особенности, но и тем, чего в нем не было. Так, в названных источниках нет слов ***торговля***, ***весы***, ***получить***, ***базар***, ***ряды***.

Близость разговорников Т. Шрове, анонимного автора и Т. Фенне, отмеченная рядом исследователей, была в отношении ряда тем и аспектов повседневной жизни псковского торга показана в настоящем докладе. Наши наблюдения позволяют утверждать наличие определенного структурного типа разговорника, уделявшего фиксации обиходной русской речи много внимания. Этот тип разговорника, во многом повторявшего по строению пособия для изучения иностранных языков, известных в Европе, был тесно связан с потребностями ганзейской торговли, служил ее процветанию и был распространен в Северо-Восточной Германии, Прибалтике и в Северо-Западной Руси.

---

[1] Лудольф Г.В. Русская грамматика. 1696 г. / Переизд., перевод, вступит. статья и примеч. Б.А. Ларина. Л., 1937; Парижский словарь московитов. 1586 г. / Перевод, исследования и комментарии Б.А. Ларина. Рига, 1948; Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619) / Перевод и объясн. Б.А. Ларина. Л., 1959.

[2] «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Cz. II / Oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Faiowski, I. Kuninska. Kraków, 1997; «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Falowski. Köln; Weimar; Wien, 1994; Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskow. 1607 / Ed. LL. Hammerich and R. Jakobson. Vol. II. Copenhagen, 1970.

[3] Хорошкевич А.Л. Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII века // Города феодальной России. М., 1966.

[4] Fałowski A. «Ein Rusch Boeck...» rosyjsko-niemiecki anonimowy siownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. Kraków, 1996.

[5] Bolek A. Jak liczono na placu targowym w Pskowie w XVI i XVII wieku? // Slavia Orientalis, 1995, №4.

[6] Stone J. Thomas Schrove's «Russisch Buch» a Source or the Language of Moscovite Russia // Gedenkschrifft für Reinchold Olesch. Köln; Wien, 1990.

[7] Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12. Л. (СПб.), 1967–1996.

[8] Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 20. М., 1995.

Анна Болек

ПСКОВСКИЕ РАЗГОВОРНИКИ-СЛОВАРИ В РАБОТАХ КРАКОВСКИХ РУСИСТОВ

Превратности истории по меньшей мере дважды связывали Краков и Псков. Столетия назад давняя столица Польши и оборонный оплот северо-западных русских земель упоминались вместе в контексте военного похода Стефана Батория, а вот малоизвестные события XX в. свели их уже на мирном поприще. Хотя и на этот раз в основу невольного соприкосновения наших городов легли последствия войны – в данном случае Второй мировой. Вскоре после ее окончания в Кракове оказались два ценнейших памятника письменности – русско-немецкие разговорники-словари, возникшие в XVI в., вероятно, в Пскове.

Чтобы объяснить присутствие этих рукописей в Польше, следует обратиться к судьбам Берлинской Прусской государственной библиотеки, в фондах которой они прежде находились. Делаю краткий исторический экскурс[1].

Одно из ценнейших культурных достояний Германии – трехмиллионное собрание Прусской библиотеки – уже с 1941 г. (после первых английских бомбардировок Берлина) стали эвакуировать. Вывоз библиотечных фондов длился до 1944 г. и проводился особым способом: собрание разделили на части и отправили в 29 немецких мест. Самые ценные рукописи – главным образом, музыкальный фонд – спрятали сначала в замке Фюрстенштейн (Książ), а потом перевезли в Силезию – в монастырь бенедиктинцев в Грюссау (Krzeszów). В сотнях ящиков находилась самая богатая в мире коллекция манускриптов произведений Моцарта, Бетховена, Баха, Мендельсона, Гайдна, Брамса и других выдающихся немецких композиторов.

После окончания войны в соответствии с решениями Ялтинской конференции Грюссау оказался на территории Польши. Польские власти, узнавшие о прусском сокровище уже в 1945 г., стали тайком переправлять раритетные книги и рукописи в Краков, в Ягеллонскую библиотеку. Находку сразу же засекретили и держали в тайне 30 лет, отклоняя настойчивые попытки ГДР вернуть утраченное в Силезии прусское наследие. Лишь в 1977 г. под давлением международной общественности официально было объявлено о наличии в Кракове берлинского собрания, а в 1981 г. закрытая прежде коллекция стала доступной для исследователей.

Признание польской стороны, равно как и снятие ареста с уникальных фондов, подогрели споры о дальнейшей судьбе бывшей Прусской библиотеки, и до сих пор вопрос ее будущего остается открытым.

Дело в том, что во время Второй мировой войны Польша потеряла большинство своих бесценных книжных собраний – миллионы рукописей, инкунабулов, старопечатных изданий, документов и книг. Часть из них была намеренно уничтожена, часть увезена в Германию. Поныне неизвестно, сколько памятников письменности и книжной печати, принадлежавших до войны Польше, находится в немецких библиотеках и хранилищах. Притязания поляков на возвращение национального культурного имущества почти не имеют отклика. В этой ситуации колебания наших властей, возвращать ли берлинское собрание немцам или оставить его в Польше в качестве компенсации за утерянное, становятся понятными. Чем закончится дело, пока неизвестно; фактом остается то, что сейчас для знакомства с «силезской» частью Прусской библиотеки следует приехать в Краков.

В Берлинском собрании slavica составляет небольшую часть. Насколько мне известно, это около 30 церковно-славянских рукописей разных редакций, а также немного-

численные польско-русские грамоты. Ценнейшими памятниками славянской коллекции, безусловно, являются два рукописных русско-немецких словаря-разговорника – анонимный «Ein Rusch Boeck» и приписываемый Т.Шрове «Einn Russisch Buch».

Обе рукописи были введены в научный оборот свыше 150 лет назад С.М.Строевым, который дал их краткое описание и привел несколько выдержек из них. Впоследствии разговорники неоднократно привлекали внимание славистов и германистов. После войны судьбой памятников заинтересовался М.П.Алексеев, который собрал воедино все доступные о них информации и опубликовал в одной из своих статей[2]. Считая, что пропавшие из поля зрения исследователей разговорники представляют значительную историко-лингвистическую ценность, и подозревая, что они находятся в Польше, он предлагал, особенно выделяя рукопись Т.Шрове, «передать ее в какое-либо научное книгохранилище и приступить к ее полному изданию»[3]. Для реализации этого заманчивого постулата потребовалось свыше 40 лет. В 90-е годы, пользуясь снятием грифа секретности с берлинской библиотеки, краковский коллектив русистов, который я представляю, предпринял попытку познакомить широкие круги специалистов с этими уникальными памятниками русско-немецких языковых контактов XVI в.

Меньшая по объему рукопись «Ein Rusch Boeck» (94 л. в четверку) стала предметом исследовательской работы А.Фаловского, по инициативе которого краковские русисты стали заниматься изучением и подготовкой к публикации разговорника Т.Шрове. В 1994 г. А.Фаловский издал в Германии в известной академической серии «Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte» текст этого анонимного памятника, относимого учеными к XVI–XVII столетиям[4].

Кроме текста словаря-разговорника академическое издание содержит транслитерованный указатель русских слов и их форм, а также факсимиле рукописи. Более детальному анализу языка «Ein Rusch Boeck» А.Фаловский посвятил свою докторскую диссертацию, которая вышла в Кракове в 1996 г.[5] В ней автор главным образом сосредоточился на лексике, хотя не обошел вниманием графико-фонетических и морфологических особенностей «Русской книги». Филологическая разработка позволила исследователю установить, что анонимным автором разговорника-словаря был немец, хорошо владеющий русским языком, что рукопись написана в середине XVI в., а местом ее возникновения был скорее всего Псков. Именно Псков является единственным русским городом, который дважды назван в разговорнике (не в словаре!): *gde gego vbili – na dorogy pskovsky; w kotorom gorode – wopsckowe.*

Совокупность зафиксированных в памятнике языковых особенностей на уровне фонетики, грамматики, лексики и фразеологии, а также следы воздействия западнославянских языков позволили А.Фаловскому соотнести язык памятника с псковским диалектом XVI в.

Издание другого разговорника-словаря в 113 *л.* in folio, приписываемого Т.Шрове, было осуществлено в Кракове уже коллективно. Краковские русисты во главе с А.Фаловским работали над его исследованием начиная с лета 1986 г. В состав нашей группы входили сотрудники Института восточно-славянской филологии Ягеллонского университета – проф. В.Витковский, И.Кунинска и автор этой статьи, а также Х.Ходурска из Института русской филологии Педагогической академии. Сначала в 1992 г. из печати вышло фотографическое воспроизведение памятника[6], а в 1997 г. свет увидел следующий том нашего труда, содержащий транслитерацию рукописи, а также указатель русских слов и их форм[7]. Текст разговорника предваряет введение, в общих чертах характеризующее язык русской части разговорника Т.Шрове. Как и в случае с «Ein Rusch Boeck», с опорой на языковые данные можно предположить, что памятник возник в Пскове или в другом городе Новгородского края или же информантом немецкого автора был (были) человек (люди), происходившие из этих мест.

Среди всех известных двуязычных разговорников-словарей и грамматических пособий, авторами которых были нерусские, «Einn Russisch Buch» признается самым древним. Опубликованный нами список, в котором упоминается 1546 г., по филиграням можно отнести к концу XVI в., хотя возникновение его протографа следует отодвинуть вспять на 100–150 лет. Исследование «Einn Russisch Buch» позволило пересмотреть мнение еще об одном псковском памятнике – разговорнике Т.Фенне, написанном в 1607 г.[8] До публикации наших изданий ученые, обращавшиеся к словарю Т.Фенне, принимали указанную в нем дату за время возникновения разговорника, считая, что памятник был создан в начале XVII в. Проведенная нами работа по установлению соответствия текстов разговорников Т.Шрове и Т.Фенне показала, что около 80 % содержания рукописи Т.Шрове являются общими с текстами Т.Фенне. Таким образом, разговорник Т.Фенне следует признать старшим и усматривать в нем очередную стадию эволюции русских учебников для немцев. Истоки же традиции составления подобного типа компендиумов кроются в куда более раннем периоде – XIII–XIV вв., когда Псков и Новгород имели непосредственные контакты с представителями ганзейских городов северной Германии.

Сопоставление упомянутых словарей-разговорников дает возможность увидеть историческую перспективу русско-немецких языковых контактов того времени, позволяет не только передвинуть хронологию возникновения, но и проследить развитие и странствия подобной учебно-справочной литературы. Немало нового в панорамное освещение вопроса привносит статья А.Хорошкевич, пользовавшейся нашим изданием. Автор публикации сравнила структуру учебников Т.Шрове и Т.Фенне, провела их текстологический анализ, а также соотнесла исторические информации, содержащиеся в разговорниках, с данными псковских и новгородских летописей[9]. Анализ главным образом касался названий денежных единиц в связи с эволюцией платежно-денежных отношений на Руси. Имеющийся материал, рассмотренный через призму историко-филологического подхода, позволил исследовательнице датировать протограф текстов, включенных в разговорник Т.Шрове, а потом использованных Т.Фенне, последней третью XIII–началом XIV в. По мнению А.Хорошкевич, в конце XV–XVI вв. «Русские книги» особенно интенсивно переписывались именно в Пскове, куда после закрытия в Новгороде Немецкого двора перемещался центр немецко-русской торговли. Именно в этом историческом факте автор статьи видит обоснование фиксации в учебниках не только псковских реалий, но и особенностей псковского говора.

Не уходя от темы торговых и языковых контактов древнего Пскова, я хочу еще обратить внимание на польскую часть рукописи Т.Фенне.

В Библиотеке Чарторийских в Кракове хранится экземпляр первого краковского издания польско-немецкого разговорника 1539 г., условно озаглавленный в литературе «Książeczki polskie». Частично он был факсимильно переиздан в 1998 г. в Кракове в издательстве «Collegium Columbinum», специализирующемся на публикации редких источников и научно-библиофильских позиций[10]. «Książeczki polskie» после первопечати в типографии Ветора потом неоднократно переиздавались в разных городах, в том числе в Кенигсберге в 1566 и 1571 гг. Кроме разговорника они содержат молитвы на польском языке, а также польские и немецкие образцы писем, датированных 1538 г. Т.Фенне в своей книге поместил несколько молитв на польском языке, а также три образца писем, два из которых полностью совпадают с первопечатным текстом Ветора, с той лишь разницей, что на краковских письмах проставлен 1538 г., на псковских – 1566. Из этого следует, что, во-первых, в своем распоряжении Т.Фенне имел кенигсбергское издание «Книжечек», а во-вторых, в Пскове в то время существовала потребность на такую польскоязычную литературу.

Таким образом, представленные выше двуязычные разговорники-словари являются не только бесценным источником для исследования истории русского и немецкого языков и их диалектов, но и достоверным историко-культурным документом своей эпохи. Более того, они фиксируют языковые явления и исторические факты, относящиеся к временам, более отдаленным от даты написания сохранившихся экземпляров. Эти учебники, составляемые немецкими авторами в помощь ганзейским купцам, торгующим в городах Северной Руси, имели сугубо практическую направленность. Их составители, не стесненные нормами ни церковно-славянской, ни деловой письменной традиции, записывали латинским алфавитом – скорее всего на слух – слова и фразы разговорной непринужденной речи с ее диалектными особенностями. Чужой русский мир, подсмотренный глазами любопытного иностранца, был здесь отображен почти фотографически – до такой степени, что некоторые его мелочи напрасно искать в русских текстах. Внимание иностранца было направлено на такие подробности повседневной жизни, которые русскому казались очевидными, а немец хотел знать их названия.

Наш коллектив, отдавая себе отчет значимости опубликованных разговорников, не остановился только на их издании[11]. Вот уже несколько лет являются они объектом нашего постоянного исследовательского интереса. До сих пор мы издали одну монографию (докторская диссертация А.Фаловского) и 20 статей, посвященных разным сторонам этих памятников. В центре нашего внимания находится лексический пласт разговорников, как известно, наиболее динамичный и открытый описываемой действительности.

Довольно обстоятельно лексику «Einn Rusch Boeck» в своей монографии исследовал А.Фаловский. Из 2300 лексических единиц, содержащихся в памятнике, он извлек и филологически прокомментировал свыше 300 слов и словосочетаний, не зафиксированных до XVII в. русскими источниками. Сведения о лексике этого памятника пополняет также статья В.Витковского о русских заимствованиях из польского языка[12].

Кроме того, в наших работах исследуются по всем трем разговорникам отдельные лексические группы, охватывающие названия профессий[13], торговую лексику[14], соматическую лексику[15], географические названия[16], а также слова, находящиеся, по мнению некоторых, за пределами приличия в русском языке[17]. Рассматривается также лексическая и грамматическая синонимия, особенно представленная в «Einn Russich Buch» Т.Шрове[18]. Проведенный нами анализ лексического состава немецко-русских разговорников позволяет внести некоторые уточнения и дополнения в существующие исторические словари. Наши коррективы дают возможность передвинуть – подчас на несколько столетий – первые фиксации слов либо расширяют их семантический объем (в наших текстах они употребляются в значениях, дотоле неизвестных), а сверх того, обогащают словарный запас древнерусского языка незафиксированными в лексикографических источниках словами. Здесь я должна с сатисфакцией заметить, что, начиная с 24 тома, авторы Словаря русского языка XI–XVII вв. в корпус источников включают материалы из краковских изданий.

В поле нашего зрения также оказались фонетическая и морфологическая системы памятников. «Ein Rusch Boeck» в этой связи обзорно охарактеризовал А.Фаловский, язык Т.Шрове был рассмотрен Х.Ходурской и мною[19]. Специальная статья была посвящена числительным[20]. Одновременно в фонетической, морфологической и лексической плоскостях исследовались диалектные особенности[21]. Проведенное нами сравнение языка учебников Т.Шрове и Т.Фенне, восходящих к одному протографу, позволило проследить эволюцию и хронологию многочисленных языковых явлений, характерных для новгородского и особенно псковского диалектов.

Содержащийся в разговорниках-словарях языковой материал был нами использован и для работ культурологического характера. Здесь следует упомянуть статью А.Фаловского «Między językiem a kulturą Rosji XVII wieku», в которой автор исследовал сло-

ва ***выблядок, подугольник, суткиш, пороспица, казица, ездуха*** и выявил их тесную связь с народными суевериями: представлениями о подкидывании и замене детей нечеловеческими существами, ездившими верхом на людях или лошадях[22]. А.Фаловский обращался к материалу разговорников и при разработке темы «нравственность и менталитет русских глазами иностранцев»[23].

Очень интересную информацию дают «Русские книги» о мировоззрении ганзейского купечества. И хотя в них не представлена цельная система религиозных и философских понятий, однако из разбросанных тут и там фраз, сентенций, воззваний к Богу и использованных в рукописях текстов с библейскими мотивами можно сделать немало выводов о вере немецких купцов и их осведомленности о православии. В двух статьях я попыталась определить религиозное сознание авторов этих учебников и пришла к выводу, что русско-немецкие словари-разговорники представляют собой самые ранние источники, содержащие основные принципы лютеранства[24]. Воспринимая и отражая в текстах внешнюю специфику православия, авторы разговорников соотносили ее с традицией католической обрядности. И в то же время заметны попытки православных информантов вводить свои реалии в контекст западной религиозности. Осознание несовместимости обоих систем (русской – немецкой, православной – католической) не становилось препятствием для желания жить в мире и согласии. Фраза из Т.Фенне ***коли у нас была вера одна, вес и мерка пряма, да деньги добры, ино стоит хорошо на всем свете*** и сегодня звучит трогательно и актуально.

Немецко-русские словари-разговорники являются также ценнейшими источниками для истории немецкого языка. В них использованы его разные диалекты – нижненемецкий в «Ein Rusch Boeck» и разговорнике Т.Фенне и ранневерхненемецкий в разговорнике Т.Шрове. Однако до настоящего времени сотрудничество славистов и германистов на поприще исследования «Русских книг» трудно назвать успешным. В прошлом году вышла в свет солидная монография московских филологов-германистов Е.Р.Сквайрс и С.Н.Фердинанд «Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов», посвященная нижнемецкому языку ганзейских грамот и документов. Среди привлекаемых авторами источников фигурирует материал «Ein Rusch Boeck», изданный и исследованный А.Фаловским. Разговорник Т.Шрове остался вне поля зрения московских филологов. Обидно, что исследователи-германисты не сочли целесообразным дать достоверную информацию о русской части разговорника, игнорировали работу А.Фаловского. Утверждая, что «представленный в нем [разговорнике] русский язык еще не изучен с точки зрения его диалектных черт», они воспроизводят опровергнутую краковским исследователем несостоятельную оценку А.И.Яцимирского, почти сто лет назад относившего рукопись к памятникам западно-русского книжного языка[71]. Остается надеяться, что в будущем работы русистов и германистов будут соприкасаться и взаимно обогащать друг друга, а научная информация станет более проницаемой, чему в какой-то мере может послужить и мое обзорное выступление.

---

[1] См.: Kalicki W. Pruski skarb krakowski // «Gazeta Wyborcza», 1994, № 247 (22–23.X). S. 14–18.

[2] Алексеев М.П. Книга русского языка Т.Шрове 1546 г. и ее автор // Памяти академика Л.В.Щербы (1880–1944). Сборник статей. Л., 1951.

[3] Там же. С. 104.

[4] «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Worter- und Gesprachsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Herausgegeben von A.Fałowski. Koln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 1994.

[5] Fałowski A. «Ein Rusch Boeck...» Rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. Kraków, 1996.

[6] «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI w. Cz. I. Wstęp. Fotokopie / Pod. red. A. Fałowskiego i W. Witkowskiego. Kraków, 1992.

[7] «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich / Opr. A.Bolek, H.Chodursk№, A.Fałowski, J.Kuniińską. Kraków, 1997.

[8] Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607 / Ed. by L.L. Hamerich, R. Jakobson. Vol. II. Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

[9] Хорошкевич А. К истории создания немецко-русских словарей-разговорников Т.Шрове и Т.Фенне // Slavia Orientalis, 2000, № 1. S. 77–91.

[10] Dajcie mi za nie pół trzecia grosza... Gebt mir dorfur dritthalb groschen... / Opr. red. i komentarz E.Kucharska, W.Walecki. Kraków, 1998.

[11] Фаловский А. «Ein Rusch Boeck...» – русско-немецкий анонимный словарь-разговорник XVI в. // Studia Slavica Hung. 1991–1992, № 37. S. 211–217; Fałowski A. Świadectwa cudzoziemców o języku rosyjskim // Magyarok es szlavok. Szeged, 1993. S. 423-433.

[12] Витковски В. Заимствования из польского языка в книге Ein Rusch Boeck // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции МАПРЯЛ, Краков, 23–24. IV. 1996. Kraków, 1996. С. 168–172.

[13] Bolek A. Nazwy zawodów w rosyjsko-niemieckich rozmówkach XVI–XVII w. // Acta Universitatis Wratislaviensis, № 2191, Slavica Wratislaviensia CVII. Wrocław, 2000. S. 15-22; Bolek A. Starorosyjskie nazwy zawodów związanych z handlem (na materiale rosyjsko-niemieckich rozmówek XVI-XVII w.) // Съкровище словесное. Studia slawistyczne ofiarowane profesorowi Jerzemu Ruskowi na 70. urodziny. Kraków, 2000. S. 37-40.

[14] Болек А. Лексика торговых сделок в *Русской книге* Томаса Шрове по списку 1546 года // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции МАПРЯЛ, Краков, 23-24. IV. 1996. Kraków, 1996. S. 171–177; Bolek A. Leksyka operacji rozliczeniowych w szesnastowiecznych «Rozmówkach rosyjsko-niemieckich» T.Schrouego // Słowo. Tekst. Czas: Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 4-5. VI. 1996 / Pod red. M.Aleksiejenki. Szczecin, 1996. S. 115-118.

[15] Fałowski A. Leksyka somatyczna w «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego // Prace Komisji Słowianoznawstwa, 1996, № 50. S. 115-124.

[16] Fałowski A. Przymiotniki motywowane nazwami geograficznymi w „Ein Rusch Boeck...» – rosyjsko-niemieckim słowniczku i rozmówkach z XVI w. // Rocznik Slawistyczny. L, 1997. S. 109–114.

[17] Фаловски А. Свидетельства иностранцев о русском языке XV в. // Studia Slavica Hung., 38, 3-4, 1993. S. 317–327.

[18] Bolek A. Czy Tonnies Fenne zasługuje na miano pioniera slawistyki // Słowianie Wschodni. Między językiem a kulturą: Księga jubileuszowa dedykowana prof. W.Witkowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Kraków, 1997. S. 63–67; Bolek A. Synonimia leksykalna i gramatyczna w XVI-wiecznych *Rozmówkach rosyjsko-niemieckich* Thomasa Schrouego // Acta Universitatis Wratislaviensis, № 2039, Slavica Wratislaviensia. C. Wrocław, 1998. S. 9–14.

[19] Bolek A., Chodurska H. Wstęp w «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego... S. 9-29.

[20] Bolek A. Jak liczono na placu targowym w Pskowie w XVI-XVII wieku? // Slavia Orientalis, 1995, № 4. S. 543–554.

[21] Fałowski A. Gwara pskowska XIV-XVI wieku na tle innych gwar rosyjskich tego czasu // Slavia Orientalis, 1997, № 2. S. 247–254; Bolek A. Czy Tonnies Fenne zasługuje na miano pioniera slawistyki...

[22] Fałowski A. Między językiem a kulturą ludową Rosji XVI w. // Slavia Orientalis, 1993, № 1. S. 75-87.

[23] Fałowski A. Obyczajowość i mentalność Rosjan w obserwacjach zachodnioeuropejskich autorów dwujęzycznych rozmówek i słowników XVI–XVII wieku // Słowianie Wschodni. Między językiem a kulturą: Księga jubileuszowa dedykowana prof. W.Witkowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Kraków, 1997. S. 183–188.

[24] Bolek A. Религиозное сознание авторов русско-немецких разговорников-словарей XVI-XVII веков // Христианизация, дехристианизация и рехристианизация в теории и практике русского языка / Под ред. Е.Калишана. Познань, 2001. С. 81–88; Bolek A. Horyzonty religijne hanzeatyckich kupców w świetle leksyki rosyjsko-niemieckich rozmówek XVI–XVII w. // Dzieje Słowian w świetle leksyki: Pamięci profesora Franciszka Sławskiego / Pod red. J.Ruska, W.Borysia, L. Bednarczuka. Kraków, 2002. S. 505–511.

[25] Скваирс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 16.

И.С. Лутовинова, Т.А. Пецкая

ОТРАЖЕНИЕ БЫТА В РЕЧИ ПСКОВСКИХ КРЕСТЬЯН

В Толковом словаре русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой слово ***быт*** определяется как жизненный уклад, повседневная жизнь[1]. Рассмотрим **быт** как установившийся порядок в повседневной жизни псковских крестьян, точнее, представим **обобщенный образ жизни** современной пожилой крестьянки Псковской области.

Свои наблюдения мы строим на вербальных характеристиках сельской жизни устами псковских крестьянок. При этом тексты могут быть и о прошлом, и о настоящем. Мы отобрали рассказы о настоящем. Материалом являются иллюстрации словарных статей Псковского областного словаря[2] и сама картотека Словаря, записи текстов для которой ведутся с 1945 г. Речевой материал содержит факты о жизни крестьян более чем за 150 лет: 1) период до революции 1917 г. и даже рассказы, возможно, передающиеся от поколения к поколению, о жизни середины XIX в.; 2) в тяжелые для крестьянства 30-е гг. XX в.; 3) в Великую Отечественную войну, в послевоенные годы; 4) в не менее трудные 50–60-е гг. XX в. и 5) о крестьянской жизни конца XX — начала XXI в. В записях народной речи содержатся описания земледельческих работ, видов утвари, одежды, пищи и т.д. в том виде, как об этом говорят сами крестьяне.

Язык является не только средством общения и передачи мыслей, но и хранителем национальной культуры.

Тексты записей позволяют более полно и детально восстановить историю жизни, быта, обрядов, профессиональной деятельности жителей одного региона. С точки зрения жителей оцениваются нормы жизни, законы бытия, которые передаются из поколения в поколение, связаны с повседневными заботами, условиями жизни, обычаями, традициями, с миропониманием, мировоззрением, с системой жизненных ценностей данного народа.

Следует подчеркнуть, что бытовая тематика в вербальном выражении псковских крестьян является преобладающей. Т.С.Коготкова писала, что «диалектная речь с бытовым содержанием является превалирующим видом диалектной речи вообще»[74]. Русская диалектная речь – это разновидность русского языка (с его фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями) в сочетании со словами литературного языка, служащая средством общения крестьян, проживающих на одной географически очерченной территории, в частности Псковской области. При этом исходим из утверждения, что псковские говоры – это одна языковая микросистема, сохраняющая свою самобытность и самодостаточность.

В настоящее время в псковской деревне уже нет больших семей, чаще всего в крестьянском доме живет одна крестьянка, достаточно пожилого возраста, но крестьянский уклад сохраняется.

Условно представим обобщенные фрагменты крестьянского быта в виде вербальных индексов (**И**[1], **И**[2], **И**[3] и т.д.), которые подразделяются на подындексы (см. схему «Обобщенные фрагменты крестьянского быта в виде вербальных индексов»).

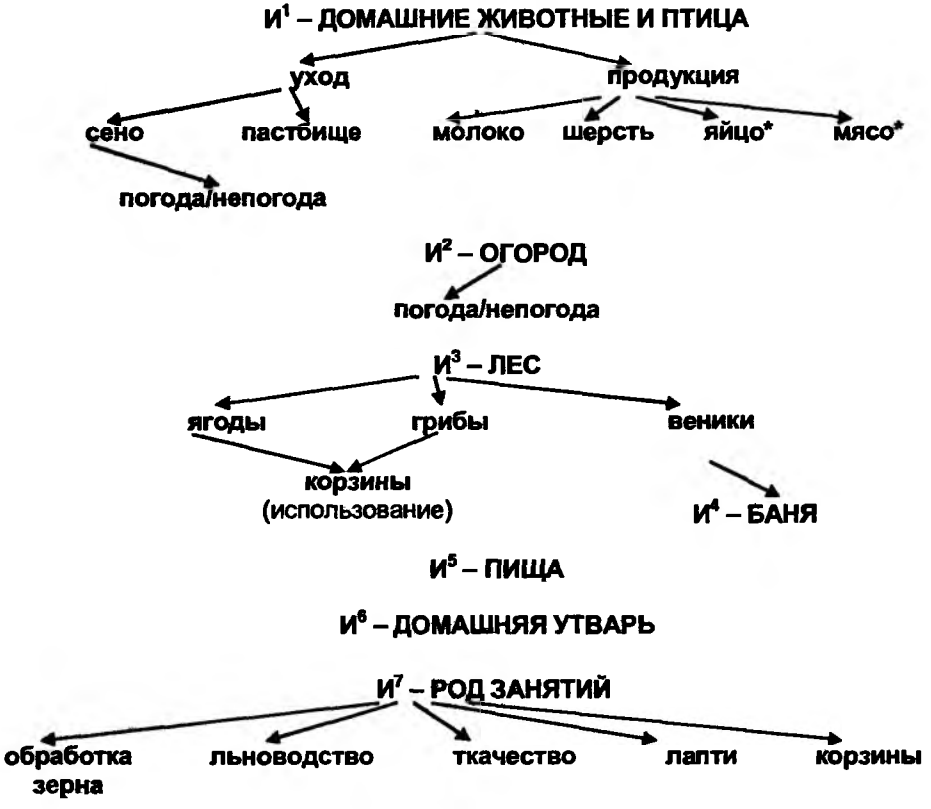
Крестьяне в Псковской области держат скот: *Бес корофки жыть худо.* Порх. *Барафка дяржу, карофкъ е.* Гд. *У меня чатыри жывата в доме, карова и три афцы.* Остр. *Хать нибальшыи жываты у миня, а есть, то куряты, то каза есть.* Холм. *Жыватy у меня нямнога, шэсть авец, чатыри яннёнка.* Оп. *Иж жывотных каровушкъ, пярасёнъчик, куры.* Н-Рж. *Курицы есть и ярушки, ярочки, овечки.* Порх. *Па карофке каждый держыть.* Остр.

Домашние животные требуют раннего подъема: *Я рана фстаю, карову нада гнать.* Порх.

Крестьянка совершает ежедневно «*обряд*» ухода за скотиной, или, как говорят крестьяне в некоторых районах, «*обряжается*»: *Скатинку напоить, карофку подоить – вот и убрядилась, фсё зделала.* Гд. В других районах говорят «*прибираться*», т.е. `заниматься уходом за домашним скотом: кормить, поить и т.п.`: *Скатина с поля пришла, пара прибираца.* Аш. *Пайду прибираца, хряпу ламать пярасёнку.* Себ. *Вечер близко, пойду прибираться, а то Бурёнушка моя, наверно, есть захотела.* Кр.

В литературном языке ***прибираться*** означает 'вести уборку помещения', в псковских говорах – семантический диалектизм.

Обобщенные фрагменты крестьянского быта в виде вербальных индексов*



И8 – СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

И9 – ЦЕРКОВЬ

И10 – ОДЕЖДА, ОБУВЬ

И11 – ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

И12 – ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

*Все индексы между собой связаны, и в то же время лексический набор каждого индекса может составлять самостоятельные тематические, лексико-семантические группы и микрополя. Наполним лексическим содержанием первые шесть индексов (И¹ – И⁶). И ¹– домашние животные и птица.

Чтобы содержать домашний скот, нужно обязательно заготовить сено: *На карофку сяица нада накасить.* Кр. *Бывала, на мхах фсё косили и стога метали.* Пск. *Накосила патстилки для скотинки три вязёночки.* Пск. *Сена капняла за агародам.* Остр. *Дай косы, ярушэчкам атаву накашу.* Пл. *Сена грабиш граблями, кладёш у капёшку.* Кун.

Траву нужно скосить, высушить, сложить в стога, перевезти в сараи. Этой работе мешает непогода. Очень много текстов о непогоде: *Вот дош накалиелет, ни дает сена убирать.* Пушк. *Дажжыть сабираит, так пайду сена скапну.* Пск. *Синагнойный дош, зайдё, зайдё, меленький, сена гнае.* Себ.

Еще одной заботой крестьян является необходимость пасти скот. Иногда нанимают пастуха, но в последние годы в деревнях крестьянки пасут сами: *Кароф ганяют па очэрди*. Пыт. *Скоро погонюща ф поле, сегодня моя очередь гнаща ф поле.* Сер. *Пять скатине у миня, так два с паловинай дня пасть.* Пск. *Авечик пасть послезафтра.* Гд. *На днях ганюсь: у каво жыватоф многа, так ы дней большэ.* Локн. В текстах большое количество слов и литературного языка, и диалектизмов, показывающих любовное отношение крестьян к домашним животным: ***коровушка, козичка, козушка, цыпушка, башенька*** и др. Лингвистически это передается словообразовательными средствами – суффиксами эмоциональной оценки, в основном имеющими значение ласкательности: ***-ушк(а), -чик, -очк(а), -ечк(а), -инк(а), -еньк(а)*** и др.

Лексические речевые факты дают материал о детализации некоторых понятий в языковом сознании крестьян. Например, в отличие от литературного языка, где существует пара ***жеребёнок – лошадь (кобыла)*** в значении 'детеныш' – 'мать', в псковских говорах ***жеребёнок*** – 'детеныш лошади в возрасте до года': *Кобылка жэребила жэребёнка*. Сл. Синонимами являются диалектизмы ***нынешник, летошняя***: *Вот нынчи радифшы жырабёнак, он нынишник.* Беж. *Да году жырябёнак летошняга.* Локн. Детеныш лошади в возрасте двух лет – это уже ***лоньшина, лоньшага, стригун:*** *Па фтаромy году, так стригун.* Печ. *На фтарой гот* [жеребенок] – *лошына.* Беж. А на третий год – ***боронка*** или ***третьяк***: *Патом боронка, у барану запрягать можна, на третью траву.* Локн. *Запрягли третьяка ф сани.* Печ. Четко прослеживается внутренняя форма диалектизмов: ***нынешник (НЫНЕ-шник*** – 'в этом году'***); летошняга (ЛЕТО-шняга*** – 'в прошлом году'***); лоньшина (ЛОНЬ-шина*** – 'в прошлом году'***); стригун (СТРИГ-ун*** – 'стричь (гриву)'***); боронка (БОРОН-ка*** – '(впрягать) в борону'***); третьяк (ТРЕТЬ-як*** – 'третий (год)'**)**.

Домашние животные (корова, коза) и птицы являются источником питания для крестьян (молоко, яйцо); овцы дают шерсть: *Севонни выстригла малиньку ярушэчку, я тебе связаю варежки с етай шэрсти.* Гд. *Дяначки, исподачки вяжым ш шэрсти сваей.* Беж. Каждая крестьянка имеет веретено, прялку, а иногда и ножную самопрялку.

И^2 – **огород.**

На адну гряду пасадила луковины, а на другую барканины. **Гд.** ***Нескальки кабачкоф наросшы, и чеснок, и лук, и редистка – на агароди фсё.*** **Гд.** ***Как зацвятёт, агурчики, так жэлчна фсё.*** **Гд.** ***По три паласы ф поли картошки, укропчик.*** **Пск.** ***Картошэчка свая, капустина, мне хватаит.*** **Гд. В беседах на эту тему проявляется уже другое, в отличие от сенокосной страды, отношение к дождю; его ждут, он нужен для урожая:** ***Картошке даждёк нужэн, а то мелкая будит.*** **Вл.** ***Фсё растенье дожжу ждеть.*** **Н-Сок.** ***Агуречки нидвижымыи, какай пагода, хужы этай ни нада, и ветир, и ветир.*** **Гд.** ***Урожай харошый, если уладные дажы.*** **Палк. И опять следует отметить ласкательное отношение к тому, что растет на огороде:** *укропчик, картошечка, огуречки,* **да и название** *сеногнойный дождь* **сменяется ласковым названием** *дождёк.*

Большое число синонимов образуют синонимичные ряды однокоренных производных, например для названия того или иного овоща: *баркан – барканец – барканина* **и др.**

И^3 – **лес.**

Этот вербальный индекс представлен текстами, связанными с разговорами о продуктах леса. Ограничимся подындексами, предполагающими ягоды, грибы, веники.

Летнее время – это пора для сбора и заготовки ягод и грибов. В рассказах крестьян встречается большое количество номинаций ягод, растущих в лесах Псковской области: *Ягат многа: зямляника, малина, голубика, жырювина.* Дн. *У наз большы малина; чэрницы, галубики мала; её у нас пьяницэй завут.* Холм. *Ганабель – голубика, ягатки чёрненьки, как черница.* Гд. *Зимлянига есьть. Я фчярась находила – литра три набрала.*

Аш. *Ягады – первая земляника паспявает, в лясу и па гарам растёт, где большы сонца.* Остр. *Клюквинка махавая, брусничинка баравая, земляничинка низавая.* Тор.

В языковом сознании носителей диалекта – богатство словотворчества, что приводит к образованию словообразовательной и лексической синонимии. Например, синонимический ряд, называющий растение и ягоду голубику: ***голубёнка, голубиха, голубка, голубника, голубянка, голубица; гонобоб, гонобобель, гонобой, гоноболец, гоноболька, гонобольник, гоноболь, гоноболя; пьяница.*** Лексическая синонимия основана на различных внутренних формах слов, составляющих ряд: ***голубиха (ГОЛУБ-иха*** и под. – 'голубая (ягода)'***); гоноболь (ГОНО-БОЛЬ*** – «Возможно, первоначально табуистическое название «гонит боль» с эвфемистическими преобразованиями»[4]); ***пьяница (ПЬЯН-ица*** – 'пьяная (ягода)', т.е. человек, собирающий эту ягоду, чувствует опьянение от болотной травы, растущей рядом с кустами голубики***)***. С другой стороны, на основе семантического тождества возникают деривационные образования, образующие словообразовательную синонимию.

Вербальный подындекс «грибы» характеризуется теми же самыми языковыми особенностями, что и подындекс «ягоды»: 1) богатством лексики, называющей грибы, известной как литературному языку, так и псковским говорам (***боровики, подберезовики...***); 2) диалектной номинацией с прозрачной внутренней формой: *Лисички, а па-нашэму питушки.* Гд. *Гарькишки у нас шаталками завут.* Гд.; 3) наличием лексики с коннотацией экспрессии ласкательности: *Наядимся ат пуза грибочкаф.* Остр. *Принясё блицынки.* Оп. *Валнишэчки берём, атвариш их, пасолиш – и кушать.* Дед. *Горяшынки, валняшынки, синяшки солим.* Н-Рж.; 4) богатством словообразовательных синонимических рядов: ***волнейка, волнешка, волник, волнуха, волнушка, волнянка, волняха; волнеечка, волнушечка, волняшенка*** – `съедобный пластинчатый гриб с розоватой, покрытой концентрическими полосками и коротким ворсом шляпкой`.

Вербальные подындексы «ягоды» и «грибы» тесно связаны с еще одним подындексом «корзины»: *Ета карзинка либаика, в яё ягады сабирают.* Кр. *Лубяначки вазьмёт и пайдёт в лес за ягадам.* Вл. *Мала будет лубянки, я две засилю, а то ягады некуда будеть збирать.* Нев. ***Лубочка, лубянка, лубяночка*** – `корзинка, сплетенная из бересты`. Указанные названия с корнем ***луб-*** имеют синонимы с корнем ***берест- (берестень, берестянка, берестовка):*** *З берястофкай за малинуй ходим.* Пушк. Корзинка в псковских говорах может называться и ***корянка,*** и ***набирка, набирочка, набирушка:*** *Набрал ягот карянки.* Оп. *Набрали набирки малины.* Пыт. *Ета ньбирачки для грибоф.* Нев. *Заказали опять две набирушки крохопотненькие.* Пск.

Мотивационные признаки номинации корзины вполне прозрачны: либо указание, из чего сделана корзина (луб, береста, кора), либо указание на предназначение – 'набирать во что-н.' Суффиксы ***-очк(а), -ушк(а)*** либо выражают эмоциональную экспрессию, либо указывают на уменьшительность.

В июле крестьяне обычно в лесу режут и вяжут веники: *Венички вяжом в лесу.* Пав. *К Ивану режут веники, наських берёзин наламала на веники, мякиньки венички.* Гд. Седьмого июля отмечается ***Иван-веничный*** – праздник, когда первый раз режут березовые веники и парятся ими в бане: *Зафтра Иван-венишный.* Пл. *На венишный Иван пайдём в байню.* Пл.

Веник – непременный атрибут русской бани, которая является важным элементом крестьянского быта.

И[4] – баня

У кажнага свая байня. Сер. *С альхи банюшку сабереш.* Вл. *И ниплахая байнюшка выстрьин.* Стр. *Кагда в баньки надать, вазьми шабайку туда.* Аш. Большим удовольствием для крестьянок является возможность попариться, *«постебать»* себя веником

для здоровья. *Любим парицца, каждую неделю байню топим.* Дед. *Выпаримся, веник вазьму да пашквыркаю, тела становицца красная.* Остр. *На зиму журавин нънашу, послиф байни хърашо паисть.* Сош. Веники крестьянки также запасают и на корм козам.

Продукция от домашних животных, овощи, выращиваемые на огороде, ягоды, грибы, а в некоторых деревнях и выпечка собственного хлеба, в приозерных районах Псковской области и рыба – все это составляет еще одну заботу для крестьянки: приготовление пищи. Несмотря на то что крестьянка часто живет одна, она готовит себе пищу, обязательно варит горячую еду, печет оладьи, блины, лепешки, а то и пироги, заготавливает ягоды и грибы на зиму, приготавливает кушанья из молока. Вся пища не требует больших изобретений, но требует определенного мастерства. И это составляет обязательную часть крестьянского быта.

И^5 – пища

Рассказы о еде наполняют вербальный индекс И^5. *А блинки. я вазьму прастакишы, содачки, масла валью и пясочку нямнога.* Гд. *Гистиха са ржаной муки, салинки сыплю, масличка ф сярётку.* Пск. *С малачка нада ситка сварить с макаронай.* Гд. *Иди, жунь хоть картошынки. приготовила.* Гд. С какой любовью крестьянки рассказывают о пище. Этот вербальный индекс, как и другие, представлен большим лексическим материалом в Псковском областном словаре и в картотеках Псковского областного словаря.

Заготовка, хранение продуктов требует наличия определенной утвари, которая в крестьянском быту и в настоящее время имеет не только свое предназначение, но и свои номинации.

И^6 – домашняя утварь

Вербальный индекс **И^6** также содержит богатейший материал, называющий предметы крестьянской домашней утвари. Приведем два примера.

Названия со значением ‘сосуд, в который доят молоко‘ в псковских говорах представлены синонимическим рядом лексем, имеющих прозрачную внутреннюю форму. Большая часть из них мотивирована глаголом ***доить:*** *Дойка, падойник – карову даить.* Оп. *Теперь дойник ис цынка.* Сл. *В даёнки доят, как вёдры.* Оп. *Пашла стрянуть кароф-ку, а яна в дойници каг вдарила нагой.* Дед. *Доянка – ведро для малака.* Вл. *Женшшина пришла: «Дай доечки».* Вл. Отмечено и название с корнем ***молок-:*** *Подойник, дойник, малошник.* Пушк.

Названия со значением ‘стеклянная банка любого объема‘ составляют свой синонимический ряд: *Чеснак и укроп очинь хърашо в угурцы. Раньшы ф каткъх салили, а тяперь фсё ф стякляшках.* Порх. *Павесь стякляшки нь згароду.* Порх. *Стиклянацки масла наклала.* Печ. *Там, можь, ф стиклянки тожь смитань есть.* Остр. *Надь стиклянници вымыть да пълажыть грибы сюда.* Кр. *Коли надь атправить стекляннички.* Сош. Прозрачная мотивировка слов (***стекляшка*** – существительным ***стекло; стеклянничка*** – прилагательным ***стеклянный***), понятная словообразовательная структура – характерные черты диалектизмов.

Следует отметить, что **И^6** содержит в речи крестьян очень много рассказов о прошлом, гораздо больше, чем о настоящем. В статье мы остановились на языковых фактах, которые характеризуют настоящее.

Таким образом, языковой материал позволяет выделить фрагменты, составляющие концепт **«быт крестьянина»**, который может быть представлен в виде сценария, имеющего свою индивидуальную (крестьянскую) сюжетную организацию. Подчеркиваем, что сюжеты связаны с летним периодом жизни.

В современных научных работах встречается разнообразный подход к определению термина **концепт.** Мы считаем концептом единицу, предполагающую не только предметное содержание слова и отражающую специфику образа жизни, но и эмоциональ-

но-экспрессивные оценки предметов, как живых, так и неживых, то есть в концепте **«быт крестьянина»** заключаются признаки, функционально значимые для русской крестьянской культуры.

Обилие синонимов и производных к одному слову свидетельствует об устойчивости и важности данной реалии в жизни крестьянина.

Речевые особенности, свойственные в основном пожилым крестьянкам, позволяют представить их отношение к окружающей действительности, к природе, к предметам быта. Крестьянские женщины ласково, с любовью относятся ко всему тому, что составляет их жизнь, помогает им жить. Это и определяет их менталитет, менталитет русской крестьянки Псковской области.

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 62.

[2] Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12. Л. (СПб.), 1967–1996.

[3] Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., 1979. С. 221.

[75] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 437.

М.А. Тарасова, Н.В. Большакова

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА (по рассказам псковичей)

Тема, обозначенная в названии статьи, имеет яркую метафорическую окраску и с точки зрения строгой лингвистической традиции звучит, вероятно, не вполне лингвистично. Однако в настоящий период обостренного интереса к проблеме человека в зеркале его языка сформулированная тема дает широкие возможности для обобщенного взгляда на роль языка в изучении внеязыковой действительности человека.

Помимо обобщенно-образного звучания темы в целом, каждый из ее составляющих компонентов – человек и судьба – также имеет концептуальный характер.

Существуют исследования лингвокультурологического характера на славянском и русском материале, в которых рассматривается концепт судьбы в его языковой репрезентации[1]. Судьба, во-первых, предстает как *'события чьей-л. жизни'*, отсюда синонимический ряд *судьба – доля – участь – удел – жребий.* Во-вторых, судьба – это *'таинственная сила, определяющая события чьей-л. жизни'*, т.е. *рок – фатум – фортуна.* Намеченные два семантических вектора связывают судьбу с идеей свободы[2]. Возможно выделить и другие концептуально значимые лексемы, находящиеся в понятийной сфере слова судьба и раскрывающие ее сложное смысловое наполнение (например, *судьба* и *доля*, *судьба* и *жребий*, *жизнь* и *судьба*[3]).

Однако свою исследовательскую задачу мы видим в другом. Перед нами богатейший речевой материал, собираемый уже более 50 лет в псковских деревнях и существующий в виде самой большой региональной картотеки – картотеки Псковского областного словаря с историческими данными (далее — ПОС). Кроме того, имеются изданные 12 выпусков ПОС. В инструкции словаря еще в самом начале 60-х гг. основатель словаря Б.А. Ларин писал: «Принцип полноты отражения словарного фонда псковских говоров в ПОС дает возможность исследователю, пользующемуся этим словарем, произвести свой подбор и группировку слов по любому принципу, по любой научной или практической надобности»[4]. Это замечание очень важно, так как может касаться не только словника, не только описательного аппарата словаря, но и, как представляется, его цитатного материала как в пределах самого словаря, так и в составе его карто-

теки. Цитатный материал, отобранный по идеографическому принципу, может рисовать целостную картину, как если бы это был единый текст. Разрозненные фразы, записанные от разных людей в разные годы, выстраиваясь в определенной последовательности, при сплошном прочтении создают впечатление связного текста, где главным текстообразующим средством выступает ключевое слово. В данном случае таким словом, содержащим указание на тему, выступает слово судьба.

Рассмотрим такой сформированный текстовый фрагмент, где ключевое слово судьба отражает представление о том, что существует некая сила, предопределяющая всё, что происходит (произойдет) в жизни с человеком: *Фсё ад бога, каждаму даёцца йиво судьба.* Стр. *Как хто раждаецца, судьба и накладаецца, вот и сказана: не радись красивай, а радись шшасливай.* Гд. *Дедушка гаварил: волас бес судьбы не пасивеет.* Гд. *Как па жызни сложыцца, так и жыть будеш. У нас так и гаварят: как судьбой наделяный.* Кр. *Судьбой бох ни наградил.* Гд. *Можы, тибя гаспоть наделит харошэй судьбой.* Порх.

То, что предопределено судьбой, неотвратимо сбудется, человек как будто бы бессилен против нее: *Придёт твая судьба, ни аткупится, ни атмолится, ай-то!* Нев. *От судьбе никуда не денешся.* Оп. *Вот судьба есь, бес судьбы никуда не денешся.* Кр. При этом судьба может быть коварной, изменчивой, об этом часто поется в лирических песнях: *Вот настала пора, разлучила судьба.* Палк. *Мать, атец и доць жыли весела, Но изменцыва злая судьба: Натсмиялася нат сироткаю, Мать ф сырую магилу ушла.* Палк.

Персонифицированный образ судьбы предстает в устойчивых сочетаниях. Так, в связи с общерусскими пословицами *Судьбы не миновать; От судьбы никуда не уйдешь* А.Д. Шмелев отмечает «концептуализацию судьбы как некоего существа, подстерегающего человека (*Судьбы не миновать*) или гоняющегося за ним (*От судьбы никуда не уйдешь*)»[5]. В псковском материале находим: *От судьбе никуда не денешся.* Оп.

Судьба не только может преследовать человека, но и с силой увлекать его, приближая к гибели: *Вино* (губит человека) *или судьба тянит.* Пск. *Пашол на рыбалку, сабралися мушшины, выпили, вино, судьба такая тянула на рыбалку, выпал с лотка, плавать ни сумел.* Гд.

Итак, судьба управляет жизнью человека и сама олицетворяет эту жизнь: *Можы, тибя гаспоть наделит харошэй судьбой.* Порх. Вместе с тем судьба влечет (тянет) человека к своей противоположности – к смерти. Амбивалентная семантика судьбы дорисована такой цитатой: *Придёт твая судьба, ни аткупится, ни атмолится, ай-то!* Нев.

Ни «откупиться», ни «отмолиться» невозможно только от самой смерти. В книге «Пословицы русского народа» В.И. Даля[6] (далее – Даль: с.) читаем: *От смерти не откупишься (откупа не дашь); От смерти ни отмолишься, ни открестишься; От смерти ни крестом, ни пестом* (Даль: 410) (по-видимому, следует читать – *перстом.* – Авт.). Мотив смерти в образе судьбы звучит и во фразе: *Каждьму судьба, где, ш(т)о и как пьмиреть.* Пск., и в пословице: *Судьба и на печке найдет.* Порх.[7] (ср. *От смерти не спрячешься.* Даль: 409; *От смерти и под камнем не укроешься.* Даль: 410; *От смерти и под камень не укроешься, от лихой жены и под жерновом.*[8]).

Таким образом, слово судьба как 'некое предопределение, рок, довлеющий над человеком и определяющий события его жизни', метонимически связано как с жизнью, событиями, происходящими в ней, так и самой смертью как неотвратимым прекращением жизни. Причем концептуальное содержание смерти и судьбы не тождественно. Смерть в народном сознании выступает как неизбежное, но все же естественное, логическое завершение жизненного пути. Более того, в народном сознании долгая жизнь не отмечена положительной коннотацией, часто звучит мысль о «чужом веке»: *Живи, да не заживайся! Жить живи, да честь знай: чужого века не заедай!* Даль: 407; *Он чужой век живет (доживает); Он чужой век заедает.*[9] Даль: 418). Смерть может быть избавлением от земных тягот, к ней следует готовиться и т.д. (*В небо не вскочишь и в землю не*

закопаешься. Даль: 412). Философское отношение к смерти (как к загробному безгрешному существованию) отражено в выражении, зафиксированном в ПОС: *праведная жизнь* – 'существование после смерти', т.е. 'существование после земной жизни': *Полна я пажыла на свете, нада на правенную жысь итти*. Остр. (ПОС X: 235).

Другое дело – судьба. Особые валентностные свойства этого слова сводят понятийное поле судьбы к смысловым элементам 'неизбежности', 'неотвратимости', но не общей со всеми, а скорее личной, индивидуальной: *Мужык памёршы. Кажыннаму свая судьба*. Остр. *Вот и мыладой, такая судьба*. Н-Рж. (о человеке, умершем в молодые годы).

Заслуживает особого внимания использование слова судьба в контексте взаимоотношения полов. Это большой пласт собственно диалектного материала, не отраженный в пословичном корпусе: *Ей нет судьбы, замуш не выйти*. Стр. (Частушка) *Бес судьбы замуш ня выйдиш, Судьбу ф кучу ни складёш. За каторова ты хочыш, Зъ таво ни пападёш*. Пск.

Жизнь женщины в соответствии с традиционным укладом сводилась к замужеству, следовательно, и судьба рисуется как женская доля, чаще несчастная, горькая: *Судьба такая няшшасная* (рассказ о плохом муже). Пск. *Судьба такая няладная. Бес судьбы замуш ня выйдиш*. Пск.

Само замужество, счастливый или несчастливый брак, в первую очередь определяется тем, каким окажется будущий муж. Поэтому жених, суженый также именуется судьбой: *Судьба мая утанула в ряке*. Печ. *Судьбу сябе нашла ф сваёй дяревни*. Пск. *За маю судьбу замуш выходит*. Дед.

В ряде случаев трудно разделить указанные значения: диффузность семантики диалектного слова выражается в смысловом синкретизме самого слова судьба и его дериватов судьбина, судьбинка – это и 'женская доля, связанная с браком', и сам 'суженый – жених', а затем 'муж': (Во время гадания) *Будим глядеть, кака твая судьбинь будит; в дароги зъвякательнай такой фстрети тябя*. Нев. *Ужы нет судьбы, и йета ни судьба*. Пыт. (ср. *Нет мужа, и это не муж*) *Раиски судьбинка так судьбинка папалась, век мучаицъ*. Печ.

Интересно, что в спонтанной диалектной речи не встретилось употребления слова судьба в значении эквонима, т.е. значения того же уровня обобщения, – 'невеста', 'суженая' или 'жена'. Эта лакуна объясняется, с одной стороны, традиционной асимметричностью ролей вступающих в брак – жениха и невесты. В связи с этим вполне допустимо отсутствие грамматической семантики общего рода у существительного судьба. С другой стороны, сам диалектный материал в значительной мере ориентирован на женскую тематику, так как в большинстве своем информантами выступают женщины пожилого возраста, отсюда и наименования, которые даются женщинами лицам противоположного пола.

Вместе с тем нам удалось обнаружить в тексте одной из сказок, записанных В.И. Чернышевым в 1927 г. в б. Пушкинском районе, употребление слова судьба в интересующем нас значении. В сказке № 47 «Солдат и царская дочь» солдат, который был произведен царем в «штап-капитаны», спас царскую дочь, которая предназначалась ему в жены, проходит испытания и нарушает запрет не открывать дверь. Вместо того чтобы наказать и оставить у себя в услужении, хозяин отпускает его, говоря: *Я хорошо знаю, что судьба скучае по тебе. Так и ладно, штап-капитан, я уволю домой*[9]. Словом судьба здесь названа царская дочь — невеста солдата.

Таким образом, фольклорный текст восстанавливает «недостающее звено» в системе значений слова судьба в псковских говорах.

Итак, рассматривая смысловое наполнение слова судьба в псковской диалектной речи, мы попытались применить лексикографический опыт, но не для создания моде-

ли воображаемой словарной статьи, а для описания смысловых переходов в семантике этого ключевого слова, реализованных в контексте речевого диалектного материала. Что касается жанра описания, то он сближается с комментированным чтением текста.

Термин текст в данном случае мы используем в расширительном значении, что нередко именуется термином гипертекст. Под гипертекстом понимаются связанные между собой не в порядке следования фрагменты текста или другой информации. В данном случае это параллельно существующие в виде картотечного материала диалектные фразы. Проблема гипертекста обсуждается в ряде исследований как собственно лингвистами, так и специалистами по семиотике.

Применительно к нашему материалу убедительно звучит такое определение гипертекста: «Гипертекст – это форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты»[10]. В цитируемой работе не конкретизированы способы представления текста. Другой автор, специалист по проблемам компьютерной семиотики, к числу таких примеров нелинейных текстов относит, в частности, энциклопедию как пример «книжного издания, в котором направление чтения изначально не задано, поэтому текст ее можно назвать нелинейным»[11]. Гигантской гипертекстовой системой является компьютерная глобальная сеть Интернет.

Воздействие нелинейного текста каждый испытывал на себе, читая и лингвистический словарь, даже не идеографического типа, а традиционно организованный – по алфавитному принципу. Сама идея и процедура чтения словаря как книги не нова, она обсуждалась, например, в связи со словарем Даля.

Так же читается и ПОС. Его можно читать, как книгу, погружаясь в жизнь его «героев», чья речь отражена на его страницах. Сплошное чтение словаря, главным образом его иллюстративной части, рождает у читателя ощущение целостного текста. В реальности фрагменты словаря изначально связными текстами, разумеется, не являются. В этом смысле они могут быть названы квазитекстами как появившиеся в результате синтеза отдельных фраз. Для читателя же они приобретают на страницах книги новую реальность, которая в дальнейшем будет для них единственной, так как сам факт опубликования словаря делает его самостоятельным произведением, автономным по отношению к картотеке, а тем более к архивным полевым записям. Таким образом, лексикография может претендовать на роль такого типа литературы, который может быть описан в категориях текста[12].

Читая Псковский областной словарь, можно наметить ряд важнейших тем, получающих на его страницах наиболее развернутую разработку. Это темы *труда*, *отдыха*, *природы*, темы *детей*, *женщин*, *прошлого и настоящего*, *этических* и *эстетических* воззрений носителей диалектной речи[13].

К числу таких тем относится и тема, обозначенная настоящей работой, – тема судьбы человека. Целостность текста словаря обеспечивается, кроме всего прочего, собирательным образом псковского местного жителя, крестьянина-диалектоносителя, так как каждая тема выражена через его восприятие, миропонимание и речевую деятельность.

Вторая часть настоящей работы представляет собой сформированный авторами макротекст на заданную тему – Судьба человека (по рассказам псковичей). Основная фабула повествования, т.е. цепь, последовательность событий, связана с развитием первого смысла слова судьба – *'события чьей-либо жизни'* (в данном случае жизни псковской крестьянки середины XX в.), от рождения до смерти. Фрагменты текста имеют подзаголовки и при необходимости снабжаются краткими комментариями.

Рождение ребенка

Ны [мы] *дитей дома ражали, бапка така была – бабница. Яна многим здесь бабницала, пупки завязывала.* Гд. *Приходит баба пирибабить рябёнка, раньшы ш не была кушэрки.* Себ. *В диревни были бапки, радиху мыли бапки. Бапки ни личили, толька пиряйму рибёнка.* Гд. *Памярла ейна мамкм, ня паслухала мяня, ня захатела в бальницу лечь, бабашыхе давярилась, вот и памярла.* Печ.

Материнство

Мой Ваня ужэ станновитца дупки. Палк. *Он стаит дупки. «Мишынька, иди сюды». Он и пашол.* Оп. *Рябёначик дупком стаим, такой харошынький.* Дед. *Хараша жызнь, пака мама па галофке дрочит; матка па галофке дрочит, так и галофка гладинькая.* Порх. *Топерь молодёш по-другому жывё.* Пл.

Образование

Атец стараицца, жылицць са фсех сил дать им абрызавание. Пск. *Я игзаминт-та здала с нахвальным листом.* Дед. Но чаще наблюдалось обратное: *В децтве атец ф школу не пускал, я дурным матам кричу, штоп ф школу пустили.* Гд. *Неучёным жысть худая.* Сл. *Негромотния я, нас в матери многа была, гавари: «Буде дружникам письма писать», вот и не научила.* Гд. *Нарот был дуркаватый, ни аннова граматнава цылавека.* Сл.

Деревенские молодежные гулянья

З дружникам я гуляла каторый гот, да не взял. Гд. *Суженова и на свинье не объедешь.* Н-Рж. *Кагда я выхадила, сама нахадила жениха, он близенька был, радители знали, што я с ним дружу.* Н-Рж. *Счас и дружат, а расходяцца, гаварят, мнениями ни сашлись.* Холм. *Сабиралися бывала, ну ета када дефкай, то пасидиш, то на улицу выйдеш с песнями, штоб другие слышали.* Печ. *Мой милёнак партизан, А я партизанацка, Скора с армии придёт. Маладая парацка.* Остр. *Раньшэ полная изба была, дуняшу завадили: гарманист играет в гармонь, вызывает девушку, парень песни паёт, девушка парня берёт, а тот парень ешшо девушку вызывает; а патом парни пают а девушки танцуют.* Порх.

Замужество

Я от мамы крадучи шла, не полюбила тово и крадучи, а потом мама простила, ижна три дни проболела; жыли не дрыгнули (не ссорились). Дн. *Сестру оддали ни за любимава, толька за багачества.* Ляд. *Мать замуш ня вышафшы, ня взял дружник яё, прижыл Светланку, а замуш ня взял.* Печ. *Вышла за Ивана Белку, да взяли как работницу; лазу драла, прутья брала, я работница добрая была, табак насажу, прадам, жывая такая.* Н-Сок. *С мужэм жыли хорошо, мирно, дурным словом друг друга не назвали.* Пл. *Дурных слов ни слухъла сроду.* Нев.

Крестьянский труд

Кагда не была калхозу, рош малатили в гувнах. Пск. *Малатили в гумнах, фставали с 12 часов ночи.* Печ.

Малатили рукам и веяли рукам. Остр. *Фсех дятей сабяруть и старых и малотють* (лен) *на таку.* Остр.

Таперь начяли машынай малатить. Остр. *Вясной фсё аб усадьбы думаеш, патом ап сени.* Пыт. *Сена косим, силас закладаим, дубам* (стоя) *эта делали, вечирам ноги знудят.* Стр. *Руки в ёй жылистые, ат работы тяжолый жылы натянуты.* Пск.

Помощь в работе

Сабирались талакам, друг другу памагали. Кр. *Друг друшке памагали, когда куды уйдёш или ф поля угонисся.* Пушк.

Домашний труд

Кулаком стирали, так другой рас мозоли, а потом доски, а теперь машыны, порошком стираюсь. Гд.

Достаток

Ня фсе ровна жыли, некатарые имели жыватоф, скатины многа. Оп. *Па хутарам разашлись, багаче жыть стали, дроги на жыленам хаду стали справлять.* Остр.

Нищета, бедность, голод

Жыли мы гарас плоха, мы-та ишшо ничаво, а вот другие – и сапашкоф не была. Оп. *Из дуранды лепёшки пякли.* Вл. *В галадуху и дуранда была слашше мёду.* Н-Рж. *Со жмыхам хлеп ели, фсяку дуру туда кладёш, штоп паспарошы была.* Остр. *В анной рубахи была, никакой жывотнай не была посли вайне.* Пореч. *Жыткая картошка в зямли зимой, яё принясёш, аблупиш, ана расплываецца так. Толъки аблупи и размяшай и пяки ляпёшки; ели толъки в галонныи годы.* Беж.

Общая оценка прожитой жизни

Как здумаю пра сваю жызню, сколька пирижыла! Пуст. *Ва горюшки жыфшы, и жысть ни мила.* Сош. *Жызень прашла скорь, а горя вижэнь многь.* Пск. *Жысь пражыль ф калхози, а какую пенсию дали!* Сер. *Фсё-таки жызнь и скудная, а жывая была.* Палк. *И шшяс няплахая жыття, а мы и сафсем харошэй даждём.* Дед.

Если включить оппозицию прошлого/настоящего, то в пределах этой рубрики выстроится такой микротекст: А сийчас хорошо, как у бога за дверьми. Гд. Што пражыта, тяперь забываицца, тяперь ни жызнь, а малина. Оп. Сичас гости, а ня жызнь. Харашо жывём, ня то, што раньша. Пуст. Раньшую жысть и тяперь равнять няльзя. Холм. А тяперица-та жысть пашла! Пск. Плоха была, сичас павальней жыву. Пуст. Жыть нам таперь вольготния. Пск. Нониче воскрешэ жывут, чем раньшы. Дн. Таперь дашли да дела, раньшэ мучильники были. Оп. Давньшние годы были худыи. Сл. Тяперь дабро и старым и маладым. Пуст. Тяперь харашо власть делая: старым даё деньжонак. Кр. Тяперь савецкую власць нада блъгадарить. Кр.

Горе, потери родных

Один сын маленький памёр, другой пат транвай папал. Вл. *В адин панидельник взяли мужыка на вайну, а в другой панидельник сына разарвала, асталась анна.* Н-Рж.

Войны (в картотеке ПОС есть материал о четырех войнах: Первой мировой, гражданской, финской, но в основном – о Великой Отечественной войне)

Германская вайна вначале была, патом савецкая вайна прашла, яшшё финская. Гд. *Время такоя пришло, вайна анна и другая, фсиво была.* Н-Сок. *Я три вайны прашол: польскую, финскую и нямецкую.* Пуст *Дет мой с первой вайны калченок пришол, фсё дирявяшкай па дому стукал.* Печ. *Пришол с царскай вайны, чатыри года атваивафшы, и на гражданскую.* Гд. *А патом, значит. Белых прагнали, красны пришли, и он апять смятался, и ня знаем, нет йиво типерь, наверна, нету в жывых.* Гд. *Муш на финскай*

вайны пагип, дети астались. Дед. *Ваявал я и с япошкой, и с немцами, и с итлеръм.* Тор. *Маладэй был, с японцами ваявал ф Сибири.* Вл. *У нас тут в деревне в вайну такая бойня была, салдатаф набита была столька!* Кр. *Немцы дамоф семь аль восемь сажгли, была тут бойня.* Остр. *Большыва растряляли, а меньшыва жывьём павешыли.* Остр. *Сколькъ нашых парней жысти пълажыли нь вайны.* Пск.

Служба мужчин в армии

Как сказали: «Милый гош – Без мороза принял дрожь». Копаневич

Старость

Вот бабушка-та дуркаватая стала. Остр. *В няё память децкая, значит, ум выстарифшы, дурная память.* Беж. *Голова-то уш дурная стала.* Пл. *Старая я стала и хворая, другой день и с ленухи не подымаюсь.* Остр.

Смерть

Полна я пажыла на свете, нада на правенную жысь идти. Остр.

---

[1] Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

[2] Шмелев А.Д. Метафора судьбы: предопределение или свобода? // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994; Он же. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. С. 209–212.

[3] Печенкина О.Ю. Лексические средства представления концептуального поля *судьба* в пословицах и поговорках, собранных В.И. Далем // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура: В 2 ч. Иваново, 2001. Ч.1. С. 101–103.

[4] Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. Псков, 1962. С. 254.

[5] Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. С. 210.

[6] Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. I. СПб., 1996.

[7] Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001. С. 141, 172.

[8] Шаповалова Г.Г. Псковский рукописный сборник пословиц XVIII в. // Русский фольклор: материалы и исследования. IV. М.; Л., 1959. С. 332. Цит по: Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 140.

[9] Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования чл.-кор. АН СССР В.И. Чернышева. М.; Л., 1950. С. 115

[10] Субботин М.М. Новая информационная технология: создание и обработка гипертекстов. М., 1992.

[11] Агеев В. Н. Семиотика. М., 2002. С. 139.

[12] Большакова Н.В. Диалектный словарь: от цитаты к тексту (в печати).

[13] На кафедре русского языка Псковского пединститута в течение более чем 10 лет выполняются студенческие научные работы в аспекте проблемы диалектного словаря как особого текста с отражением в нем различных тем (на материале Псковского областного словаря).

Л.А. Ивашко, Д.М. Поцепня

ЭТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В РЕЧИ ПСКОВИЧЕЙ

В народной речи отражается менталитет носителей языка, понятия о добре и зле, красоте и пользе, моральные принципы и нормы поведения. Об этом свидетельствуют записи речи жителей Псковской области[1].

Резкое осуждение вызывают такие качества, как жадность и скупость. Жадность – желание взять себе, захватить как можно больше. Поэтому в характеристиках жадного человека постоянно присутствуют глаголы (или производные от них), обозначающие интенсивное действие приобретения чего-н.: ***хватать, хапать, глотать, грести***:

Жадный – ета скупердяй, хапуга. Н-Сок. *Глот, захватить многа хочыт.* Беж. *Вот чалавек грибучий, фсё к сябе скрябёт, фсё грябёт и грябёт к сябе.* Локн. *Грибучий, етаму фсё мала, фсё себе гребёт.* Беж. Проявление жадности отражено и в устойчивых сравнениях: ***Как волки*** *апхватали фсё кругом, и фсё им мала.* Вл. *Расхватали* ***как сабаки*** [селедки в магазине]. Пуст. *Нарот налител* ***как вырванък****, сразу фсё разабрали* [в магазине]. Пск.

Синонимами слов ***жадность, жадный*** в псковских говорах являются ***завесть, завистливый, завистный:*** *Зависть ф чилавека: сам ловя и ф чужую сеть вбился.* Н-Рж. *А с людей капейки ни хател перепустить, самая худое для человека – зависть.* Беж. *Завистливый чилавек да чиво-нибуть, фсё гатоф абабрать.* Пуст. *Такая зависная, фсё исхватила для себя.* Оп. *Глатаимка, плахой чилавек, зависнай, памелачи фсё хватаит.* Беж. ср. также синонимы ***жадина – завистник***: *Фсё захватил сябе, зависник такой.* Остр.

Скупость — это желание сохранить только для себя, нежелание отдать, израсходовать: *Такии ани скупины, я у них работала, а ана приносит кулачок творага и кусочык свининки прапасной.* Беж. *Ну и скупердяйка, скупа, ни выпрасиш никаво.* Кр. В народном сознании жадность и скупость объединяются: *Нада жэ жадина какая, у самой пална машина, а папраси, кагда нада: «У меня нет у самой».* Гд. *Он жанный, на сваи деньги ни раскиницца – на чюжыи.* Слан.

В синонимическом ряду «жадный, скупой человек», кроме производных с корнями ***жад-, скуп-***, много образований от глагола ***жать*** (в большинстве диалектных) с прозрачной мотивировкой значения: ***жмода, жмой, жмойда, жмот, жмыга, жмыль, жмыха, жомоть, зажмыха***: *Скупяга, вот зажмыха какая, вот жмыха, зажал и сидит.* Себ. *У етай жмойды ни выпрасиш в долк.* Беж. *Такой жмой, ей косы бил, так хоть папирос пачку дала п, скопидомка.* Гд. *Жмыль, жмёцца скупярдяй такой.* Локн. *А Катька-то ета страшная жомать, страшная скупина была.* Гд. Обширен и синонимический ряд глаголов: ***жадиться, жадниться, жадничать, жадничаться, жалиться, жаться, жмойдиться, жмылить:*** *Жмыль, фсё жадничаит.* Печ. *У няво есь, да толька ён жмёцца фсё, ни даёт.* Вл.; *На фсё жмойдицца, пасулить и ня дась.* Остр. *У каво был хлеп* [в голодное время], *те жалились.* Беж. *Жмылиш чиво? Жмот какой. Фсиво тибе жалка дать.* Остр.

Осуждение вызывает проявление скупости по отношению к своим близким, самому себе: *Другая* [мать] *б рябят пададела, а наша скупая была.* Остр. *Заставляли иё: «Купи виласипет Кольки* [сыну]*», – а ана фсё жадничалась.* Остр. *Дедушка такой был скупенный, што никагда крепкава яблака ни даст, толька гнилабокии.* Порх. *А ани такии скудари были, па багачеству ани жыли грязна.* Палк. [т.е. бедно, убого, жалея потратить деньги на себя]. Тема ограниченности, этимологически присутствующая в слове ***скромный*** (диалектный вариант ***скрёмный***), способствует развитию у этого слова значения 'крайне бережливый, экономный до скупости' и далее — 'скупой, жадный': *Ана скромная, баицца, каг ба не ссорицца* [потратиться]. Гд. *Такая скромная была, капейки ни патрати.* Н-Рж. *Скрёмный Ванька, скупушший гарас, он скрёмно жывё.* Остр. *Скромный – сильна скупой, жанный, он ни раскинецца, он скряга.* Пск.

Накопительство как проявление жадности, скупости также получает отрицательную оценку: *Дабра пално у ей, ана фсё берегё, жадницца, деньги копе.* Кр. *Сколька фсячины, а фсё яму мала, скупой, жмот, скупярдяй.* Дн. *Это уш такая жадина, што ницево не бросает.* Гд. *Уш така жмода, крахминачки в ей ни прападё.* Сл. Тщетность усилий скупого, накопителя богатств передает фразеологизм ***бесу суму шить*** 'копить деньги (напрасно, зря)': *Деньги сабираю, бесу суму шыть.* Оп. Этот фразеологизм является осколком пословицы, отмеченной во всех восточно-славянских языках[2]. Добавим еще пословицы из записей В.Н. Добровольского, мотивирующие это выражение: ***Нихай деньги копить, чорт дирьку знайдить. Скуп скупить, а чорт дирьку гатуить.***[3]

Жадность, скупость являются нарушением сложившихся нравственных норм, характеризующих отношения между людьми, таких, как готовность поделиться всем, что имеешь, взаимовыручка, гостеприимство и др.: *Есь скупадяй, ничаво не даст, не выручит.* Беж. *Дажэ вады ни даёт, вот жадница какая.* Пушк. *Скупой, нявежливый, ницаво не даст.* Себ. Характерно в этом примере сопряжение ***скупой – невежливый***, последнее можно истолковать как 'не следующий традиционным нравственным нормам'. Человек должен оставить добрую память о себе, а *скряга есь, скупой, – умрёт, и никто не фспомянет.* Дед. Особенно наглядно это выступает при сравнении, противопоставлении моральных качеств: *Мишка – мужык харошый,не жанный, падельчистый* [готовый поделиться]. Локн. *Внучок это мой, такой шпана, но не жадюга: ягоды соберёт и делит фсех.* Пл. *Он мужык независтливай, фсё людям аддаст.* Палк. *Пьяный он добрый, а твярёзый скупый.* Н-Сок. У прилагательного ***добрый*** здесь обнаруживается дополнительная сема 'щедрый'. В то же время у прилагательных ***злой, злостный*** развиваются значения 'завистливый', 'жадный': *Если мы сработали агарот фпярёд яё, так ана ужэ бальная зделаицца, вот какая злая.* Кр. *Злостные люди, никаму ничаво не дадут.* Палк.

В оценке рассматриваемых моральных качеств проявляется и христианское мировоззрение говорящих: *У мяня сястра Богу молицца, а бесу верует, скупая, за стол ни пасадит, а я паслетки аддам.* Пушк. *А кто жадицца, тот никагда не багатый, фсё гаварят: дай Бох дать, чем папрасить.* Палк.

Гиперболизированную оценку крайней степени скупости, жадности находим во фразеологизмах ***зимой снегу (снега) не выпросишь*** *у кого* и грубом ***тёплого говна жалко*** *для кого-н.* 'об очень скупом, жадном человеке': *У нево фсё ф кулаке, зимой снегу не выпрасиш.* Пск. *У такова жадины зимой снега не выпрасиш.* Кр. *Чаво ты жмёшся, жмот няшчасный, тёплава гавна жалка.* Дн.

В народной речи отражается и эстетическое восприятие окружающей действительности. Представление о внешней красоте человека неразрывно связано с понятием физического здоровья. Красивый человек — румяный, крепкий, дородный. Признак не рыхлости, не чрезмерной толщины, а именно полноты здорового человека постоянно присутствует в положительных оценках внешности: *Красивая жонка была, толстая.* Н-Рж. *Горотских много диких* [тощих], *а вы ничаво, густеньки.* Гд. [о студентках-диалектологах]. Широко употребляющееся в псковских говорах прилагательное ***справный*** указывает на физическое здоровье и как его выражение — необходимую полноту, крепость, упругость тела. *Он красивый, справный был, ни балел ничем, да молнией яво убила.* Пск. *Высокай, красивай, справнай – харошай был.* Кр. *Две дачки приижжали и внучка, белинькая такая, справная.* Остр. Это же прилагательное может характеризовать и внешность животного: *Ката припаяли, вдарили, а раньшэ был такой справный.* Печ., т.е. 'красивый, упитанный'. Эстетическая оценка присутствует и в производном *справнота*: *Мая дочька красивая, росту хватае, справнаты хватае.* Остр.

Для оценки внешности человека активно используются устойчивые сравнения. Сравнительные обороты ***как булка, как калач*** включают признаки не только формы (круглый), но и цвета: белая кожа (лица, тела), красные щеки (подобно красноватой корочке на выпекаемых изделиях): *Ана на малаке и сметане каг булка стала, круглая и румяная.* Пл. *Жэншына радила дявятнацать штук и была как калач, здаровая, румяная.* Пушк. *Систра Катерина у миня справная как калач.* Кр. Те же признаки «круглый» и «белый» лежат в основе сравнения ***как пухарка:*** *Жонка как единая пухарка.* Пск. (***пухарка*** — гриб-дождевик). В сравнении ***что калика*** присутствует и ассоциация крепкий — здоровый: *Ну и дефки, што калика.* Порх. (***калика*** — брюква).

Глубинные символические смыслы скрываются в выражении ***что с яичка выкативши***: *Люся — дефка, ой, ой, румяна, полна, што с яичка выкатифшы.* Сер. Яйцо —

символ начала жизни, ее непреходящей силы; пасхальные яйца — символ возрождения к новой жизни. В народных поверьях пасхальное яйцо обладает целебной силой, может дать человеку красоту (умывание девушек водой с красного яйца), вернуть тяжелобольному здоровье[4]. К сожалению, мы располагаем только одной фиксацией этого оборота в записи 1956 г. Но это не окказионализм. Во фразеологическом сборнике Я.Заоралка приводится словацкое выражение ***jako bylo z vejce vyloupal*** 'красивый, чистенький, беленький[5] , что свидетельствует об устойчивости подобной образной оценки.

В народный идеал красоты входит и пропорциональность телосложения, стройность. ***Ладный*** 'хорошо сложенный, стройный, статный': *Да таво дефка ладная, глас ни атвести.* Себ. *Ён у мяня ланный вырас.* Пыт. *Вот ты кака малодинька да ладненька, а ишшэ справисся, пъгади, тък и сафсим ланная будиш.* Палк. Прилагательное ***ладный*** употребляется и в значении 'красивый, миловидный': *Есь ланныя гарбатыя.* Кр. *Тамарка ланная с лица, только сильна гулять любит.* Вл.

Для обозначения красивой, привлекательной внешности используется и прилагательное ***добрый***: *Федя-та принцэфский ка кспортифшы, атрастил бораду, такой страшный стал, а такой мужык был добрый.* Беж. *В Машки дроля, гаварят, доп, воласы красивыи.* Оп. *Малодиньки гарас дабры, как кукалки.* Пуст. *Са Пскова такая девачка чёрненькая, добренькая.* Беж. Этим же прилагательным характеризуется местность, привлекающая своей красотой: *Добрая была деревня, фсё сады, сады, деревья. Патомта сажгли фсё.* Гд. В.В. Колесов показал развитие в древнерусском языке у слов с корнем ***добр-*** значения красоты вещного мира[6]. Значение 'красивый, видный' у прилагательного ***добрый*** отмечено в «Словаре русского языка XVIII века» с пометой *Прост*[7]. Псковские говоры сохраняют это старое значение.

Все красивое радует человека. Ассоциация красота – радость проявляется в семантике прилагательного ***веселый*** 'красивый, радующий глаз' и производных от него: *Ф чистых полях висёлые азёра.* Пуст. *А на асобинке-та у нас ух как весела, лес харошый.* Холм. Красота — это свет, многоцветье, яркость красок: *Внуки изламали бутоны, атламали сук, таки весёлые* [цветы] *были.* Пл. ('красивые, ярко цветущие'). Не случайно радугу — многоцветную яркую полосу на небе — псковичи называют ***весёлка***. ***Весёлка*** — распространенная кличка коровы, причем это обычно корова красно-рыжей или светлой масти: *Весёлка красна, светла.* Остр. Да и название разновидности березы, из веток которой делают веники для бани, — ***весёлка*** базируется на ряде положительных характеристик этого дерева: яркость зелени, мягкие блестящие листья: *Бярёза кудрявая – вясёлка.* Оп. *Вясёлка – мякки лист.* Беж. *Вясёлка – бярёска, лист как шолкавый.* Дед.

Устойчивые сравнения ***как картина (картинка), как нарисованный (намалёванный)*** и др., положительно оценивающие внешность человека (и не только человека), тоже основаны на яркости живых красок, вызывающих радостное чувство, желание с удовольствием смотреть, любоваться[8]: *Такой был красивонный, здаравонный, што картина.* Оп. *Да чаво ш красивунная девачка, што намалёванная.* Локн. *Цэй такой рябёнак, как записной какой, как кукалка?* Остр. *Пятун как на карточке нарисован.* Аш., т.е. с яркими золотистыми и красными перьями. В сравнениях ***как куколка, как лялёха, как куклёнушек*** основа образа — яркая матрешка или кукла, воплощающая народный эстетический идеал: круглые красные щеки, голубые глаза, золотистые волосы: *Две девачки растут, как лялёхи.* Гд. *Таки ребятушки хорошы, што куклёнушки.* Гд.

В сравнениях используются и традиционные фольклорные образы: *Парень как ягадинка.* Холм. Красная, алая ягода — символ здоровья, красоты, радости.

В речи псковичей отражаются ментальные этические и эстетические представления русского народа как этноса, а не узколокальные, собственно псковские нормы и идеалы.

Представление об этическом и эстетическом в народной речи характеризуется известной синкретичностью, что проявляется, в частности, в синонимических рядах ключевых слов.

Языковое выражение тех ли иных понятий моральных и эстетических оценок может быть представлено как общенародными, так и территориально ограниченными лексико-фразеологическими средствами (диалектными словами и значениями, оборотами, не известными носителям литературного языка).

Существенным компонентом при языковой реализации народных представлений о нравственной основе жизни и красоте является экспрессивная оценка, которая выражается внутренней формой слова и устойчивого оборота, разнообразными суффиксами.

---

[1] Указания на районы Псковской области даются в сокращении. См. список сокращений.

[2] Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981. С. 73

[3] Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч.2 // Записки русского географического общества по отделению этнографии. Т. 20. СПб., 1891. С. 108.

[4] Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 344-346.

[5] Zaoralek Jar. Lidová rčeni. Praha, 1947. С. 547.

[6] Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. СПб., 2001. С. 126-139.

[7] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л., 1991.

[8] Об эстетических идеалах русского народа, в частности и о выражении ***писаная красавица***, см.: Савельева Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997. С. 109–111.

О.А. Черепанова

ЦИТАТНЫЙ ФОНД СЛОВАРЯ КАК ФОРМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ (ЦИТАТНЫЙ ФОНД ПОС КАК ТЕКСТ)

Статья имеет целью показать, что значимость словаря, наряду со словником и семантическими дефинициями к словарным единицам, определяется его цитатным фондом[1], рассматриваемым как единый макротекст (далее — Т-ЦФ). Это касается многих типов словарей, в первую очередь толковых, особенно региональных.

Непосредственным материалом наблюдений в данной статье является ЦФ Псковского областного словаря (далее — ПОС). ПОС, первый выпуск которого вышел в свет в 1967 г., создается большим авторским коллективом как словарь полного типа. В настоящее время издано 12 выпусков, несколько выпусков находятся в издательстве, ряд выпусков готовится к публикации. Словарь включает материалы исторических источников, в нем использованы данные, извлеченные из специальной литературы, касающейся прошлого и настоящего псковских говоров, но основу словаря составляют записи живой народной речи, сделанные в ходе диалектологических экспедиций, проводимых на протяжении всей второй половины XX в.

ПОС обладает рядом характеристик, благодаря которым повышается значимость ЦФ в нем: а) это словарь большого объема; б) части словаря, касающиеся современного состояния говора, составлены преимущественно на основе полевых записей, сделанных в исторически единый период, начиная с 40-х годов XX столетия и до конца века; в) ПОС охватывает регион, обладающий многовековым историческим единством (это древние Псковские земли) и сохраняющий административную, хозяйственную,

культурную общность и в настоящее время. Объединяющую роль играет и культурное тяготение к Москве и Петербургу; г) ЦФ словаря очень богат: цитаты приводятся (за очень редким исключением) на каждое значение и оттенок значения; многозначные слова имеют до 20 и более цитат.

Совокупный ЦФ ПОС, как и ряд других словарей подобного типа, может рассматриваться как большого объема текст диалектной и разговорной речи, своего рода «сверхтекст». ЦФ, взятый как единое целое, характеризуется основными признаками текстуальности[2] — связностью и цельностью высшего, интегрального порядка, базирующимися на единстве темы: это коллективное повествование о жизни некоего обобщенного, собирательного носителя псковского говора и культуры (условно назовем его Псковитянином), охватывающее этноисторические, бытовые, хозяйственные, эмоциональные и другие стороны жизни.

Коллективный автор высвечивается как языковая личность. В Т-ЦФ находят свое отображение наиболее существенные фрагменты языковой «картины мира»[3] собирательного Псковитянина. Исключительно велика и значима этнокультурная и социолингвистическая информативность Т-ЦФ, в нем осуществляется вербализация многих существенных составляющих общенационального и локального сознания. Информативность Т-ЦФ ПОС повышается тем, что это словарь полного, а не дифференциального типа.

В известном смысле Т-ЦФ более репрезентативен, чем текст, даже значительный по объему, порожденный отдельной личностью. По законам больших чисел в границы Т-ЦФ неизбежно попадают и обнаруживают себя наиболее значимые в социальном, историческом и культурном отношении понятийные блоки, концепты, эпистемы. Дробность, многокомпонентность и «атомарность» Т-ЦФ, обусловленная огромным числом отдельных авторов-информантов, многообразием тематики, типологическим разнообразием коммуникативных ситуаций, реализуемых в высказываниях, усиливает информативную содержательность текста. Мы узнаем, о чем думает и как думает Псковитянин, в каких языковых, речевых и текстовых категориях, формах, единицах происходит реализация речемыслительной деятельности носителя культуры и региональной речи Псковского края.

Цитатный фонд словаря, понимаемый как текст, дает материал для весьма разнородных наблюдений лингвистического и социолингвистического характера. В рамках статьи мы имеем возможность обратиться лишь к некоторым его коммуникативно-прагматическим, ономасиологическим и социокультурным характеристикам, в частности указать на речевые актуализации задач межкультурного обмена.

В структуре Т-ЦФ, его содержательном и речемыслительном наполнении, отражается тот факт, что житель современной деревни (вторая половина XX—начало XXI в.) уже не является носителем исключительно сельской культуры. Таковой в чистом виде, по-видимому, уже не существует. Современный сельский житель находится на пересечении нескольких культурных сред — региональной и общенародной, сельской и городской, старой и новой. В Т-ЦФ факт «поликультурности» находит особенно яркое выражение в силу специфики коммуникативной ситуации, в которой рождалась значительная, если не основная, часть высказываний, составляющих Т-ЦФ: это участие (прямое или косвенное) в коммуникативном акте адресанта (местного жителя) и адресата (представителя иной культурной среды), т.е. собирателя, что отражается на типологии высказываний, их синтаксическом строе, лексическом наполнении.

При участии в коммуникативном акте собирателя адресант (говорящий) во многих случаях отчетливо ощущает культурные и коммуникативные лакуны и старается заполнить их, переходя в иной культурно-коммуникативный регистр, или, по крайней мере, объяснить их. Заполнение культурно-коммуникативных лакун осуществляется чаще всего путем дублирования номинация, одна из которых является региональной,

другая — общенародной: *Дижонак — ета гусь малинький.* Палк. (IX: 68) В приведенном примере структура высказывания указывает на то, что говорящему был задан вопрос по поводу значения слова *дижонок*, породивший высказывание. Во многих случаях говорящий сам ощущает коммуникативную лакуну и, ориентируясь на адресата речи, вводит дублирующую номинацию: *Задикарчился он, застеснялся, он дикарчистый рибёнак.* Ляд. (IX: 68) *Цылину драть, почву разделывать пат пахату.* Н.-Рж. (IX: 197) В стремлении заполнить культурно-коммуникативную лакуну адресант строит многокомпонентные ряды, в которых чередуются региональные и общенародные номинации, включая и описательные: *А жыла в Заходи домна, хыж домна, хыж домашка, хыж девушка.* Локн. (IX: 145) *А какое непрививное яблака, называют лишуга, или дикарь, яблаки бывают сладкие, но з гарчинай.* Беж. (IX: 68) При отсутствии в общенародной лексике или в индивидуальном словарном запасе адресанта соответствующей лексемы в высказывании может использоваться косвенная, описательная номинация: *Разноски, носят ф каторых, длинниькии, с ручками из бирёзы плетуть.* Вл. (IX: 75) Вместе с тем адресант отчетливо чувствует, когда семантика регионального слова, чуждого адресату, в достаточной мере эксплицируется контекстом и не требует дополнительной номинации: *У пятунов ноги длинные, долгалан, и нос гарбаносый.* Локн. (IX: 131) При заполнении культурно-коммуникативных лакун актуализируется оппозиция «свой-чужой», представляемая в более частных оппозициях — «город-деревня», «старое-новое»: *Татары ездили з дабром, с таварам у вас называицца.* Гд. (IX: 85) *Это по-деревенски редиль называю.* Гд. (IX: 34) *Праведна называють аладьи, а у нас драники и дирбуны, с сырой картошки.* Себ. (IX: 3) Цитаты обнаруживают культурные и языковые «смещения», проявляющие себя в речи, когда в сознании говорящего «перекрещиваются» оппозиции, например «старое-новое», «высокое-общеупотребительное»: *Дьбрадушный — па-старьму добрый.* Порх. (IX: 88) Обращает на себя внимание присутствие двух типов номинирования, которые условно можно назвать номинативным и предикативным. Последний весьма характерен для сельской речи и говорит об известной речевой «безыскусности» говорящего. В этом отношении интересно речевое оформление понятия «драник»: *А еты драники — картошку сатрёш, патом вытискаеш, замесиш с крахмалам и пякёш.* Пуст. (IX: 195) *Драник — кушанья из сырова картофеля, сала, мясца тыды и жарии.* Себ. (IX: 195) Во втором случае, начав с предметного номинирования, говорящий все-таки перешел к описательной предикативной номинации.

Т-ЦФ дает возможность сделать определенные наблюдения социально-исторического характера, в частности понять взгляд Псковитянина на современную ему жизнь. Одной из актуальных для народного сознания является тема оценки жизни деревни в сравнении с жизнью города. Общий вектор этих оценок не в пользу сельской действительности. Хотя высказывались мнения, что жизнь на селе более здоровая и может способствовать долголетию человека (*Я фсё дивлюся за горат, што там так многа умирают людей.* Локн. (IX: 65) *Хто пажыл в гораде, гаварит, што в дяревни ня хужы.* Кр. (IX: 36). В целом сельского жителя угнетает отсутствие культурного роста села, безрадостность и беспросветность деревенской жизни: *Тут* [человек] *яшшо в зататурке живе, ф чистам лясу, как дикари.* Оп. (IX: 68) *Дикь у нас горас, ну-ка, грязишша-ть какая.* Стр. (IX: 71) *Што тут была у нас, самая дикая места, толька адин на другова, начинает путать, врать.* Гд. (IX: 70) *Деревня з бревенья, улица з деренья.* Остр. (IX: 49) *У нас дикье месть, в горьде веселей.* Аш. (IX: 69) *У нас тут дюжы дирявнисть, а народу маль стала, у горьт уходять.* Пск. (IX: 35) *Хто как и прияжжаить в дяревню, деру дають.* Н-Сок. (IX: 31) *Ета сичас мылодёш не знают самы собя куды деть, в горат тяни всех.* Стр. (IX: 62) *Ёни, батюшка, ни дирявеншишина, гарацкия, знакомяцца быстра.* Гд. (IX: 34) Обнаруживается уничижительное отношение к себе и односельчанам как к жите-

лям захолустья: *Я виковешная дирявенская баба, я ниграмотная, ни знаю, сколька лет.* Беж. (IX: 33-34) *Вы диревенишина, в клуп не ходите, а мы з гораду, а вы дириженишина.* Дед. (IX: 34). Такое отношение подчеркивается экспрессивной лексикой и средствами словообразования: *З гораду приехала — гаражанка, з дяревни — дирявяга.* Н-Рж. (IX: 37) *Дифчонка така диривнишия.* Стр. (IX: 35). Вместе с тем отчетливо ощущается настороженное отношение к жителям города: *К нам прижжала з гораду женишына, дивнай чилавек, прынцесса, фсё ей ни так.* Кр. (IX: 66) *Вы ж ведь гороцкие, в вас там шантельменаф многа, а мы не так жывём тут.* Дн. (IX: 64) Обращает на себя внимание смена речевого регистра при переходе к теме города, что в приведенных примерах выражается в употреблении иноязычных слов, хотя и в трансформированном виде.

Для сознания Псковитянина оказывается актуальным еще один вектор оценки жизни — вектор времени: «настоящее-прошлое». Несмотря на не слишком благоприятную оценку современной информанту жизни, все же она оценивается более положительно, чем жизнь в прошлом, под которой понимается время юности и молодости поколения информантов, т.е. время от 10–20-х до 50-х гг. XX столетия: *Пьбирахи куда-ть делись. Фсе хърашо жыть стали.* Н-Рж. (IX: 62) Текстовые маркеры: *раньше, бывало, в старину* и *нынче, теперь, сейчас* и др. — достаточо отчетливо указывают на отнесенность оценки к прошлому или к настоящему и служат экспликаторами сопоставления даже в тех случаях, когда высказывание не содержит обоих элементов сравнения: *Сейчас многа лекче хлеб добывать.* Холм. (IX: 96) *Сяйчас нарот денежный, ракиту драть не хотят.* Порх. (IX: 21) *Такая дич быль раньшы, серый нарот был.* Порх. (IX: 75) *Нарот раньшэ дикой был и фпрявду.* Дн. (IX: 70) *Дикии были, типерь культурныи.* Стр. (IX: 70) *И пляшут артелью в лаптях, бывала такоя дичьё была.* Беж. (IX: 75) *Тяперь ня нада вам, дяфчатам, пашли в магазин, взяли, што нада, а мы такую дирьбень бывала шыли и надивали.* Пушк. (IX: 32) *Станухи мы насили плахии, как дирбирины, толстыи-толстыи, не то што тяперишны рубашэцки.* Оп. (IX: 32) *Дисковать сичас удобь сталь, кагда машыны паявились.* Пск. (IX: 73) *Трахтара у нас паявились в двацать васьмом гаду, дика была, а тяперь папривыкли, каг бутта так и нада.* Остр. (IX: 71) *А таперь чаво дятям на пятёрки и учыцца, им и нада на атлична, вить толькы и знают нашы детушки книжычку.* Дн. (IX: 61).

Имеются, естественно, и иные оценки в оппозиции «раньше-теперь» (*А раньшы усе* [люди] *добристые были.* Вл. (IX: 84), но в целом в Т-ЦФ ПОС отчетливо обнаруживается осознание положительных сторон цивилизационного развития, которое отмечалось на протяжении жизни основной массы информантов ПОС. В этом отношении иную картину можно наблюдать в Т-ЦФ Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК), где в оппозиции «раньше-теперь» в качестве положительно маркированного члена чаще выступает прошлое: *Теперь все дошло до рук, до ног, не надь замок* [т.е. все пришло в запустение и упадок, беречь нечего]. Онеж. (IV: 33) *Дожили до ножика, хоть нож под глотку.* Медв. (IV: 20) *Сейчас уже дошли до того, что ни плыть, ни ехать, ниче нет.* Онеж. (IV: 553) *Не жыли, а плыли; ой, это плохое житье было, это просто так скажешь.* Пуд. (IV: 553) *Теперь все распущено, а раньше все ростили, а теперь ничего.* Онеж. (V: 539) *Нонь опричь ребятишек да старух в деревне и нет никого.* Белом. (IV: 39) *А нынькy все поля пустые, овса да ржи и помнить не надо.* Медв. (IV: 56) *Нешто и сеют — неоткуда и расти.* Медв. (IV: 20) *А нынку скотины мало у колхозников.* Медв. (IV: 56) *А нынько много деревень решёно: Шоглово, Миклово, а Колозеро решают.* Медв. (V: 524) *Нонешь молодые ничего не делают, в город бегут.* Карг. (III: 39). Противоположность оценок в оппозиции «раньше-теперь» в Т-ЦФ обоих словарей имеет историческое и социально-экономическое объяснение. Русский Север исторически сложился в дореволюционной России как богатый край с устойчивой экономикой, где не было крепостного права. Псковская земля — бедный регион, с помещичьим

землевладением, крепостной зависимостью крестьян (память о чем отчетливо проявляется в Т-ЦФ ПОС), низким уровнем земледелия. В настоящее время в силу ряда социально-экономических причин Русский Север оказался в худшем положения, чем Псковский край. Все это отчетливо проявляется в различии оценок исторического процесса в обоих регионах.

Т-ЦФ содержит вербализацию еще одной темы, занимающей большое место в коллективном сознании и в концептосфере Псковитянина как в первые послевоенные годы, так и сейчас, по прошествии более чем полустолетия. Это тема жизни в период Великой Отечественной войны. Выборка цитат на эту тему и простое соположение их дает выразительную и правдивую картину тягот и трудностей военных лет. Содержательная и коммуникативно-прагматическая достоверность Т-ЦФ подтверждается тем, что интертекст «война» в ПОС существенно отличается от аналогичного по теме интертекста в Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей. В последнем повествуется о голоде, непосильном труде, всяческих иных лишениях, которые приходилось переносить жителям Севера. Картина военных лет, представляемая интертекстом СРГК, сопоставима с той картиной жизни, которую находим в трилогии Федора Абрамова «Пряслины», особенно в романах «Братья и сестры» и «Две зимы и три лета». Соответствующий интертекст в ПОС повествует непосредственно о военных действиях, проходивших на территории Псковской земли, об оккупации, партизанах, причем все это глазами тех, кто непосредственно в военных действиях не участвовал, глазами мирных жителей, по жизням и судьбам которых танковыми гусеницами прошла война: [Война] *страшна была, конешна, такое дела.* Пл. (IX: 13) *Ня дай бох, если тяперь такое дело падымицца.* Пушк. (IX: 4) *Ета вайна быль, дикая какая-та, раньшы франты были, мирных жытелей ни трогали, а в эту вайну фсех жытелоф били.* Кр. (IX: 70) *Сына с первава ння* [войны] *взяли ф салдаты.* Пушк. (IX: 24) *Он* [сын] *ужэ пагип десятьва апреля, а девятьва кончилсь вайна.* Стр. (IX: 56) *Дитенацьк пагипшы на вайны, анна дацка в миня.* Остр. (IX: 57) *Здесь вязде бой прашол, деревня-ть сажгли фсе.* Палк. (IX: 36) *Аны* [немцы] *к нашэй диревни направление держат.* Гд. (IX: 43) *В нашьй дирявнюшьцки фсе зялятефшы, такой располох, так и сыпье снарядьм.* Сер. (IX: 35-36) *Людей растреливали, дяревню растриляли.* Оп. (IX: 36) *Как немец нас ижжок, такая дич была, улицы фсе зарошшы травой и не видно ничево.* Полн. (IX: 75) *Ай, детушки, нам с немцэм тижало была: придут, фсё аберут, дитей бьют.* Гд. (IX: 61) *Фсё забрали* [немцы], *оставили только дев кравати — дирявяги.* Пыт. (IX: 37) *И што намцам-то была не дикуясить.* Порх. (IX: 49) *Старикам-та ничаво ня делали* [немцы], *а толька фсё дама жгли.* Порх. (IX: 8) *Сабрались немцы пасматреть на русских дикарей.* Кр. (IX: 69) *Немец показал картьцку, снёмшы ф саду, евона жонка и детёньчек.* Н.-Рж. (IX: 57) *На дарогьх дастали партизаны.* Порх. (IX: 6) *Сто челавек ф каждам атряде была, большая бригада была, действавали мы в Апоцяцком раёни.* Оп. (IX: 6) *Нашы жыли в лясу, вырыли падвал, сверху дярном завалили, лесам.* Остр. (IX: 49) *Фронту не была, адним делам, беглая вайна была.* Остр. (IX: 15) *Днивали партизаны, на динь оставались, и баишся, штоп немцы ни зашли.* Пыт. (IX: 77)*Самулётик дёрнем, мина взорвётца.* Полн. (IX: 49) *В вайну в день немцы, в ночь — партизаны.* Пыт. (IX: 24) *Нашы дирявенцы знали, шта ён в атрят ушол.* Себ. (IX: 33) *Тут адин был палицаим, как патпёрли нашы, так наклал фсе сваи хабутки и дирка.* Остр. (IX: 50) *Палицаи гаварит: «Давай хижыну», — а я ямУ: «Куда я с ребёнкоам денуся».* Порх. (IX: 62) *Картошка астаницца в зиму ни выкапанная, пайдём, накапаим, и пякёш... дируны назывались, посли вайны пякли.* Порх. (IX: 50) *На вайне сриди салдат дистрахея была!* Пск. (IX: 73) *Нидалико ат пазиции астановились малебин чытать, пуля пралитела — далгагривый* [о священнике] *хвост поднял и панёсся.* Остр. (IX: 131) *Пять женшшын плугу ташшут, шастая держытца за*

плугу. Палк. (IX: 46) *Десанты высаживались, сами идут, а орудию тянут*. Гд. (IX: 53) *Нашивъ красныв збили, у лёччыка лицо абгорефшы. Ня знаю, куды яво дели*. Порх. (IX: 61) *Где жъ мне здоровы быть, дятёнкъ, фсё вайна сламалъ*. Н-Рж. (IX: 57) *Обманули прибафку* [к пенсии], *да ни дождёшся, а сколька партизанов держали*. Ляд. (IX: 42) *Даложы нас будут ани* [немцы] *помнить эту вайну*. Оп. (IX: 130) (Выборка сделана лишь из части вып. 9 ПОС. Очевидно, что совокупный Т-ЦФ содержит значительно больший объем сведений о жизни во время Отечественной войны на Псковской земле.)

Языковые реалии Т-ЦФ ПОС эксплицируют концептосферу[4], порожденную коллективным сознанием населения Псковского края в XX в. Т-ЦФ ПОС предстает как совокупность многочисленных и многообразных по содержанию интертекстов, каждый из которых может быть вычленен из макротекста и даст нам весьма полную и объективную картину того или иного фрагмента жизни.

Т-ЦФ ПОС, как и некоторых других региональных словарей, позволяет увидеть специфику речевой коммуникации в условиях взаимодействия различных культурных парадигм в рамках единой языковой, духовной и материальной культуры нации.

---

[1] В соответствии со сложившейся практикой высказывания, речения, микротексты, служащие иллюстративным материалом в словарной статье, называем цитатами.

[2] Ср.: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.

[3] Ср.: Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

[4] Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН, ОЛЯ. 1993. № 1.

С.А. Аверина

ПСКОВСКИЕ ЖИТИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Изучение подлинно научной истории языка предполагает строгое, объективное воссоздание системы языка текстов (текста) в том виде, в каком она может быть раскрыта методами современной лингвистики[1].

Если не выдавать желаемое за реальное и не исходить в оценке памятника языка из внелингвистических и моральных соображений, то перед исследователем-лингвистом стоит только одна задача — строгое описание фактов языка. И в этом отношении все слова и формы, отмеченные в любом тексте, созданном на Руси, принадлежат русскому языку в одной из форм его существования.

В настоящее время одной из главных задач истории языка является полное синхроническое описание русского языка по отдельным хронологическим периодам и в зависимости от типов текстов. Например, только для Пскова XV—XVII вв. в принципе следовало бы создать не один исторический словарь[2], а отдельно — словарь памятников деловой письменности, словарь псковских летописей (по всем спискам) и, наконец, словарь конфессионально-повествовательных текстов.

В связи со сказанным очевидна несомненная значимость как историко-филологического источника древнеписьменных памятников, среди которых особое место занимают конфессиональные и конфессионально-повествовательные тексты (агиография) XV—XVI вв. При этом язык последних заслуживает специального рассмотрения, так как эти памятники, с одной стороны, являются наименее изученными в языковом отношении (материал их практически не отражен в Словаре русского языка XI—XVII вв.[3]), а с другой стороны, представляют особый интерес для изучения истории

собственно литературного языка. Именно в это время и в этом жанре складывалась фразеология, стандартные словесные комплексы, которые мастера слова творчески использовали в текстах, построенных по определенным законам жанра.

Язык агиографических (житийных) произведений во многом обусловил судьбу и характер русского литературного языка того времени.

Результаты исследования языка житийных произведений имеют большое значение и для изучения истории литературы и церковно-славянского языка XV—XVI вв. не только на Руси, но и в Болгарии, Сербии, Словении.

Учитывая специфическую историко-культурную и этнолингвистическую ситуацию, «региональный язык»[4] Пскова не может быть исчерпывающим образом описан без исследования оригинальных житийных текстов.

Жития Псковского круга[5] — за исключением обследованных текстологически и литературоведчески В. И. Охотниковой Жития Довмонта и отчасти Жития Евфросина Псковского[6] — до сих пор фактически не являлись объектом комплексного филологического/лингвистического изучения. Между тем они содержат материал, характеризующийся значительной лингвистической информативностью.

Не имея возможности представить материал всего корпуса псковских агиографических памятников, для подтверждения сказанного приведем соответствующий материал только Жития Евфросина Псковского[7] (ЖЕПск).

Если говорить о собственно лингвистических параметрах текста, то это фонетический, морфологический, лексический, словообразовательный и синтаксический уровни.

Фонетические особенности ЖЕПск в целом представляют те черты, которые характеризуют состояние общерусской фонетической системы соответствующего периода и практически не отразили фонетических черт псковского диалекта, что весьма естественно, принимая во внимание книжный характер текста.

Морфология ЖЕПск (имеем в виду прежде всего систему именного словоизменения и систему глагольных форм) вполне отражает (за немногими исключениями) состояние всей системы в целом, когда демонстрируемую грамматическую форму следует оценить как книжно-славянскую. Принимая во внимание ее специфический характер в указанный период, представляется справедливым определить ее как сниженную норму церковно-славянского языка[8].

Система именного склонения ЖЕПск отразила достаточно активно идущие процессы унификации типов исходного склонения, актуализирующейся в параллельном функционировании старых и новых форм в парадигме склонения (морфологическая вариативность). Кроме того, налицо эволюция прежней системы глагольных форм, вследствие которой сначала образующими центрами нормы становятся аорист и имперфект, а затем происходит и замена претеритов формой на -л[9]. При этом динамические процессы затронули категорию числа и категорию одушевленности, что также нашло соответствующее проявление в тексте (смешение форм множественного и двойственного числа, непоследовательность в использовании формы родительного-винительного падежа в единственном числе у одушевленных существительных).

С синтаксической стороны в ЖЕПск имеются все атрибуты книжного текста. Это прежде всего сохранение синтаксических конструкций, свойственных книжно-славянскому типу литературного языка: дательный самостоятельный; именительный предикативный; известные особенности в передаче прямой речи; фрагменты разного объема, вскрывающие различные типы синтаксических связей; значительно усложненные синтаксические построения (иногда за счет цитатной амплификации). Отмечены единичные новации, хотя в целом синтаксис достаточно консервативен.

Остановимся подробнее на лексике и словообразовании как наиболее репрезентативных уровнях языкового анализа в памятниках данного литературного жанра.

Словник ЖЕПск — бесспорное свидетельство огромного лексического богатства текста. Богатый и разноплановый лексический материал, включающий лексику различной частеречной принадлежности, может быть системно организован в виде словесных рядов, актуализирующих отношения синонимического и антонимического характера, отношения различной степени семантической близости, вариантные либо вариантно-синонимические отношения. Причем в пределах таких рядов наблюдается различной интенсивности варьирование языковых единиц.

Следует сказать, что представленный в ЖЕПск лексический материал входит в общий лексический фонд книжно-литературного языка XV—XVII вв. (что подтверждает и фиксация его соответствующими словарями), однако имеется и часть лексики не только узколокализованной, но и уникальной (гапаксы).

Далее рассматривается только именная и глагольная лексика.

Существительные с конкретной семантикой образуют свыше 25 различных тематических групп.

Наиболее обширная тематическая группа (ТГ) — слова, обозначающие лиц 1) по социальному и профессиональному признаку: **князь, царица, посадникъ; дѣлатель, изорникъ; тать, разбойникъ** и др.; 2) по отношению к религии и церкви: **апостолъ, агтелъ, архангелъ, богъ, пророкъ, архиепископъ, игуменъ, священникъ, иноkъ, мученикъ, проповѣдникъ** и др.; 3) по возрасту: **отрокъ, отроковица, младенець, детищь, юнець, юница, уноша, старець** и др.; 4) по физическому состоянию: **хромьць, мертвець** и др.; 5) по отношению к другим людям: **вдовица, врагъ** и др. Довольно большой является и группа слов, обозначающих части человеческого тела: **глава, рука, ухо, око, лице, нога, колѣни, стопа, рамо, ланиты, газыкъ, зубъ, ноз(д)ри, десница, шуица** и др. Несколько уступает ей по численности группа слов, обозначающих термины родства: **братъ, отець, мати, сестра, мужь, жена, супруга, сынъ, чадо, родитель.**

Весьма значительной оказалась группа слов — обозначений пространственных понятий, построек, помещений: **землга, миръ; пустоша, пустынга, стремлина, укручне, стрежень, рвеница, гора, озеро, островъ** и др.; **домъ, обитель, монастырь, хлевина, колиба, темница; поварня, пекарня; лестница, дворець.**

Также значительной оказалась группа лексики, связанной с письменной культурой: **книга, книжица, чернило, писало; хартига, епистолига, писанне** и др.

Отдельную тематическую группу составляет лексика, связанная с христианством: **икона, аллилуига», псалтирь** и др.

Далее выделяется группа слов — названий домашних и диких животных: **мескъ, елень, вепрь; ластовица, голубица, пчела** и др.

Отдельную группу составляют слова, обозначающие предметы быта и обихода: **ризa, рубище, котыга, баграница** и др. С ней связана группа лексики, называющей пищу: **рыба, хлѣбъ, манна, каша; брашно и питие** и др.

Довольно представительную группу составили обозначения единиц времени, частей суток, времен года: **вѣкъ, часъ, день, година, нощь, месяць, вечеръ** и др.

Сравнительно небольшими оказались группы слов — обозначений мер длины/расстояний: **поприще, локоть, пядь**; названий народов и национальностей: **самарганинъ, псковичь, жидове, латинове, бусурменинъ.**

Наконец, имеется несколько микрогрупп, содержащих не более трех компонентов: а) слова, называющие оружие: **мечь, секира, сѣчиво**; б) слова, называющие деревья (растения): **древие, чаща**; в) слова, называющие населенные пункты: **градъ, весь.** Отметим также слова, называющие орудия производства (**рало**) и наименования денежных единиц (**сребреникъ**).

В составе абстрактной лексики широко представлены существительные различной семантики с суффиксами **-ние, -енне, -не, -ство, -ость, -ота**, прежде всего обозначающие понятия веры и религии: **крещение, покаганне, помазанне, въскресенне воскрешение, причащенне, прославление** и др. — понятия, относящиеся к сфере духовного мира человека, его разума и чувств: **желанне, рыданне, сѣтованне** и др. Довольно значительна группа слов, выражающих отвлеченные качества, свойства и состояния: **радость, гарость, грубость, кротость, милость, хитрость, слабость** и др.; **коварство, бунство, суровство** и др.; **бѣсовство, преподовство, величство** и др.; **благота, длъгота, высота, красота, лѣпота, теплота, тагота, тълстота** и др.; **веселие, здравие** и др.

Показательно, что количество слов с абстрактной семантикой в тексте ЖЕПск вполне соотносимо с количеством слов с конкретной семантикой.

Предварительная классификация глагольной лексики (при этом прежде всего учитывалось прямое, а не переносное значение глаголов) позволяет выделить несколько значительных по числу компонентов и очень четко противопоставленных друг другу лексико-семантических групп (ЛСГ).

Это глаголы движения: **ити идти, въниги, приити, грясти, двигати, (от)ходити**; глаголы бытия: **(по)жити, быти, пребывати, оумрѣти** и др., модальные глаголы: **хотѣти, мочи.**

Остальные глаголы, обозначающие действия и состояния, составляют несколько лексико-семантических групп. Так, в группе глаголов, обозначающих действие, выделяются группы: глаголы говорения: **рещи, глаголати, отвѣщати, бесѣдовати, повѣдати** и др.; глаголы созидания/разрушения: **съвершати, (съ)творити, исправлагати, воздвигнути** и др.; глаголы насильственного действия: **истязати, убити, потребити** и др.; глаголы обладания/даяния: **пригати/приимати, възгати, имѣти/имати, дати, (пре)давати, даровати.** Сюда же надлежит отнести и группу глаголов, обозначающих психические или интеллектуальные действия и воздействия: **прославити, повелѣвати, хулити** и др.; **внгати/вниматн, навыкнути, просвѣщати, помышлягати, познавати** и др.

Следует отметить, что дифференцирующий критерий иногда оказывается достаточно условным (нечетким), что не только делает проблематичным выделение конкретной ЛСГ в самостоятельную микросистему, но и лишает достаточной мотивации ее включеиие как составляющей в другую ЛСГ. В таких случаях предпочтительнее оказывается выделение некоторой последовательности семантически сближенных единиц в качестве отдельной микрогруппы. Например, группа глаголов слухового и зрительного восприятия: **смотрити, (оу)слышати, видѣти** и др.

Специфической чертой ЖЕПск является такая организация текста, при которой слова, относящиеся к определенной ТГ или ЛСГ, нередко располагаются в пределах одного текстового фрагмента. Это характерная особенность многих житий XV—XVII вв.

Материал ЖЕПск демонстрирует и необычайное богатство словообразовательных моделей. Например, отмечены такие способы словообразования имен существительных: суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный, нулевая аффиксация, сложение. При этом самым продуктивным для имен является суффиксальный способ, а наиболее активными — производящие основы глагола.

В свою очередь, при основах глаголов больше всего образований, обозначающих отвлеченные понятия, далее следуют названия лиц, предметов, мест и пространственных понятий.

При основах имен существительных, наоборот, больше слов, обозначающих лиц и предметы, и лишь затем следуют названия отвлеченных понятий и мест.

При основах имен прилагательных названий отвлеченных понятий значительно больше, чем слов, обозначающих лиц, предметы и пространственные понятия. Спосо-

бы нулевой аффиксации, префиксальный и суффиксально-префиксальный в основном связаны с образованием слов, обозначающих отвлеченные понятия.

Покажем это на некоторых наиболее ярких примерах, демонстрирующих морфологическое словообразование существительных в ЖЕПск.

Суффиксальный способ: 1) образования от основ глаголов: а) названия отвлеченных понятий: V + **знь: жизнь**; Vs(а) + **знь: богазнь**; V + **изн-а: коризна**; Vp(с) + **овищ-е: скровище**; Vs(а) + **нj-е: вещание**; V + **еннj-е: боренне**; V + **нь: бронь**; V + **ость: радость**; V + **тв-а: клятва**; V + **тиѱ-е: житие**; б) названия лиц и живых существ: V + **еннкъ: мученикъ**; Vs(а) + **тель: дѣлатель**; Vp(до), s(н) + **тель: досадитель**; V + **ыка: владыка**; Vp(у) + **никъ: угодникъ**; Vp(у) + **ц-а: убица**; V + **ьць ець: творець**; в) названия предметов: V + **ищ-е: рубище**; V + **тиѱ-е(тѱ-е): литье**; Vs(а) + **л-о: писало**; Vs(н) + **л-о: мѣрило**; Vs(и) + **тв-а: бритва**; г) названия мест, пространственных понятий, построек, помещений: V + **ин-а: стремлина**; V + **ищ-е: нырище**; 2) образования от основ имен существительных: а) названия лиц и живых существ: N + **аннникъ: самарганникъ**; N + **арь: клеветарь**; N + **иц-а: вдовица**; N + **ичь: псковичь**; N + **ищь: детищь**; N + **ьникъ(никъ): блудникъ**; б) названия предметов: N + **ин-а: хлевина**; N + **ло: вѣтрило**; N + **н-я: головня»**; N + **иц-а: книжица**; N + **иг-а: котыга**; N + **ьць: рожьць**; в) названия отвлеченных понятий: N + **ин-а: година**; N + **от-а: работа**; N + **ьств-о: божьство**; г) названия мест и пространственных понятий: N + **ин-а: лагадина**; N + **иц-а: ревница**; N + **ищ-е: сомнище**; N + **ух-а: пазуха**; д) модели со значением собирательности: названия лиц, групп и объединений лиц и живых существ: N + **иѱ-е: чрьие**; N + **ин-а: дружина**; N + **нj-я: братига»**; N + **тв-а: паства**; Ns(**ык**) + **ьств-о: владычство**; названия предметов: N + **нj-е: древие**; названия отвлеченных понятий: N + **нj-е: мыслие**; 3) образования от основ имен прилагательных: а) названия отвлеченных понятий: A + **нj-е: веселие**; A + **нкъ: праздникъ**; A + **ин-а: глубина**; A + **ость: връзость**; A + **от-а: благота**; A + **ын-я: гордына»**; A + **ьд-а: правьда**; A + **ьств-о: множьство**; б) названия лиц и живых существ: As(**ьдн**) + **нкъ: праведникъ**; A + **ош-а: юноша**; A + **ець: старець**; A + **еньць: младеньць**; в) названия предметов: A + **иц-а: багрганица**; Ap(**о**), s(**н**) + **окъ: опреснокъ**; г) названия мест и пространственных понятий: As(**н**) + **иц-а: тьминица**; A + **ош-а: пустоша**; A + **ын-я: пустына**; 4) образования от основ причастий: P + **ець: любимец**; 5) образования от основ числительных: Nm + **иц-а: троица**; 6) нулевая аффиксация от основ глагола: названия отвлеченных понятий: **повѣсть**.

Префиксальный способ: образования от имен существительных: названия отвлеченных понятий: **без** + N: **безыменне**; **не** + N: **небытие**; **при** + N: **пришествие**; **прѣ** + N: **прѣмудрость**.

Суффиксально-префиксальный способ: 1) образования от основ имен существительных: а) названия отвлеченных понятий: **без** + N + **нj-е: безвѣрие**; **без** + N + **ьств-о: безначальство**; **въз** + N + **ениѱ-е: възчеловѣчение**; **за** + N + **нj-е: заутрие**; **не** + N + **нj-е: незловие**; **не** + N + **ьств-о: невѣрьство**; б) названия лиц: **без** + N + **ьникъ: безвѣрникъ**; **възь** + N + **иц-а: възьглавница**; **въз** + N + **нj-е: възглавие**; **на** + N + **никъ: началникъ**; в) названия мест и пространственных понятий: **по** + N + **j-е: подворье**; 2) образования от основ глаголов: **по** + V + **никъ: поборникъ**; **про** + V + **тиj-е (тѱ-е): прожитье**; **со** + V + **тиj-е: сожитие**.

Приведенные данные позволяют выделить эталонную модель суффиксов имен существительных для конфессиональных/конфессионально-повествовательных (житийных) текстов. Эта модель включает суффиксы: **-ание, -аннъ, -ьба, -ець, -знь, -ие, -никъ** (названия лиц), **-ица, -ость, -ота, -ьство**[10].

Показательно значительное число сложных слов (composita), отмеченных в тексте ЖЕПск, — около 100 лексем (без учета словоформ) различной частеречной принад-

лежности. При этом, если часть из них — несомненные кальки с греческого языка — в тот период уже перестали восприниматься как заимствования, то другие — оригинальные образования, слова, созданные по греческой и специфически книжной словообразовательной модели.

Известно, что уже в древнерусском книжно-письменном языке XI—XIV вв. сложные слова были «продуктивной категорией»[111], в дальнейшем словообразовательная активность таких моделей еще более повышается. Состав корней, выступающих в качестве компонентов сложных слов, характеризуется значительным разнообразием, но различные корневые элементы обнаруживают разную продуктивность.

В ЖЕПск представлены сложения с компонентами: **благо-, бого-, зло-, духо-, добро-, велико-, высоко-, огне-, трудо-, право-, живо-, все-, человѣко-, едино-, клятво-, миро-, досто-, домо-, даро-, сладко-, храбро-, три-, лихо-, чюдо-, чадо-, христо-, цѣло-, любо-, много-, законо-, странно-, смиренно-, душе-, мало-, славо-, мило-, само-, черно-, преди-, лице-, выше-.**

Из них наибольшей продуктивностью обладают сложения (расположены по убывающей частотности) с начальной частью: **благо- (благоумие, благочестие** и др.); **бого- (богодѣлание, богонзбѣщенный, богоносный** и др.); **добро- (добродѣтельный, добромыслие, добропразсудный** и др.); **едино- (единосущный, единочадъ, единомысленый** и др.); **все- (вседержитель, всепагубный** и др.); **много- (многотрудный, многорѣчивъ).**

Как можно видеть, словники оригинальных агиографических произведений не только демонстрируют интереснейший материал для исторической лексикологии и лексикографии, но еще заслуживают и специальной лексикографической интерпретации, в результате которой может быть создан словарь русской агиографической литературы, поскольку агиография представляет собой основной оригинальный жанр, в рамках которого активно совершенствовался и эволюционировал церковно-славянский язык. Именно этот язык, язык русской агиографии в наиболее чистом, рафинированном, виде и являет образец русского литературного языка XV— начала XVII в.

---

[1] Аверина С. А., Герд А. С., Кузнецова Е. Л. и др. Язык русской агиографии XVI века: Опыт автоматического анализа / Под ред. А. С. Герда. Л., 1990. С. 4–5.

[2] Псковский областной словарь с историческими данными, как известно, выявляет в основном отражение живой речи в памятниках псковской письменности. См.: Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967. Вып. 1. С. 3, 14, 21-26.

[3] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (А—Б). М., 1975.

[4] Термин А. С. Герда. См.: Герд А. С. Спорные вопросы в построении истории языка Пскова (К вопросу о предмете истории языка) // Псковские говоры. Псков, 2001. С. 80.

[5] Среди наиболее интересных в языковом отношения — жития Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Пустынножителя (Псковского), Всеволода-Гавриила, повесть о Довмонте.

[6] См.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследоваиие и тексты / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л., 1985; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI вв. Ч. 1 (А—К) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 262–264.

[7] Житие Евфросина Псковского по рукописи Соф. 1424, XVI в., л. 393—488об. Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге — один из замечательных памятников псковской агиографии (нетрадиционное по своей форме и содержанию: не соблюдаются каноны жития, нет биографии святого; характеризуется сильной полемической направленностью: чрезвычайно подробно излагается история споров Евфросина об аллилуйе с распопом Иовом). См. об этом подробнее: Охотникова В. И. Указ соч. С. 262.

[8] Ремнева М. Л. История русского литературного языка. М., 1995. С. 370–371.

[9] Там же. С. 372.

[10] Аверина С. А., Азарова И. В., Алексеева Е. Л. и др. Лексика и словообразование в русской агиографической литературе XVI века. Опыт автоматического анализа / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1993.

[11] Вялкина Л. В. Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI—XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 195

И.А. Малышева

ПСКОВСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ КНИГА 1749 г. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В Российском государственном архиве древних актов (Москва) в фонде Псковской Большой таможни (ф.1600, оп.1) хранится несколько таможенных документов конца XVII–середины XVIII в.: таможенные выписи 1696–1722, 1740–1741, 1749 гг. (№ 2, 3), ярлыки, выданные купцам на явленные товары 1754–1755 гг. (№ 8), и одна таможенная книга 1749 г. (№ 7). Все эти документы в качестве лингвистического источника не исследовались, в частности, судя по отметкам в архивном листе использования, таможенная книга выдавалась только один раз в 1956 г. «для истории г. Пскова». Другими таможенными документами Пскова архив не располагает[1].

Таможенная книга 1749 г. содержит 367 листов, но записи заканчиваются на л.215об. Титульный лист отсутствует (книга не реставрирована), лл. 1–28 занимает алфавит (отведено для него 30 л.), в который внесены имена торговцев, чьи товары зарегистрированы в данной книге. На л.1 алфавита дается название – *Книга явленнымъ россиискимъ товарамъ Псковскои таможни 1749 года*, на л.1 основного текста название книги повторяется, но в более развернутом варианте: *Книга явочная россиискимъ товаромъ Псковскои Большои таможни бытности компанейщиковъ Гаврила Загоняева с товарыщи 1749* г *году*. Листы с алфавитом разделены на две колонки: в первой – *Звание имянъ*, во второй — *Страницы*. Листы с основным текстом размечены в три колонки: номер записи, дата и регистрация таможенной операции. Книга имеет две пагинации: первая – на листах с алфавитом (постраничная), вторая – на листах с таможенными статьями (полистовая с указанием оборотов)[2].

Наличие собственноручных подписей торговцев и целовальников свидетельствует о рабочем (не отчетном) характере книги.

Как известно, в крупных таможнях в течение года велось несколько книг, каждая из которых фиксировала определенный вид таможенной операции (явка, досмотр, отпуск, дача выписи, продажа, покупка и др.), все вместе эти книги составляли годовой комплекс[3]. Сохранившаяся книга псковской таможни является частью такого комплекса, об этом, в частности, свидетельствует упоминание о торговой книге, в которой регистрировались факты купли-продажи товара: *Явил псковскои купецъ Иванъ Болшои Трубинскои товару покупного во Пскове вразнь у крестьян льна чистого весом сто четырнатцать пуд ... И тот товар в торговои книге записан на странице 2* (л.31об.)[4]; *Явил Суздалскаго уезду Гавриловскои слободы житель Михаило Анисимовъ сынъ Калабинъ ... дватцать пять пудъ мыла ядра ... И тот товар в торговои книге записанъ на странице 169* (л.125). В этот же комплекс входят 6 таможенных выписей 1749 г. (№ 3). Это оборотные выписи, данные приезжим торговцам в том, что они явилн товар в Псков, продали его и уплатили все надлежащие пошлины (явки этого товара регистрируются в книге). К сожалению, данные выписи (и соответствующие им записи в книге) лингвистически мало информативны: регистрируется один товар – *мыло ядро*.

Книга и связанные с ней выписи написаны одним писцом. Об отражении живого произношения свидетельствуют, например, написания *шепа, шетом* (счетом), *клешей* (клещей), *рубашешный, бошмашный, кумашный, перешница, притцеть, шеснатцеть* и т.п., *петинка* нитей, *поесков, везига, тюфека, по петидесят по пети копеек, казлинок, сорак, в Смоленску, у записке* и др.; писец пишет фамилию купца *Шестоперов*, сам торговец в рукоприкладстве написал *Шыстыперов*. Однако подобных написаний немно-

го, что говорит о высокой степени выучки писца. Любопытно, например, что в книге (напомним, что это рабочий вариант) достаточно часто встречаются написания *одиннатцеть, двенатцеть, дватцеть, тритцеть* и т.п., но в выписях, которые служили удостоверяющим документом, писались на гербовой бумаге, заверялись подписями и таможенной печатью, тот же писец пишет всегда *одиннатцать, дватцать* и т.п.

Таможенная статья в книге состоит из трех взаимозависимых записей: собственно явка, запись о досмотре целовальника и отметка о том, что данный товар зарегистрирован в торговой книге. Запись о досмотре целовальника (который называется и *поверенным*) отмечает только факт осмотра, не повторяя список проверенных товаров: *И для осмотру и щету тех кож послань целовалникъ Тимофей Мартынов и по осмотру того повереннаго оные кожи явилис сходны* (л.36об.); *И для осмотру того товару послань целовалникъ Михаила Силуяновъ и по осмотру того целовалника вышеписаннои товар явился сходен Михаило Силуяновъ руку приложилъ* (л.125).

Часть явок в книге регистрирует товары, купленные в Пскове и уезде для собственного промысла: *Явил псковскои купецъ Самсонъ Сусловъ покупных изо Псковского уезду и во Псковѣ для переделу на кожевнои ево завод яловичьих сырыхъ девяносто кожъ да маля яловичьих же дватцеть пять кожъ* (л.36об.); *Явилъ псковскои купецъ Антонъ Посниковъ Псковскои правинцыи изборскои таможни ... товару ево покупного в том Изборскомъ уѣзде у разноотчинных крстьян ... лна из сырца чистого сто шездесять пуд* (л.215об.). Явки из уездов нередко содержат указания на местный характер изготовленного товара, например: *очелеи шитых браныхъ заонежскои руки десять тысячь* (л.157, явка из Олонецкого уезда).

Большую часть записей составляют явки псковских и иногородних купцов, привезших в Псков на продажу самые разные товары. Такие записи содержат более разнообразную лексику и в лингвистическом отношении более информативны: *девяносто пуд мыла ядра сем пуд икры засолнои двенатцеть пуд тешь бѣлужихъ и осетровыхъ шеснатцеть осетровъ свежихъ пятдесят стерлядеи соленых четыре лагуна дехтю мерою семдесят ведръ пятсотъ пятдесят кулечковъ мочалных два короба шепы и ковшеи шетом девят сотъ сто клешеи лошадиных* (л.37об., по тверск. вып.); *явил Переяславля Залеского жител ... товару ево макарьевскои покупки ... девять сотъ чарокъ и стаканов деревянных красных две тысечи пять сотъ ложекъ кленовых желтых девяноста пять меховъ мерлущатых бѣлых и пестрых триста сорокъ аршин пестреди погоняики сто казлинокъ бѣлых и черных туленных девять сотъ пятдесять кушаков нитеных* (л.57); *явил торопченин ... товаров ево московскои покупки из лавокъ ... три тысячи аршинъ прошев красных и бѣлых пятнатцеть штанов замшеныхъ плохих пятнатцеть тысячь аршинъ снурку нитного по цветам тысяча пятсотъ обдершки и обшивки шляпнои два фунта гарусу обшивного рускогъ девять простын ветошных бѣлых пятнатцеть кафтановъ серых плохих шесть кадиленокъ медных пятнатцеть дюжинъ картъ плохих ... шесть кистокъ з золотцом сорокъ кокошников комчатых ветошных пятдесят пар чулковъ нитных и валеных децких пятдесят подзатыльников з золотцом два бахчи чаю простого* (лл.148об.-149).

Особенностью явчих таможенных книг как документа и как лингвистического источника является то, что они составлялись на основе выписей, выданных в месте вывоза товара, и, естественно, писец, переписывая выпись, мог скопировать ее, привнеся в книгу языковые черты иной территории. Как показывает значительный проанализированный материал таможенного делопроизводства, это в большей степени проявлялось в лексике, но могло отразиться и в проявлении фонетических и грамматических черт[5]. В этом отношении интересна запись явки товаров псковского купца по выписи брянской таможни: *двенатцат штучокъ выбойки простой пятнатцеть штучекъ мамсы десять штучекъ гарусу простого скатертеи простых нитных суровых щетом тритцат одна сто запасокъ шерстяных пестрых и желтыхъ* (л.136об.). Копирование выписи

проявляется в проникновении в псковскую книгу южнорусизма *запаска*: в СлРЯ XI-XVII слово это иллюстрируется примером из памятника 1700 г., отражающего южнорусские языковые черты [5,259]; в СлРЯ XVIII оно показано как новое и подтверждается также цитатами из памятников южнорусского происхождения (один из них тот же, что в СлРЯ XI–XVII) [8,47]; южнорусский ареал этого слова показывает и исследование Г.В. Судакова[6]. Влиянием выписи объясняется и употребление слова *штука*, которое пришло в русский язык через польское посредство и активно проявляется (и производное *штучка*) как торгово-счетная единица иноземных тканей в книгах южных и юго-западных таможен (Болхов, Мценск, Брянск, Свинская ярмарка), а также в московских книгах. Из книг северных таможен слово *штучка* отмечено только в архангельской 1719 г. в явке по вологодской выписи, но товаров московского купца, следовательно, данное слово могло из московской выписи быть перенесено в вологодскую и далее в книгу архангельской таможни[7]. Подобных примеров влияния языка выписей таможенные книги содержат немало[8]. Возможно, и написание *штучок* принадлежит псковскому писцу (затем, следуя выписи, он пишет *штучек*): в книге встречаются и другие случаи отражения перехода [е] в [о] в заударной позиции после шипящих, например *епанечок*.

Одним из сложных аспектов изучения истории псковских говоров является «традиционно актуальный и дискуссионный вопрос о южном и юго-западном влиянии на язык Пскова»[9]. Таможенные книги – особый источник, в большей степени, чем памятники других делопроизводственных сфер, отражающий контакты территорий и показывающий пути «движения» лексики, и именно этим определяется одна из характеристик их лингвистической ценности. Псковские таможенные книги, содержащие многочисленные свидетельства о торговых связях разных территорий, в этом отношении могут сыграть свою роль.

Историки говорят о том, что «основными занятиями посадского населения Пскова были ремесло и торговля», причем ведущее место принадлежало, видимо, торговле[10]. Торговые связи Пскова были широки, торговые пути вели в самые разные русские города и за границу. Наряду с псковскими торговцами в книге 1749 г. зарегистрировали свои товары торопецкие, вологодские, новгородские, тверские, московские, санкт-петербургские купцы, жители Переславля Залесского, Юрьева Польского, Суздальского и Олонецкого уездов и др.

Как известно, Псков издавна торговал с портами Балтийского моря, являясь транзитным пунктом на торговом пути из европейских стран в Россию. В книге часты записи явок товаров, привезенных из портовых и пограничных городов (Санкт-Петербург, Рига, Нарва, Торопец), что представляет особый интерес для лингвистов, поскольку в таких явках в большей мере проявляются новые заимствования. Так, один псковский купец по выписи рижской таможни привез: *семсотъ пятдесятъ манерокъ жестяных старых ... восем цетнеровъ стали... два оксовта красного вина французского* (л.49); другой по выписи нарвской портовой таможни явил *два оксовта ренскаго бѣлого и красного* (л.48об.); из Санкт-Петербурга псковский торговец среди прочих товаров привез *четыреста палокъ ваксы* (л.143); по санкт-петербургской же выписи было привезено *две тысячи пробокъ* (л.159); по выписи торопецкой пограничной таможни купец явил *сто дватцат пар шлиф нитних* (так!) ... *сорокъ аршин камелии шерстяной пят пачковъ пуговицъ медных* (л.150об.). Такой материал ценен не только самим фактом фиксации (возможно, ранней) заимствованного слова, но и тем, что свидетельствует о путях вхождения в русский язык новых иностранных слов.

Книга содержит разнообразнейшую лексику, отражающую все многообразие псковского торга: названия тканей (*байка, выбойка, голь, камелия, камлот, китайка, клеенка, пестрядь рубашешная, пестрядь погоняйка, сукно портянина, сукно сермяжное* и др.),

бытовых вещей (*занавеска, клещи лошадиные, кулечки мочальные, подсвешник, погребец, простыня, тюфяк, шандал, шандалец, черезы и мошны ирошные*), посуды (*бакал, ендовка, кастрюлька, ковш, кунган, стакан, перешница, солонка, сутки зборные, уксусница, чайник, фляшка*), одежды и ее деталей (*душегрея, душегрейка, епанечка, штаны замшеные, юбка московского полукаламинку нитного, кушак, козлинки белые и черные туленные, кокошник, обшивка и обдержка шляпная, подзатыльник, шапка кораблик, очелье, перчатки, пояски здорные, пряжки башмачные, рукавицы баранковые с варегами, туфли мужские, чулки нитные и валеные, шлифы шелковые* и др.); различных галантерейных товаров (*галун, галунец, запонки, гребень, гребенка, каменье сережное, кистки бисерные, кистки с золотцом, кисточки нитные, крючки лакейские, мишура, ожерелье, позумент, пронизки, прошвы нитные, раковины сережные* и др.); лексика, характеризующая товар по цвету, форме, размеру, материалу, качеству, назначению, способу изготовления, и др. (*большой руки, малой руки, малый, мальецо, полосной, гарусный, замшеный, жестяной, на кошках* (о рукавицах), *мерлущатый, роговой, ветошный, плохой, трепаный, суровый, чистый, валеный, прянишный, сенокосный* и др.); названия торгово-счетных единиц и различных емкостей, упаковок и т.п., служивших единицами счета (*бахча, бумажка, бунт, ведро, вязка, гранитур* «гарнитур», *карта* (*картина*), *короб, круг, куль, лагун, нитка, обувь* «пара», *оксофт, палка, пара, портище, постав, пучок, связка, тюнь, штука, штучка, цевка* и др.).

Лингвистическая ценность данного памятника обусловлена несколькими моментами: это одна из немногих сохранившихся книг псковской таможни XVIII в.; особая роль Пскова как транзитного пункта придает данному памятнику характер лингвистического источника особого рода, позволяющего проследить связи с разными территориями, лексические контакты, пути вхождения новых заимствований и др.); в книге представлена богатая и разнообразная лексика, ценная не только своим многообразием, но и проявлением в ней процессов формирования русской лексики XVIII в.

Данный источник ценен и тем, что содержит новый, не учтенный исследователями материал. В КС XVIII не вошли, например, следующие слова: *гривный – пуд волосья гривного* (л.150об., по торопец. вып.); *наплавный – четырнатцат пуд икры наплавнои дватцать пять пуд икры засолнои* (л.93, по моск. вып.); *обдержка – три вяски обдержки шляпнои* (л.141, по моск. вып.); *полуголевый – одна душегреика полуголевая* (л.146, по моск. вып.); *разновотчинный – явил ... товару покупного изо Псковскаго уЬзду и во Пскове у разновотчинных крестьянъ льна чистого пятдесять пуд льна сырца девять соть восем десят четыре пуда пенки чистои трепанои тритцать девять пуд* (л.31).

Книга содержит более раннюю, чем КС XVIII, фиксацию некоторых слов, например *манерка* (пример см. выше) – в СлРЯ XVIII слово это датируется 1757 г.; *односпальный – три тюфека односпалных* (л.91, по моск. вып.), КС XVIII содержит три карточки на это слово, все из Словаря Аделунга 1798 г.; ранний пример фиксации слова *пробка* (см. пример выше) в КС XVIII относится к 1768 г.; слово *обшивка* в КС XVIII регистрируется по ВЛ 1731 г., но ранний пример из памятников датируется лишь 1760 г.

Отмечены варианты слов, отсутствующие в КС XVIII и не учтенные СлРЯ XVIII: *гранитур* (*гарнитур*) «комплект пуговиц, состоящий из 6 дюжин камзольных и 6 дюжин кафтанных пуговиц» – *пят гранитуров пуговиць медных* (л.131об.); *цетнер – восем цетнеровъ стали* (л.49, по риж. вып.); в СлРЯ XVIII регистрируется прилагательное *ирховый* и *иршеный* (от *ирха*) [9,112], псковская книга показывает еще два возможных варианта *ирошный* и *иршаный – триста тритцеть черезов и мошень ирошных* (л.149, по моск. вып.), *восемдесять пять четок иршаныхъ* (л.179об., по моск. вып.).

В КС XVIII факт бытования в русском языке этого периода того или иного слова нередко регистрируется только по данным словарей без иллюстраций из памятников или подтверждается одним-двумя примерами. Псковская таможенная книга дает воз-

можность включить в КС XVIII иллюстративный материал или его расширить. Так, вариант *шкапный* в КС XVIII регистрируется только по ФРЛ 1786 г. (заметим, что и *шкафный* также засвидетельствовано только по САР[1]), данный источник содержит такой пример: *дватцат замковъ шкапных* (л.146, по моск. вып.); слово *погребец* представлено в КС XVIII четырьмя примерами, два из которых относится к концу столетия, в псковской книге в явке торопецкого купца среди товаров, привезенных из Москвы, называются *десять погребцовъ малых с простыми скляницами* (л.132); КС XVIII содержит примеры употребления слова *скреблица* «железная щетка для чистки лошадей» только для 1-го периода (до 40-х гг.), поздний относится к 1738 г., псковский купец среди прочих московских товаров привез *десять скреблицъ железных* (л.91).

Подчеркнем, что такие слова, как *вакса, манерка, обдержка, односпальный, погоняйка* «сорт пестреди», *пробка, разновотчинный, цетнер, шкапный, шлифы* «тесмы, пришиваемыя к концам мужских исподниц» (САР[1] VI 897), не встретились в других таможенных документах и отмечены только в данном памятнике.

Таким образом, даже один источник сравнительно небольшого объема предоставляет в распоряжение исследователей значительный и в определенном количестве новый материал. Изучение и издание таможенной книги г. Пскова 1749 г. представляет несомненный научный интерес для лингвистов.

Образец таможенной статьи

Явил псковитина посадцкого члвка Никифора Каменшикова прикашикъ ево Ефим Рукавишниковъ московскои болшои таможни по зачетнои выписи отпуском маия (так в ркп.: числа нет) г *дня сего 749* г *году товару ево московскои покупки из лавокъ на явленые денги на триста восем десять три [два] рубли девяносто копеекъ сем епанечокъ китаичетых три пуда двенатцеть фунтовъ кастрюлекъ медных один пуд два фунта чайниковъ медныхъ два пуда дватцеть один фунть ендовок медныхъ два пуда шандалов медныхъ дватцать дюжинь подсвешниковъ медныхъ четыре кадила медные посеребреные шесть кадил медных чеканныхъ шесть кадилинокъ медных двенатцет чарокъ медных пятдесят досокъ медныхъ один пуд стокановъ оловяных три пуда три фунта кунганковъ чашек и кружекъ оловянных четыре дюжины оловянных чарокъ сорокъ уксусницъ и перешницъ осмнатцат чайниковъ оловянных | шесть сутковъ зборных оловянныхъ десят душегреекъ китаичетых два бакала оловянных дватцать две пары нитных чулковъ одна солонка оловянная десять мехов дватцать пар перчатокъ замшеных шесть епанечокъ голевых три душегреики голевых одна душегреика полуголевая десять юбокъ московскаго полукаламинку нитного сто восемдесят сем аршинъ пестреди широкои триста кушаков нитныхъ красных и желтых дватцат замковъ дверных дватцат замковъ шкапных три пуда тритцат фунтов сандалу вишнево* (... неясно) *красного сорокъ пар сапоговъ телятинных тритцат пар башмаков мужских пятдесят паръ туфел мужских пятдесят шляпъ шерстяных | И для осмотру того товару послань целовалникъ Михаила Солуянов и по осмотру того целовалника онои товар явился сходень Михаило Силуянов* (так в ркп.!) *руку приложиль И тот товар в торговои книге записан на странице 268* (лл.145об.–146об.).

---

[1] Несколько псковских таможенных книг XVIII в. находится в Псковском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

[2] В иллюстрациях приводим вторую пагинацию.

[3] Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997. С. 33–35.

[4] Иллюстрации приводятся в упрощенной орфографии (сохраняется обозначение только буквы ять — ѣ), выносные буквы показаны отсутствием курсива. Прописные буквы употреблены в соответствии с современной орфографией.

[5] Малышева И.А. Указ. раб. С. 147–150.

[6] Судаков Г.В. География старорусского слова. Вологда, 1988. С. 32, 62.

[7] Малышева И.А. Метрология тканей в таможенных книгах XVIII века // Проблемы исторической терминологии. Красноярск, 1994. С.34.

[8] Например, в книгах астраханской таможни 1725 и 1746 гг. появление слова *штука* связано преимущественно с явками курских и тульских купцов, а также с московскими выписями.

[9] Герд А.С. Из псковско-брянских лексических параллелей // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения. Л.,1985. С.59.

[10] Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. Т.34. М., 1950. С.204.

Н.А. Нечунаева

РУКОПИСИ МИНЕИ ИЗ СОБРАНИЯ ПЕЧОРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Древнейшая опись библиотеки Псково-Печерского монастыря относится к 1586–1587 гг. и свидетельствует о том, что большинство из сохранившихся рукописей находилось там в XVI в.[1] Это были рукописи исторического, литературного и богослужебного содержания. В их числе книги Исаака Сирина (Mscr.758), Федора Эдесского (Mscr.759), Житие Николы (Mscr.753), Измарагд (Mscr.746), постные и цветные Триоди (Mscr.711, 712, 713, 714, 715, 717), «половина Пролога сентябрьскаго, ветчан, на бумаге» (Mscr.745), служебные Минеи (Mscr.687-710), Служебники, Требники, Октоихи.

С 1941 по 1990 г. собрание рукописных книг библиотеки Псково-Печерского монастыря, насчитывавшее, согласно описанию, 81 рукопись XV–XX вв., находилось в Научной библиотеке Тартуского университета. Описание было выполнено в 1960 г. Ю. К. Бегуновым и А. М. Панченко[2]. Первое краткое охранное описание рукописей было сделано в 1941–1943 гг. профессором Тартуского университета В. Мартинсоном.

В библиотеку Тартуского университета рукописи поступили в 1941 г. из Псково-Печерского монастыря, где они находились в «книгохранительнице» – монастырской библиотеке. Об этом свидетельствует опись библиотеки 1586–1587 гг. и записи на листах и полях рукописей, относящиеся ко времени их пребывания в монастыре.

По этим записям можно установить некоторые источники монастырской коллекции рукописей. В Псково-Печорский монастырь поступали рукописи из других монастырей: из Саввопустынского (Mscr.687: Минея служебная за сентябрь, середина XV в.), из Новгород-Печорского монастыря (Mscr.690: Минея служебная за декабрь, середина XVI в.), из обители на Желацком острове (Mscr.713: Триодь постная, вторая четверть XVI в.), из Верхнеостровского монастыря (Mscr.756: Псалтырь, середина XVI в.) В некоторых рукописях имеются владельческие приписки Псково-Печорского монастыря – Mscr.732: Требник, конец XV–начало XVI в.; Mscr.749: Ирмологий, начало XIX в.: «Сия книга Псково-Печерскова первокласна монастыря». Книги из монастырской библиотеки выдавались в другие церкви: Mscr.695: Минея служебная за февраль, первая половина XVI в. была выдана в церковь Николая Чудотворца на святые врата.

В 1990 г. рукописи, относящиеся к Псково-Печорскому собранию, были возвращены их первоначальному владельцу – Псково-Печорскому монастырю. В данной статье использованы материалы, собранные автором при работе с рукописями Псково-Печорского собрания в 1989–1990 гг.

Гимнография – Минея, Триодь и Октоих – составляла значительную часть этой рукописной коллекции. Минея, книга с календарным расположением служб святым и праздникам, была представлена 24 рукописями. На Триодь, вторую гимнографическую книгу, включающую части богослужения для подвижных дней года, зависимых от

праздника Пасхи, приходилось 6 рукописей. Третья книга, Октоих, сборник церковных песнопений, собранных по восьми недельным циклам с музыкальными характеристиками – гласам. Эта книга имела в собрании 9 списков.

Основное назначение гимнографических книг — прославление святых и церковных праздников. Они обязательно используются при богослужении и включаются в корпус первых славянских переводов. Такова позиция историков русской церкви[3] и лингвистов[4]. Гимнографические славяно-русские тексты древнейшего периода — XI–XIII вв. представлены в рукописных собраниях С.-Петербурга, Москвы, Софии, Ватикана, Хиландарского монастыря, Ярославля. В коллекцию библиотеки Псково-Печорского монастыря входили рукописи Минеи, Триоди и Октоиха более позднего периода — XV–XVI вв., а также старопечатные гимнографические тексты.

Среди 24 рукописей Минеи представлены списки на все месяцы церковного года, кроме ноября. Кроме того, для некоторых месяцев сохранилось несколько списков: Минея на февраль представлена четырьмя списками, на май и август — каждая тремя списками, на декабрь, январь, март, апрель, июнь, июль — каждая имеет по два списка. В приведенной ниже таблице суммированы основные данные о входящих в коллекцию рукописях Минеи.

№	№ в оп.	Шифр	Месяц	Название рукописи	Датировка (век)	Службы русским святым	Приписки
1	1	Mscr.687	сент.	Минея служебная	сер. XV		О принадлежности Савопустынскому монастырю
2	22	Mscr.688	окт.	Минея служебная	вт.чет. XVI	о. Савва (только запись о наличии службы)	1.Писец Ивашко Алексеев сын; 2. «Сколь рад заец...»; 3.указания на пропуски
3	30	Mscr.689	дек.	Минея служебная	сер. XVI		
4	31	Mscr.690	дек.	Минея служебная	сер. XVI		1.Принадлежность Новгород-Печорскому монастырю; 2. «Хто украдет...»
5	23	Mscr.691	янв.	Минея служебная	вт.чет. XVI		«В руцы всяведняго бога...»
6	32	Mscr.692	янв.	Минея служебная	сер. XVI		
7	19	Mscr.695	фев.	Минея служебная	пер.пол. XVI		Принадлежность Печорскому монастырю и выдача в церковь Николая Чудотворца
8	20	Mscr.696	фев.-март	Минея служебная	пер.пол. XVI		
9	24	Mscr.693	фев.	Минея служебная	вт.чет. XVI		
10	33	Mscr.694	фев.	Минея служебная	сер. XVI		
11	58	Mscr.697	март	Минея служебная	тр.чет. XVI		
12	60	Mscr.705	март	Минея служебная	тр.чет. XVI	моск.митропол. Иона; нов.арх. Евфимий	
13	9	Mscr.698	апр.	Минея служебная	кон. XV-нач. XVI		

№	№ в оп.	Шифр	Месяц	Название рукописи	Датировка (век)	Службы русским святым	Приписки
14	16	Mscr.706	апр.	Минея служебная	пер.чет. XVI		
15	14	Mscr.699	май	Минея служебная	нач. XVI		Записи о выдаче жалования «Две полтеных хлеборезу...»
16	17	Mscr.707	май	Минея служебная	пер. чет. XVI		
17	37	Mscr.708	май	Минея служебная	сер. XVI	Борис и Глеб; Феодосий Печорский; Леонтий и Игнатий Ростовские; моск.митр. Алексей; Евфросин Псковский	
18	34	Mscr.700	июнь	Минея служебная	сер. XVI		1. «Сколь рад заец...»; 2. «Братьие не велю ж...»
19	35	Mscr.701	июнь	Минея служебная	сер. XVI		
20	36	Mscr.702	июль	Минея служебная	сер. XVI	кн. Владимир; Борис и Глеб	
21	38	Mscr.709	июль	Минея служебная	сер. XVI	кн. Владимир; Борис и Глеб	Подпись пономаря Ивана Ушакова
22	6	Mscr.704	авг.	Минея служебная	тр.чет. XV		
23	39	Mscr.710	авг.	Минея служебная	сер. XVI		
24	59	Mscr.703	авг.	Минея служебная	тр.чет. XVI	моск. митр. Петр	

В корпус русских памятей в псковско-тартуских Минеях включены как памяти общерусским святым Борису и Глебу (Mscr.708, Mscr.702, Mscr.709), Феодосию Печорскому (Mscr.708), князю Владимиру (Mscr.709), Леонтию и Игнатию Ростовским (Mscr.708), московским митрополитам Алексею (Mscr.708), Петру (Mscr.703), Ионе (Mscr.705), так и «местным» святым — Евфросину Псковскому (Mscr.708), новгородскому архиепископу Евфимию (Mscr.705).

Рассмотрим некоторые особенности этих списков. Минея — строгий богослужебный текст, все изменения в котором предписаны уставом[5]. Однако поля рукописи и конец текста — это те части книги, которые могут быть источником сопутствующей информации о личности писца, о времени и месте написания того или иного списка, о традициях скриптория. К древнейшим рукописям Минеи относятся Новгородские служебные Минеи 1095–1097 гг. На полях памятника есть приписки, судя по которым две Минеи, на сентябрь 1095 г. и октябрь 1096 г., писал один писец — Домка. Одна из приписок:

гн прости мѧ грѣшнаго|
оубогаго оунылаго недосто|
инаго раба своего ѧкова а|
мирьскъı дъмъка (Сент. 56).

Текст приписки свидетельствует о традиции той эпохи давать человеку два имени: при рождении мирское **дъмъка** и при крещении — церковное имя **ѧковъ**. Аналогичный факт засвидетельствован в самой древией русской датированной книге — Остромировом Евангелии 1056–1057 гг.:

написахъ же еу | се-рабоу бжию нареченоу сѫщоу|въ крщении иосифъ — а мирьскы остро|миръ

Приписка становится источником сведений культурологического характера.

Путятину Минею, рукопись XI в., завершает фраза писца: **аминь поутата пьсалъ-даче крнво да исправите не кльните** (л.135 об.). Она позволила дать название рукописи по имени писца; по слову **даче** вместо **да аще** определить его как новгородца, работавшего с болгарским оригиналом, и констатировать разницу в употреблении глагольных форм в живой речи и в тексте Минеи. В записи Путяты используется перфект без связки **пьсалъ** как, например, в надписи 1068 г. на Тьмутараканском камне: **глѣвъ князь мѣрилъ м҃|ре по ледоу**. В самой же рукописи обычен аорист: **нцѣли дша моу|дрость невѣрнжьж** (л.51–51об.). Запись писца становится источником информации о нем самом, о языковых процессах в живой речи и, как и первая приписка, позволяет вписать рукопись в корпус текстов, отражающих древнейший этап становления русского языка.

В псковских Минеях встречается несколько типов приписок.

1. Указание на поступление в монастырскую библиотеку рукописи из Савво-пустынного монастыря — Минея на сентябрь (Mscr.687), на принадлежность Новгород-Печорскому монастырю — Минея на декабрь (Mscr.690) и Печорскому монастырю — Минея на февраль (Mscr.695) и на выдачу рукописи в церковь Николая Чудотворца — та же Минея на февраль.

2. Сведения о писцах. *Писец Ивашко Алексеев сын* — такую запись о себе оставил писец октябрьской Минеи (Mscr.688), а в Минее на июль содержится подпись пономаря Ивана Ушакова (Mscr.709).

3. Записи о выдаче монастырем жалованья. В майской Минее (Mscr.699) есть приписка: *Две полтеных хлеборезу Тимохе Горьеву, 30 алтын трапезнику Иванку Пашукову, две 17 алтын денег московскому кваснеку Сисою Матвееву, рукавицы, две полтены кваснеку Гриши Москве, две полтены церковным сторожем Мене Быку, рукавицы, полтена Сенки Гдовлянину рукавиц[ы] здеяни, 17 алтын денег московских воротнеком Сергею Козмену, 17 алтын Луке Буркову* (л.1 об.) *17 алтын Гриши Козмену волосану, часовщику Сенки Володимерову, две полтены муковозом Ондрюше Долгому, 21 алтын Онесемку Яковлеву поденно, 17 алтын 17 алтын Иванку Худынену, ему же за преказ березь Прошка Онаньина сукню сине, 17 алтын 17 алтын болниному келеинеку Васки Балую, полтена Клему Яндовинскому.*

4. Традиционные приписки-предостережения в декабрьской Минее: *Хто украдет, тому бог суд* (Mscr.690) и размышления в январской Минее: *В руцы всяведняго бога вседержителя* (Mscr.691).

5. Приписка типа присказки *Сколь раз заец от тенета отбежав, столь раз писец списавши книгу сию*, повторяющаяся в двух Минеях — в октябрьской (Mscr.688) и в июньской (Mscr.700).

Последняя запись писца позволяет локализовать текст. По данным словаря В.И. Даля, слово ***тенета*** имеет помету новг., пск., тверск., т.е. писец и рукопись связаны с названным ареалом. Кроме того, в словаре приводится устойчивое сочетание ***Тенетить зайцев*** 'ловить в тенета', которое явно было известно писцу и которым он воспользовался при описании своей участи.

Приписки являются источником сведений по многим сферам жизни человека той эпохи: от хозяйственных и денежных отношений между людьми до процесса осмысления писцом своей деятельности. И конечно, они являются очень важным источником информации о состоянии языка и характере языковых процессов. Диалектные особенности произношения писца отражены в написаниях ***Хто*** и ***всяведняг, полтены,*** а форма ***В руцы*** подтверждает традицию разделения в использовании церковнославянского и русского языков.

Минея как богослужебная книга представлена в двух типах: в студийском (списки XI–XIV вв.) и иерусалимском (XV–XVI вв.). Деление списков Минеи на студийские и иерусалимские учитывает состав и структуру текста в соответствии с уставом, а также языковые разночтения, рассматриваемые как следствие двух разновременных переводов.

Таким образом, псковские списки хронологически попадают во второй тип. Количество дополнительных текстологических признаков, не носящих столь универсального характера, может быть увеличено для списков разных типов и периодов. Маркирующим показателем, например, становится наличие или отсутствие памятей славянским святым.

Если тексты литургические не имели «национальных», локальных признаков и носили общеславянский характер, то гимнография обладает этими чертами за счет включения служб славянским святым[6].

В корпус русских памятей в псковских Минеях включены как памяти общерусским святым Борису и Глебу (Mscr.708, Mscr.702, Mscr.709), Феодосию Печорскому (Mscr.708), князю Владимиру (Mscr.709), Леонтию и Игнатию Ростовским (Mscr.708), московским митрополитам Алексею (Mscr.708), Петру (Mscr.703), Ионе (Mscr.705), так и «местным» святым Евфросину Псковскому (Mscr.708), новгородскому архиепископу Евфимию (Mscr.705).

Памяти славянским святым в Минею помещались уже в самые старшие списки. 28 сентября память Вячеславу Чешскому включена в сентябрьскую Минею 1095 г. Наличие этой памяти позволило И.Ягичу выдвинуть гипотезу о месте перевода Минеи на славянский — Моравия или Богемия, откуда они, по его мнению, пришли в Россию[7].

Присутствие 24 июля памяти Борису и Глебу в июльской Минее XI-XII вв. (Сводный каталог № 42)[8] дало возможность сделать попытку установить авторство минейного текста на русском материале. Создателем борисоглебской службы из июльской Минеи предлагают считать митрополита Иоанна, время нахождения которого в должности — до 1039 г.[9]

Однако для студийских списков XI–XIII вв. наличие славянских памятей — скорее исключение, чем правило. Включение памятей русским святым в студийские списки связано с заключительным этапом их функционирования: они начинают появляться в списках XIV в., когда параллельно распространяются списки иерусалимского типа. В качестве примера можно привести рукопись Т.114 XIV в. (Предварительный список № 312)[10] с памятью Леонтию Ростовскому, отмечаемой 23 мая. Список соответствует студийскому уставу в расположении текста и в наборе памятей. Фрагмент стихиры звучит следующим образом:

...маломощьны|
мъ поконце — скорбящимъ же радостьно|
к оутѣшенник молебникъ теплын въ
напастехъ стражающимъ.

Лексика стихиры носит этикетный характер и не дает конкретного представления о деяниях прославляемого святого. Такой же этикетный характер носят биографические подробности Жития Леонтия Ростовского[11]. Связано это с тем, что сохранившиеся сведения о Леонтии очень скудны, содержание Житие черпало из смутного предания, не основываясь на письменном источнике. Только в Московской академической летописи под 1230 г. упоминается о перенесении мощей великого святителя чудотворца епископа Леонтия в новую церковь.

В Житиях Дмитрия Ростовского лишь констатируется, что 23 мая празднуется обретение мощей (в 1164 г.) св. Леонтия, епископа ростовского, чудотворца, сам же житийный текст отсутствует.

Однако память Леонтию Ростовскому закрепится во многих списках Минеи XV–XVI вв., в том числе и в псковско-тартуской майской Минее (Mscr. 708) и перейдет в старопечатные тексты (СПМ), например в СПМ 1646 г. из псковского собрания. Эти списки и печатный текст следуют иерусалимскому уставу в составе текста и его структуре.

Память Леонтию Ростовскому представлена и в Минеях, которыми пользовались в небольших церквях. Так, она помещена в Трефологий XVII в. (Минея праздничная), принадлежавший церкви Рождества Пресвятыя Богородицы села Горок Ивиных, из рукописного собрания Королевской библиотеки г. Стокгольма (Ralamb 4: 0 л.0 130). Фрагмент стихиры, приведенный выше, создан по тому же принципу и выглядит следующим образом:

здравие немощнъмъ слѣпымъ|
благозрѣние хромымъ теченіе|
блжнне подавал духовною силою‖.

Память другому ростовскому святому, Игнатию Ростовскому, включена под 28 мая в Ярославский список XIV в. (Предварительный список № 717), соответствующий иерусалимскому уставу. Эта же память помещена в тот же псковско-тартуский майский список — Mscr.708.

Набор «местных» памятей свидетельствует, что список Mscr.708 был сделан в книжном центре на Псковской земле.

В Mscr.708 под 15 мая помещена память Ефросину Псковскому. В тексте памяти есть указание на способ создания оригинального текста:

в той днь прпбна ефросина писа ѿ доски (л. 126 об.), сам текст службы отнесен в конец книги, и в его заголовке описывается суть подвига Ефросина:

преставление прпбнаго ѿца нашего ефросина псковъскаго живъша на толвою рекою нова чюдворца и създавш wбитель пречсн᷅ (л.252).

Присутствует та конкретизация, которой не было в памяти Леонтию Ростовскому. Языковая формула-характеристика деяний Ефросина повторяется с разной степенью подробности и с некоторой вариативностью в других церковных текстах из собрания Российской национальной библиотеки (С.-Петербург): Служебник 1642 г. (ОЛДП. Q. 190) — **память прбнаго ѿца нашего ефросина пъсковъскаго новаго чюдворца** или рукопись духовного содержания XVII в. (Q. I № 170):

мца манга въ : еї днь житие и подвизи и отчасти чудесъ исповедание отца нашего ефросина нова чю дворца живъша на толвою рекою (с.162). Но именно в Минее назван его главный подвиг — основание Псковского Елеазарова (в названии монастыря использовано его мирское имя): **създавш wбитель пречсн᷅**

В СПМ 1646 г. количество русских памятей значительно увеличено: такие памяти приходятся на многие дни месяца. В этом тексте называются авторы оригинальных служб и принцип создания текста — по образцу: 1 мая традиционно помещена память пророка Иеремии и память Пафнутия Боровского, «творение ученика его Иннокентия, инока той же обители, служба ему писана по сей службе» (лл.1–17).

Норма книжных текстов диктовала регулярное воспроизведение языковых единиц по образцовому тексту. Однако реально списки каждого типа Минеи организуют языковую систему по собственным правилам (студийский – иерусалимский). Некоторым правилам подчиняются и списки, объединенные по такому признаку, как наличие в них па-

мятей местным святым. В них употребляется особая лексика, отличающая их от других списков: синтагма *мудрость неверная* в списке Mscr.707 имеет вариант *неверный смысл.*

---

[1] Псково-Печорский монастырь, 1586 // Старина и новизна. 1904. № 7. С. 255–274.

[2] Бегунов Ю.К., Панченко А.М. Описание древнерусских и старопечатных книг научной библиотеки Тартуского государственного университета // Ученые записки ТГУ. Вып. 98. Тарту, 1960.

[3] Голубинский Е. История русской церкви. Т.I. М., 1880.

[4] Верещагин Е.М.. Церковно-славянская книжность на Руси. М., 2001.

[5] Нечунаева Н. Минея как тип славяно-греческого средневекового текста. Таллин, 2000. С. 14–15.

[6] Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 167–169, 173.

[7] Ягич И.В. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886.

[8] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

[9] Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988 –1237). СПб., 1996.

[10] Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966.

[11] Творогов О.В. Иоанн (XI в.) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 229–230.

Е.В. Ковалых, Н.Д. Сидоренская

ПСКОВО-ПЕЧОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ РУССКОЙ (ПСКОВСКОЙ) ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.

История Псковской земли – одна из ярких и важных страниц в истории России. Псковская вечевая республика была бастионом, о который разбивались нашествия на Русскую землю немцев, литовцев и шведов.

На границе с Ливонией возник Псково-Печорский монастырь, важный центр распространения христианства среди местного населения (эстов).

Основанный 28 августа 1473 г., в ходе Ливонской войны по указу Ивана IV, монастырь был обнесен каменными стенами и превращен в боевую крепость (1558–1565). В силу своего географического положения на северо-западной границе Русского государства монастырь имел важное стратегическое значение и не раз успешно отражал натиск врагов, не случайно в хозяйственных книгах Псково-Печорского монастыря опись имущества начинается с перечисления различных укреплений, орудий и снарядов. Так, в переписной книге 1652 г.: **около мнстря | кругом город каменнои ворота | и башни крыты тьсом с клабу|чки ... а на башнях поставлены избы караулные крыты тьсом же и в мнстрь трои воро|та... а по городу | девят башен** (л. 9). Далее называется расположение боев 'бойниц' и орудий: **в Таиловскои башни в нижнем бою | пищал железная на собачке | в середнемъ бою и в верхнем бою пят | затинных | в верхнем же бою пищал полутор|ная мъдная | пищал мъдная полковая объ || на колесех над верхними решотки над ручьем | в башни пят затинных...** (л. 9-9 об.) Крепость обороняли стрельцы (**воротники, пушкари, затинщики**), а также монастырская братия. Неоднократно крепость выдерживала многодневную осаду.

Псков и Псковская земля славны не только своим боевым прошлым, но и своим вкладом в письменное наследие Руси. Это и псковские летописи, Псковская судная грамота, Немецко-русский разговорник купца Т. Фенне, «Книги псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина», изданные краеведом

К.Г. Евлентьевым в 1870 г., псковские грамоты XIV–XV вв. в публикациях Н.С. Валка и Л.М. Марасиновой, «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков», «Повесть о Псково-Печорском монастыре» и ряд житий.

Наряду с Псковом важным письменным центром был Псково-Печорский монастырь (так, III Псковская летопись, изданная А.Н. Насоновым на основе списков Строевского и Архивского 2-го, была создана в Псково-Печорском монастыре)[1]. Хозяйственные книги монастыря велись очень тщательно, оформлялись более аккуратно, нежели акты в местных государственных учреждениях, и представляют большой лингвистический интерес как источники не только живой речи, отраженной более полно в приходорасходной книге, но и складывающегося русского национального языка, его лексики и грамматики.

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО, ф. 499, оп.1) хранятся следующие памятники: 1) переписные книги 1639 г. (д.112), 1652 г. (д.113), 1655 г. (д.116), 1663 г. (д.114), 1682 г. (д.452); 2) приходорасходная книга 1674–1675 гг. (д.450); 3) книга прихода и расхода пятинного хлеба 1643–1644 гг. (д. 449).

Кроме того, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится переписная книга Псково-Печорского монастыря 1642 г. (под шифром РНБ – Доброхот. 5), а в Древлехранилище Псковского музея-заповедника – памятная книга всяких монастырских дел 1684–1691 гг. (Фонд Пск.-Печ. м., ркп. № 485/49). Это памятники разные по объему и сохранности. Жанр книги определяет ее содержание.

Переписные (описные, отписные) книги составлялись при инвентаризации монастырского имущества, проводимой «по государеву цареву и великого князя указу и по наказу воеводы и стольника да дьяка» при назначении нового архимандрита или келаря. Отметим, что книга 1655 г. (д.116) составлена по царскому указу, а также **по грамоте великого государя святеишаго Никона патриарха Московского и всеа Великие и Малые и Белые Русии и по приказу преосвященного Макария архиепископа Псковского и Изборского** (л. 1); книга же 1682 г. была написана по распоряжению местных духовных властей – **по указу великого гсдна преосвященнаго Маркелла митрополита Псковскаго и Изборскаго** (л. 1). В качестве самоназвания этих памятников преобладает сочетание **переписные книги**.

Вводная часть книги несет информацию об обстоятельствах, послуживших причиной составления книги (смена архимандрита или келаря), о должностных лицах, присланных проводить инвентаризацию, о том, что предполагается переписать, сверяя с прежними переписными книгами. Такой порядок составления книг по уже имеющимся образцам привел к тому, что последовательность перечисляемого имущества сохраняется из книги в книгу. Начинается опись с оборонительных укреплений, стен, башен, ворот, оружия («наряд») и боеприпасов. Затем следует описание церквей Пск.-Печ. м., большой казны и ризницы (а далее — и приписных монастырей). В этой части описи наблюдается следующий порядок: указываются церкви, иконы, церковная утварь и книги, находящиеся в этих церквях; священническое облачение; в казне – богослужебные книги, золотые кресты, серебряные сосуды, золото в слитке, украшения (серьги, перстни, ожерелья), деньги, кабалы и грамоты; в ризнице – священническое облачение; колокольня и колокола, хозяйственные постройки и в них медная и оловянная посуда, предметы хозяйственного обихода; перечень скота на «конюшенном дворе» и «коровьих селах». Кроме самого Успенского монастыря в этом же порядке указывается имущество приписных монастырей. Можно сказать, что в переписных книгах Пск.-Печ. м. учитывается прежде всего то имущество, которое использовалось при богослужении или представляло особую ценность (например, металлические предметы). При этом в описи не упоминается рабочая одежда, обувь и т.д. Возможно, такие

вещи записывались в отдельные книги, например платяные, но в данный момент мы не располагаем ни текстами этих книг, ни какими бы то ни было сведениями о них.

Деловые памятники Псково-Печорского монастыря свидетельствуют о том, что он был крупным земельным собственником. В выписях из псковских переписных книг 1678 г. указаны земли, принадлежащие монастырю; в настоящее время эти земли расположены на территории Печорского, Псковского, Гдовского, Островского, Пыталовского, отчасти Пушкиногорского районов. При поддержке московских властей Псково-Печорский монастырь самостоятельно вел хозяйство и производил административное управление в своих обширных владениях. Административные обязанности выполняли монастырские люди. Так, в приходорасходной книге 1674–1675 гг. перечислены **слуги, которые на приказе: в Горнемъ Сава Лядинской, в Подгорнемъ Василий Сергеев, в Мокролуском Терешка Григорьев, другой Анишка Петров...‖ площадь пишет Ананья Ананьин, в таможни пишет Влас Дементьев, в приставех Мишка Антонов** (л. 107–107 об.). Среди монахов, занимающих административные и хозяйственные должности, упоминается **таможенный старец: взято пошли*н* с мясников*ъ* у** таможе*нна*го ста*рца* **Илина*рха*** (1674-1675, л. 35). **Таможенныи старецъ** – ‘монах, ведающий сбором торговой пошлины’ (ср.: таможенный голова ‘чиновник, который в древности собирал таможенные пошлины’)[2].

Успенский монастырь как крупный религиозный, культурный и административный центр был тесно связан с Москвой. С XVI в. начинается возвышение и обогащение Псково-Печорского монастыря, более древние монастыри уступают ему старейшинство.

Монастырь был широко известен и пользовался расположением московских властей. Кроме особых административных полномочий, которыми он обладал, на особое его значение указывает тот факт, что архимандриты Псково-Печорской обители нередко призывались в Москву. С этим связано, например, составление переписной книги 1642 г.: в вступительной статье, как принято, указаны люди, присланные в монастырь для проведения описи имущества, которые **взяли у Печорского а*рх*имарита Рафаила и у келаря старца Илариона прежние переписные книги какъ имъ тотъ мнстрь о*тп*исанъ для того указал гсдрь црь и великий кнзь Михаило Федоровичь всеа Руси в Печорскомъ мнстрѣ быти в а*рх*имарите*х* Симанова мнстря а*рх*имариту Макарию на а*рх*имаритово Рафаилово место, а а*рх*имариту Рафаилу указа*л* гсдрь быти к Москвѣ** (л. 3–3 об.). Семеро из Печорских настоятелей удостоились сана епископа, а один, Иоасаф, стоявший во главе монастыря с 1621 по 1627 г., был возведен на престол Всероссийской Патриархии.

Особое отношение к Псково-Печорскому монастырю проявилось и в многочисленных богатых дарах, которые поступали в монастырь от именитых людей Москвы и членов царской семьи. Родственники многих знатных людей были похоронены в пещерах монастыря. Так, в марте в приходорасходной книге 1674–1675 гг. находим запись: **Въ з *дн*ь вз*ѧ*то п*ят*десятъ рублевъ дал | с Москвы гсдрвъ стольни*к* Петръ Богданови*ч* Лихаче*в* по*д* мѣсто и на помин по брате | своем Даниле Богдановиче Лихачеве поло|жили тѣло ево в бгомздан*н*еи пещере | в стѣну по*д*ле сродичь ихъ | Взято пять руб|левъ дал на стол архи|ман*д*риту и братии он же Петръ Богдано|вичь Лихаче*в* по не*м* же брате своем Дани|ле Лихачеве** (л. 14-14 об.).

Помимо других вкладов находим и следующие: **Взято обра*з* Одигитрия Прчстые Бдцы | обложено сребромъ басмы да пла*т*но зо|лотное да десять аршин камки жолтые | привес на гробу Данилы Богдановича | Лихачева...** (л. 15). А в расходной книге 10 марта следующая запись: **Дано шестьна*т*ца*т* алты*н* четыре | деньги куплено калачеи в трапезу архиман|дриту и братии поминали стольника Данилу Богдановича Лихачева о ево погребении** (л. 78 об.).

Если в XVI в. монастырь был в оппозиции к московским властям, то в XVII в. настроения меняются. Обитель становится оплотом Московского государства на северо-западе. В монастыре постоянно проходили службы, на которых монахи молились о здоровье царя и членов царской фамилии. Такие службы сопровождались торжественной трапезой, например в дни именин членов царской семьи. Так, в сентябре в расходной книге: **В 3І *дньдано шестьнатцат алтын четыре деньги куплено калачеи в трапезу архимандриту и братии молили Бга за блгородную црвну Софию Алексеевну о еѣ имяниихъ** (л. 54 об.). Подобная запись о царевне Татьяне Михайловне от 12 января. От 17 марта несколько большая сумма отпущена на закупку калачей, когда **«олили Бга за великого гсдря цря и великого кнзя Алексѣя Михаиловича всеа великия и малыя и бѣлыя России самодержца о его имянинахъ** (л. 79 об.). Не забыты все царские дочери и сыновья и царица Наталья Кирилловна. Последняя запись с 1675 г. сделана от 25 июня: ...**молили Бга за блгородного царевича Петра Алексѣевича** (л. 93).

Совершалось поминальное богослужение и устраивалась торжественная трапеза, когда покупали калачи по выписке из **кормовых книг**. Кормовые книги – своеобразный документ, отличающийся от общерусских кормовых книг, книг выплаты жалованья (СлРЯ XI-XVII, VII, 326). В книге-альбоме «Свято-Успенский Псково-Печорский монастырь»[3] отмечается: «Преподобный Корнилий завел кормовую книгу, куда вносились записи о порядке поминальных богослужений и кормах поминаемых трапез. На л. 3 запись: Месяца того же в 16 день. Память творити первому старцу Печорскому Марку и первому строителю обители сея Пречистые Богородицы и пещере Богом зданнеи священноиноку Иону». Более точно содержание кормовой книги раскрывается в приведенной на с. 114 фотокопии: **Мсца того же в к днь преставление | Печерского игумена Конилия поѣнахиды по нем поютъ и служатъ соборне | на братью кормъ и нищих кормятъ | С нимъ же поминаютъ отца его Стефана | да матер его Марию** (л. 112 об.). Или же на с.137 о поминовении царя Бориса Годунова и его семьи запись заканчивается словами: ...**понахиды по нихъ пѣти и обѣдни | служити соборне и на братю кормъ**. К сожалению, в публикациях книги не указан год создания кормовой книги, в одной или разных книгах запись о поминовении Корнилия и Бориса Годунова. В расходной книге 1674–1675 гг. четырежды сделана запись: **по записи из кормовых книг куплено калачеи в трапезу архимандрита и братии молили бога за поминовение царственных родителеи**.

В целом можно говорить о стремлении монастырских писцов следовать образцам московского приказного языка. Однако в чем-то монастырское делопроизводство пошло дальше. Кроме кормовых книг, как разновидность переписных книг сформировались так называемые **нетные книги**. Эти книги входят в состав переписной книги 1682 г. В них перечисляется имущество, по каким-то причинам не обнаруженное при сверке с прежними переписными книгами. Во вступительной статье сообщается: **Да противъ переписныхъ книг по которымъ архимандриту Паисию Печерскои монастырь отписан недостало у него архимандрита Паисея к отдаче всякие казны а порознь чево недостало и то писано в сих нетныхъ книгахъ**. Отсутствие какого-либо предмета обозначается выражениями **в нетех, нет налицо, нет в лицах, нет**. Например: **Да в нѣтех же образ Прчстые Бдцы на золоте...** (л. 339 об.); **Камень сердоликъ в серебре челноват нѣтъ по досмотру налицо нѣтъ; Пят аршинъ бес трехъ вершковъ дорогов полосатыхъ и нѣтъ по досмотру тѣхъ доргов в лицах н?т...** (л. 327); **Двух ломовѣ нѣтъ** (л. 336 об.). Результаты проверки показаний архимандрита обозначаются такими словами: **сыскан, не сыскан, объявилось, объявилось налицо, есть налицо**, например: **нѣтъ по досмотру тѣхъ пугвиц налицо нѣтъ а по скаски архимандрита отданы тѣ пугвицы в ризницу ризничему на патрахили а в ризницы не сысканы** (л. 324 об.) и др. Самоназвание **нетные книги** не отмечено в словарях и не зафиксировано исследователями среди деловых памятников других территорий.

Таким образом, стремление монастырских писцов следовать образцам московского делопроизводства привело к тому, что именно в монастыре складывался более современный, чем в местных приказах, формуляр деловых бумаг и соответственно деловой язык XVII в.

Языку хозяйственных книг чужд налет уничижительности, который обнаруживается в государственных документах. Перед нами констатация факта и соответственно нейтральная лексика — то, что будет характерно для литературного языка нового времени.

Переписные книги Печорского монастыря содержат минимум местных языковых особенностей, поскольку само содержание книг (перечень имущества) практически не создает условий для проявления региональных черт. Книга приходорасходная 1674–1675 гг. и памятные книги по своему содержанию более приближены к повседневной жизни монастыря, что и определяет их лингвистическую содержательность. Тем не менее хозяйственные Псково-Печорского монастыря обнаруживают незначительное количество местных особенностей в графике, орфографии, лексике и грамматике.

Хозяйственные книги свидетельствуют об общерусских языковых процессах: в фонетике фонема **[ē]** утрачивается; происходит упрощение групп согласных. Так, в словах **архимандрит** и производных звуковой комплекс **ндр** упрощается путем утраты смычных [н] и [д]. В морфологии происходит унификация форм множественного числа, но этот процесс еще не завершен. В лексике наблюдается борьба синонимов **зелье** и **порох**. Только в переписной книге 1652 г. в вводной статье употребляется лексема **порох**. В статье же, описывающей орудия и боеприпасы, во всех переписных книгах последовательно используется лексема **зелье**. Так, данные псковских хозяйственных книг подтверждают выводы Г.Ф. Одинцова о конкуренции этих терминов в XVII в. и победе в живой речи слова **порох**[4]. Богато представлены в переписных книгах наименования драгоценных камней (**алмаз, бечета, виниса, жемчуг, изумруд, лал** и др.), наименования привозных шелковых и хлопчатобумажных тканей (**бархат, бархатель, дороги, камка, камкасея, мухояр, тафта** и др.).

Рукописные памятники позволяют говорить о хорошей выучке писцов, что проявляется в последовательном соблюдении языковых норм московских приказов, незначительном количестве местных особенностей псковского диалекта. Принимая за образец нормализованный московский вариант деловой письменности в качестве государственного эталона, путем отбора языковых средств преимущественно общерусского характера, монастырские писцы, таким образом, способствовали становлению национального языка.

---

[1] Псковские летописи. Вып. II /Под ред. А.Н. Насонова. М , 1955. С. 70-289.

[2] Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1903. С. 708.

[3] Свято-Успенский Псково-Печорский монастырь. М.: Отчий дом, 2001.

[4] Одинцов Г.Ф. Взаимодействие синонимов в русских текстах XVI–XVIII вв. (**порохъ и зелье**) // Источниковедческие и текстологические материалы в лингвистических курсах. М., 1984.

ДИСКУССИЯ

А.С. Герд, Г.С. Лебедев
Славяне, финны, балты и скандинавы на Северо-Западе Европейской России в период русского этногенеза.

О.А. Черепанова подчеркнула, что в совместных докладах лингвистов и археологов важно уточнять время распада протославянской общности; для Пскова особенно важно выяснять проблему кривичей.

Л.П. Михайлова
Псковские следы в лексике говоров Обонежья.

Н.В. Большакова, **Л.Я.Костючук** своими вопросами и выступлениями показали значимость выявления Л.П.Михайловой особого обонежского яканья, в отличие от типичного яканья.

Н.А. Нечунаева предложила по возможности представить перечень всех выявленных лексем с особыми чертами, сближающими русские говоры Карелии с псковскими (в области гласных, согласных).

З.М. Петрова

Из истории псковских говоров (по псковским памятникам письменности XIV–XVIII вв.).

Л.Я. Костючук отметила значимость того, что З.М.Петрова, продолжая исследовать материал, находит, в частности, в северно-русских говорах новые конструкции, похожие на конструкции со страдательными причастиями, следы которых обнаруживаются и в памятниках XVIIIв. (ср. уведомленось).

О.С. Мжельская, Л.Я.Костючук
Русско-иноязычные разговорники XVI–XVII как источники сведений о жизни древнего Пскова и его обитателей (псковский торг).

И.А. Малышева отметила интересные наблюдения над лексикой торговли в разных текстах (в частности, и в деловых): насколько выявленные лексемы и выражения — это необходимые торговые термины или проявление просторечия рынка.

А.А. Бурыкин подчеркнул, что в докладе представлены интересные наблюдения над русско-немецкими разговорниками для немцев-купцов. Притом возникает вопрос, не было ли подобных пособий для псковичей по немецкому языку.

Н.В. Большакова согласилась с удачным для XVI–XVII вв. термином «торговое городское койне»; который, может быть, допустимо было бы соотнести с понятием профессионального жаргона.

А.Л. Хорошкевич отметила, что при изучении по разговорникам XVI–XVII вв. своеобразных терминов торговли важно выявлять их связь с лексемами и XVIII в. Стоит поддержать идею создания и специального словаря по русско-немецким разговорникам.

Г.М. Коваленко подчеркнул, что авторы справедливо было отметили, что разговорники содержат сведения не только относительно купли-продажи, но и по бытовым темам. Сопровождение русских фраз немецкими для толкования, понимания записанного текста помогает определить и своеобразие немецкой речи того времени.

И.С. Лутовинова обратила внимание на то, что в докладе удачно представлена позиция Б.А.Ларина: необходимо внимательно изучать записи русской речи иностранцами как важные источники сведений о русском языке прошлого.

А. Болек
Псковские разговорники-словари в работах краковских русистов.

З.М. Петрова отметила, что при изучении разговорников всегда возникает вопрос, дают ли они основание говорить о соотношении литературно-разговорной речи с литературно-книжной.

И.С. Лутовинова, Т.А. Пецкая
Отражение быта в речи псковских крестьян.

Л.П. Михайлова сказала, что удачно показана связь лексики в пределах разных индексов, поскольку переплетаются тематические группы и использование соответствующих лексем.

О.А. Черепанова подчеркнула, что термин «индекс» соотносится с термином «поле», отражающим важную структурную организацию лексики в пределах соответствующих объединений.

М.А. Тарасова, Н.В. Большакова
Судьба человека (по рассказам псковичей).

Л.П. Михайлова предположила, что тема судьбы человека допускает отражение и темы суеверий.

Н.А. Нечунаева подчеркнула, что слово судьба соотносится не только со словом смерть, но и со словом жизнь.

Л.А. Ивашко, Д.М. Поцепня
Этические и эстетические оценки в речи псковичей.

Н. Морозова подчеркнула, что доклад заставляет задуматься, насколько этическая и эстетическая оценки могут быть общими и местными.

О.А. Черепанова, **Л.П. Михайлова, З.В. Побидько** отметили удачное подчеркивание разных сем в словах типа **добрый, порядок** и др.

О.А. Черепанова
Цитатный фонд словаря как форма вербализации общенационального и регионального сознания (цитатный фонд ПОС как текст).

З.М. Петрова высказалась в поддержку воссоздания своеобразного текста (интер-, гипертекста) для всестороннего раскрытия той или иной темы.

А.А. Бурыкин подчеркнул, что интертекст может быть типичным монологом (если составлен из монологических фраз) и может состоять из диалогических фраз (в этом случае черты монолога тоже могут проявляться).

Л.П. Михайлова отметила, что при изучении речи диалектоносителей важно учитывать обычную для людей отрицательную оценку своей речи (особенно это характерно для диалектоносителей); наоборот, редкой является положительная оценка своей речи.

С.А. Аверина
Псковские жития как лингвистический источник.

Н. Морозова обратила внимание, что в изучаемом С.А.Авериной памятнике мало регионализмов, что отмечает и исследователь как следствие хорошей выучки писца; вероятно, причиной могли быть и еще какие-то факты.

И.С. Лутовинова: Мы в свое время в Псковском областном словаре с историческими данными сознательно отказались от привлечения памятников агиографического содержания, но в Вашем докладе, Светлана Андреевна, я услышала много примеров обиходной лексики. Может быть, нам следует вернуться к вопросу о подборе источников и пересмотреть свое отношение к агиографическим памятникам для того, чтобы выбрать из них обиходную лексику, тем более что у нас словарь полного типа. Как Вы, Светлана Андреевна, думаете, действительно ли много случаев такой лексики? Во всяком случае то, что мы слышали, можно было бы включить в историческую часть словаря.

Л.Я. Костючук поддержала привлечение памятников агиографической литературы в качестве источников для ПОС, обратив внимание и на такое важное для псковского региона слово, как изорник.

[Литератор] отметила значимость того, что и лингвисты учитывают разные списки при изучении памятников.

Н.А. Нечунаева: Светлана Андреевна сказала (в категориях оценочности), что у писцов, по-видимому, к языку агиографических текстов было особое отношение, т.е. более бережное, более тщательное. Я это заметила и по другим текстам — по гимнографическим, которые тоже писались на церковно-славянском языке. Дело в том, что по минейным спискам, хранящимся в Псково-Печорском монастыре, разночтения этого периода минимальны, в отличие, например, от списков северо-востока (например, Ярославля), московских списков — там разночтений и региональных проявлений на всех уровнях значительно больше. Кроме того, жанр вызывает разное отношение к спискам относительно проявления разночтений.

Н.Д.Сидоренская: Светлана Андреевна сказала, что книжный характер агиографического текста отразился в том, что в житиях нет ярких фонетических особенностей псковского диалекта. Но надо сказать, что это, пожалуй, объясняется и другими причинами: очень высокой письменной культурой самого Пскова и Псково-Печорского монастыря. Даже такие тексты, как переписные книги сугубо хозяйственного, экономического назначения, носят общерусский языковой характер. Это сказывается и в орфографии, и в грамматических формах, и в лексике. Дело в том, что в прошлом сложилась очень высокая письменная культура Пскова и второго центра — Псково-Печорского монасты-

ря; это заставляло соблюдать нормы письменного языка при создании даже того, что назначалось для внутреннего пользования (приходорасходные книги).

И.А. Малышева
Псковская таможенная книга 1749 года как лингвистический источник.

Л.Я. Костючук отметила, что ценны любые сведения о новых памятниках, вводимых в научный оборот, в том числе и о таможенных книгах (в частности, и о псковской), которыми занимается И.А.Малышева.

С.А. Аверина пожелала автору подробно изучить псковские таможенные книги. Ценным будет и создание словаря по соответствующим текстам.

Н.В. Большакова подчеркнула, что свидетельства таможенных книг ценны для выяснения названий товаров, поступавших из-за рубежа (например, ладан).

Н.А. Нечунаева
Рукописи Минеи из собрания Печорского монастыря.

Л.Я. Костючук отметила важные свидетельства памятников, хранящихся в фондах Псково-Печорского монастыря, о разных сторонах жизни людей в прошлом.

А. Смирнова поддержала высказанное Н.А.Нечунаевой мнение, что для истории языка и книжности важно, чтобы памятники Псково-Печорского монастыря были доступны исследователям. При этом действительно необходимо изучать разные переводы одного и того же источника (например, Миней). Вероятно, надо учесть и принадлежность соответствующих рукописей данному монастырю: при этом можно выяснить, насколько правомерно оригинальное в традиции службы данному святому (ср. относительно Ефросина Псковского).

С.А. Аверина обратила внимание на то, что изучаемые Н.А.Нечунаевой тексты представляются интересными во многих аспектах. Поэтому следует особенно учесть и приписки.

Е.В. Ковалых, Н.Д. Сидоренская
Псково-Печорский монастырь как один из центров русской (псковской) письменности XVII в.

И.А. Малышева подчеркнула, что важны все свидетельства разных памятников, поскольку это позволяет идентифицировать соответствующие данные. Так, отмеченное в переписной книге слово камешок аналогично по структуре слову штучок в таможенной книге. Кроме того, возможно выяснить и специфические названия для особых явлений.

Л.П. Михайлова как положительное подчеркнула то, что рукописный памятник введен в качестве источника в Псковский областной словарь с историческими данными.

О.А. Черепанова отметила, что переписные книги, упоминающие многие предметы в соответствующей обстановке, могут дать интересные сведения о лексике и о самих реалиях. Любопытны такие памятники, как «нетные книги», о которых ранее не приходилось слышать.

СЕКЦИЯ 5

ЛИТЕРАТУРА, АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВО ПСКОВА

А.М. Мехнецов

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ: СОДЕРЖАНИЕ, МЕСТО, ЗНАЧЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В фольклорных традициях, как и в других проявлениях народной традиционной культуры, находит воплощение совокупность жизненно значимых для данной этнической общности отношений, связей, форм взаимодействия с окружающей средой, возникающих в процессе трудовой, социальной, духовной деятельности. Система традиционной культуры, определяя в общих чертах мировосприятие каждого человека, объективно складывается в результате созидательных усилий многих поколений, существует и развивается как категория коллективного (общинного) бытия и сознания. Ярко выраженное этническое начало определяет естественно-историческую природу фольклора, что ставит его в ряд исходных ценностей национальной культуры. С разрушением этой системы и угасанием фольклорных традиций современное общество лишается сопричастности историко-культурному наследию и перспектив самостоятельного этнокультурного развития, деятельная сила фольклорных традиций, восходящая к универсалиям жизненных основ культуры, остается на периферии общественного сознания и интересов общества. Именно поэтому актуальными и неотложными сегодня являются проблемы поддержки, сохранения и изучения народной традиционной культуры во всем многообразии ее проявлений.

Для характеристики своеобразных начал отечественной культуры исключительно важное значение имеет сохранившийся до наших дней комплекс традиций Псковской земли — одного из самостоятельных районов сложения и бытования явлений, видов и форм древнерусской культуры. Научная, историко-культурная, художественная ценность разнообразных в жанровом, стилевом отношениях явлений фольклора на Псковщине, их диалектная самобытность издавна отмечены исследователями и собирателями Псковских народных песен, сказок, преданий, обычаев и обрядов коснулся гений А.С.Пушкина и М.П.Мусоргского. Усилиями многих фольклористов-собирателей псковские песни стали общим достоянием русской национальной культуры. Среди таких собирателей выдающееся место принадлежит Н.Л.Котиковой, в течение 1950–1960-х гг. обследовавшей многие районы Псковской области и опубликовавшей издания, посвященные псковским песенным традициям.

С 1978 г. по настоящее время систематические полевые исследования на территории области осуществляет Санкт-Петербургская (Ленинградская) государственная консерватория им. Н.А.Римского-Корсакова, с 1991 г. эту работу возглавил Фольклорно-этнографический центр МК РФ. С 1978 по 2002 г. под руководством и при непосредственном участии автора этих строк состоялось 28 экспедиций в 22 района Псковской области (во все районы области, кроме Дновского и Усвятского). Обследовано более двух тысяч населенных пунктов.

Совместная работа сотрудников Фольклорно-этнографического центра, преподавателей, студентов и аспирантов Петербургской консерватории имеет единые установки, проводится по строго определенной программе, основой которой является комплексный подход к изучению явлений народной традиционной культуры. Актуальность такого типа исследований помимо собственно научных требований вызвана и социальными обстоятельствами — стремительным угасанием традиций народной культуры в условиях близости крупнейших мегаполисов — Санкт-Петербурга и Москвы.

Концепция как полевых, так и стационарных исследований базируется на понятии «фольклорно-этнографический текст», которое определяется как структурно-семантическая единица в поле культурной традиции, каждый законченный (или относительно законченный) в содержательном и композиционном отношении фрагмент народной традиционной культуры, трансформируемый средствами художественного. Фольклорно-этнографический текст включает следующие компоненты и уровни:

— обрядовый или иной жизненно важный смысл, инициирующий возникновение художественной формы;

— собственно художественную форму в синкретическом единстве ее структурно значимых элементов как особую смысловыразительную систему;

— специфику того или иного комплекса средств художественной выразительности;

— исполнительскую форму как составной элемент и непременное условие жизни явлений устной традиции;

— обстоятельства исполнения.

Характерной чертой предпринятых полевых исследований стала разработка методов последовательного и многомерного изучения традиций народной культуры при фронтальном охвате изучаемых территорий. В результате работы сформировано одно из самых крупных собраний фольклорно-этнографических материалов по Псковской области — около 40 тысяч аудиозаписей, видеоматериалы (около 100 часов просмотра), кино- и фотодокументы, образцы материальной культуры, полевые дневники и др. Псковское собрание Фольклорно-этнографического центра образует фундаментальную источниковедческую базу не только для этномузыкологии и фольклористики, но может существенно дополнить представление о народной традиционной культуре Псковской области с точки зрения этнографии и языкознания.

В силу того что народная традиционная культура в бесконечной цепи преемственного развития исходных форм хранит отчетливые следы своих порождающих начал, складываются предпосылки широкого привлечения фольклорно-этнографических материалов к исследованию общих проблем истории русской культуры, а также проблем этнологии восточных славян.

Результаты полевых исследований вошли в осуществленное в 2002 г. издание «Народная традиционная культура Псковской области. Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра»[1]. Этот капитальный коллективный труд является одним из этапов подготовки фольклорно-этнографического атласа Псковской земли. Издание решает задачи по определению:

— опознавательных признаков фольклорной традиции (устойчиво воспроизводимых в характерной для каждой данной традиции форме содержательных элементов системы фольклора, в том числе — структуры и функций ведущих жанров и жанровых групп, сюжетов, особенностей стиля и т.д.);

— видов и форм связи, взаимодействия фольклорных явлений с контекстом местной культурной традиции;

— территории распространения всего фольклорно-этнографического комплекса местной традиции или отдельных его образующих.

Задачи исследования, выполненного в рамках «Обзора...», устанавливают специальный уровень наблюдения, на котором явления фольклора рассматриваются не с точки зрения самозначимости, художественно-эстетической ценности отдельно взятых текстов, а в качестве необходимой и действенной составляющей содержательного плана местной культурной традиции. Сама культурная традиция выступает в значении естественно сложившейся среды и как условие существования системы видов и форм фольклора.

Постановка задач комплексного описания и картографирования явлений народной традиционной культуры, их опознавательных признаков, опирающихся на представления о системном характере соподчиненности фактов материальной и духовной культуры, становится актуальной и необходимой при анализе формы взаимодействия различных по своей этнокультурной принадлежности традиций в пограничных, переходных зонах, а также при соотнесении ареалов бытования отдельных явлений и фольклорно-этнографических комплексов с исторически сложившимися административно-территориальными единицами.

По совокупности известных в настоящее время материалов (и в первую очередь материалов фольклорно-этнографического характера, прямо фиксирующих этнокультурную составляющую той или иной традиции на территории Северо-Запада России) можно представить исключительно важное значение и место в системе древнерусской культуры собственно псковских, ведущих свое начало от семьи летописных кривичей, традиций образа жизни, обычаев и обрядов, семейного и общинного уклада, верований и представлений, принципов художественно-образного выражения и языковой системы.

Научные открытия, сделанные в результате проведенных полевых исследований, свидетельствуют об исторически раннем происхождении местных культурных традиций. Наиболее значительными, имеющими событийный характер, явились экспедиционные материалы, впервые представляющие традицию русской гусельной игры в ее архаических формах, которая уже в XIX в. считалась навсегда утраченной. Сотни записей гусельных наигрышей, коллекция традиционных инструментов свидетельствуют об исключительно богатой культуре гусельной игры. Псковская область — заповедный край русских гусляров — сохранила в народных обычаях, в обязательности норм традиционной культуры первичный смысл, исходные типы музыкальных форм, приемы игры и исполнительское мастерство, конструкцию и технологические характеристики русских гуслей.

В свое время А.С.Фаминцын отмечал: «...Ныне гусли в руках русского народа представляют весьма редкое, исключительное явление». Сто лет спустя, на методологической базе современной фольклористики были заново «открыты» и живая традиция русской гусельной игры, и системы наигрышей, и формы бытования древнерусского инструмента.

К этому пласту культуры относятся и уникальные материалы, позволяющие реконструировать древнерусские формы «гудошной» игры (игры на легендарном смычковом инструменте — гудке, исчезнувшем в начале XX столетия), воспроизводимой на скрипках, получивших распространение в псковских деревнях уже в конце XIX — начале XX в.

Важными в научном отношении (так же, как и с точки зрения современной художественно-творческой практики) стали экспедиционные записи особой формы народной хореографии — женские и мужские ритуальные пляски (псковский «кружок», «ломанье» — под драку). К ряду научных открытий следует отнести комплекс фольклорно-этнографических материалов, связанный с особой музыкальной формой свадебных опевальных песен и причитаний, полевых припевок («вожоканье»), указывающей на раннеисторические истоки местных фольклорных традиций.

Исключительной научной ценностью обладают материалы по календарно-земледельческой обрядности и фольклору, восходящие к древнейшим пластам славянской культуры. Среди явлений, привлекающих особое внимание своеобразием художественных форм, выделяются следующие структурно значимые моменты:

— ритуальные обходы дворов:

- в Рождество с пением виноградий (западные районы) и колядок (юг области);

• пасхальные обходы дворов с пением волочебных песен (центральные и южные районы области);

— масленичные и пасхальные обрядовые шествия (Псково-Печорское Обозерье, Гдовский район) — традиция, сохранившая древнеславянские обычаи ритуального обхода, связанного с культом предков, обереговой и продуцирующей магией (шествия сопровождаются исполнением лирических и хороводных песен балладного содержания);

— возжигание костров, дифференцированное в псковских традициях в связи с поворотными датами крестьянского календаря (Масленица, Пасха, Иванов день);

— «родительские» поминальные обряды, окликания-жалобы («голошения»-причитания) на кукушку, заклинания сил природы — культ предков, постижение пограничных отношений — логики отношений мира живых и мира мертвых;

— иванские, «купальские» обряды;

— коллективные (общинные) полевые работы.

Исключительно важной стороной народной культуры Псковской области является традиция плачей (причитаний, «голошений») — элементы образно-содержательного, языково-выразительного порядка. Закономерности плачевого высказывания охватывают широкий круг функционально самостоятельных явлений песенной культуры. Присущие причитаниям мотивы окликания, обращения-императива, диалога, обрядово-значимой риторики проявляются как структурный компонент содержания, формы, стиля песен разных жанров обрядового фольклора.

Анализ экспедиционных материалов фиксирует несколько уровней, на основе которых наблюдается группировка культурных традиций, исторически сложившихся на территории Псковской области в широких пределах их бытования и с присущими им локальными признаками. К определяющим признакам относятся как этнографические особенности (те или иные формы совершения обрядовых действий, отдельные факты, детали, атрибуты, наименования и т. п.), так и опознавательные признаки фольклорных форм (система жанров, репертуар, музыкальная типология).

Разнообразие локальных традиций и в том числе диалектных форм языка на Псковщине позволяют выделить ряд зональных комплексов — самостоятельных в историко-культурном отношении территорий:

• северно-псковскую (Гдовский, Стругокрасненский, Плюсский р-ны);
• Псково-Печорское Обозерье и Нижнее Великоречье (Псковский, Печорский, Палкинский, Пыталовский и Островский р-ны);
• центральные районы (Пушкино-Горский, Опочецкий, Красногородский);
• Порховский р-н;
• локнянско-ловатскую традицию (Локнянский, часть Великолукского р-на);
• юго-восточную (Великолукский, Куньинский р-ны);
• Невельский р-н и часть Пустошкинского;
• Себежский р-н.

Выделенные зоны, обладая своеобразием, тем не менее имеют общие основания, которые позволяют говорить о внутреннем единстве традиций народной культуры Псковской области. При этом в чертах стиля пограничных зон прослеживается связь с традициями соседних регионов: так, на территории, прилегающей к бассейну р. Шелони, местные традиции тяготеют к новгородским; себежские, невельские, великолукские традиции обнаруживают общность с традициями полоцких кривичей, бытующими на прилегающих территориях Смоленской области и Белоруссии.

Вместе с тем многоплановый сравнительный анализ экспедиционных материалов указывает и на более широкий — генетического характера — круг связей, устанавлива-

ющий прямые (так же, как и опосредованные в той или иной степени) отношения исходных оснований культурных традиций Псковской земли с традициями других регионов. Оставляя за рамками настоящего сообщения свидетельства межславянских, славяно-балтских, финно-угорских, скандинавских и других направлений этнокультурного взаимодействия в сфере народной традиционной культуры и в том числе в сфере музыкального фольклора, отметим следующее:

1. В ряду опознавательных признаков псковских традиций сохраняют свое важное место следы жизненно значимых, типологически устойчивых элементов системы древнеславянской культуры (духовной, материальной).

2. Эти признаки характеризуют не только различные по обстоятельствам своего формирования фольклорные традиции на обширной территории расселения великороссов, но и принадлежат в качестве архетипических элементов культуры традициям других славянских народов.

3. Методы фольклорно-этнографического исследования с позиций системного анализа содержания и истории местных культурных традиций являются надежным инструментом научного познания событий культурной жизни в исторической ретроспективе, а также анализа и прогнозирования современного культурного процесса.

---

[1] Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из фондов Фольклорно-этнографического центра / Автор проекта, сост., науч. ред. А.М.Мехнецов; авторский коллектив: Е.А.Валевская, И.В.Королькова, Г.В.Лобкова, А.М.Мехнецов, К.А.Мехнецова, А.Ф.Некрылова, А.В.Полякова, И.С.Попова, И.Б.Теплова. В 2 т. СПб.; Псков, 2002.

А.Г. Бобров

ПОПЫТКА ОДНОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ
(Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин)

1. Князь

Во вторник Вербной недели, 9 апреля 1454 г., на улицах и площадях Пскова царило необычайное оживление. Как отмечает летописец, в этот день из Великого Новгорода приехал князь Иван Дмитриевич, «и посадники псковския, и священники, и священноиноки, и дияконы, и вси мужи псковичи выидоша со кресты от святыя Троица, и прияша его с великою честию»[1]. Юный князь Иван был правнуком Дмитрия Донского, внуком Юрия Галицкого и единственным сыном Дмитрия Шемяки, отравленного летом предыдущего, 1453 г., в Великом Новгороде по поручению великого князя Василия Темного[2]. Сам факт отравления не был тайной для ряда современных летописцев и вызвал возмущение даже близкого к великокняжеской семье боровского игумена Пафнутия[3]. Моральная поддержка князя Ивана со стороны жителей Пскова была дополнена и материальной: «даша ему псковичи дару 20 рублевъ». Это в два раза больше, чем, например, получил князь Иван Андреевич (внук Ольгерда, сын Андрея Полоцкого), приезжавший в город в 1437 г.[4] Проведя в Пскове три недели и заручившись, очевидно, поддержкой республики, князь Иван 1 мая 1454 г. направился в Литву; цель его поездки уточняется данными новгородской летописи: «къ князю Казимиру королевичу»[5]. В Новгороде у Ивана Дмитриевича остались мать, княгиня Софья Дмитриевна, и сестра Мария, супруга ранее псковского, а теперь новгородского служилого князя Александра Чарторыйского[6].

Для московского правительства феодальная война не закончилась до той поры, пока оставалась реальной угроза династического характера. Иван Дмитриевич был сыном великого князя, и если следовать новому принципу наследования «от отца к сыну», который столь рьяно отстаивали сами его противники, тоже мог претендовать на старшинство в роде (в этой связи заслуживает внимания запись в Синодике Иосифо-Волоколамского монастыря, поминающая, наряду с Иваном III, в качестве великого князя и Ивана Дмитриевича[7], следовательно, сын Дмитрия Шемяки воспринимался как реальный претендент на престол). Однако миссия князя Ивана к Казимиру не увенчалась успехом: занятый собственными проблемами великий князь Литовский и король Польский не смог оказать ему военной помощи (как раз в 1454 г. Казимир издал Нешавские статуты, ограничившие власть магнатов и короля, что заложило основы польской шляхетской республики, и начал тринадцатилетнюю войну с Тевтонским орденом[8]).

Тем временем, летом 1454 г., опасаясь складывания новой княжеской оппозиции, Василий Темный захватил Можайск, вынудив своего бывшего союзника князя Ивана Андреевича Можайского с семьей также бежать в Литву. Составленный около этого времени московско-тверской договор включает требование к Борису Александровичу Тверскому «не приимати» литовских беглецов — тех, кто «отступил» от Василия Темного[9]. Не прошло и двух лет после отъезда Ивана Дмитриевича в Литву, как в январе — феврале 1456 г. Василий Темный атаковал Новгород. Именно «расплатой за двоедушную и близорукую политику новгородского боярства во время Шемякиной смуты» объясняет начало войны симпатизирующий Василию Темному В.Н.Бершадский[10]. По мнению А.А.Зимина, нападение Москвы также объясняется тем, что Новгород «так или иначе стоял за спиной Дмитрия Шемяки», и в нем продолжали находиться его жена, дочь и зять[11]. Псковичи, «крестное целование правя»[12], в отличие от других аналогичных ситуаций, выступили против великого князя и заняли сторону Новгорода, но Казимир в конфликт не вмешался (можно полагать, что не случайно в день накануне выступления в поход на Новгород Василий Темный устроил торжественные проводы в принадлежащий Литве Смоленск возвращаемой реликвии — чудотворной иконы Пресвятой Богородицы[13] — это была благодарность за невмешательство). Результатом военного превосходства москвичей явилось бегство в Литву 7 февраля 1456 г. матери Ивана Дмитриевича Софьи, «тогда же» внезапно умирает и его юная сестра (дата погребения — 13 февраля)[14]. А.А.Зимин считает, что после этого «путь к переговорам с Василием II был открыт», поэтому всего через два дня после погребения княгини новгородцы отправили посольство к великому князю для заключения Яжелбицкого мирного договора, включающего обязательство новгородцев не принимать князя Ивана Дмитриевича и его родственников. Исследователь замечает: «Уж очень эта смерть была для новгородцев своевременной, чтобы считать, что они не имели к ней никакого отношения»[15].

Не ранее 1456 г. Казимир пожаловал Ивану Дмитриевичу Новгород-Северское княжение, которым дети этого князя владели под эгидой Польско-Литовского государства вплоть до 1500 г., когда перешли к Москве[16]. Как отмечает М.М.Кром, «привелей на пожалованные ему (Ивану Дмитриевичу — А.Б.) владения в Северской земле не сохранился»[17]. Можно предположить, что Иван ехал в Литву совсем за другим, судьба же привела его на стол значительного по территории, но находящегося в опасной близости к Полю и к Москве Новгород-Северского княжества[18].

В это время Василий Темный продолжал бороться с потенциальной опасностью. В 1456 г. он из превентивных соображений «поимал» в Москве и сослал в заточение (в Углич) другого своего бывшего союзника князя Василия Ярославича Серпуховского[19],

а в 1460 г. сумел добиться изгнания из Пскова зятя Ивана Дмитриевича — князя Александра Чарторыйского. Интересно, что Василий Темный был согласен оставить Чарторыйского в Пскове, если тот «поцелуетъ животворящии крестъ ко мне князю великому и къ моимъ детямъ, к великимъ княземъ, что ему зла на мене и на моих детеи не мыслити». По всей видимости, связанный крестным целованием к Ивану Дмитриевичу, Чарторыйский отказался, заявив: «Не слуга де яз великому князю, и не буди целование ваше на мне, а мое на вас; *коли не учнуть псковичи соколом вороны имать* (курсив мой — А.Б.), ино тогда де и мене Черторискаго воспомянете»[20] (нетрудно догадаться, какую из противоборствующих сторон Александр Васильевич Чарторыйский сравнил с соколами, а какую — с воронами). В начале марта 1462 г. Василий Темный узнал, что готовится заговор с целью освобождения из угличского заточения князя Василия Ярославича Серпуховского и подверг заговорщиков во главе с Владимиром Давыдовым жестокой публичной казни[21]. Впоследствии один из летописцев даст суровую оценку этому злодеянию, совершенному в Великий пост (см. об этом ниже). Еще до Пасхи Василий Темный умер от «сухотной болезни», и великим князем стал его сын Иван III.

Последнее по времени известное упоминание Ивана Дмитриевича в качестве Новгород-Северского князя относится к 1463 г., когда новгородцы направили в Литву посольство «о княжи возмущении еже на Великии на Новъгородъ Ивана Васильевича (...) ко князю Ивану Ондреевичю Можаиску и къ князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великомъ Новегороде отъ князя великого»[22]. Безусловно, таким обращением новгородцы нарушили взятое на себя по Яжелбицкому мирному договору 1456 г. обязательство порвать всякие связи с Иваном Дмитриевичем и его семьей, а также с Иваном Можайским[23]. Литовские беглецы, однако, ответили уклончиво: «имашася побороть, како Богъ изволи». С этими словами князь Новгород-Северский Иван Дмитриевич Шемякин как действующее лицо исчезает со страниц источников. Можно утверждать, однако, что он не умер: по Коростынскому мирному договору 1471 г. Иван Дмитриевич вновь упоминается среди «недругов Москвы», которым новгородцы обязуются не давать убежища[24].

2. Инок

В том же 1463 г., когда новгородцы на свою просьбу о помощи получили от Ивана Можайского и Ивана Шемякина ответ «како Богъ изволи», в городе Ярославле начались чудеса от мощей князя Федора Ростиславича Черного (Смоленского и Ярославского) и его детей[25]. Как полагает Б.М.Клосс, ранее 1463 г. «никаких житийных памятников, посвященных Федору Ярославскому, не существовало», но уже на протяжении середины 60 — 80-х гг. появляются Памятная запись, Служба, Краткий и Пространный вид Проложной редакции, редакция жития Андрея Юрьева и летописные статьи[26]. Появление в 1463 г. культа «князя-инока» — Федора Ярославского — вызвало противоречивую реакцию в русском обществе. Согласно Независимому летописному своду 80-х гг. XV в., бывший игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон (в свое время повернувший ход феодальной войны, сняв с Василия Темного крестное целование Дмитрию Шемяке), теперь уже архиепископ Ростовский, не поверил в происходящие чудеса: «Невериемъ обдержимъ, не имеше веры, мняше вълшевство быти»[27]. Сомневался и протопоп ростовский Константин, «яряяся на игумена, мня, симъ чюдотворением игуменъ многа богатества приобрете». За свое неверие оба были наказаны: Трифон «здрогновъ всемъ теломъ», «бяше разслабленъ» и был вынужден оставить кафедру, а Константина чудотворец «верже» на землю, «и бяше немъ, и омертве плоть его»[28]. Похоже, что не только церковные власти отнеслись к появлению в Ярославле культа князя-инока неодобрительно. Автор так называемого Северно-русского (Кирилло-Бе-

лозерского) летописного свода 1472 г. писал: «Во граде Ярославли, при князи Александре Феодоровиче Ярославьскомь, у святаго Спаса в монастыри во общине явися чюдотворець, князь велики Феодоръ Ростиславичь Смоленский, и з детми (...), почало от ихъ гроба прощати множество людеи безчислено. Сии бо чюдотворци явишася не на добро всем княземъ ярославскимъ: простилися со всеми своими отчинами навекъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю»[29]. В отличие от Я.С.Лурье, мы не замечаем здесь «неверия» летописца в святость явленных мощей, а следовательно, не можем признать его приверженцем и единомышленником архиепископа Трифона[30]. Скорее, можно сделать вывод о том, что создатель летописи с горькой иронией увязывал явление мощей князя Федора Черного и ликвидацию самостоятельного Ярославского княжества: поддержка культа «князя-инока» оказалась опасной для ярославских князей, и они в результате «простились» со своей вотчиной.

Неудовольствие церковных и светских властей распространением культа князя-инока должно было иметь какую-то причину, связанную с современными событиями. В этой связи обращает на себя внимание близкое родство князя Ивана Дмитриевича с ярославскими князьями: его мать Софья была дочерью князя Дмитрия Васильевича Заозерского, праправнука святого Федора Ярославского и дяди последнего ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого. Иван Дмитриевич, таким образом, был прямым потомком новоявленных чудотворцев. Не его ли пострижение в иноки послужило толчком к явлению и прославлению мощей Федора Черного и его детей? В таком случае была бы понятна нервная реакция властей на распространение этого культа.

Рассмотрим другой текст, посвященный Федору Ярославскому, — Пространный вид Проложной редакции (далее — ПВПР) его жития. Древнейший список жития этого вида принадлежит кирилло-белозерскому иноку Ефросину и датируется 1476 г. (другой список, отнесенный Б.М.Клоссом к той же редакции и датированный 1474 г., совпадает с подробным текстом ефросиновского списка лишь одной фразой[31]). В тексте ПВПР, по сравнению с Краткой Проложной редакцией, появившейся в 60-х гг. XV в., находится целая новая дополнительная часть, содержащая похвалу святому, а также фразу, напоминающую отголосок родового предания: «За колико летъ по великои рати, слышавъ князь Феодоръ дщерь Всеволожю въ Ярославли, и поять ю за себя, и тако въсприа град Ярославль и нача княжити в нем» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 22/1099, л. 389 об. — 390). Книгописец Ефросин вообще уделил Федору Черному особое внимание: кроме древнейшего списка ПВПР, он поместил в своих сборниках Тропарь на перенесение мощей «Феодору и с чады его» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 6/1083, л. 190–192) и Родословие ярославских князей от Федора Черного до последнего ярославского князя Александра (к его имени сделана помета «продал Ярославль») и его сына Даниила (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086, л. 522 об.–523). Здесь же находим Родословие смоленских князей от Владимира Мономаха до последнего Смоленского князя Юрия Святославича (чей род восходит к брату святого Федора Ярославского Глебу Ростиславичу). И с этими князьями Иван Дмитриевич состоял в близком родстве: его бабушка Анастасия, жена Юрия Дмитриевича Галицкого, была дочерью Юрия Смоленского; сам он, следовательно, являлся его правнуком. Княжеские родословия приведены Ефросином выборочно: кроме великих московских и тверских князей из удельных упоминаются также только ростовские и белозерские (это связано, видимо, с месторасположением Кирилло-Белозерского монастыря). Что же касается смоленских и ярославских родословий, то их включение в сборник могло иметь для Ефросина фамильный характер.

Как известно, священноинок Ефросин стал известен исследователям как выдающийся книгописец не так давно: на его литературную и культурно-просветительную

деятельность в статье 1961 г. обратил внимание Я.С.Лурье[32]. В шести дошедших до наших дней сборниках Ефросина, подробно описанных М.Д.Каган, Н.В.Понырко и М.В.Рождественской[33], содержится огромное количество выписок из православных житий, но среди них почти нет агиографических памятников, посвященных русским святым. Помимо тропарей, кондаков, молитв и памятей некоторым преподобным Ефросин посвящает особые тексты житийного характера только двум русским святым, и оба они — князья-иноки, сознательно ушедшие в монастырь. Первый — это упомянутый выше князь Федор Ярославский, а второй — Никола Святоша (в миру — князь Святослав Давыдович Черниговский (около 1080–1142) — сын Давыда Святославича Черниговского, внук Святослава Ярославича, правнук Ярослава Мудрого. Потерпев неудачу в княжеской междоусобице, он постригся в монахи 17 февраля 1106 г. в Киево-Печорском монастыре. Как отмечалось исследователями, у Ефросина содержится «неизвестная редакция сцены отречения князя от мирской жизни»: «Выехал князь Святоша (...) из града Киева и обратився на град, показа имь рукою своею град Кыевъ и рече боляромъ своим: «Воистинну, брате, суета света сего и прелесть мира сего...»». Можно думать, что эта «Ефросиновская» версия текстуально связана с дополнением, появляющимся только во Второй Кассиановской редакции Киево-Печорского патерика, датируемой 1462 г. (ср.: **«прелесть** жития **сего суетного»** в Патерике и **«суета** света **сего и прелесть** мира **сего»** у Ефросина)[34].

Таким образом, мы видим, что для Ефросина тема «князя-инока» представляла особый интерес — только этот тип святости представлен в переписанных им русских агиографических текстах. На наш взгляд, в данном случае интерес к определенным историческим персонажам — это своего рода невольная «автохарактеристика», намекающая на княжеское происхождение самого Ефросина, а приведенные им родословия позволяют выдвинуть гипотезу о том, что он являлся князем Иваном Дмитриевичем Шемякиным. Датировка его пострижения 1463 г. определяется не только появлением в этом году церковного культа «князя-инока», но и тем фактом, что среди многочисленных записей с указанием на время работы книгописца самая ранняя — это 18 июля 1463 г. (в этот день Ефросин закончил писать Апокалипсис; см. РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 53/1130, л. 155 об.).

Подтверждение этой гипотезы мы находим в текстах летописных памятников, переписанных этим иноком. В автографе до нас дошел Краткий летописец Ефросина (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 22/1099, л. 14об. и собр. М.П.Погодина, № 1554, л. 13–19 об.). Основная хронологическая сетка летописных статей этого памятника завершается следующими известиями: «Того же (6942/1434 г. — А.Б.) лета преставись князь Юрии Дмитреевич. В лето 6945 (1437 г. — А.Б.) поимали князя Василиа Юриевича маиа 14. В лето 6961 (1453 г. — А.Б.) преставись князь Дмитреи Юрьевич июля 23». Далее, после этих заключающих первую часть Краткого летописца сообщений о судьбе деда, дяди и отца Ивана Дмитриевича, следуют уже дополнительные статьи (о крещении Руси, список русских митрополитов и другие известия)[35]. Другой летописный памятник, который «многими чертами перекликается с литературной деятельностью» Ефросина и текстологически связан с его Кратким летописцем, — это Северо-русский (Кирилло-Белозерский) свод 1472 г., отразившийся в Ермолинской летописи и в Сокращенных сводах конца XV в.[36] Эту летопись Я.С.Лурье считает «замечательным литературным памятником», содержащим «резкую и яркую критику» действий великого князя и его приближенных[37]. Для Свода 1472 г. характерно включение неизвестных другим летописям подробностей феодальной войны XV в., особый интерес к сведениям о Юрии Галицком и его сыновьях Василии Косом и Дмитрии Шемяке, выпады против великого князя и его бояр и воевод. Так, в частности, рассказывается о том, как Дмитрий Шемяка

пытался пригласить Василия Васильевича на свадьбу, но был сослан в Коломну (1436); ослепление Василия Темного, вопреки другим летописям, приписано не Дмитрию Шемяке, а Ивану Можайскому (6954/1446 г.); говорится, что Шемяка умер «со отравы» (1453 г.); читаются также резкое осуждение казней заговорщиков Василием Темным в Великий пост 1462 г. и рассказ о явлении ярославских чудотворцев с именованием тайнописью великокняжеского наместника «дьяволом» (1463). Восходящий к Своду 1472 г. Независимый летописный свод 80-х гг. XV в., видимо, так же, как Ермолинская летопись и Сокращенные своды конца XV в., сохранил некоторые чтения своего несохранившегося источника. Так, например, в известии о смерти Шемяки этот свод сообщает дополнительно ряд деталей, заставляющих думать об описании события очевидцем: «Бысть же князю Дмитрею по обычью въсхоте ясти о полудни, и повеле себе едино куря доспети (...) и яде (...), не случи же ся никому дати его»[38]; здесь же находятся статьи с описанием чудес ярославских чудотворцев и с осуждением неверия Трифона Ростовского и протопопа Константина (1463 и 1467), а также доказательство того, что жена Ивана III Мария умерла «от смертного зелия» (1467).

Таким образом, если житийные произведения, переписанные Ефросином, свидетельствуют о его специфическом внимании к теме «князя-инока», то летописные памятники демонстрируют его откровенно антивеликокняжескую оппозиционную позицию и особый интерес к ветви князей — потомков Юрия Дмитриевича. В этой связи характерны также запись Ефросина о том, что Сергий Радонежский был «хрестникъ» Юрия Галицкого (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 22/1099, л. 167), и неучтенное в описании сборников дополнение к тексту «Епистолии о неделе» (после указания на дату оригинала, с которого переписывал Ефросин этот апокриф, 2 марта 6960/1452 г., говорится: «того году, коли пошелъ князь великии Иванъ Василиевич съ всемъ своимъ воинством на князя Дмитриа Юрьевича на Шемяку» — РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 11/1088, л. 261). Кроме того, в сборниках Ефросина имеется ряд статей южно-русского происхождения, одна из которых прямо датируется временем пребывания Ивана Дмитриевича в Литве («Послание Феофила Дедеркина...» — рассказ о землетрясении в южной Италии 4 декабря 1456 г.; РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086, л. 514 об.–516 об.). Наличие другого списка этого произведения 1483 г., созданного для Миколая Радзивилла[39] (бывшего в это время смоленским наместником), а также многочисленных полонизмов в языке как Ефросиновского, так и Радзивилловского списков, позволяет согласиться с Н.А.Казаковой в том, что «архетип русской версии рассказа возник в Южной Руси и оттуда достиг стен Кирилло-Белозерского монастыря»[40].

Происхождение Ефросина, похоже, не было секретом для хорошо осведомленного Федора Курицына. Прошло совсем немного времени после возвращения Курицына из посольства в Венгрию и Молдавию (1485), как Ефросин 13 февраля 1486 г. уже копирует в свой сборник написанное дипломатом «Сказание о Дракуле», а это произведение оканчивается рассказом об убийстве жестокого Влада Цепеша — Дракулы своими воинами. Далее говорится, что его родственник Влад, «от младенства инокъ, потом и священникъ и игуменъ в монастыри, потом постригся и селъ на воеводство (...) И ныне воевода на Мунтьянскои земли Владъ, иже бывы чернець и игуменъ»[41].

Пострижение в иноки князя Ивана Дмитриевича, можно думать, послужило примером для его 12-летнего родственника, известного как преподобный Иоасаф Каменский. Согласно авторитетному свидетельству современника и активного участника политической жизни той эпохи Паисия Ярославова, Иоасаф — это не кто иной, как князь Андрей Дмитриевич, родной брат Софьи Дмитриевны, матери Ивана Дмитриевича. Юный князь Андрея стал иноком в отдаленном Спасо-Каменном монастыре, очевидно, в 1460-х гг.[42]

Рис. 1

Рис. 2

В завершение укажем на две характерные описки инока Ефросина. В Кратком летописце под 1360 г. он говорит о вокняжении Дмитрия Донского и начинает писать другое имя: «Ивану (зачеркнуто — А.Б.) Дмитрею Ивановичу» (рис. 1). В «Задонщине» Ефросин оставляет неисправленным следующий текст: «Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремить в славне городе Москве. То ти, брате, не стукъ стучитъ, ни гром гремит — стучить силная рать великаго князя Ивана Дмитриевича» (рис. 2). В контексте сказанного выше эти чтения приобретают характер своеобразной «спрятанной» подписи.

---

[1] Псковские летописи / Пригот. к печати А.Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 52.

[2] Как показали исследования останков князя Дмитрия Юрьевича, он действительно был отравлен мышьяком (см.: Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 106–111, 210–217).

[3] Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 154–156.

[4] Псковские летописи. Вып. 1. С. 44.

[5] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 193. Для нас это важно, так как А.А.Зимин иначе оценивает итоги приезда князя Ивана в Псков: «Прошло всего три недели, как князь Иван Дмитриевич подобру-поздорову решил уехать в Литву» (Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 161). С этим утверждением трудно согласиться: Иван изначально направлялся именно в Литву.

[6] Дмитрий Шемяка, находившийся в Новгороде одновременно с Чарторыйским, согласно Летописи Авраамки, рассматривался вплоть до своей гибели не как служилый, а как великий князь (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192-193).

[7] Дианова Т.В., Костюхина Л.М., Поздеева И.В. Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 125.

[8] А.О. Казимир IV Ягеллончик // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия / Главный ред. В.Л.Янин. М., 1996. Т. 2: Д-К. С. 456.

[9] ДДГ. № 59. С. 186–192.

[10] Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 254.

[11] Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 173.

[12] Псковские летописи. Вып. 1. С. 53. Из этого известия, кажется, следует, что псковичи в 1454 г. «целовали крест» великому князю Ивану Дмитриевичу.

[13] Там же. С. 172–173.

[14] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 196 («Тогда же преставися княгиня Марья княжа Олександра Чарторыского, а дчи князя Дмитрия Юрьевича, положена бысть в манастыре у святого Георгия, в притворе, въ Юрьеве манастыре, в пятокъ на Федорове недели»).

[15] Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 175.

[16] См.: Зимин А.А. Формирование класса боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 138–142. А.А.Зимин ошибочно считал, что сын Ивана Дмитриевича Василий был рожден «от некой «чародеицы Греческия»» (Там же. С. 138), но в источнике, несомненно, имеется в виду Софья Палеолог – жена Ивана III.

[17] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 62.

[18] «Казимир приобрел в лице московских беглецов новых слуг для защиты опасной «украины» Великого княжества как против татар, так и против Москвы» (Там же. С. 63).

[19] Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 178–180.

[20] Псковские летописи. Вып. 1. С. 58.

[21] Сам Владимир Давыдов незадолго до этого перешел в Москву из Литвы (Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 184, 264).

[22] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

[23] Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 258.

[24] Янин В.Л. Новгородские акты XII – XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 190.

[25] Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. 2-е изд., испр. и доп. С. 76–78.

[26] Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М., 2001. С. 252.

[27] БЛДР. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 408.

[28] Там же. С. 412.

[29] Там же. С. 338.

[30] См., например: Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 62–66.

[31] Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. С. 259.

[32] Лурье Я.С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130–168.

[33] Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3–300.

[34] Ср.: БЛДР СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 376 (Вторая Кассиановская редакция); Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников... С. 125; Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Комментарии // Древиерусские патерики. М., 1999. С. 406. Ефросин сначала считал, что Святоша — «сынъ Мстиславль внукъ княжь Юрьевъ черниговсково», но на поле рукописи сам же исправил ошибку: «Князь Святоша Никола сынъ Давидовъ внукъ Святославль и братиа у него были Изяславъ и Володимеръ» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 9/1086, л. 222).

[35] См.: Зимин А.А. Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. М., 1950. Т. 5. С. 26–27.

[36] См. реконструированиую Я.С.Лурье заключительную часть текста Свода 1472 г.: БЛДР. Т. 7. С. 318–347; о связи с Ефросином см.: Там же. С. 531. Между прочим, в Свод 1472 г. входили те же родословия князей, что и в сборник Ефросина (с незначительными разночтениями).

[37] БЛДР. Т. 7. С. 530–531.

[38] См. реконструированную Я.С.Лурье заключительную часть текста Независимого летописного свода 80-х гг. XV в.: БЛДР. Т. 7. С. 400–443.

[39] См.: Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 160–163.

[40] Там же. С. 163.

[41] БЛДР. Т. 7. С. 470. Влад Монах был, по одним сведениям, сыном, а по другим – братом Дракулы (Влада Цепеша) (Там же. С. 576). Отметим, что Ефросин также был иноком, священником и игуменом.

[42] Во всяком случае, пострижение произошло не раньше второй половины 50-х гг. XV в., но до 1471 г., так как Иоасаф прожил в монастыре 5 лет и преставился; а далее в сказании говорится о преставлении «не по миозе времени» игумена Кассиана при Иване III (т.е. после 1462 г.), следующая же статья посвящена пожару 1476 г., причем от погребения до пожара прошло «много лет» (См.: Прохоров Г.М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 161).

А.А. Бурыкин

ПСКОВ В ИСТОРИИ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(факты и гипотезы)

«Слово о полку Игореве» представляет собой поистине уникальный памятник древнерусской литературы домонгольского периода. Уникальность его разноаспектна — она заключена и в том, что творение является редким из известных нам образцом светской ораторской прозы, имеющим жанровые связи с летописями, воинскими повестями, восточно-славянским фольклором и фольклором степных народов, и в том, что «Слово» дошло до своих издателей в единственном списке, в рукописи сложного состава, и эта рукопись позднее оказалась утраченной, что уже в течение длительного времени дает кому-то шанс оспаривать его подлинность. Исключительность судьбы «Слова о полку Игореве» состоит еще и в тех разнообразных реминисценциях, которое оно оставило за более чем 600 лет своего бытования в литературе, и том историко-филологическом континууме, который образовался вокруг этого произведения за 200 лет его научного изучения и издания.

Как известно, уже давно судьба «Слова о полку Игореве» связывается не столько с Киевом и Чернигово-Северской землей, которые составляют места действия «Слова», сколько с северными городами — Новгородом и Псковом, книжники которых сохрани-

ли для нас этот памятник древнерусской литературы. С 1810-х гг. после открытия К.Ф.Калайдовича стало известно, что приписка к Псковскому апостолу 1307 г. содержит одну фразу, совпадающую с текстом «Слова о полку Игореве», и это обстоятельство на долгое время стало свидетельством знакомства псковичей со «Словом». В начале XX в. в языке «Слова» по Мусин-Пушкинскому изданию было выявлено достаточно много черт, позволяющих с достаточной надежностью связывать язык какого-то списка «Слова» с псковским диалектом XV–XVI в. Более того, по одной из версий истории Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве», бытовавшей среди современников первого издания «Слова», этот список происходил из псковского Пантелеймоновского монастыря[1]. Наконец, во второй трети XX в. в трудах псковского ученого, крупного знатока псковской литературной и книжной традиции, Леонида Алексеевича Творогова была воссоздана в виде оригинальной и содержательной гипотезы история списков и редакций «Слова о полку Игореве» от авторской рукописи до загадочного «олонецкого списка», который могли видеть семинаристы в Петрозаводске в середине XIX в., и который бесследно исчез в первой четверти XX в., и повествование об истории этой рукописи создало новую интригу в изучении «Слова». Всем этим вопросам и посвящена настоящая работа.

1. «Слово о полку Игореве» и псковская литература конца XIII в. Какими бы гипотетичными ни представлялись нам филологические построения, позволяющие както объяснить историю рукописной традиции «Слова о полку Игореве» до XIV в., тем не менее в имеющемся в нашем распоряжении материале имеются некоторые факты, позволяющие предполагать, что «Слово» было знакомо псковским книжникам спустя 100 лет после его написания в Киеве, Новгороде Северском, или, как нам представляется, в Переяславле, городе Владимира Глебовича, поскольку автор «Слова» особенно симпатизирует и этому князю, и этому городу[2]. Основания для присутствия «Слова о полку Игореве» в Пскове в этот период, как показал в своей специальной работе Л.А.Творогов, дает литературная деятельность пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, в поучении которого встречаются слова «лѣпо было братіе», перекликающиеся с началом «Слова о полку Игореве»[3]. Л.А.Творогов не без оснований предполагал, что пресвитер Спасо-Мирожского монастыря Иосиф был заказчиком одной из копий «Слова о полку Игореве». Надо восстановить историческую справедливость и признать, что выявления подобных совпадений между разными текстами, предполагающих литературные реминисценции, отмечаются нечасто, и в литературе по «Слову о полку Игореве» это замечание остается без должного внимания. Во всяком случае, принимая во внимание наблюдение Л.А.Творогова, надо относиться с полной серьезностью к тому, что «Слово» было знакомо псковским писателям и читателям уже во второй половине XIII в.

2. «Слово о полку Игореве» и приписка к псковскому Апостолу 1307 г.: цитата из «Слова» или общий источник? Казалось бы, совпадение текста «Слова» и фразы из приписки из псковского Апостола 1307 г. (ГИМ, Синодальное собрание, № 722) настолько очевидно, что оно не дает оснований сомневаться в том, что писец Апостола и автор приписки Диомид («Домид») выписал эту фразу из «Слова». Сравним два текста:

«Слово»: «Тогда при ОлзЬ Гориславличи сЬяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, въ княжихъ крамолах вЬци человЬкомъ скратишась».

Приписка к Апостолу 1307 г.: «При сихъ князехъ сьяшется и ростяше усобицами гыняше жизнь наши въ князЬхъ которы и вЬци скоротишася человЬкомъ».

То, что место переписывания Апостола 1307 г. было известно, давало ученым основания однозначно утверждать, что «Слово» было известно в Пскове в начале XIV в., и, очевидно, если не переписывалось, то читалось[4]. Между этими фрагментами текстов

имеются некоторые расхождения, которые — при очевидном сходстве самих текстов — требовали объяснения. По умолчанию в среде специалистов по «Слову» было принято считать, что по языковым особенностям текст из приписки к Апостолу сохраняет языковые особенности оригинала «Слова», в то время как Мусин-Пушкинский текст может иметь в случаях разночтений следы языковой правки или создания новой редакции «Слова». Такая гипотеза, несмотря на отсутствие аргументов, все же казалась приемлемой. Однако в истории изучения «Слова о полку Игореве» уже более 100 лет была высказана и иная гипотеза об источнике того пассажа «Слова», который содержит фразу, идентичную тексту приписки к Апостолу 1307 г. А.А.Потебня в своем издании «Слова о полку Игореве» отметил, что значительный по объему отрывок текста «Слова» начиная от фразы «...были плъци Олговы» до фразы «...а сицеи рати не слышано» был заимствован автором «Слова» из не дошедшего до нас сочинения[5], повествующего о событиях 1078 г., конкретно — о битве на Нежатиной ниве, где погиб киевский князь Изяслав и молодой князь Борис Вячеславич. Особую убедительность гипотезе А.А. Потебни придает то, что она высказана на основанин анализа текста «Слова»: в самом деле, откуда автор мог узнать столь много и в таких подробностях о событиях, которые отстояли от него более чем на столетие? Напрашивается предположение, что он пользовался письменными, прежде всего историческими и литературными источниками последней четверти XI — первой половины XII в., которые и отразились в его собственном сочинении. Гипотеза А.А.Потебни не только позволяет взять под сомнение то, что писец приписки к псковскому Апостолу 1307 г. читал и цитировал именно «Слово о полку Игореве», но и объяснить соотношение более архаичных языковых форм приписки к Апостолу и более поздних языковых форм текста «Слова». В самом деле, если в приписке к Апостолу буквально воспроизведен текст источника последней четверти XI в., а в «Слове», написанном на столетие позже, этот же текст того же самого источника подвергся системному редактированию в угоду авторскому замыслу, согласно которому фактография конца XI в. излагалась языком конца XII в. в новой авторской стилевой версии, то становится понятным, почему из текста «Слова» исчезло слово «которы», которого автор не любит, в отличие от слова «крамола», которое употребляет довольно часто, и, главное, почему формы имперфекта в совпадающем тексте приобретают в «Слове» наращение -ть, и, пожалуй, главное — почему непроизводная форма гыняше заменена префиксальной формой погибашеть. Полностью разделяя гипотезу А.А. Потебни о цитировании в «Слове» неизвестной нам повести о битве на Нежатиной ниве, мы считаем, что такие замены, какие мы наблюдаем при сравнении текста «Слова» с текстом приписки к псковскому Апостолу 1307 г., могли принадлежать только автору «Слова», но ни в коем случае не позднейшему переписчику или редактору, поскольку в более позднее время столь тонкие манипуляции с языковыми формами были бы невозможны, как была невозможна и смена стиля «Слова». Наконец, надо задать н такой вопрос: почему в приписке к Апостолу 1307 г. оказалось воспроизведенным то место «Слова», которое не относится к его непосредственному предмету, а повествует о весьма отдаленных по времени событиях? Едва ли сторонники традиционного взгляда, согласно которому писец Диомид читал «Слово», дадут на него ответ.

Сказанное выше означает, что писец Апостола 1307 г. Диомид, переписывая свою рукопись с какого-то старого оригинала, вероятно, относящегося ко второй половине XI в. (писец даже пытался передавать в своей копии архаические написания букв из своего оригинала), имел возможность прочитать ту самую написанную в конце XI в. повесть о битве на Нежатиной ниве, которую читал и которой воспользовался автор «Слова». Данное предположение может получить дальнейшее обоснование, если в летописях или иных сочинениях будут обнаружены другие следы того же самого сочинения, с которым в соответствии с новой гипотезой должны были быть знакомы псковичи начала XIV в..

3. Предположения о псковском списке «Слова» 1510–1512 гг., переписанном новгородскими иноками, и хутынский Пролог 1479 г. Рассматривая историю текста «Слова о полку Игореве», Л.А.Творогов высказал предположение, что «Слово» было переписано в псковском Елеазаровском монастыре в 1510–1512 гг.[6], но переписчиками его были новгородцы, чем и объясняется сочетание псковских и новгородских черт в языке памятника. Л.А.Творогов даже называет имена возможных переписчиков «Слова» — это старец инок Филофей и библиотекарь монастыря инок Иоасаф[7].

Изложенное выше построение Л.А.Творогова, хотя оно и имело основание в материале языка «Слова» по Мусин-Пушкинскому изданию, выглядело довольно сложным, чтобы не сказать — искусственным. Однако в результате исследования орфографии языка рукописей XV в. обнаружились такие факты, которые заставляют вспомнить о нем и отнестись к нему со всей серьезностью. Главное обстоятельство, побуждающее к этому, содержится в обстоятельной работе Л.П. Жуковской, посвященной исследованию орфографии Мусин-Пушкинского издания слова на фоне оригинальных рукописей. В этой работе отмечено, что орфография Мусин-Пушкинского издания «Слова» соответствует орфографии одной из новгородских рукописей, а именно — орфографии хутынского Пролога 1479 г.[8] По мнению Л.П. Жуковской, с которой мы не видим оснований не соглашаться, такая соотносительность орфографии Мусин-Пушкинского издания «Слова о полку Игореве» с орфографией хутынского Пролога 1479 г. говорит о том, что издатели «Слова» воспроизвели орфографию имеющегося у них рукописного списка с чрезвычайной точностью и ни в коей мере ее не искажали и не модифицировали[9]. Исследовательница на основании своих наблюдений считает, что Мусин-Пушкинский список «Слова» был скопирован с оригинала XIV в. перед 1480 г., годом «стояния на Угре»[10].

Наблюдения Л.П.Жуковской, изложенные выше, не только намного обогащают исследование орфографии Мусин-Пушкинского издания «Слова» и орфографии рукописей XIV–XV вв., но и, как нам представляется, не противоречат гипотезе Л.А. Творогова о переписывании «Слова» в Пскове в начале XVI в. писцами-новгородцами. Разница между датой переписывания хутынского Пролога, то есть 1479 г., и предполагаемой датой переписывания «Слова», то есть 1510–1512 гг., составляет примерно 30 лет — следовательно, не так уж невероятно то, что хутынский Пролог и псковский список «Слова» начала XVI в., если таковой существовал, вполне могли быть переписаны одним и тем же писцом. Причем этот писец, если он жил и трудился над переписыванием богослужебных книг в новгородском Хутынском монастыре, скорее всего, должен был быть новгородцем. Построения Л.А. Творогова, обосновывающие связь судьбы «Слова о полку Игореве» с Псковской землей, обогащаются новыми данными, но отнюдь не опровергаются ими и в известной мере выдерживают проверку временем.

4. Что представлял собой «олонецкий список» «Слова о полку Игореве» — старую рукопись с отдельной редакцией памятника или преподавательский конспект? Так называемый «олонецкий список» «Слова» представляет собой самый интригующий сюжет в археографии «Слова о полку Игореве». Обидно, что этому сюжету посвящено не так уж много работ, причем публикации Л.А. Творогова, очевидно, не оставлявшего надежд найти этот список «Слова», основательно забыты, и современный читатель черпает сведения об «олонецком» и по распространенной версии тождественном ему «астраханском» списках слова, существовавших в XIX — начале XX в., в основном из книги О.Сулейменова «АЗ и Я», ставшей притчей во языцех в литературе по «Слову», но при этом, несмотря на жесточайшую научную критику, благополучно выдержавшей три издания[11].

Обратимся к тем фактам, которые можно считать бесспорными и на которые мы можем опираться, научно подходя к изучению проблемы «олонецкого списка» «Слова о полку Игореве». Придется сразу же сказать, что утверждение Л.А.Творогова, считавшего «олонецкий список» «Слова» новгородской рукописью второй половины XVII в., списанной с псковского оригинала,[12] не имеет обоснований и является чисто гипотетическим.

Все, что мы знаем об «олонецком списке» «Слова», сообщено нам в одном-единственном источнике — в примечании Н.М.Каринского к его известной, до известной степени культовой статье «Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв.», хорошо знакомой историкам русского языка и специалистам по «Слову»[13]. В этой статье имеется следующее примечание: «В заседании Общества любителей древней письменности, где читался настоящий реферат, проф. А.И.Соболевский сообщил любопытное сведение об исчезнувшем уже в настоящее время одном из списков «Слова о полку Игореве». Лет 20 тому назад проф. А.И. Соболевскому рассказывал проф. И.Е.Троицкий, что преподаватель словесности Олонецкой духовной семинарии, показывая в классе ученикам, в числе которых тогда был и И.Е. Троицкий, старую рукопись, сказал: «Вот здесь содержится другой список «Слова о полку Игореве», гораздо более подробный, чем тот, который напечатан». Когда впоследствии И.Е. Троицкий приехал в Петрозаводск, преподаватель, сообщавший о списке Слова о полку Игореве, уже умер, и он не мог найти следов рукописи, о которой слышал в семинарии»[14]. Обращаем внимание — это все, что мы знаем об «олонецком списке» «Слова», причем стоит заметить, даже наш первоисточник содержит информацию, передаваемую из третьих рук — все остальные сообщения об «олонецком списке» «Слова» основываются на этом примечании к статье Н.М. Каринского и тем самым не имеют ценности оригинальных источников.

Иван Егорович Троицкий, единственный человек, который мог видеть «олонецкий список» «Слова», родился в 1834 г. в Пудожском уезде Олонецкой губернии, воспитывался в Каргопольском Духовном училище и Олонецкой семинарии, окончил духовную академию в 1859 г.[15] После этого И.Е.Троицкий с 1859 по 1861 г. сам преподавал в Олонецкой семинарии логику, психологию, патристику и латинский язык, позже он стал профессором Санкт-Петербургской Духовной академии. Скончался И.Е. Троицкий 2 августа 1901 г.[16] — следовательно, он мог рассказать об «олонецком списке» «Слова» А.И.Соболевскому где-то в 90-е гг. XIX в.

Можно ли рассматривать известные нам слова преподавателя Олонецкой семинарии «Вот здесь содержится другой список «Слова о полку Игореве», гораздо более подробный, чем тот, который напечатан» как свидетельство того, что этот преподаватель располагал иным, «гораздо более подробным» списком «Слова», чем тот, который был издан Мусиным-Пушкиным? Все те немногочисленные энтузиасты, обращавшие внимание на проблему «олонецкого списка» «Слова», поступали именно так и давали на поставленный вопрос положительный ответ. Однако обращение к биографии единственного очевидца этого таинственного списка, профессора И.Е. Троицкого, заставляет отрицательно ответить на поставленный вопрос. Как отмечено выше, И.Е. Троицкий окончил Духовную академию в 1859 г., следовательно, он учился в Олонецкой семинарии в конце 1840 — начале 1850-х гг. Как нам теперь известно из специальных исследований, посвященных изучению «Слова о полку Игореве» в учебных заведениях, в это время в обиходе и соответственно на столах учеников находилась «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков» А.Д. Галахова, изданная в Москве в 1848 г.[17] В этой хрестоматии текст «Слова о полку Игореве» напечатан в отрывках. А это означает, что текст, «гораздо более полный, чем тот, который напеча-

тан», мог содержаться не в другой редакции «Слова», а в любом печатном издании или преподавательском конспекте, какие, надо полагать, имелись в изобилии, поскольку к началу XX в. мы имеем уже массу печатных учебных изданий «Слова о полку Игореве», выходивших в свет во множестве провинциальных городов[18]. Следующая по времени учебная хрестоматия — «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков» Ф.И. Буслаева — появилась только в 1861 г., то есть в то время, когда И.Е. Троицкий уже сам был преподавателем Олонецкой семинарии.

В истории с «олонецким списком» «Слова о полку Игореве» имеется еще одна странность, побуждающая относиться с подозрением ко всему, что в повествовании о нем выходит за пределы сообщения в примечании к статье Н.М. Каринского. Один из материалов, сообщающий об «олонецком списке» «Слова» и известный в литературе по археографии «Слова», — это письмо Л.А. Творогова к академику М.Н.Тихомирову, опубликованное в 1948 г. на страницах журнала «Вопросы истории»[19]. В этом письме излагаются некоторые принципиально новые факты об истории «олонецкого списка» «Слова», которые могли бы привлечь к себе внимание. Однако отчет о поездке Л.А.Творогова в Петрозаводск, во время которой он собирал материалы об «олонецком списке» «Слова», был опубликован еще в 1929 г.[20] — и, что странно и необъяснимо, в этой публикации мы не находим вообще ни одного упоминания о «Слове о полку Игореве», как будто бы «Слово» вообще не интересовало автора во время его визита в Петрозаводск, и это обстоятельство нельзя не признать странным.

Итак, скорее всего, «олонецкий список» «Слова о полку Игореве» как отдельная рукопись, продолжающая традицию бытования этого памятника в древнерусской книжности, никогда не существовал, а в тех обстоятельствах, которые вызвали к жизни филологическую легенду о нем, мог фигурировать только преподавательский конспект или рукописная копия с какого-либо печатного издания «Слова» от 1800 г. примерно до 1845–1846 гг. Однако изучение наиболее близких к первоисточнику сообщений об «олонецком списке» «Слова о полку Игореве» позволило получить некие позитивные результаты.

Несмотря на гипотетичность многих дедуктивных построений и предположений, связанных с бытованием «Слова о полку Игореве» в древнерусской рукописной книжной традиции, мы имеем веские основания считать, что с историей «Слова о полку Игореве» на севере Руси были наиболее тесно связаны именно Псков и Псковская земля. В этом нас убеждают и некоторые возможные реминисценции «Слова о полку Игореве» в Поучении Иосифа, написанном в Пскове во второй половине XIII в., и черты псковского диалекта в языке Мусин-Пушкинской рукописи или того списка, с которого она была переписана. Исследователи «Слова» не без основания считают, что архивы и книгохранилища Пскова наряду с библиотеками и рукописными собраниями Ярославля и других городов[21] до сих пор являются перспективными для выявления списков «Слова о полку Игореве» или следов его бытования.

---

[1] Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С.18–19

[2] См.: Meshchersky N.A., Burykin A.A. Sulla datazione e la paternita dello «Slovo...»// Annali di Ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'Universita di Venezia. XXVI, 1–2. 1987. P. 161–175.

[3] Творогов Л.А. К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии «Слова о полку Игореве» XIII века. Псков, 1946. С.18–19.

[4] Творогов Л.А. Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942. С.28.

[5] Потебня А.А. Слово о полку Игореве. Воронеж, 1878. С.51.

[6] Творогов Л.А. Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942. С.11, 22. Это предположение основывается на заглавии Хронографа, находившегося в начальной части Мусин-Пушкинского сборника. Однако по со-

временным данным, Хронограф Мусин-Пушкинского сборника относился к распространенной редакции и датировался 1617 годом (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.3. СПб., 1995. С.288)

[7] Там же. С.24.

[8] Жуковская Л.П. О редакциях, издании 1800 года и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время / Под ред. акад. Б.А.Рыбакова. М., 1985. С. 96, 121–122.

[9] Там же. С. 103, 109.

[10] Там же. С. 122.

[11] Сулейменов О.О. АЗ и Я. Алма-Ата. 1975, 2-е изд. — Алма-Ата, 1989, 3-е изд. — Алма-Ата, 1991. Кроме этого, данная книга О.Сулейменова как минимум дважды издавалась в переводах на турецкий язык (выражаем благодарность за сообщение об этом А.М.Щербаку).

[12] Творогов Л.А. Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942. С.29.

[13] Каринский Н.М. Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV-XVI вв. //Журнал Министерства народного просвещения, 1916, декабрь. С.199–214.

[14] Каринский Н.М. Указ. соч. С. 212-213, прим. 1 к с.212.

[15] Троицкий И.Е.// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 33б. С.578–579.

[16] Памяти профессора И.Е.Троицкого //Церковный вестник, 1901, № 32. Стлб.1009–1015.

[17] Елеонская А.С. «Слово о полку Игореве» в русской школе XIX — начала XX в. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978. С.167.

[18] Возможно, что далеко не все из учебных изданий «Слова» разысканы и включены в библиографические указатели. Так, в Библиотеке Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) имеются два литографированных издания с рукописным воспроизведением текста «Слова о полку Игореве» по изданию 1800 г.: на обоих изданиях не указаны ни место, ни время выхода в свет, и насколько нам известно, в библиографиях по «Слову о полку Игореве» эти издания не учтены. В каталоге этой же библиотеки в 1980-е годы имелась карточка на экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве», не учтенный в известной книге Л.А.Дмитриева об истории первого издания «Слова», однако эта единица хранения библиотеки числится утраченной с 1960-х годов.

[19] Творогов Л.А. Письмо к акад. М.Н.Тихомирову //Вопросы истории. 1948, № 9. С. 134-136.

[20] Творогов Л..А. Памятники старины нашего Севера и их состояние //Бюллетень ЛОИКФУН [Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народов]. Вып. 1. Л., 1929. С.5–8.

[21] Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Л., 1984. С.124–125.

И.И. Лагунин

ИСТОРИКО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ ГОРОДА ПСКОВА. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ОХРАНЫ И РАЗВИТИЯ

За два века исследований древнего Пскова архитектурный ансамбль одного из выдающихся исторических городов России не удостоился историко-градостроительного очерка от начала и до сего дня. Принятая в литературе периодизация охватывает не всю историю ансамбля и специально никем не обосновывалась. Соответственно нет и достаточно полной инвентаризации архитектурных и градостроительных ценностей всех периодов его истории. Важно определить историческую значимость каждого этапа и те составляющие, которые необходимо и возможно сохранять, поддерживать и развивать в современной архитектуре будущего Пскова. Понимание особенностей исторического градообразования необходимо для современного архитектурного процесса (рис. 1).

Задача казалась бы неподъемной, если бы к ее решению не вели два века упорного изучения города и его зодчества многими и многими исследователями разных направлений и интересов. Трудно переоценить результаты многолетних археологических исследований, которые во многом перевернули привычные научные представления о ранних этапах становления городского ансамбля, об особенностях его формирования в разные периоды Средневековья. Объемное обобщение научных представлений о ценном городском образовании содержится в научных материалах к действующему Гене-

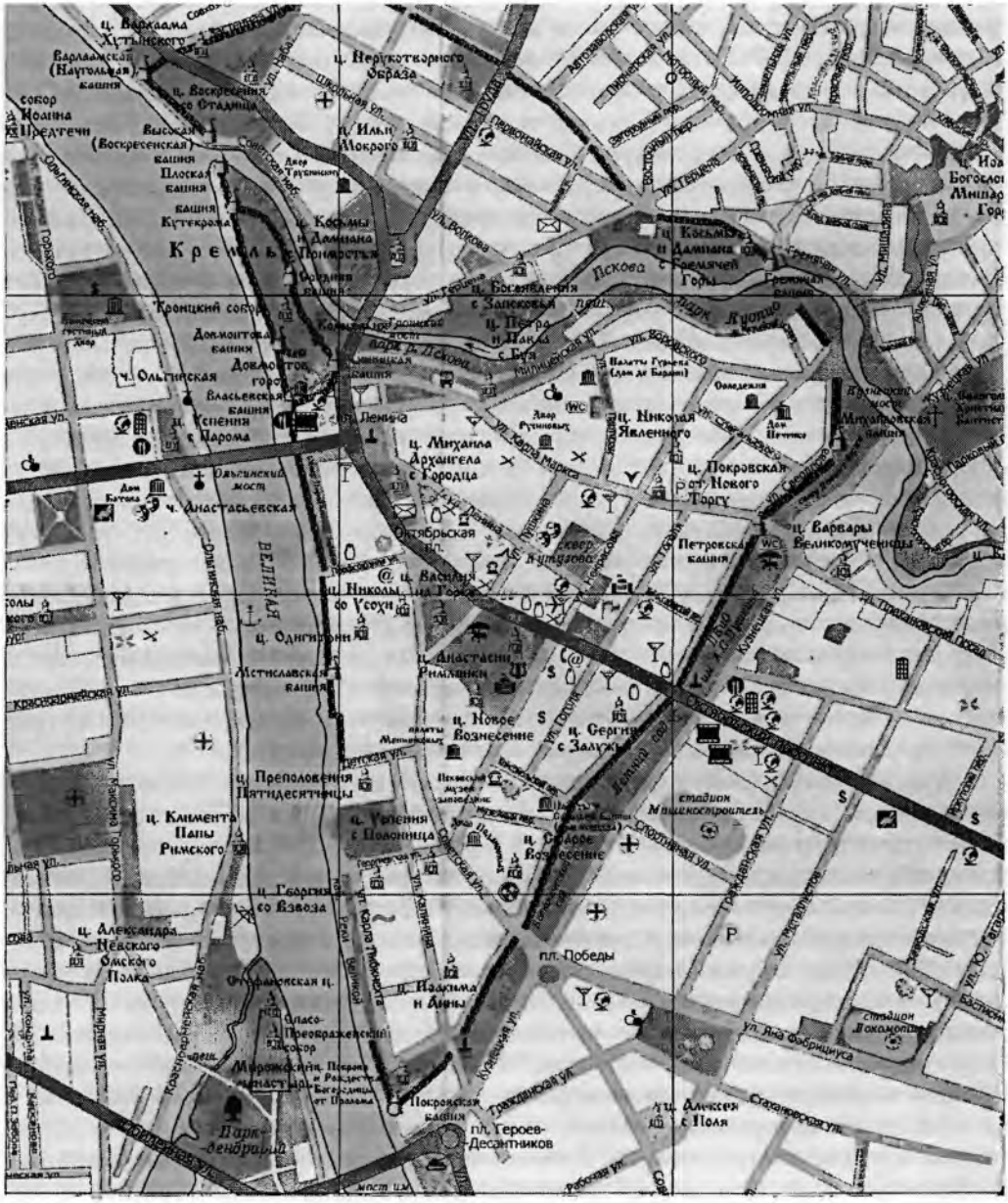


Рис. 1. Современный Псков. Памятники архитектуры и градостроительства. План-схема

ральному плану развития г. Пскова, к Проекту детальной планировки его исторического центра (1969 и 1979 гг., институт ЛЕНГИПРОГОР), к Проекту комплексной реконструкции исторического центра г. Пскова (1991 г., институт ИНРЕКОН). Историческая часть последнего проекта разрабатывалась с участием того же Института урбанистики (ЛЕНГИПРОГОР) и многих псковских специалистов. Понятно, что такие разработки, в которых автор также принимал участие (например, инвентаризация застройки губернского времени содержится в специальной работе к Проекту детальной планировки исторического центра г. Пскова — отдельный том «Типология застройки»), имеют специфический, служебный характер и не предназначены для публикации. Охранную, служебную цель преследует целая серия подобных исследований, предназначенных для проектов зон охраны или реконструкции отдельных фрагментов исторического ансамбля[1]. Градостроительные аспекты отражены в таких фундаментальных трудах по истории города и его архитектуры, как «Путеводитель по древнему Пскову» Н.Ф. Окулича-Казарина, «Псков. Художественные памятники» Ю.П. Спегальского или «Историческая топография Пскова в XIV–XV вв.» И.К. Лабутиной и других, менее объемных работах краеведов, архитекторов, археологов[2]. Примеры системного анализа целых периодов градостроительной истории средневекового города содержатся в трудах археологов. Они ценны тем, что основаны на изучении выявленных подлинных остатков планировок и архитектурных сооружений[3]. Это золотой фонд материалов для исследования средневековой истории псковского градостроительства. На результатах открытий экспедиции Государственного Эрмитажа в Довмонтовом городе под руководством Г.П.Гроздилова и В.Д.Белецкого базируется историко-градостроительное исследование «Столичный центр вечевого Пскова» Г.Я. Мокеева[4]. К сожалению, список собственно историко-градостроительных очерков древнего и современного города невелик. Это краткие, обобщенные статьи в академических изданиях по русской архитектуре и научно-популярной литературе[5]. Редки научные статьи, в которых историко-градостроительной тематике Пскова уделено достаточное место[6].

Не позднее конца XVI в. появляются графические материалы, необходимые для анализа градостроительного ансамбля города, — первые рукописные планы, изображения городского ансамбля на иконах. К XVIII–XX вв. относятся многочисленные изображения города в графике, живописи, фотографии, проектные и топографические планы Пскова, хранящиеся в архивных собраниях. Впервые эти изображения и планы, которые и по сей день являются основными документами для исследователей, обобщил и подготовил для печати псковский краевед, инженер-полковник И.Ф.Годовиков. Его так и не опубликованный альбом с планами и изображениями Пскова и сегодня надежно служит реставраторам и искусствоведам[7]. И.Ф.Годовиков и сам является составителем ценного плана города Пскова 1857 г., в котором подробно и достоверно отображено состояние городского ансамбля в середине XIX в., зафиксированы руины и остатки многих исторических зданий, о местоположении которых мы можем судить иногда только по этому источнику. Отсюда исходит идея «сборного плана», в котором были бы обобщены известные по планам разных лет архитектурные особенности градостроительного ансамбля. Такую попытку представить в едином плане-схеме известные памятники Пскова разных эпох предпринял позднее другой псковский краевед Ф.А. Ушаков[8]. В начале XX в. он попытался проследить в планах-реконструкциях поэтапное развитие городского ансамбля по векам. Исторические реконструкции тогда были распространены и в изобразительном искусстве. Художнику В.В. Мешкову принадлежит серия картин с видами Пскова разных столетий. Попытка краеведа Ф.А. Ушакова оказалась не очень убедительной, но сам по себе проект графического исследования сохраняет актуальность и сегодня. В настоящее время исторические планы

города, выявленные в архивах С.А.Цвылевым и другими архивистами, частично опубликованы[9]. Они стали обязательной основой для исследователей, занятых проблемами истории, архитектуры, археологии Пскова. Компьютерная обработка материалов значительно упрощает задачу привязки объектов к топографической основе и позволяет совместить исторические планы с современной топоосновой[10]. Остается лишь уточнить историко-градостроительную периодизацию одного из древнейших городов России, что мы и попытаемся сделать в сжатом виде.

Материалов для решения подобной задачи за два века фундаментальных исследований накоплено немало. И все же целые периоды истории городского ансамбля остаются недостаточно изученными по разным причинам. Ранние — из-за неполноты археологических исследований территории города. Поздним векам не уделялось достаточного внимания в силу кажущейся очевидности последних событий и приоритета ценностей средневековья. 1100-летие Пскова — убедительный повод, чтобы хотя бы в общем виде представить на рассмотрение «сквозную» историко-градостроительную периодизацию городского ансамбля и определить, какие ценности разных этапов становления города составляют его основу. Включение историко-архитектурного ансамбля «Большой Псков» (Псков с пригородами и Изборско-Мальским заповедником) в Предварительный список объектов всемирного культурного и природного наследия и предстоящая разработка пакета документов для включения объекта в основной список ЮНЕСКО несомненно потребуют такого рода исследования. Автор предлагает предварительный материал по данной тематике. Хорошей основой для поддержания ансамблевости древнего Пскова, на мой взгляд, служит структура губернского города. Такой вывод был сделан при изучении архитектуры и градостроительства Пскова XVIII — начала XX в. еще в 70-е гг., когда этот период был не в чести. Ее ценность в том, что она сохранила и закрепила застройками Нового времени древний план, доминанты и целые фрагменты древней архитектуры. Потери в эпоху «регулярных планов» были велики, но эти утраты для древнего города не приобрели характера необратимости. Впрочем, речь идет не только об историческом центре города в охранных границах (площадь около 350 га), для которого разработан очередной Проект зон охраны (Институт урбанистики, 1994). Рекомендации и нормативные акты по сохранению исторического наследия необходимы сегодня для всей территории современного областного центра (площадь до 10 тыс. га) и на перспективу его развития («Перспективный период» в градостроительстве г. Пскова). Они должны, по возможности, опережать проектные решения, хотя бы в самом общем виде. Например, развитие города по Концепции Генерального плана на запад должно учитывать направления двух исторических дорог, ведущих от Пскова к Изборску и Печорам и связанных со многими историческими событиями, крестными ходами и т.д. Развитие застроек может затронуть пространственные характеристики такого выдающегося историко-культурного и архитектурного объекта, как городище Камно. Можно привести и другие примеры. Поэтапный анализ городского ансамбля с локализацией застроек каждого периода должен помогать современным архитекторам, работающим в городе с глубочайшими и всемирно известными архитектурными традициями. Конечно, сами по себе историко-градостроительная периодизация и ее графическое воплощение не могут содержать готовых рецептов, но они могут стать неоценимым банком данных для перспективных решений.

Как уже говорилось, материалы по истории самых ранних поселений на территории Пскова находятся в руках археологов. По опубликованным данным[11] на месте будущего города известны, по крайней мере, два догородских поселения, которые располагались на площадке кремлевского городища, и одно протогородское. В настоящее время все остатки известны только в культурном слое и не выражены ни в объемах, ни

в ландшафте. Однако само существование следов ранних поселений и строений на мысовой площадке и прогнозируемое дальнейшее изучение территории Крома могут предполагать их выявление и музеефикацию в перспективе. Вполне можно также предположить, что каждой новой волной первых обитателей Пскова использовалась готовая площадка, подготовленная первыми поселенцами. Поэтому ранние, догородские следы жизни Пскова I тыс. н.э. можно отнести к градостроительным явлениям и присвоить им условное название первых «археологических», протогородских историко-градостроительных периодов. Этого нельзя пока сказать об иных, еще более ранних следах. Например, неолитических находках на территории современного города. Такие следы жизни наших предков не соотносятся с остатками ранних поселений и никак не связаны с историей собственно города.

I АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ историко-градостроительный период (первая половина I тыс. н.э). Археологи по-разному оценивают следы самого первого поселения на месте будущего Крома (см. статьи в настоящем сборнике), оставленные представителями культуры сетчатой керамики. Они датируют его достаточно широко — от первых веков н.э. до сер. I тыс. н.э. Следы этого поселения эпохи раннего железа почти полностью уничтожены в последующие периоды жизни города и определяются исключительно по вещевым находкам. С.В.Белецкий по предложенной им исторической периодизации определяет его как «Древнейшее поселение прибалтийско-финского населения культуры каменных могильников — поселение А»[12]. В связи с недостаточной изученностью ценнейших следов древнейших поселений на площадке Крома, которые могут пролить новый свет на историю возникновения города (они могут быть выявлены и даже музеефицированы), на этой территории недопустимо возведение современных сооружений или монументов. В Кремле, как музейно-туристическом объекте, возможно только продолжение исследований и восстановление утраченных элементов. Территория Кремля и в губернский период оставалась в основе мемориальной. Нельзя признать положительным факт строительства в тот период причтовых домов и теплого Благовещенского собора.

II АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ период (середина — третья четверть I тыс.н.э.).

На площадке городища остатки 9 углубленных построек, сопровождаемых хозяйственными ямами, выявлены в слоях VI–VII вв. Следы нескольких современных поселений найдены в разных частях города. Наземные постройки с углубленными полами археологи сближают с прибалтийскими и строениями северной части ареала славянского расселения в междуречье Вислы и Эльбы. Керамика идентична керамике культуры длинных курганов[13]. Это поселение можно было бы интерпретировать как укрепленное городище, сопровождаемое свитой неукрепленных селищ в округе, с постройками, расположенными группами вокруг центральної свободной площадки (рис. 2). Для окончательных выводов нужны дополнительные археологические данные.

III АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ период (VIII–IX вв.).

Крупный поселок длительного существования (от 3 до 6 строительных горизонтов). На смену постройкам, заглубленным в грунт, приходят наземные, столбовые с открытыми очагами и срубные с глинобитными печами. «Псковское городище было в VIII–IX вв. самым крупным центром населения (в основном славянского — И.Л.) в бассейне нижнего течения р. Великой. Поселение отличают наличие укреплений (вал из глины с частоколом наверху?), большая площадь (до 3 га) и плотная застройка по периметру площадки. Оставшаяся незастроенной середина площадки имела, скорее всего, общественное назначение»[14]. Западный ряд (вдоль Великой) столбовых построек с очагами посредине и постройки с глинобитными печами, вторгающиеся в него, по мнению К.М. Плоткина, имели производственное (литейное) назначение. Поселение

Рис. 2. К. Рерих. Славянский городок

не имело посада за южной линией укреплений, проходившей в районе современного собора. Дальнейшие исследования помогут прояснить историю древнейшего предгородского поселения и обозначить элементы его планировочной структуры. Следует отметить, что по мнению других специалистов (В.В. Седов, А.А. Александров) II и III периоды могут соответствовать одному длительному. Имеет место временное разделение единовременно существовавших разноэтничных строений автохтонного, северно-финского и пришлого, среднеевропейского (кривичи) населения. Автор склоняется к последнему. Для окончательных выводов археологических данных недостаточно.

I ЛЕГЕНДАРНЫЙ период (конец IX — середина XI в. — основание Пскова).

Поскольку происхождение Пскова связано с легендой, позволим себе для удобства так назвать раннегородской этап формирования архитектурного ансамбля, известного нам преимущественно по данным археологии (по С.В.Белецкому — раннегородское образование на мысу Г). Кратко этот этап характеризуется следующими архитектурно-археологическими данными. На месте первоначального городища формируется детинец — укрепленное ядро города, застройка которого сменяется. Уменьшается число ремесленных мастерских, в домостроительстве формируются традиционные типы однокамерных, пятистенных, трехчастных срубных строений, типичных для всего Северо-Запада. Княжеских или общественно-административных строений в детинце не выявлено. Любопытно в этой связи упоминание ольгиных саней (по Л.А. Творогову — сеней), которые долгое время сохранялись в Пскове. Где они могли стоять? В Новгороде Ярославово дворище располагается за рекой, напротив детинца. Ольгин крест традиция прочно связала с Завеличьем, с местом, которое легко определяется как место древнейшей переправы через Великую к Крому. Наиболее подходящим для княжеской резиденции на Завеличье можно считать место бывшего Ильинского монастыря напротив устья реки Псковы, которое А.А. Александров определяет как городище ольгинского времени[15].

Срубными строениями того же традиционного типа хаотично застраивается южное предградье — посад, где выявлена большая железоделательная мастерская (территория Довмонтова города). Этот посад («Охабень» по М.Х. Алешковскому) дополняли еще два. По археологическим данным, к концу X в. появляются первые улицы-дороги — Великая, Новгородская, вдоль которых распространяется посадская застройка по верхним террасам берегов Великой и Псковы[16]. Многолетними раскопками Псковской экспедиции под руководством И.К. Лабутиной выявлен археологический комплекс рассматриваемого периода, включающий остатки древнего курганного языческого некрополя со святилищем в центре (между улицами Ленина и К. Маркса). Он располагался на всхолмлении в средней части междуречья. Время прекращения захоронений можно принять за условную верхнюю границу данного периода[17]. На вершине холма, через ров или низину, располагался позднее загадочный Городец[18]. Синхронное поселение и курганно-жальничный могильник IX–X вв. обнаружены на Романихе (последний использовался до конца XIII в.)[19]. Такое же поселение и могильник с латгальскими древностями выявлены на Завеличье (в районе областной больницы). Ко времени Ольги легенда относит основание первой Троицкой церкви. Следует также обратить внимание на очевидную преемственность языческих традиций в выборе доминантных мест при строительстве ранних христианских храмов. Церковь Власия («правопреемник» скотьего бога Велеса) поставлена в южной части первого участка посада на спуске к реке Великой, возможно, на месте бывшего капища (А.А. Александров). Ильинский монастырь на городище и Перынский Никольский на Завеличье тесно связаны с представлениями о культе Перуна. На месте Перынского монастыря и теперь сохранился языческий Перунов камень. Предания и поздние летописные известия упорно связывают некий языческий центр (идол — по С.В. Белецкому) с территорией будущего Мирожского монастыря, который находится прямо напротив места раннего поселения и некрополя на Завеличье. Каменный идол, утраченный в войну, был найден в Промежице. Дошедших до нас следов данного периода не так много, но и к ним могут быть применимы специальные решения. Так, в проектах комплексной реконструкции Ольгинского берега и квартала №19 (район пединститута) исторические площадки бывшего Ильинского монастыря, некрополя и направление стены посадника Бориса предусмотрено оставить свободными от застройки для дальнейших исследований и специальных мероприятий.

II ЛЕГЕНДАРНЫЙ период (середина XI — первая половина XII в.).

На данном этапе[20] в градостроительном отношении не происходит кардинальных изменений, но завершается формирование раннегородского ансамбля Пскова. К концу XI в. выстроен, как считают археологи, первый каменный детинец (рис. 3). Завершается формирование уличной сети, прекращает существование некрополь и начинает полностью застраиваться регулярной усадебной застройкой междуречье Великой и Псковы — формируются старые посады. Можно предположить, что в этот период, когда появились первые достоверные известия об осадах города, на южной границе новой посадской территории выстроено некое укрепление — Городец. Это место, где встречены участки культурного слоя X в., несомненно имело стратегическое оборонное значение для молодого города. Принципиально новым стало в этот период появление посадской застройки на Запсковье и Завеличье. На последнем в этот период образовалось целое поселение, возможно, этническое, типа пригородной слободы (мыс на месте гостиницы «Интурист»), со своим некрополем (территория областной больницы). Наверное, существовала и постоянная паромная переправа. При пересечении ул. Воровского и Некрасова обнаружены участки капитальной оканавленной дороги, которую можно отождествить с древнейшей сухопутной, прямой дорогой на Новгород[21]. Любопытно,

Рис. 3. Псковский кремль. Открытка начала XX в.

что нет данных о церковном строительстве на данный период (храм Власия на Власьевском спуске предание относит к более раннему времени). Следы всех древних периодов могут быть использованы при современном проектировании — направления утраченных улиц, переулков, иные градостроительные акценты.

НОВГОРОДСКИЙ период (середина XII — середина XIV в.).

События 1136–1137 гг. в Новгороде и Пскове привели к большим переменам в политическом устройстве Новгородской земли (церковно-боярская республика) и упрочили зависимость Пскова от Новгорода. Это прямо выразилось в строительстве вскоре после указанных событий княжеско-новгородской церкви Иоанна Предтечи и Спасо-Преображенского собора Спасо-Мирожского монастыря, выстроенного усилиями новгородского архиепископа. Таким образом, в Псков была перенесена новгородская градостроительная традиция, по которой главные монастыри размещаются за городом, вниз и вверх по течению главной реки. Развитие строительной активности по берегам Великой в этот период превращает ее в главную водную магистраль города, что несомненно повлияло на масштаб и характеристики последующего градостроительного процесса. Соответственно новая каменная церковь Дмитрия Солунского над гробом Всеволода-Гавриила (1144) возводится на Торгу, в общественном центре города, значение которого также резко возрастает в описываемое время. Южное предградье скоро освобождается от посадской застройки и превращается в торгово-экономический, общественный и духовный центр города, подобный Ярославову дворищу в Новгороде. Это было связано со значительной перепланировкой в центре и отселением большого числа владельцев усадеб. Здесь располагается Княжий двор, развивается церковное строительство. В 1308–1309 гг., в завершение грандиозного комплекса работ по реконструкции, этот новый экономический центр городской жизни благоустраивается. При посаднике Борисе псковичи замостили дубовыми плахами Старый торг и защитили сложившуюся посадскую застройку к югу и востоку от центра мощной каменной стеной[22]. При этом, вероятно, снесен легендарный Городец, и на его месте вскоре заложен грандиозный храм Михаила и Гавриила Архангелов (мастера — тоже новгородцы[23]), в названии которого сохранилась память о прежнем топониме. На рубеже XIII–XIV вв. наблюдается повсеместная перепланировка усадеб[24]. Первоначально новая крепость была двухбашенной — со Старым костром над Великими и башней над Петровскими воротами. Посады выходят далеко за ее границы (Опоцкий конец распространяется далеко вдоль Великой[25]). Усложняется уличная система. Например, с XIII в. существует Мощенка на Запсковье[26]. Усадьбы горожан, огражденные частоколами, включают большой набор жилых, хозяйственных и производственных строений — от дворового настила и дренажей (много сырых мест) до мастерских и хоромных строений.

Реконструкция затронула и самое сердце Пскова. Акт перенесения мощей Всеволода-Гавриила в Кром во вновь отстроенный каменный Троицкий собор сопровождался большими реконструктивными мероприятиями. В этот период Кром освобождается от жилья, которое замещается житницами и складами военных припасов. Для перенесения мощей был проложен новый «пространный путь» со стороны Псковы в Кром, к новой соборной церкви. Второй, первоначальный, въезд остается со стороны реки Великой.

XIII в. для Пскова был периодом наиболее тяжелых военных испытаний и нового подъема. Это нашло отражение в строительстве храмового комплекса, строений предполагаемого княжьего двора, еще одной каменной крепостной стены и всего, не имеющего аналогов, градостроительного комплекса Довмонтова города, обязанного своим возникновением необычайному авторитету Довмонта — князя и святого, защитника вечевого Пскова. В этом же тяжелом столетии город обрастает со всех сторон пригородными селениями, монастырями (Снетогорский), что является свидетельством возросшего авторитета и благосостояния главного города земли Псковской.

Для данного и последующих этапов лучшим примером исторической памяти является музеефикация ансамбля Довмонтова города, исследованного на 80% экспедицией Государственного Эрмитажа, с организацией Музея фрески в отреставрированных храмах Рождественской батареи.

I ВЕЧЕВОЙ период (середина XIV — середина XV в.).

Данный период, связанный с обретением независимости земли Псковской, отличают новый подъем градостроительной активности и высочайшие градостроительные достижения. Процесс затронул все градообразующие структуры. Главным градостроительным событием, апофеозом псковского градостроительства, стала реконструкция и оформление «Столичного центра вечевого Пскова»[27]. Строительство в 1365–1367 гг. нового Троицкого собора, по мнению Н.Н. Воронина, стало главным архитектурным достижением XIV в. на Руси[28]. Соборная церковь в новых псковских формах, ансамбль персей, вечевой площади и реконструированных крепостных сооружений усилили доминантную роль Крома в городском ансамбле.

К Крому примыкал не менее удивительный архитектурный ансамбль в Довмонтовой стене. Здесь, начиная с XII в., возводится компактный, крупный храмовый комплекс (всего не менее 17 престолов!), который дополняли крепостные сооружения и общественно-административные здания («поповская изба»). Еще при Довмонте (?) он был отделен от Торга каменной стеной, ныне репрезентативной, Власьевским спуском и выполнял особую представительскую роль в ансамбле городского центра. На благоустроенную площадь городского Торга выходит Княжий двор, выстроенный или перестроенный вновь у западной стены Старого застенья и Власьевских ворот на Великую — главных западных ворот столичного Пскова. Вторые «Великие врата каменные» («Костер на Торгу»)[29] выходили на Пскову, к переправе (мосту) на Запсковье. К концу XIV в. главной оборонительной линией стала новая каменная стена будущего Среднего города («Новое застенье»). Она проходила по берегам рек и с напольной стороны («на приступе») защищала распространившиеся посады. Ее напольное направление определяло русло речки Зрачка (направление улицы Пушкина), послужившее предкрепостным рвом. Строительство было связано также с перепланировками — достаточно назвать перенос на новое место, к Петровским воротам на Пскову, церкви Петра и Павла с Буя (1372/73 гг.)[30].

Строительство кончанских храмов — завершение процесса формирования посадской территории города по «концам». Стройную структуру собственно городской территории с магистральными улицами по числу концов завершала линия внешних крепостных сооружений, защищенных внешними рвами. Ее дополняли пригородные и придорожные слободы, монастыри, тяготевшие к Великой и Пскове — главным водным магистралям города.

II ВЕЧЕВОЙ период (середина XV в. — 1510 г.).

Рамки краткого очерка не позволяют подробно охарактеризовать каждый последующий период. Отметим лишь главные изменения и последующие события градостроительной истории Пскова, принципиальная модель которого сформировалась в уже описанное время. Относительная военно-политическая стабильность с середины XV в., а также ряд крупных городских пожаров способствовали росту города и развитию городского строительства. Начинается оно с разборки стены 1309 г. (1433 г. и позднее) и расширения территории старых посадов до линии стен Среднего города, продолжается реконструкцией существующей системы каменных укреплений и завершается строительством каменных стен двух запсковских концов (1480-е гг.). Только после этого Запсковье окончательно вошло в городскую черту, о чем свидетельствует выселение на Завеличье с Немецкого берега (Примостье, ныне Советская набережная) немецких

торговых дворов. Новые каменные кончанские храмы Козьмы и Демьяна с Примостья (1462–1463) и Богоявления с Запсковья (1495/1496) строились как новые значительные городские центры, сохранившие свое значение и поныне. Строительство системы деревянных укреплений Окольного города (1465–1502 привело к значительному расширению и началу более активного освоения новой городской, малоосвоенной (в основном монастырями) территории под посадскую застройку. Это было связано с благоустройством. Есть сведения о дренажных системах. Практикой, как и в городском центре, стало мощение улиц. Активизируется храмовое строительство, акцентированное обязательными псковскими звонницами (на западной стене зданий), обогащая микроструктуру городской застройки. Развивается строительство и на Завеличье. Строится приходская Успенская церковь с Пароменья (1443), активизируется строительство вдоль замощенной Изборской улицы в пригородных монастырях. Об этом свидетельствует возведение постоянного наплавного моста через Великую, по крайней мере, с 1463 г. Однако этот большой район градостроительной активности до конца XVIII в. следует считать не посадом, а пригородом. Территорию собственно города (по некоторым подсчетам — 170 га[31]) следует исчислять в границах Окольного города и сохранять ее основные качества в сочетании с пригородными доминантами и масштабными соотношениями как наивысшее достижение в градостроительстве Пскова (рис. 4).

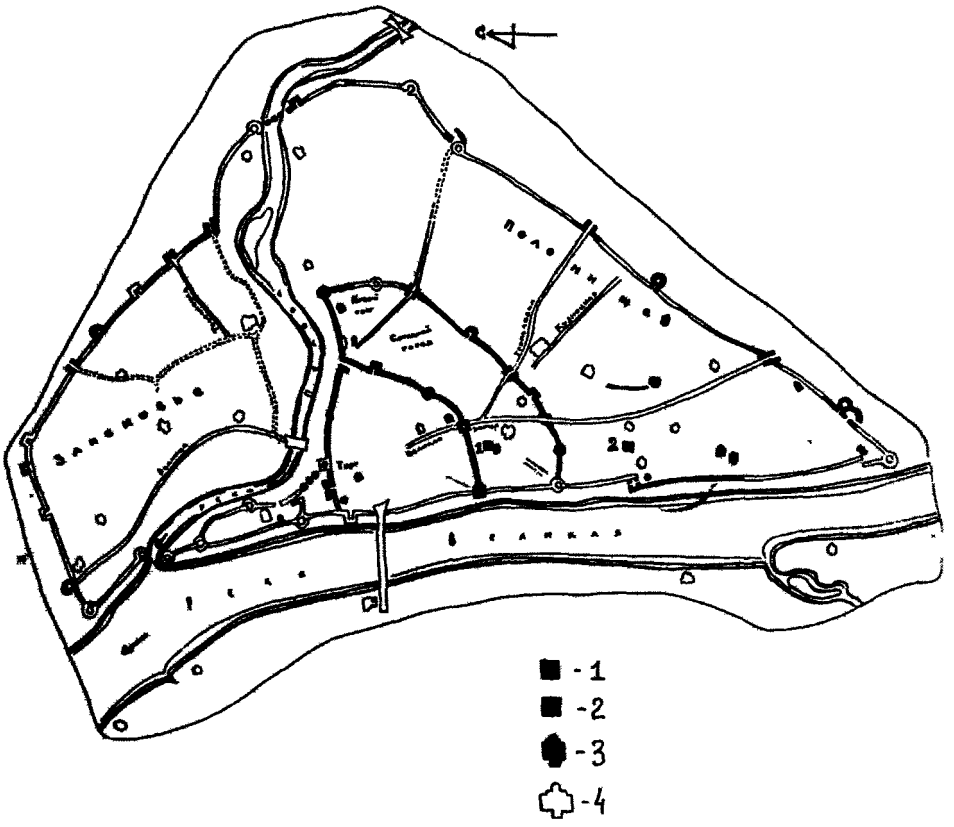


Рис. 4. План-схема градостроительной структуры Пскова. II вечевой период

I МОСКОВСКИЙ период (XVI в.).

«В лето (1510) приехал во Псков Князь Великой Василей Ивановичъ..., а ис крему велел клети выпрятать, и Крем бысть пуст...»[32]. Период после присоединения Пскова к единому централизованному древнерусскому государству противоречив. Кардинальные изменения политико-экономического характера не привели к столь же резким градостроительным последствиям. Достижения предыдущего периода были столь значительны, что новые правители города лишь продолжили сложившуюся градостроительную традицию. Кром опустел ненадолго и был занят государевыми житницами и пороховыми погребами. Опустела Вечевая площадь, но на место вечевого из Москвы прислан новый колокол, отлитый специально (1518). Крепостные сооружения кремлевского ансамбля перестраиваются и поддерживаются как и прежде. Стены Окольного города перестроены в камне и модернизированы. Залогом сохранения традиции стал местный строительный материал, владели которым в полной мере ставшие известными в стране псковские каменщики. Яркие новации приезжих архитекторов (в том числе итальянских) в крепостном строительстве смягчались и нивелировались традиционными строительными приемами. Неизменным оставался общий план крепости. Новыми акцентами крепостного ансамбля стали мощные угловые и проезжие («с отводами») башни, первоначально деревянные опускные решетки — водобежные ворота на реке Пскове. Новое строительство лишь увеличило масштаб и значительность традиционного по сути городского ансамбля.

То же происходит в церковном зодчестве. В Довмонтовой стене восстанавливается вновь древняя церковь Дмитрия Солунского (1523–1524)[33]. Новое пространственное мышление построено на развитии традиционных форм в новом грандиозном здании бывшего кончанского храма Николы со Усохи (1536). Увеличиваются в масштабе свободно поставленные псковские звонницы (храм Успения с Пароменья, 1521 г.). Иногда, как и в старину, спешно возводятся деревянные церкви-обыденки (Покрова на Торгу во время мора 1521–1522 гг.). Строятся монастырские подворья, церкви и монастыри в городской округе. Каменное церковное и монастырское строительство достигает наивысшего размаха за всю историю Пскова и нового подъема. В рассматриваемый период оно завершается строительством в южной части Крома большого комплекса Митрополичьего двора после учреждения Псковской митрополичьей кафедры (частично разобран и засыпан землей в 1830-е гг., при строительстве теплого Благовещенского собора).

Наиболее существенные изменения в городском ансамбле произошли на посаде. Перенос Торга и переселение знатных псковичей на Полонище резко повысили статус этой территории, куда переместился центр экономической жизни. Только Рыбники (рыбный торг) остаются в центре, на Пскове, под кремлевской стеной. Новый торг стал не только активным градостроительным центром, где строятся церкви, торговые лавки и дворы. Он стал катализатором образования новых радиальных и больших кольцевых улиц, на которых развивается жилое и купеческое дворовое строительство. Не исключена организованная перепланировка части Полонища, но таких данных пока нет. Подобная попытка предпринималась москвичами в 1530-е годы в Новгороде после большого пожара. Образуются целые ремесленные слободы. К концу XVI в. известно до 30 мельниц. Сотенная организация территории также способствовала образованию новых градостроительных структур, недостаточно изученных.

Плодотворный градостроительный период оказался непродолжительным. Ливонская война, оборона города 1581–1582 гг., разорение всего Псковского края привели к резкому упадку во всем. Запустели пригородные поселения, плотно окружавшие город в тот период. Смутное время, сменившее непродолжительный подъем начала XVII в., усугубило тяжелые военные последствия.

II МОСКОВСКИЙ период (XVII — середина XVIII в.).

Период упадка был продолжительным для всего северо-запада России. В 1606–1609 гг. город опустошили пожары. В 1615 г. войска шведского короля Густава-Адольфа со всех сторон окружили крепость временными фортами-батареями и вели новую длительную осаду. Одна из батарей заняла площадку бывшего городища на Завеличье, напротив Кремля, где теперь размещался Ильинский монастырь. Своей артиллерией шведы разрушили Варлаамовскую наугольную башню, другие участки каменной твердыни, которая восстанавливалась долго и с большими трудами. Модернизация восстановленных участков принципиально не повлияла на градостроительные характеристики. Продолжают стоять ветшающие стены Среднего города. Любопытно сообщение 1632 г. о присылке инженера-иностранца для окапывания всего города рвом, которое можно истолковать как попытку модернизации всей крепости[34]. Таким крупным фортификационным событием в рассматриваемый период, резко нарушившим многовековую традицию каменного крепостного строительства и внесшим значительные изменения в городской ансамбль, стало строительство под руководством Петра I земляной крепости в 1701–1704 гг.[35] Его также можно выделить в отдельный этап. По линии стен Кремля, Окольного города и левого берега Псковы протянулась линия новейших земляных фортификаций, которая так и не была полностью завершена и в военных действиях не участвовала. К середине XVIII в. крепость была окончательно упразднена и более не ремонтировалась.

В церковном строительстве в городском ансамбле Московского периода появляются новые акценты в виде нетрадиционных строений московского или общерусского характера (пятиглавые храмы Одигитрии Божией Матери на Псково-Печорском подворье, Николы Явленного и др.). К счастью, новый Троицкий собор конца XVII в. с башенной колокольней сумел сохранить дух монументальной псковской архитектуры и традиционное значение главной доминанты всего городского ансамбля.

В градостроительном плане данный период характеризуется небывалым размахом каменного гражданского строительства в конце XVII в. В частном традиционном купеческом строительстве оно продолжалось до середины XVIII столетия. Каменная Приказная палата с роскошными деревянными верхами (1693–1695), Пушечный двор и шатер для орудий, новый каменный Гостиный двор, иноземные торговые дворы на Завеличье, Стрелецкая палата — неполный перечень крупных общественных зданий. К ним можно добавить значительный комплекс нового Воеводского двора (в районе пединститута). Этот перечень дополняется целой серией уникальных в своем роде каменных купеческих дворов Пскова во главе с Поганкиными палатами, тяготевших к Новому торгу и торговым путям из города. Десятками исчисляются выявленные по документам, в натуре и в археологических раскопках каменные подызбицы. Они красноречиво свидетельствуют о размахе каменного и полукаменного жилого строительства в Пскове. Сомнение может вызвать название и временные рамки периода. Однако анализ его градостроительных его характеристик, настоящий упадок города в первой половине XVIII в., когда появляются лишь единичные новые крупные сооружения петербургского круга, принципиально не повлиявшие на общую картину, позволяют, с известными оговорками, раздвинуть рамки Московского периода до губернского времени. Город продолжает оставаться средневековым городом Московской Руси, о чем красноречиво свидетельствуют фиксационные дорегулярные планы (рис. 5, 6).

ГУБЕРНСКИЙ период (конец XVIII — первая треть XX в.).

Так же, как и предыдущий период, эпоху регулярного преобразования Пскова в современный губернский центр можно подразделять на отдельные этапы, и для этого имеется достаточно оснований. Однако рамки краткого очерка не позволяют даже в

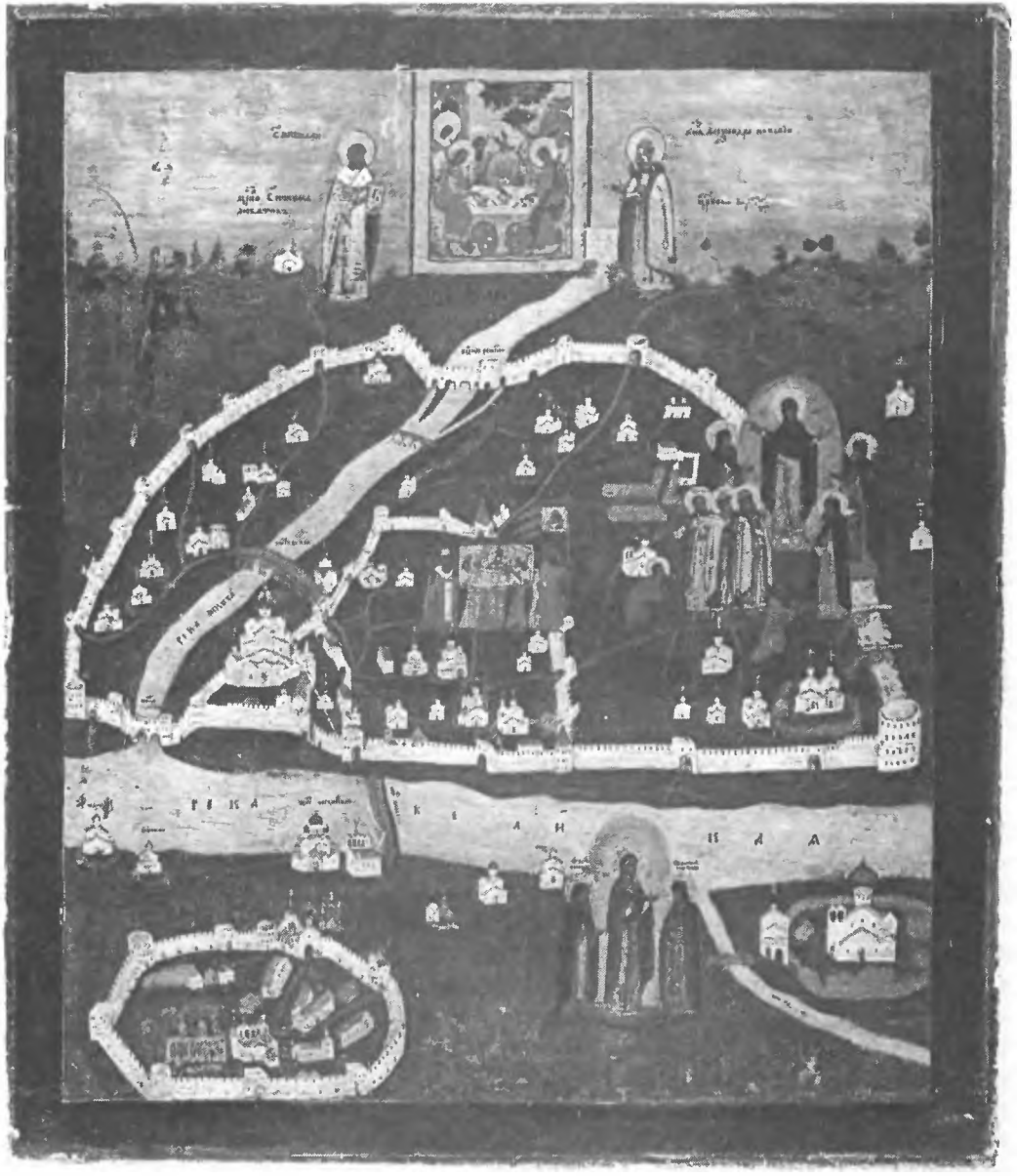


Рис. 5. Градостроительный ансамбль Пскова. Московский период (конец XVII в.). Икона Жиглевича

Рис. 6. Псков накануне перепланировки конца XVIII в.
«Псковъ съ ситуацыею» середины XVIII в.

целом подробно охарактеризовать эпоху коренной реконструкции города Нового времени[36]. Отметим ее основные особенности. Последовательное переустройство городского ансамбля по утвержденному Генеральному плану 1778 г. (рис. 7), жесткая и последовательная регламентация нового строительства на основе «образцовых проектов», неумолимая перепланировка уличной структуры по плановым «линиям» (со сносом вновь выстроенных зданий, если они «в линию» не попадали), разумеется, преобразили Псков (рис. 8). Резко расширились границы собственно городской территории. Появились новые явления в ее структуре — бульвары, благоустроенные набережные, регулярные комплексы военных, общественных, административных и учебных строений, крупные инженерные и железнодорожные сооружения. Псков развивался как крупный современный административный центр. И все же есть целый ряд достоинств, которые позволяют считать Псков губернского времени ценным как ансамбль исторического города.

Во-первых, новый Генплан закрепил возврат главной Торговой площади на ее историческое место к стенам Кремля. Доминантное значение Кремля было упрочено строительством теплого Благовещенского собора и сознательной реставрацией южной части кремлевских укреплений[37]. Спрямленная уличная сеть сохранила исторический план центра и города в целом: направления главных древних магистралей, радиально-кольцевую структуру, доминантную роль архитектурных памятников. И даже создала для последних новую историческую среду. Все это позволило специалистам Петроградского подотдела охраны исторического наследия в 1918 г. говорить о Пскове как о городе-музее (рис. 9–13). В наше время поддержание структур Губернского периода — единственный способ сохранить Псков как исторический город.

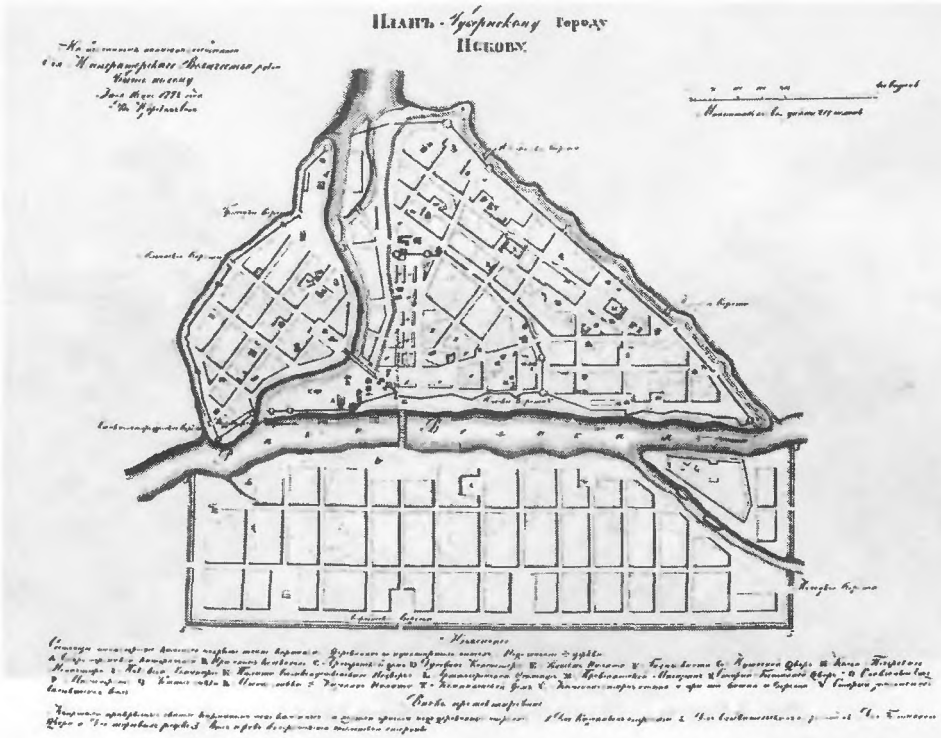


Рис. 7. «План Губернскому городу Пскову», высочайше утвержденный 16 июня 1778 г.

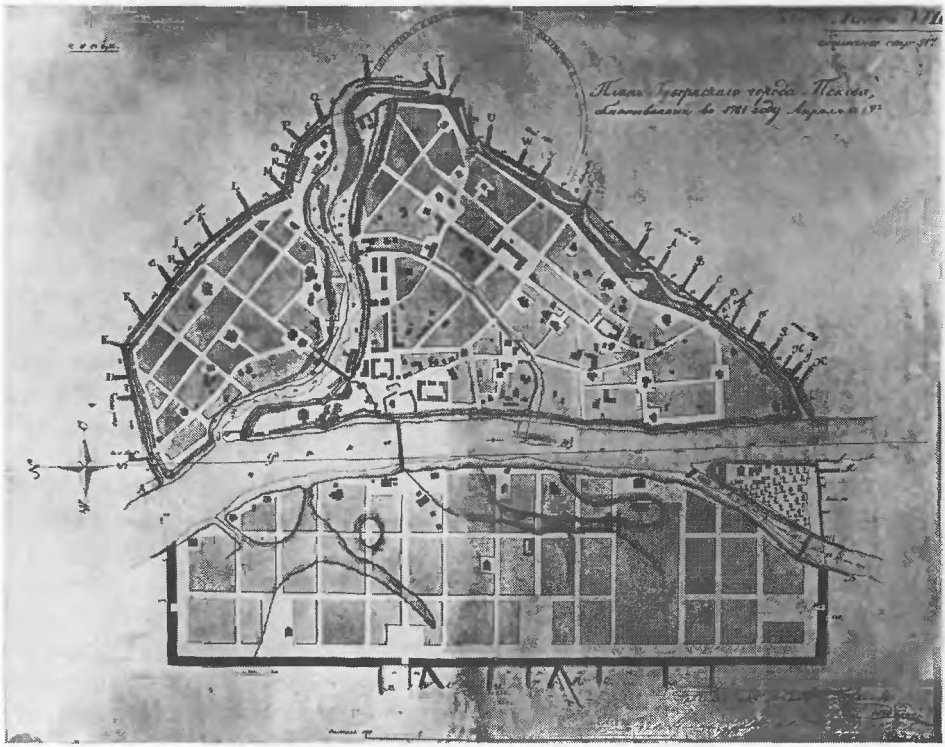


Рис. 8. Псков в начале губернского периода на межевом плане 1781 г.

Рис. 9. Вид на Кром (открытка XIX — начала XX в.)

Рис. 10. Плавучий мост (открытка)

Рис. 11. Торговая площадь (открытка)

СОВЕТСКИЙ период (1930–1980-е годы).

Данный период близок нам, легко и просто подразделяется на отдельные этапы, но в целом характеризуется как попытка строительства на основе древнего города другого, нового, социалистического Пскова. Это не могло не вступать в противоречие с историческим ансамблем, несмотря на большое внимание к реставрации памятников и своеобразное продолжение губернской традиции сохранения исторического наследия. Этот период требует внимательного специального анализа, поскольку от правильного понимания его итогов во многом зависит будущее исторического Пскова, о чем и идет речь в данном очерке. Наиболее негативные по отношению к историческому городу явления прослеживаются в периоды наиболее активного администрирования. В 30-е гг. в историческую ткань города сознательно внедряются активные, крупномасштабные новостройки — ТЭЦ, «дома специалистов», — к счастью, немногочисленные. Послевоенные годы (вплоть до 70-х гг.) характеризуются не только активным восстановлением, но и сознательными сносами целых фрагментов сохранившейся застройки губернского времени. Любопытно, что интересы администраторов нового города встретились здесь с интересами таких защитников старины, как Ю.П. Спегальский. Защитники древностей в то время не только переоценивали возможности возрождения структуры древнего Пскова в новых послевоенных условиях, но и недооценивали роль губернской средовой застройки, которая защищала древности. В период бурного послевоенного восстановления Пскова оказалось нереальным реализовать даже такой замечательный проект Ю.П.Спегальского, как «Проект архитектурных заповедников» (его идеи сегодня развиваются в новых проектах возрождения псковской старины). Губернская архитектура длительное время вообще не имела защитников, а ее место со временем заняла типовая. Протесты вызывали наиболее одиозные сооружения «Типового этапа», но гораздо активнее на историческую структуру воздействовал общий процесс стандартизации, который до сих пор вторгается в исторический центр. К негативным

Рис. 12. Рыбники (открытка)

Рис. 13. Мост через р. Пскову и Примость (открытка)

фактам следует отнести стандартную для советского времени реконструкцию главной площади Ленина, отягощенную строительством таких зданий, как кинотеатр «Октябрь», «Дом семьи». Ложно-административный характер приобрело здание пединститута, которое призвано было создать новый современный центр площади в противовес «устаревшему» Кремлю с его Троицким собором. В результате Кремль потерял часть своего доминантного значения. Из маркт-плац европейского исторического города, места притяжения и отдыха для горожан, площадь Ленина превратилась в транзитно-парадную. К негативным явлениям следует отнести развитие крупных предприятий на берегах реки Великой (борьба за их вынос пока ведется безуспешно). А также неудачную попытку полного переноса городского центра из исторического города на Завеличье, типичную для определенного этапа отечественного градостроительства. Она неизбежно привела бы к деградации исторического центра.

Вместе с тем советский период — это настоящий подвиг быстрого послевоенного восстановления города из руин, размах консервационно-восстановительных и реставрационных работ на памятниках старины, разумное, продуманное развитие города на Завеличье, в новых промышленных зонах и районах новостроек (по Генплану ЛЕНГИПРОГОРА, главный архитектор проекта Г.П. Боренко). В этот период разрабатывается целый ряд документов перспективного планирования городского развития, которые подготовили выход в свет специального постановления правительства «О комплексной реконструкции и реставрации памятников истории и культуры в Новгороде и Пскове» (1988).

НОВЕЙШИЙ период (с 1990-х гг.).

Начало работ по реализации постановления совпало с перестройкой, изменением государственного строя и последовавшей приостановкой финансирования. Поэтому говорить можно только о наработке научно-проектного потенциала, реализации отдель-

ных локальных проектов и новых положительных тенденциях, связанных с новым мышлением. Начало нового периода было связано с негативными процессами деградации старых застроек, бесконтрольного строительства и законодательной анархии. Но в целом новостройки в Пскове оставили значительно меньше печальных следов, чем во многих других российских городах. Сказались все предыдущие действия и усилия защитников старины, специалистов. Важнейшим фактом начала нового периода стало утверждение «Проекта комплексной реконструкции исторического центра г. Пскова» (ИНРЕКОН, 1994 г., заказчик — Генеральная дирекция «Псковреконструкция»), разработанного в соответствии с постановлением 1988 г. На основе этого действующего документа в Пскове разработан и реализуется целый ряд проектов реставрации и комплексной реконструкции исторических памятников и застроек.

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ период связан с разработкой новой концепции Генерального плана г. Пскова до 2020 г. (институт «Псковгражданпроект», главный архитектор проекта В.В. Мухортов) и планами превращения Пскова в город с развитой индустрией туризма.

---

[1] Например: Лагунин И.И. Историко-градостроительный очерк квартала №23 исторического центра Пскова в границах улиц Гоголя, К.Маркса, Свердлова, Комиссаровского переулка//ПГОИАХМЗ, 1990. Архив Псковского института «Спецпроектреставрация».

[2] Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков,1913; Спегальский Ю.П. Псков. Художественные памятники. Л.–М., «Искусство», 1963; Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., «Наука»,1985.

[3] Разнообразные сведения содержатся в докладах на ежегодных конференциях «Археология и история Пскова и Псковской земли». Для нас особенно интересны попытки периодизации самых ранних догородских и протогородских поселений на территории Пскова, единственным источником для которых служат данные археологии: Белецкий С.В. Средиевековый Псков (опыт периодизации) // Древний Псков. Исследование средневекового города. СПб., 1994. С. 43–49 (историческая периодизация, предложенная С.В.Белецким, не во всем совпадает с градостроительной, которая обладает своей спецификой и инерцией); Плоткин К.М. Начало Пскова// Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 38–43.

[4] Мокеев Г.Я. Столичный центр вечевого Пскова. М., Знание, 1971.

[5] Алешковский М.Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения социальной истории// Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975. Вып.I; Брунов Н.И. Архитектура Пскова // История русской архитектуры. М.,1951. С.42–46; История русской архитектуры. М., 1956. С.72–77, 137–139. Князев К.Ф. Русское градостроительное наследие. М., Знание,1972. С.5–42.

[6] Шилков В. Работы А.В. Квасова и И.Е.Старова по планировке русских городов// Архитектурное наследство. М.-Л., 1953. №4. С.30–34.

[7] Годовиков И.Ф. Краткое историческое описание г. Пскова и его древностей. С атласом рисунков. Рукопись.1886//ПГОИАХМЗ, Древлехранилище, № 507/1950.

[8] Медников М.М. Ушаков Федор Алексеевич //Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 461–462.

[9] До сих пор исследователи пользуются основными планами, выявленными в архивах замечательным, незаслуженно забытым архивистом С.А.Цвылевым, — ГАПО, картотека Цвылева. Свод планов и графических источников по ансамблю Псковского кремля подготовил к печати В.Д.Белецкий — Белецкий В.Д. Псковский кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб., 1997. Часть II. Вып.I. В сборнике помещено очень важное исследование икон 1581 года – Н.М.Ткачева. Псковские иконы конца XVI — начала XIX в. на сюжет сказания о видении Дорофея // Там же, приложение I.С. 36–47.

[10] Харлашов Б.Н. План Псковской крепости 1740 г. (опыт адаптации к современной топооснове) // Псков. 2002. № С. 93–103.

[11] Белецкий С.В. Средневековый Псков...; Плоткин К.М. Начало Пскова.

[12] Плоткин К.М. Начало Пскова. С. 24., Белецкий С.В. Средневековый Псков...С. 43.

[13] Там же; Александров А.А. Во времена княгини Ольги. Псков, 2001.С. 208.

[14] Плоткин К.М. Начало Пскова. С. 38. По С.В. Белецкому – «поселение В, близкородственное культуре Рыуге» в Эстонии//Там же. С.43.

[15] Александров А.А. Во времена... С.113–117.

[16] Плоткин К.М. Концы Пскова на начальном этапе сложения городской территории// Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 28–32.

[17] С.В.Белецкий завершением периода Г считает христианизацию и разгром языческого Пскова, с которыми связывает упоминание о заключении князя Судислава в Пскове в поруб (Белецкий С.В. Средневековый Псков... С. 41).

[18] Плоткин К.М. Концы Пскова...С.30. (Раскоп VIII по ул. Ленина 1985 г. И.О.Колосовой).

[19] Кильдюшевский В.И. Псковская экспедиция ИИМК РАН (1976–1991 гг.)// Древний Псков. СПб.,, 1994. С. 20.

[20] По С.В.Белецкому период ДІ — Белецкий С.В. Средневековый Псков...С.44.

[21] Никольский раскоп 1991 г. и Благовещенский 1995 г. ПГНИАЦ, руководитель Е.А.Яковлева.

[22] Плахи были обнаружены на большой глубине (12 м) в центре пл. Ленина в 1920-е гг.

[23] Седов Вл.В. Псковская архитектура XIV–XV вв. М.,1992.

[24] Плоткин К.М. Концы Пскова...С. 31

[25] В 1912 г. раскопками В.Н.Крейтона обнаружены деревянные строения XIII в. под Мстиславской башней – Голунова И. Древний Псков// Псковская правда,19.07.1967, С.4.

[26] Лабутина И.К. И снова находки...// Псковская правда, 24.08.1986. С.2.

[27] Мокеев Г.Я.Столичный центр...

[28] Воронин Н.Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М., 1952. С. 282–299.

[29] Лабутина И.К. Историческая топография...С.45.

[30] Здесь и далее данные о строительстве XIV–XV вв. по изд.: Лабутина И.К. Историческая топография...

[31] Васильев А., Янсон А.К. Древний Псков. Л., 1929.

[32] Погодин М.П. Псковские летописи. М., 1837. С. 181.

[33] Даты по ПІЛ, ПІІЛ.

[34] Лебедев Е.Е. Учреждение Псковской епархии // ПЕВ, 1894. №№10–11.

[35] Болховитинов Е. История Княжества Псковского. Сокращенная Псковская летопись, собранная из отечественных и иностранных летописей. Рукопись.1831. – ГАПО, ф. 499, оп.1, ед.хр.78, л.56.

[36] Лагунин И.И. Псковская крепость в 1701–1707 гг. Петровские фортификации// Крепостное зодчество Псковской земли и ее соседей: Тезисы докладов. Изборск, 1980. С.13–14.

[37] Лагунин И.И. Реферат научной работы на соискание звания кандидата искусствоведения. Научный архив Института им. И.Е.Репина. Псков; СПб., 1974.

А.Г. Разумовская

ДРЕВНОСТИ ПСКОВА В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАМЯТИ

Всякое осмысленное, символически упорядоченное место жизни человека является пространством памяти. Город при таком подходе предстает «сложным семиотическим механизмом, генератором культуры»[1], особым видом текста. Исследование культурной символизации пространства успешно предпринимается современной филологией вслед за Ю. Лотманом и В. Топоровым, которые в своих работах о Петербурге и петербургском тексте как феномене русской культуры обозначили перспективу изучения локальных текстов.

Текст Пскова как структурно-семантическое образование, конечно, менее заметен, чем тексты Петербурга или Москвы, но он не менее интересен и по-своему уникален. Понятие «псковский текст» включает в себя все высказывания о Пскове, все знаковые манифестации «псковскости» и цельность этой совокупности. Явления разного порядка, принадлежащие к области истории, географии, объекты местной архитектуры, всем известные предания и легенды в сцеплении образуют псковский текст. Эта символическая оболочка города нуждается в интерпретации с помощью «языка» культуры. В данном выступлении мы рассматриваем лишь древние «места памяти и силы» Пскова и роль этих знаков-символов в семантике и структуре псковского текста. Свои

наблюдения и выводы мы делаем, анализируя, главным образом, художественные тексты XX в., куда уходят корни разного рода стереотипов в прочтении текста города и откуда берет начало художественная рефлексия феномена Пскова.

Псков вошел в культурную память прежде всего парадным своим пространством: скалистым мысом (горой) в месте слияния рек Великой и Псковы, на котором возвышается Кремль. Центром Кремля и всего Пскова осмысляется Троицкий собор, который является для окружающих земель святыней. Утверждение места своей жизни в качестве центра мира закономерно для любого локального текста, поэтому контуры мифопоэтического города-храма, мировой горы, мировой оси, просматриваемые в осмыслении Пскова, универсальны. Вокруг города как «центра мира» «концентрируются мифы генетического плана» (Ю. Лотман): к ним могут быть отнесены легенды о святой равноапостольной княгине Ольге, а также отсутствие точной даты рождения города может интерпретироваться как указание на «вечность» Пскова.

Образ Кремля создается путем варьирования немногих устойчивых определений: «старинные стены / ветряного Кремля» (Б.Чичибабин), «Кремль вознесся сероплитный» (Н. Глазков), «сереют корявые стены Детинца» (С. Черный), «крепости белой подкова» (О. Алексеев). Троицкий собор также атрибутируется постоянными характеристиками: «Белеет безмолвный собор — исполин» (С. Черный), «собор,/ взошедший стрелой пятиголовой/ из каменной кручи» (С.Золотцев), «древний Троицкий собор/ Взлетел ракетой белоликой/ в бездонный утренний простор» (В. Мухин), «Белостенный, среброглавый/ Осенен великой славой/ Светлый Троицкий собор...» (Е. Морозкина), «небесно серебрян/ тихой Троицы храм» (Б.Чичибабин), «Белый лебедь собора» (Е. Шешолин).

Семиотические модели Пскова ярко воплощены и в таких архитектурных сооружениях города, как:

— крепостные стены и башни («героические стены/С кустами красной бузины» (Е. Морозкина), «стены псковские прекрасны/ в оборонном отношенье» (Н. Глазков), «город, скованный стенами и печалью» (Н. Павлович), «валы, не склоненные сечью» (Е.Борисов), « башни, как белые ели,/ холмы окружили венцом» (О. Алексеев), «стены древней чешуею/ Зигзагом вьются в слободах» (С. Черный);

— церкви («храм на пригорке, белый, одноглавый», «хоть миниатюрный,/ но монументальный» (А. Величанский), «правда наива/ его кротких церквей» (Б.Чичибабин), «храмы стояли, как крепости» (Е. Морозкина), «церковь, что легко взбежала на пригорок/ и улеглась на нем свободно,/ отбросив руку с колокольней,/ как лежал бы человек, спокойно глядя в небо» (Е. Клячкин), «церковка царица/ вольна наградить солнечным светом» (Е. Шешолин), «храмы Пскова на гулких холмах» (Е. Борисов); их купола («сто маковок в снегу» (И. Бродский), «синеют главы на лазури» (С. Черный), «главы влажные, всегдашние» (Е. Морозкина);

— звонницы, колокольни («высотные звонницы Пскова» (О. Алексеев), «под шатрами колоколен/ гроздья музыки висят» (О. Тиммерман), «город подозрительных звонниц» (С. Завьялов), «шеломы колоколен/стерегут Россию» (Л. Маляков).

Памятники истории и культуры выстраиваются в набор знаков, символизирующих древность края, силу и мощь города-крепости и одновременно его таинственную устремленность к небу. Но в семантическом ореоле города монументальность сочетается с простотой и уютной домашностью.

Поэтому наряду с парадными ансамблями ярко выраженной семантикой наделены и районы «милых захолустий» Пскова, в том числе Запсковье, река Пскова, у вод которой «высится живописная развалина — серая громада Гремячей башни. Какой-то задумчивой элегией веет в этом забытом, почти безлюдном уголке, и мысль уносится в

далекое прошлое»[2]. С этой башней связана легенда о спящей княжне, которая ждет своего возлюбленного. «Легенда утверждает, что по ночам башня издает таинственный звон...То звенит зарытое в ней золото, давая знать, что оно цело и что княжна попрежнему ждет своего избавителя...От того звону, говорит народ, и башня зовется Гремячей»[3]. Эта романтическая легенда рассказана в одноименном стихотворении М.П. Розенгейма:

Во Пскове, над старой стеной городской,
Гремячая башня стоит,
Под башнею этой есть склеп потайной,
В том склепе девица лежит.
Лежит она в гробе, девица-княжна,
И свечи вкруг гроба горят,
Лежит она, словно к венцу убрана
В богатый невесты наряд.
И много в том склепе богатой казны
И с золотом бочки кругом –
Девичье приданое бедной княжны
Несметное собрано в нем.
Не мертвая девица в гробе лежит –
Во сне непробудном она, —
И время бесследно над нею летит,
Над нею и смерть не властна.
И спать непробудно назначено ей,
Пока не найдет жениха,
Чтоб сердцем не ведал соблазна страстей
И тело соблюл от греха.

В символическом поле города легенда активно работала и в XIX, и в XX веке. Семиотика Гремячей башни выступала в своем текстопорождающем качестве в творчестве местных поэтов, например в стихотворении Е. Морозкиной. Его разговорный стиль как будто намекает, что стихотворение написано не только автором, но и самим Псковом:

А Козьма с Гремячей башней
Заводил на горке шашни.
Встань с одра, моя подруга,
Не ленись-ка ты с утра!
Вся работает округа,
И тебе пора-пора!

Гуси с вод глотают пенку.
Бабы вышли постирать.
А Козьма взошел на стенку –
Собирается на рать.

И Гремячая сурово
Покачала головой.
Встань с утра! И будь здорова!
Да умойся ключевой. (1957)

Мотив пробуждения спящей красавицы присутствует также в подтексте произведения О. Тиммермана «Кыш, зловещие вороны...»:

Эй, звонарь, не жаль червонца,
Поднесу и хлеб, и соль.
Поиграй в литые солнца,
Хоть чуток поколоколь!

Громко, радостно, напевно
С первой утренней зарей
Разбуди мою царевну
Под Гремячею горой.

Проследим, как функционируют эти элементы «псковского текста» в культурной памяти, как выражено в них ощущение места и отношение к нему.

1. Значительная часть древностей Пскова дана иллюстративно на фоне героической истории города и тем самым актуализирует исторически сложившуюся смысловую матрицу Пскова как стража земли Русской. Одним из важнейших элементов псковского текста выступает меч Всеволода-Гавриила. С одной стороны, это хранящаяся в музее реликвия, которая до XX в. связывалась с князем, оставившим в сердцах псковичей добрую память и ставшим первым псковским святым. С другой стороны, меч существует как образ, широко усвоенный локальным сообществом и выступающий в качестве одной из эмблем Пскова. Следуя этой традиции, Г.Державин, находясь в Пскове «июля 1 дня 1812 года», написал: «...Се страшный князя меч Псковского, Гавриила./С ним чести никому своей не отдал он:/ Да снидет от него на Александра сила, /И с срамом побежит от нас Наполеон!». А.Яхонтов, в своем стихотворении «Псков» перечисляя главные «слова» псковского текста, на первое место ставит именно «меч тяжелый Гавриила».

Современные псковские поэты О.Тиммерман, Е.Борисов, О.Алексеев и другие воспринимают доблесть, воинскую честь, мужество как самое очевидное выражение «псковскости»:

Где Пскову быть? — Нас предки не спросили:
Пришлись по нраву красота и ширь.
И город встал на рубежах России,
И грудь расправил, словно богатырь.
(О.Тиммерман)

Ты ожил с нежданною славой,
Забытый, заброшенный Псков,
И встал богатырской заставой,
И снова отбросил врагов.
(О.Алексеев)

2. Другая линия — изображение древностей, которые утратили свою мощь, состарились, обветшали: «И торчат из башен не пушки, / а пучки одичалых трав» (Е. Борисов), — имеет несколько вариаций.

Первая представлена Ф.Булгариным в «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною 1835 года». В своем страстном монологе он размышляет над Псковом как над « разрушающимся памятником Русской славы», « местом подвигов и могущества предков»: «Но вот гигантская глава Псковского собора выгляды-

вает из-за облаков! Еще двадцать верст до Пскова! Вихрем мчатся Русские кони; весело напевает Русский ямщик, чтоб заставить меня забыть черепашную Лифляндскую почту, ледяных Лифляндских почтальонов. Но мне грустно. Вот уже раскрылся передо мной, во всю длину, остов одного из северных великанов! Вот наконец Псков, брат Новгорода Великого, друг Ганзы, грозный враг Ливонского ордена? — далеко разбросаны по полям кости великана! Нынешний Псков есть только цветок на могиле прежнего...» Щемящая тоска и боль за Псков звучит и у М.Погодина в очерке «Псков (из дорожных заметок)»(1865). Древняя городская стена изображена «ветшающей, но прекрасной». Собор разочаровывает «новизной»: «Положение его на крутом берегу реки очень живописно. Собор виден со всех сторон издалека. Внутренность его очень бедна и возбуждает невольную грусть при мысли о древнем величии и богатстве Пскова». «На пространной площади перед Кремлем, покрытой грязью, шаталось несколько бедных людей и торговалось около картофеля, капусты, яблоков, грибов. Бедный Псков! —подумал я, где твоя слава?»

В творчестве Саши Черного псковские древности стали частью повседневного, бытового существования города:

Предо мной встал пестрый город за широкою рекой:
Разноцветные церквушки, пятна лавок и ларьков,
Лента стен, собор и барки... Ах, опять увижу Псков!
(«Галощи счастья», 1924)

Храмы и монастыри предстают игрушечными, лубочными: «Вдали, весь беленький, у мыса / Молчит игрушка-монастырь», «Белеет за оградой сонно/ Спасо-Мирожский монастырь». Даже Троицкий собор — величественная доминанта города — лишен своей торжественности: «Над ширью величавых вод/ Вдали встает копна собора». Гораздо колоритнее, на взгляд автора, детали, передающие особенности торгового локуса:

На Пскове, где рыбный ряд,
Барки грузные скрипят:
Здесь — снетки, там — груды клюквы,
Мачты — цвета свежей брюквы,
У руля тряпье шатра...(«С моста над Псковой», 1918)

В восприятии и репрезентации Пскова Сашей Черным проявлены черты провинциального города, для которого характерны удаленность от центра не как географическое, а скорее как онтологическое свойство, изолированность в пространстве, замедленность существования.

Псков был последним российским городом в жизни Саши Черного, и, возможно, поэтому, находясь в эмиграции, он осознавал его как «светлый миф» в противоположность советскому Пскову, в котором «молчаливый двор гостиный притаился, как сова», «на реке Пскове — пустыня», «как небритый старый нищий, весь зарос навозом вал».

Тема обреченного города развернута в дневниковых записях К.Чуковского, размышляющего о местных жителях в 1921 г.: «Я смотрю на говорящих: у них мелкие, едва ли человеческие лица, и ребенок, которого одна держит, тоже мелкий, беспросветный, очень скучный. Таковы псковичи. Черт знает, как в таком изумительном городе, среди таких церквей, на такой реке — копошится такая унылая и бездарная дрянь. Ни одного замечательного человека, ни одной истинно человеческой личности. Очень благородны по строгим линиям Поганкины палаты (музей). Но на дверях рука псковича начертала:

Я вас люблю, и вы поверьте,
Я вам пришлю блоху в конверте».

В поэзии эмигрантов советский Псков выступает как символ горького, безнадежного существования, в котором утрачены высшие ценности. В 50-е годы создает свое стихотворение о нем Ю. Иваск, у которого — что знаменательно — город представлен окраинами:

Пригородами — деревнями
Ехали мы, и не раз.
То деревянное — древнее,
Древнее — но и сейчас...

Пригородами — заборами,
Берегом узкой Псковы,
Глазки Анютины, взорами
Что докучаете вы?

И на мгновенье особенно
Остро понятно ее,
Этой тростинки соломенной,
Родственное бытие.

Только дотронулся — сломана:
И на лежалый навоз
Сбрасывается соломою
Свежею груженный воз.

Я задремал бы...расплывчаты
Свиньи, ребята, сарай,
Но отдаленный, заливчатый
Слышится, слышится лай.

Вот и доехали: славою
Дряхлый Детинец взнесен!
Вижу я — башнями, главами
Праздно красуется он.

Что мне величие давнее –
Колокол, гул вечевой?
Самое, самое главное –
День этот нынешний, мой.

Тянет обратно: унылые
Пригороды не забыть.
Самое, самое милое –
У подворотни завыть.

В этом стихотворении образ современного города характеризуется внутренним драматизмом из-за несоразмерности великого прошлого (которое символизируют Де-

тинец, башни, вечевой гул) и бездарного, унылого настоящего. Определения «дряхлый» и «праздно красующийся» подчеркивают безнадежность, беспросветность, обреченность его судьбы.

При всем различии интонаций семантические оттенки псковского текста у Ю. Ивска унаследованы Л.Лосевым, автором стихотворения «Памяти Пскова» — своеобразной эпитафии городу. На фоне Гремячьей башни и Псковы звучит ерническое повествование о современном городе:

Когда они ввели налог на воздух
и начались в стране процессы йогов,
умеющих задерживать дыханье
с намерением расстроить госбюджет,
я, в должности инспектора налогов
натрясшийся на «газиках» совхозных
(в ведомостях блокноты со стихами),
торчал в райцентре, где меня уж нет.
Была суббота. Город был в крестьянах.
Прошелся дождик и куда-то вышел.
Давали пиво в первом гастрономе,
и я сказал адье ведомостям.
Я отстоял свое и тоже выпил,
не то чтобы особо экономя,
но вообще немного было пьяных:
росли грибы с глазами там и сям.
Вооружившись бубликом и Фетом,
я сел на скате у Гремячьей башни.
Река между Успеньем и Зачатьем
несла свои дрожащие огни.
Иной ко мне подсаживался бражник,
но, зная отвращение к поэтам
в моем народе, что я мог сказать им,
и я им говорил:» А ну дыхни».

Поэт-филолог, Л.Лосев, до эмиграции (1976) объездивший Советский Союз в качестве журналиста, подчеркнуто антилиричен, «культивирует поэтику снижений — тем, образов и словаря»[4]. В стихотворении хотя и сохраняется семантика Гремячей башни, которая в символическом слое жизни города воспринимается как поэтичный знак Пскова, но это значение разворачивается в ином, сниженном контексте. Древняя башня воспринимается как декорация, тем самым поэт обозначает отторженность современного человека от бытийного, вечного. Река, согласно традиции, выступает как символ времени, но времени перевернутых ценностей: «Река между Успеньем и Зачатьем/несла свои дрожащие огни».

В подтексте большинства высказываний, репрезентирующих вторую линию восприятия псковских древностей, присутствует укор современникам.

3. Одновременно памятники выступают в роли святынь, являются знаками особой духовности и залогом возрождения города. Здесь реализуется другой элемент парадигмы псковского текста, восходящий к древней литературе: «богоспасаемый», «христолюбивый град Псков». Например, Б. Чичибабин связывает судьбу города с испытаниями библейского Иова:

Этот город как Иов,
и, где ангел летал,
плакать бархатным ивам
по сожженным летам.

Пусть величье простое
неприглядно на вид, —
побежденный в истории
в небесах устоит.

Псков у Б.Чичибабина выступает посредником между небом и землей («Милый, с небом в соседстве, город набожных снов»). Местный поэт А.Гусев, хотя и осознает осквернение высших ценностей в современном мире, в Пскове угадывает дыхание иного бытия, улавливает голос вечности:

Есть в Пскове храм, точнее, место, где
Стоял он, словно отрок, просветленный
Благою Вестью, и она, как луч,
Сияла, и осталась таковой —
Сиять всегда, в любое время года,
В любые времена... («На месте храма Благовещенья»)

В осмыслении Пскова просматривается желание видеть город приобщенным к бытийному центру, т.е. его существование осмысляется не как случайное и необязательное, а как санкционированное надбытовым, даже сакральным уровнем бытия.

4. У многих авторов псковского текста наблюдается не отстраненное восприятие прошлого, а личностное проникновение в «складки» псковского времени. В жизни и поэзии Е. Морозкиной развернулся своеобразный роман с городом, в чем она не раз признавалась: «Судьба прочно повенчала меня со Псковом»[5]. Архитектор по профессии, Е. Морозкина посвятила изучению древней архитектуры Пскова много лет, и в результате сроднилась с ним, сумела проникнуть в потаенную сущность города. Ее Псков наделен антропоморфическими чертами. В свой день рождения поэт получает дружеский подарок от Мирожского монастыря:

Листья сухие порхают, как птахи,
Вслед им бежит ветерок.
Храм белостенный в холщевой рубахе
Вынес навстречу пирог.
(«В апреле», 1992)

Псков предстает щедрым, гостеприимным, родным и милым пространством: «И город встретил, словно праздником,/Как будто рад был возвращению;/И все, что прятал он в запасниках,/Представил в новом освещении...». («Во Пскове», 1965)

Другая вариация лирических взаимоотношений с городом, которые выдают биографическую связь с ним, представлена в прозе В.Каверина. Энск («Два капитана») и Лопахин («Открытая книга») выступают у него как литературные эквиваленты Пскова[6]. В их описаниях различимы черты реального псковского ландшафта, архитектурных сооружений (место слияния рек, башни, сады на горах). Отдельные названия исторических мест в романах указывают на то, что именно Псков является основным реальным прототипом Энска (Решетки, Пролом, Поганкины палаты, слияние Песчинки и Тихой, упоминание крепостного вала) и Лопахина (Ольгинский мост, Степановский лужок, улицы Сергиевская, Развяжская, Застенная). Город детства возникает у

писателя всякий раз, когда герои переживают новый этап своего развития: изменение героев подчеркивается новым восприятием города. Однако необходимо отметить, что, хотя многие черты топографии Пскова различимы в вымышленном старом городе Каверина, семантически это уже иное место. Вот почему конкретное локальное имя «Псков» заменено неконкретным Энском-Лопахиным.

5. Наконец, прослеживается осмысление древних памятников Пскова как знаков принадлежности города к непрерывной исторической нити, соединяющей поколения. Такая интерпретация феноменов псковского локуса представлена в поэзии Н.Павлович, С.Золотцева и многих других. Но наиболее ярко это выражено в стихотворении И.Бродского «Псковский реестр»(60-е гг.). Его исторические ассоциации, когда шпилька соотносится с пикой, вязаная шапочка — с шлемом, бойницы башен — с глазницами, подчеркивают мысль, что прошлое неотделимо от настоящего. Силуэт Пскова как живого отпечатка вечности возникает из будто бы случайного называния предметов и вещей: «Припомни Псков, гусей/ и, вполнакала,/ фонарики, музей,/ «Мытье» Шагала», «Кусты и пустыри,/ деревья, кроны,/ холмы, монастыри,/ кресты, вороны»; но бытовые детали, подчеркивающие провинциальный облик города, сливаются с вневременными образами, с бесконечностью. Упоминание картины М.Шагала «Купание ребенка»(1916), хранящейся в Псковском государственном историко-художественном музее, является концептуально значимым, поскольку в работах художника за реалиями быта раскрываются основы бытия, в привычном открывается мифологическое. Также и в стихотворении Бродского «мир быта попадает в какое-то новое измерение» (Д. Сарабьянов о Шагале): соединение близкого и далекого, малого и великого, настоящего и прошлого. Псков, устремленный в бесконечность, становится у него символом непрерывности жизненного потока, в котором сплавлены мгновение и вечность. Так И. Бродский обнаружил в семантике города напластование смыслов (исторических, культурных, экзистенциальных), представил Псков как город спрессованного времени (причем поэт сделал это задолго до своих стихов о Риме).

Отмеченные нами семантические оттенки топоса доказывают, что Псков в художественном сознании главным образом присутствует как феномен истории и духовной культуры, и в этом видится его идеальность. Но именно на таком идеальном фоне отчетливо ощущается негативистский комплекс города, современного автору как в XIX, так и в XX веках. И в символическом поле Пскова оба мотива (идеальности и гибельности) связаны неразрывно. Изучение древностей Пскова — одной из констант псковского текста русской культуры — способствует открытию города как самодостаточной поэтической реальности и выявлению непрочитанных пока знаков его возможного преображения.

---

[1] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров.// Ю.Лотман. Семиосфера. СПб., 2001. С.325.

[2] Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 2001. С.190.

[3] Там же. С.192.

[4] Полухина В. Бродский глазами современников. СПб., 1997. С.119.

[5] Морозкина Е. Осенняя песня. М., 1998. С.9.

[6] Начало изучения проблемы соотношения «старого города» в творчестве В.Каверина и Пскова положено в работах И.В.Полковниковой. Например, см.: Образ «старого города» как модель художественного пространства в произведениях В.А.Каверина.// Пространство и время в художественном произведении: Сб. науч. статей. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2002. С.139–143.

В.И. Охотникова

ПУТИ РАЗВИТИЯ ПСКОВСКОЙ АГИОГРАФИИ

Книга Л.А. Дмитриева «Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв.» (Л., 1973), в которой на широком материале были исследованы агиографические сочинения древнего Новгорода, заложила основы изучения древнерусских житий, созданных в каком-то одном книжном и культурном центре русского Средневековья, доказала целесообразность комплексного изучения агиографических текстов, относящихся к определенному региону. В своей монографии Л.А. Дмитриев убедительно доказывает, что особенности политической, хозяйственной и культурной жизни региона обуславливают появление нескольких типов северно-русских житийных повестей. Из многочисленной агиографической литературы, созданной в Новгороде и на Русском Севере, Л.А. Дмитриев выделил легендарно-биографические сказания (жития-легенды), тяготеющие к устному преданию, и народные жития, где героем становится простой человек со сложной судьбой, а не государственный или церковный деятель и не подвижник веры. И легендарно-биографические жития, и народные жития, тесно соприкасаясь с устным народным творчеством, разрушали каноны житийного жанра, требующие от повествования абстрагированности. В житиях новгородской агиографической традиции наблюдается проникновение легендарно-сказочных мотивов и обыденно-бытовых историй, усиливается роль сюжета, необязательным становится следование риторическим правилам, начинают преобладать «неукрашенные» формы повествования[1]. Исследование Л.А. Дмитриева убедительно доказало, что не только новгородское летописание, но и новгородская агиография имеет свои особенности, свои литературные традиции. Выводы историко-литературного характера Л.А. Дмитриева базируются на исчерпывающем источниковедческом и текстологическом изучении житийных текстов, и этот методологический принцип был для Л.А. Дмитриева непреложным; необходимость тщательного текстологического исследования житий он неоднократно подчеркивает и во вступлении, и в заключении своей монографии, этот методологический принцип определяет и структуру его книги.

В работах последнего времени все больше проявляется тенденция исследования агиографических произведений по циклам, в основе выделения которых именно территориальный принцип, то есть изучаются агиографические памятники Суздаля[2], Мурома[3], Устюга[4], Ярославля[5], при этом житийные произведения рассматриваются в единстве со сказаниями об иконах и крестах и на основе всех известных исследователю списков[6]. Объединенные по территориальному принципу и изученные вместе, они начинают осознаваться как некое художественное единство. И даже если исследуется один памятник агиографического жанра, его история рассматривается в русле некоей «местной» традиции[7]. Изучение истории жанра на основе памятников одного историко-культурного ареала помогает открыть как общее для всей древнерусской литературы, так и особенное в их художественной структуре.

Представление о развитии агиографии в древнем Пскове долгое время основывалось на работах начала XX в. Н.И. Серебрянского, в которых большое место уделялось истории текстов псковских житий[8]. Я имею в виду книги Н.И. Серебрянского «Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле» (СПб., 1908) и «Древнерусские княжеские жития» (М., 1915), которые отчасти касались текстологии псковских житий. Некоторые из выводов и наблюдений ученого не потеряли своей значимости для историков литературы и до сих пор, хотя и делались на изучении небольшого рукописного материала (чаще — 2–4 списка).

В течение длительного времени нами исследуются жития четырех почитающихся в Пскове святых — Всеволода-Гавриила, Евфросина, Саввы Крыпецкого, Никандра, история текста житий псковских святых изучается с привлечением всех известных в настоящее время списков (более 70 списков жития Евфросина, 20 списков жития Саввы Крыпецкого, около 60 списков жития Всеволода-Гавриила, 14 списков жития Никандра, около 60 списков Повести о Псково-Печорском монастыре), открыты и изучены новые редакции житий (большое число редакций (более 10) Жития Евфросина, 5 редакций Жития Никандра, 6 редакций Жития Всеволода-Гавриила, 4 редакции Жития Саввы Крыпецкого, 7 редакций Повести о Псково-Печорском монастыре), результаты исследования отражены в серии статей. У каждого из четырех житий своя литературная история, они были написаны как известными, знаменитыми в свое время, так и неизвестными авторами; разными были причины и обстоятельства их появления, литературные образцы и источники. Шло ли развитие текста житий псковских святых какими-то общими путями, или же каждое из житийных произведений имело собственную историю текста, которая не пересекалась, не обнаруживала сходства с историями текста других псковских житийных произведений? Можно ли выделить в истории текстов житий псковских святых какие-то определенные периоды, в которые возникали новые редакции житий, созданные по единым эстетическим, идеологическим принципам. Эти проблемы, предполагающие теоретическое обобщение по истории развития жанра жития в псковской литературе, стали основными на заключительном этапе исследования псковской агиографии.

Несмотря на все различия в истории текстов псковских житий, в их развитии можно выделить, как мы полагаем, определенные этапы.

Первый период, который может быть выделен в развитии псковской агиографии, достаточно обширный — XIV — первая треть XVI в. Какие же житийные произведения появились в это время в Пскове и что их объединяет?

В первой четверти XIV в. была написана Повесть о Довмонте, произведение, несмотря на свою зависимость от Житий Александра Невского Первой и Особой редакций, самобытное. Это одно из немногих дошедших до нас светских жизнеописаний князя, отличающееся от традиционного жития конкретностью, стремлением к точности, отсутствием абстрагированности, светским идеалом князя, соответствующим псковским представлениям о благом князе, его роли в жизни Пскова[9].

В этот же период была написана и Проложная редакция Жития Всеволода-Гавриила. Это одна из наших гипотез, которая опирается на текстологические наблюдения над текстами разных редакций Жития Всеволода-Гавриила. Текст краткой редакции Жития Всеволода-Гавриила, дошедший до нас в знаменитой псковской рукописи РГБ (собр. Румянцева, № 397), датируемой 50-ми гг. XVI в., является, на наш взгляд, не сокращением редакции Василия, как это считал Н.И. Серебрянский, а сокращением Проложной редакции Жития Всеволода-Гавриила, которая дошла до нас в списках более позднего времени. Именно Проложная редакция Жития Всеволода-Гавриила, по нашему мнению, была тем малым писанием, на которое ссылается Василий-Варлаам при написании Жития Всеволода- Гавриила в 1552 г., она стала его основным источником, который он лишь дополнил некоторыми литературными и историческими деталями. Итак, верхняя граница времени написания Проложной редакции Жития Всеволода — не позже 50-х гг. XVI в., попытки более точно установить время и причины ее составления могут высказываться в настоящее время только в виде предположений. Хотя конечно же естественно было бы предположить, что одним из поводов составления жития патронального святого Пскова могло быть завершение в 1366 г. строительства Троицкого собора и переложение мощей Всеволода во вновь отстроенный Благовещенский придел.

В конце XV — первой половине XVI в. создается несколько редакций Жития Евфросина. Первое произведение о Евфросине из известных ныне — Повесть об аллилуйе, написанная в конце XV — начале XVI в., до 1510 г. (основанием для датировки служит тот факт, что Псков в ее тексте называется землей свободной) и дошедшая до нас в списке 30-х гг. XVI в. (РГБ., собр. Ундольского, № 306). Это произведение уже давно стало предметом пристального анализа исследователей. Центральное место в обширной по своему объему Повести об аллилуйе занимает описание догматических споров между Евфросином и распопом Иовом о том, как возглашать — дважды или трижды — аллилуйя. Это не столько житие, сколько полемический трактат в защиту двоения аллилуйи и Евфросина, в котором биографические эпизоды появляются лишь для доказательства праведности жизни святого, как иллюстрация несправедливости по отношению к нему противников. О том, кто был автором Повести об аллилуйе, существуют разные точки зрения. Более аргументирована точка зрения Н.И. Серебрянского, который полагал, что автор Повести писал ее по собственной инициативе, она появилась в результате его собственного интереса к догматическим вопросам. По мнению Н.И. Серебрянского, автор был новгородцем по происхождению. На наш взгляд, некоторые моменты в тексте Повести противоречат гипотезе о новгородском происхождении автора, в частности, нелестный отзыв об Евфимии II (Евфимий «ничто же внят о ней или разсудив о ключимой скорби и печали, бываемыа на святаго от врага брани... Понеже бо архиепископ Еуфимье свят житием и препрост обычай имый, книжной премудрости, купно тако и к законному разсужению неглублен искус учительства имый, и сего ради ничто же управи или разсудив святому о вещи, токмо отписав к преподобному» (л.57)), который не вмешался в спор, не защитил Евфросина от нападок Иова и не высказал своего собственного мнения о возглашении аллилуйи.

До написания Повести об аллилуйе ее автор работал над составлением Жития Евфросина, но прервал свой труд, замкнувшись на проблеме аллилуйи. В Повести об аллилуйе он постоянно упоминает о Житии, вспоминая, что он уже успел рассказать в написанном им жизнеописании Евфросина и чем оно отличалось от нынешнего его сочинения. Текст Жития до нас не дошел, и открытым остается вопрос, была ли вообще завершена работа над ним.

Изучение введенного нами в научный оборот жития Евфросина, находящегося в сборнике РГБ, собр. Овчинникова, № 300 (XVII в.), в его сравнении с Повестью об аллилуйе, редакцией Василия-Варлаама, а также Проложной редакцией из сборника РГБ, собр. Румянцева, № 397, убедило нас в существовании Жития Евфросина, созданного в кругу учеников вскоре после смерти Евфросина, возможно, в конце XV в.[10] Житие по списку Овчинникова 300, условное название Житие и подвиги, совпадает по композиции и тематике эпизодов с редакцией Василия, однако почти не обнаруживает текстологических совпадений с этим произведением, это совершенно самостоятельный текст. Более того, небольшие совпадения между редакцией Василия и Житием и подвигами, на наш взгляд, доказывают, что Василий-Варлаам, кроме Повести об аллилуйе, воспользовался еще одним житийным памятником о Евфросине: следуя ему, он выстраивает эпизоды жизни Евфросина в хронологической последовательности и заимствует из этого текста некоторые детали. Каким был текст Жития и подвигов, созданный в конце XV в., мы точно сказать не можем, поскольку список Овчинникова, отражающий этот текст, достаточно поздний, XVII в., и дефектный, в нем не сохранилась часть текста. Однако общее представление о содержании и литературных особенностях Жития и подвигов мы можем составить. Житие и подвиги относится к типу краткого жития, в котором все житийные мотивы намечены, но не развернуты. Описание биографических эпизодов дано сжато, но достаточно эмоционально. По сравнению с Повестью об аллилуйе и редакциями XVI в., стиль Жития и

подвигов проще, в тексте нет сложных риторических фигур и приемов, литературно-исторических параллелей и цитат. Но совершенно очевидно, что, как и в случае с Повестью о Довмонте, Житие и подвиги написано человеком книжным, хорошо знающим каноны жития, но не имеющим склонности к плетению словес. Автор Жития и подвигов знает о работе над Житием Евфросина неизвестного автора, он пишет о том, как была приостановлена работа над житием («некогда же иноку преписателю сущу с леностию пишущу житие святаго»), а также о чудесном спасении монастыря от пожара (Чудо с дьяконом Закхеем), следовательно, Житие и подвиги является более поздним сочинением по отношению к первому жизнеописанию Евфросина, составленному автором более поздней Повести об аллилуйе.

Существует еще один список Жития Евфросина, дошедший до нас в списке XVII в., но отражающий, как мы полагаем, более древний текст — это Сказание о житии (РГБ, собр. Большакова, № 422). Это тоже краткая редакция жития, по композиции во многом совпадающая и с Житием и подвигами, и с редакцией Василия, и с Проложной редакцией, при этом в тексте Сказания о житии гораздо больше совпадений с редакцией Василия, чем в Житии и подвигах[11].

Ко второй четверти XVI в. мы относим и составление Хронографической и Средней редакции Повести о Довмонте. Составитель Хронографической редакции точно определил степень своего участия в создании биографии Довмонта — «списано с хронографа», из сообщений о Довмонте в Н5Л, разнесенных по разным статьям, он воссоздает цельное произведение, не изменяя текст своего источника ни в стилевом, ни в идеологическом планах. Среднюю редакцию Повести характеризует более широкий охват фактов биографии князя, привлечение разных по происхождению источников (летописи, родословные), включение Довмонта в родословные связи князей литовских и русских, стремление заполнить пробелы в биографии (содержится рассказ о литовском периоде жизни) и дать убедительное толкование всем поступкам Довмонта[12].

В конце XV в., как полагают исследователи, была составлена неизвестным автором и Краткая редакция Жития Исидора Юрьевского (список Н.П. Лихачева датируется XVI в.)[13], сжато повествующая о мученической смерти в 1472 г. священника Юрьевской Никольской церкви Исидора и 72 христиан. Жизнь и Житие Исидора Юрьевского тесно связаны с Псковской землей и литературой, они отразились в Повести о Псково-Печорском монастыре, автором одной из редакций Жития Исидора стал пскович Василий-Варлаам. Краткая редакция Жития Исидора также была создана, вероятнее всего, псковским автором.

Итак, ко второй четверти XIV — первой трети XVI в. мы относим составление Повести о Довмонте, Проложной редакции Жития Всеволода-Гавриила и одной или двух редакций Житий Евфросина, написанных его учениками, а также Хронографическую и Среднюю редакции Повести о Довмонте, Краткую редакцию Жития Исидора Юрьевского. В этому же времени, вероятно, стоит отнести и составление псковского Жития княгини Ольги, сокращением которого является дошедший до нас текст в сборнике РГБ, собр. Румянцева, № 397. Причины составления жизнеописаний Довмонта и Всеволода, Евфросина и Ольги, безусловно, разные, разные и источники, на основе которых они составлены (редакции Повести о Довмонте и Проложная редакция Жития Всеволода составлены на основе летописей, жизнеописание Евфросина — на основе воспоминаний учеников), однако тип жития, к которому относятся все эти произведения, один — это краткое житие, в котором преобладает лаконичное описание событий, редко соблюдаются все житийные каноны (ни в одном из этих житий нет, например, типичного житийного вступления), почти нет сопоставлений с библейскими героями и событиями, повествование более конкретное и простое, «неукрашенное», по выражению одного из псковских авторов. Возможно, это и отличает псковскую агиогра-

фию XIV — первой трети XVI в. от других региональных школ. Тенденции, проявившиеся впервые в Повести о Довмонте (а если смотреть шире, то и в псковских летописях), затем продолжали развиваться и в последующих произведениях Пскова житийно-биографического жанра, на литературу же других культурно-исторических регионов, в частности Новгорода, сильнейшее влияние оказывают эстетические принципы, воплощенные в творчестве Пахомия Серба.

Эти наблюдения о псковской агиографии первого периода справедливы и в отношении другого агиографического жанра — патерика. В 1526 г. появляется первая редакция Повести о Псково-Печерском монастыре, она отличается теми же признаками лаконичного стиля. Затем в 1531 г. свой вариант Повести о Псково-Печерском монастыре создает Корнилий. Корнилиевская редакция Повести более лирична, субъективна, автор позволяет говорить от своего лица, вспоминать, чему он был свидетелем и что чувствовал, однако общий строй и этого произведения псковского автора отличается сдержанной простотой[14].

Разительно отличается от псковской традиции в агиографии Повесть об аллилуйе. Манера повествования неизвестного автора весьма своеобразна, он облекает свои мысли в близкие синонимические слова и выражения (одна из излюбленных риторических фигур — гендиадис), пристрастен к лексике с яркой эмоциональной окраской, в его тексте чувствуется вкус к слову, движению и игре его смыслов, придающих структуре текста сложную метафорическую многоплановость. Совершенно очевидно, что автор Повести об аллилуйе испытал влияние стиля плетения словес и воплощал его принципы легко и органично. Трудно сказать, к какой литературной школе и традиции принадлежит автор Повести об аллилуйе, но несомненно, что это был писатель неординарный, Повесть об аллилуйе занимает особое положение не только среди псковских житий святых, но и в русской агиографии вообще.

Второй период в развитии псковской агиографии — середина XVI в., этот период можно назвать эпохой Василия-Варлаама. Его считают одним из самых плодовитых писателей макарьевской литературной школы, строивших свои произведения согласно строгому этикету официального московского стиля идеализирующего биографизма[15]. В 1547 г. Василий пишет Житие Евфросина, переделывая в типичное житие неканоническую Повесть об аллилуйе, редакция Василия входит в Успенские и Царские Минеи, многократно переписывается, она сохранилась в большом количестве списков. Приблизительно в 1552 г. Василий заканчивает Житие Всеволода, которое он написал на основе Проложной редакции Жития и известий псковских летописей о Всеволоде. Приблизительно в это же время он пишет Житие Александра Невского, освободителя Пскова. В 1552–1553 гг. Василий работает над первоначальным вариантом Жития Саввы Крыпецкого[16], а затем на протяжении нескольких лет вносит в него некоторые добавления и исправления. В 60-е гг. он пишет Житие Исидора Юрьевского, Житие новгородского епископа Нифонта, строителя Мирожского монастыря, и новгородского епископа Никиты. Эти произведения подписаны именем Василия- Варлаама, и сомнений в его авторстве не возникает. Помимо этого Василия считают автором Проложной редакции Георгия Болгарского[17], атрибутируют ему несколько житийных текстов в Степенной книге, в частности Жития Даниила Переяславского[18], а также считают автором разных редакций Жития княгини Ольги[19] и одной из редакций Жития Иосифа Волоцкого[20].

Заметим, что почти все произведения, действительно принадлежащие Василию-Варлааму и гипотетически атрибутируемые ему, были написаны в небольшой временной период — 1547–1565 гг., и приходится только удивляться его необычайному трудолюбию и плодовитости. Писатель Макарьевского круга, Василий-Варлаам, прекрасно освоил и владел канонами житийного жанра и стилем официальной литературы

этого времени. Работая над жизнеописанием святого, он не стремился к исторически точному воссозданию его биографии, свою задачу Василий-Варлаам видел в том, чтобы воспроизвести идеальный образ святого, изобразить словесную икону, «сплести похвалу» святому и должным образом, в достойных словах прославить его деяния и чудеса. Он создавал образцовые произведения житийного жанра, которые ценились книжниками Древней Руси. С точки зрения современности они кажутся механическим воплощением канона, лишенным своеобразия. Именно поэтому многие исследователи признают Василия-Варлаама посредственным писателем, называют его ремесленником, отказывают ему в художественном вкусе, считают его компилятором, который путем определенных риторических приемов и заимствований из других житий обрабатывал написанные до него тексты согласно эстетическим нормам официальной литературы XVI в., стиль которой Д.С. Лихачев назвал идеализирующим биографизмом. Однако современники и потомки ценили образцовые сочинения псковского автора, многие из них дошли в большом количестве списков и оказали влияние на другие жития (Житие Иосафа Каменского, Симона Воломского).

Третий период в развитии псковской агиографии — конец XVI — начало XVII в. В это время создаются новые редакции уже существующих житийных произведений: Распространенная редакция Повести о Довмонте, Житие Саввы Крыпецкого с 22 чудесами, Житие Всеволода в редакции Григория, его же редакция Повести о Псково-Печерском монастыре, почти сразу же дополненная новыми главами. Последние два десятилетия XVI в. и первые два или три десятилетия XVII в. были особо плодотворными для псковской литературы, что во многом объясняется историческими причинами. Героическая оборона Пскова и Псково-Печорского монастыря от войск Стефана Батория, безусловно, способствовала подъему самосознания псковичей, выстоявших, но не сдавших свой город врагу. В атмосфере этого духовного подъема псковским изографом Василием создается одно из самых значительных произведений псковской литературы — Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. В эти драматические для псковичей месяцы обострилось осознание Пскова как богоспасаемого града, защищенного молитвами его святых, что привело к усилению их культа и созданию новых житий. Второе событие, определившее развитие агиографии в Пскове конца XVI в., — учреждение в 1589 г. Псковской епархии. По-видимому, именно в это время псковские епископы добиваются канонизации князя Довмонта и составляется так называемая Распространенная редакция Повести о Довмонте, памятник высокой культуры владения словом и стилем, литературным этикетом и канонами жанра. Большая роль в создании новых житийных редакций принадлежит псковскому епископу Геннадию (1595–1609), отметим, что до этого он был архимандритом Чудова монастыря. В начале XVII в. по инициативе Геннадия инок Псково-Печорского монастыря Григорий пишет новую редакцию Жития Всеволода, которая, по сравнению с редакцией Василия, отличалась информативной насыщенностью. Григорий изучает летописи, выбирает из них практически все сведения первой трети XII в. о Всеволоде и его отце Мстиславе, он окружает летописные известия собственными комментариями и размышлениями, сравнениями с библейской историей, создавая совершенно определенный образ святости, воплощением которого и является Всеволод. Житие, написанное Григорием, как и Распространенная редакция Повести о Довмонте, являет собою совершенно иные принципы работы над созданием житийного произведения, чем в середине XVI в. При Геннадии создается и новая редакция Жития Саввы Крыпецкого, один из рассказов о чудесах, читающийся в этой редакции, записан со слов самого епископа Геннадия. Следует упомянуть и новые редакции Повести о Псково-Печорском монастыре, составленные при непосредственном участии епископа Геннадия. В этот период только Житие Евфросина осталось без изменений, и это можно объяснить тем, что из

всех произведений Василия-Варлаама оно выделялось значительностью и сложностью своего содержания, стиля и формы, идущих не столько от эстетики самого Василия, сколько от источника — Повести об аллилуйе. Таким образом, к концу XVI — началу XVII в. все жития псковских святых в результате многочисленных переработок приобрели форму правильного жития, составленного по всем правилам этого жанра, сложившимся к этому времени: насыщенное информацией описание жизни сочеталось в них с назидательными комментариями и рассуждениями, многословными характеристиками агиографического содержания, обилием цитат и параллелей из Библии, психологическими мотивировками поступков, высоким книжным стилем.

В XVII–XVIII вв. в истории текстов псковских житий нет какого-то общего направления в развитии. Без изменений остается Житие Саввы Крыпецкого и Довмонта, большинство списков этих произведений относятся к XVII в. и представляют Распространенную редакцию Повести о Довмонте и редакцию Жития Саввы Крыпецкого с 22 чудесами. Особая история, развивающаяся не столько в русле псковской, сколько общерусской жизни, складывалась у Жития Евфросина. В середине XVII в. оно становится центром полемических споров между старообрядцами и реформаторами, ибо, защищая двоение аллилуйи, старообрядцы ссылались на авторитет Евфросина и неоднократно обращались к его Житию, переписывая его и переделывая; опровергая старообрядцев, реформаторы критиковали Житие, обвиняя его автора во лжи на святого, критически комментировали его текст; новые редакции Жития Евфросина создаются в это время не в Пскове.

И только в истории текста Жития Всеволода-Гавриила в XVII–XVIII вв. появляются новые, псковские по своим интенциям и происхождению, редакции, которым мы дали название Компилятивная (Псковский музей-заповедник, ф. И. Михайлова, № 229) и Троицкая (Псковский музей-заповедник, ф. Троицкого собора, № 471). Компилятивная редакция соединяет тексты редакции Григория и Проложной редакции Жития Всеволода, заменяя несколько нелицеприятные рассказы о деяниях Всеволода, заимствованные Григорием из новгородских летописей, на более псковский вариант изображения событий Проложной редакции; литературных изменений в Компилятивной редакции немного. Мы полагаем, что Компилятивная редакция была составлена в конце XVII — начале XVIII в. в связи с переложением мощей Всеволода 8 апреля 1703 г. в только что построенный и освященный придел в честь святого в Троицком соборе.

Целенаправленной и продуманной обработкой Компилятивной редакции является Троицкая редакция Жития Всеволода. Автор Троицкой редакции свободно обращается с текстом оригинала, делает композиционные перестановки внутри эпизодов, дополняет и изменяет описание событий согласно своим идеям и на основе других источников. Он внимательно вчитывается в библейские цитаты и сравнения, проверяет, дополняет и исправляет их, производит стилистическую правку текста. Основной идеей, которая преобразует и организует все повествование в Троицкой редакции, становится противопоставление благочестия и благоразумия князя и псковичей своеволию и «буести» новгородцев. Автор Троицкой винит Новгород в том, что он «преступи клятву», не слушал князя и не хотел повиноваться ему. Время и причины составления столь резко антиновгородской редакции Жития Всеволода, дошедшей до нас в списке 1853 г., не совсем ясны.

Пытаясь воссоздать процесс развития псковских житийных произведений, мы не упоминали о Житии Никандра, и это не случайно. Житие Никандра имеет самостоятельную и почти независимую от культурной и литературной жизни Пскова историю текста, что объясняется во многом тем, что до середины XVIII в. Никандров монастырь принадлежал Новгородской епархии. Псковской редакцией мы считаем только

первое Житие Никандра, написанное вскоре после смерти святого, в 80-х гг. XVII в., над составлением всех последующих редакций трудились новгородские агиографы. Псковская редакция Жития Никандра действительно тесно связана с Псковской землей, в ней чувствуется автор, адресующий свое произведение читателям псковичам. Он упоминает имена, знакомые и значимые для псковичей, — Евфросин, Савва Крыпецкий, Никола юродивый; в описании жизни Никандра в Пскове и Крыпецком монастыре видится человек, который хорошо знает топографию Пскова, его церковную и монастырскую жизнь, идеалы и любимых героев. Эта редакция и сохранилась в псковской рукописной традиции. Один из списков (РГАДА, собр. МГАМИД, № 14521) принадлежал псковскому стольнику Василию Никифоровичу Собакину, одному из коллекционеров псковских древностей, по заказу которого переписывались многие произведения литературы древнего Пскова, благодаря чему они и сохранились[22]. Незамысловатые истории, записанные со слов тех, кто знал Никандра, и почти не обработанные литературно, стали основой Жития, определили особенности его стиля. Сам автор Жития Никандра считал, что написал «от многа мало» и просил не бранить его за «неудобренное» повествование. Оно действительно «неудобренное». В Житии Никандра нет ни одной литературной или исторической параллели, ни одной цитаты из Священного Писания, стиль жизнеописания близок разговорному, и сам текст нередко превращается в бесхитростный диалог Никандра с теми, кто пришел к нему, ища духовного утешения. В структуре рассказов, их сбивчивости, повторах, недосказанности, незавершенности повествования ощущается их устная природа. Житие Никандра не вписывается в круг тех литературно-изощренных редакций, которые создавались в это время в официальных кругах, вероятнее всего, Псковская редакция Жития была написана по личной инициативе одним из тех, кто почитал святого; автор Жития, возможно, не застал Никандра в живых, но, пораженный историей его жизни, записал рассказы людей, общавшихся с ним при жизни.

Итак, при современной изученности текстов житий псковских святых в истории развития жанра жития в древнем Пскове можно выделить четыре периода, когда произведения разных авторов объединяли общие эстетические принципы и представления о том, каким должно быть житие святого. Менее ясным для нас остается начальный этап в развитии псковской агиографии, условно выделенный нами период XIV — первой трети XVI в.

---

[1] Подробнее пути и приемы исследования житийных произведений, а также основные выводы Л.А. Дмитриева рассмотрены в статье Н.С. Демковой: Русская житийная литература в исследованиях Льва Александровича Дмитриева // Лев Александрович Дмитриев. Библиография. Творческий путь.. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

[2] Колобанов В.А. Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI веков. Спецкурс по древнерусской литературе. Владимир, 1975. Вып.1; Житийная литература древнего Суздаля // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып.1. С.40–60; Суздальская агиография: традиционность и эволюция // Литература Древней Руси. М., 1981. С.77-84; Владимиро-Суздальские литературные памятники XIV–XVI вв.. Учебное пособие. М.,1982; Суздальская агиография: традиционность и эволюция // Памятники истории и культуры. Ярославль. 1983. Вып.2.С.49–54.

[3] Бруни Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 323–331; Руди Т.Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования СПб., 1994. С. 207–214.

[4] Власов А.Н. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С.144–159; О памятниках Устюжской литературной традиции XVI–XVII вв. // Книжные центры Древней Руси XI–XVII вв. Л., 1991. С. 313–343; Сказания о чу-

дотворных иконах Устюжского края XVI-XVII вв. // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С.215–245;.

[5] Турилов А.А. Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV — начала XVIII в. (Сказания о ярославских иконах) // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С.168–174; Шабасова О.И. Сказания о ярославских чудотворных иконах как феномен культурной жизни Ярославля XVII в. // Культура. Образование. Православие. Ярославль, 1996. С. 202–204; Ярославские сказания о чудотворных иконах в историко-культурной традиции края (XVII — начало XVIII в.). Ярославль, 1988.

[6] К исследованиям подобного типа можно отнести и труд Б.М. Клосса «Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков: Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах»(Клосс. Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т.2.)

[7] См., например, статью Колобанова В.А. «Суздальская агиография...», в которой речь идет о Житии Евфросинии Суздальской.

[8] Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. СПб., 1908; Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты . М., 1915. С.257–261.

[9] Истории текста псковского святого князя Довмонта была посвящена написанная нами ранее монография: Охотникова В.И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985.

[10] См.: Охотникова В.И. Краткая редакция Жития Евфросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т.52. С. 600–614.

[11] Краткая редакция Жития Евфросина Псковского по списку РГБ, собр. Большакова, № 422 // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. (К юбилею И.К.Лабутиной). Псков, 1999. С.237–258

[12] Подробнее см.: Охотникова В.И. Повесть о Довмонте... С. 99–116.

[13] Общие сведения об истории Жития см.: Соколова Л.В. Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI вв. Л., 1988. Вып. 2. Ч.1.С.284–285.

[14] Охотникова В.И. Повесть о Псково-Печорском монастыре. Редакции XVI в. // ТОДРЛ, Л., 1993.Т. 49. С. 258–263.

[15] Краткая характеристика творчества Василия-Варлаама дана: Дмитриева Р.П. Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI вв. Л., 1988. Вып. 2. Ч.1. С.112–116.

[16] Подробно об истории текста Жития Саввы Крыпецкого см.: Охотникова В.И. Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т.52. С. 293–347.

[17] Калиганов И.И. Заметки о русской пролужной редакции Жития Георгия Нового // Старобългаристика: Palaeobulgarika. 1979, № 1. С. 39–59. Убедительных доказательств авторства Василия исследователь не приводит.

[18] Неберекутина Е.В. Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 154–212. Выводы Е.В. Неберекутиной об авторстве некоторых текстов в составе Степенной книги кажутся нам неубедительными. См. об этом: Охотникова В.И. Житие Всеволода-Гавриила в составе Степенной книги (в печати).

[19] Василия-Варлаама считают автором так называемой Проложной редакции Жития княгини Ольги и Жития княгини Ольги из Степенной книги: Филарет. Русские святые. СПб., 1882. Т. 2.С. 354; Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 603 и др..

[20] Плигузов А.И. Вторая редакция Минейного Жития Иосифа Волоцкого // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 29–47.

[21] Подробное описание рукописи см.: Охотникова В.И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985. С. 71.

[22] Об исторической и культурной деятельности в Пскове представителей рода Собакиных см.: Петров К.В. Собакины Василий Никифорович и Михаил Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XVII в. СПб., 1998. Ч. 3. С. 480–483. О происхождении другого списка Псковской редакции (РГИА, ф. 834, собр. Священного синода, оп. 3, № 3693, л. 60–67) нет никаких сведений.

Е.Л. Конявская

ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ТВЕРСКОМ В ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ*

Александр Михайлович Тверской (1301–1339), сын великого князя Михаила Ярославича Тверского, княжил в Твери, около двух лет был великим князем Владимирским (1325–1327), дважды ставился князем в Пскове[1].

В летописях об Александре Михайловиче сохранилось три подробных рассказа: о тверском антиордынском восстании 1327 г., о «взыскании» его, уже псковского князя, русскими князьями, а также гибели его вместе с сыном в Орде. Первые два из них, касающиеся событий, непосредственно связанных с Псковом, содержатся в целом ряде русских летописей, в том числе в псковских.

О тверском антиордынском восстании существует два различных повествования. Первая Повесть содержится в Тверском Музейском фрагменте[2], Рогожском летописце и Тверском сборнике. Она имеет тверское происхождение. Этот подробный последовательный рассказ восходит к свидетельству очевидца или даже участника событий[3]. Восстание описано как «замятня», начавшаяся спонтанно и переросшая во всеобщее избиение татар. Роль князя Александра здесь никак не отмечена, но, судя по масштабности события, князь едва ли мог остаться в стороне.

Вторая Повесть, читающаяся в псковских (и других) летописях, не имеет текстуальных совпадений с тверской и содержит подробность, отсутствующую в последней: указание, как погиб Шевкал. В тверской версии просто сказано: «и самого Шевкала убиша и всѣхъ по ряду»[4]. В П1Л и ПЗЛ говорится, что Шевкал, терпя поражение, «побѣже на сѣни» (великокняжеский двор), но Александр Михайлович поджег «отца своего дворъ, и Шевкалъ съ дружиною своею згорѣвъ пропаде»[5].

Хотя вторая Повесть сохранилась в большинстве летописей, восходящих к сводам XV в.: СІЛ, НІVЛ, Авраамки, МС, Ермолинской, Типографской, Владимирском летописце и др. (Никоновская летопись содержит особую обработку Повести), текстологический анализ соответствующих летописных статей дает возможность заключить, что первоначальный вариант дают именно псковские летописи (П1Л и ПЗЛ).

Ближе всего текст повести псковских летописей к тексту СІЛ (самой ранней из содержащих Повесть), поэтому имеет смысл рассматривать особенности псковской редакции именно по отношению к СІЛ.

Два чтения П1Л оказываются лучшими, нежели соответствующие им в СІЛ.

1). Рассказ о созыве князем тверичей в П1Л начинается со слов: «Силою же и благословениемъ Всемилостиваго Спаса...» (С.16). В СІЛ по списку Оболенского это звучит как «Силою великаго князя», а по Карамзинскому «Силою великаго И(су)са Х(рист)а» (Стб. 400)[6]. Очевидно, что правильным здесь может быть упоминание Всемилостивого Спаса, так как именно Спас более всего почитался в Твери, где кафедральным собором был Спасо-Преображенский собор, воспринимавшийся как символ города.

2). После слов «И поиде на них» в СІЛ читается «он же слыша кн(я)зя Александра, идуща на ся ратью» (Стб. 401), в П1Л читается правильная форма «Они же слышавше Александра, идуща на ся ратию» (С. 16), согласованная с предыдущим текстом.

Однако между редакциями есть и отличия иного рода. Так, начало Повести в СІЛ представлено следующей фразой: «Того же лѣта приѣха из Орды посолъ силенъ на Тферь именемъ Щолканъ съ множествомъ татаръ»[7]. В Псковских читается: «Великии князь Александръ Михаиловичь изби татаръ на Твери, Севкала князя безсерменскаго и дружину его»[8]. Не разъяснено, кто такой Шевкал, сразу говорится о его судьбе.

После описания гибели Шевкала в СІЛ сообщается, что были убиты «гости хопыльские» и что произошло это на Успение Богородицы 15 августа. Затем говорится о поездке в Орду Ивана Калиты, зимней карательной экспедиции 5 ханских темников, вместе с Иваном Даниловичем разорившими Тверь, Кашин и Новоторжскую область, бегстве князя Александра и его брата Константина в Псков. Завершается повествование сообщением о том, что Новгород откупился от татар 2000 серебра. В П1Л вместо этого читается похвала князю Александру и сообщение о том, что «поимя с собою мало дружины», он поехал в Псков, «псковичи прияша его честно, и крестъ ему цѣловаша, и посадиша его на княжение» (с. 16).

Как объяснить эти расхождения двух повествований?

Очевидно, что последняя часть Повести в П1Л представляет чисто псковский материал, последствий же восстания, связанных с ханским гневом и разорением тверских земель, псковские летописи не знают. Также псковское происхождение имеет начальная фраза в П1Л, ибо читается она только в псковских летописях (включая и П2Л, где самого текста повести нет).

СІЛ же обнаруживает зависимость от НІЛ:

НІЛ

Того же лѣта на Успѣнье Святыя Богородица, князь Александръ Михаиловичь изби татаръ много на Тферѣри и по инымъ городом, и торговци гость хопыльскыи исѣче: пришелъ бо бяше посолъ силенъ изъ Орды, именемъ Шевкалъ, съ множествомъ татаръ...

Того же лѣта присла князь Иванъ Даниловчь намѣстникы своя в Новъгород, а самъ иде въ Орду. На ту же зиму приде рать татарьская множество много, и взяша Тферь и Кашинъ и Новоторжьскую волость, и просто рещи всю землю Русскую положиша пусту, толко Новъгород ублюде Богъ и святая Софья. А князь Олександръ вбѣжа въ Пльсковь; а Костянтинъ, брат его, и Василии въ Ладогу; и в Новъгород прислаша послы татарове, и даше имъ новгородци 2000 серебра, и свои посла послаша с ними к воеводамъ съ множеством даровъ (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 98).

СІЛ

Того же лѣта приѣха из Орды посолъ силенъ на Тферь именемъ Шолканъ съ множествомъ татаръ...

...а гостеи хопыльскых исѣче. А быст(ь) же се на Успение С(вя)тыя Б(о)городиц)а м(е)с(я)ца августа въ 15.

Того же лѣта поиде великии кн(я)зь Иванъ Данилович в Орду. И на зиму приде изъ Орды на Русь 5 темниковъ великих кн(я)зеи ординьскых да с ними великии кн(я)зь Иванъ Данилович, и поидоша ко Тферѣри, и взяша град Тферь и Кашинъ, и Новоторжьскую волость пусту створиша. Новъ же город ублюде Б(о)гъ и С(вя)тая Софья. А кн(я)зь Александръ и брат его кн(я)зь Костянтинъ, бѣгоша въ Пьсковъ. В Новъ же городъ присласа татарьѣ послы своя, новгородцы же даша имъ 2000 серебра и своя послы с ними послаша къ воеводамъ ихъ съ множествомъ даровъ (Стб. 400-401).

Как можно видеть, почти весь фактический материал, имеющийся в тексте повести СІЛ, почерпнут из НІЛ[9]. Вне материала НІЛ в СІЛ остается рассказ о намерениях Шевкала, речь тверского князя, повествование о битве Александра Михайловича с Шевкалом, поджоге двора и гибели Шевкала. Этот текст практически совпадает с текстом П1Л.

Сообщение о приходе на Русь 5 темников вместе с Иваном Даниловичем (чего нет ни в НІЛ, ни в П1Л), по-видимому, заимствовано в статью 6835 г. из Ростовского свода[10].

Таким образом, рассказ в П1Л обнаруживает совпадения только с П2Л (начальная фраза), не считая общего текста с СІЛ. СІЛ же (вернее, ее протограф — новгородско-софийский свод) объединила в себе фрагменты соответствующих статей НІЛ и Ростовского свода. Т. е. текст СІЛ носит составной, компилятивный характер, в П1Л же следов соединения с непсковскими источниками нет. Это заставляет думать, что именно псковская редакция Повести и является первоначальной. В имеющемся тексте Повести в П1Л можно условно выделить несколько частей: 1) сообщение о том, что Александр Михайлович избил татар на Твери, которое служит своеобразным вступлением к рассказу об этом событии, сразу передающим суть произошедшего; 2) изложение автором причин прихода Шевкала с дружиной и его целей; 3) рассказ о сражении; 4)

сообщение о гибели Шевкала с дружиной; 5) похвала князю Александру; 6) сообщение о принятии его псковичами.

В последних частях о князе Александре говорится: «Тогда бяшеть боголюбивыи Александръ еще оунъ верстою, а оумом свершенъ, цѣломудръ душею, поимя с собою мало дружины и поеха оттуду в Псков; и псковичи прияша его честно, и крест ему цѣловаша, и посадиша его на княжение» (с. 16). Как можно видеть, желание представить полюбившегося псковичам князя в самом лучшем свете приводит к тому, что 26-летний князь назван юным — только для того, чтобы подчеркнуть его незаурядный ум (следуя топосу «в младе телесе стар смысл»). В псковской редакции князь не спасается бегством, а едет в Псков с малой дружиной, при этом не упоминается о его неудавшейся попытке попасть в Новгород.

Что касается высказываний о глобальности антирусских замыслов Шевкала, то при всей их сомнительности нельзя не обратить внимания на схожую трактовку прихода Шевкала в таких различных памятниках, как первая Повесть, вторая (рассматриваемая) Повесть и Песня о Щелкане. В первой Повести Шевкал говорит Азбяку: «Аще не погубиши князя Александра и всѣхъ князiи роусскихъ, то не имаши власти надъ ними», — и затем заявляет: «Азъ идоу въ Роусь и разорю христiанство, а князя ихъ избiю, а княгиня и дѣти къ тебѣ приведу»[11]. В П1Л читаем: «князя Александра и братию его побити хотяще; а самъ хотѣ сѣсти во Твери на княжение; а иная князья посажати по инѣмъ градомъ по руским, хотяще привести християнъ в бесъсерьменьскую вѣру» (с. 16). В исторической песне Узбек дарит своих «шурьев» разными русскими городами, и Щелкан просит Тверь. Может быть, приход Шевкала действительно носил экстраординарный характер, к тому же примечательны слова НIЛ о том, что Александр Михайлович «изби татаръ много на Тфѣри и по инымъ городом». Даже если речь шла о выплатах в счет погашения долгов великого князя, поведение татар было столь вызывающим, что повлекло за собой организованный отпор в нескольких городах[12] и впоследствии было истолковано как поход против Руси. Вероборческий же аспект в известной мере мог быть вызван тем, что Узбек и его окружение приняли мусульманство и теперь были не просто погаными, а носителями другой, неприемлемой конфессии.

Князь собирает тверичей и произносит речь. Как уже было замечено[13], этот фрагмент заимствован из описания в ПВЛ битвы Ярослава со Святополком в 1015 г.

Лаврентьевская летопись	П1Л
И поиде на Стполка нарекъ Ба· рекъ не га почахъ избивати братю· но wнъ. да будетъ ѡтместьникъ Бъ крове братга моега· зане без вины прольга кровь Борисову. и Глѣбову праведною. ·еда и мнѣ си[ц]е же створить· но суди ми Гси по правдѣ· да скончаетсѧ злоба грѣшнаго· и поиде на Стполка· слышавше се Стполкъ· идуща Ꙗрослава· приспорои бещисла вои·[роус· и печенѣгъ· и изыд противу емоу...][14]	И поиде на Шевкала, рекъ тако: не яз почах избивати, но онъ: и да будетъ отмстник Богъ отца моего Михаила и брата моего Димитрия, зане пролия кровь праведную, егда и мнѣ се же сотворитъ. И поидоша на них. Они же слышавше Александра идуша на ся ратию, и изыдоша противу имъ (С. 16).

Далее составитель, не имея конкретного материала, либо строит рассказ по традиционной схеме описания битвы (бой идет с восхода солнца весь день, лишь к вечеру одолевает одна из сторон), либо снова непосредственно использует летописные сообщения о битвах Ярослава Мудрого со Святополком в 1019 г. и с печенегами в 1036 г. (второе более вероятно):

Лаврентьевская летопись	П1Л
Тогда въсходѧщю слнцю и сступишасѧ wбои быс сѣча зла... К вечеру же wдолѣ Ꙗрославъ... (Стб. 144) И сступишасѧ на мѣсто... и быс сѣча зла· и wдва wдолѣ к вечеру Ꙗрославъ (Стб. 151)	И сступишася восходящу солнцу, и бишася чрез весь день, и оуже к вечеру одолѣ князь Александръ (С. 16).

О факте поджога княжеского двора и гибели Шевкала в огне составитель мог узнать от самого Александра Михайловича или от его окружения, пришедшего вместе с ним из Твери[15].

Такова псковская версия событий 1327 г., составленная, безусловно, не без влияния тверичей.

Второе повествование (о «взыскании» князя Александра) также читается в большинстве русских летописей, за исключением тверских, подвергшихся промосковской правке, где читается лишь краткое сообщение. Оно помещено под 6838 г. В псковских летописях соответствующий текст служит продолжением рассказа об Александре Михайловиче. Он начинается сразу после слов «и посадиша его на княжение»: «И на третиее лѣто вложи окаяныи врагъ дияволъ въ сердце княземъ рускимъ взыскати князя Александра...» (с. 16).

Основой повествования общерусских летописей послужил новгородско-софийский свод. Я. С. Лурье отмечал, что в статье 6838 г не СIЛ, а НIУЛ исправнее передает текст этого свода, составитель которого пользовался материалом псковского летописного источника[16]. Как и в Повести о Шевкале, в СIЛ старшего извода встречается испорченное место, которое исправно в списках младшего[17]. Если в П1Л и НIУЛ начальная фраза сразу определяет нравственную оценку поведения русских князей, то в СIЛ она приглажена: «вложися въ с(е)рдце кн(я)земъ рускымъ възискати кн(я)зя Александра...» (Стб. 403). В отличие от П1Л и НIУЛ в СIЛ Иван Калита неизменно титулуется великим князем. Эти небольшие отличия следует иметь в виду при характеристике СIЛ и НIУЛ.

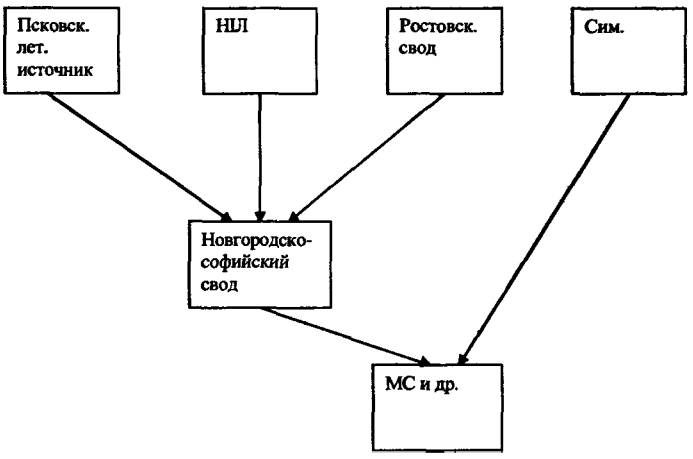
В протографе СIЛ-НIУЛ добавлена фраза, которой нет в псковских летописях — упрек князя Александра русским князьям в ответ на переданный через послов призыв пойти в Орду: «Се и тако ли имъ любо? Поганіи Тферь взяша, а людіи овыхъ пленіша, овыхъ мечи иссѣкоша, а иныхъ ножи изрѣзаша»[18]. Я. С. Лурье отнес этот текст на счет «того же источника», из которого происходило «известие о восстании 6835 г.»[19]. Поскольку, как было выяснено выше, вторая Повесть о Шевкале имеет псковское происхождение, источник фразы (если только она не является результатом творчества сводчика) надо определять иначе.

По сравнению с псковским текстом в СIЛ и НIУЛ дополнительно перечисляются князья, пришедшие «взыскать» князя Александра: это Иван Калита, братья Александра тверские князья Константин и Василий, Александр Суздальский. Но текст псковских летописей содержит целый ряд уникальных сведений, касающихся рассматриваемых событий. Так, если в НIУЛ говорится, что русские князья «подъяша новгородцевъ», то в П1Л продолжено: «подъяша новогородцовъ и всю область Новогородцкую от Бѣлаозера и от Заволочия[20]» (с. 16). При перечислении состава делегации, посланной Калитой в Псков, уточняется, что Лука Протасьев был «с дружиною» (правда, в отличие от СIЛ и НIУЛ не указывается, что он боярин Ивана Калиты), назван не упомянутый в других летописях Федор посадник.

Начиная с описания момента, когда Александр Михайлович принимает решение уехать из Пскова, тексты псковской и новгородско-софийской редакций не совпадают[21]. В CIЛ и HIVЛ следует краткая, завершающая рассказ фраза о псковском посольстве к Ивану Калите и примирении князя с псковичами. В псковских же летописях продолжается подробное повествование. В безыскусной и искренней тональности говорится об отношении псковичей к Александру и его отъезду: «И выеха Александръ изо Пскова пословно со псковичи, а княгиню свою ту остави. Тогда бяше во Псковѣ туга и печаль и молва многа в людех по боголюбивомъ князе Александрѣ, зане же бяше добротою и сердцем въ сердце псковичемъ» (с. 17). Далее текст рассказа более полно представлен в ПЗЛ, где среди псковских послов к Ивану Калите назван не только посадник Шолога (или Селога), но говорится, что с ним псковичи отправили «Олуферья Мандыевича, Фомицю Дорожькиница, Явила Полоуектовича, Андрѣа попа святого Николы» (91). Обращение послов к Калите в П1Л и ПЗЛ исполнено лояльности по отношению к великому князю: «Князь Александр изо Пскова поехалъ прочь; а тобѣ господину своему князю великому вся Псковъ кланяется и попове и черници и черници и сироты и вдовица и жены и малыа дѣти» (с. 91). Князь Иван, заключивший с псковичами мир «по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдине» назван боголюбивым, как в рассказе ранее именовался князь Александр. При этом подчеркнуто щепетильное отношение князя к Пскову: Калита «стоитъ оу града оу Вопоки; а хожение его от Новагорода до Опоки три недели, не хотя псковичь розъгнѣвити» (с. 91).

То, что события, разделенные несколькими годами, представлены в П1Л и ПЗЛ большим единым рассказом, может быть соотнесено с теми особенностями псковского летописания, которые отмечены А. Н. Насоновым. Ученый подчеркивал, что «начиная с 6831 г. местные известия в псковских летописях, являющиеся местными записями, попавшими непосредственно в псковские своды, принимают характер весьма пространного рассказа»[22]. С другой стороны, можно провести аналогию с Житием Довмонта Псковского, разделенным в более поздних сводах по годам. Довмонт, по словам А.Н. Насонова, «был князь, принятый псковичами не от новгородцев, а со стороны, и не связанный в своей карьере с новгородским столом»[23]. Расхождения между Псковом и Новгородом в период княжения Александра Михайловича, посаженного, по словам новгородцев, «из Литовьскиа руки», были, быть может, еще более заметны. Достаточно вспомнить, что псковичи в это время даже предприняли попытку отложиться от новгородского владыки и образовать собственную епископию.

Вторая Повесть о Шевкале



* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 03-04-00183а)

[1] По крайней мере, так можно понять сообщения «Псковичи прияша его честно, и крестъ ему цѣловаша, и посадиша его на княжение... И по томъ князь Александръ, бывъ в Литвѣ полтора года и пришехавъ во Псковъ, и псковичи прияша его честно и посадиша его на княженьи» (Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 16–17). По-видимому, отсутствовал он в Пскове в 1328–1330 г. (Псковские летописи. Вып. I. С. 17; Вып. II. М., 1955. С. 23, 92 (далее указание на с. в тексте)).

[2] ГИМ. Муз. № 1473.

[3] Библиографию и обзор истории вопроса см.: Конявская Е. Л. Повести о Шевкале // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 14–25; Лурье Я. С. Повести о Шевкале // Словарь книжности и книжников Древней Руси. (вторая половина XIV–XVI вв.). Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 208–209.

[4] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Стб. 43.

[5] Псковские летописи. Вып. I. С. 16 (далее указание на с. в тексте).

[6] Следует отметить, что в СІЛ по списку Царского (и в списках младшего извода) читается «Силою великаго Спаса» (ПСРЛ. М., 1994. Т. XXXIX. С. 105).

[7] ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Вып. I. Стб. 400 (далее указание на с. в тексте).

[8] Далее между Псковскими летописями есть расхождения. В П1Л идет: «А они нашехали многою силою» (с. 16). В П2Л и ПЗЛ этих слов нет, и в отношении П2Л совпадения заканчиваются, так как она не содержит текста собственно Повести, ПЗЛ имеет незначительные отличия.

[9] Использовано СІЛ и сообщение о том, что Иван Данилович прислал своих наместников в Новгород. Составитель статей в СІЛ перенес эту информацию за пределы рассказа о Шевкале, как не имеющую к этим событиям непосредственного отношения (такое же расположение сообщения повторено и в более поздних летописях).

[10] См:. Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2.; ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 530. Более подробно (с именами темников) об этом говорится в Сим., в которой самого рассказа о Шевкале нет. По Сим. же восстанавливает М. Д. Приселков под этим годом текст Троицкой летописи, но правомерность такой реконструкции сомнительна, так как, по его же свидетельству, М. Н. Карамзин пересказывает начало статьи следующим образом: «В конце лета явился в Твери ханский посол, Шевкал» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 358) Поскольку в Сим. этого нет, маловероятно, что и дальнейший текст статьи в Троицкой мог с ней совпадать. Так или иначе фраза Сим. использована МС, Типографской и другими более поздними сводами.

[11] Там же. Стб. 43.

[12] Скорее всего, это свидетельство верное, поскольку тогда адекватно выглядит зимняя карательная экспедиция, опустошившая не только Тверь, но и Кашин и даже Новоторжскую волость. В тверских летописях говорится «Тверь и вся гради огнемъ пожгоша» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 416).

[13] См.: Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI — начала XIV в. и народная поэзия // Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 49-50; Конявская Е. Л. Повести о Шевкале... С. 20-21.

[14] ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 141 (далее указание на с. в тексте).

[15] Подтверждение этому факту можно обнаружить в Предисловии летописца княжения Тферскаго: «Огнемъ бо попалиша кости церковнаго борителя, и тако скончася въ злобѣ своей безумный...» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 466).

[16] Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 103. В МС и других более поздних летописях повесть читается в сокращенной редакции.

[17] В СІЛ по списку Оболенского: «...оже что будеть намъ, то и тобѣ», по Карамзинскому: «...оже что будет намъ на тобѣ» (Стб. 403). Должно быть: «оже что будетъ на тобѣ».

[18] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 262 (далее указание на стб. в тексте).

[19] Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 104.

[20] В ПЗЛ читается еще: «и от Корелы» (с. 91).

[21] Весь этот заключительный чисто «псковский» текст в кратком виде содержится и в П2Л. По-видимому, три псковские летописи с разной степенью полноты передают содержавшийся в их едином протографе рассказ.

[22] Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. М.., 1946. № 18. С. 289.

[23] Там же. С. 292. Еще одна аналогия — князь Давыдка.

А.С. Усачев

ЭВОЛЮЦИЯ РАССКАЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ СЕРЕДИНЫ XVI в.

К середине XVI в. в России произошли серьезные изменения. Завершилось в целом образование территории Русского государства, продолжалось создание централизованной системы управления. В 1547 г. великий князь московский принял царский титул. В середине XVI в. к Русскому государству были присоединены Казанское и Астраханское «царства». Все это определяло направление развития общественной мысли. Носитель верховной власти стал осмысливаться в терминах «царства» и «царственности». Венчание Ивана IV на царство поставило проблему поиска идеала правителя. Большое значение придавалось нравственным качествам. Особенности средневекового сознания заставляли считать идеал полноценным лишь в случае его освящения авторитетом прошлого. Все это делало актуальным обращение к фигурам, стоявшим у истоков правящей династии, которые бы являлись нравственным примером для своих потомков. Не случайно, что на канонизационных соборах этого времени общерусский статус получили предки династии московских государей — Александр Невский и княгиня Ольга. При этом фигура первой княгини-христианки Ольги — «прабабы» всех представителей правящей династии — приобретала особое значение. Это побудило книжников середины XVI в. обратиться к личности княгини Ольги, в изображении которой немаловажное значение приобретал вопрос о ее происхождении и браке с одним из предков династии русских государей.

Вопросам бытования рассказа о княгине Ольги в русской письменности середины XVI в. был посвящен целый ряд работ Н. И. Серебрянского, В. В. Кускова, И. В. Курукина, З. А. Гриценко[1]. Однако специально вопрос об освещении в русской книжности данного периода рассказа о происхождении княгини Ольги не рассматривался.

На середину XVI в. приходится два важных этапа в редактировании текста Жития княгини Ольги. Первый был связан с созданием псковской редакции жития, второй — с составлением Пространной редакции.

Составителем псковской редакции жития, по мнению Н. И. Серебрянского, мог быть Василий-Варлаам[2]. Исследователь отмечал, что составитель псковской редакции Жития воспользовался летописным, житийным и легендарным (устным) материалом о княгине Ольге[3]. Для того, чтобы понять характер редактирования, необходимо сравнить известия о происхождении Ольги в источниках псковской редакции и в самом памятнике.

Древняя редакция списков Пролога, распространенного в Северо-Восточной Руси, крайне лаконично сообщает о происхождении княгини Ольги. Рассказ о ее происхождении фактически ограничивается словами о том, что «си блаженая Ольга родомъ бѣ пльсковитина, жена же Игоря»[4]. Описывая появление Ольги, летописные своды XV — первой половины XVI в. вслед за ПВЛ лаконично сообщают о том, что она была приведена Олегом из Пскова и выдана замуж за Игоря. Так, крупнейший летописный свод первой половины XVI в. Никоновский сообщает о том, что «приведе ему (Игорю. — А. У.) Олегъ жену отъ Пскова именемъ Олгу, лѣтъ 10» (аналогичный[5] текст читается и в ряде прочих летописных сводов второй половины XV — первой половине XVI в.)[6]. Видимо, подобная лапидарность в рассказе о происхождении ставшей впоследствии равноапостольной княгини составителя не устраивала.

Как эта краткая констатация псковского происхождения была подана в рассматриваемой редакции? Она сообщает:

«Святая великая княгиня Ольга родися въ Плесковской странѣ, в вѣси зовомые Выбуто, отца имѣаше невѣрна соущи, тако же и матерь некрещеноу от языка варяжска и от рода не от княжеска, ни от велмож, но от простых бяше человекъ. О имени отца и матере писание нигде же изъяви»[7].

Кроме того, псковская редакция содержала описание нрава Ольги — «образомъ бяше святая тиха и кротка и любима ко всем». Относительно заключения брака Ольги с Игорем данный памятник сообщает: «По сем князь роускии Игорь поня ю за ся за премногую ее добродѣтель и добронравие»[8].

В числе особенностей данного описания псковской редакции сравнительно с ее источниками можно указать:

1. Детализацию места происхождения Ольги — «Псков» источников жития заменен на Выбутскую весь «Плесковской страны».
2. Указание на языческих родителей княгини;
3. Известие о происхождении Ольги «от языка варяжска и от рода не от княжеска, ни от велмож, но от простых бяше человекъ».
4. Описание кроткого и тихого нрава будущей святой.
5. Сведения о самостоятельном «понятии» Игорем Ольги за себя.
6. Известие о «премногой ее добродѣтели и добронравии» как о причине, которая побудила Игоря к браку с Ольгой.

Кроме того, необходимо отметить пропуск содержащегося в летописных источниках указания на десятилетний возраст Ольги в момент ее брака с Игорем. Какова причина всех этих изменений?

По-видимому, для составителя псковской редакции, чтобы подтвердить достоверность происхождения Ольги, важно было связать происхождение равноапостольной княгини с каким-либо конкретным местом, а не Псковом вообще. По мнению Н.И. Серебрянского, речь шла о погосте Выбута (в 12 верстах от Пскова). Как полагал исследователь, известие о происхождении Ольги из Выбутской веси не было плодом воображения составителя псковской редакции жития. Согласно Н. И. Серебрянскому, автор лишь «воспользовался уже существовавшими легендами». Так, еще в XIX в. был записан рассказ об основании Ольгой монастыря в селе Покровском (в трех верстах от Выбуто) с характерным названием «Вольжин», который, согласно легенде, был смыт рекой после его осквернения литовцами[9]. Сам Н.И. Серебрянский, отмечая, что «в древнее время Выбута была не просто «весью» или погостом, но одним из военных сторожевых пунктов, и находницы-варяги могли в ней быть», склонялся к достоверности рассказа о происхождении Ольги из Выбутской веси[10]. На то, что составитель псковской редакции жития использовал и доступные ему письменные памятники, служит его прямое указание — в сообщении о родителях Ольги книжник уточнял, что «о имени отца и матере писание нигде же изъяви».

Таким образом, составитель, создавая подробный рассказ о происхождении княгини, не ограничился кратким упоминанием Пскова как родины Ольги, а связал ее происхождение с конкретным местом в Псковской земле. Тем самым, биография Ольги теснее связывалась с Псковом.

Сведения о происхождении Ольги от «языка варяжска» скорее всего можно связать с веяниями эпохи, в которую указание на иностранное происхождение русских правителей возвышало род московских государей (вспомним оформленную в «Сказании о князьях Владимирских» легенду о происхождении Рюрика от Пруса[11] и заверения Ивана Грозного о принадлежности к «немецкой, баварской крови»[12]). Думается, что именно стремлением возвысить Ольгу путем приписывания ей чужестранного происхождения и следует объяснять указание на ее варяжские корни. В то же время в книжности того времени был, видимо, популярен сюжет о добродетельной девице из народа (см. ниже).

Все это скорее всего и побудило составителя данной редакции жития соединить в связный рассказ известие о «варяжском» и простонародном происхождении Ольги.

То, что описание решающего участия Олега в браке Ольги и Игоря опущено, могло объясняется тем, что в близкий ко времени боярского правления период упоминать о приближенных предках русских государей, которые диктовали им свою волю, было неуместным. В то же время пропуск известия о вмешательстве Олега в судьбу Игоря и Ольги также был призван подчеркнуть достоинства последней, которые и побудили киевского князя к браку с ней.

Указание на десятилетний возраст Ольги в момент заключения брака с Игорем было пропущено составителем, очевидно, в силу неканоничности брака, заключенного в столь юном возрасте. Как отметила Н.Л. Пушкарева, в XIV–XV вв. брачный возраст колебался от 12 до 18–20 лет. В XV в. брачный возраст был ограничен митрополитом Фотием, который запретил «венчать девичок менши пятнадцати лет». В то же время исследовательница отмечает, что брак, если он преследовал политические цели, мог быть заключен и когда невеста находилась в более раннем возрасте (например, дочь Владимира Андреевича Старицкого вышла замуж за герцога Магнуса в 9 лет)[13]. И все же, по-видимому, десятилетний брачный возраст книжником круга Макария считался слишком ранним, что и заставило его опустить данную деталь.

Обобщая рассмотрение характера редакторской правки рассказа о происхождении Ольги в псковской редакции жития, необходимо отметить, что в данном памятнике 1) происхождение княгини начинает связываться с Выбутской весью Псковской земли; 2) появляется мотив происхождения Ольги от варягов и из простого народа; 3) в памятнике начинают фигурировать родители Ольги; 4) пропущено известие о заключении брака Ольги и Игоря при участии Олега, а также сообщение о раннем брачном возрасте Ольги; 5) введено описание достоинств Ольги, которые и побудили Игоря к браку с ней.

Таким образом, характер редактирования имеющихся в руках составителя данной редакции источников позволяет выделить две тенденции в оформлении рассказа о происхождении княгини Ольги. Первая служит прославлению будущей святой (введение рассказа об иностранном происхождении княгини, описание достоинств Ольги, которые побудили Игоря к браку с ней). Вторая тенденция выразилась в том, что происхождение Ольги начинает все теснее связываться с Псковом — составитель указывает конкретное место рождения Ольги, сообщает о ее родителях[14].

Вторая крупная переработка житийного материала об Ольге была предпринята в ходе создания Пространной редакции жития, составление которой традиционно приписывается Сильвестру[15]. Данная редакция сохранилась в пяти списках середины — третьей четверти XVI в.[16] Нами привлечен список, содержащийся в сборнике житий, который датируется 1550-ми гг.[17]

Несмотря на некоторую близость в описании происхождения Ольги в псковской и Пространной редакциях (указание на Выбутскую весь, варяжское происхождение Ольги и т. д.)[18], Пространная редакция представляет собой уже иной этап в эволюции агиографического повествования об Ольге.

Прежде всего, необходимо отметить, что описание происхождения Ольги в Пространной редакции находится в контексте повествования о событиях древнейшего периода русской истории. Так, вслед за сообщением о рождении Ольги следует рассказ о приходе апостола Андрея, а затем Рюрика на Русь. Более подробный рассказ об Ольге начинается после известия о смерти Рюрика и вокняжении Игоря, что в целом соответствовало летописной событийной канве. На этом основании И.В. Курукин выдвинул предположение о том, что Пространная редакция создавалась специально для излагавшей события русской истории с древнейших времен СК[19].

Как показывает сравнение рассказов псковской и Пространной редакций, сообщение о происхождении Ольги в последней имеет ряд особенностей. Так, ее составитель уточняет местоположение Выбуцкой веси — «близъ предѣлъ немечьскиа власти жителей». Особенно подчеркивается, что «Псковская страна» «отъ области царствия великия Руския земли». Иными словами, составитель Пространной редакции наполняет древний рассказ реалиями своего времени. С одной стороны, отмечается происхождение Ольги из пограничной Ливонскому ордену земли Русского государства. Указание на принадлежность Пскова «царствию великия Руския земли» было, скорее всего, связано с его относительно недавним присоединением к Русскому государству — таким образом, составитель, видимо, подчеркивал извечность пребывания Пскова в составе Русского государства. Кроме того, в данном памятнике отсутствует и такая деталь, как указание на «некрещеных» родителей Ольги.

Интересно, что при описании места рождения Ольги составитель уточняет, что Псков в то время не существовал, а «начальным» городом Псковской земли был Изборск. Очевидно, это указание объяснялось хорошим знанием составителем летописного материала, о чем свидетельствует упоминание Трувора как первого князя Изборска[20].

Самым значительным и объемным дополнением к рассказу о происхождении княгини Ольги в Пространной редакции был рассказ о встрече Ольги с Игорем на перевозе. Как отметил Н.И. Серебрянский, этот рассказ был единственным дополнением СК к псковским легендам о происхождении Ольги. При этом составитель ссылался на устные источники («яко же неции поведаше дивно сказание»). Думается, можно согласиться с Н.И. Серебрянским в том, что из данной заметки «нельзя догадаться об источнике этого добавления — был ли это впервые письменно изложенный редактором устный рассказ, заимствован ли он из записи или сочинен самим редактором». Исследователь отдавал предпочтение последнему предположению[21]. Как полагает З.А. Гриценко, рассказ о встрече Ольги-перевозчицы с Игорем выделяется из текста жития даже стилем, который не может быть отнесен к житию[22], что делает вполне вероятной отмеченную В.В. Кусковым[23] связь данного рассказа с устной традицией.

В этом эпизоде изображена встреча молодого Игоря с Ольгой. Князю на охоте понадобилось переправиться на другой берег реки. Он подозвал лодочника и повелел переправить его на богатый «ловом желанным» берег. Увидев Ольгу-перевозчицу, Игорь воспылал страстью и адресовал к ней «нѣкие глаголы». Однако добродетельная Ольга, пристыдив князя за его «неподобную во умѣ совещание» и «студная словеса», заставила Игоря отказаться от своих намерений. Игорь покинул добродетельную и стойкую девушку, немало подивившись ее «мужеумному смыслу» и «благоразумным словесем»[24].

Н.И. Серебрянский считал, что «ближайшим образом статья о браке Игоря навеяна летописным рассказом о неудачном намерении византийского императора «сочьтатися» с Ольгой и развивает одну и ту же мысль о ее целомудрии и мужеской премудрости, сумевшей пристыдить и греческого царя, и русского князя»[25]. По мнению В. В. Кускова, этот эпизод по своему идейному содержанию близок к «Повести о Петре и Февронии». Исследователь отмечал, что «Ольга, как и мудрая Феврония, посрамляет человека, посмотревшего на красивую женщину с вожделением»[26]. Действительно, близость рассказов очевидна — в обоих повествованиях отмечается мудрость героинь. Если в первом случае «некий человек» с судна Февронии «уведе, яко в ней есть прозрения дар, бояся к тому таковая помышляти»[27], то во втором пристыженный Игорь «отложь мудрование свое наипаче же со стыдѣниемъ своимъ и съ молчаниемъ преиде реку». Примечательно, что в обоих описанных эпизодах действие происходит в лодке, где благочестивой девице отрезаны все пути к бегству и остается лишь прибегнуть к мудрости и стойкости духа[28]. Однако о текстологической зависимости вряд ли может идти речь. По-видимому, здесь мы имеем дело с широко распространенным в это время мотивом мудрой героини, по-

срамляющей посмотревшего с вожделением на благочестивую девицу. Это, в свою очередь, может свидетельствовать как о книжном, так и устном происхождении рассказа, что не исключает взаимопереплетения такого рода источников в данном повествовании. В рассмотренном эпизоде следует отметить, что Ольга-язычница ведет себя вполне по-христиански. Это объяснялось, по всей видимости, стремлением создателя Пространной редакции показать добродетельность Ольги еще до принятия христианства и тем самым подчеркнуть закономерность ее обращения к крещению.

В Пространную редакцию жития вставлен и подробный рассказ о браке Игоря и Ольги. В нем сообщается, что, когда пришло время жениться, Игорь «о мнозехъ небреже, но воспомяну дивную въ дѣвицахъ Ольгу» и послал за ней своего родственника князя Олега, который «приведе ю с подобающей честию».

Как мы видим, Олег, исчезнувший было в псковской редакции жития, вновь появляется в повествовании о браке Ольги и Игоря. Однако здесь он уже выступает как послушный воле Игоря родственник, который был послан за невестой для киевского «самодержца». Таким образом было переосмыслено летописное упоминание о том, что Олег привел Ольгу из Пскова Игорю. Очевидно, для того чтобы устранить какую-либо двусмысленность в отношениях Игоря-язычника с будущей равноапостольной княгиней, составитель отметил, что она «сочьтана бысть ему закономъ брака»[29].

Итак, можно констатировать, что редакторская правка рассказа о происхождении Ольги в Пространной редакции была сведена к 1) помещению описания Ольги в контекст повествования о древнейшем периоде русской истории; 2) появлению Олега в новой роли — роли исполнителя воли «самодержца» Игоря; 3) вставке рассказов о встрече Ольги-перевозчицы с Игорем и их сочетании «законом брака». Без каких-либо изменений оформленный в Пространной редакции жития рассказ о происхождении княгини Ольги вошел в СК[30].

Рассмотренный материал убеждает в том, что в середине XVI в. Житие Ольги подверглось целенаправленному редактированию, основные черты которого отражали изменения, происшедшие в России данного периода. В качестве основной тенденции эволюции данного рассказа выступает стремление к более подробному рассказу о происхождении Ольги. При этом составители рассмотренных редакций жития привлекали широкий круг источников для создания портрета равноапостольной княгини. О проведении тщательной работы по сведению воедино источников о происхождении Ольги свидетельствуют и отдельные указания в тексте памятников (ссылка на некие «писания», которые умалчивают об именах родителей Ольги в псковской редакции, указание на «неких поведающих дивное сказание» о встрече Ольги с Игорем на перевозе в Пространной редакции). Особенно отчетливо данная тенденция выступает в Пространной редакции, составитель которой был хорошо знаком с летописными известиями, которые он использовал при оформлении рассказа об Ольге. Характерные черты редакции (изменение рассказа об Олеге, пропуск известия о ее возрасте) могут быть связаны с попыткой составителей согласовать имеющийся в их распоряжении материал с реалиями середины XVI в. По всей видимости, к переосмыслению рассказа о происхождении Ольги побудили канонизационные соборы времени Макария, закрепившие общерусское почитание княгини. Это побудило книжника к созданию нового описания, которое бы в большей степени, чем предыдущие, отвечало новому статусу Ольги как общерусской святой и предтечи как христианства на Руси, так и предка династии московских государей. В то же время значительное влияние на эволюцию рассказа о происхождении Ольги оказывало явно выраженное стремление псковского редактора связать появление равноапостольной княгини с Псковом. Ее составитель, привлекая доступные ему источники (как письменные, так, по-видимому, и устные), уточняет место рождения Ольги и вводит в повествование ее родителей. Составитель Пространной

редакции обнаруживает более широкий круг интересов: сохранив повествование о добродетелях Ольги, он опускает сообщение о родителях Ольги, происхождении княгини из Пскова и уточняет, что святая происходила из пограничной Ливонскому ордену области «Русской державы». Кроме того, составитель Пространной редакции считает нужным отметить явно христианское поведение Ольги-язычницы на перевозе. Логическим продолжением эволюции рассказа о происхождении Ольги стало включение его (как и всей Пространной редакции) в СК, в которой была создана «галерея портретов» русских «самодержцев». Первая христианка, «прабаба» всех представителей воспеваемой в памятнике династии княгиня Ольга в этом ряду заняла особое место[31].

---

[1] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915; Кусков В.В. Степенная книга как литературный памятник XVI века: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952; Он же. Идеальные правители Древней Руси // Древнерусские княжеские жития. М., 2001. С. 7-22; Курукин И.В. Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: Сб. ст. М., 1978. С. 51–60; Он же. Сильвестр: политическая и культуриая деятельность (источники и историография). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983; Гриценко З. А. Литературные памятники и княгине Ольге XII–XVII вв. (история текста, становление жанров, стиль). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.

[2] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). С. 38.

[3] Там же. С. 42–43.

[4] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 7.

[5] Особняком стоит имеющее легендарное происхождение указание Типографской и Холмогорской летописей (первая половина XVI в.) на то, что «неции же глаголют, яко Олгова дщи бе Олга» (ПСРЛ. Т. 24. С. 9; Т. 33. С. 15). В историографии существовала и версия о болгарском происхождении Ольги, выдвинутая Леонидом (Кавелиным) (Откуда родом была св. великая княгиня русская Ольга? // Русская старина. 1888. № 9. С. 215–224). Автор, основываясь на данных некоего «Владимирского летописца» (по-видимому, какой-то летописи конца XV в.), из собрания А.С. Уварова выдвинул версию о болгарском происхождении Ольги. Данный источник сообщал о том, что Олег «Игоря же жени въ болгарhхъ, поятъ за него княжну именемъ Олгу. И бысть мудра велми». Текст этого памятника очень близок (судя по приведенному в приложении к статье Леонида (с. 223–224) отрывку) вступительной части найденной Е. Л. Конявской новгородской летописи первой половины XVI в. (РГБ. Большаков. № 333) (выражаем ей самую глубокую благодарность за возможность ознакомиться с данными материалами до публикации). Не исключено, что мы имеем дело с различными списками одного и того же памятника. Леонид строил свое предположение на том основании, что «Плесков», из которого происходила Ольга, в ранних летописях обозначал не Псков, а болгарский город Плиску. Данная версия была подвергнута убедительной критике В. И. Малышевским (Происхождение русской великой княгини Ольги св. // Киевская старина. Т. 27. Отд. 7. С. 1–27; Отд. 8. С. 325–353) и Н. И. Серебрянским (К вопросу о времени возникновения г. Пскова (историко-библиографическая заметка). Псков, 1907. С. 10–11), которые, показав поздний характер данного известия, низко оценили его достоверность. Как заметил Н.И. Серебрянский, появление данного известия в своде конца XV в. свидетельствовало о значительном интересе к жизнеописанию княгини Ольги. Именно этот интерес, по мнению исследователя, и вызвал к жизни болгарскую версию происхождения равноапостольной княгини.

[6] ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 18, 24; Т. 28. С. 14, 168; Т. 9. С. 15-16; Т. 7. С. 272.

[7] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 8-9.

[8] Там же. С. 9.

[9] Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 213.

[10] Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. С. 39. Прим. 3.

[11] См.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 162, 175, 188.

[12] Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1.: Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 468; Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1905. С. 19.

[13] Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 75; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997. С. 21–22.

[14] Не исключено, что составителю псковской редакции была известна версия о болгарском происхождении Ольги. В этом случае добавление псковских подробностей к биографии Ольги можно рассматривать как попытку обоснования псковского происхождения Ольги дополнительными аргументами.

[15] Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. С. 41; Курукин И.В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 117. Согласно мнению Е. В. Неберекутиной (Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства / Ред. Милов Л. В. М., 1994. С. 209–210), в Житии Ольги более явственно прослеживается стилистическая связь не с произведениями Сильвестра, а с сочинениями Василия-Варлаама.

[16] Выражаю самую глубокую благодарность И.В. Курукину за консультацию по вопросам рукописной традиции Пространной редакции Жития Ольги.

[17] РГБ. Егор. № 124. Л. 308–354 об. Сборник описан Б.М. Клоссом (Никоновский свод и русские летописи XVI –XVII вв. М., 1980. С. 262. Прим. 128) и И.В. Курукиным (Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 116. Прим. 58)

[18] Ср.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 8–9; РГБ. Егор. № 124. Л. 308.

[19] Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 117. Точку зрения И. В. Курукина оспорил А. В. Сиренов (Житие князя Владимира и составление Степенной книги // АЕ за 2001. М., 2002. С. 94), который предположил, что Пространная редакция Жития Ольги была создана до появления замысла о написании СК.

[20] Можно предположить, что у составителя Пространной редакции были какие-то летописные известия, которые не позволили ему написать о происхождении Ольги от Пскова. Какие это были источники? Думается, что они могли быть подобны «Раскольничьей летописи» В. Н. Татищева (Собр. соч. Т. II–III. М., 1994. С. 213. Прим. 76), согласно которой Ольга происходила не из Пскова, а из Изборска. В последующем описании (РГБ. № 124. Л. 308–309) составитель указывает на то, что Псков будет основан позднее «молитвой» княгини Ольги. Как полагал Н. И. Серебрянский (К вопросу о времени возникновения г. Пскова. С. 14, 24), Псков в это время уже существовал. Появление легенды об основании Пскова Ольгой исследователь относил к XI–XIV вв.

[21] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 40.

[22] Гриценко З. А. Литературные памятники о княгине Ольге... С. 117.

[23] Кусков В. В. Степенная книга... С. 88.

[24] РГБ. Егор. № 124. Л. 310.

[25] Кусков В. В. Идеальные правители Древней Руси... С. 40.

[26] Там же. С. 11.

[27] Повесть о Петре и Февронии / Подг. текстов и исследование Дмитриевой Р. П. Л., 1979. С. 236.

[28] Близость данных сюжетов дала основания А. А. Александрову (Во времена княгини Ольги. Псков, 2001. С. 50-51) предположить авторство обеих повестей Ермолая-Еразма.

[29] РГБ. Егор. № 124. Л. 310–311.

[30] ПРСЛ. Т. 21. Ч. 1-2. С. 6–8.

[31] Это выразилось и в структуре СК – Житие Ольги составило в памятнике особую часть, которая служила своего рода введением к памятнику (основной текст СК подразделяется на посвященные жизнеописания какого-либо князя степени). См.: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1–2. С. 6–38.

А.В. Сиренов

АРХЕТИП СТЕПЕННОЙ КНИГИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОБАКИНЫХ

Книга Степенная царского родословия, крупнейший памятник русской историографии XVI в., дошла до нас в большом количестве списков. При этом из 138 известных в настоящее время рукописей, содержащих текст памятника, непосредственно к архетипу Степенной книги восходит всего три списка. Это две беловые копии архетипа 60-х гг. XVI в., списки Чудовский (ГИМ, Чудовское собр. 358) и Томский (Томский краеведческий музей, 7903/2), а также Пискаревский список конца XVI — начала XVII в. (РГБ, ф. 228 (собр. В.Д. Пискарева), 177). Все остальные списки памятника восходят к этим трем копиям архетипа[1]. Приведенное наблюдение оказалось возможным сделать после обнаружения самого архетипа Степенной книги, вернее его фрагментов, дошедших в составе рукописи XVI — XVII вв., так называемого Волковского списка Степенной книги[2]. Этот манускрипт представляет собой фрагменты рукописи 60-х гг. XVI в., содержащие текст Степенной книги с начала жития княгини Ольги до окончания 11-й

главы VI грани. На листах рукописи встречаем многочисленные случаи редакторской правки, которые оказываются учтенными в Томском, Чудовском и Пискаревском списках, равно как и во всей последующей рукописной традиции. Таким образом, в первичности Волковского списка, точнее, его части XVI в., сомневаться не приходится. Здесь мы имеем дело с черновиком Степенной книги, т.е. с архетипом ее текста.

Остается непонятным, почему непосредственно к черновику Степенной книги восходит только три списка, самый поздний из которых датируется рубежом XVI—XVII вв. Почему нет копий архетипа, снятых с него в более позднее время? Иными словами, почему эта крайне важная для истории текста Степенной книги рукопись оказалась в XVII в. изъятой из рукописной традиции? Для ответа на поставленный вопрос необходимо исследовать историю бытования Волковского списка в XVII—XVIII вв.

Рукопись на л. II имеет запись, из которой следует, что она была подарена в Архив Министерства иностранных дел подполковником Волковым. Нам удалось найти в архиве К.Ф. Калайдовича материалы, относящиеся к передаче в 1814 г. подпоручиком А.А. Волковым рукописей, оставшихся ему в наследство от отца, писателя-переводчика А.С. Волкова. Среди двенадцати переданных А.А. Волковым рукописей под номером 3 встречаем и интересующий нас список Степенной книги[3]. Его краткое описание, приведенное в передаточной описи, повторено на л. II рукописи тем же почерком, поэтому не приходится сомневаться в идентичности переданного в архив подпоручиком Волковым списка Степенной и рассматриваемого списка, содержащего запись о поступлении в архив от подполковника Волкова. По-видимому, в последнем случае имеет место описка, и вместо «подполковника» следует читать «подпоручика». Важно, что таким образом установлен последний владелец архетипа Степенной книги. Им был поэт Александр Абрамович Волков. Откуда в семье Волковых могла появиться столь ценная рукопись? По наблюдению К.В. Петрова именно от А.А. Волкова в Архив Министерства иностранных дел поступила наиболее значительная часть рукописного собрания окольничего Василия Никифоровича Собакина, известного собирателя древнерусской рукописной книги[4]. Данные обнаруженной нами передаточной описи собрания А.А. Волкова подтверждают это наблюдение[5]. К.В. Петров установил и факт родства Волковых с семейством Собакиных: отец Александра Абрамовича первым браком был женат на правнучке В.Н. Собакина. Отсюда исследователем сделано вполне логичное предположение, что таким образом в семье Волковых сохранились остатки рукописного собрания В.Н. Собакина[6].

Семья Собакиных в XVII в. была связана с Псковом. Отец Василия Никифоровича, окольничий Никифор Сергеевич Собакин, в 1647–1650 гг. был воеводой в Пскове[7]. Несомненно псковское происхождение имеют некоторые рукописи Собакинского собрания, содержащие списки псковских летописей и памятников псковской агиографии. Неоднократно Собакины упоминаются и на страницах псковских летописей[8]. Для нас в данном случае важно установить, принадлежал ли В.Н. Собакину и Волковский список Степенной книги. Для этого обратимся к той части рукописи, которая представляет собой восполнения утрат архетипа Степенной, сделанные в XVII в. Эти восполнения написаны на бумаге 40–50-х гг. XVII в. двумя почерками[9]. Почерк 1 более типичен и представлен двумя типами письма — полууставом и скорописью. Почерк 2, владелец которого писал только скорописью, можно назвать «бисерным», он отличается каллиграфичностью, а также рядом оригинальных начертаний[10]. Листы, написанные почерками XVII в., восполняют утраты рукописи XVI в., продолжают текст после обрыва на окончании 11-й главы XVI грани до начала VIII грани, а также этими почерками сделаны две значительные вставки и многочисленные приписки на полях. Обе вставки написаны почерком 2 на отдельных листах, но они не восполняют лакуны текста Степенной книги, а имеют своим источником, мож-

но думать, один из списков Хронографа. Так, вставка на л. 81 — 81 об., озаглавленная «О царе Феодосии Велицем и о детех его и о преподобием Арсении Велицем, учителе их», представляет собой несколько переделанный текст 126-й главы Хронографа редакции 1512 г.[11] Вставка на л. 7—7 об. по содержанию представляет собой родословную роспись потомков Ивана Калиты и называется «Уделные князи московстии». Один из списков Хронографа редакции 1512 г., ГИМ, Синодальное собр., №. 154, содержит, по-видимому, эту же статью на л. 585 в числе прибавлений к тексту Хронографа[12]. Можно думать, что источником этих двух вставок послужил список Хронографа редакции 1512 г., подобный списку Синодальному, 154. Приписки на полях обращают на себя внимание еще и потому, что они сделаны на листах как XVI, так и XVII вв., причем во втором случае почерк основного текста и почерк приписок подчас не совпадают. Так, на листах, написанных почерком 1, приписки могли быть написаны почерком 2, и наоборот. Следовательно, приписки делались на этом этапе работы над рукописью, когда утраты основного текста были уже восполнены. Кроме того, очевидно, приписки делались обоими почерками независимо друг от друга. Можно определить дату, раньше которой приписки не могли быть сделаны. При датировке гибели князя Георгия Всеволодовича 6746 г. владелец почерка 2 на л. 392 сделал помету «а в печати в лѣто 6746-го», имея в виду память Георгию Всеволодовичу, помещенную в печатной книге. Память Георгия Всеволодовича впервые появилась в Святцах 1646 г.[13], следовательно, приписки были сделаны не ранее этого года. Таким образом, датировать их следует второй половиной 40 — началом 50-х гг. XVII в.

Обратившись к другим рукописям, принадлежавшим В.Н. Собакину, в одной из них, РГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 69, встретим тот же почерк, который выше мы определили как почерк 2 приписок XVII в. Волковского списка. Речь идет о так называемом Архивском 2-м списке Псковской летописи, подаренном в Архив в 1791 г. Н.Н. Бантыш-Каменским. На первом листе рукописи помещены записи, из которых следует, что данный летописный сборник принадлежал В.Н. Собакину, а собран «Богоявленским дьячком из Бродов» Андреем Козой. Как определила О.А. Яковлева, упоминаемая в записи церковь находилась в Пскове[14]. Учитывая то обстоятельство, что перед нами список Псковской летописи, приходится признать псковское происхождение рукописи. Рассматриваемая рукопись написана тремя почерками, причем первым почерком написан текст на л. 1 — 92 об., 125 об. — 234, а вторым — текст на л. 93 — 125. Третий почерк принадлежит Андрею Козе, им написаны заключительные листы рукописи (л. 234 — 243 об.), а также сделана выходная запись, из которой мы узнаем об авторстве Козы в составлении рукописи и о принадлежности ее В.Н. Собакину. При этом на л. 234 третий почерк сменяет первый почти на середине страницы, что свидетельствует об одновременности работы обоих писцов. Отсюда вполне логично предположить, что данная рукопись написана в Пскове по заказу В.Н. Собакина.

Для нас важно совпадение второго почерка приписок XVII в. Волковского списка Степенной книги и первого почерка Архивского 2-го списка Псковской летописи[15]. Как упоминалось выше, рассматриваемый почерк отличается высокой выработанностью и даже изысканностью начертаний. Среди индивидуальных начертаний можно выделить следующие: удлиненный и загнутый хвост буквы «земля», увеличенный верхний и уменьшенный нижний элементы буквы «слово» и др. Есть, правда, и отличающиеся начертания. Так, буква «аз» в Волковском списке имеет, как правило, традиционное начертание, а в Архивском 2-м в большинстве случаев пишется как греческая буква «альфа», различается и способ написания буквы «веди». При этом и в той, и в другой рукописях можно встретить оба начертания этих букв, разница только в частоте употребления того или другого начертания. Представляется вполне естественным некоторое отличие в начертаниях одного почерка в разных рукописях, так как между их написанием могло пройти

несколько лет, а кроме того, на начертания в каждом случае мог оказать влияние графический стереотип почерка оригинала. Последнее, на наш взгляд, также следует учитывать. В обоих случаях писец не создавал полностью оригинальный текст, а либо переписывал летопись (в Архивском 2-м списке), либо выписывал из летописного и хронографического текстов отдельные известия (в Волковском списке). В нашем случае было бы важно определить летопись, откуда выписывались известия. К сожалению, это нам пока не удается. Дело в том, что в выписках содержатся черты, принадлежащие разным летописям. Например, приход греческих певцов к Ярославу Мудрому датируется там 6559 г., а такую дату встречаем только в Никоновской летописи[16], в то время как в других летописях читается иная дата — 6560 г. При этом Никоновскую летопись нельзя признать единственным источником выписок, так как известие 6603 г. о нашествии «прузов» (саранчи) в выписках датируется августом, а в Никоновской летописи — июлем[17]. По-видимому, вопрос об источнике или источниках летописных выписок Волковского списка требует особого исследования. Не исключено, что работа по их составлению проводилась в рамках традиции псковского летописания XVII в.

Другой вопрос, который представляется не менее важным, — участие В.Н. Собакина в рассматриваемой работе по дополнению Волковского списка известиями из летописи и Хронографа. Перед нами, по существу, создание новой редакции Степенной книги, источником для которой послужил архетип памятника. Поскольку В.Н. Собакин имел непосредственное отношение к созданию Архивского 2-го списка, вполне вероятно его участие и в дополнении Волковского списка. Это тем более вероятно, что Волковский список впоследствии оказался в семейном собрании Собакиных. Недавно выявленный и описанный К.В. Петровым семейный летописец В.Н. Собакина составлен с привлечением летописи, Хронографа, Степенной книги и других источников[18]. Следовательно, в распоряжении Собакина были все те источники, соединение которых мы наблюдаем в Волковском списке. Поэтому представляется возможным предположить, что дополнение Волковского списка Степенной книги следует связывать с историографической деятельностью Собакиных в Пскове. То обстоятельство, что Волковский список по крайней мере с конца 40-х гг. XVII в. (а может быть, и с более раннего времени) хранился в семье Собакиных, объясняет отсутствие в рукописной традиции копий Волковского списка второй четверти XVII—XVIII вв.

Ниже публикуем текст летописных приписок на полях Волковского списка. В первом столбце приведен номер листа рукописи, во втором — место в тексте Степенной книги, к которому относится приписка, где в скобках указывается страница по последнему изданию[19], к третьем столбце приведен текст приписки. В квадратные скобки заключен нечитаемый или срезанный при переплете текст, который нами реконструируется. В тех случаях, когда реконструировать утраченный или нечитаемый текст не удается, поставлены отточия. Текст публикуется в современной орфографии, с сохранением буквы ѣ.

Лист	Текст Степенной книги	Текст приписки
261	После концовки I грани (с. 167), на отдельной странице	В лѣто 6525 заложи Ярослав град великии Киев, и Златая врата постави, и церковь святыя София заложи, первыи же град погорѣ, а церквеи погоре до 700.
261	Там же	В лѣто 6602-го августа в 26 день приидоша прузи на Рускую землю по преставлении великаго князя Всеволода Ярославича и поядоша всяку траву и жита, иже преже сего не бѣ в Руси. И паки в лѣто 6603-го августа в 28 день приидоша прузи в Русь и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощным странам, ядуще траву и проса.

Лист	Текст Степенной книги	Текст приписки
264	Ко 2-й главе II грани «О снискании святых книг» вставлено знаком после слов и съсуды церковными (с. 169)	в лѣто 65...8
264	Там же, вставлено знаком после слов и почитая священники (с. 169)	в лѣто 65[58] священа бы[сть] архиепископом Лу[кою] святая Софи[я]
265	Пришествие в Новгород сына Ярослава Мудрого Владимира (с. 170)	в лѣто 6538
265	Построение в Киеве собора св. Софии (с. 170)	[зачеркнуто 6558 лѣто] 6558-го года
266 об.	Приход к Ярославу Мудрому трех певцов (с. 171)	6559-го лѣта
268	Освящение церкви Печорского монастыря (с. 174)	в лѣто 6597-го
268 об.	Перенесение мощей святого Николы (с. 174)	в лѣто 6596-го в 775 лѣто по преставлении его
268 об.	Основание монастыря княжной Янкой (с. 174)	в лѣто 6596
269 об.	Построение митрополитом Ефремом Переяславля Русского (с. 175)	в лѣто 6598-го
277	Пострижение князя Святоши Давидовича (с. 180)	Пострижение в лѣто 6615 февраля 17
283 об.	Ослепление князя Василька (с. 185)	в лѣто 6605
285	Основание Владимиром Мономахом в Смоленске церкви и епископии (с. 186)	в лѣто 6608 марта в 7 день на Средокрестье
286 об.	Победа над половцами (с. 187)	в лѣто 6619-го марта в 27 день
287	Кончина Святополка Изяславича (с. 187)	в лѣто 6622-го апрѣля [в] 16 день
287 об.	Воцарение в Киеве Владимира Мономаха (с. 187)	6622
287 об.	Строительство Никольского собора в Новгороде (с. 187)	6624
287 об.	Строительство церкви Василия в Вышгороде (с. 187)	6623
290 об.	Кончина Мстислава Владимировича (с. 190)	[в] лѣто 6639-го [а]прѣля в 14 день
290 об.	Воцарение в Киеве Ярополка Владимировича (с. 190)	в лѣто 6[6]40
291	Кончина Ярополка Владимировича (с. 190)	в лѣто 6646-го
291	Изгнание из Киева Вячеслава Всеволодом Ольговичем (с. 190)	6647-го
291	Кончина Всеволода Ольговича (с. 190)	6654 июня [30?] день
291 об.	Правление в Москве Георгия Владимировича (с. 191)	6655-го Москва град поставлена
328 об.	Кончина Михаила Юрьевича (с. 223)	в лѣто 6685 июня 20 день
329	Приход к городу Владимиру Мстислава Ростиславича (с. 223)	в лѣто 6685
332	Кончина Мстислава Ростиславича (с. 224)	в лѣто 6686
340	Перенесение иконы Владимирской Богоматери из Вышгорода (с. 232)	в лѣто 6663
342	Закладка Успенского собора во Владимире (с. 234)	апрѣля в 8 день

Лист	Текст Степенной книги	Текст приписки
342 об.	Поход Андрея Боголюбского на болгар, а императора Мануила на срацын (с. 234)	[киноварью] В л҃то 6675-го погор҃ѣ град Ростов и соборная церковь Успения пречистые Богородицы погор҃ѣ, иже б҃ѣ в дубовых древесѣх, сод҃ѣлана Иларионом [на поле под знаком замены написано тем же почерком Феодором] епископом, иже б҃ѣ преже Леонтия.
349	Чудо иконы Знамения в Новгороде (с. 238)	в л҃то 6677 февра[ля] в 25 день
354	Убиение Андрея Боголюбского (с. 241)	Зри
356	Коннина Владимира Мономаха (с. 242)	в л҃то 6677-го
358	Коннина митрополита Константина (с. 244)	Зри
359 об.	Убиение Изяслава Давидовича (с. 245)	в л҃то 6668
368	Пострижение Рюрика Ростиславича (с. 250)	в л҃то 6712
371	Поход новгородцев на чудь (с. 252)	Киноварью Зри
377	Характеристика Константина Всеволодовича (с. 255)	Нача княжити в Ростов҃ѣ в л҃то 6719, а в Ярославле заложи церков[ь] камену святаго Спаса 6723 год[у]
378 об.	Воцарение Константина Всеволодовича во Владимире (с. 256)	в л҃то 6724-го
380 об.	Кончина Константина Всеволодовича (с. 257)	6725-го
381	Кончина вдовы Константина Всеволодовича Агафии (с. 258)	6728
381	Усобица между рязанскими князьями (с. 258)	6724
386	Битва на Калке (с. 260)	в л҃то 6732-го
386 об.	Перенесение мощей Авраамия Болгарского (с. 261)	В л҃то 6732-го июля в 29 день при держав҃ѣ сих князеи принесен Николин образ Корсунскии на Резани, иже имянуется Зараискии, корсунским священником Евстафием.
386 об.	Там же	В л҃то 6737-го принесен бысть из Болгарския земли во град Владимир, 6738-го и положен в церкви пречистые Богородицы в монастыр҃ѣ Княгинине.
387	Землетрясение (с. 261)	6737
387 об.	Мор в Смоленске (с. 261)	6737 да ѵ.....
387 об.	Солнечное затмение (против заглавия Погибе солнце) (с. 262)	6744
387 об.	Там же (против заглавия Знамение в солнцы)	6745
388	Нашествие Батыя на Рязань (с. 262)	Резань пленена и разорена и прочии град[ы] в л҃то 6747-го декабря м҃с[яца] с 21-го числа.
392	Убиение Георгия Всеволодовича, знаком вставлено после слов Его же желаше (с. 265)	В л҃то 6746-го, а в печати в л҃то 6747-го.
396	Убиение Василька Ростовского, знаком вставлено перед словами м҃сяца марта в 4 день (с. 267)	в л҃то 6746-го
397	Взятие татарами Торжка (с. 267)	в л҃то 6746
397 об.	Послание Батыем Менгукана к Киеву (с. 268)	в 6748-м году
414 об.	Гибель Михаила Черниговского (с. 276)	в л҃то 6753

[1] Сиренов А.В. Степенная книга как исторический источник (редакции XVI – начала XVII в.): Автореф. кан. дисс. СПб., 2001.

[2] Сиренов А.В. О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 246–303.

[3] Сиренов А.В. К истории изучения Волковского списка Степенной книги // Историография и источниковедение Отечественной истории: Сборник научных статей и сообщений. СПб., 2001. С. 196–205.

[4] См. о нем: Петров К.В. 1) Дворяне Собакины и их рукописи (К истории книжных собраний XVII в.) // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения: Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1995. Ч. 2. С. 423–428; 2) Собакины В.Н. и М.В. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3: XVII век. Ч. 3. С. 480–483.

[5] При публикации передаточной описи нами не были отождествлены три рукописи из собрания А.А. Волкова (Сиренов А.В. К истории изучения Волковского списка... С. 197), одну из которых, список Тысячной книги, мы можем отождествить сейчас. Это рукопись РГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 222 (см. о ней: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. К печати А.А. Зимин. М., 1950. С. 31). Обращает на себя внимание и единственная иностранная рукопись собрания – сборник законов, написанный готическими буквами на пергамене на древнем шведском языке (Сиренов А.В. К истории изучения Волковского списка... С. 204). Вполне возможно, эта рукопись поступила в собрание Собакиных из Пскова, где контакты с Швецией были активны и постоянны.

[6] Петров К.В. Источники дополнительных статей Псковской III летописи // Вспомогательные исторические дисциплины (в печати).

[7] Яковлева О.А. К истории псковских летописей // Записки научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Саранск, 1946. Вып. 6. С. 133

[8] Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 279, 286, 287.

[9] Филиграни: 1) Медведь в гербовом щите с литерами WR и контрамаркой РС – вид: Дианова, Костюхина 973 (1651–1659 гг.); 2) перевязь – вид: Гераклитов 274–291 (1647–1649 гг.), 3) лилия в щите (?) – не отождествлена.

[10] На то, что почерков XVII в. в рукописи два, а не один, обратил внимание Ю.А. Грибов в процессе работы над изданием Степенной книги и сообщил это нам в личной беседе.

[11] Русский Хронограф: Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 279–280.

[12] Там же. С. II

[13] Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 122–124.

[14] Яковлева О.А. К истории псковских летописей... С. 133.

[15] Воспроизведение первого почерка Архивского 2-го списка см.: Псковские летописи.//Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2.

[16] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 85.

[17] Там же. С. 124.

[18] Петров К.В. Собакинский летописец первой половины XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 159.

[19] Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1.

А.Е. Смирнова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ СЛУЖБЫ САВВЕ КРЫПЕЦКОМУ

Одной из наиболее трудных проблем в изучении древнерусской литургики является проблема заимствований. Часто служба одному русскому святому служилась по службе другому святому. При этом иногда текст, за исключением имени, переписывался слово в слово, а иногда источник значительно перерабатывался. Некоторые службы создавались на основе нескольких текстов, установить характер взаимодействия которых достаточно сложно. Интересным примером в этом отношении является служба Савве Крыпецкому.

Преподобный Савва Крыпецкий — один из наиболее почитаемых святых Псковской земли. Скончался подвижник в конце XV в., а уже в середине XVI в. был канонизирован[1]. Прославление святого вызвано обретением его мощей в 1554 г. Житие Саввы

Крыпецкого составил известный псковский агиограф Василий-Варлаам[2]. Согласно надписанию канона и сообщению автора в житии, тот же Василий-Варлаам написал и канон Савве[3]. По мнению В.И. Охотниковой, создание канона можно датировать 1555 г.[4] Вероятно, одновременно с каноном, во всяком случае, не ранее указанного времени, Василий написал и службу святому[5].

Служба Савве Крыпецкому сохранилась в немногочисленных списках[6]. На первый взгляд, она является оригинальной, так как в минимальном количестве содержит элементы общей преподобнической службы (седален и богородичен на 2-й стихологии, богородичен после светильна). Однако при более детальном рассмотрении оказалось, что служба Савве Крыпецкому имеет тесные текстологические связи со службой Савве Сторожевскому и службой на память Макария Калязинского[7]. Решить проблему взаимоотношения всех трех служб позволяет только комплексный источниковедческий анализ.

Итак, служба Савве Крыпецкому содержит целый ряд элементов, совпадающих с элементами служб Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому. Общими для служб обоим Саввам являются первая стихира на Господи воззвах на великой вечерне, тропарь, седален и богородичен на первой стихологии, седален с богородичном по полиелее, 14 тропарей и 7 богородичнов канона, икос по 6-й песне. Со службой Макарию Калязинскому в службе Савве Крыпецкому совпадают 4 стихиры на Господи воззвах на малой вечерне, славник на литии, 3 стихиры на стиховне, 10 тропарей и 2 богородична канона. При этом одни элементы совпадают полностью, а другие — лишь частично.

Службы Макарию Калязинскому и Савве Сторожевскому содержат мало информации о святых. Так, служба Савве Сторожевскому среди общих гимнографических формул кратко упоминает о жизни святого в пустыни под руководством «духовного учителя» (при этом имя Сергия в службе названо лишь однажды), иносказательно говорит об основании Саввой собственной обители; из подвигов святого более или менее ясно говорится о ношении святым воды «на раменех своих» и возведении им по просьбе князя храма Богородицы. Служба Макарию метафорично намекает на западное происхождение подвижника (*«яко звезда от запада, Макарие, провозсиял еси»*), сообщает о возведении святым в пустыни обители Пресвятой Троицы, об обретении мощей святого и, в общих выражениях, о чудесах от них.

При частичном совпадении элементов этих служб со службой Савве Крыпецкому последняя заметно подробнее в конкретных повествовательных деталях. Сравним, например, тропари Савве Крыпецкому и Савве Сторожевскому:

Тропарь Савве Сторожевскому[8]

Въ пустыни явился еси доброе прозябение, преподобне: от юности бо изволи чистое житие, *духовному си учителю послѣдуя, и того учении ум к небесным вперив, и стаду своему премудр наставник показася*; тѣм и Христос пресветла тя свѣтилника чюдесы обогати. Саво, отче наш, моли спастися *душам нашим.*

Тропарь Савве Крыпецкому[9]

Пустыни явился еси доброе прозябение, преподобне, от юности бо изволив себѣ чистое житие, *и от туждих стран пришел еси, и притекл еси к преподобному Ефросину, и проразсужением учителя в пустыню вселися, и в ней обитель пречюдну въздвиг, и множество инок събрал еси и их наставил еси на истиный путь.* Тѣм и Христос, видѣвъ *твое благое изволение,* яко пресвѣтла тя свѣтилника *и по преставлении* чюдесы обогати, Саво, отче нашь, молися *Христу Богу о православном цари великом князи руском, и о всѣх*

крестоносных князех, иже даровати на враги побѣду, и стаду своему от враг невоевану быти, и всѣм нам спастися.

Оба тропаря построены по единой канве: имеют одинаковое начало и сходный конец. В средней части, хотя и в разных выражениях, оба песнопения говорят о приходе подвижника к своему учителю и собственных учениках прославляемого святого. При этом тропарь Савве Крыпецкому более подробен, упоминая многие детали: в нем сказано о происхождении святого «от туждих стран», названо имя преподобного Ефросина, указывается на благословение учителем подвигов святого, упоминается создание обители. Кроме того, в тропаре Савве Крыпецкому значительно распространена заключительная часть и, между прочим, в ней звучит молитва к святому о помощи в военных действиях.

Различия службы Савве Крыпецкому со службой на память Макария Калязинского имеют тот же характер, что и в приведенном выше примере. Сравним два частично совпадающие песнопения служб Савве Крыпецкому и Макарию Калязинскому:

Служба на память Макария Калязинского[10]

Добре течение совершивъ, *Макарие* преподобне, и ко Христу возхождение получил еси, честныя же твои мощи во гробѣ запечатлѣнны земли предаваема. Земля же от своих ядр предаеть <тя> *священнолѣпна, цѣла же и неразрушима,* благоюханиа и чюдесы удивляюща. Честная же твоя рака паче камени самфира, отче, показася целебна бо и чюдотворива, и паче злата вѣрнымъ *раздробляема* на освящение душам же и телесемъ. Тѣмже Христа Бога моли даровати нам велию милость.

(3-я стихира на Господи воззвах великой вечерни)

Служба Савве Крыпецкому[11]

Добрѣ течение совершив, *Саво* преподобне, и къ Христу восхожение получил еси, честныа же твоа мощи *по святем преставлении* въ гробѣ запечатлѣв и земли предаша. Земля же от своих ядр *святыа мощи и чюдотворьную персть твою в шестьдесятое лѣто предав тя,* благоуханиемъ и чюдесы удивляюща. Честная же твоа рака паче камени самфира, отче, показася цѣлебна бо и чюдотворива, и паче злата вѣрными *раземлема* на освящение душам же и телесем. Тѣмже Христа Бога моли даровати нам велию милость.

(славник на Господи воззвах)

Стихира Савве Крыпецкому, в целом совпадая со стихирой Макарию Калязинскому, в средней части называет число лет, прошедших после погребения святого.

Характер разночтений в приведенных сопоставлениях допускает две возможности: либо автор службы Савве Крыпецкому распространял заимствованные элементы житийными подробностями, либо составители служб Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому сокращали текст службы Савве Крыпецкому.

Интересно, что служба Савве Крыпецкому совпадает со службой Савве Сторожевскому исключительно в тех элементах, которые не отражены в службе Макарию Калязинскому. Вот, например, как выглядит характер чередования совпадений элементов шестой песни канона Савве Крыпецкому с канонами Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому:

1 тропарь: Страдании подвиг твоих, преблаженне, еже подвизася Господа ради...

—Канон Савве Сторожевскому (песнь 6, тропарь 1)

2 тропарь: Нѣкогда, преподобне отче Саво, по преставлении твоем прииидоша разбойницы нощию къ обители твоей...	**— оригинальный (?) тропарь**
3 тропарь: Каплями потов твоих, преподобне, врагов ополчениа попрал еси, и сих безвѣстны сътворил еси...	**— Канон Савве Сторожевскому (песнь 6, тропарь 3)**
4 тропарь: Честна смерть яви блаженнаго отца Саву пред Тобою, Боже всяческих...	**— Канои 1-й Макарию Калязинскому (песнь 6, тропарь 2)**
Богородичен: Всеблагая Владычице, яже Преблагаго Бога плотию рождшиа...	**— Канон Савве Сторожевскому (песнь 6, богородичен)**

Отметим, что общие элементы служб Савве Крыпецкому и Савве Сторожевскому ни разу не совпали с элементами, общими для службы Савве Крыпецкому со службой Макарию Калязинскому, хотя они постоянно перемежаются на всем ее протяжении.

Последовательная текстологическая связь службы Савве Крыпецкому со службами Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому предполагает следующую дилемму: либо служба Савве Крыпецкому использовалась в качестве источника для служб Макарию Калязинскому и Савве Сторожевскому, либо служба Савве Крыпецкому создана на основе названных служб. Чтобы решить проблему соотношения трех служб, обратимся, прежде всего, к их датировкам.

Служба Макарию Калязинскому считается анонимной, но создана она, вероятно, сразу после Собора 1547 г., на котором преподобный Макарий был одним из четырех русских святых, канонизированных в чине «великих чудотворцев». Мы не имеем строго датированных списков службы Макарию (наиболее ранние списки датируются примерно серединой XVI в.). Помимо службы Савве Крыпецкому, служба Макарию Калязинскому имеет тесные текстологические связи с проложным житием Макария, ранняя редакция которого относится к первой трети XVI в. Вероятно, служба Макарию Калязинскому создавалась на основе проложного жития святого. В нескольких списках служба Макарию Калязинскому содержит подпись-акростих гимнографа XVI в. Маркелла Безбородого. Этот факт позволяет, на наш взгляд, атрибутировать службу Макарию Калязинскому названному в подписи автору[12].

Служба Савве Сторожевскому также является анонимной. Создана она, вероятно, в годы официальной канонизации святого, около 1547–1549 гг. Житие этого святого было написано тем же Маркеллом Безбородым. Создание Жития Саввы относится ко времени до 1552 г., когда оно вошло в состав Успенского списка Великих Миней-Четьих. Можно предположить, что кроме жития Маркелл составил и службу Савве Сторожевскому. Во всяком случае, общецерковная канонизация последнего произошла не позднее 1549 г., и именно к этому времени следует относить появление литургической традиции празднования этому святому[13].

По нашему мнению, автором служб Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому был Маркелл Безбородый, известный гимнограф и распевщик, современник Василия-Варлаама. «Смелым новатором» и «единственным поэтом своего времени» называл Маркелла виднейший исследователь древнерусской гимнографии Ф.Г. Спасский[14]. Однако, если служба Савве Крыпецкому являлась источником для служб Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому, нам придется допустить, что Маркелл

был недостаточно самостоятельным гимнографом. В связи с этим рассмотрим теперь возможность заимствования Василием-Варлаамом элементов служб Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому.

Как говорилось выше, появление служб Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому, несмотря на отсутствие датированных списков, следует относить ко времени канонизации этих святых — 1547–1549 гг. Напомним, что канонизация Саввы Крыпецкого произошла лишь несколько лет спустя — в 1555 г., и этим же годом датируется составление Василием-Варлаамом канона святому. Таким образом, хронология канонизации святых указывает на вторичность службы Савве Крыпецкому. Следовательно, Василий-Варлаам использовал службы Макарию Калязинскому и Савве Сторожевскому в качестве источников для своего творения.

О подобном методе работы Василия-Варлаама при создании им гимнографических произведений писал и Ф.Г. Спасский, который свидетельствовал о несамостоятельности Василия-Варлаама как гимнографа. Так, он указывал, что при составлении службы Георгию Новому Василий использовал фрагменты службы Иоанну Новому, вставляя лишь изредка житийные факты в заимствованные стихиры или же дописывая свои «крайне громоздкие и неуклюжие» элементы. Анализируя службу Георгию Новому, Спасский приходит к выводу, что « задачу соединения [службы Иоанну Новому и Жития Григория Нового — А.С.] Василий выполнил неудачно: стихиры показывают, что он не совладал с материалом и мысль его тонет в житийном нагромождении»[15]. Подобную оценку творчеству Василия в целом дала Р. П. Дмитриева. «...Работал Василий ремесленно, компилятивность его сочинений явно видна, — пишет исследовательница. — Используя традиционную схему житий, он переносил характеристики героев и даже просто целые отрывки текстов из одного жития в другое»[16].

Таким образом, учитывая, что, во-первых, Макарий Калязинский и Савва Сторожевский были канонизированы ранее Саввы Крыпецкого и потому должны были раньше последнего получить богослужебное почитание, а во-вторых, что Василий-Варлаам прибегал к компиляциям при составлении других служб, службу Савве Крыпецкому можно считать составленной на основе служб Савве Сторожевскому и Макарию Калязинскому[17].

---

[1] В Житии Саввы Крыпецкого сообщается, что святой «душю свою мирно Господеви предасть в лето 7000 третиее (1495 — А.С.), месяца августа в 30 день». «Празднует же ся память святаго отца нашего Саввы пустынножителя, — повествуется далее, — того же месяца августа в 28 день, на память преподобного отца нашего Моисея Мирина» (цит. по изд.: Охотникова В.И. Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2000. Т.52. С.323). Вероятно, опираясь на Житие Саввы, Е.Е.Голубинский также называет годом смерти святого 1495 г. (Голубинский Е.Е. Канонизация святых в русской церкви. М.,1998. С.112.). Однако митрополит Макарий указывает другую дату – 1487 г. (Макарий [Булгаков], митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 4.Ч.1: История русской церкви в период перехода ее к самостоятельности (1240–1589). С.225). По мнению Н. И. Серебрянского, почитание подвижника в его обители установилось «гораздо раньше» общецерковной канонизации. (Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по историии Псковского монашества. М., 1908. С. 373).

[2] Подробное исследование Жития Саввы Крыпецкого опубликовано В.И. Охотниковой в статье: Охотникова В.И. Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого... С. 293–347. В статье охарактеризованы разные редакции Жития, выделены этапы работы Василия-Варлаама над ним, а также опубликован текст жития в редакции Василия-Варлаама по списку РГБ, собр. ОЛДП, Q.258. См. также статью исследовательницы о проложном житии святого с публикацией текста: Охотникова В. И. Проложные редакции Жития Саввы Крыпецкого // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С.91–96. О творчестве Василия-Варлаама см.: Дмитриева Р.П. Василий (в иноках Варлаам) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. 1989. Вып.2 (Вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1: А-К. С.112–116.

[3] В Житии Саввы Василий-Варлаам сообщает: «И написах аз, многогрешный презвитер Василие, житие святаго отца, елико могох, и канон въ славу Христу Богу нашему и в похвалу святому чюдотворцу Саве, да незабвена будет истина и явлено будет праведное...» (Охотникова В.И. Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого... С.327). Надписание канона гласит: «Канон святому Савве, творение Василия прозвитера, емуже краегранесие сицево: Дажь ми слово, Слове Божий, похвалити угодника Твоего блаженаго Саву» (Здесь и далее текст службы Савве Крыпецкому цитируется по списку РГБ, собр. Румянцева, № 397, л. 304–314 об. (60-е гг. XVI в.)). По мнению Н. И Серебрянского, основанному на описании 13-го чуда в Житии Саввы, канон Савве имел «некоторую распространенность и вне стен монастыря». (Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле... С. 375).

[4] Охотникова В.И. Проложные редакции Жития Саввы Крыпецкого... С.94, прим.8.

[5] В Житии Саввы сам автор упоминает только о создании им канона святому. Однако на основании, во-первых, того, что в словарях зафиксировано употребление слова «канон» в значении «служба» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып.7.С.55), а во-вторых, общности стиля канона с остальной службой, мы считаем Василия-Варлаама автором всей службы Савве Крыпецкому. Н. И. Серебрянский также считал, что словом «канон» в житии названа вся служба святому (Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле... С.374). Автором всей службы Савве Крыпецкому называет Василия-Варлаама и Р.П. Дмитриева. (Дмитриева Р. П. Василий (во иноках Варлаам)... С.114.). Мы допускаем, что составление службы Савве Крыпецкому проходило поэтапно: сперва был создан канон, а затем дописаны стихиры и прочее последование. Однако у нас нет оснований считать, что Василий приступил к составлению службы ранее 1555 г.

[6] Шесть списков службы Савве Крыпецкому упоминаются В.И.Охотниковой: БАН, Арханг. собр., Д. 342; РГБ, ф. 236, №98; ГИМ, Синод. собр., № 633; ГИМ, собр. Щукина, № 438; РГАДА, ф. 187, оп.1, собр. ЦГАЛИ, № 32; РГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 676 (см.: Охотникова В.И. Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого... С. 295-296). Кроме указанных списков, служба Савве имеется в рукописях: РНБ, собр. Титова, №2989; РНБ, ОСРК, F.I. №176; РНБ, ОСРК, Q.I., № 70, РГБ, собр. Румянцева, № 397; БАН, Арханг. собр., Д. 159. Таким образом, на сегодняшний день нам известно десять списков службы Савве Крыпецкому XVI–XVII вв. Н.Серебрянский называет еще канонник из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 305 и рукопись Архива Синода, № 817/268. (Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле... С.373). Однако мы не имели возможности проверить эти шифры. Материалом данного исследования послужили шесть списков: РГБ, собр. Румянцева, № 397; РНБ, ОСРК, F.I. №176; РНБ, ОСРК, Q.I. №70; РНБ, собр. Титова, №2989; БАН, Арханг. собр., Д. 159; БАН, Арханг.собр., Д. 342. Состав службы в этих списках стабильный. Только в последнем из указанных списков служба содержит малую вечерню, не отличающуюся по стилю от остальной службы.

[7] Макарию Калязинскому посвящены две службы – служба на обретение мощей и служба на память или преставление. (Подробнее о службах Макария Калязинского см.: Смирнова А.Е. Литургическая традиция почитания Макария Калязинского: состав, проблемы источников, датировки и атрибуции служб (в печати)). Так как служба Савве Крыпецкому имеет общие элементы только со службой на память Макария Калязинского, то далее в статье мы будем использовать термин «служба Макарию Калязинскому» по отношению к службе на память Макария Калязинского.

[8] Цитируется по списку РНБ, собр. Погодина, № 445, л. 370.

[9] Цитируется по списку РГБ , собр. Румянцева, № 397, л. 307. Н.И. Серебрянский говорит, что в службе Савве Крыпецкому нет тропаря. Вероятно, исследователь располагал неполными списками службы в составе канонников , на что указывает и его сообщение, что служба содержит в себе только стихиры и канон (Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С.374).

[10] Цитируется по списку РГБ, ф. 304/I, № 802, л.3; лакуна восполняется по списку БАН, Архангельское собр., Д. 64, л. 267об.

[11] Цитируется по списку РГБ, собр. Румянцева, № 397, л.306.

[12] Подробнее об основаниях атрибуции Маркеллу службы на память Макария Калязинского и соотношении этой службы с проложным житием святого см.: Смирнова А.Е. Литургическая традиция почитания Макария Калязинского: состав, проблемы источников, датировки и атрибуции служб (в печати).

[13] Согласно Е. Е. Голубинскому, имя Саввы Сторожевского читается лишь в одном из трех списков святых, канонизированных на Соборе 1547 г., – указе в Троицкий монастырь. Несмотря на это, ученый склонен относить канонизацию Саввы Сторожевского ко времени Соборов 1547–1549 гг., и мы придерживаемся его точки зрения (Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви... С. 100).

[14] Спасский Ф.Г. Поэт XVI века, игумен Хутынский Маркелл Безбородый // Православная мысль. Труды православного богословского института в Париже. Париж, 1948. Вып.6. С.155–169.

[15] Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество (по современным минеям). Париж, 1951. С. 42–43.

[16] Дмитриева Р.П. Василий (в иноках Варлаам)... С.115.

[17] Если наша атрибуция Маркеллу Безбородому служб Макарию Калязинскому и Савве Сторожевскому верна, то использование Василием-Варлаамом двух служб одного автора позволяет допустить, что выбор их неслучаен: он мог быть обусловлен, во-первых, ориентацией Василия на творчество Маркелла как на

образец, а во-вторых, возможным личным знакомством двух гимнографов. Последнее предположение основано на некотором сходстве биографий Василия и Маркелла: оба гимнографа творили в одну эпоху (40–60 гг. XVI в.), были знакомы с митрополитом Макарием и писали по его заказу некоторые свои произведения; создали разные редакции Жития Никиты Новгородского; какое-то время жили в одной Новгородской епархии (летописи упоминают о пребывании Маркелла в Новгороде с 1555–1558 гг.); оба были известными в свое время распевщиками.

В.Г. Пуцко

КАМЕННЫЕ ИКОНКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА

Необходимость в выделении продукции псковских ремесленников XIII–XV вв. и в установлении круга их изделий давно уже назрела. В отношении некоторых городских ремесел тому весьма способствуют материалы археологического изучения, полученные в ходе раскопок Пскова. Хуже всего дело обстоит с художественной резьбой по камню, образцы которой немногочисленны и, к сожалению, никак не пополняются новыми находками. В то же время трудно представить, чтобы в Пскове не было своих мастеров, занятых изготовлением каменных образков, в XIV в. столь широко распространенных в соседнем Новгороде.

Первый шаг в выделении псковской группы образцов каменной пластики малых форм был сделан Т.В. Николаевой, с использованием материалов коллекции псковского собирателя Ф.М. Плюшкина[1]. Для того чтобы продолжить изучение, необходимо проверить надежность приведенных исследовательницей аргументов, не прибегая ни к гиперкритическим упражнениям, ни к защите всех высказанных положений: гораздо существеннее установить исторический и культурный контекст. Решение этой задачи, однако, осложняется пестротой индивидуальных манер резчиков, выделение которых, кроме того не лишено условности. Т.В. Николаева, в частности, писала: «Каменные иконки из коллекции Плюшкина отличаются большей, чем новгородские, простотой и наивностью, выразительными, но асимметричными ликами святых, что придает им некоторую живость, иными иконографическими типами общепочитаемых святых (например, Николы, Вседержителя), своеобразной иконографией Трехфигурного Деисуса с фигурами одинаковой высоты, так что не выделена центральная фигура Христа, или, наоборот, фигура Христа изображается во всю высоту иконки... Лик Николы наделен редкой реалистичностью, зачес волос на голове особый. Его крестчатый омофор передан одной вертикальной полосой, раздваивающейся на плечах, т.е. так, как изображали омофоры западных епископов в итальянских мозаиках. Обычно же омофор изображается в виде длинной полосы, положенной на плечи и спускающейся на грудь или свисающей с левого плеча»[2]. О том, насколько приведенные общие наблюдения соответствуют стилю псковских резных иконок, еще предстоит узнать. Частные же характеристики могут уже сейчас найти более конкретное объяснение исходя из определенных исторических условий, нашедших отражение в искусстве.

Из числа условно относимых к числу псковских самой ранней каменной иконкой является датируемая XIII в.[3] и определенная в качестве примера «иератической пирамидальной композиции»[4]. Отнесение ее к Пскову мотивировано тем, что главным храмом города был Троицкий собор[5]. Конечно, это шаткое основание для локализации: Троицкие храмы в конце XII — первой трети XIII в. построены также в Трубчевске и в смоленском Троицком монастыре на Кловке[6]. Воспроизведенная резчиком композиция (рис. 1:1), кроме того, может оказаться генетически связанной как с хра-

мовым образом, так и с принесенной палестинской реликвией. Фрагментарная сохранность изделия позволяет лишь обратить внимание на такие примечательные особенности композиционной схемы, как «поднятая» фигура центрального ангела и расположенные спереди Авраам и Сара с угощениями, а между ними — юноша-слуга, закалывающий тельца.

Рис. 1. Каменные иконки, связанные с Псковом

Фигура ангела аналогично расположена на пластине южных врат собора Рождества Богоматери в Суздале (около 1230 г.), где впереди поставлен лишь Авраам. Подобные разномасштабные изображения, в различных вариациях, можно указать на Васильевских вратах 1336–1337 гг., на Тверских вратах середины XIV в. и на иконе конца XIV в. из Троицкой церкви Вожемского погоста близ Яренска[7]. В то же время ничего подобного в изображениях на именных влыдычных печатях Пскова, представленных шестью матрицами аверса, 1442–1487 гг., несущими Ветхозаветную Троицу[8]. Отмеченный мотив (фигуры Авраама и Сарры с угощеньями на первом плане) в каменной пластике известен по новгородской двусторонней иконке из собрания И.С. Остроухова (Москва, ГТГ, №12709), датируемой XIV в.[9] Псковская икона Ветхозаветной Троицы, с сидящими в один ряд ангелами, с Авраамом и Сарой и сценой заклания тельца Авраамом, относится к началу XIV в.[10]

Стилистические черты рассматриваемого фрагмента иконки, особенно рисунок и мягкая пластическая моделировка объемов, ближе всего к византийско-новгородской группе произведений рубежа XIII–XIV вв.[11] Именно к ней относятся два образка с изысканными изображениями полуфигуры Христа Пантократора (рис. 3:1,2). Разумеется, распространение этого направления не приходится строго ограничивать пределами Новгорода, особенно после владимирских археологических находок мастерской ремесленника и бронзовой иконки Богоматери Умиление (рис. 3:3). Упомянутое здесь изделие металлопластики начала XIV в. воспроизводит каменный оригинал, соответствен-

но сближаемый с византийско-новгородскими образцами[12]. Изящный рисунок, плавный переход от рельефа к фону и тактично введенный растительный орнамент ставят эту композицию Ветхозаветной Троицы в ряд элитарных произведений, оказавших влияние на формирование новгородской каменной пластики XIV в., имевшей самые разнообразные проявления (рис. 3:4,6).

По мнению Т.В. Николаевой, из Пскова может происходить каменная иконка из собрания Ф.М. Плюшкина[13] с изображением Спаса на престоле с предстоящими, с одной стороны, и двумя святыми в рост — с другой[14]. Это изделие, с закругленным верхом, выполнено из темно-коричневого глинистого сланца. На лицевой стороне в центре сильно удлиненная узкоплечая фигура тронного Христа Пантократора, с поставленным на левое колено кодексом, благословляющего правой рукой перед грудью. В меньших по размерам изображениях, с сильно стертыми лицами, нетрудно опознать Симеона и Анну, что имеет иконографическую параллель в новгородской каменной иконке XIV в., выполненной в иной манере, из бывшего музея П.Р. Коробанова[15], где в паре с Симеоном — Иулиания, а на оборотной стороне — апостол Петр, св. Никола и мученик Никита (предполагается принадлежность князю Симеону Вяземскому, владевшему половиной Торжка). Точно так же, как и на этой иконе[16], по сторонам тронного Христа здесь полуфигуры парящих ангелов, но не с зерцалами, а с крестами в руках (рис. 1:2). Крайне редко встречающиеся в русской иконописи и каменной пластике небольшие по размерам фигуры святых в молении, с запрокинутыми головами, восходят к бенедиктинским донаторским композициям первой четверти XIII в.[17] Изображения двух святых в рост на оборотной стороне рассматриваемой иконки, преподобного и мученика, лишены сопроводительных надписей, а их рельеф настолько стерт, что единственно о чем можно говорить, так это о хорошем рисунке, свободном от диспропорций, отличающих композицию левой стороны.

Датировка произведения XIV в. не вызывает возражений, как и то, что резьба тяготеет к новгородской художественной традиции В то же время столь оригинальная манера не находит близких аналогий в изделиях, локализуемых Новгородом, при сходстве общих тенденций. По крайней мере историческую связь каменного образка с Псковом отрицать невозможно.

Итак, анализ двух первых каменных иконок с многофигурными композициями, при отличительных чертах каждой их них, приводит к весьма сходным выводам. В исполнении обоих произведений заметна рука профессионального резчика, имевшего в своем распоряжении образцы, которые явно не принадлежали к кругу распространенных, насколько об этом можно судить по сохранившимся иконам и образцам пластического искусства XIII–XIV вв. Иконография и стиль позволяют отчасти заподозрить отголоски явлений, обусловленных взаимодействием византийской и западной традиций, характеризующим художественную жизнь в Латинской империи на Востоке (1204–1261). Ее наследие, конечно, не исчезло бесследно.

Теперь надо обратиться к каменным иконкам с единоличными изображениями. Едва ли не самой изысканной среди рассматриваемых оказывается происходящая из собрания Н.И. Репникова[18], из коричневато-серого сланца, с дугообразно закругленным верхом (рис. 1:3). Представлена поколенная фигура Христа, в низком рельефе, в обычном иконографическом типе, обратившая на себя внимание оторочкой гиматия, украшенной квадратиками, а зарукавья — ромбовидными фигурами с точками внутри, секирообразными концами перекрестья кресчатого нимба, заштрихованными в косую клетку, и орнаментальным характером складок одежд[19]. Все эти признаки указывают на подчеркнуто декоративный характер изображения, чаще свойственный живописной иконе либо книжной миниатюре, чем миниатюрному каменному рельефу. Не исключено,

Рис. 2. Каменные иконки, связанные с Псковом

что резная иконка и воспроизводит утраченный живописный оригинал, возможно представляющий Христа стоящим в рост. Об этом свидетельствует уже свободное пространство по сторонам, тогда как полуфигурные изображения выдаются более плотной компоновкой, что подтверждает и рассматриваемая здесь иконка из сероватого глинистого сланца, датируемая XIII–XIV вв. (рис. 1:4). Изображение стройных пропорций, в отличие от иных образцов, предположительно псковского происхождения (рис. 1: 4,5; 2: 1,2). Т.В. Николаевой особо отмечены монограммы Христа на описываемом образце, с характерными титлами в виде зодиакального знака весов. Подобное начертание встречается редко. В частности, его можно отметить на каменной иконке из ризницы Троице-Сергиевой лавры, датируемой XIII в.[20], и в сопроводительных латинских надписях на итало-византийской стеатитовой иконе XII в., хранящейся в Государственном Эрмитаже, нанесенных в XII–XIII вв.[21]

Несколько обособленное место, занимаемое этой иконкой из коричневато-серого сланца, датируемой XIII в. (рис 1:3), отчасти объяснимо тем, что она выпадает из ряда византирующих образцов каменной резьбы русского происхождения. По стилю ее скорее можно соотнести с византинизирующей романской резьбой по кости и с лиможскими бронзовыми рельефными фигурами начала XIII в.[22]

Другая каменная иконка с полуфигурными изображением Христа Пантократора, из собрания Ф.М. Плюшкина[23], из сероватого глинистого сланца, заключенная в позднюю металлическую оправу крестовидной формы, первоначально была отнесена к образцам новгородской пластики XIV в.[24] Т.В. Николаева изделие датировала XIII–XIV вв. и предположила его псковское происхождение[25]. Иконка с закругленным верхом, в невысоком плоском рельефе, с изображением, плотно заполняющим пространство, почти не оставляя места для монограмм (рис. 1:4). Иконографический тип обычный, получающий различную интерпретацию в новгородском художественном ремесле рубежа XIII–XIV вв. (рис. 2:4, 3:1). К особенностям индивидуальной манеры надо

отнести широкоплечую фигуру, широкий овал лица с круглыми выпуклыми глазами, увеличенную кисть правой руки. Орнаментальная разделка складок одежд, жемчужная обнизь по краям гиматия, фигурный крест на переплете кодекса, тип нимба с вписанным крестом — находят аналогии в продукции новгородских мастеров, на все лады варьирующих эти мотивы. Ближайшей стилистической аналогией может служить каменный образок начала XIV в. с изображением св. Иоанна Милостивого и Николы[26], с проявлениями той же манеры[27].

Из приведенных сопоставлений логически следует заключить о новгородском происхождении иконки Христа Пантократа (рис. 1:4) или же ее резчика. Но и в таком случае невозможно решительно отрицать историческую связь произведения с Псковом, особенно после находки на Завеличье, на Изборском 3 раскопе бронзовой арочной иконки с полуфигуркой Христа[28], соотносимой с византийско-новгородским литиком (рис. 3:1), выполненным около 1300 г.[29]

Рис 3. Новгородские и московские каменные иконки

Выполненные в различных индивидуальных манерах резьбы три каменные иконки из собрания Ф.М. Плюшкина, датированные XIII в., отличаются и формой, но при этом все они на одной стороне имеют изображение св. Николы (рис. 1:5, 2:1,2). Это обстоятельство явно говорит об особом почитании святителя, но в то же время соотношение данных рельефных образков не дает оснований предполагать зависимость от одной определенной, чтимой именно в Пскове иконы, каковой являлась происходящая из церкви Николы от Кожи, первой половины XIV в.[30], либо ее более поздний прототип. Впрочем, особенности ремесленного выполнения резьбы при общности типологии затрудняют суждения относительно конкретного образца. Тем более что отдельные детали ремесленник мог свободно видоизменять по причине технической трудности их воспроизведения в рельефе столь малых размеров (например, раскрытую книгу с текстом).

Первая из этих иконок[31] из глинистого сланца, с закругленным верхом, с изображением на лицевой стороне полуфигуры Николы (на фоне обозначенной латинской буквой «Н»), а на оборотной — поколенных изображений двух плотно поставленных безбородых святых, в хитонах и гиматиях, благословляющих перед грудью, держа в покрытой краем одежды левой руке кодекс, установлено определенных как апостолы Фома и Филипп[32]. Сходным образом иногда изображали также Козьму и Дамиана. Невысокий плоский рельеф выдается чертами примитивизации, наиболее наглядно прослеживаемой в трактовке лица и структуре складок одежды. Поэтому трудно сказать, надо ли довольно уверенно трактовать изображение омофора Николы, спускающегося не с плеча, а посередине отражение реальной манеры ношения, зафиксированной в новгородской иконописи XIII–XIV вв.[33], или же латинского архиепископского паллиума, как это предполагала Т.В. Николаева. Может быть, здесь сказались и отголоски иконографии, характеризующей иконопись греческих мастеров для крестоносцев[34].

Вторая иконка[35] выполнена из исчерно-зеленого камня, условно определенного как серпантин. Верхняя часть напоминает ранние новгородские образки с двускатым завершением, но здесь верхушка «срезана», а само иконное углубление имеет традиционный арочный вид. На одной стороне в невысоком рельефе выполнено поясное изображение Николы, благословляющего перед грудью, с Евангелием в левой руке, с колончатой сопроводительной надписью. На другой — святой с остроконечной бородой, тоже благословляющий, со свитком в левой руке (рис. 2:1). Одежда его определена как монашеская[36]. Однако скорее всего здесь можно увидеть хитон и гиматий, и это дает большее основание определять изображенного как апостола или пророка, тем более что есть типологическое сходство с иконами Ильи Пророка. Резьба отличается фольклорным истолкованием образа, отчасти проявляющимся в уже обративших на себя внимание крупных, обведенных двойной линией круглых глазах и крупном носе. Просветленное вверху сквозное отверстие для продевания шнура свидетельствует о том, что образок изначально не имел металлической оправы.

Третья иконка[37] прямоугольной формы, из глинистого сланца, с помещенными на лицевой и обратной сторонах поясными изображениями Николы и Ипатия (рис. 2:2). Изображения удлиненные, несколько декоративного характера. Лицо Николы со сколотым рельефом, но различим орнаментированный вьюном нимб как бы сплюснутой формы; на плечах узкий, наполовину спущенный с плеч крестчатый омофор. Изображение Ипатия Гангрского, как и Николы, с колончатой сопроводительной надписью (ЕПАТЕ), с выразительным лицом, в епископском облачении, с благословляющей правой рукой и с Евангелием на покрытой фелонью левой[38]. В манере резьбы есть определенное сходство с образком, имеющим арочное завершение (рис. 1:5). Но рисунок здесь иных пропорций. При столь ограниченном сравнительном материале все же можно

предполагать обращение к греческим образцам XIII в., хотя в целом затруднительно соотнести эту обобщенную миниатюрную резьбу по камню с известными иконками, с рельефными нимбами и фонами[39].

Небольшую группу здесь описанных двусторонних иконок, с учетом проведенных наблюдений, логичнее датировать рубежом XIII–XIV вв. Формальные признаки резьбы с элементами примитива, в отличие от стильной, крайне трудно соотнести с хронологической шкалой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что данный материал соотносим как с высокими образцами новгородской каменной резьбы начала XIV в. (рис. 3:5), так и с ремесленными поделками (рис. 3:6), занимая между ними как бы промежуточное место. Приходится помнить и о том своеобразии, которое обнаруживает каждое отдельно взятое произведение оригинальной резьбы по камню, даже если оно вышло из рук одного и того же мастера, чему имеем конкретные примеры[40].

Сравнительно немного оснований для существенных уточнений дают две каменные иконки из собрания Ф.М. Плюшкина, с изображением Богоматери с младенцем, одна из которых определена как иконографический образ Одигитрии, а другая — Умиление[41], хотя топологические различия между ними почти не опознаются (рис. 2:3). Первая из этих иконок из темного камня, прямоугольной формы, в гладкой металлической оправе[42], с изображением в невысоком плоском рельефе, плотно заполняющем пространство. Резьба сильно потерта. Судя по тому, что рисунок не отличается классической правильностью, а разделка одежд выполнена мелкой штриховкой, без какого-либо намека на пластическую трактовку объемов, образок можно определить как ремесленный, даже при условии, что он топологически сопоставим с известной псковской иконой рубежа XIII–XIV вв.[43] Правда, особенно сближать резьбу с этим древним живописным оригиналом не приходится, из-за заметных иконографических расхождений. Отдельные точки соприкосновения со стилем уже описанных образцов в лучшем случае указывают на эпоху, и, таким образом, предложенная датировка XIV в. вполне может быть принята. Почти все встречающиеся здесь элементы, включая типологию нимбов и круглую форму глаз, имеют параллели, кроме разве измельченной штриховки, присущей индивидуальной манере резчика.

Вторая иконка, из темно-коричневого глинистого сланца, двусторонняя, закругленная вверху[44], имеет на оборотной стороне изображение стоящих в рост Бориса и Глеба, в княжеских одеждах, с крестами и мечами в руках. Изображение Богоматери, представленной прямолично, вряд ли правомерно определять как Умиление. Рисунок и манеру резьбы трудно назвать выразительными, а также предположить выполнение образка ранее середины XIV в. Если нет оснований отрицать вероятность изначальной связи иконки с Псковом, то, при отсутствии каких-либо определяющих признаков, отнесение резьбы к конкретному кругу изделий — задача невыполнимая. Мало что дает в этом плане сближение и с предыдущей иконкой, ближайшей по манере и техническим приемам.

Совершенно иначе дело обстоит с третьей каменной иконкой Богоматери Одигитрии, также из собрания Ф.М. Плюшкина[45], датированной XV в.[46] Изделие из темно-серого глинистого сланца, с закругленным верхом, с удивительно красивого рисунка поясным изображением Богоматери с младенцем на левой руке, выполненным в невысоком, тонко проработанном рельефе, о чем позволяют судить его наиболее удовлетворительно сохранившиеся части (рис. 2:5). Поэтому особо приходится сожалеть о стертом рельефе лиц. Иконка примечательна тем, что инспирирована палеологовским образцом, получившим широкую популярность в московской иконописи конца XV в., прежде всего в творчестве Дионисия и художников его мастерской[47]. Это изображение с его изысканными пропорциями и подчеркнуто линейным ритмом проникает и в мос-

ковскую каменную пластику указанного времени[48] (рис. 3:8). Не исключено, что обсуждаемая иконка представляет предмет московского художественного импорта в Пскове, появление которого в начале XVI в. представляется закономерным.

Последняя из связываемых с Псковом каменных иконок, из собрания Ф.М. Плюшкина[49], с изображением Трехфигурного Деисуса, отнесена тоже к XV в.[50] Примитивная резьба и укороченные пропорции фигур, условная разделка одежд (рис. 2:6) затрудняют определение художественного направления, к которому принадлежал резчик. Фигуры одинаковой высоты есть и в новгородской каменной иконке того же времени (рис. 3:7). Изображение Иоанна Предтечи в короткой власянице в московских иконах встречается уже с начала XV в., а в псковскую иконопись оно проникает несколько позже. В общей иконографической схеме каменной резьбы надо отметить трон с высокой спинкой, более обычный для новгородских деисусных икон, где отмеченный иконографией вариант образа Предтечи с первой половины XV в. появляется скорее спорадически. По всем формальным признакам иконку из исчерна-зеленого сланца, с закругленным верхом, вряд ли можно датировать ранее рубежа XV–XVI вв. С расширением художественного контекста и установлением более определенных иконографических параллелей, возможно, в будущем удастся несколько конкретизировать предлагаемые выводы. Не входя в противоречие со сказанным, надо заметить, что примитивизм резьбы не лишен выразительности, прежде всего декоративной, имеющей свои средства воздействия.

Расширение наблюдений, начало которым положено Т.В. Николаевой, позволяет отчасти преодолеть иллюзию оторванности рассматриваемой группы изделий от устойчиво локализуемых крупными ремесленно-художественными центрами средневековой Руси. Речь идет о Новгороде и Москве. Отсюда вовсе не следует, что аналогичные иконки не могли выполнять в иных русских городах, иногда те же новгородские или московские мастера. Миграция мастеров и особенно их произведений очень усложняет построение общей, во многом условной схемы. Ощущение ясности и определенности приходит лишь относительно наиболее ярких направлений, иногда отмеченных пристрастием к конкретным сюжетам. Для псковского художественного ремесла соседство с Новгородом не могло пройти бесследно. Однако относительно того, что оно совершенно убивало местную художественную инициативу, все же позволительно усомниться. Тем более что, скажем, для выполнения резных каменных иконок не требовалось ни больших запасов материала, ни сложных технических приспособлений. Следовательно, при наличии заказов работа могла быть налажена где угодно.

---

[1] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. (САИ. Вып. Е 1-60). М. 1983, с. 35, 114-117, табл. 46-47.

[2] Там же. С. 35.

[3] Москва, ГИМ, №2987, ок. 9143, разм. 4,5х4,7.

[4] Рындина А.В. Влияние творчества Андрея Рублева на древнерусскую мелкую пластику XV–XVI вв. Ветхозаветная «Троица» // Древнерусское искусство XV — начала XVI вв. М 1963, с. 121, илл. на с. 122.

[5] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... С. 116 № 286.

[6] Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников (САИ. Вып. Е 1-74). Л. 1982, №67, 132.

[7] Троица Андрея Рублева, Антология/Сост. Г.И. Вздорнов М. 1989, илл. 16, 21, 22, 27.

[8] Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Изображения Троицы на именных владычных печатях Пскова (К иконографии композиции) // У истоков русской культуры XII–XVII века. СПб. 1995, с. 41-59, илл. 24–33.

[9] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... С. 92, №174, табл. 31.

[10] Родникова И.С. 1990, с. 302, №41.

[11] Пуцко В.Г. Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сб. научн. тр. СПб. 2001, с. 149–156.

[12] Пуцко В.Г. Родина М.Е., Меднолитая икона Богоматери (XIV в.) из Владимира на Клязьме // Рождественский сборник. Вып. IV. Ковров. 1997, с. 82-87.

[13] Санкт-Петербург, ГРМ, № Камю 2, разм. 6,1х5,6 см.

[14] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 116–117, №269, табл. 47.

[15] Москва, «Московский Кремль», №4319, 4015, разм. 6,3х6,0 см.

[16] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 100–101, №206, табл. 36.

[17] Пуцко В.Г. Вологодская икона тронной Богоматери и проторенессансная живопись Италии // Послужить Северу... Историко-худож. и краеведч. сб. Вологда 1995, с. 159–161.

[18] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 250, разм. 4,4х3,6.

[19] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 116, №226, табл. 46.

[20] Там же, №310.

[21] Kalavrezou-Maxeiner I., Byzantine Ieons in Steatite//Byzantina Vindobonensia. Bd. XV. Wien. 1985, p. 136–138, №45 pl. 25–27.

[22] The Year 1200, A Centennial Exhibition at Metropoliten Museum of Art. Vol. 1. New York. 1970, p. 61–62, 155, №68, 161.

[23] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 7, разм. 6,0х3,5.

[24] Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV вв. М. 1978, с. 45, рис. 24.

[25] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 114–1145, №260, табл. 46.

[26] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 246, разм. 5,0х4,1.

[27] Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика... с. 45, рис. 22; Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 75, № 112, табл. 21.

[28] Харлашев Б.Н. Некоторые итоги раскопок на Завеличье//Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. с. 73, рис. 31.10.

[29] Пуцко В.Г. Византийско-новгородские каменные иконы... с. 149–151, илл.1.

[30] Родникова И.С. 1990, с. 293, №8.

[31] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 61, разм. 4,9х3,8 см.

[32] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 114, №259, табл. 46.

[33] Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976. №1–5, 9, 11–13.

[34] Weitzmann K., Icon Painting in the Crusader Kingdom //Dumbarton Oaks Papers. Vol. 20. Washington. 1966, p. 51-83, fig. 8, 43.

[35] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 58, разм. 5,0х3,3 см.

[36] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 115, №263, табл. 46.

[37] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 60, разм. 4,3х3,0 см.

[38] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 115, №261, табл. 46.

[39] Talbot Rice D. Cypriot Icons with Plaster Backgrounds // Festschrift für Otto Demus zum 70. Geburtstag (Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 21). Wien. 1972, p. 269–278, fig. 1–12.

[40] Пуцко В.Г. Индивидуальные манеры резьбы в каменной пластике средневековой Руси // Тверь. Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь. 2002, с. 276–289.

[41] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 115-116, №267, 265, табл. 46.

[42] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 25, разм. 4,0х2,7.

[43] Родникова И.С. 1990, с. 291, №3.

[44] Санкт-Петербург,ГРМ, № кам. 26, разм. 4,8х4,2.

[45] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 16, 6,0х4,7.

[46] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 115, №264, табл. 46.

[47] Пуцко В. Икона Богоматери Одигитрии из церкви села Гуменец // Revue roumaine d'histoire de l'art. Serie Beaux-Arts. T. XII. 1975, с. 41-49.

[48] Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М., 1980, с. 238–240, илл. 145; Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... №329, 330, 332, 338.

[49] Санкт-Петербург, ГРМ, № кам. 6, разм. 5,1х4,7.

[50] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня... с. 115, №266, табл. 46.

И.С. Родникова

ОБРАЗ БОГОМАТЕРИ ЧИРСКОЙ: К ВОПРОСУ О ПОЧИТАНИИ И СЛОЖЕНИИ ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА

Памятники псковской книжности сохранили немало сведений о чудотворных иконах: на протяжении нескольких столетий (XII–XVII) летописи и сказания отмечают знамения, бывшие от явленных образов. Особенно часты сообщения о плачущих слезами и кровью иконах в XV в., и в большинстве своем свидетельства касаются богородичных икон — «в Чирсках» и «на Камне на Ожере» (1420), «за Коложею на Каменном озере» («Знамение», 1426 или 1425), в Зряковичах (1455), в Елеазаровском монастыре («Цареградская», 1458)[1].

В то же время об их почитании известно мало, тема исследована недостаточно, да и след этих когда-то прославленных святынь давно потерялся, кроме Богоматери Чирской (Черской), именем которой принято называть находящуюся ныне в псковском Троицком соборе двустороннюю икону с изображением Богоматери с Младенцем на лицевой стороне и евангелиста Луки с преподобным Феодосием Киево-Печорским (в рост) на обороте[2].

Согласно летописи, икона прославилась «в Чирсках» в 1420 г. «знамением велием»: «от суха древа, от образа святые Богородицы из обою оку идяху слезы, яко мнозем каплям капати»[3]. Псковичи послали «по икону» знатных, «христоименитых» людей во главе с псковским посадником Федором Шибалкиничем (Шибалкиным), и вскоре духовенство и «весь Псков» встречали чудотворный образ «с кандилы и похвалами и песнми..., и со кресты... за Старым Вознесением..., иде же и ныне крест в тыноу». На месте встречи была воздвигнута церковь, основан Знаменский женский монастырь[4] и «оттоле начаша праздновати знамение святей Богородици месяца иоуля в 16». Чуть позже, по-видимому, в начале августа («не на длъзе времени от Спасова дни») в Пскове разразился сильнейший мор («и по всем волостем мрети малыя деткы, и по том юноша, и девы, и мужи, и жены, и старыя мряху немало»...), и недавнее знамение от иконы не могло не восприниматься как предостережение Богоматери Пскову и земле Псковской о грядущих суровых испытаниях. Впоследствии, видимо, утвердилось несколько иное представление о конкретном времени чуда знамения и принесения иконы в Троицкий собор, что нашло отражение в гравированной надписи на окладе иконы 1835 г.: «икона перенесена в Псковский Кафедральный собор ... из Псковской же Чирской волости в 1420 году во время трехдневного течения из очей ея слез и свирепствовавшей во граде Пскове и пределах его моровой язвы»[5].

Летописец сообщает и о других событиях этого времени, связанных с попытками псковичей отвести пришедшую беду: 14 сентября жители построили и освятили «одним днем» Спасскую церковь на древнем основании храма святого Власия[6], искони почитавшегося скорым помощником при моровых поветриях, а через два дня, 16 сентября, в Псков была принесена еще одна икона Богоматери, знамение, от которой свершилось «на Камне на Ожере». Однако эпидемия длилась еще более трех месяцев, до праздника Крещения Господня.

Дальнейшая история Чирской иконы полна противоречий, в ней много неясных вопросов. Так, неизвестно, когда она была перенесена из Знаменского монастыря в Троицкий собор. Пролить свет на это событие косвенным образом помогает текст «Повести» о знамении от Чирской иконы с Похвальным словом, сохранившейся в рукописных сборниках второй половины XVI в. (не издана) и в более поздних списках[7].

Ее автором, так же как канона празднику иконе, считается один из Филофеев, монахов, подвизавшихся в Елеазаровском монастыре приблизительно в одно и то же время (середина XVI в.), — или знаменитый старец, писатель-публицист, автор формулы «Москва — Третий Рим», или игумен, упомянутый в «Житии Евфросина Псковского»[8]. «Повесть» включена в состав Великих Миней Четьих, созданных под руководством митрополита Макария, и, вероятно, для них и составлялась. Известно участие в этих работах псковских книжников[9]. Кстати, еще в бытность архиепископом Новгородским Макарий построил в Пскове в 1535 г. свой дворец, где трудились писцы и книжники. Работа над сводом велась с 1529 (1530) по 1554 г., и он представлен тремя самостоятельными редакциями[10] (вопрос о принадлежности указанного нами списка «Повести» к определенной редакции не входит в круг рассматриваемых проблем, поскольку здесь важен период времени — XVI в.).

Интересно, что составителем «Повести» использован летописный текст, но опущены характерные для передачи живого свидетельства очевидца точные топографические приметы, событийные реалии и выразительная эмоциональная окраска: подробности встречи иконы возле храма Старого Вознесения, помещение ее в Знаменскую церковь и создание монастыря. Само явление истечения слез описано традиционно, не так свежо, как у летописца: «из обою оку слезы исходяще, яко и струя»[11].

Правда, в этом тексте появляется новая информация — названа церковь, в которой было явлено чудо: «в веси, нарицаемая Чирска (Черьска)... есть церкви Рожество <...> Иисуса Христа, в нейже бе икона <...>»[12].

Главное отличие «Повести» содержится в рассказе о торжественном принесении образа «на рамех», «со страхом и великой честью» прямо в Троицкий собор «на соблюдение и утвержение граду».

Можно предположить, что автор сознательно не использовал яркие детали местного колорита из летописного сказания. Скорее всего, новая трактовка события была связана с вполне конкретными обстоятельствами, вызванными известным устремлением царя Иоанна и митрополита Макария к «обновлению» русского государства, нашедшим опору в теории «Москва — Третий Рим» с ее утверждением богоизбранности Руси — цитадели православия. Идея претворялась в жизнь через прославление отечественных чудотворцев и святынь, а также учреждение новых праздников[13].

Вероятно, именно в это время икона Богоматери Чирской становится общерусской святыней и помещается в достойный ее значимости главный храм города — «Дом Святыя Троицы». Исходя из необходимости весомого подтверждения славы чудотворного псковского образа, автор «Повести» был вынужден «скорректировать» летопись, а само повествование, заключенное в рамки традиционной формы, начать привычным перечислением не конкретных участников события, а именами, призванными обозначить важность происходящего, и время — «лето державное великого князя Московского Василия Дмитриевича (в списке первой половины XVIII в. уточнено — «сына Дмитриева, Донского именуема») и «владычное», архиепископа Новгородского и Псковского Симеона[14]. И лишь потом названо имя псковского князя Феодора Александровича (Ростовского)[15] и вовсе не упомянут псковский посадник, боярин Шибалкин.

Видимо, к этому же времени относится и составление «Службы» иконе («Палата одушевленная Христови едина бысть...»)[16], идентичной «Службе знамению Богоматери Мирожской», дошедшей в списках также не ранее второй половины XVI в.[17] (текст, как и «Повесть», не были предметом исследования специалистами).

Несомненно, в эту пору обе иконы находились в Троицком соборе, на что указывают единые для них конкретные строки «Службы» («Храм Святыя Троицы единосущныя, Твою, владычице, чудотворную икону имея в себе...»), и, более того, можно

полагать, что и принесены они в собор были почти одновременно[18], и мотив для их появления в главной святыне Псковской земли был общий и оправдан названной выше насущной потребностью способствовать утверждению значимости псковских святынь для всей Руси.

Однако, судя по довольно редким указаниям относительно праздника Чирской иконе в рукописных богослужебных книгах XVI–XVII вв., почитание ее так и не стало обязательным повсеместно. Пополнив пантеон общерусских святынь, икона навсегда осталась в большей степени местно-чтимой и разделила судьбу многих других псковских чудотворных образов. Примечательно, что в одном из Прологов первой половины XVI в. память знамению от Чирской иконы (16 июля) отнесена на день празднования иконе Мирожской (24 сентября)[19]. Вкравшаяся ошибка показательна: видимо, на тот период традицию почитания псковских икон нельзя считать укоренившейся.

Правда, в «Уставе церковном» начала XVII в. в перечне праздников уже правильно отмечены оба Знамения от псковских икон Пресвятой Богородицы: Мирожской (под 24 сентября) и Чирской (под 16 июля)[20], однако в дальнейшем, как это будет показано ниже, противоречий избежать не удалось.

Подобные недоразумения не были исключением. Например, день праздника в честь преподобного Евфросина Псковского, канонизированного в 1549 г., судя по московским уставам и минеям XVII в. определялся весьма неточно: 15, 16, 14 мая[21].

Из истории культа отдельных богородичных икон известно, сколь часто чудотворная икона получала не только церковное, но и политическое значение (Владимирская, Новгородская «Знамение», Казанская, Феодоровская и др.) и, как следствие, широко распространялась в многочисленных списках. До наших дней не дошло ни одного списка Чирской иконы, и в литературных источниках не отмечено случая нахождения иконы типа Чирской или названной «Чирская» не только в отдаленных, но и в близлежащих к Пскову землях — таковы отголоски древних страниц истории почитания псковской святыни на Руси.

Между тем в Пскове образ Чирской Богоматери был, несомненно, высокочтимым и прославлялся всегда и в память Божественных благодеяний, явленных в прошлом времени, и как источник новых целебных сил и чудодействия. Недаром автор «Повести» в похвальном слове, исходя как бы из живого опыта, включил событие знамения от Чирской иконы в перечень великих богородичных праздников, почитаемых во всем православном мире: «Блаженнии же людие твои вси, иже пречистыя праздникы твоя празнующе: твое зачатие празнующе, и честному рожеству твоему искренно покланяющеся, и введение в церковь твою почитающии, и благовещению покланяющеся, и преславное твое от земленых к небесным преставление и к Сыну твоему и Богу любовию восхваляюще, и праздник честнаго твоего покрова празнующе, имже вселенную милостивно покрывающи, положение ризы и честнаго пояса твоего почитающи, и нынешний царьский приход твоего, владычице, пречистаго образа»[22]. Новый праздник лишен местной ограниченности, он мыслится как торжество всей земли, всей вселенной: «От негоже (образа — И.Р.) знамение предивное показала еси, посещение еже к земленородным и милостивное к Богу о роде человечьстем...»; «...Тебе бо ради, Богородице, наш град и вся вселенная от лести диаволя избавися...»; «...не яко она от нас похвалы и славы требующи, но паче яко да мы тою прославимся, священницы и царие, и вся племена человечьская, богатии же и нищии»[23].

«Похвала» наполнена дыханием действительности и непосредственности, от ее славословий веет радостью всеобщего праздника и триумфа: «Приспе новейшей честныя владычица и Богородица знамения праздник. Да познают вси, яко не токмо в мире, егда с нами бяше, ходатайсвенное к своему Творцю и Сыну показавше, но паче по пре-

славнем тоя преставлении от земных в небесныя не престает нас милостивно присещая, яко и не явить о сем празднице бысть же сице»[24].

Как каноничное поэтическое произведение «Похвала» по своей композиции и форме в общих чертах следует приемам, установленным в древней гимнографии: автор использует символические толкования и изобилие похвал, традиционных для Акафиста (как следствие, находим общие места со «Службой»); иногда, обосновывая свои идеи, составитель для большей убедительности приводит тексты из Священного Писания и богослужебные, но не буквально, а в измененном виде, применительно к содержанию своих мыслей. При этом обнаруживается незаурядный талант, проявленный в стремлении снизить известную отвлеченность текста, характерную для витиеватого стиля церковных писателей того времени, и сделать его более доходчивым и эмоционально волнующим за счет живых разговорных интонаций с оттенком народного просторечия, зачастую с включением прямой авторской речи. Например: «Кождо благодарственная да приносить: ов смирение со благоговением да притяжеть, ин пость и молитву да даръствуетъ владычици, друзии же руце да простирают ко требующим, ов гнев брату да отпоустить. И тако творяще Богородицю възвеличим. Таковая оубо приношение праздникоу приятна бывають, а не в тимпанех и гуслех, и питиех и свирелех, еже еллистии отроци творять»[25]. Или: «Аще реку (Богородицу — И.Р.) вышшую небеси и земля и всех бывших тварей: си глаголя и не погрешу!»; «Что же глаголю от земленых? Но паче и в пренебесных и сами аггели и архаггели, яко царици и Матери тех сотворишаго, со страхом благоговеюще пение приносять»; «Но что много глаголю? Неиспытная и непостижимая нам глаголати немощно, но день ныняшняго праздника праздничная да глаголиться»[26].

Автор осознает достойное место Пскова в православном мире. Этой мыслью окрашены молитвословия и тогда, когда они исполнены проникновенного чувства искреннего исповедания и смирения и когда исповедальный тон сменяется призывом к деятельной молитве. Настойчиво звучит призыв псковичей к заступничеству Богоматери: «Всех же в честный храмъ твой прибегающим, молитвы же и моления тебе приносящих, спасай»; «о людях, тебе... чтущих не оскудей»; «...помощию не отступай...».

Молитвы о насущных нуждах каждого человека («страсти и недуги от человек отгонятся и здравие душевное и телесное приемлем...») органично соединяются с молением о спасении Пскова от набегов «поганых» («пребуди присно избавляющи нас от глада, губительства, огня и меча, и нашествия иноплеменнии»). Наверное, справедливо было бы связать время явления иконы Чирской Богоматери (1420) и следом за ней иконы Каменской (1426) не только и не столько с губительными моровыми поветриями, но с опустошительными для псковских земель нашествиями Литвы. Еще в 1406 г. летописец заклеймил князя Витовта такими словами: «Приде поганый отступник правыя веры христианьскыя и отметьник божий, сын диаволь, неверник правде, ни крестному целованию»[27]. И впоследствии, особенно в затянувшейся войне 1426 г., «витовщина» приносила много страданий.

Тема оставалась злободневной и в XVI в. — Псков и его пригороды продолжали терзать та же Литва и немцы, и шведы, и поляки. К Богородице — заступнице за землю Псковскую — обращены строки тропаря, прибавленного к «Службе» Чирской иконе: «Яко необоримую стену и источник чюдес, стяжавше Тя, раби Твои, Пречистаа, пречюдным знамением сопротивных низлагаем. Темже молим Тя: мир граду Твоему даруй и душам нашим велию милость»[28].

Ратные будни оживают в тексте «Похвалы», и, хотя во многих церковно-богослужебных памятниках находим общие места (темы, обращения, обороты и т.п.), все же нельзя отказать составителю в выпуклости словесных образов, передающих остроту

момента: «Аще и согрешихом, но ты помощию, яко мощно Ти сущи, не отступай, но присно предваряй от бед и скорбей избавляющи нас. Ты бо, владычице, православным людям прибежище и град твердый от лица вражия еси, и Твоего заступления и помощи требуем, и Твоею надеждею крепимся и силою Сына твоего противнии побеждаются.., и ныне не оскудей, владычице, своею милостию покрывающи нас, и совета варварские на нас ратующих низложи...»[29].

Таким образом, в «Повести» «светел праздник знамения», утвержденный в начале XV в., связывается с событиями, затрагивающими кровные интересы современников автора, что опосредованно отражает почти двухсотлетнюю историю почитания чудотворного образа — «многобогатого дара и неотъемлемого сокровища граду».

По всей видимости, в продолжение древней практики молебных хождений с чудотворной иконой в конце XVI в. (в начале XVII в. (1601) официально) архиепископом Псковским Геннадием был учрежден в Пскове большой весенний крестный ход с соборными образами Богоматери Чирской и святого Гавриила Псковского, которые, наряду с явленной иконой Спаса из Елеазаровского монастыря, выносились в день Преполовения на реку Великую для освящения воды, а потом и вокруг города[30].

Со временем, как это бывало нередко, след прославленной иконы вдруг потерялся. Какие-либо фактические материалы о ее жизни в XVII–XVIII вв. нам не известны, вряд ли они существовали и в XIX в., так как не нашли отражения в литературе того времени. Более того, видимо, икона в начале XIX в. в Троицком соборе отсутствовала. Об этом косвенно свидетельствует священник псковской Козьмодемьянской церкви Онисим Негоновский в своей домашней летописной книге, когда рассказывает о многолюдных крестных ходах по случаю угрозы нашествия 1812 г.: вокруг городской стены были несомы 10–15 чудотворных икон из разных псковских храмов и главных монастырей, в том числе из Троицкого собора — только иконы Богоматери Владимирской и святого князя Всеволода-Гавриила[31].

Возвращаясь к вопросу о почитании иконы, можно предположить, что она так и осталась преимущественно местно-чтимой. Об этом говорят скупые и зачастую противоречивые сведения письменных источников: изредка встречаются списки «Повести» и исключительно редки упоминания о празднике Чирской иконе в богослужебных сборниках. Не отражен он, например, в июльской Минее начала XVIII в. и в большинстве певческих сборников первой половины XIX в.

Показательно, что икона с именем «Чирская» отсутствует в известном «Своде чудотворных икон», гравированных в 1713–1714 гг. Г.П. Тепчегорским[32]. Правда, есть гравюра с надписью «Псковская», наряду с «Мирожской», однако изображение слишком отличается от типа Чирской. Впрочем, почти все гравюры весьма неточно передают иконографию, что становится обычным в церковно-исторических изданиях XIX в., где Чирская икона начинает фигурировать в совершенно неузнаваемом виде и часто с подписью «Псковская». Не исключено появление этого именования еще в пору перенесения иконы в Троицкий собор и установления почитания в общерусском масштабе для уточнения более понятного ее происхождения для всех иногородних современников. Впоследствии это имя присваивается периодически некоторым чудотворным богородичным иконам, происходящим из Псковских земель, и в первую очередь Мирожской.

Возвращение Чирской иконы из небытия связано с именем архиепископа Евгения Болховитинова, занимавшего псковскую кафедру в 1816–1822 гг. Он обнаружил икону в ризнице Троицкого собора (по некоторым сведениям в 1820 г.)[33], и, поскольку среди псковичей сохранялась память о древнем чтимом образе, ореол чудотворности окружил вновь найденную икону. С легкой руки архиепископа она безоговорочно и с бла-

говением была принята как святыня летописного предания и с честью заняла достойное место в кафедральном Троицком соборе, и тотчас возобновилось празднество ей в Пскове с совершением крестного хода вокруг собора[34]. С этого времени восстанавливается и общерусское почитание иконы. Заметим, кстати, что прихожане церкви погоста в Чирсках вознамерились было вернуть икону и подали прошение преосвященному, но он убедил их довольствоваться снятием копии с иконы, что и было сделано: копию препроводили торжественно с крестным ходом в Чирски и с тех пор тоже совершали там празднество 16 июля[35]. В то же время богослужебные певческие сборники даже второй половины XIX в. часто не включают в свой состав праздничные песнопения знамению Чирской иконы.

В 1835 г. по благословению архиепископа псковского Нафанаила икона была поновлена и одета сплошной чеканной ризой. В таком виде она запечатлена на снимке псковского фотографа К. Кампрада (конец XIX в.), а позже опубликована Н.П. Кондаковым (1910)[36].

Учитывая неясность происхождения памятника и его нынешнее состояние (под грубой записью), трудно, при всей заманчивости, предположить в нем легендарную икону XV в. В лучшем случае она является «списком» — копией чудотворного образа, сохранившим специфику иконографии протографа. Поэтому в дальнейшем речь может идти только об образе, чтимом в настоящее время как древний чудотворный и история бытования которого прослеживается со всей очевидностью лишь с первой четверти XIX в.

Если же попытаться данную икону идентифицировать с образом предания хотя бы гипотетически, то сразу возникает вопрос о судьбе последнего.

Что же стало с подлинной иконой? Она могла погибнуть вместе с другими иконами Троицкого собора в огне одного из страшных пожаров — 1509 г. (когда сгорел знаменитый дубовый крест великой княгиня Ольги), 1562 и, наиболее вероятно, 1609 г. Именно к этому периоду времени мог существовать «список», выполненный во второй половине (третьей четверти) XVI в.[37] В таком случае объяснимо появление широкой откосной рамы с изображением избранных святых, среди которых канонизированные Соборами 1547–1549 гг. псковский святой князь Всеволод и князь Александр Невский, преподобные Евфросин Псковский и Савва Крыпецкий[38]. Эта рама имеется и на нынешней иконе, а поля, когда-то заполненные изображениями полуфигур апостолов и пророков с включением сюжетов «Знамение» и «Древо Иессеево» — соответственно в верхнем и нижнем регистре иконы, — не сохранились или находятся под окладом[39]. Исходя из наиболее ранней даты сильного пожара, можно предполагать и какой-то более ранний промежуточный список, еще не дополненный рамой. Вполне вероятно, что эта композиция на полях восходит к древнему прототипу или промежуточному списку, являясь своеобразным вариантом сюжета «Похвала Богородице», столь созвучного теме «Похвального слова» Чирской иконе. Конечно, условия сохранности и доступности иконы не позволяют оценить ее художественные достоинства и стилистическое своеобразие, но памятник представляет несомненный интерес по назначению, составу изображений и уникальной иконографии образа Богоматери.

Чирскую икону можно отнести к типу двусторонних выносных образов (рис. 1, 2), восходящих к византийским процессионным иконам, известным на Руси с XII в.[40] Поскольку именно двусторонние выносные иконы получили широкое распространение в церковной практике и как запрестольные, то постоянным местом Чирской иконы в храме могло быть возвышение за престолом, где, находясь в едином сакральном поле со Святыми Дарами, сам образ становился соучастником совершения литургии. Как выносной, хотя и не имеющий рукояти, образ Чирской Богоматери использовался и

привычно для прецессионной иконы — во время молебна или крестного хода, происходящих нерегулярно, по особым случаям, при общественных бедствиях или в предупреждение их, а также при исполнении Акафиста, что составляло особенность русской церковной жизни и сохранилось до настоящего времени[41]. Судя по описаниям, предоставленным письменными источниками (Летопись, Повесть, Служба), процессию с Чирской иконой можно понимать как литию, во время которой образ зримо свидетельствовал чудесный приход «светоносной благодати и исцеление граду».

Как отмечает М. Скабалланович, лития с самого начала своего возникновения (IV в.) носила двойственный характер: «с одной стороны, она является скорбно-покаянной молитвой» при особых обстоятельствах всеобщего бедствия, с другой — «приурочивается к памяти святых»[42]. Смысл этот сохранялся во все последующие времена (соблюдается и поныне).

Чествование Чирской иконы 16 июля было молитвой удвоенной силы, потому что праздник приходился на день памяти священномученика Афиногена и его десяти учеников (около 311 г.). Оба праздника объединены темой «знамения»: мученик Афиноген перед усекновением главы услышал глас Божий: «Днесь со Мною будеши в Раю», — слова, что были сказаны Господом благоразумному разбойнику. И конечно, псковичи, призывая на помощь чудотворную спасительную силу от иконы Богоматери Чирской, вспоминали и дивное чудо, явленное мученику, находя в нем поддержку и надежду на милосердие Божие.

На Руси среди двусторонних выносных икон XIV–XV вв. часто встречаются памятники с изображением Богоматери в сочетании с изображениями Христа, евангельской сцены, одного или нескольких святых.

Различные типы двусторонних икон, равно как и смысл сочетания изображений, исследованы недостаточно: считается, что в одних случаях он зависит от посвящения храма, в других — от интересов донатора[43]. Сохранившееся на обороте Чирской иконы изображение преподобного Феодосия Печорского (рис. 2), возможно, и находится в вышеназванной причинной зависимости, поскольку парным к нему обычно является образ преподобного Антония Киево-Печорского, здесь же отмечаем сочетание персонажей, не имеющее аналогий. По-видимому, их совместное изображение можно рассматривать в рамках иконографического варианта, обусловленного иной смысловой связью обеих сторон иконы, в нашем случае — выбором святых, имена которых соотносятся с церковным преданием о почитании Богоматери.

Изображение евангелиста косвенно отражает легенду о Луке-иконописце (хорошо известную на Руси с XII в.), написавшем икону Богородицы, которая благословила образ со словами: «Благодать моя с иконою сею да будет». В качестве аналогии укажем двустороннюю икону XIV в. с острова Родос «Богоматерь с младенцем» и «Евангелист Лука» на обороте[44]. Нельзя не припомнить, что именно Евангелие от Луки читается на всех службах в честь Богородичных праздников. В Пскове в 1518 (1519) г. существовала церковь во имя евангелиста Луки «на Кузнецком ряду»[45] — свидетельство его особого почитания.

С преподобным Феодосием на Руси связывалось основание первого Богородичного Киево-Печорского Успенского монастыря, игуменом которого он был в 1062–1074 гг. Уже в конце XI в. (1095), вскоре после обретения мощей преподобного, ему была составлена служба, в которой он прославлялся как обогативший всю страну «содеянием и благодатию монашеского устава» и как усердный заступник и ходатай за всех прибегающих под милосердный покров Богородицы («Имже мы последующе, прибехом в дом Божия Матере и в твою надежду и твое ограждение, возложьше все упование наше на пречистую Деву Богородицю и на тя, преблажене отче Феодосие»)[46].

На Псковской земле особое почитание преподобного Феодосия устанавливается в конце XV — первой половине XVI в. в связи с основанием, а вскоре и процветанием Псково-Печорской Успенской обители. Уже в XV в. была освящена здесь церковь преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских; вторично освящена вместе с заново сооруженной «великой церковью Пречистой на горе» 15 августа 1523 г., в день главного монастырского праздника, с которым по времени почти совпадает праздник в память перенесения мощей преподобного — 14 августа[47].

Изображения святых на полях и раме оборотной стороны иконы были не читаемы уже в конце XIX в., сейчас отсутствуют. Остается открытым вопрос, был ли прототипом Чирской иконы двусторонний образ или оба изображения на обороте являются дополнением списка XVI в. Возможный ответ попытаемся найти, выяснив истоки своеобразия иконографического извода лицевой стороны.

Икона Богоматери Чирской долго оставалась вне поля зрения исследователей церковных древностей. Первым на нее обратил внимание Н.П. Кондаков, рассмотревший данный иконографический тип среди некоторых чтимых икон XV в., восходящих к произведениям итальянского Ренессанса — к типу Мадонны раннего Возрождения, представляющего Младенца слегка повернувшимся в сторону, обыкновенно влево от Матери, по направлению к стоящим или подходящим сбоку ангелам, святым и ктиторам.

Кондаков отметил также выраженный «моленный» характер подобных икон, с несколько жанровым оттенком трактовки сцены, рисующей «мир чистых душевных ощущений ребенка и любящей матери (который собственно и составил содержание и славу итальянской «Мадонны») и их широкое распространение в итальянской живописи начиная с XVI в.[48]

В качестве ближайшей аналогии псковской иконе он привлек две иконы, иконографическая схема которых подразумевает момент предстояния молебников и использует композиционный прием изображения Младенца, отвернувшегося от Матери и смотрящего в сторону — икону XIV в. из церкви святого Климента в Охриде (восходящую к итальянскому образцу) и греческую из Афонской лавры более позднего времени. Здесь же отмечается и их тождественность типу Богоматери с Младенцем, держащим птичку-щегла, который получил на Руси известность как «Коневская» (по месту ее пребывания на острове Коневец, куда, по преданию, была принесена с Афона преподобным Арсением в 1395 г.), и указывается на его западноевропейское происхождение: самый ранний протограф — диптих Стербини в Риме (начала XIV в.)[49].

Учитывая «замечательно жизненное изображение Младенца», Кондаков датировал Чирскую икону XV в., но не причислил ее к какому-либо известному конкретному иконографическому типу Богоматери.

В Пскове икону иногда именовали Одигитрией[50]. Однако образ явно не соответствует традиционному прямоличному типу Одигитрии. И если изображение Марии еще можно рассматривать среди икон Одигитрии типа Перивлепты (Преславной, Прекрасной), где передается общение Матери с Младенцем (в отличие от Одигитрии строгого типа — Путеводительницы, Наставницы, как, например, Смоленская), то образ Младенца, лишенный иератической статичности и репрезентативности, нарушает каноническую традицию.

Задумчивая Богоматерь придерживает Младенца левой рукой, правой тихо касаясь Его левой ножки. Младенец представлен Отроком и положение Его слегка напоминает Коневскую необычным очертанием фигуры, данной в сложном, контрастном по отношению к Богоматери, движении. Он показан в энергичном развороте: плечи и поставленные рядом ножки повернуты влево, голова — вправо, к склонившейся к Нему Матери, но в то же время взгляд устремлен влево, словно в сторону подходящего к Нему за благословением под воздетую именословно десницу; в Его левой руке — свернутый свиток (рис. 1).

Икона "Богоматерь Чирская". Вторая половина XVI века.
Троицкий собор в Пскове.

Рис. 1.

Евангелист Лука и преподобный Феодосий Киево-Печерский
(оборотная сторона иконы "Богоматерь Чирская",
вторая половина XVI века)

Рис. 2.

Нюанс иконографии с отвернувшимся в сторону от Матери Младенцем встречается в русской традиции, кроме упомянутой выше Коневской, еще в целом ряде икон, тип которых, как «интимно-лирический» (Кондаков), сложился в итальянской живописи XV в.: Старорусской, Страстной, Киккской и ее афонском варианте Достойно есть, среди них и восходящие к типу Consolazione («Отрада», «Утешение») — Палестинская, Феодотьевская.

Импульс к использованию такой иконографической схемы в каждом случае предопределен не только смысловым содержанием и символикой образа, но оправдан и его эмоциональной наполненностью. Так, в Коневской известный потаенный смысл — щегленок с красным пятнышком на груди — символ будущих страданий Младенца, а в русской интерпретации это голубь, образ Святого Духа (откуда и второе название иконы — Голубицкая) скрывается за жанровой в своих истоках сценкой, рисующей детскую игру с птичкой (отражение западной легенды о живительной силе щегла, исцеляющей детские болезни), чему и соответствует естественность позы и жеста Младенца с чертами детской непосредственности и любопытства.

В Страстной литургическое толкование образа Христа-Агнца раскрывается через иконографическую деталь (ангел с Орудиями Страстей), а композиция в целом решена в ярком эмоциональном ключе: чувство тревоги во взгляде обернувшегося Младенца, положение его фигуры, рук, обхвативших ладонь Матери, и ножек, с одной из которых падает сандалия, — все выдает желание ребенка, потрясенного страшным видением, укрыться в материнских объятиях, что подчеркивает в изображении Божественного Младенца Его Богочеловеческую ипостась. На критских иконах XVI в. встречаются надписи — толкования этого сюжета: «Ангел, некогда возвестивший Пречистой: «радуйся», ныне предпоказует символы страстей; Христос же, облекшись в смертное тело, испугавшись участи, созерцает страшные орудия»[51].

В Старорусской отстраненный облик юного Спаса, облокотившегося на руку Матери и глядящего в только ему ведомую даль, напоминает возлежащего Эммануила в сложившемся под влиянием литургии сюжете «Спас Недреманное Око», где Он явлен и как прообраз апокалиптического Пантократора, и как Спас, призванный спасти человечество, и как символ искупительной жертвы[52].

Иконографический извод Богоматери «Киккотиссы» (Милостивой), восходящий к византийскому типу «Взыграние Младенца», который, однако, пользовался особой популярностью не в самом византийском искусстве, а среди итальянских художников, «плененных возможностью изображения играющего Младенца»[53], получил дополнительную деталь в виде развернутого свитка с евангельским текстом в руке Младенца, и этот штрих внешне не совсем согласуется с реалистической картинкой непринужденного, подвижного образа ребенка — Христа в древнем протографе. Однако сложный ракурс фигурки шаловливого Младенца, видимо, послужил поводом для композиции с Младенцем, повернувшимся к зрителю с раскрытым свитком в руке с текстом: «Дух Господень на Мне...» Свиток с тем же текстом усваивается Младенцу и в некоторых вариантах типа Consolazione, где Спас Отрок благословляет и взглядом призывает к себе молящегося.

Проследить конкретные истоки иконографического типа Чирской трудно, но совершенно очевидна логичность поиска прототипа в круге западных памятников. Абсолютной аналогии для иконы не найдено. Кажется, замысел и композиция Чирской иконы близки образу из Охрида, где Младенец благословляет, держит в руке свиток и смотрит на подходящего к Нему за благословением. В обеих иконах Его фигура охвачена движением, выражающим духовный прорыв. Однако в охридской иконе, несмотря на изображение Младенца отвернувшимся от Матери, сильнее ощущается их внутрен-

няя связь, душевная близость. Сердечное чувство подчеркнуто выразительным пластическим рисунком фигурки ребенка — Христа, всем телом прильнувшего к Матери, и характерным жестом Марии, крепко и нежно обхватившей обеими руками ножки Сына и скорбно смотрящей на зрителя.

В Чирской иконе чувственное отношение между персонажами внешне выявлено не столь явственно. Заметно стремление заменить живой, несколько жанровый характер образа иератическими чертами, отстраненностью и строгостью. Здесь акцентированы не семейные узы, но неземной союз, в котором Богоматерь представляется мистическим престолом, на котором восседает Ее Божественный Сын.

Среди греко-итальянских (критских) икон XV в. нередки композиции, близкие иконе Чирской, с той лишь разницей, что благословляющий Младенец сидит не на левой, а на правой руке Богоматери («Декса»), в левой держит свиток, чаще развернутый, или сферу. Речь идет об уже упомянутом ранее типе икон, известном под названием Madre di Consolazione (рис. 3) и особенно популярном в XVI в. среди итальянских Madonnieri[54].

В Чирской иконе сохраняется основная схема типа Consolazione, лишь изображение Богоматери делается зеркальным, а фигура Младенца в том же ракурсе перенесена на левую руку. Иконографические отклонения касаются и некоторых частностей, както: иначе написана одежда Богоматери — каноничный мафорий и чепец, а не покрывало, застегнутое пряжкой-фибулой; несколько видоизменено положение Ее рук и направление взгляда, а также рук Младенца; причем эти детали, кроме одежды, варьируются и в итальянских образцах при сохранении общей иконографической канвы.

Одеяние Девы Марии на Чирской иконе отмечено характерной деталью: рукав Ее мафория украшен ориаментом, имитирующим греческую криптографическую надпись — черта, восходящая к форме декора мафория в довольно многочисленных византийских и постзизантийских иконах, в том числе древнерусских и итало-греческих. Как установлено Г. Бабич, такие тексты представляют собою стих псалма 44: «Вся слава Дщере Царевы внутрь, рясны златыми одеяна и преиспрещена». Наибольшее количество примеров подобного декора падает на XIV–XV вв.[55]

Определенный интерес представляет цветовое решение одежды Богоматери, конечно, при условии, если поздняя запись сохраняет его первоначальный замысел. Соотношение иссиня-темно-зеленой гаммы мафория и алых чепца и поручей говорит о влиянии западноевропейского образца. Эта палитра не соответствует византийскому канону, в то время как в работах итальянских мастеров, начиная с XIII в., все чаще встречаются в одеяниях Мадонны цветовые сочетания, к которым тяготеет иконопись псковского образа (ср. изображения Мадонны у Чимабуэ, Перуджино, Рафаэля и др.).

В облике Богоматери удерживается высокая простота греческого образа, и Она предстает сосредоточенной в Себе, с задумчиво-отрешенным взором, плавным касанием руки, кажется, успокаивающей Сына, изображению которого, как было рассмотрено выше, находим параллели в памятниках греко-итальянской живописи, испытавшей влияние поздней готики и создавшей, по Кондакову, «моленную икону с особыми, присущими ей свойствами оживления группы».

В образе Младенца привлекает замечательно выразительное сочетание статики и экспрессии: фигура застыла в сильном, немного манерном изгибе; от резкого движения взметнулись в прихотливом рисунке складки гиматия; в очертаниях слегка откинутой назад головы ощущается и внезапность порыва и созерцательный покой; необычен острый, пристальный и в то же время быстрый, как бы искоса, взгляд, источающий притягательную силу Всевидящего Ока Господня.

Именно эта последняя грань образа роднит Чирскую икону с многочисленной группой тех икон типа Consolazione, в которых идея моления н заступничества выражена

Богоматерь с младенцем "di Consolazione".
Вторая половина XV–XVI вв. Государственный Эрмитаж.
(Из коллекций Н.П. Лихачева)

Рис 3

еще более наглядно: взгляд Младенца, направленный в сторону предполагаемого предстоящего молебника, находит дополнительное объяснение в содержании надписи, обычной для икон этого типа на развернутом свитке в руке Младенца: «Дух Господень на Мне», — начальные строки 18 стиха 4 главы Евангелия от Луки, далее звучащие своеобразным «рефреном» темы моления псковичей к Богородице Чирской и в «Службе» иконе и в «Повести о знамении» — «ибо он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное».

Эта надпись как своеобразный прием текстового комментирования сцены расширяет границы образа, заставляет проникнуться его глубинной соразмерностью человеческим чувствам. Здесь пророческие слова Исайи (Ис. 61, 1–2) из субботней проповеди Иисуса в синагоге в устах Спаса-Младенца призваны обнадежить молящегося, зримо ощутить силу и полноту не только Сыновней Спасительной благодати, но и Матери Слова, милосердной заступницы за каждого человека, прибегающего под ее покров. («Тебе бо имамы надежду...» — читается в Службе иконе Чирской).

На Чирской иконе напряженный выразительный взгляд Младенца заменяет слова: свиток в его руке закрыт, но смысловой и эмоциональный подтекст иконы можно понять, если вслушаться в энергичную интонацию обращения, запечатленного в тексте свитка, раскрытого к зрителю на иконах Consolazione.

Надо отметить, что изображение Младенца на последних выглядит более спокойным и торжественным. В псковской иконе динамичный характер образа Спаса, абриса Его фигуры кажется убедительнее в своей многозначности и экспрессивности, что напоминает об особой приверженности этим качествам псковских иконописцев классической поры.

Итак, можно предположить, что прототипом иконы «Богоматерь Чирская» является итало-греческий образец, близкий типу Consolazione, известный с XV в., и, вероятно, представляющий собою икону двустороннюю, с изображением на обороте евангелиста Луки (вариант типа иконы с Родоса).

Возможно существование промежуточного списка, выполненного в конце XV–первой половине XVI в., когда оборот иконы был дополнен изображением преподобного Феодосия Печерского, о возросшем почитании которого на Псковской земле в этот период времени говорилось выше. Икона, находящаяся ныне в Троицком соборе, является списком скорее всего второй половины XVI в., дополненным рамой с изображением избранных святых, канонизированных в середине XVI в. Можно предположить, что промежуточный список представлял собою вариант композиции типа «Похвалы», отклик на которую просматривается в позднем, не существующем теперь, окладе.

Нынешняя икона, именуемая Чирской, не является чудотворным летописным образом, однако предание о нем было живо всегда и, поскольку православное почитание наделяло свойствами архетипа заменивший его список, то в глазах псковичей исчезающая, а затем возрождающаяся (в силу разных причин драматического свойства) икона под легендарным именем Чирская, по сей день обладает действенной силой святыни, о чем, при всей противоречивости и недосказанности, свидетельствует история ее почитания на Псковской земле.

---

[1] ПЛ, вып.2. М., 1955. С. 37; Евгений (Болховитинов), митрополит. История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 3 С. 56; ПЛ, вып. 2. М., 1955. С. 40; ПЛ, вып. 1. М.-Л., 1941. С. 35; ПЛ, вып. 2. М., 1955. С. 49; О

чудотворной Цареградской иконе Божией Матери, находящейся в Спасо-Елиазаровском монастыре Псковской епархии/Сост. архим. Платон. Псков, 1896.

[2] Размер иконы без рамы 61,3 × 51,2 см; с рамой – 80 x 71,12 см (дается по: Князев А. Историко-статистическое описание Псковского Троицкого собора. М., 1858. С. 43).

Сведения об иконе в литературе XIX – начала XX в. носят краткий характер, за исключением упомянутого труда А. Князева, цитируемого последующими авторами: Толстой М. Русские святыни и древности. Ч. 2. М., 1861. С. 19–20; Василев И.И. Историко-археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898. С. 18–19; Гедимин В. Прошлое г. Пскова в его исторических памятниках. Псков, 1911. С. 86–87; упоминается также в популярных трудах Е. Поселянина и С. Снессоревой, в сборниках изображений явленных и чудотворных икон Богородицы, однако икоиография Чирского образа здесь не соответствует оригиналу.

Датировки и иконографии иконы впервые коснулся Кондаков Н.П.: Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1910. С.86.

Информация в современной литературе ограничивается упоминанием или цитированием Н.П. Кондакова: Сирота И. Иконография Богоматери в Русской православной церкви. Опыт систематизации. Загорск, 1986. (канд. диссертация). Издано: Sirota Ivan. Die ikonographie der Gottesmutter in der Russischen Orthodoxen Kirche. Versuch einer Systematisierung. Wurzbung, 1992. Abb. 74; Benchev Ivan. Handbuch der Muttergottesikonen Rußlands: Gnadenbilger-Legenden-Darstellungen. Bonn; Bad Godesberg, 1985. S. 84–85. Abb. 62; Ebbinghaus Andreas. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. S. 96, 277.

[3] ПЛ, вып. 2. С. 37.

[4] Евгений (Болховитинов).История княжества Псковского... С. 115.

[5] Князев А. . Историко-статистическое описание... М., 1858. С. 43–44.

[6] ПЛ, вып. 2. С. 38.

[7] ПГОИАХМЗ, ф.Редких книг № 370. Минея (июнь-июль), вторая половина XVI в., л. 448 об. – 454; там же, Месяц ф. Ф.М.Сеченовой, № 65. Месяцеслов, конец XVI – начало XVII в., л. 121 об; там же, ф. Ф.И. Шляпкина, № 249.Сборник слов, поучений и повестей, первая половина XVIII в., ф. 249, л. 272 об. – 277 об; там же, ф. Ф.М. Лариоиова, №124. Сборник агиографический, первая половина. XVIII в., л. 34, 35.

[8] Охотникова В.И. Филофей. .// Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI вв. Л., 1989. Вып.2,ч.2. С. 470-471.

[9] Дробленкова Н.Ф. Великие Минеи Четии//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Л., 1988. Вып.2, ч.1. С. 130.

[10] Там же. С. 127.

[11] «Повесть о знамении от иконы Богоматери Чирской с Похвалой». ПГОИАХМЗ, ф. Редких книг, №370. Минея служебная (июнь-июль), вторая половина XVI в., л.449 об. (Далее текст «Повести» цитируется по этому списку.)

[12] Там же. В сборнике XVIII в. (ф. Ф.И.Шляпкина, №249, читается «во области псковской, нарицаемей Чирьска»).

[13] Голубинский Е. История Русской церкви. М., 1904. Т 2. С. 771–772; Т. 2, М., 1911. Т 2. С. 583–599.

[14] «Повесть...» Л. 449 об.

[15] Князь Феодор Александрович Ростовский – из князей, испрашиваемых от великого князя Московского, трижды правил в Пскове: 1418–1420; 1421–1424; 1424–1434 (см.: Василев И.И. Историко-археологический указатель.... С. 33).

[16] Минея..ПГОИАХМЗ, ф. Редких книг №370, .л. 438–448.

[17] Минея, сентябрь. Изд-во Московской патриархии, 1978. С. 614–626.

[18] Мирожская икона (XIII в.) была перенесена в Троицкий собор, по-видимому, не ранее случившегося чуда слезоточения в 1565 г. Тогда же было составлено «Сказание» об иконе, автором которого считается псковский священник Василий-Варлаам. Икона погибла при пожаре 1609 г. Хранящийся в Псковском музее образ Мирожской Богоматери скорее всего является «списком», выполненным в 1583 г. См.: Ляпустин А. Тексты сказаний о псковских чудотворных иконах Божией Матери//Труды Псковского церковно-археологического комитета. Псков, 1910. Т. 1. С. 97-101. Охотникова В.И. История Мирожской иконы Богоматери и литературных текстов о ней (конец XVI–XVII в.)//ТОДРЛ, СПб, 1997. Т. 50. С. 739, 740, прим. 6).

[19] ПГОИАХМЗ, ф. Зачатьевского монастыря, №118. Пролог, сентябрь-февраль, первая половина XVI в., л. 68.

[20] Ляпустин А. Тексты сказаний... С. 88.

[21] Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С.160-161.

[22] «Повест...», л. 453.

[23] Там же, л.л. 453, 453 об.

[24] Там же, л.л. 449, 449 об.

[25] Там же, л.л. 450, 451 об.

[26] Там же, л.л. 451,452.

[27] ПЛ, вып. 2. М., 1955. С. 31.

[26] В идентичной «Службе» иконе Богоматери Мирожской отсутствует. Текст цитируется по Минее: ПГОИАХМЗ, ф. Редких книг, №370, л. 440–440 об. и несколько отличается от современного.

[29] «Повесть...», л. 453 об., 454.

[30] Евгений (Болховитинов). История.... С. 168.; Толстой М. Святыни и древности... С. 20–21.

[31] Выписка из домашней летописной книги священника Козьмодемьянской церкви г. Пскова Онисима Исидоровича Негоновского, умершего 26 февраля 1819 г.//Труды ПЦИАК. Псков, 1910. Т. 1. С. 6–9.

[32] Кочетков И.А. Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII–XIX в.//Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 417, прим. 10.

[33] Псковские Епархиальные ведомости. 1894, № 12. С. 205.

[34] Князев А. Историко-статистическое описание... С. 44-45.

[35] Там же.

[36] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... С. 86.

[37] После сокрушительного пожара 1609 г., когда «погоре весь град и соборная церковь», древнейшая часть сокровищ не сохранилась. Характер собрания соборной ризницы отражен в изданиях конца XIX – начала XX в. (И.И. Василев, Н.Ф. Окулич-Казарин, А. Князев, Н. Покровский и др.): предметы драгоценной богослужебной утвари, пелены и весь иконостас относились к концу XVII или к рубежу XVII–XVIII веков, т.е. времени строительства и освящения четвертого по счету Троицкого собора (1699), и все же отдельные предметы были, видимо, спасены, это могли быть как ювелирные изделия (например, панагии конца XVI – начала XVII в. из Псковского музея), так и иконы (см.: «Повесть об исшествии триех икон» к. XVII в. : Охотникова В.И. История Мирожской иконы... С. 744–746).

[38] Изображения на откосе рамы: вверху – князь Всеволод, архангел Гавриил, преподобный Иоанн, «Троица Ветхозаветная» (вариант «Гостеприимство Авраама» типа псковской «Троицы» нач. XVI в. из собрания Щербатова в ГТГ), Иоанн Пресвитер, архангел Михаил, князь Александр Невский; справа – Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, митрополит Иона, Никита, архиепископ Новгородский, преподобные Евфросин и Савва Крыпецкий; слева – Василий Великий, Николай Чудотворец, митрополиты московские Алексей и Петр, Иоанн Киевский и Леонтий Ростовский. (Князев А. Историко-статистическое описание... С. 42, 43).

[39] На полях были изображены: вверху – апостолы Андрей, Лука, Фома, «Знамение», апостолы Филипп, Марк, Матфей; справа – апостолы Иаков, Павел, праведный Симеон с Богомладенцем, пророки Даниил, Михей, Аввакум, Елисей; слева – апостол Иоанн Богослов, апостол Петр, пророки Захария, Исайя, Иеремия, Наум, Илия; внизу – Иезекииль, Моисей, Давид, «Древо Иессеево», Соломон, Аарон, св. Иаков. (Там же).

[40] Об иконографии и функции двусторонних икон см.: Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М., 1976. С. 243–245 (библиография).

[41] Скабалланович М. Толковый Типикон. Киев, 1910. С. 166–167; Паттерсон-Шевченко Н. Иконы в литургии//Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 43.

[42] Скабалланович М.. Толковый типикон. С. 167

[43] Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода... С. 244.

[44] Смирнова Э.С. Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV в. М., 1994. С. 219–232.

[45] Евгений (Болховитинов). История.... С. 107.

[46] Киево-Печерский патерик.//Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 464.

[47] Летопись Псково-Печерского монастыря, или исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых/Сост. Ю.Г. Малков. М., 1993. С. 27–28.

[48] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... С. 68.

[49] Там же. С. 84, 27 (прим.).

[50] См. литературу в прим. 2. Встречается наименование иконы Чирской как «Богоматерь Умиление» (Псковские Епархиальные ведомости. 1894, № 12. С. 205.)

[51] Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... С. 144.

[52] Родникова И.С. Икона «Спас Недреманное Око» из Псковского музея. К истории иконографического извода (в печати).

[53] Лазарев В.Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 291–298.

[54] На Афоне в XVI в. почиталась чудотворная одноименная икона – «Отрада», («Утешение»), но иной иконографии. Среди многочисленных примеров Consolazione – иконы XV–XVI вв. из собрания в Ватикане (Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... илл. 136, 137); из коллекции академика Н.П. Лихачева. (Каталог выставки. СПб., 1993. С. 91, № 253 (илл.), 254.; из музея Реклингхаузен (Haustein-Bartsch Eva. Ikonenmuseum Recklinghausen. Augsburg, 1995. С. 50).

[55] Babić G. Le maphorion de la Vierge et le Psaume 44 (45) sur les images du XIVe siecle// ΕΥΦΡΟΣΥΝΟΝ. Athens, 1991. Т. 1. P. 57–64.

В.М. Сорокатый

СКЛАДЕНЬ «ПОХОДНАЯ ЦЕРКОВЬ» НАЧАЛА XVI в. ИЗ МОСКОВСКОГО ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ЭЛИТАРНОМ СЛОЕ ИСКУССТВА ПСКОВА

Сообщение посвящено памятнику, который стал известен сравнительно недавно. Это складень «Походная церковь» (или «Походный иконостас»), опубликованный в альбоме об иконах из московских частных коллекций[1].

Произведение сохранилось не полностью и состоит их двух разновременных частей — из девяти створок, датированных в данном издании началом XVI в. и отнесенных к московской школе, и четырех створок, датированных концом XVI в., без атрибуции. Композиция двухъярусная; полнофигурный Деисус, над которым размещен полуфигурный пророческий ряд. Перечислим имеющиеся иконы, слева: «Богоматерь и пророк Моисей», «Архангел Михаил и неизвестный пророк (Захария или Аарон?)», «Апостол Петр и пророк Даниил», «Дмитрий Солунский и пророк Михей», «Василий Великий и пророк Малахия», «Григорий Богослов и пророк Иеремия», «Онуфрий Великий и пророк Аввакум»; справа: «Иоанн Предтеча и пророк Иаков», «Архангел Гавриил и пророк Исаия»[2]. Утраченные иконы, находившиеся справа, заменены более поздними: «Апостол Павел и пророк Илья», «Великомученик Георгий и пророк Самуил», «Никола Чудотворец и пророк Захария», «Сергий Радонежский и неизвестный пророк».

Утрачен средник с изображением Спасителя, над которым, судя по имеющейся части общей композиции походного иконостаса, помещались лишь две полуфигуры пророков. Вариант с изображением в среднике Богоматери Воплощение между херувимами в данном случае невозможен. Поскольку здесь среди ближайших к среднику пророков отсутствуют изображения царей Давида и Соломона, обязательные именно для данной части пророческого ряда, можно с уверенностью полагать, что над образом Спаса были написаны именно они. Несомненно, справа имелась икона Иоанна Златоуста, парная иконе Василия Великого. Иконы мучеников, скорее всего, размещались вслед за иконами святителей. Парным Онуфрию первоначально мог быть Сергий Радонежский, как на существующей иконе, крайней справа, но это мог быть и другой святой из чина преподобных. Всего иконостас состоял из 15 икон и имел общую ширину около 131 см. Нельзя исключить, что в него входили еще какие-то иконы, например Иоанна Богослова и Андрея Первозванного, обычные для ранних деисусных чинов, но это не может повлиять на оценку сохранившейся части иконостаса.

Иконостасы с деисусным и пророческим чинами, без праздничного ряда, не были большой редкостью в Древней Руси. Например, в Новгороде, согласно составленной в 1617 г. описи церквей этого города, было четыре таких иконостаса[3]. В иконографии памятника наиболее заметной деталью является изображение Богоматери с развернутым свитком обращенной к Христу молитвы, как в иконах Богоматери Боголюбской. Это наиболее ранний пример такого изображения в деисусном чине русского иконостаса. Широкое распространение оно получило только в XVII в. С иконой Иоанна Предтечи, который тоже держит развернутый свиток, образ Марии составляет очень выразительную пару. Большой редкостью является и изображение в том же чине иконостаса Онуфрия, пустынника, подвизавшегося в IV в. в Фиваидской пустыне. Фигура парного ему в данном памятнике Сергия Радонежского (если только его икона действительно заменила более древнюю с таким же изображением) впервые включена в состав

Деисуса в небольшом московском деисусном чине из Гуслицкого монастыря (ГРМ), обычно датируемом концом XV в.[4], но созданном, скорее, в начале XVI в. Изображение пророков в сильном движении, в разнообразных позах и, кроме того, без образа Богоматери Воплощение в центре — в целом напоминает о решении пророческого чина иконостаса около 1497 г. из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря (ГТГ; ГРМ; КБИХМЗ)[5]. Но публикуемый памятник отличается тем, что в нем все пророки держат развернутые свитки, с довольно пространными для столь миниатюрных изображений текстами. Кроме того, в нем взоры пророков направлены к центру Деисуса — изображению Христа. Несомненно, свитки пророков, предвозвестивших Боговоплощение, в данном произведении сопоставлялись со свитком Иоанна Предтечи, текст которого свидетельствовал о совершении ветхозаветных пророчеств, и свитком Богоматери, с начертанными на нем словами молитвы к Сыну о милостивом снисхождении к человечеству. Таким образом, данный портативный иконостас замечателен целостностью своего содержания, последовательное проведение которого было, очевидно, обусловлено заказом. Имеющимся текстам, столь обильно включенным в художественную структуру произведения, отвечал текст Евангелия в руках Христа на утраченном среднике — несомненно, Евангелие здесь было представлено открытым — при любом варианте иконографии средника.

Произведение очень совершенно в художественном отношении. Композиция тонко сбалансирована. Нимбы фигур, составляющих Деисус, достают до нижнего обреза фигур пророков. Их объединяет золотой фон. Очень высокий (более трети высоты фигур Деисуса) позем соответствует масштабу и пропорциям фигур обоих чинов. Многофигурную композицию объединяет и тонко продуманное чередование цветовых пятен в одеяниях персонажей. Фигуры очень вытянутых пропорций, с очень маленькими головами. В Деисусе и них очень высоко поднят плечевой пояс, отчего нижние части фигур становятся еще более удлиненными. Тонкие, плавно изгибающиеся травы на поземах — на иконах Богоматери и апостола Петра — напоминают о мотивах растительного орнамента, заимствованных из западноевропейских гравюр, в частности об орнаменте заставки «Буслаевской Псалтири» 1480-х годов (РГБ)[6].

Моделировка одеяний острыми «колючими» формами напоминает новгородскую, известную по произведениям позднего XV — первой трети XVI в., но отличается от нее своеобразной избыточностью. Высветления образуют многочисленные выразительные изломы, параллельно с наиболее «выступающими» участками рельефа выстраиваются ряды точечных моделировок, подобных световым бликам.

Мастер работает высветленными красками, но его краски все-таки остаются насыщенными. Он обостряет красочные контрасты даже в мелких деталях, например в орнаменте саккоса Григория Богослова, одеяний пророка, изображенного над архангелом Михаилом. Сложная и тонкая разработка красных и зеленых тонов, многообразно сочетаемых, часто через оттенки, производные от основных тонов, последовательное извлечение из них напряженной гармонии являются весомым аргументом в пользу отнесения памятника к искусству Пскова. Лики, при их небольших размерах наделенные острой выразительностью, также сближают икону с псковской живописью.

Стиль памятника подтверждает предложенную ранее датировку началом XVI в. Он не находит очень близких аналогий в живописи Пскова данного периода. Но иконное наследие этого художественного центра до сих пор составляли лишь крупные иконостасные иконы, причем связанные своим происхождением в основном с посадскими храмами города. На их фоне «Походный иконостас» резко выделяется аристократизмом художественного языка. Он был написан псковским мастером по частному заказу, с ориентацией на художественные достижения современных ему новгородских и мос-

ковских художников. Заказчик произведения занимал высокое положение в общественной иерархии и был богословски образован.

Четыре позднейшие иконки тоже, несомненно, написаны в Пскове, что подтверждает атрибуцию более ранней части памятника.

Слово, столь обильно и органично включенное в художественную структуру памятника, найдет выражение в усложненном символизме образов живописи Пскова середины столетия.

---

[1] Брюсова В.Г. Древнерусская живопись из московских частных коллекций. М., 1998. Кат. 14. С. 48. Ил. с. 48-53. Размер каждой створки — 29 х 8,4 см.

[2] В.Г. Брюсова ошибочно определила изображение пророка Моисея как изображение Ионы (над фигурой Богоматери) и не идентифицировала пророка Иакова (над фигурой Предтечи), а на одной из поздних икон пророка Самуила (изображен над св. Георгием) назвала Амосом//там же. С. 48, 51.

[3] Сорокатый В.М. Новгородские иконостасы в XVI в.: Их состав и иконографические особенности // Русское искусство позднего Средневековья. М., 1993. С, 62.

[4] Малкин М.Г. Два живописных ансамбля круга Дионисия и его преемников // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 123-131.

[5] Лелекова О.В. Иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. 1497. М., 1988. Ил. 58-65.

[6] Попов Г.В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI в. М., 1975. Ил. 50.

Л.И. Лифшиц

ВНОВЬ О ДАТИРОВКЕ «ВАРВАРИНСКИХ ИКОН»

Две иконы из церкви Великомученицы Варвары — «Избранные святые: Варвара, Параскева, Ульяна» и «Собор Богоматери», — хранящиеся в Третьяковской галерее, являются, возможно, самыми знаменитыми памятниками псковской живописи. Введенные в науку И.Э. Грабарем и Ю.А. Олсуфьевым, они до сих пор остаются в центре внимания исследователей древнерусского искусства, высказывающих противоречивые суждения о характере их стиля и времени создания.

Не углубляясь в подробности полемики, можно сказать, что сегодня существуют две основные точки зрения на эту проблему. Одна, сформулированная в каталоге ГТГ 1963 г., написанном Н.Е. Мневой и В.И. Антоновой, и развитая М.А. Реформатской, а вслед за ней А.Н. Овчинниковым и П.В. Кишиловым, основывается на чертах сходства икон с известными новгородскими ансамблями монументальнй живописи — росписями церкви Спаса на Ильине, созданной Феофаном Греком в 1378 г., и церкви Федора Стратилата, конца 80 — начала 90-х годов XIV в. Соответственно таким аналогиям авторы этой концепции датировали иконы второй половиной — концом XIV столетия. Дополнительным обоснованием такой датировки служило удерживающееся и до сих пор в литературе представление о том, что живопись палеологовской эпохи достигает максимальной экспрессивности именно в это время. А на начало XV в. приходится фаза успокоения и гармонизации.

Иной точки зрения придерживались и продолжают на ней настаивать Г.В. Попов и Л.И. Лифшиц, за последние годы число их сторонников несколько увеличилось. По их мнению, датировка икон должна быть решительно сдвинута в XV в., причем не в самое начало столетия, что имеет принципиальное значение, а в первую четверть в случае с иконой «Избранные святые» и, возможно, даже во вторую четверть века в случае с «Собором Богоматери».

Вторая точка зрения основывается, прежде всего, на данных стилистического анализа, а также на некоторых летописных свидетельствах. Раскрытию данной позиции и посвящен настоящий доклад.

Прежде всего, необходимо с полной определенностью указать на то, что точки максимальной экспрессии палеологовский стиль достигает даже не в 1370-е, а в 50 — 60-е годы XIV в. (Иваново, Волотово, икона «Похвала Богоматери с акафистом» Успенский собор Московского Кремля и т.д.). Уже в росписи Феофана движения замедляются, формы укрупняются, с пространственного ритма акценты постепенно переносятся на пластику, моделировку статуарных, объемных изображений. В этом легко убедиться, сравнив фрески Волотова с росписями Спаса на Ильине, Ковалева, Рождества «на кладбище» и даже церкви Федора Стратилата, где формы начинают круглиться, смягчаются светотеневые контрасты, движения замедляются и становятся протяженными, («пролонгированными»), в ликах подчеркивается мягкое, чуть задумчивое выражение.

Сравнительный анализ памятников показывает, что в конце 70 — начале 80-х годов XIV в. закладываются основы той стилистической традиции, венцом которой станет творчество Андрея Рублева, созданные им и его окружением такие произведения, как миниатюры «Евангелия Хитрово», иконы «Архангел Михаил в деяниях», «Звенигородский чин», росписи Успенского собора во Владимире «Сошествие во ад» из Коломны», «Преображение» из Переславля-Залесского и, конечно, «Троица».

Особенно показательны в этом плане иконы «Деисуса» из Благовещенского собора в Москве, являющиеся памятником, эталонным для живописи конца XIV в.

При всем многообразии исполнительских манер, особенностей образных решений все, перечисленные почти наугад памятники отличаются полнотой моделировки пластической формы, подчеркнуты статуарной концепцией в передаче движения, глубиной пространственного фона, особой ролью мягкого света, просвечивающего через слои карнации в ликах и ткани одежд, определяющего принцип тонального построения колористической гаммы.

Быть может, единственный памятник, только отчасти (с точки зрения построения глубокого композиционного пространства) вписывающийся в данную концепцию, — изображение «Успения» на обороте иконы «Донской Богоматери» (ГТГ). Но и здесь следует сделать оговорку, поскольку уплотненная цветовая гамма и резкие контрасты светотени, кстати отсутствующие в живописи лицевой стороны, являются в какой-то степени следствием реставрационного поновления, тщательно проведенного Г.О. Чириковым еще до революции, в 1914 г., под наблюдением И.С. Остроухова, а затем продолженного в 1919 г.

С другой стороны, заметное усиление экспрессии отмечается в стиле живописи второго — третьего десятилетий XV в. В качестве наглядных и хорошо датируемых примеров такого усиления можно назвать миниатюру с изображением Иоанна Лествичника из «Лествицы» новгородской Софийской библиотеки (рукопись датируется по филиграням бумаги не ранее второго десятилетия XV в.), иконам иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, 1420-е годы, миниатюрам «Апостол» из Кириллова монастыря, 1410-е годы (ГРМ), фрагментам фресок церкви Рождества в Городне, 20-х гг. XV в., а также близкие к ним памятники, вроде иконы «Четырехчастная» из собрания ГТГ.

Замечательно, что логика такого развития подтверждается и надежно датируемыми памятниками псковской живописи — фрагментами фресок из храмов Довмонтова города. Росписи более ранней по времени церкви Рождества Христова, заложенной в 1387–1388 гг., находят ближайшие аналогии во фресках церкви Федора Стратилата в Новгороде; росписи второй (храм № 1, ранее считавшийся церковью Николы на Греб-

ле) церкви Воскресения 1395 г. или Святой Софии, 1415–1416 гг. И.К. Лабутина склонна отдавать предпочтение в этом вопросе атрибуции храма как церкви Софии, А. Гордин как Воскресения. А.И. Комеч и В.В. Седов предлагают датировать ее началом XV в.

Сравнение обоих комплексов росписей друг с другом позволяет заметить, как видоизменяется стиль фресок храма № 1. Он утрачивает былую живописную мягкость и подвижность, становится более сдержанным и даже напряженным. Манера письма отличается графической отчетливостью, а местами и остротой. Красочный слой утрачивает прозрачность, уплотняется, белила не проникают в глубину карнации, а ложатся поверх формы. В лицах появляется однозначность и даже некоторая стереотипность черт, выражение напряженного смотрения в даль, чего не было в росписи церкви Рождества. Встречаются отдельные фрагменты ликов, имеющих прямое сходство с типами «Варваринских икон» (лик ангела с развевающимися тороками или олицетворения ветра, дующего в трубу). Аналогии этой живописи были совершенно правильно указаны в публикациях В.Д. Белецкого — иконы первой четверти XV в., такие, как «Рождество Богоматери» из собрания П.Д. Корина и последующая за ними традиция развития — «Деисус» поясной (ТГТ, ГРМ), «Три святителя и Параскева Пятница» (ГТГ) и др.

Исходя их этого сравнения следует отдать предпочтение атрибуции храма как церкви Святой Софии, хотя и роспись церкви Воскресения, заложенной в 1395 г., могла быть создана двумя десятками лет позже, в 10-е годы XV в.

Для датировки иконы «Варвара, Параскева, Ульяна» из ГТГ, живопись которой отличается характерной контрастностью, плотностью пробелки, не проникающей в глубь красочной ткани; характерной резкой выдвинутостью фона вперед, что заставляет художника ставить фигуры в сложные позы, развертывать их плечи, растягивать форму по плоскости изображения, чтобы создать иллюзию пространственного разворота объема, удлинять пропорции, затемнять карнацию и лишать лики той мягкой моделировки, которая отличает живопись того же Пскова на рубеже столетий, не говоря уже про Москву и Новгород, более всего подходит первая четверть XV в.

О том, сколь важным признаком для живописи рубежа столетий была лессировочная прозрачность моделировки объема, свидетельствует ошибка реставраторов, считавших эту икону памятником XIV в. Стремясь найти прозрачную лессировочную живопись, они в значительной части удалили верхние слои живописи, приняв их за позднейшую запись. Сейчас можно видеть, что это привело местами к утратам красочного слоя до левкаса.

Такой вывод из анализа стиля иконы «Избранные святые» подтверждает сообщение псковской первой летописи под 1421 г. «Того же лета совершена бысть церкви камена святыя мученицы Варвары оу Опочькомъ концы» (ПІЛ. С. 34).

Еще более развитым представляется стиль второй иконы — «Собор Богоматери». Тут обращает на себя внимание наличие хорошо продуманной системы приемов стилизации эффекта глубины пространства чисто графическими приемами соотношения крупных, по-разному окрашенных плоскостей, контрастирующих друг с другом по яркости. Световая среда — фактор важнейших для живописи всего XIV в. — здесь отсутствует. Белильные света воспринимаются не как блики, а как элементы сложно проработанного ритмического узора, ни в одной точке иконы не изменяющие своей интенсивности. Пространство фона почти полностью перекрыто изображением горы, все элементы изобразительной системы предельно стилизованы. Достаточно посмотреть, каким образом мастер добивается иллюзии объемной формы — на края плоских цветовых пятен одежд, очертания которых передают не столько строение скрываемых ими объемов, сколько характер и направленность композиционного движения, наслаиваются разноцветные света: белильные, ярко-желтые (аурипигмент), желто-охряные. То же он делает при моделировке ликов.

Особенно отметим форму пробелов на горках, потерявших подвижность и легкость световых бликов и превратившихся в орнаментальные узоры, уже предвещающие будущие лещадки и «копытца» икон конца XV—XVI вв.

Плоскостность композиции мастер искусно маскирует, используя мотивы разнонаправленных, постоянно пересекающихся потоков движения, и располагая в центре иконы черное пятно пещеры, обрамленное вспышками белил, на фоне которого пламенеет трон Богоматери, олицетворяющий скинию Нового Завета.

Столь же виртуозно кратким приемом он пишет скуластые лики с глубокими провалами небольших глазниц, акцентированными штрихам белил или аурипигмента. Высветления наносятся в два слоя на ровную однотонную заливку темно-коричневого бакана, очерченную тонким черным теневым контуром. Первый слой — небольшое пятно неплотной прокладки аурипигмента или охры, оттененное небольшими мазками подрумянки, а поверх него — короткие, плотные и раздельные мазки или штришки белил.

Характерно для живописи второй четверти XV в. и то предпочтение, которое он отдает профильным разворотам ликов. Моделируется только сторона, обращенная зрителю, а отдаленная затемнена и выделяется либо контурным очерком, либо, что делается чаще, выступающими частями — носом, подбородком, даже губами, отчего лики приобретают немного гротесковый вид.

Живопись этой иконы отражает этап стиля, ближайший к росписи Мелетова 1465 г.

И.М. Стець

ПСКОВСКИЕ МАСТЕРА В ЗОДЧЕСТВЕ РОССИИ XVI в.

XVI в. в истории Российского государства имеет особое значение. Это период не только становления единого Российского государства, но и единой общерусской культуры, которая вобрала в себя традиции и культурные ценности всех народов, вошедших в его состав. В этой связи следует отметить большое значение и вклад, который внес Псков, имевший к XVI в. своеобразную, многоплановую, богатую традициями культуру с глубокими историческими корнями. Особое место в этой области принадлежало архитектуре.

В первой половине XVI в. псковское зодчество вступило в период своего расцвета. Мастерство его творцов выражалось в разнообразии форм и конструктивных приемов, пластической цельности архитектурного убранства и гармоничном слиянии с окружающей природой. Но особо славились псковские мастера своим умением возводить оборонные сооружения. Псковская крепость, которая на протяжении веков являлась пограничным рубежом на северо-западных окраинах Руси, долгое время почиталась одной из самых мощных и неприступных. Потому, когда в средине XVI в. возникла необходимость укрепления восточных границ Русского государства, для возведения Казанской крепости были вызваны псковские мастера.

Цитадель столицы Казанского ханства (1445–1552), занимавшая северную часть территории современного кремля, была обнесена крепкими дубовыми стенами, толщиной до девяти метров, с круговым обходом и бойницами, прорезанными в парапетной стенке верхнего яруса, с четырьмя проездными башнями, известными под названиями Нур-Али, Елабуга, Больших и Теменских ворот.

Полоса топких болотистых лугов, расположенных на противоположном берегу Казанки, за которыми тянулись дремучие леса, служила дополнительной преградой против нашествия врагов с северо-запада. Илистый Булак защищал крепость с запада

и юго-запада. Только с юго-востока, где кремлевский холм постепенно переходил в равнину, природные условия были менее благоприятными. Но с этой стороны рвы были особенно глубокими, а стены высокими, и современникам крепость казалась неприступной твердыней. «Град же Казань тверд бяше паче меры, подобен каменной горе», - писал неизвестный сочинитель XVI в., автор «Истории о Казанском царстве»[1]. Подтверждает это и участник осады Казани в 1552 г. князь Андрей Курбский: «..а от Казань-реки гора так высока, иже оком возрити прикро; на ней же град стоит и палаты царские и мечети зело высокие, мурованные, идеже их умершие царие клались, числом памятимися, пять их»[2].

При взятии Казань очень сильно пострадала. Огромный пожар и разрушения произошли и в посаде, и в крепости. Необходимо было произвести очистку улиц, ремонт зданий и построить новые, а также быстрее укрепить город. В 1552 г., сразу же после завоевания Казани русскими, поврежденные во время военных действий дубовые стены были спешно исправлены. Приступить же к сооружению белокаменных укреплений политическая обстановка в завоеванном, но еще не покоренном крае позволила лишь спустя четыре года.

Царь настолько был озабочен возведением Казанской крепости, что поручил эту работу выдающемуся зодчему Постнику Яковлеву, хотя тот только за год до этого приступил к постройке Покровского собора (Василия Блаженного) в Москве. Вместе с ним в Казань прибывают более двухсот строителей-каменщиков из Пскова. К середине XVI в. мастерство псковских строителей настолько высоко и авторитетно, что Иван Грозный именно их вызывает своей грамотой:

«От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, в нашу отчину и Великий Новгород, дьяком нашим Федору Еремееву и Казарину Дубровскому. Велел есми псковскому дьяку Шершню Билибину, да старостам псковским Богдану Ковырину да Семену Мизинову, да с ними церковному и городовому мастеру Постнику Яковлеву, да каменщиком псковским Ивашку Ширяю со товарищи, к весне, в Казани новой город Казань камень делати, прибрати двесте человек псковских каменщиков, стенщиков да ломцов, сколько будет человек пригоже; да и то есми им велел сметити и на список написати, сколько тем каменщиком и ломцом надобе ломовые снасти, чем камень ломити, ломов, и кирек, и жели, и заступов, и лопат, и иные всякие снасти, чем камень ломити...Писан на Москве, лета 7064 (1555), декабря в 15 день»[3].

Территория кремля при постройках в 1556 г. увеличилась на 120 метров в длину и значительно превзошла площадь ханской крепости (рис. 1, 2). Главный въезд в Кремль проходил через Спасские ворота с башней и церковью. Стены были сложены из волжского белого известняка, имели два ряда бойниц — нижних и верхних, у которых размещались многочисленные пушки и пищали. На стенах и башнях «денно и нощно» дежурили вооруженные стрельцы. Въезд в «город» преграждался глубоким рвом и крепкими воротами пяти проезжих башен, запиравшимися по удару колокола каждую ночь.

Псковские мастера строили и соседнюю прямоугольную в плане двухъярусную Преображенскую проездную башню. Следы ее арочного проема, заложенного при ремонте стены после крестьянского восстания 1774 г., отчетливо видны и сейчас. Возведенная на месте Теменских ворот на углу ханской цитадели, эта башня показывает, насколько по сравнению с южной границей татарской крепости выдвинулась параллельная ей стена Кремля Ивана IV.

Первой от угла на северной крепостной стене стоит Тайницкая проездная башня, главный въезд в Кремль с этой стороны. Изначально названная Никольской Тайницкая башня воздвигнута на месте взорванной при осаде Казани Иваном IV башни Нур-Али (Муралеевой, как называли ее русские). Свое название она получила от тайного

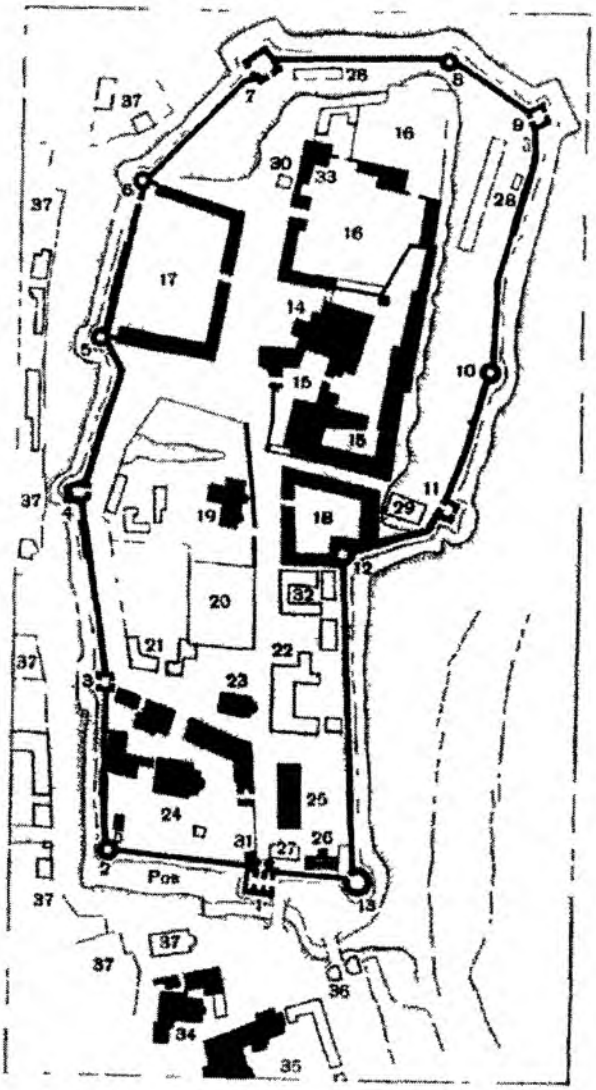


Рис. 1. План Казанского кремля:

1 — Спасская башня; 2 — юго-западная башня; 3 — Преображенская башня; 4 — Многогранная башня; 5 — Безымянная башня; 6 — северо-западная круглая башня; 7 — Тайницкая башня; 8 — северная круглая башня; 9 — Воскресенская башня; 10 — восточная круглая башня; 11— Дмитриевская башня; 12 — Консисторская башня; 13 — юго-восточная круглая башня; 14 — Благовещенский собор; 15 — Архиерейский дом; 16 — обер-комендантский дом; 17 — артиллерийский пушечный двор; 18 — архиерейский конюшенный двор; 19 — монастырь, приписанный к Троице-Сергиевой лавре; 20 — сад; 21— конюшенный двор Спасского монастыря; 22 — губернаторский ветхий дом; 23 — церковь Киприана и Иустины, 24 — Спасо-Преображенский монастырь; 25 — строящаяся губернская канцелярия; 26 — кладовая палата для денежной казны; 27 — гауптвахта; 28 — соляные амбары; 29 — мучной магазин, 30 — обер-комендантская канцелярия; 31— караульня у ворот; 32 — бывшая ветхая канцелярия; 33 — дворцовая церковь сошествия Св. Духа; 34 — Ивановский монастырь; 35 — Гостиный двор; 36 — Триумфальная арка; 37 — обывательские строения и приходские церкви

подземного хода, который был расположен в башне и вел к источнику, из которого осажденные брали воду. Этот ход был уничтожен взрывом вместе с башней.

Суровый облик, свойственный древнерусским псковским оборонным сооружениям, в основном сохранили обе круглые угловые башни южной стены с врезанными в толщу стен бойницами, лишенные всякого декора, за исключением поясков, отделяющих верхний ярус от нижнего. Хорошо заметны и следы зубчатых парапетов, ограждавших верхние боевые площадки, изначально не перекрытые, как в настоящее время, конусообразной крышей.

Стремясь усилить свое влияние в завоеванном крае, русское правительство в 1555 г. учреждает Казанскую архиепископию. Первый казанский архиепископ Гурий получил наказ от царя и митрополита проводить миссионерскую деятельность среди мусульман и язычников. Прибыв в Казань, представители церковной власти усиленно занялись строительством церквей и монастырей. К шестидесятым годам XVI в. на террито-

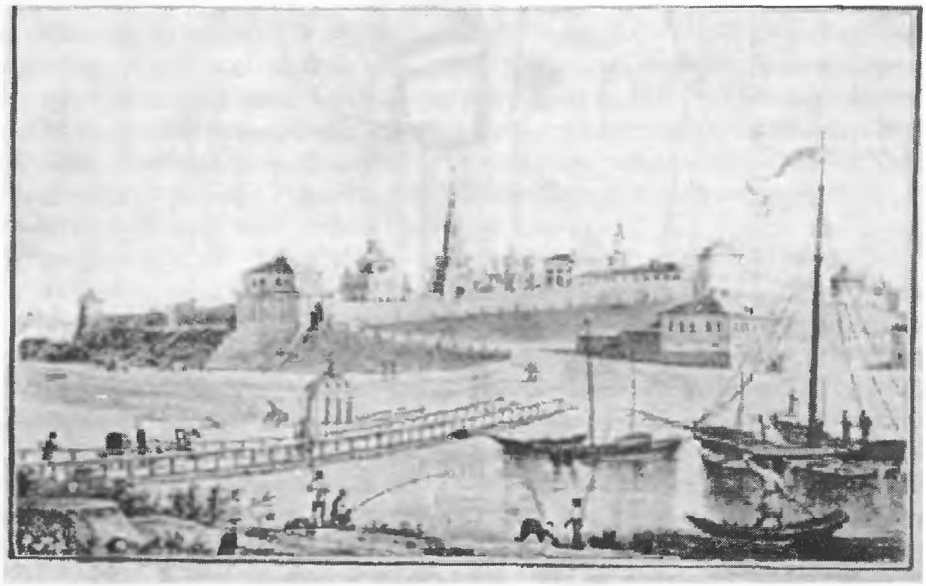


Рис. 2. Вид Казанской крепости. Литография В.С. Турина 1830 г.

(слева — юго-восточная башня; справа — Тайницкая башня)

рии Кремля возвышалось уже десять церквей и два монастыря: Спасо-Преображенский и Троицкий. Троицкий был снесен в XVIII в., от Спасо-Преображенского монастыря до наших дней дошли развалины конюшенного двора. В возведении Спасо-Преображенского монастыря также принимали участие псковские строители.

Благовещенский собор — древнейшее сооружение на территории Кремля. Собор был заложен Иваном Грозным на месте разрушенной главной мечети в ознаменование своей победы и торжества христианства над мусульманством.

Деревянная церковка была срублена в три дня. К сооружению же белокаменного пятиглавого трехапсидного шестистолпного Благовещенского храма приступили только в 1556 г. Строителями его были те же псковские мастера, которые в эти же годы возводили кремлевские стены и башни.

Освящение собора состоялось в 1562 г. В XVIII в. он перенес многочисленные существенные переделки: шлемовидные маковицы были заменены луковичными, а центральная глава получила новое завершение в стиле украинского барокко, что существенно нарушило его масштабность. Появилась крытая галерея, соединившая собор с архиерейским домом, а с западной стороны была пристроена трапезная, еще больше исказившая облик всего сооружения.

Рис. 3. Благовещенский собор. Фрагмент центральной апсиды (1556–1562)

Но полоса типично псковского орнамента на барабане центральной главы, проходящая поверху средней апсиды, как и аркатурный пояс, свидетельствуют о том, что здание было построено псковскими мастерами в XVI в. (рис. 3).

В шестидесятых годах в Кремле имелось уже свыше ста пятидесяти дворов. В боярских хоромах жили пять воевод, дьяки и духовенство. Дворы поменьше занимали средние военные «служилые» люди. Здесь находилось поместье архиепископа, церковные постройки (рис. 4), военные склады, главное административное учреждение — «изба дьячья» и три тюрьмы.

Английский путешественник Дженкинсон, проезжавший через Казань в 1558 г., писал: «Казань — прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящим на высоком холме. Замок был обнесен валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал теперь снести старые стены и выстроить новые из белого камня»[4].

Рис. 4. Сергиевская церковь и трапезная Иоанно-Предтеченского монастыря

Вокруг Кремля складывается посад, который к шестидесятым годам по размерам превосходит прежний татарский. В посаде проходило четыре-пять больших прямых улиц и множество кривых переулков и тупиков по неровностям местности. Все постройки были деревянные. Многочисленные жители селились отдельными группами по их происхождению или занятию.

Так появились улицы: Псковская, Вологодская, Ярославская, Кожевенная и Ямская. «Около половины всего населения посада были ремесленниками. Среди них наибольшее количество составляли купцы, плотники, серебряники, медники, скорняки, сапожники и т.д. Писцовые книги называют более ста разновидностей ремесел, которые были тогда представлены в Казани. Посад наполнился «переведенцами», переселившимися из многих русских городов. Тут были псковичи, москвичи, костромичи, владимирцы, нижегородцы, муромцы, ярославцы и представители многих других мест. Они несли с собой обычаи и традиции родных краев, взаимодействовавшие между собой и складывавшиеся в новую культурно-бытовую традицию»[5].

Псковские строители проработали в Казани до 1563 г., когда в связи с необходимостью укрепления Пскова к предстоящей Ливонской войне они должны были вернуться в Псков. За эти восемь лет они приняли участие в строительстве не только Казанского кремля, но и Свияжска.

Свияжск был основан Иваном Грозным в 1551 г. после нескольких неудачных походов на Казань (рис. 5). Грозный решил построить крепость на подступах к Казани. Место было выбрано на правом высоком обрывистом берегу Волги в тридцати километрах от ставки казанского хана. Две реки — Свияга и Щука — и непересыхающее болото обеспечивали надежную защиту крепости и сохранение втайне ее возведение. Будущий город был срублен на Русской земле, а затем размеченные бревна были перевезены и собраны уже под Казанью. Вся работа была проведена за один месяц. Во владениях казанского хана выросла первоклассная, по понятиям того времени, русская крепость. Она включала в себя восемнадцать башен, Троицкий собор и Рождественскую церковь, а также все строения, необходимые для воинского гарнизона. К шестидесятым годам Свияжск оставался военной цитаделью и одновременно торговым пунктом, снабжавшим армию всем необходимым.

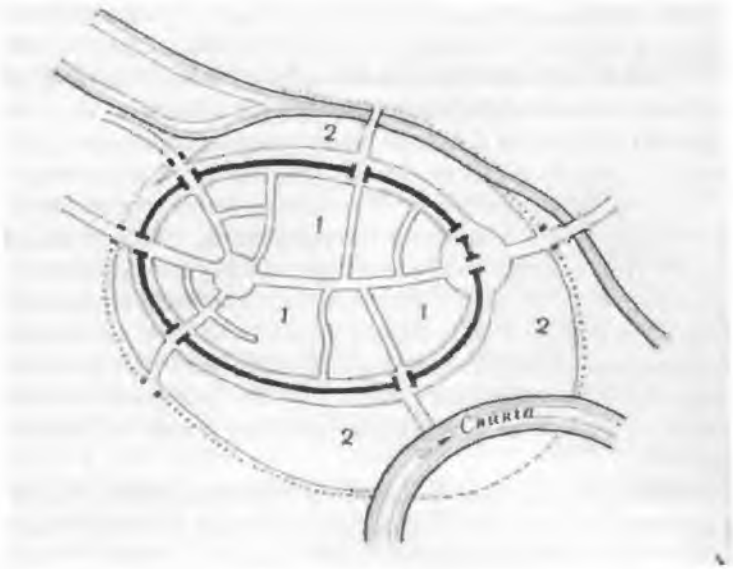


Рис. 5. План древней крепости Свияжска: 1 — кремль; 2 — слободы

Архиепископ Гурий, прибывший в Казань в 1555 г., не оставил своим вниманием и Свияжск. В южной части города, на возвышении, он основал Успенский монастырь, настоятелем Успенского монастыря был назначен архимандрит Герман. Под его руководством были возведены белокаменный Успенский собор и Никольская трапезная церковь, хорошо сохранившиеся до нашего времени (рис. 6).

Совершенно очевидно, что эти два сооружения также были созданы псковскими каменщиками. Успенский собор был освящен 12 сентября 1560 г. Одноглавый храм Успения Богородицы был поставлен на подцерковье и имел почти квадратное в плане основание, четыре широко расставленных столба, полукруглую центральную, две по-

Рис. 6. Успенский собор (1556–1560) и Никольская трапезная церковь (1555–1556) Успенского монастыря

ниженные боковые апсиды и открытую паперть. Покрыт он был пофронтонно на восемь скатов. Фасад обработан по-псковски: четыре лопатки, стянутые вверху лопастными арками. По углам фасад акцентировался строгими красивыми щипцами. Глава храма была увенчена шлемовидной маковкой, а большой барабан украшен узкими окнами с бровками. Верх барабана и апсиды декорированы нарядным поясом из бегунков, поребриков и полуциркульных арочек. Но уже с XVII в. собор начал подвергаться переделкам. Они существенно изменили его образ, но не смогли за почти четыре с половиной столетия скрыть его типично псковские черты. Мотивы, характерные для псковской архитектуры, и сегодня отчетливо проступают в этом соборе.

Почти одновременно с Успенским собором была заложена Никольская трапезная церковь, освящена она была в 1556 г. Изначально это была почти квадратная в плане одноглавая белокаменная восьмискатная церковь псковского типа, имела тесовую кровлю, позднее замененную на железную. Стены были оштукатурены и побелены, главки колокольни и храма позолочены, а небольшая маковица главы над трапезной покрыта зеленой черепицей.

Краткое описание, составленное Борисовым и Кикиным спустя каких-нибудь десять лет после окончания строительства, гласит: «...церковь Николы-Чудотворца и трапеза теплая камена, а под нею шесть служб, две стены трапезные и с церковью по четырнадцать сажен и две стены по десять сажен»[6].

Стены трапезной и церкви были сложены из тесаного белого камня. Из него же был построен и четырехъярусный четверик колокольни. Колокольня имела большие часы и пять колоколов. «...да в монастыре колокольня каменная над входом над трапезным, а сверху на колокольне часы большие Государева данья, да пять колоколов, два звонные, а три больши тех»[7].

Таким образом, можно говорить о несомненном влиянии псковских мастеров XVI в. на формирование облика казанской архитектуры после вступления Казани в состав Русского государства, а также и о значительном вкладе в зарождающуюся культуру единого Русского государства.

Данная статья, отнюдь не претендуя на историко-архитектурное исследование, обращает внимание лишь на определенные страницы истории российской культуры. Несомненно, вопрос влияния псковской архитектурной школы, берущей начало от зодчего Кирилла и имеющей объективные особенности, требует более серьезного и детального изучения.

---

[1] Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Древняя Казань глазами историков и современников. Казань, 1996. С.173.

[2] Курбский Андрей. История о великом князе московском (подг. текста А.А. Цехановича, перевод А.А.Алексеева) //Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М.,1986. С.244

[3] Дополнение к актам историческим. СПб.,1846.Т.1. № 82. С.167.

[4] Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Древняя Казань глазами историков и современников. С.83.

[5] Гарзавина А.В., Новицкий А.И. Моя Казань: Исторический и архитектурно-художественный облик. Казань,1984.С27.

[6] Фехнер М.В. Великие Булгары. Казань. Свияжск. М., 1978. С. 253.

[7] Там же. С. 252.

И.Б. Голубева

ПСКОВСКАЯ ШКОЛА РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Необходимость осознанного сохранения и возобновления архитектурного наследия древнерусского города появилась в эпоху, когда были накоплены знания об историческом прошлом и настало время оценок этого прошлого. В Пскове историко-культурная шкала оценок складывалась на протяжении XIX столетия благодаря фундаментальным трудам Евгения Болховитинова (архиепископа), деятельности членов Псковской археологической комиссии и позднее, на рубеже XIX–XX вв., Псковского археологического общества. Большое влияние на оценку псковской архитектурной старины оказали Императорское археологическое общество, Императорская Археологическая комиссия и Императорская академия художеств. Благодаря их усилиям к концу XIX в. была предпринята попытка систематизации памятников церковного зодчества Пскова (составление метрик храмов Псковской губернии).

На настоящий момент можно констатировать, что изучение псковской старины развивалось в русле общероссийского историко-культурного процесса. В XIX в. определились приоритеты и типология архитектурных памятников, подлежащих безусловному сохранению. Первоочередное внимание ученых знатоков и краеведов привлекали комплексы и здания, связанные с крупными историческими событиями, духовными проявлениями или личностями, сыгравшими роль в истории Пскова. Результатом историко-архитектурного изучения древних зданий и итогом публицистических выступлений ученых, призывавших сохранять и поддерживать древние строения, стало зарождение основ практической научной реставрации.

Первым представителем реставрационного дела в Пскове был петербургский инженер Петр Петрович Покрышкин. На рубеже XIX — в начале XX в. П.П. Покрышкин являлся постоянным куратором над памятниками архитектуры Пскова от Императорского археологического общества. Он не только предпринимал исследовательские поездки в губернию, где изучал отдельные церковные здания, но и занимался фотофиксацией, вел дневниковые записи о состоянии древних зданий, составил картотеку памятников псковского зодчества. Кроме того, в обязанности П.П. Покрышкина входил надзор за деятельностью губернских и епархиальных архитекторов и согласование различных изменений и перестроек древних зданий[1].

Благодаря помощи Покрышкина в Пскове были сохранены церковь Иоанна Богослова на Мишариной Горе (XVI в.), церковь Покрова и Рождества от Пролома (XVI в.), значительные участки крепостных стен Запсковья. Наиболее серьезная работа Покрышкина — укрепление конструкций церкви Сергия с Залужья в г. Пскове (XVI в.). Помимо этого Покрышкин исследовал особенности строительной техники псковичей и технологию ведения плитяной кладки. Деятельность П.П. Покрышкина в Пскове еще не оценена в полной мере, но по имеющимся материалам можно констатировать, что он был сторонником докомпоновок элементов и несущих конструкций зданий по сохранившимся следам с использованием традиционных материалов и технологий. Покрышкин не только допускал, но и рекомендовал практическое применение аналогов, характерных для данного типа памятников. В то же время, при необходимости расширения древних церковных зданий новыми приделами и притворами (по просьбе прихожан и причта), Покрышкин согласовывал строительство в новом материале, сам предлагал варианты неконфликтного вмешательства в композицию здания.

Таковы были основы методики реставрации псковских памятников, заложенные представителем научной общественности и инженером-практиком П.П. Покрышкиным в начале XX в. В советский период научный и практический опыт П.П. Покрышкина долгое время оставался невостребованным, так как специфических реставрационных работ на памятниках не производилось. Ремонты и починки зданий велись на очень низком качественном уровне. В определенной степени последователем Покрышкина можно считать К.К.Романова, но он работал в другую эпоху. Его деятельность была скорее научно-фиксационной, проходившей в сложнейший период формальных деклараций о сохранении архитектурного наследия, а фактически — во время грабежа и намеренного разрушения памятников.

1930-е гг.

Внимание к памятникам архитектуры активизировалось в 1930–1933 гг. В Пскове этот процесс принял противоречивые формы. Так, признанные еще до октябрьского переворота ценными древние здания, переданные в ведение Псковского музея, частично были поставлены на очередь для ремонтов. Историко-архитектурные достоинства других памятников занижались, и здания рекомендовано было разобрать. К таким памятникам относилась Благовещенская церковь в Кремле, Вознесенская церковь Снетогорского монастыря. Акты об их плохом техническом состоянии и заключения о возможности сноса и частичной разборки в 1931–1933 гг. подписаны И.Н. Ларионовым, В. Богусевичем, Разовым, Вагером, Гравелем[2].

Понятно, что за этими документами обозначается ситуация, более сложная, чем простое непонимание и спокойная безответственность работников музея, но судить об этом невозможно без детального изучения обстановки, в которой принимались подобные решения.

В целом же церковные и гражданские здания, намеченные к ремонтам (хотя средств и материалов не было), предназначались к использованию под склады, клубы, иногда — жилье. Хотя представители музея признавали ценность и необходимость сохранения крепостных сооружений и даже планировали ремонт Гремячей, Мстиславской и Михайловской башен, а также капитальный ремонт стен Кремля[3], но явно не могли понять, какие утилитарные выгоды можно извлечь из этих памятников.

Впрочем, здесь не обошлось без исключений. В 1939–1940-х годах был проведен ремонт и приспособление для жилых помещений вторых палат Меншиковых (XVII в.)[4]. Ремонт проходил под непосредственным руководством Ю.П. Спегальского, уже тогда увлеченного памятниками гражданской архитектуры Пскова. По определению самого Спегальского, выполненные работы квалифицировались как ремонтно-реставрационные. Что же входило в их состав?

Во-первых, исследование памятника путем вскрытия конструкций зондажами. Это дало возможность изучить строительную периодизацию здания и сделать ряд выводов о его первоначальных формах.

Во-вторых, выведение памятника из тяжелого аварийного состояния.

В-третьих, восстановление по сохранившимся следам утраченных конструкций и деталей памятника, а также использование образцов-аналогов самого памятника.

И наконец, возобновление первоначального декора с докомпоновками в новом материале, но по традиционным технологиям. Впоследствии Спегальским был предложен проект реставрации памятника на основании проведенного исследования и обобщающих выводов.

Все работы, проведенные Спегальским в 1939–1940-х годах, показывают два основных направления реставрационной специфики предвоенного периода. Первое: производство работ было направлено на спасение здания независимо от того, в какой мере

могли быть выполнены научные исследования. Возможно, не будь на объекте Спегальского, большая часть реставрационных работ не была бы выполнена просто по отсутствию квалификации у руководителей работ.

Второе: научно-исследовательское направление, заданное Спегальским в процессе производства работ, зиждилось исключительно на его энтузиазме и личной заинтересованности. Об этом косвенно свидетельствуют упоминания в Описании: «...составленная смета на работы совершенно не отражала этих задач (реставрационных — И.Г.), но задачи реставрации не могли быть иными и не было никакой надобности считаться с безграмотной сметой»[5] (вероятно, специфические реставрационные технологии не были предусмотрены сметой, не говоря уже об исследовании). Об этом прямо свидетельствует почти полное отсутствие фиксационных чертежей и фотографий, введенных в реставрационную практику еще в начале XX в. И, наконец, об этом можно догадаться по тому факту, что в 1941 г. Спегальский уже не работал на памятнике, не успел довести исследование до конца, хотя производство строительных работ продолжалось[6].

Таким образом, вырисовывается противоречивая картина положения дел реставрации в конце 1930-х гг. Любопытно, что она не изменилась и в следующий период, несмотря на государственную политику конца 1940 — начала 1950-х гг.

Послевоенный период. I этап.

Для послевоенного времени характерны глобальный масштаб разрушений объемно-пространственной среды Пскова, которая в предвоенный период оставалась в состоянии естественной консервации, в основном из-за недостатка средств. Основной задачей послевоенных реставрационных ремонтов было устройство кровель над памятниками, меры по защите сводов и минимальное пассивное приспособление зданий. Вновь вошло в практику использование церковных зданий для складских нужд, гражданских — для жилья. При дефиците жилого фонда, утраченного на 44%, сохранившиеся капитальные здания эксплуатировались более активно, чем перед войной. Что касается системы крепостных сооружений, то после войны стены и башни находились в том же руинированном состоянии, что и прежде, начиная с XVIIIв.

Еще в 1946 г., после организации производственной мастерской, в ней работали высланные из Ленинграда архитекторы немецкого происхождения Г.Е. Гедике, К.А. Дидрихс, а также архитектор Э.П. Штольцер[7]. В 1944–1948 гг. работал здесь и Ю.П. Спегальский. У него в это время появилась возможность изучения гражданских и церковных зданий, поскольку многие из них были лишены штукатурного слоя и открывали следы переделок, по которым читалась строительная история зданий.

Основной особенностью этого периода было совмещение производства работ и исследования памятника. Приспособление зданий к новым функциям вызывало необходимость обмера и фиксации его особенностей, предостерегало архитектора в процессе проектирования от неоправданных переделок. Разумеется, полный комплекс работ проводился не на всех памятниках: чаще всего приспособления начала 1950-х гг. были минимальными.

К неизбежным недостаткам фиксации памятников этого периода относится ограничение сроков производства работ, авральная система и, как следствие, недостаточность исследовательского материала и аргументации в проектных решениях, а далее — фрагментарность произведенной реставрации. Кроме того, исследователи начала 1950-х годов были лишены возможности работы с письменными источниками и ориентировались на доступные им издания, не проводя источниковедческого анализа, что приводило к отсутствию критического взгляда на данные издания.

И все же благодаря послевоенным противоаварийным и ремонтно-реставрационным работам был очерчен круг проблем, без решения которых стало немыслима дея-

тельность реставраторов. Решение одних вопросов находилось в стадии разработки (обмер, фиксация, исследование); другие вовсе были в зачаточном состоянии (историко-архивные изыскания, археология). Методические установки совершенно определенно были ориентированы на реставрацию памятника «на первоначальную» или, в крайнем случае, оптимальную дату. В этой связи показателен цикл реставрационных работ 1949 г., проведенных П.Н. Максимовым в соборе Рождества Иоанна Предтечи. Реставратор выделил первоначальный объем памятника, оставил характерные детали — звонницу XVв. и притвор XVII в., возобновил позакомарное покрытие собора и шлемовидные главы. Полностью были удалены поздние северный придел и южный притвор, частично разрушенные во время войны.

II этап. Псковский кремль.

Качественно новый период в истории реставрации памятников архитектуры Пскова наступил после принятия Постановления Совета министров РСФСР от 17 мая 1952 г. № 3838 «О восстановлении Новгородского и Псковского кремлей». Широкий фронт реставрационных работ развернулся в середине 1950-х гг., когда было обеспечено финансирование Постановления.

В Кремле были начаты не только архитектурно-археологические исследования, но и сложные работы по выпрямлению деформированных крепостных стен. Работа по сохранению руинированной каменной кладки была положена во главу угла всех последующих реставрационных мероприятий. Руководство восстановлением Псковского кремля было поручено московскому архитектору-реставратору Алексею Ивановичу Хамцову.

Вместе с тем методическая установка, заданная Постановлением, была ориентирована на целостное воссоздание крепостных сооружений Кремля, утраченных уже в течение 250 лет. Судя по сохранившимся фотографиям, утраты были неравномерными: основания стен и башен, скрытые земляными бастионами XVIII в., сохранились в большем объеме (западные побережные стены, северный угол, Перси); некоторые же участки стен были утрачены до основания (восточные прясла стен, Средняя башня). А.И. Хамцовым был создан проект воссоздания ансамбля Псковского кремля, включая стены Довмонтова города. Утраченные объемы были смоделированы на основании иконографических источников и письменных документов XVII в. Кроме того, Хамцовым был выполнен проект реставрации Приказной палаты и позднее — Власьевской башни.

Большой размах восстановительных работ обусловил их продолжительность: они растянулись почти на 35 лет, хотя основной объем — западная стена, лицо средневекового города, были выполнены уже к началу 1960-х гг. Сезонные архитектурно-археологические исследования проводились под руководством М.Х. Алешковского, выдвинувшего концепцию исторического градообразования Псковского Крома. Помимо этого было продолжено начатое еще перед войной К.К. Романовым изучение культурного слоя городища. Экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Г.П. Гроздилова, а позднее — В.Д. Белецкого впервые было предпринято архитектурно-археологическое исследование Довмонтова города, которое принесло уникальную информацию о жизнедеятельности и культуре средневекового Пскова.

На основании материалов, имеющихся в архиве Псковского института «Спецпроектреставрация», можно сделать вывод, что изучение памятников, проведенное А.И. Хамцовым, отличалось тщательностью и подробностью фиксаций, безупречной логикой в раскрытии строительной периодизации сохранившихся фрагментов. Что касается архитектурных докомпоновок в завершении башен и крепостных стен, то метод проектирования базировался на уже упомянутой художественной иконографии и привлечении в качестве аналогов ряда памятников оборонного зодчества Русского Севера (Соловецкий монастырь).

На стенах и башнях Кремля использованы методические приемы, цель которых — создание информационного ряда, связанного с исторической хронологией жизни памятника. К подобным приемам относятся открытые зондажи с фрагментами подлинной кладки стен, арок, ярусов Плоской и Кутней башен. К такому же приему относятся и фрагменты известковой затирки стен (новые), свидетельствующие о былой обмазке всех крепостных сооружений Пскова.

Одним словом, в работе над воссозданием ансамбля Псковского кремля был продемонстрирован высокий профессиональный уровень научного исследования и соответствующий своему времени (середине 1950-х гг.) уровень социально-политического заказа.

Инерция данного заказа сохраняется до настоящего времени. В области законодательства и методологии научной реставрации начиная с 1960-х гг. произошли радикальные изменения. В связи с урбанизацией городского пространства заостряется проблема сохранения культурных ценностей, а международный опыт реставрации склоняется в сторону неразрушающих методов и технологий в деле реставрации памятников. В Псковском же кремле продолжается моделирование утраченных памятников по образцу 1953 г., с той разницей, что исследование натурных остатков свелось к минимуму, а современное реставрационное обоснование отсутствует (юго-восточное прясло, Часовая башня, Пороховой погреб).

Однако послевоенные реставрационные работы не ограничились воссозданием ансамбля Псковского кремля. В 1953–1956 гг. в производственной мастерской сформировалась группа профессиональных архитекторов-реставраторов с индивидуальным опытом работы на местных памятниках архитектуры. Часть их была выпускниками Ленинградских учебных заведений: В.А. Лебедева, В.П. Смирнов, Н.С. Рахманина, Б.С. Скобельцын. Архитекторы М.И. Семенов и Ю.В. Сусленников обучались в Псковском строительном техникуме.

Безусловное влияние на работу проектной группы оказывали широко развернутые работы в Псковском кремле. Реставрация крепостных стен за пределами Кремля и Довмонтова города, вдоль береговой линии реки Великой, была поручена Б.С. Скобельцыну и Ю.В. Сусленникову. Крайне неравномерное финансирование этих работ стало причиной того, что реставрация этих участков растянулась до конца 1970-х гг. Но эта же скудость финансирования послужила тому, что работы были ограничены лишь необходимым укреплением аварийных участков (способом наружной облицовки) и фрагментарным воссозданием показательных участков стен. В 1950–1960-е гг. псковским архитекторам удалось избежать необоснованного моделирования почти полностью утраченных крепостных сооружений.

Покровский комплекс.

Крупнейшим объектом, на котором работали псковские реставраторы с 1953 г., стал Покровский комплекс. Значение этого участка в историко-градостроительной системе древнего Пскова столь велико и конкретно, что может быть сопоставлено со значением Кремля. Вернуть Покровский комплекс к активной жизни означало показать непрерывность исторического процесса и обозначить яркие, эпохальные события, связанные с этим местом.

К началу работ Покровский комплекс представлял собой один из заброшенных уголков Пскова, несмотря на то что находился почти в центральной части города. Это было тупиковое пространство, сохранившее несколько старых деревянных домов и маленькую церковь, занятую складом.

Работы начались с раскопок земляной насыпи бывшего Покровского бастиона. Далее был раскрыт весь каменный объем башни, примыкающих к ней прясел стен и

западные Покровские ворота. В процессе работ, по рекомендации П.Н. Максимова[8], производилась детальная фотофиксация раскрытий. Освобожденные от земли башня и стены были тщательно обмерены и исследованы, после чего руководителем работ, архитектором В.П. Смирновым, был выполнен эскизный проект реставрации башни.

Основная методика реставрации заключалась в возобновлении тех участков каменной кладки, которые были крайне деструктированы. На участках, где лицевая кладка сохранилась, она была укреплена и оставлена без изменений. Основной объем каменных работ заключался в докомпоновке завершений: зубцов стен и верхнего яруса башни, в облицовке стен и полов ходовых площадок, лестниц, ворот. Как видно из этого перечня, объем нововведений на сложном и крупном памятнике был вызван функциональной необходимостью: в первую очередь сохранением объекта и во-вторую — выявлением его архитектурных достоинств. Особое место в истории и методике реставрации Покровской башни занимает вопрос о шатровом покрытии. Само по себе решение воссоздать по имеющейся иконографии и описаниям шатер исходило также из функциональной необходимости. Но при этом оно было показателем методической установки, ориентированной на целостную реставрацию, на оптимальную, в данном случае, датировку памятника.

Помимо этого сооружение крупнейшей доминанты — шатра — создавало в условиях послевоенного советского Пскова градостроительный акцент, вызывающий исторические ассоциации. Шатер служил всему городу напоминанием о мужестве псковичей, он стал символом территории воинской славы.

Одновременно с реставрацией Покровской башни в 1961 г. начались исследовательские и фиксационные работы на церкви Покрова и Рождества Богородицы, значительно перестроенной на рубеже XIX–XX вв. В работе принимали участие архитекторы В.А. Лебедева и Ю.В. Сусленников. Обращает на себя внимание соотношение выполненной научной и проектной документации по объектам. На фиксацию, фотофиксацию и исследование башни и примыкающих прясел стен приходится 80% от всего объема научно-проектных работ. По церкви те же работы составляют 60%, эскизное и рабочее проектирование — 30%, техническая часть (акты, сметы, обоснования) — 10%[9].

Мы столь подробно остановились на процессе реставрации Покровского комплекса потому, что он является показателем всех достоинств, недостатков и особенностей реставрационной науки и практики, принятой в Пскове в послевоенный период.

Помимо реставрации Покровского комплекса псковскими архитекторами были начаты работы по целому ряду памятников, о которых практически не было никакой исследовательской информации. Начало было положено П.Н. Максимовым, который в 1956 г. сделал ряд замечаний о ходе реставрационно-консервационных работ на различных памятниках города[10]. В 1956–1957 гг. были инспектированы памятники Пскова и области и на основании актов обследования выбраны наиболее аварийные, нуждающиеся в срочных ремонтно-реставрационных мероприятиях. Так, объектами реставрации стали церкви Ильи Пророка в с. Выбуты, Николы в Устье, Успения Богородицы в Мелетове, ворота Снетогорского монастыря, ансамбль Старо-Вознесенского монастыря, ансамбль Мальского монастыря (1962), Порховская крепость (1962), ц. Петра и Павла с Буя (1962), ц. Одигитрии в г. Пскове (1962), собор Спасо-Елеазарова монастыря, ц. Образа Нерукотворного, усадебный ансамбль в с. Волышово, ц. Рождества Богородицы в г. Порхове, собор Иоанна Богослова Крыпецкого монастыря (1959), Изборская крепость (1968), дом Печенко (1966). Ежегодные поддерживающие ремонты проводились почти на всех памятниках центра Пскова. Наблюдения в процессе ремонтов поручались псковским реставраторам с обязательным ведением дневников надзора.

Вот некоторые данные о наиболее значительных объектах реставрации[11].

Церковь Богоявления с Запсковья: 1 этап, 1947–1950 гг. (Ю.П. Спегальский) — реставрационный ремонт с частичным исследованием. Рабочие чертежи разработаны Э.П. Штольцер и М.И. Семеновым. **2 этап, 1972–1973 гг.** (Б.С.Скобельцын), реставрационный ремонт с частичным исследованием. **3 этап 1987–1999 гг.** (архитекторы Л.Е. Изотова, А.К. Богодухов, инженер Г.В. Певчина, археолог Л.Е. Грушина, искусствовед И.Б. Голубева) — комплексное исследование, проект реставрации с приспособлением под музей, инженерное оборудование.

Церковь Старое Вознесенье.

1 этап 1951 г. — реставрационный ремонт, надзор К.А. Дидрихс. **2 этап, 1956–1964 гг.** (В.А. Лебедева) — архитектурно-археологическое исследование, фиксация, реставрация. **3 этап, 1976–1979 гг.** (В.А. Лебедева) — проект приспособления.

Реставрация памятника в %-ном соотношении объемов работ:

Исследование архитектурно-археологическое, натурное (кроки, обмеры, фотофиксация), включая 2 этапа 1956 и 1976 гг. — **от 80 до 68%.**

Эскизный проект реставрации — **3%.**

Рабочий проект — **11%.**

Технические материалы (акты, сметы, историческая часть) — **6%.**

Церковь Николы с Усохи.

1 этап, 1954–1956 гг., ремонт с элементами исследования (Ю.П. Спегальский). **2 этап, 1971 г.** (В.А. Лебедева) — реставрационный ремонт с элементами исследования и реставрации (звонница). **3 этап, 1973–1976 гг.** (Б.С. Скобельцын) — реставрационный ремонт с элементами исследования и реставрации.

Реставрация памятника в % соотношении объемов работ:

Исследование архитектурно-археологическое, натурное (кроки, обмеры) — **70%.**

Эскизный проект реставрации — **5%.**

Рабочий проект — **25%.**

Церковь Петра и Павла с Буя.

1 этап, 1962–1964 гг. (В.А. Лебедева) — реставрационный ремонт с элементами исследования и реставрации. **2 этап, 1995–2003 гг.** (архитектор А.М. Лебедев, археолог С. Степанов, искусствовед И.Б. Голубева) — комплексное исследование, реставрация.

Реставрация памятника в % соотношении объемов работ:

Исследование архитектурно-археологическое — **60%.**

Рабочий проект — **10%.**

Технические материалы (акты, сметы, историческая справка) — **30%.**

Церковь Сергия с Залужья.

1 этап, 1953 г. (К.А. Дидрихс) — проект консервации. **2 этап, 1969–1970 гг.** (Н.С. Рахманина, В. Кулишова, А. Егоров) — архитектурно-археологическое исследование, фиксация, проект реставрации, проект консервации. **3 этап, 1996–1998 гг.** (архитектор Н.С. Рахманина, археолог Ю.Б. Бирюков, инженер И.П. Любарова) — комплексное исследование, проект приспособления.

Реставрация памятника в % соотношении объемов работ:

Исследование, фиксация — **80%.**

Эскизный и рабочий проекты — **15%.**

Проект консервации — **5%.**

Крепость Псково-Печорского монастыря.

Процесс реставрации происходил «по месту»: после архитектурно-археологического вскрытия, фиксации (кроки, фотофиксация) и обмеров сразу же выполнялись рабочие чертежи. Реставрация крепостных сооружений велась одновременно на разных пряслах стен и башнях. Работа могла быть остановлена в любой момент.

Начало работ — 1960 г. Автор — архитектор М.И. Семенов.

Реставрация памятника в %-ном соотношении объемов работ:

Исследование, фиксация — **90%.**

Эскизный проект — **2%.**

Рабочий проект — **8%.**

Ряд объектов был реставрирован без эскизного проекта, сразу выполнялось рабочее проектирование (башня Верхних решеток 1963 г., башня Нижних решеток, Никольская башня и прясло стены, Петровская башня, 1966 г.; почти все прясла стен между башнями). Остальные объекты монастыря — только фиксация, с элементами исследования или минимального приспособления (Никольская ц., Лазаревская ц., Ризница, Пещеры, Сретенская ц.).

Как можно видеть, процесс реставрации Псково-Печорской крепости распадается на два полярных аспекта: положительный — наличие большого объема фиксации и практическая реставрация памятников под надзором специалиста.

Отрицательный — отсутствие системного подхода в осмыслении информации, полученной в результате исследования, и, как следствие, появление суждений о памятнике, а не точных данных о нем[12].

В целом — реставрация, дополненная художественными элементами в уровне авторского представления о памятнике.

Обоснования авторских докомпоновок с 1962 г. проходили апробацию на ученых советах Псковского музея, с 1971 г. — на научно-технических советах Реставрационной мастерской. Обсуждения стимулировали архитекторов к принятию более обоснованных реставрационных решений. С 1952 г. были начаты историко-архивные поиски сведений о псковских памятниках. В те годы эту работу выполнял научный сотрудник мастерской С.А. Цвылев, позднее — Е.И. Скобельцына. Однако и сами архитекторы также вели поиск новых документов в архивах, воспринимая его и как накопление материалов, и особенно — как сбор аналогов, сопутствующих натурному исследованию, но не как его органическую часть.

Недостаточно профессионально обстояло дело с архитектурно-археологическим изучением культурного слоя. Архитекторы-реставраторы, понимая значение строительной периодизации в жизни памятника, изучали ее преимущественно на объеме самого памятника, не учитывая стратиграфического прочтения культурного слоя. Результатом недооценки археологической методики стал сбор подъемного материала, связанного со строительной периодизацией, но имеющего зачастую произвольные датировки. Большую помощь реставраторам в профессиональном археологическом изучении памятников оказывали в 1950–1970-х гг. В.Д. Белецкий и М.А. Миролюбов.

Отдельно следует отметить инженерно-технические проблемы, неизбежно возникавшие в процессе проектирования и производства.

В 1950–1960-х гг. работа архитектора-реставратора была еще не дифференцирована, и профессии инженера-реставратора в Псковской реставрационной мастерской не существовало. Общие инженерные решения по укреплению памятников принимались ведущим объект архитектором. В случае аварийного состояния памятника к проектированию привлекались инженеры, не специализировавшиеся в вопросах реставрации. Данная методика распространилась и на следующее десятилетие — 1970-е годы. В целом она отражала состояние реставрации во всей стране, становление кадровой реставрационной политики, и главное — результатом ее стало продолжение послевоенных реставрационных ремонтов.

Второй этап в целом имеет следующие особенности реставрационной практики:

С одной стороны, серьезная, тщательная работа, как коллективная, так и индивидуальная, профессионалов, контролирующих весь процесс лично, от первого выхода

на объект до сдачи его приемной комиссии. Обоснованность и ответственность в принятии решений, накопление универсального опыта.

С другой стороны, тот же универсальный опыт подвигал к авторским концепциям на уровне художественных представлений о псковской средневековой архитектуре. Яркий пример тому — гипотезы Ю.П. Спегальского о генезисе гражданского зодчества Пскова.

И наконец, третий фактор, оказавший прямое влияние на неравномерное качество исследовательской работы, — система госзаказа. Уже с начала 1960-х гг. финансирование реставрации стало инструментом политики местных органов власти. Программы реставрации составлялись не столько исходя из соображений сохранения и изучения памятников, сколько из валового объема производства, что резко понизило и качество производства, и почти полностью лишило архитекторов возможности исследовательской работы. Памятники приходили в аварийное состояние, лишенные арендатора, годами находясь в процессе исследования с раскрытыми фундаментами и обнаженными стенами.

В течение 10 лет велись работы на Братском корпусе и Стефановской церкви Мирожского монастыря (1971–1981) и не были закончены даже к 1994 г. — времени передачи зданий в ведение Псковской епархии. С 1974 г. по настоящее время продолжаются попытки завершить реставрацию церкви Петра и Павла с Буя. Более 10 лет шла реставрация церкви Иоанна Богослова на Мишариной горе и была закончена, когда церковь передали в ведение епархии. Более интенсивно, всего 8 лет (1985–1994), шло исследование Снетогорского монастыря, но не было завершено ввиду передачи комплекса в ведение епархии. С 1990 г. шло исследование и уже третий этап реставрации церкви Богоявления с Запсковья; работы не закончены по сей день. Вновь (с 1969 г. — уже в третий раз) остановлены работы на самой маленькой церкви Пскова — Сергии с Залужья, спасенной сто лет назад П.П. Покрышкиным.

Перечисленные памятники имеют федеральную категорию охраны, все — первоклассные образцы средневекового зодчества Пскова (исключение — памятники Мирожского монастыря XVIII–XIX вв.).

Из показанных выше фактов следует, что, во-первых, реставрация памятников архитектуры — это длительный процесс, требующий осмысления результатов исследований, после чего только и возможно завершение реставрационных работ. А во-вторых, передача памятников в ведение епархиального управления не снимает проблему ответственности за состояние архитектурного наследия, а, напротив, заостряет ее. Церковные власти пока не готовы к реализации исследовательских и реставрационных задач и воспринимают лишь утилитарную сторону, то есть наиболее удобное и выгодное для себя использование древних зданий.

III этап.

Он наступил в Пскове в результате реорганизации системы реставрационно-производственной мастерской и создания в 1980 г. филиала института «Спецпроектреставрация». В новой системе универсальность знаний не пропадала, но ответственность за качество работ приняли на себя специалисты различных профилей — инженеры, искусствоведы, археологи. Сразу выявились основные недостатки авторского метода, и вопросы методики реставрации раскрылись перед архитекторами во всем многообразии. Удивительным образом это время совпало с работой «на полку». Сколько бы ни выполняли реставраторы исследований, проектной документации, реализации не было никакой. Почти 10 лет (1980–1990) существовал разрыв между реставрационными и производственными задачами. Кризис в стране, как в кривом зеркале, отражался на состоянии памятников архитектуры. За эти годы были проанализированы работы предшественников, продуманы способы более точной фиксации и вопросы дальнейшей судьбы зданий, реставрированных, но не имеющих достойного использования.

Так, в 1985 г., при обмерах и исследовании комплекса Снетогорского монастыря, впервые был апробирован новый, ортогональный метод обмеров с помощью геодезических приборов (автор — архитектор В.Е. Никитин). Отныне прежний метод триангуляции навсегда ушел из практики псковских реставраторов. Радикальная проблема сохранения историко-архитектурной информации, заложенной в любом памятнике, стала причиной создания целого ряда проектов консервации памятников архитектуры. Совместная работа с археологами вошла в состав научного исследования. Активизировались историко-архивные изыскания, и в строительную периодизацию памятников органично включились сведения письменных и изобразительных источников. Наиболее значительные архивные находки, корректирующие наши представления о жизни древних зданий, были опубликованы.

Вопросы инженерно-технического сохранения подлинных объемов зданий, вопросы экспонирования памятников в изменяющейся среде города, наконец сам исторический центр Пскова, как единое историко-культурное пространство — вот поле деятельности для новых поколений реставраторов.

Но не будем забывать, что этапы, сформированные псковской школой реставрации, — это жизнь и творческая работа уже двух поколений, а загадки псковских памятников еще не разгаданы. Реставрация — это процесс разгадывания, это раскрытие информации и система ее сохранения.

---

[1] ИИМК, рукописный архив, ф. 21 (П.П.Покрышкина). 1890–1919 гг.

[2] ЦГИА , ф. № Р-1, оп. 1, д. 432, с. 6–11. Инициалы трех представителей музея в документах не указаны.

[3] Там же. С. 13.

[4] Спегальский Ю.П. Псковские каменные жилые здания XVII века. М.;Л., 1963. С. 72–79.

[5] Архив ПИ «Спецпроектреставрация», д. 3.3.16–1. Дом Яковлевых (Вторые палаты Меншиковых): Описание ремонтно-реставрационных работ 1939–1940 гг. Спегальский Ю.П., с. 19.

[6] Там же. С.. 33.

[7] Штольцер Э.П. Моя работа в Пскове (из воспоминаний) // Псков, 2001, № 14. С.29–34.

[8] Архив ПИ «Спецпроектреставрация», д. 1.0.-122, с. 6–7.

[9] Здесь и далее %-ное соотношение объемов работ выявлено по картотеке архива ПИ «Спецпроектреставрация».

[10] Архив ПИ «Спецпроектреставрация», д. 1.0.-122. 21 августа 1956 г. П.Н.Максимов. Замечания по работе Псковской СНРПМ.

[11] За 100%-ное соотношение принята сумма исследовательской и проектной документации.

[12] Комеч А.И. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М., 1993. С. 7–34.

Г.Я. Мокеев

ДОМ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ
Проблема восстановления

Древняя легенда сообщает, что церковь во имя Святой Троицы появилась в Пскове по желанию и на средства великой киевской княгини Ольги где-то около 965 г. Посвящение храма высшему христианскому Божеству — задолго до общего крещения Руси в 988 г. — было естественным, поскольку на тысячи верст вокруг простиралась тогда еще «языческая пустынь». Но и потом много столетий главный храм Пскова был единственным Троицким городским собором в православной Руси, так как соборы других крупных русских городов получили при крещении населения иные посвящения: святой Софии, Спасу, Богородице... Было затем логично, что понятие Дом Святой Троицы расширилось также до всего города-крепости как огороженного храмового двора.

На рубеже XIV–XV вв. **Дом Святой Троицы Пскова** был превращен в необычайно своеобразный **комплекс 25 каменных храмов**, причем 7 из них оказались затем соборными. Стояли они тесно, один возле другого. Многие были храмами придельными, имели крыльца, притворы, звонницы. Строились они непрерывно более 50 лет (с 1365 по 1420 г.), конечно же по решению Веча — высшего тогда органа власти Псковской боярской республики, с благословения Священного собора псковского духовенства. Возводили его церковные мастера-зодчие: сначала Кирилл, потом его ученики-последователи Еремей и Федор.

Храмовый комплекс занял южную часть двойной псковской цитадели. Вместе с Персями города — мощной полукруглой в плане каменной стеной Крома и второй Довмонтовой каменной стеной он ступенчато поднимался из низины междуречья Великой и Псковы на Кромский холм и эффектно венчал его. Белые храмы были покрыты белым (луженым) железом и лишь надхрамовые кресты, вероятно, были обиты медью и вызолочены. Освещаемый солнцем с юга, со стороны города, белокаменный комплекс как величественный сказочный мираж, как чудесный Небесный Град вздымался над низким пестроцветным торговищем и плотной деревянной жилой застройкой Пскова. Это о нем написал в середине XVI в. пресвитер Василий, сочиняя Житие святого псковского князя Всеволода: «Якоже Горний Иерусалим»!»

Необычная градостроительная многохрамовая Святыня вызывала восторг и величайшее почтение всех русских людей без исключения. Так, великий московский князь Василий III, присоединив в 1510 г. Псков к Русскому централизованному государству, въехал со своей «железной ратью» в поверженный стольный город псковичей, однако на площади возле Спасского собора победитель слез с коня и в окружении спешившейся воинской свиты пешком пошел сквозь строй каменных соборов и церквей Довмонтова города к Троице — помолиться и поблагодарить Ее за «взятие Псковское». В 1570 г. в Псков для наказания жителей за проявления сепаратизма прибыл с войском царь Иван Грозный. Но он также слез с коня «возле Всемилостивого Спаса» на Старом торгу и в окружении воинства пошел помолиться Троице, простив псковичам «их измены».

ДОМ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

«Пришлец Великого Града... ко иным глаголет: «Видев убо... преславное Граду видение, — о нем же по части несть ми съглаголати: преоудивиша бо ми ся мудраа основания твердости, и крепости стен, и сутверждение врат, и сведение столп, и полат оукрашение; разоум же не прииде ни ко единомоу оухищрению...» — Да тем не могу иным исповедати, ибо сам аз не насладихъся тоа неизреченный красоты».

Новгородский летописец, XV в.

Когда люди ныне впервые входят на территорию некогда священного Довмонтова города, загроможденную уже руинами множества каменных храмов XII–XV вв., то задают всегда один и тот же вопрос: «Для чего здесь было так много церквей?» Услышав ответ, — «Молиться», — настойчиво уточняют: «Почему столь много?» Ни историки, ни археологи, проводившие раскопки разрушившихся храмов, не могли ответить на этот «вечный» вопрос. Тщательное исследование псковских летописей, актов, других исторических документов позволило дать на него несколько взаимосвязанных ответов.

Символ единства Пскова и Псковской земли.

«В Дому Отца Моего храми мънози соуть»

(Ин.,14:2; Юр.Ев. ,п.1119).

Стольный город Псков в XV в. делился на 6 концов, а Псковская земля — на 12 пригородов, причем псковичи приписали на каждый конец по два пригорода. Этой гражданской административной структуре соответствовала культовая. 6 концов города как бы «выставили» перед Троицей 6 соборных храмов, а 12 пригородов — 12 небольших церквей. Так в Довмонтовой стене возникло 18 каменных храмов, символизировавших единство всех псковичей-христиан под покровом Святой Троицы.

Все священники Пскова и Псковской земли группировались в 6 соборов (по 100 священнослужителей в каждом соборе), подчиняясь избранным поповским «шестисоборским» старостам. В Довмонтовой стене имелась площадь, на которой стояла «поповская изба», где можно было «священником сходитца» на свое «церковное вече». В избе имелся ларь-архив, казна, велась летопись. В целом это была самобытная организация псковского духовенства, которая, в частности, возникла также для сбора церковной десятины новгородско-псковскому Владыке-архиепископу. Кстати, она позднее явилась образцом для соборной организации московского священства при Иване Грозном.

Символ Страшного суда.

«Они дадут ответ Имеющему вскоре судить живых
и мертвых.., ибо время начаться Суду с Дома Божия».
(1-Птр.,4:5,17).

Еще с апостольских времен христиане ожидали второго пришествия Христова, Страшного суда и конца мира. В XV веке, а особенно к 1492 г. (7 тыс. лет от Сотворения мира) они ожидали трубы Архангеловой. Этого же ожидали со все нараставшей тревогой и псковичи. Под 1469 г. псковские летописи сообщили: «При сем последнем времени в церквах Божиих смущено силно въ церковных вещех во священникахъ». Очевидно, помня о «последних временах», псковичи начали молиться о спасении своих душ и готовиться к Суду Божию «загодя», задолго до 1492 г. Сигналом к этому послужило знаменательное бедствие.

В 1362 г. неожиданно с грохотом обрушились своды Троицкого собора XII в. Это, очевидно истолковали как грозный небесный знак. Восстановив поэтому к 1367 г. храм, псковичи постепенно трансформировали в конце XIV — начале XV в. южную часть Крома и весь Довмонтов город.

Из Довмонтовой стены около 1373 г. к Старому торгу в Средний город было вынесено княжье подворье (Домантов стан), а освободившаяся территория отдана под главный священный некрополь (буевище) выдающихся псковичей и по порядку застроена небольшими мемориальными храмами.

В 1421–1425 гг. с юга от Троицкого собора псковичи создали еще один комплекс «гражданских» каменных сооружений псковского вече: перестроили заново Перси Крома, поставили на Персях Колокольницу для вечевых и соборных колоколов, Степень-трибуну для выступлений на вечевой площади (на вече старые люди сидели на лавках), Сени с южной стороны Троицкого собора для заседаний Тайной Господы, хранения в ларях казны, архива Псковской республики, Великих и Смердьих ворот с башнями, захабами, Сторожевой избы, Тюремных погребов в Смердьем захабе... В память об окончании перестройки всего комплекса Персей была учреждена особая печать Псковского господарства, а событие записали на ней в датах от Сотворения мира, Рождества Христова и даже индиктах (15-летних отрезках времени). Событиям как бы предали «космический масштаб».

Таким образом, на вече, перед Святой Троицей, собирались живые псковичи, позади них, на буевище, в низине Довмонтовой стены, лежали мертвые. Структура Дома Святой Троицы стала идеально выражать символическую картину постоянного ожи-

дания псковичами Судного дня: каждое вече открывалось молитвой за здравие живых и за упокой мертвых.

Символ небесных престолов.

«Престол стояше на небеси и на престоле Седящ.., и вокруг Престола двадесять и четыри престола, а на престолах видех я сидевших двадесять и четыри старца, которые облечены в белые одежды и имяху венцы златы на главех своих... И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить».

(Дан., 7:9, 10; Отк., 4:2, 4; 20:4).

«Храм есть престол» — писал святой Симеон Солунский. Это знали и псковичи. Во время мора 1420 г. они выкупили двор княжеского привратника Артемия и, для остановки эпидемии, в один день возвели церковь Спаса на Торгу: «спрятавше двор, — обретоша престол». Псковский комплекс из 25 храмов и явился символом 25 небесных престолов.

Возле Старого торга на Горском (Снетогорском) подворье в 1367 г. поставлен был, очевидно Кириллом-мастером, храм во имя святого Иоанна Богослова — описателя 25 престолов небесных судей человечества, Страшного суда, конца света. Факт этот был «знаковым»: храм ставился одновременно с окончанием строительства Троицкого собора перед будущим Домом Святой Троицы из 25 храмов-престолов. Он указывал как бы на первоисточник идеи создания псковского символа. В 1446 г., по окончании строительства всего Дома церковь святого Иоанна Богослова перестроили повыше, подняв на подклет.

Так представляются ныне причины и процесс возникновения величайшей Святыни православной Руси. И что очень важно, создал ее народ, вечники-псковичи, вечевой Псков. Позднее святыня явилась, очевидно, образцом для создания в некоторых русских городах комплексов из 25 храмов (Калуга, Кашин, Витебск...) или 25-главых ансамблей храмов (храм святого Василия Блаженного в Москве, соборы в Коле, Кижах, Вытегре...). Эти объекты эсхатологии (учения о конце света) возводились в напоминание православным людям о грядущем втором пришествии Христовом, Страшном суде, конце мира, царствии небесном. Обыкновенно памятники ставятся событиям прошедшим: в данном же случае памятники ставились событиям будущим. Поскольку христиане отвергают смерть (праведники в конце света удостоятся вечного блаженства в раю, грешники попадут в ад на вечные муки), то памятники эсхатологии оказываются памятниками оптимизма, смутной надежды русских православных людей на вечность человеческого бытия, веры в то, что при конце мира они спасутся.

Памятники эсхатологии Руси были величайшими, самыми яркими святынями Древней Руси, русской цивилизации.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

«Всяк подвижник, начинаяи дело благо, тщится и печалоуется, како бы его совершити бес порока, по заповеди Господни».

Нестерь, — дьяк церкви Рождества Христова из Довмонтовой стены Пскова.

В 1969 г. мне посчастливилось беседовать с митрополитом Псковским и Порховским Иоанном. Увидев мой рисунок-реконструкцию комплекса Дома Святой Троицы, он искренне воскликнул в восторге от необычной святыни: «Ведь это же все надо восстановить!»

В 1972 г. в Псковском Крому была устроена первая выставка материалов моего исследования «Столичный центр вечевого Пскова». Время было богоборческое и в итоге я был обвинен в «культовой пропаганде, недостойной советского ученого».

Только через 20 лет, в 1992 г., в 750-летний юбилей Ледового побоища художники Пскова пригласили меня снова выставить материалы исследования «Столичного центра вечевого Пскова» (рис. 1–4). Особое торжество открытию выставки придало посещение ее архиепископом Псковским и Великолукским Владимиром. Но увидев мой рисунок-реконструкцию Дома Святой Троицы, он сказал: «Храмы восстанавливать не нужно, это будут новоделы, — ведь никто сейчас не знает в точности, как эти храмы когда-то выглядели».

Вот так была озвучена проблема «Быть снова или не быть» священному комплексу храмов Дома Святой Троицы православной Руси — России устами местных церковных иерархов. Один — за оживляемую Церковь, за то, чтобы собрать камни, другой — за... «археологию», за камни разбросанные. Многие проблему стали усложнять, увязывать ее с политикой, идеологией, а борьба здесь, как известно, бескомпромиссна. Поэтому указать на нее желательно без лукавого «политеса».

Противники восстановления. Существует поговорка: «Креста боится только нечистая сила». И когда крест воздвигают, то оживает в жутком противодействии этому всякая дьявольщина, появляющаяся нивесть откуда. Кто ныне эти противодействующие?

— Сегодня еще живы люди, которые при советской власти активно сами разрушали храмы, монастыри, христианские кладбища... Теперь они активно не дают их восстанавливать, хотят, чтобы все оставалось «на нуле».

— Богоборческая советская власть вырастила еще несколько поколений не просто атеистов, но воинствующих безбожников, которых раньше возглавлял человек с соответствующей фамилией «Губельман».

— Разрушительную антихристианскую пропаганду у нас постоянно ведут иноверцы, инородцы, иностранцы, причем имя им «легион».

— Сама советская власть, — как это ныне уже общеизвестно, — тоже сначала опиралась на интернационалистов: марксистско-ленинских идеологов, комиссаров, чекистов, большей частью воспитанных еще до революции в кагалах (Маркс — внук раввина, Ленин — правнук раввина). И если права русская пословица, что «кровь путь кажет», то этим легко объяснить действия не просто губителей тысяч, миллионов русских, украинских, белорусских христиан, но и разрушителей тысяч храмов России, Украины, Белоруссии. У них на это был даже ряд прямых «руководящих указаний».

— «Вот постановления и законы, которые вы должны стараться исполнить на земле, которую Господь Бог отцов твоих дает тебе во владение во все дни, которые вы будете жить на земле. Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим на высоких горах, и на холмах, и под всяким деревом; и разрушьте жертвенники их, и сокрушите столпы их, и истребите имя их от места того» (Ветхий Завет, Второзаконие, XII, 1–3). Таково же уточнение и талмудистов.

— «Доброе дело, чтобы храмы акумов.., каждый... старался уничтожить и сожигать, всякий храм акумов искоренять и, во всяком случае, называть постыдными именами» (Талмуд, Закон 64). Одним из таких «постыдных имен» служит запущенное ныне в оборот слово «новодел». Обзывают им пренебрежительно все, что возрождается: храм Христа Спасителя, Казанский собор, Иверские Воскресенские ворота и др. Слово, кстати, указывает не на духовную суть памятника (память о чем-то), а на «материальную культуру».

Сторонники восстановления опираются не на камни и кирпичи построек, которые почти всегда были заштукатурены и не видны, и даже не на штукатурку, которая всегда

была закрашена. Опора осуществляется на архитектурную форму, облик памятника, его символическое содержание. Это и есть самое главное в памятнике!

Если вы спросите архитектора, что он проектирует, над чем творчески мучается, то получите ответ: «сочиняет форму», ведь все постройки в мире отличаются друг от друга формами, образами, содержанием (функциональным, символическим) в комплексе. А камень, кирпич, бетон — это материалы, из которых создается форма.

На Русском Севере крестьяне почти всегда просили мастеров-плотников при реставрации обветшавшего деревянного храма, чтобы после его «раскатки» и замены гнилых бревен были восстановлены прежний облик храма, конструкции, украшения. Они, крестьяне, понимали, что главным в храме являлись архитектурные формы, облик, образ, а не бревна. Кстати, в Японии деревянные храмы заменяют их точными копиями по традиции каждые 25–30 лет. Если бы этой мудростью руководствовались наши реставраторы, то не следовали бы запретам талмудистов, не подвесили бы уникальный Кижский собор на металлические подпоры-костыли внутри храма, уничтожив его не менее уникальный интерьер.

Не все знают, как сильно «перелицованы» кирпичные стены XV в. Московского Кремля. А его южная стена и башни восстановлены заново в начале XIX в., когда были сначала разобраны для строительства Баженовского Кремлевского дворца.

Существует Венецианская хартия еврореставраторов, суть которой может быть сведена к фразе: «Оставьте все как есть». Самое большее, что они позволяют, это поднять наверх то, что когда-то упало вниз (метод «анастилоза»). Понятно, что речь здесь идет о гранитных, мраморных руинах. К Пскову это явно не подходит. П.Д. Барановский, патриарх нашей реставрации, говорил: «Если псковские стены, башни, храмы не поддерживать починками, ремонтами, то все превратится в «кисель», так как псковский доломитовый известняк «камень слабый» и не идет ни в какое сравнение с гранитом или мрамором».

«Памятник есть безмолвный проповедник, который в некотором отношении может быть превосходнее говорящего, потому что не прекращает порученной ему проповеди и, таким образом, она доходит до целого народа и до многих последовательных родов» (Московский митрополит Филарет).

Древние храмы Пскова возводились не только как церкви, но и как храмы-памятники разным историческим событиям, как символы Псковской свободы, независимости Псковского государства. И таким сложным символом был Дом Святой Троицы — одна из святынь православной Руси. Восстановление этой святыни — насущная задача нашего времени, когда после грандиозного погрома Русской православной церкви требуется возрождение ее главных священных объектов поклонения.

О ВОССТАНОВЛЕНИИ КОМПЛЕКСА ДОМА СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

В 1689–1691 гг. Троицкий собор вечевого Пскова был разобран за ветхостью и к 1699 г. на его месте построили новый, существующий доныне храм. Первоначальный облик его не совсем выяснен, так как несколько раз он перестраивался в верхней части в конце XVIII–XIX вв. В результате перестроек исчезли кокошники, показанные на иконе, из часовни Владычного креста конца XVII в., вероятно надстроен нартекс, поставлены две бутафорские (не световые) главы и пр.

Тем не менее с 1699 по 1701 г., то есть около трех лет до петровских перестроек, комплекс из 25 храмов Дома Святой Троицы существовал в натуре. Это позволяет говорить о возможности восстановить по указанной «оптимальной дате» весь комплекс, все его постройки в наше время.

С восстановлением храмов могут быть возрождены праздники, в честь которых храмы были посвящены.

I собор – во имя Святой Живоначальной Троицы, в нем 7 престолов:

– Главный престол Святой Троицы, празднование 10/23 июня, переходящая дата.

– Второй престол придела Знамения Пресв. Богородицы – 27 ноября/10 декабря.

– Третий престол придела Благовещения Пресвятой Богородицы – 25 марта/7 апреля.

– Четвертый престол придела Параскевы Пятницы – 28 октября/10 ноября.

– Пятый престол придела Флора и Лавра – 18 августа/4 сентября.

– Шестой престол придела Александра Невского – 30 августа, 12 сентября, 6 декабря.

– Седьмой престол придела Бориса и Глеба – 24 июля/ 5 августа.

Храмы Довмонтовой стены:

– 2 собор с 1357 г. Софии, Веры, Надежды, Любови – 17/30 сентября.

– 3 собор с 1417 г. Николы на Гребле 9/22 мая и 6/19 декабря.

– 4 собор с 1453 г. Дмитрия Солунского – 26 октября/7 ноября.

– 5 собор с 1462 г. в двух храмах: Покрова Пресвятой Богородицы – 1/14 октября и в ц. Святого Духа – 11/24 июня, переходящая дата.

– 6 собор с 1471 г. Входа Господня в Иерусалим – 15/28 апреля, переходящая дата.

– 14 – ц. Воскресения Христова, празднование 22 апреля/5 мая, переходящая дата.

– 15 – храм – придел Воскресения ц. Георгия Победоносца – 23 апреля/5 мая.

– 16 – ц. Рождества Христова – 25 декабря/7 января.

– 17 – ц. Рождества Пресвятой Богородицы – 8/21 сентября.

– 18 – храм – придел Никольского собора Кира и Иоанна – 31 января/12 февраля.

– 19 – храм – придел Входоиерусалимский собор Иоакима и Анны – 9/22 сентября.

– 20 – храм – придел Софийского собора Симеона Столпника 20 августа/1 сентября.

– 21 – ц. Афанасия Иерусалимского – 18/30 января.

– 22 – ц. Федора Тирона – 17/30 февраля.

– 23 – ц. Кирилла Иерусалимского – 18/31 марта.

– 24 – ц. Тимофея-Довмонта – 20 мая/1 июня.

– 25 – ц. Алексея Митрополита – 12/25 февраля.

Перед комплексом храмов Дома Святой Троицы одновременно с возведением Троицкого собора был поставлен храм во имя Иоанна Богослова – празднование 26 сентября/9 октября.

В третьей четверти XX в. почти вся территория Довмонтова города была вскрыта и исследована археологически В.Д. Белецким. Храмы центральной части города оказались сохранившимися на высоту от 0,5 до 1,0 м. Лишь восточные храмы под Рождественским бастионом 1701 г. сохранились до пят сводов на высоту 3–4 м. Это церкви святого Николы с Гребли, Рождества Христова, Покрова Пресвятой Богородицы (ц. Святого Духа в углу разрушилась «до подошвы» еще в 1638 г.). Все это можно воочию видеть в натуре законсервированным реставраторами.

Археологические раскопки позволили дать бесспорную опору не только для восстановления восточных храмов Довмонтова города, но и для восстановления остальных храмов путем их докомпоновки. Последняя может не «претендовать» на бесспорность. Но этого и не следует требовать. На каждом восстановленном храме можно указать зону подлинных археологических остатков, а выше – зону докомпоновки. Людям это нужно просто показать и разъяснить.

Докомпоновка храмов может быть произведена не псковским камнем (доломитовым известняком), а более легким материалом, например пористым симферопольским белым камнем (с металлическими каркасными крепежными конструкциями). Штукатурка и последующая побелка храмов, покрытие их кровельным белым железом (луженым), с постановкой волоченых крестов, — все это позволит весь храмовый комплекс увидеть целостным, самобытным, уникальным. Главное в нем, повторим еще раз, — это древние псковские «скульптурные» архитектурные формы, облик, образ, священное символическое содержание. С восстановлением комплекса Дома Святой Троицы Псков приобретет свое истинное древнее лицо, снова обретет статус величайшей градостроительной Святыни православной Руси-России.

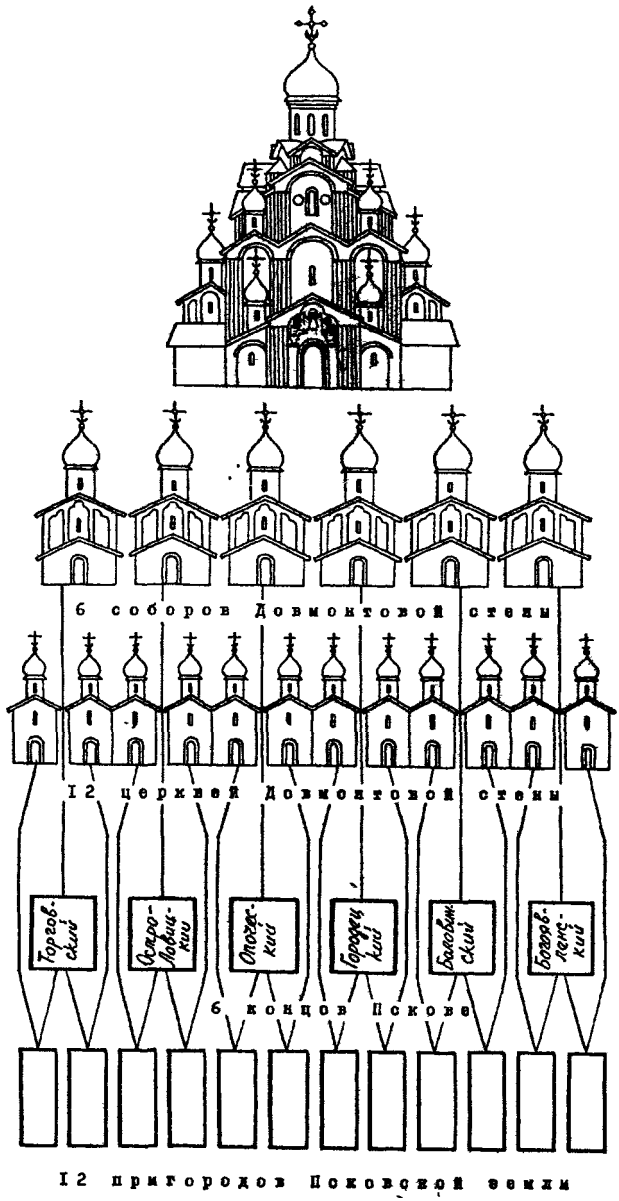


Рис. 1. Схема «Храмового представительства» псковских концов и пригородов перед Святой Троицей в XV в.

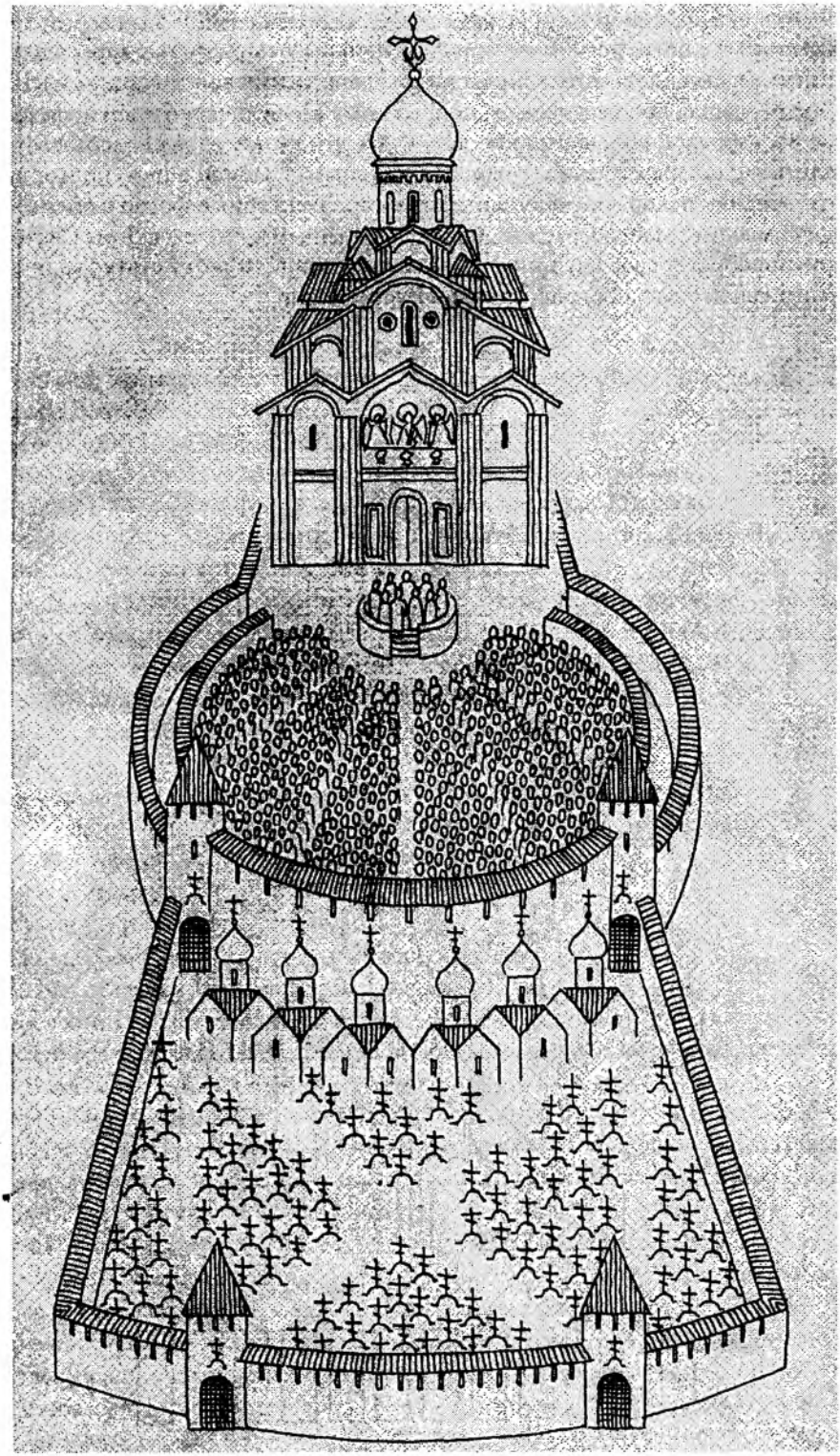
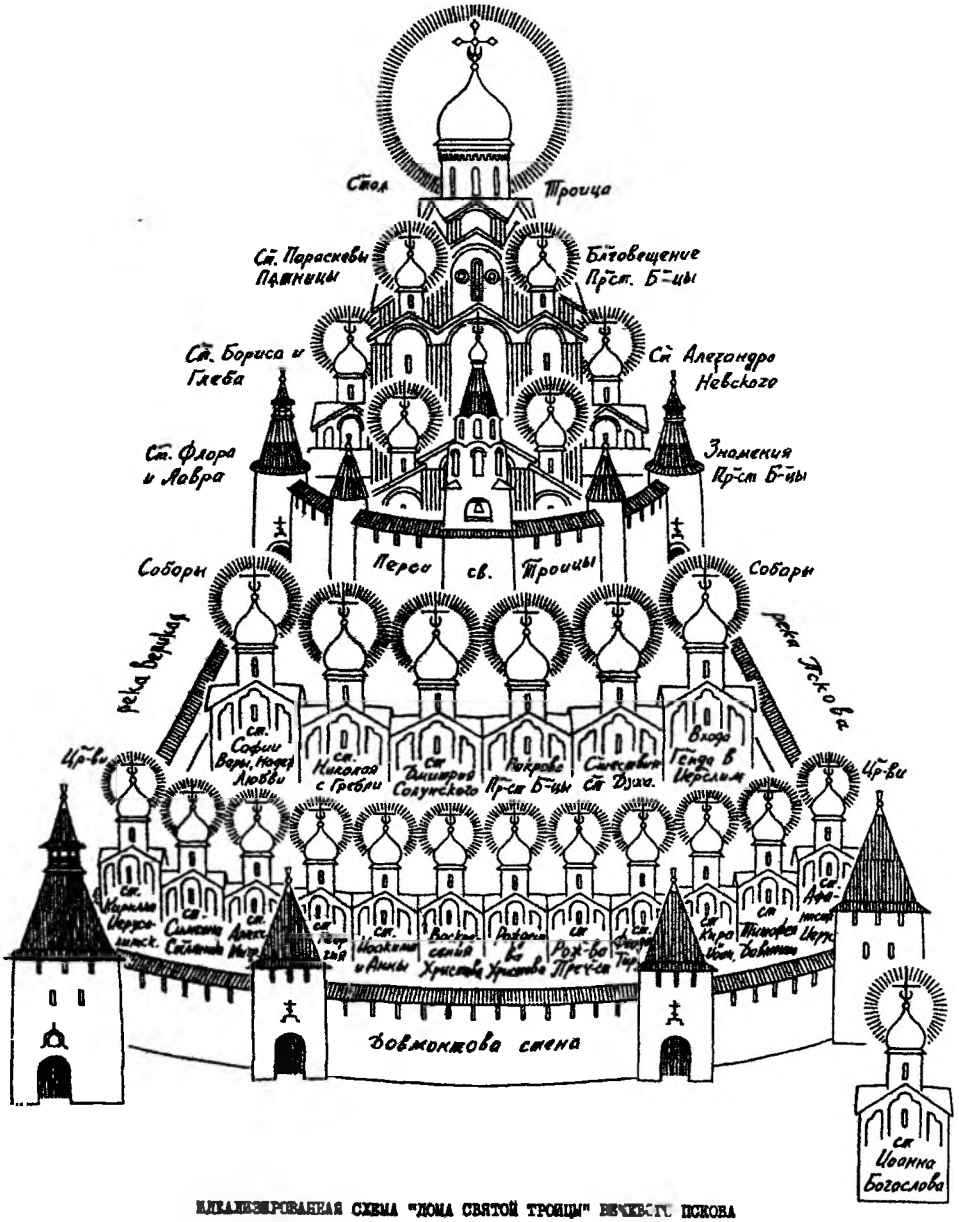


Рис.2. Живые и мертвые перед Святой Троицей.
Градостроительный символ Страшного суда

Рис. 3. Престол сидящего в вышнем граде, перед ним семь светильников огненных, возле него 24 престола *с* сидящими на них старцами в белых одеждах, – показываемые ангелом Иоанну Богослову. Миниатюра к Апокалипсису..., XVII в. Копия. (Буслаев Ф. Свод изображений из Лицевых Апокалипсисов.., СПб., 1884, табл. 12)



Идеализированная схема "Дома Святой Троицы" вечевого Пскова

Рис. 4. Идеализированная схема Дома Святой Троицы вечевого Пскова. Престол Троицы и 24 престола возле него. Справа — храм св. Иоанна Богослова

Н.Н. Новикова

ПРИБАЛТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АРХИТЕКТУРЕ ПСКОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Архитектура губернского Пскова еще совсем недавно не привлекала к себе внимания профессиональных историков искусства. Тема эта казалась малоперспективной для изучения. В настоящее время ситуация стремительно меняется. За многими постройками второй половины XIX — начала XX в. признана самостоятельная художественная ценность, некоторые из них рассматриваются как памятники архитектуры местного значения. В печати в последние годы все чаще появляются публикации, посвященные строительной истории отдельных зданий периода эклектики и модерна, творчеству местных инженеров и архитекторов, альбомы с видами дореволюционного Пскова. Накопленный материал позволяет более объективно оценить городскую застройку рубежа веков, выявить ее особенности и своеобразие.

Архитектура Пскова второй половины XIX — начала XX в. развивалась в русле общеевропейской и русской архитектуры, однако имела и ряд характерных черт, отличавших ее от других губернских городов России.

К середине XIX в. классицизм, в русле которого застраивалась более полувека русская провинция, перестал быть господствующим стилем. В застройке Пскова он заметного следа не оставил. Причиной тому стала бедность городской казны и низкий уровень достатка местных обывателей. Жилая застройка конца XVIII — первой половины XIX в. была преимущественно деревянной. Небольшие, в три — пять окон по главному фасаду, одноэтажные дома стояли вдоль большинства центральных улиц города. Общественные здания, представлявшие собой образцы безордерного классицизма, на протяжении XIX в. неоднократно перестраивались, меняя габариты, планировку и отделку фасадов. Наиболее ярко классицизм в Пскове проявился в культовых постройках. Однако число их было крайне незначительным и они не могли оказать заметного влияния на формирование архитектурного облика города.

Распад системы классицизма в архитектуре Пскова начал ощущаться с середины XIX в. Поиски нового архитектурно-художественного образа проявились уже в фасадах таких крупных построек, как здание Дворянского собрания (1842 г., архитектор К. Тон), дом купца Орлова (около 1850 г.) и здание Псковской мужской губернской гимназии (1855). Отсутствие композиционного центра, нарушение масштабности, равнозначность всех элементов архитектурной отделки, характерные для этих построек, позволяют отнести их к первым проявлениям эклектики в архитектуре Пскова.

С 1870-х гг. застройка города постепенно начинает приобретать ярко выраженную стилевую окраску. К этому времени Псковская губерния вошла в район специализированного земледелия, связанного с выращиванием льна. Около трети всего льна, поставляемого Россией в Англию и Шотландию через северные порты С.-Петербурга, Риги и Нарвы, выращивалось на Псковской земле. В самом Пскове также производились торговые операции с иностранными покупателями. Значительную часть местных купцов, торговавших льном, составляли немцы. Проникновение иностранного капитала особенно заметным стало с конца XIX в., когда старые купеческие фамилии начали вытесняться посредническими заграничными конторами.

Еще более тесными сделало связи Пскова с Прибалтикой и странами Западной Европы строительство железной дороги, соединившей в 1860—1880-е гг. город с С.-Петербургом, Ригой и Варшавой. «Мануфактурные товары, фабричные изделия, предме-

ты роскоши Псков выписывает из Петербурга, Варшавы и Риги...»[1]. Не менее важными оказались и межнациональные связи двух регионов. По данным статистики, в 1870-е гг. 36% жителей Пскова были уроженцами Прибалтийских губерний: Лифляндской, С.-Петербургской, Витебской, Ковенской и Курляндской. Среди иностранцев преобладали выходцы из Германии[2]. К началу XX в. общее число лютеран и католиков, проживавших в Пскове, составляло около 13% от общего числа жителей города[3]. В этот процент не входили горожане, рожденные от смешанных браков и воспитанные в греко-российской вере, которые, считаясь православными, зачастую продолжали сохранять иностранные фамилии своих предков и являлись, по семейной традиции, носителями западной культуры. По социальному составу среди католиков преобладали дворяне, среди протестантов — купцы и мещане. Современники отмечали, что «...в образовательном классе присутствие польского и немецкого элементов весьма заметно, поляки и немцы имеют свои церкви, и свои порядки и обычаи...»[4]. И действительно, в 1783 г. в Пскове была впервые зарегистрирована лютеранская община, уже через несколько лет построена первая кирха, а в 1804 г. католический приход Пскова освятил свой костел[5].

Улучшение ситуации в экономике губернии повлекло за собой изменения, происшедшие в застройке Пскова. С 1870-х гг. на смену деревянным зданиям эпохи классицизма приходят каменные двухэтажные дома с эклектичными фасадами. Среди новых владельцев дворовых участков второе место после русских занимали немцы[6]. Особенно велико было их присутствие в центральной части города. Так, в 1895 г. вблизи лютеранской кирхи на Сергиевской улице немцы составляли не менее одной трети всех домовладельцев. При этом общая стоимость принадлежавшей им недвижимости равнялась общей стоимости недвижимости русских хозяев. Это означало, что, хотя количественно русские домовладельцы преобладали, немцы были в числе наиболее состоятельных застройщиков, а следовательно, и владельцами наиболее крупных и интересных в архитектурном отношении домов.

«...Псков значительно утратил свой русский вид и облик: немецкое влияние выразилось очень ярко в архитектуре домов; на улицах немецкий язык бьет ухо; гостиницы и торговые лавки принадлежат немцам. Близость Риги чувствуется, слышится и видится на каждом шагу...»[7] — так писал о Пскове журналист, посетивший город в начале 1880-х гг.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Пскове работало уже много профессиональных архитекторов, получивших образование в С.-Петербургской академии художеств (А.Н. Векшинский, Ф.П. Нестурх), в С.-Петербургском институте гражданских инженеров (Г.Ф. Станкевич, Э.А. Гермейер, В.Л. Назимов) и в Рижском политехническом институте (Подчекав А.А.). Перед архитекторами-эклектиками остро встала проблема выбора стилевых прототипов. Средневековое зодчество Пскова, почти полностью исключавшее орнаментальные мотивы в отделке фасадов зданий, их не привлекало. Интерес к нему проявился лишь в начале XX в. Единственной стилизацией на темы средневековой псковской архитектуры стала Анастасьевская часовня, построенная в 1911 г. по проекту архитектора А.В. Щусева.

Классицизм, несмотря на свое сравнительно долгое господство в архитектуре Пскова, не оставил ярких образцов для подражания и стилизации. Таким образом, к 1880-м гг. местные архитекторы оказались ориентированными прежде всего на вкусы заказчиков, многие из которых являлись носителями немецких и прибалтийских культурных традиций. Не случайно поэтому выбор был сделан в пользу романо-готической и ренессансной архитектуры.

Впервые прибалтийское влияние в архитектуре Пскова второй половины XIX в. ярко проявилось в здании лютеранской кирхи Святого Якова, построенной в 1870 г. на

Сергиевской улице по проекту губернского архитектора А.И. Ранвида и губернского инженера А.И. Касьяндера. Прообразом для нее послужили романо-готические храмы Северной Европы. Фасады здания были выполнены кирпичной кладкой высокого качества без применения штукатурки. В качестве стилеобразующих использовались мотивы романского стиля и архитектуры итальянского ренессанса. Объем восьмигранной башни над парадным входом в здание мог быть заимствован у средневековых культовых построек Северной Эстонии, например Святодуховской церкви г. Таллина.

Рис. 1. Лютеранская кирха (1870 г., архитектор А.И. Ранвид)

Отдельные элементы архитектурного оформления фасадов кирхи, такие, как ступенчатый щипец, большие арочные ренессансные окна, готически декорированные лопатки, вплоть до начала XX в. в переработанном виде встречались в различных постройках города. Их можно было видеть в доме Землемерного училища (1876) и в здании Управы Псковского уездного земства (1899 г., архитектор Н.М. Богданов) на улице Гоголевской, в доме над въездными воротами на Псково-Печорском подворье (1905 г., архитектор В.Л. Назимов) и т.д.

Строительство лютеранской кирхи послужило толчком к появлению в Пскове целого ряда зданий, фасады которых были решены в «кирпичном стиле». Наибольшее количество подобных построек возводится в 1880–1890-е гг. Это доходные дома К.И. Гельдта на Садовой улице (1886) и на перекрестке Губернаторской и Сергиевской улиц (1890), дом Ф. Шпинка на Сергиевской улице (начало1900-х гг.), дом П.И. Насонковой на Новгородской улице (1890) и ряд других. В декоре этих построек использовалось сочетание различных мотивов русской и западноевропейской архитектуры. Предпочтение отдавалось художественно переработанным элементам отделки, заимствованным из архитектуры ренессанса и барокко. Влияние последних в зданиях «кирпичного стиля» нередко ограничивалось применением особой формы оконных проемов и выбором рисунка оконных наличников.

Наиболее полно и последовательно композиционные схемы и отдельные архитектурные детали зодчества эпохи Возрождения воплотились в постройках неоренессансного направления. Неоренессанс традиционно принято считать стилем буржуазии. А в XIX в. он стал национальным стилем Германии. Первый образец неоренессанса в застройке Пскова появился в 1860-х годах. Им стало здание железнодорожного вокзала. Расцвет стиля в Пскове пришелся на конец XIX — начало XX в. Наиболее плодотворно в неоренессансном направлении работали два местных архитектора — городской архитектор Ф.П. Нестурх и губернский инженер Г.Ф. Станкевич. Первой постройкой, в художественном решении фасада которой была использована комбинация ордерной и арочной систем, стало здание Духовного училища, законченное Ф.П. Нестурхом в 1892 г. Вслед за ним в 1896 г. Нестурх строит доходный дом А.Ф. Гессе на улице Сергиевской, в 1899 г. — здание Коммерческого немецкого банка на улице Великолуцкой, в 1900 г. — здание женского Епархиального училища на Успенской улице. Одновременно с этими постройками по проекту архитектора Г.Ф. Станкевича в 1897 г. возводится доходный дом караимки Р.А. Шпаковской на Архангельской улице и в 1902 г. здание банка Псковского уездного земства на улице Сергиевской.

Если в эклектичных постройках прибалтийское влияние зачастую проявлялось в отдельных элементах декора, то в постройках стиля модерн, появившихся в Пскове в начале XX в., влияние это сказывалось уже в формировании архитектурно-художественного облика здания в целом. Около 1900 г. на Запсковье, при бечевочной фабрике Г.Ю. Мейера, основанной на русские и бельгийские капиталы, строится жилой дом, архитектурный облик которого не имел ничего общего с постройками Пскова предшествующего периода. Асимметричная композиция объемов, живописный силуэт, башня с остроконечным шпилем и флюгером, щипцовой формы фронтоны, имитация фахверковых конструкций — все было проникнуто духом национального романтизма, в основе которого лежала ностальгия по средневековому зодчеству Северной Европы (рис. 2).

Рис. 2. Жилой дом при бечевочной фабрике Мейера Г.Ю. (около 1900 г.)

Иное направление модерна представлял собственный дом инженера Г.Ф. Станкевича, возведенный им на Кахановском бульваре в 1904 г. (рис. 3). Поэтажное горизонтальное деление равномерно ритмизированного фасада, характерное для эклектичных построек, уступило здесь место вертикализму и асимметрии. Декор поражал новизной рисунка и размашистой лепкой отдельных крупных деталей. В художественном решении фасада ощущалось безусловное знакомство автора проекта с постройками раннего декоративного модерна Риги.

Рис. 3. Доходный дом Г.Ф. Станкевича (1904 г., архитектор Г.Ф. Станкевич)

Угловой фасад в доме Станкевича первоначально украшала декоративная башня — эркер (утрачена). Подобные башни с начала XX в. составляли характерную особенность архитектуры центра Риги. Они должны были в первую очередь акцентировать перекрестки улиц, служа своеобразными ориентирами в пространстве города. С конца XIX в. многие псковские постройки, расположенные на пересечении центральных улиц, также имели повышенные угловые объемы. Они могли оформляться как аттики, купола различной формы, шпили и т.п.

Стремление к построению вертикальных композиций, проявившееся в доме Станкевича, наиболее последовательно воплотилось в постройках второго десятилетия XX в. С 1910 г. вертикализм становится доминирующим направлением в архитектуре модерна Риги. Многие исследователи видят в этом заметное влияние немецкой архитектуры того времени[8]. В Пскове композиционные приемы вертикализма были использованы в фасадной отделке домов В.Е. Поташева (около 1911 г.) и Кербера (около 1911 г.) на улице Сергиевской, доме И.А. Козловского на улице Губернаторской и ряде других зданий.

Дом Козловского, построенный в 1912 г., стал единственным ярким образцом северного модерна в архитектуре Пскова. Художественное решение фасада сближает

здание с работами петербургских мастеров этого направления Н.В. Васильева и Ф.И. Лидваля, а также с постройками одного из наиболее интересных представителей национального модерна в архитектуре Риги А. Ванага. Сочетание кирпичной кладки со светлой оштукатуренной поверхностью стен, которое применил архитектор, не было новостью для Пскова. Необычным явилось использование неизвестных ранее мотивов балтийской флоры и фауны. Рельефные изображения сов, хищных птиц с острыми клювами и пышным оперением, стилизованные ветки ягодных кустарников, мхи — все это придавало дому И.А. Козловского особую выразительность и делало его облик неповторимым.

Повышенный интерес к фактуре и цвету отделочных материалов по-особому проявился в доходном доме И.А. Сафьянщикова, построенном в 1912 г. по проекту губернского инженера Г.Ф. Станкевича. Использование сочетания крупных рустов «рваного» гранита и бетонной плитки с вкраплениями ракушечника сближает дом Сафьянщикова с постройками северного модерна и, в частности, с петербургскими работами Ф.И. Лидваля 1910-х гг.

Небольшой по сравнению с крупными городами объем строительных работ не позволяет говорить о становлении и эволюции какого-либо из архитектурных стилей в застройке города второй половины XIX — начала XX в. Все стили пришли в Псков извне. Речь может идти лишь о предпочтениях, которые оказывали архитекторы и заказчики тому или иному направлению. Выбор и тех и других в силу различных причин — близкого территориального соседства, полученного образования, деловых и личных связей — делался в пользу прибалтийской архитектуры и прежде всего архитектуры Риги и Петербурга.

Отсутствие значительного классического наследия и явная ориентация эклектичных построек на архитектуру Западной Европы придавали застройке города второй половины XIX — начала XX в. общеевропейский характер. А сочетание европейской застройки с сохранившимися памятниками русской средневековой архитектуры способствовало формированию того особого колорита и своеобразия, которые отличали Псков от многих других городов России начала XX в.

Современные адреса построек, упоминаемых в тексте

1. Дворянское собрание — не сохранилось.
2. Псковская мужская губернская гимназия — ул. Калинина, 5.
3. Дом купца Орлова — ул. Гоголя, 19.
4. Кирха — не сохранилась.
5. Первое здание Землемерного училища — ул. Гоголя, 8.
6. Управа Псковского уездного земства — ул. Гоголя, 17.
7. Доходный дом К.И. Гельдта на ул. Сергиевской — Октябрьский пр., 22.
8. Доходный дом К.И. Гельдта на ул. Садовой — ул. Пушкинская, 3/13.
9. Доходный дом П.И. Насонковой — ул. К.Маркса, 20.
10. Доходный дом А.И. Шпинка — не сохранился.
11. Доходный дом А.Ф. Гессе — Октябрьский пр., 12.
12. Коммерческий банк — не сохранился.
13. Дом над въездными воротами на Псково-Печорском подворье — ул. Профсоюзная, 10.
14. Банк Общества взаимного кредита Псковского уездного земства — Октябрьский пр., 8.
15. Духовное училище — ул. Красноармейская, 1.
16. Женское Епархиальное училище — ул. Калинина, 1.

17. Доходный дом Р.А. Шпаковской — ул. Ленина, 8.
18. Дом Г.Ю. Мейера — ул. Л. Поземского, 22.
19. Доходный дом Г.Ф. Станкевича — Октябрьский пр., 42.
20. Доходный дом В.Е. Поташева — Октябрьский пр., 32.
21. Дом И.А. Козловского — ул.Некрасова, 46.
22. Доходный дом И.А. Сафьянщикова — Октябрьский пр., 18.
23. Дом П.Д. Батова — ул. Конная,1.
24. Здание заводоуправления А.К. Штейна — Октябрьский пр., 27.
25. Доходный дом Кербера — Октябрьский пр., 30.

---

[1] Полевой П.Н. Художественная Россия. СПб., 1884. С. 288.
[2] Псковский статистический сборник на 1871 г. Псков, 1871. С. 30–31.
[3] Памятная книжка Псковской губернии на 1905 и 1906 г. Псков, 1905. Приложение. С. 7.
[4] Полевой П.Н. Художественная Россия... С. 283.
[5] Левин Н.Ф. Мирное сосуществование верующих // «Стерх». Псков, 2002, №72. С. 7.
[6] Псковский статистический сборник на 1971 г. Псков, 1871. С. 38.
[7] Живописная Россия. СПб.; М., 1881. Том I. Ч. I. С. 475.
[8] Страутманис А.И., Бука О.М., Крастиньш Я.А., Асарис Г.К. Архитектура советской Латвии. М., 1987. С. 97.

Г.И. Площук

МОТИВ ВОЗГОРАНИЯ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Среди устойчивых свадебных словесных формул, представляющих собою иносказательное требование вознаграждения, есть целый ряд содержащих в себе мотив возгорания: «*Каша горит!*», «*Руки горят!*», «*Фартук загорелся!*», «*Борода горит!*». Одно из подобного рода иносказаний содержится в описании обряда повязывания (окручивания, повивания) молодых, сделанном в Голубоозерской волости Невельского района Псковской области. После этого обряда, как известно, невеста и жених уже считались мужем и женою. Молодых сажали рядом на дежу (квашню). С невесты снимали венок, ее переодевали, оформляли голову по-женски. Потом «*...шафер закрывает лицо молодых полотенцем так, чтобы не было видно лица, и говорит: «Подай платок: руки обжег!»* Далее следовал эпизод «Поиски молодых». Шафер «*спрашивает у свекрови: «Твои ли это детки?» Она ему отвечает: «Мои!» — и откидывает полотенце...*»[1] Каков генезис подобных формул?

Если предположить, что иносказательный смысл формулы «*Руки обжег!*» возник в результате ее позднейшего переосмысления, вызванного выпадением когда-то существовавшего и со временем забытого мифологического подтекста обряда, то прямое значение восклицания «*Руки обжег!*», очевидно, указывает на то, что в данной обрядовой ситуации молодые некогда мыслились раскаленными, а названная словесная формула фиксировала наличие этого состояния как обрядово-значимое.

Правомерность высказанного предположения, на наш взгляд, подтверждается анализом некоторых величальных свадебных песен. Среди деталей, создающих характерный для величаний идеализированный облик молодых, — исходящее от них свечение. Светится одежда жениха и невесты: «*Поют, когда едет свадебный поезд; ехали, драли мялки, кто кого перекричит, там, баб несколько»: Ай, Ванюше маменька рубашку шила,*

*Шили, шила и строчила,| **Чтоб она ему всю дороженьку светила!**»*;[2] *«**Кто у нас на куту яснеется?**| – Валечка! **Платечко самоцветное,**| Кральки на шейке буйнешеньки!»*[3] Светится головной убор жениха: *«Кто на куте, кто на куте ды й **зазериваеть?**| — Мишутка на куте ды й зазериваеть!| Знать жа яво, знать жа яво дужа батька богат!| Купив яму, купив яму золотой колпак...»*[4] От жениха исходит яркий свет: *«На двор въезжает — **весь двор осветил...**»*[5] Под стать жениху невеста: *«За сенями, за сенями месяц гораець.| Там суженька коня сядлаець,| Коня сядлаець, сильненько плачець.| Прашоў до яго брахийко:| «Чаго, братычка, так сильно плачешь?|» — Бяру крулеўну за сябе не раўну:| На двор узьедзе — **увесь двор освеця**»*[6] При встрече подъезжающих к дому жениха молодых поют свекрови: *«**Освянуло улочку** твоим(и) милым(и) детушка(и)»*[7]. У П.В. Шейна находим: «...по прибытию всех к дому поют: *«...Отчыни, мамычка, оконца,| Вязем нявехну, як слонца* (солнце)»;[8] в Невельском и Пустошкинском районах бытует песня с зачином: *«**Не надо там ни свеча, ни луча**, где наша Валечка хороша»*[9].

В ряде песен речь идет не просто о свечении величаемого, но о тепле, исходящем от него: *«Дзе сядзиць Иванычка,| Там **бяз соўнинька ціпло,| И бяз месяца видно**:| Над головой свечки цеплюцца,| В рукава зори сыплюцца»*[10]. Обычны для величальных песен сравнения с жаром, огнем, пламенем: *«А у месяца золоты рога,| А у солнышка лучи ясные,| У Иванушки кудри русые,| По плечам лежат,| **Словно жар горят**»*;[11] *«На ком, на ком кудри русы,| На ком, на ком по плечам лежат,| По плечам лежат, **словно жар горят**,| **Словно жар горят, словно полымя!**| Со Москвы купцы соезжалися,| Они тем кудрям дивовалися:| «Уж чье это дите, чье порожено,| В чистоте дите все положено?»| — На Алексее кудри русые,| На Михайловиче по плечам лежать,| По плечам лежать, **словно жар горять**,| **Словно жар горять, словно полымя**»*[12]. Вариант из Калининской обл.: *«...по плечам лежать, **Словно жар горять, словно жар горять, разгораются!**»*[13] В Невельском и Пустошкинском районах поют о женихе: *«**Шапка** на ем, шапка на ем,| **Словно жар горить**»*;[14] в Себежском — о невесте: *«**Жарки, жарки** у Надютки **каральки**»*[15].

Наконец, в Локнянском районе Псковской области нами записана такая песня: *«...Іде он сидить, где он сидить| — **Словно жар горить**!| От кышака, от кышака | **Стены колются**,| От кылпака, от кылпака | **Окна колются**,| От сыпага, от сыпага | **В яго пол прогорел**,| От сирябра, от сирябра-золыта | Груди ломятся!»*[16]. Серебряная и золотая окраска наряда, некогда связанная с представлением о потусторонней природе жениха, со временем становится средством идеализации образа. Строки о серебре и золоте, от которых *«груди ломятся»*, переводят все предшествующее изображение «раскаленности» жениха в гиперболу богатства и пышности его наряда. Тем не менее эта «раскаленность», прямо-таки пожароопасная, представлена в песне очень ярко. Какова ее семантика?

Рассмотрим варианты песни, исполнявшейся в то время, как жених ехал за невестой или уже с нею к себе домой: *«Бором-борочком ехали сваты рядочком,| В первом рядочке на передочке — Ванютка.| Ай, бором едуть — **борок сияеть от яго!** Полем едуть — **цвяточки вянуть от яго!**»*;[17] *Он бором едеть, а **боры вянуть от яго!** | Он лугом едеть — **луг зеленееть от яго!**»*;[18] *«Мы полем едем — **все поле зъяеть от яго!** | Мы лесом едем — **весь лес клонить на яго!**»*;[19] *«Лесом он едет — лес зеленеет от него.| А полем едет — **поле сияет от него**,| А садом едет — **сад расцветает от него!**»*;[20] *«Он полем едет — **все поле сияет от него**,| Он лугом едет — **луг зеленеет от яго**,| Садом едет — **сад расцветает от яго!**»*[21] От жениха исходит свечение и сильный жар (*«цвяточки вянуть от яго»*, *«боры вянуть от яго»*). К нему, как к источнику света и тепла, неудержимо тянутся растения (*«весь лес клонить на яго»*), от него зеленеет лес, зеленеют луга, расцветают сады. Все эти детали говорят о плодородной природе света и тепла, исходящего от жениха. Все окружающее, вся растительность, мимо которой он едет,

как от солнца весною (сравним: «*Вязем нявеху як слонце*»), пробуждается, приходит в состояние, предшествующее тому, когда должен завязаться плод: зеленеют луга и леса, расцветают сады. С этими качествами жениха связывается представление о счастье, которое Бог дает новой семье. Завершается песня обычно так: «*Бог счастья даеть,| Кто дачкý даеть за яго!*»

В большинстве вариантов известной по всей России величальной песни «А кто у нас хороший?» содержатся такие строки: «На коня садится –| Конь под ним резвится!| Он плеточкой машет,| А конь под ним пляшет!| **Лугам проезжает** |– **Луга зеленеют**, | **Садам проезжает**| — **Сады расцветают!**», что нам уже знакомо; а продолжение таково: «К дому подъезжает |– Машенька встречает: «Поди, мой хороший, поди, мой пригожий!| Давно тебя ждала, давно поджидала,| Давно поджидала, постелюшку стлала: |Ложись, мой хороший, ложись, мой пригожий, | А я приберуся — к тебе привалюся,| С тобой обнимуся, сладко поцелую,| Крепко обнимались, сладко целовались»[22]. Может быть продолжение: «Постелька беленька, а я молоденька,| Постель почернела, а я побелела»;[23] вариант: «Постель чернеет, жена бледнеет»[24].

Концовка, как видим, недвусмысленна: речь идет о первой близости молодых. Эта концовка — кульминация песни, носившей некогда магический продуцирующий характер и развивавшей тему производительной плодородной силы молодого.

Несколько неожиданную концовку содержит куньинский вариант песни «А кто у нас хороший?»: «*А я приберуся, к тебе привалюся,*| ***Обернуся зайцем, привярнуся к яйцам***»[25]. В энциклопедическом словаре «Славянская мифология», подготовленном сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН, читаем: «Заяц — животное, наделяемое в народных представлениях эротической (фаллической) символикой... У южных славян существуют чисто мужские «заячьи» хороводы. У болгар известно мужское личное имя Зайко... Сон о пойманном зайце предвещает женщине беременность и рождение сына. Сонники толкуют сны о зайце как предстоящую женитьбу, блудодейство или "грех с женою"»[26]. Действительно, заяц-герой игровых песен неравнодушен к девушкам и молодицам, охочь с ними целоваться, есть и более откровенные песни. И может быть, именно поэтому в свадебных песнях у него случаются напряженные отношения с женихом. В Невельском, Пустошкинском, Усвятском районах бытуют свадебные песни «*За реченькой заинька выв, выв, выв*»[27] или «*Сидить заинька под елочкой вочки треть*»[28], и все это потому, что «*его Мишенька больно бьеть*».

Куньинский вариант песни «А кто у нас хороший?» опровергает представление об исключительно мужской эротической символике зайца. Если все предшествующее концовке содержание названной песни, имевшей некогда продуцирующий магический смысл, направлено на утверждение производительной плодородной силы молодого, то вышеприведенная концовка-кульминация песни о молодой, превращающейся в зайца, есть магическое утверждение того, что в соответствующем плане молодая представляет собою достойную пару супругу, и молодожены обзаведуться многочисленным потомством. Заяц известен своею плодовитостью, и, «оборачиваясь зайцем», молодая приобретает его способности.

Итак, «раскаленность» молодых, как видим, связывается с представлением о готовности их к супружеству, об обретенных ими качествах, необходимых для гармоничного супружества и продолжения рода.

Где и как молодые приобретали эту «раскаленность», а с нею названные качества, эту плодородную энергию?

Нами зафиксированы два варианта одного фрагмента песни, которой встречают молодых в доме жениха: «*Раю, раю, рай! Отдали замуж* ***с пекла*** *в рай!*»;[29] «*Рай, рай, рай! Привезли Наташеньку* ***с пекла*** *в рай...*»[30]

Еще в 1868 г. А. Котляревский заметил: «...Следуя лингвистическим указаниям, позволительно думать, что слово пекло в далекой языческой старине не имело того исключительного смысла загробной муки, с каким оно является в преданиях и суевериях: корень ***pak***, сан. ***paG***, обозначал просто действие небесной теплоты, солнечных лучей, небесного огня. П е к л о = область горняя, где действует небесная теплота и огонь»[31]. П.В. Чубинский записал народное поверье о том, что за видимым небом находится другое, которое в обычное время человек не может видеть. Оно приоткрывается ему во время грозы: «...Молния, по понятию народа, происходит от разведения облаков; в эту скважину видится настоящее небо — молния. Молния показывается народу самим Богом, для того, чтобы он помнил всегда, что есть на небе Бог»[32].

Очевидно там, в горнем мире, где царит нездешний, непереносимый для человеческого глаза свет и находятся все запасы плодородного тепла, молодые и обретают качества, необходимые для супружеского благополучия и продолжения рода. Но как это изображалось в реальном свадебном обряде?

Обратимся к заговорам-присушкам, цель которых — добиться взаимности, внушить любовь и в которых так выразительно рисуется образ всепоглощающей любви-страсти, «огненного пламени», «разжигающего» сердце и печень, кровь, «семьдесят семь жил, единую жилу становую, семьдесят семь составов и подсоставков», захватывающей все существо, не отпускающей ни на минуту так, что «едой ее на заешь» и «питьем не запьешь», «в теплой паруше не спаришь», и от которой имя рек кажется «милее отца и матери, милее всего роду-племени и всего, что есть под луной Господней»[33]. Для присушек характерна формула-сравнение, которой некогда, по-видимому, сопровождались магические действия: «***Как огонь в печи горит жарко на жарко, не потухает, так бы ея сердце горело по рабе Божием...***»[34] Такой формуле-сравнению может предшествовать словесное изображение персонажа, совершающего колдовской обряд, несомненно, когда-то реально исполнявшийся: «*...В чистом поле сидит баба сводница, у тое у бабы у сводницы* ***стоит печь кирпична, в той пече кирпичной стоит кунжан литр; в том кунжане литре всякая веща кипит, перекипает, горит, перегорает, сохнет и посыхает:*** *и так бы о мне, рабе Божием (имя рек), рабица Божия (имя рек) сердцем кипела, кровью горела, ...и не могла бы без меня раба Божия (имя рек) не жить, не быть, не дни дневать, не часа часовать...*»[35] Сравним: в былине «Добрыня и Маринка»: колдунья вырезала следы богатыря, оставленные им на дороге, «*скоро* ***затопляла печь кирпичную,*** | ***Как метала эти следики Добрынюшкины,***| *Сама крепкий приговор да приговаривала:*| "***Как горят-то эти следики Добрынюшкины,*** | ***Так горело бы Добрыни ретиво сердце***| *По той ли по Маринке по Игнатьевной,*| *Не мог бы Добрынюшка ни жить, ни быть,*|*Ни дни бы не дневать, ни часу бы часовать*"»[36] Добрыня, мучимый неодолимой страстью, против собственной воли является к Маринке, и та превращает его в златорогого тура.

Итак, печь и огонь. С ними связан огромный комплекс представлений и верований. Печь в народном сознании как-то соотносится с небом (загадка о небе, звездах и месяце: «*Полна печь перепечей, среди печи — каравай*»)[37], с иным миром; через печь в трубу поднимается к небу и возвращается оттуда ведьма. С печью связаны представления о рождении (в сказке под печь бросают отрубленный мизинец или кладут в подпечек принесенный из лесу обрубок дерева, и через некоторое время из них рождается ребенок[38]); с новым рождением (обычай перепекания ребенка, когда слабого или больного младенца на хлебной лопате сажают в протопленную загодя печь и вынимают оттуда, принимая через материнскую юбку). С печью связаны представления о «выжигании» старой природы человека и обретении им новой (ср. миф о Деметре и младенце Демофонте или Фетиде, матери Ахилла; обе они, чтобы выжечь смертную природу ребенка

и дать ему бессмертие, погружают детей в огонь). Печь соотносится с женским началом, огонь — с мужским. Разжигание огня в печи — с зачатием. Печной огонь весьма игрив. Во время обряда изготовления каравая каравайницы в круговой пляске поют: *«Старшая каравайница,| Не стой биля печи:| А ба ты* ***хвартук спалишь,*** *| А ба ты* ***курку осмолишь!»***[39] Очевидно, того же характера и огонь, которым пышут новоявленные молодые: у «большой боярки», которая совершает над молодыми обряд повязывания (окручивания, повивания), по свадебной припевке, загорается именно фартук. Эта припевка так же, как и формула *«Подай платок, руки обжег!»*, воспринимается теперь как намек на необходимость вознаграждения: *«У большой приданки* ***фартук загорелся!*** *Неси, сват, горелки четыре бутылки: Будем водку пить, фартушок тушить»*[40].

Вернемся к варианту обряда «поисков молодых свекровью», с которого начали. Реплика шафера, покрывшего полотенцем молодых, над которыми только что совершен обряд повязывания (окручивания), *«Руки обжег!»*, вызывает ассоциацию с обрядом, принадлежащим другой свадебной традиции, бытующей на территории Псковской области и не только Псковской, — с обрядом «Крыть кашу», который завершал свадебное застолье. В конце свадебного пира свекровь или кто-то другой несет кашу и кричит: ***«Руки горят! Руки горят!»***;[41] *«Ой-ой-ой! Жарко, жарко, жарко!»*[42] Обращает на себя внимание деталь, содержащаяся в обряде с кашей: подчеркивается, что каша горячая, и не просто горячая, но горящая: от нее не только жарко, но загораются руки. Очевидно, горшок с кашей несли, или мыслилось, что несли, прямо из печи.

Сопоставим обряды «Поиски молодых свекровью» и «Крыть кашу» более внимательно. И там, и там после реплики об «обожженных»/«горящих» руках следует подарок совершающему обряд. В варианте с шафером, «обжегшим» руки о молодых, это платок, который, судя по реплике шафера, должен быть подан ему (*«Подай платок: руки обжег!»*). По большинству же описаний обряда «Поиски молодых свекровью» подарок получает не шафер, а свекровь. «Дарами» для свекрови считается материал (*«наметка»*), которым накрывают молодых, сидящих на деже во время совершения над ними обряда повязывания, после которого они считались мужем и женой. Этот покров символизировал слепоту, безликость молодых, находящихся в состоянии «временной смерти», их невидимость для окружающих, для живых. «Наметку» снимала свекровь после того, как она «нашла», «узнала» своих молодых среди безликих или одноликих существ иного мира. Раскрывание молодых — момент, когда они обретали индивидуальный облик, становились зрячими и видимыми для окружающих, — связано с представлением об их рождении в новом качестве, в качестве супругов и родителей. Перед тем как свекрови снять покров, по некоторым вариантам на головы молодым, сидящим под покровом, прямо на покров клали деньги. Ясно, что это в ы к у п, — условие, необходимое для вывода молодых с «того света». Сняв покров, свекровь брала его себе, затем п л я с а л а на лавке. Пляска, как известно, — один из видов ритуального веселья, имевшего магическое значение и способствовавшего новому рождению молодых. После этого н а к о л е н и м о л о д о й с а ж а л и р е б е н к а, что означало, что на свет явились новые супруги и родители.

Что происходит в обряде «Крыть кашу»? *«Свекровь несет горячую кашу и кричит: «Жарко рукам! Жарко!» — и ставя на стол. Вот тогда невеста* ***покрывает мануфактурой, ситцем. А на этот ситец кидают деньги*** *гости, кто сколько может: кто 10 копеек, кто рупь, кто два. А потом все это* [и ситец, и деньги. — Г.П.] свекровь себе брала»;[43] *«Несуть эти три стряпухи кашу и кричать:* ***«Ой, каша горит! Ой, рукам жарко!»*** *Невеста через стол бросает материал, Три стряпухи закрутились материалом,* ***крутятся, пляшут...»***;[44] *«Кашу свекровь выносила. Невеста должна класть материал. Тут и* ***ребенка сажают невесте на колени»***[45]. Таким образом мы и здесь имеем

тот же ряд и ту же последовательность обрядовых актов: покрывание (что подчеркнуто в названии обряда: «Крыть кашу»), выкуп, раскрывание, пляска, на колени молодой сажают ребенка. Колоритны подробности: «Молодая дарит подарочек ему: рубашечку или на рубашечку... А после этого — раз под попку, раз под попку!»[46]. По другим вариантам, смеясь, подкидывает его на руках, «высоко поднимает»;[47] «угощает сладким»[48], молодой пощипывает ребеночка. Смысл обрядовой ситуации ясен: перед нами «новорожденные» родители, которые пестуют свое дитя.

Анализ структуры обрядов «Поиски молодых свекровью» и «Крыть кашу» обнаруживает их аналогию. Ясно, что тот и другой призваны обеспечить чадородие молодых, здоровое, удачное потомство. Любопытно, что в зоне взаимовлияния разных свадебных традиций (на территории Пустошкинского района Псковской области) оба обрядовые акта совмещаются, что обнаруживает их внутреннюю близость: «Молодых сажают на хлебную дежу... связывают наметками; покрывают наметками кашу: "кашу крыли"»[49]. Выявленная аналогия дает основание предположить: а не является ли обряд «Крыть кашу» заместительным? Не символизировал ли горшок с кашей молодых, побывавших в печи-пекле и обретших таким образом качества, необходимые для супругов и родителей и прежде всего способность к деторождению? Возможно, что след существовавшего когда-то архаического варианта обряда, символически изображавшего пребывание молодого в печи-пекле, сохранился в концовке себежского варианта сказки «Сивка-Бурка»: «*Пока собирались венчать, **Иван влез в печку, перепачкался в пепел; его вынули, вымыли, одели хорошенько, и пошел он под венец**, и повенчали, стали они [с царевной] жить*»[50]. Каша — вареное зерно. Сравним с известной приговоркой при осыпании молодых зерном: «*Сколько зерняток, столько ребяток!*». У П.В. Шейна имеется описание обряда с кашей, содержащее деталь, свидетельствующую, как нам кажется, в пользу высказанного нами предположения: «Приданок угощают ужином, за ужином на последнее кушанье подают **сладкую кашу с воткнутым в нее цветком, причем горшок бывает обвязан лентой, «косничком»**...[51] Тремя страницами раньше в описании того же свадебного обряда объясняется, что такое **«косник»: лента и цветы, украшавшие голову невесты**[52].

Таким образом, на наш взгляд, есть основания полагать, что группа характерных для свадебного обряда устойчивых вербальных формул-иносказаний, содержащих мотив возгорания («*Руки обжег!*», «*Руки горят!*», «*Фартук загорелся!*», «*Борода горит!*»), генетически связана с представлением о пребывании молодых, находящихся в состоянии «временной смерти», в пекле — верхнем мире, средоточии запасов мирового плодородного света и тепла. Возможно, что одной из функций полисемантических обрядов с кашей было символическое изображение пребывания молодых в пекле, где они, по древним представлениям, обретали способность к супружеству и деторождению, а изначальный смысл словесных формул с мотивом горения/возгорания заключался в магической продуцирующей констатации обретения молодыми плодородной энергии.

---

[1] Зап. от В.И. Демидкиной, 1932 г.р., в д. Ермаки Изочиинск. с/с Невельск. р-на – ФА ПГПИ за 1986 г., т. 8, № 40.13. О «поисках молодых» см.: Площук Г.И. «Поиски молодых свекровью» в свадебном обряде Псковской области // Псковский край: Культура, образование, история. Псков. 2000. С. 156–187.

[2] Зап. от В.И. Нарвут, 1910 г.р., в д. Нарично Трехалевск. с/с Невельск. р-на – ФА ПГПИ за 1987 г., т. 1, № 49.16.

[3] От нее же, № 122.

[4] Зап. от Е.И. Кулевой, 1901 г.р., в д.Кивалы Усвятск. с/с Усвятск. р-на – ФА ПГПИ за 1977 г., т.2, № 102.

[5] Штейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. I, вып. 2. СПб., 1900. С. 598 , № 1975.

[6] Штейн П.В. Материалы для изучения быта и языка населеиия Северо-Западного края.Т. I, ч.II: Бытовая и семейная жизнь белоруссa в обрядах и песнях. СПб., 1890. С. 184, № 13.

[7] Зап. от Е.В. Алексеевой, 1920 г.р., в д. Давыжья Гора Москвинск. вол. Пск. р-на – ФА ПГПИ за 1992 г., т. 7, № 29.2а.

[8] Штейн П.В. Материалы... С.118, № 129.

[9] Зап. от Т.Ф. Ивченко, 1904 г.р., в д. Желуды Лобковск. с/с Невельск. р-иа – ФА ПГПИ за 1988 г., т. 4, № 87б.

[10] Штейн П.В. Материалы... С. 35, № 47.

[11] Штейн П.В. Великорусс... Т. I, вып. 2. СПб., 1900. С. 596, № 1970.

[12] Штейи П.В. Великорусс... С. 586. № 1929.

[13] Зап. от Ф.У. Каменской, 1897 г.р., в д. Рогово Адреанопольск. р-на Калининск. обл. – ФА ПГПИ за 1987 г., тетрадь И.В. Богдановой, № 3.

[14] Зап. от П.В.Минченковой, 1910 г.р. в д.Сергейцево Нового с/с Пустошкинск. р-на – ФА ПГПИ за 1988 г., т. 3а, №. 49.1а.

[15] Зап. от О.Н. Беруля, 1919 г.р., в д. Замошаны Глембочинск. с/с Себежск. р-иа – ФА ПГПИ за 1989 г., т. 1, № 25.

[16] Зап. от М.В. Андреевой, 1917 г.р., в п. Подберезье Подберезинск. вол. Локнянск. р-на – ФА ПГПИ за 1990 г., т. 1, № 6б.

[17] Зап. от Е.И. Киселевой, 1911 г.р., в д. Ломоносы Нового с/с Пустошкинскю р-на – ФА ПГПИ за 1988 г., т. 4, № 5.

[18] Зап. от Е.В. Рословой, 1924 г.р., в д. Емельянково Новохованск. вол. – ФА ПГПИ за 1990 г., т. 2, № 5.

[19] Зап. от М.Н. Ковалевой, 1913 г.р., в п. Новохованск Невельск. р-на – ФА ПГПИ за 1990 г., т. 1, № 84.

[20] Зап. от А.М.Бормусовой,1904 г.р., в д.Червоеды Усть-Долысск. с/с Невельск. р-на – ФА ПГПИ за 1984 г., т. 17, № 19.

[21] Зап. от А.Н. Карусевич, 1923 г.р., в п. Новохованск Невельск. р-на – ФА ПГПИ за 1984 г., т. 18, № 84.

[22] Зап. от Ф.И. Севастьяновой, 1902 г.р., в д. Шалахово Шалаховск. с/с Пустошкинск. р-на – ФА ПГПИ за 1985 г., т.1, № 10.

[23] Зап. от Е.Г. Насущенко, г.р. не указан, в д. Церковище Церковищенск. с/с Усвятск. р-на – ФА ПГПИ за1979 г., т. 2, № 46.

[24] Зап. от А.И. Жуковой, 1909 г.р., в д. Шуменец Пригородн. с/с Пустошкинск. р-на – ФА ПГПИ за 1989 г., т. 2, № 58.5.

[25] Зап. от С.Ф. Гусановой, 1920 г.р., в д. Каськово Каськовск. вол. Куньинск. р-на ФА ПГПИ за 1993 г., т.1, № 58.

[26] Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М. 1995. С. 190–191.

[27] Зап. от В.В. Кравцовой, 1910 г.р., в д. Кивалы Усвятск. с/с Усвятск. р-на. – ФА ПГПИ за 1977 г., т. 1. № 22.

[28] Зап. от Тимошенковой А.И., 1904 г.р., в д.Доминиково Туричинск. с/с Невельск. р-иа – ФА ПГПИ за 1985 г., т. 3, № 101.

[29] Зап. от М.П. Матюшковой, 1908 г.р., в д. Боярское Усть-Долысск. с/с Невельск. р-на – ФА ПГПИ за 1984 г., т.13. № 51.

[30] Зап. от А.А. Горбачевой, 1912 г.р., в д. Пыги Усть-Долысск. с/с Невельск. р-на – ФА ПГПИ за 1984 г., т. 13, № 55.

[31] О погребальных обычаях языческих славян: Исследование А. Котляревского. Ч. I, II. М., 1868. С. 200–201.

[32] Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-западное отделение: Материалы и исследования, собранные П.В. Чубинским. Т. I, вып. I. СПб., 1872. С. 20.

[33] Великорусские заклинания / Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994.. С. 9–10, № 3.

[34] Там же. С. 8, № 2.

[35] Там же. С. 7, № 1.

[36] Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 156.

[37] Загадки русского народа / Сост. Д.Н. Садовников. М., 1960. С. 216, № 1943.

[38] См., например: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 2, М., 1957, № 300. С. 425.

[39] Шейн П.В. Материалы... С. 258.

[40] Зап. от А.И. Юриновой, 1908 г.р., в д. Рамуси Гультяевск. с/с Пустошкинск. р-на – ФА ПГПИ за 1985 г., т. 8, № 33.

[41] Зап. от И.Г. Дьяковой, 1912 г.р.. в д. Вяз Вязовск. с/с Новосокольническ. р-на – ФА ПГПИ за 1988 г., т.1, № 63.

[42] Зап. от А.Т. Фишковой, 1908 г.р., в д. Копылок Пригородн. с/с Пустошкинск. р-на – ФА ПГПИ за 1989 г., т. 2, № 60.18.

[43] Зап. от Е.П. Мочаловой, 1901 г.р., в д. Девичье Вязовск. с/с Новосокольническ. р-на – ФА ПГПИ за 1988 г., т. 5, № 30.

[44] Зап. от В.И. Селезиевой, г.р. не указан, в д. Струги Вязовск. с/с Новосокольническ. р-на – ФА ПГПИ за 1988 г., т. 2, № 17.

[45] Зап. от Е.П. Мочаловой. См. примечание № 43.

[46] Зап. от М.П. Маркеловой, 1900 г.р., в д. Ходушино Вязовск. с/с Новосокольническ. р-на – ФА ПГПИ за 1988 г., т. 4, № 43.

[47] Зап. от О.И. Назаровой, 1901 г.р., в д. Ламикшино Вязовск. с/с Новосокольническ. р-на – ФА ПГПИ за 1988 г.. т. 3, № 83.

[48] Зап. от А.Т. Фишковой. См. примеч. № 42. Т. 1, № 1.29.

[49] Кадастр: Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков. 1997. С. 678.

[50] Зап. от В.В. Артемович, 1910 г.р., в д. Букатино Глембочинск. с/с Себежск. р-на – ФА ПГПИ за 1989 г., т.1–1а, № 61.

[51] Шейн П.В. Материалы... С. 316–317.

[52] Там же. С. 313.

И.А. Лобакова

ПСКОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ «ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

(О времени создания и принципах переработки текста источника)

Первый исследователь «Повести о разорении Рязани Батыем» В.Л.Комарович, упоминая о трех редакциях произведения, «пока еще не рассматривавшихся», в качестве «Особой» редакции выделил текст, сохранившийся в списке конца XVII в. (БАН, 38.4.40)[1]. Отметив, что «переписчик был и довольно самостоятельным редактором Повести, он не только соединил заново распространенную (основную А — И.Л.) редакцию с компилятивной (редакцией основной Б 1-го вида — И.Л.), но и дополнил такой их свод целым рядом своих собственных отступлений». В.Л. Комарович, основываясь на «послесловии»: «Списано у стрелецкого головы, у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца, восмыя тысящи 141 году марта 2 день», пришел к выводу, что переписчик работал над попавшим ему в руки списком рязанца Анненкова в 1633 году»[2]. Иными словами, исследователь полагал, что редактором был безымянный переписчик[3].

Д.С. Лихачев иначе интерпретировал текст «послесловия». Так как основное значение слова «списано» — «скопировано», то ученый предложил следующую интерпретацию: «Редакция *стрелецкая*, известная в единственном списке, представляющем копию со списка 1633 года стрелецкого головы Н.Л. Анненкова, является переработкой второго вида редакции основной Б. В ней особенно интересны постоянные соотнесения с современностью и рассуждения автора по поводу «неустроения сущих властей» и оборонительных сооружений Русского государства... Для датировки редакции имеет значение упоминание «нового града Смоленска»[4]. Таким образом, для Д.С.Лихачева 1633 г. — время появления списка стрелецкого головы (т.е. автором редакции является Никита Анненков), почему редакция и получила название «Стрелецкой». Однако точной датировки не предложено, что свидетельствует о том, что вопрос о времени и месте создания новой редакции остался открытым.

В 1985 г. мною была защищена диссертация «Повесть о разорении Рязани Батыем. Редакции XVI–XVII веков», где один из разделов был посвящен анализу текста Стрелецкой редакции, а в 1990 г. появилась статья, в которой вопросы о времени и месте создания этой редакции Повести разбирались более подробно[5]. На основе данной статьи с привлечением некоторых новых материалов делается настоящий доклад.

Плюшкинский сборник, в составе которого дошла до нас новая редакция «Повести о разорении Рязани Батыем», на л. I содержит скорописные пометы «Григорей, Григориа, Григорья. Сия книга города Пскова», которые, вероятно, относятся к XVIII в. На

лл. 1-2; 7; 10; 12; 14; 16; 20; 21 по низу листа читается скрепа: «Книги сия // Архангельского // собора // священика // Савина // Семенова //сына // келейная». Таким образом, засвидетельствована история бытования рукописи в Пскове, что характерно для большинства сборников из коллекции известного псковского коллекционера М.Ф. Плюшкина. Существенно, что «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань», часто сопровождавшее «Повесть о разорении Рязани Батыем» в рукописной традиции, в сборнике читается дважды: на лл. 196 об. — 198 в виде очень краткого пересказа (эпизод с Евпраксией вовсе опущен), на лл. 330–336 об. — Сказание читается в слегка обработанном виде. На лл. 337–352 содержится текст новой редакции «Повести о разорении Рязани Батыем», получившей другое название: «О пленении земли Резанския от безбожнаго царя Батыя».

Итак, обратимся к полному тексту «послесловия» Повести: «О еже написах повесть о принесении чюдотворнаго образа святаго Николы Корсунскаго (а ныне нарицаем бе Зарайский, от Москвы 120 верст, а от Коломны 30. Списано у стрелецкого головы, у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца восмыя тысящи 141 году марта 2 день), о таковых же преславных чюдесах и знамении, и прехождении от места на место, от страны во страну и от града во град в божественном Писании, в различных повестех много о святых иконах повествуют». Представляется, что Плюшкинский список (напомним, конца XVII в.) является точной копией своего источника — списка, сделанного в 1633 г. и принадлежавшего Никите Анненкову произведения: скопировано даже сообщение о переписке. Вероятно, в протографе Плюшкинского списка сведения о времени появления копии-источника читались на полях, так как в рассуждении о «странствующих святынях» они имеют вид явной вставки, перебившей текст «географического пояснения».

В тексте Плюшкинского списка наличествует ряд исторических реалий, которые имеют, как представляется, датирующее значение. Так, читаем: «Якоже *во всей Росии пресловущий* град великий *Псков каменный, четырми стены огражден*, да новый град Смоленск. Инии же мали быша гради — теми немцы обладаша». Из исторических источников известно, что город Псков во время Ливонской войны (1558–1583) был значительно усилен: утолщены и перестроены стены, а также завершена замена деревянных укреплений каменными вокруг четвертого — Окольного — города. У Пскова появились 4 каменных кольца стен: Кром, Довмонтов город, Средний город и Окольный. «Пресловущим» же город стал традиционно именоваться после блистательной обороны против войск Стефана Батория (26.08.1581 — 4.02.1582). В «Повести о прихождении Стефана Батория на Псков», созданной, как доказал В.И. Малышев, псковским изографом Василием в 90-х гг. XVI в.[6], также подчеркивается тот факт, что град Псков «четвероограден всекаменными стенами, многославен же в земли той и многолюден». Таким образом, упоминание Пскова, славного во всей России и огражденного 4-мя каменными стенами, возможно только после 1582 г.

Упоминание «нового града Смоленска» связано с рассуждениями создателя новой редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» о строительстве каменных городов. Известно, что каменный Смоленский кремль строился при Борисе Годунове мастером Федором Конем с 1595 по 1602 г.[7] Таким образом, упоминание о новом — каменном — городе Смоленске возможно только после 1602 г.

В тексте новой редакции Повести[8] читаются многочисленные рассуждения автора о «неустроении сущих властей», о вельможах, которые «чести ради поганския, а Бога и душу свою отвергшаго, якоже и ныне таковых много есть», «все то дьяволу гордость влагающи в них, якоже и доныне», о причинах бедствий («советом и любовию тверд бывает всяк град, а безсовестия ради и нелюбве разоряютца... тако и ныне то же творит-

ся»; «Тако и ныне последнему роду — новому Израилю беды наводит, или глад, или мор, или рать, или огнь за устроение сущих властей»; «...злая творяще и неподобная, предани бываем злым и немилостивым властем грех ради») и т.п. Важно отметить, что публицистические отступления анализируемой редакции совпадают с рассуждениями о вине за разорение земли в сочинениях начала XVII в., в частности «О причинах гибели царств»[9], среди которых читается и такое: «... и те виноваты, которые властетельны или началниками бывают, егда за их злобою, и за их хотением, и гордостью, и за их неправдою всякие царства пременяются и погибают». Именование Московского царства новым Израилем встречается в таких памятниках о Смутном времени, как «Сказание» Авраамия Палицына и «Временник» Ивана Тимофеева, например.

Гипотеза о том, что местом создания новой редакции был именно Псков, возникла не только потому, что в ее тексте впервые появляется упоминание этого северного города (о нем говорится дважды): как о непокоренном Батыем и как об известном всей России. Главным образом, она основана на том, что в Пскове во времена Смуты происходили события, которые наполняют конкретным историческим смыслом рассуждения автора о «злых и немилостивых властех». С июля 1606 г. воеводою в городе был Петр Никитич Шереметев. Псковская 3-я летопись сохранила описание многих его «насильств, притеснений» и жестокости. Так, он заставлял ремесленников «даром делати на него всякое рукоделье»; послал в Москву обвинение в измене 70 человек «меньших», которые выразили недовольство новыми «утеснениями», требуя их «казнить смертию», и т.п. Когда Шереметев в разгар Смуты получил возможность лавировать между приверженностью царю Василию Шуйскому и признанием Лжедимитрия II, то значительно увеличились его возможности личного обогащения: обвиняя псковичей и жителей припсковских сел то в нарушении верности Шуйскому, то в неповиновении «законному государю Димитрию Ивановичу», он отнимал имущество «бунтовщиков», а с теми, кто был недоволен его решениями, расправлялся. «Воеводские неправды, грабления и обиды» стали причиной восстания в Пскове, которое началось 1 сентября 1608 г. «Меньшие» люди отказались повиноваться приказу Шереметева оборонять город против «Тушинского вора» (победы М.В. Скопина-Шуйского над тушинцами стали причиной очередного приступа «патриотизма» воеводы). Воевода, брошенный в темницу восставшими псковичами, в июне 1609 г. был убит. Псков признал государем Лжедимитрия II, а с декабря 1612 г. стал прибежищем очередного авантюриста, выдававшего себя за чудесно спасенного царевича, которого, кстати, и называли «Псковским вором». После этого события слава Пскова сильно померкла. Даже мужественная оборона города в 1615 г. против шведского короля Густава-Адольфа не вернула городу былого именования «пресловущий».

Таким образом, редакцию, созданную в Пскове, целесообразно, как представляется, называть Псковской, а временем ее создания следует считать 1606–1608 гг. (во времена правления Н.П.Шереметева, до восстания против «немилостивой власти» и до заката былой славы города), возможно, в окружении епископа Геннадия.

Появление списка Псковской редакции у рязанца Никиты Анненкова также оказывается вполне объяснимым: есть сведения, что в 30-х гг. XVI в. он был стрелецким начальником в Псковской земле — в 1635 г. под его предводительством были разбиты литовцы под Печорами[10]. А значит, вполне возможно и появление копии с принадлежавшего ему списка в 1633 г. Из этого следует вывод, что Плюшкинский список представляет собою уже четвертый этап существования редакции: архетипный текст Псковской редакции, созданной в 1606–1608 гг., — список Н.Л.Анненкова — копия с него 1633 г. — Плюшкинский список конца XVII в.

Какие изменения были внесены создателем Псковской редакции в текст его источника — ред. Б 2-го вида и о чем они свидетельствуют, ответить на эти вопросы, ограниченная рамками доклада, я смогу очень кратко.

Прежде всего, в тексте появились многочисленные добавления. Некоторые из них развили уже существовавшую в тексте источника тему мученичества рязанских князей. Так, не только смерть князя Федора Юрьевича осмысливается в Псковской редакции как смерть за веру, но и всего рязанского посольства: Батый «многих князей нарочитых и людей повеле побити. И так *вси скончашася — о Христе пострадаша, и приняша венцы нетленныя*. И первый бысть мученик на Руси от князей».

Евпраксия с сыном тоже оказываются добровольными мучениками: «...душа своя предаша Господеви, *мученически скончашася*».

Если в ред. Б князь Олег Красный, попавший в плен, отверг помощь Батыя и «нарек его безбожна и врага христианска», то в Псковской редакции поступку князя дается такое толкование: «Князь Олг Ингоревичь *не пожела славы сея временныя, но небесныя славы возжеле, укори царя нечестиваго...*»

Даже Евпатием Коловратом в Псковской редакции движет не столько месть, не столько стремление разделить судьбу со всей Рязанью, сколько желание принять мученический венец: Евпатий «погна напрасно вслед царя Батыя, хотя и желая пити смертную чашу — *с своими государи равно пострадати, якоже и древнии мученицы противу нечестивых царей*».

Образ Батыя также более последовательно выдержан в традициях образа царя-мучителя. Подчеркивается не только коварство Батыя («И начат резанских князей кормити, и поити, и на ловех с ними ездити, *и тешити. И преже сладок им показася, последи же горчае желчи явися*»), не только неведение им божественных законов («*Безбожный же царь в неверии своем, не разумея божественного Писания, ни страха Божия не имея...*»), но и нрав: «*нравом немилостив сый к человеколюбию и на скверное смешение пореваем похотию плоти своея, якоже конь ревнив...*».

Жесткое противопоставление в тексте Псковской редакции Повести мучеников-князей царю-мучителю привело, в частности, к переосмыслению диалога князя Федора с Батыем. Если в древнейших редакциях в нем отражено представление о праве победителя (отказ Федора признать за не воевавшим с рязанскими князьями Батыем этого права — и свидетельство величия Рязанского княжества, и причина ярости царя, в могуществе которого усомнились), то в Псковской редакции князь Федор, главным образом, рассуждает о богословской стороне вопроса: «*Царю! Писано бо есть в законе нашем христианском: не завидети, не похотети чюждему, не желати. И недостойно есть нам, христианом, не токмо тебе, нечестивому царю, ниже своим верным давати жен своих... кроме своего мужа — той да обладает ею по закону. И не буди мне сего сотворите никакоже, еже приступити закон Божий. Разве той един Создатель и Творец наш грех ради предаст нас тобе.*»

Как и в других редакциях Повести XVII в., в Псковской редакции произошла замена многих повествовательных описаний монологами (происходит вторичная «драматизация» текста, которая, как отмечала Н.С. Демкова на другом материале, является общим принципом повествовательной литературы этого времени)[11]. Но и в монологах главной оказывается все та же тема мученичества или рассуждения о христианских добродетелях. Так, в текст Псковской редакции был введен плач Апоницы, источником которого было «Житие Михаила Тверского»: «*О драгий мой господине княже! Как скоро отшел еси света сего, и оставил княжение, и власть, и княгиню, и дети своя! Не повинуся безбожному царю, ни воли его вдася. Но вожделел еси пострадати за отечество свое, за вся люди своя, якоже ин никто же*». Фрагмент из «Жития Михаила Твер-

ского» не очень адоптирован к Повести: так, например, из текста этой редакции (как и всех других редакций Повести) известно, что у Федора только один сын (а в появившемся плаче Апоницы говорится, что князь оставил «дети своя»); ничем не мотивировано также объяснение смерти сына рязанского князя желанием пострадать за свое отечество и своих людей. В монологе Евпраксии перед самоубийством объясняются причины ее поступка: возможный позор и страх за сына, боязнь отступить от христианства — вот то, что привело княгиню к гибели. Существенным представляется и тот факт, что в Сказании о перенесении Николина образа, предваряющей Повесть, появляется рассказ о самоубийстве безымянной дочери князя Юрия Всеволодовича Владимирского, которая, подобно Евпраксии, «вержеся долу с полатей церковных и заразися до смерти, не хотя осквернити девства своего с погаными. И тако венцем увязошася страдания ради от вседержителя Бога». Тема добровольного ухода из жизни, таким образом, оказывается в Псковской редакции расширенной в пространственных границах: в городе Владимире разворачивается та же драма, что и в Рязани.

В словах Батыя, обращенных к мертвому Евпатию, не только читаются сравнения рязанского богатыря с Самсоном и Александром Македонским, но и в традициях народной этимологии объяснено прозвище героя «Коловрат»: «прехождая полки моя, *яко коло пресецая и превращая*».

Иногда сделанные создателем Псковской редакции Повести добавления искажают смысл фрагмента. Так, образ битвы-пира в ответе дружинников Евпатия в ред. А «не подиви, царю, не успевати наливати *чаш* на толику силу — рать татарскую» был уже слегка изменен в ред. Б 2-го вида: «не успевати наливати *чашю* на толику силу и великую рать тотарскую». В Псковской ред. образ битвы-пира был уже не понят: «И ты о сем не дивися, царю, что н*ас наш государь-князь упоил питием хмельным* на толику силу и великую рать татарскую. И мы елико осмыслили — так и сотворихом». Собственно говоря, последняя фраза вполне может быть отнесена к методу работы создателей редакций многих произведений в XVII в.

Впрочем, порой произведенное добавление придает использованной в источнике метафоре дополнительный смысл. Так, слова сановников Батыя о дружине Евпатия «Сии бо люди крилати и бесмертни суть» распространены рядом сравнений: «Сии бо люди, *аки львы сердцем, и легци, яко птици крылати, прилетающе и пресекающе полки наша, не убояшеся смерти, не устрашишеся такового нашего великаго воинства*».

Однако наиболее характерными для Псковской редакции являются добавления публицистического характера, имеющие вид исторических параллелей, несущих дидактическую функцию. Примеров подобных добавлений много, приведем некоторые из них. Так, создатель Псковской редакции говорит о вине князей перед Русью: «Все то дьяволу гордость влагающи в них, якоже и доныне. Не пред многими бо леты преж сего пришествия поганых бишася братия — великия князи — между собою о власти, и много крови прилияша. Мню, того ради Богу попустившу того ради на них поганых...» т.е. в качестве причины Батыева нашествия указывается битва на реке Липице в 1216 г. (что, возможно, является отражением представлений, выраженных в Пространном цикле о нашествии Батыя на Русскую землю, который читается в составе Хронографа 1599 г. и Русском временнике)[12].

Публицистический комментарий пронизывает все повествование о разорении Рязанской земли в Псковской редакции Повести: все грехи прошлого повторяются вновь. Рассказывая о бедствиях, постигших Рязань, автор повторяет: «якоже и доныне», «якоже и последи бысть»; о воеводе, который поведал Батыю о красоте Евпраксии, говорится: «прелестник и отвержение веры християнския. И басурманскую веру возлюбив чести ради поганския, а Бога и душу свою отвергшаго (якоже и доныне таковых много есть) обольсти, и сказа...»

Однако с наибольшей очевидностью публицистические идеи выражены в завершающих текст редакции отступлениях о городах Русской земли, о «злых властех мздоимных и неправду творящих» (с привлечением рассказа о Прохоре-лебеднике из Киево-Печерского патерика) и о странствующих святынях. Заменившие собою Похвалу роду рязанских князей, столь композиционно значимую в старших редакциях «Повести о разорении Рязани Батыем»[13], эти отступления существенны для понимания главной идеи, которой руководствовался создатель Псковской редакции. Для него Повесть — лишь дополнительный эпизод в рассказе о странствии Николина образа из Корсуня в Рязань: «О еже написах сию повесть о принесении чюдотворнаго образа святаго Николы Корсунскаго... о таковых же преславных чюдесах и знамении, и о прихождении... много повествуют». Таким образом, Повесть стала сюжетным элементом Сказания об иконе, которое, в свою очередь, ставится в один ряд с чудесами во Влахерне, с явлением иконы Тихвинской Божьей Матери (но о главном ее чуде — спасении от шведов Новгородской земли в 1613 г. — ничего не говорится, что, как представляется, может служить еще одним доказательством в пользу предложенной нами датировки). В состав сборника, содержащего список Псковской редакции Повести, включены произведения о чудесах икон, особенно псковских святынях: «О знамении от иконы Богородицы во Пскове», «Повесть о Печорском монастыре», «Повесть о Святогорском монастыре, еже во области псковской», «Повесть о явлении иконы на Камене-езере во области псковской», «Сказание о прихождении Стефана Батория», сказания о Смоленской, Казанской, Тобольской иконах Богоматери, «Об избавлении Богородицей Руси от царя Ахмата», Жития Дионисия-архимандрита и Никодима Кожеозерского, службы Довмонту-Тимофею и Савве Крыпецкому, Сказание об образе «Николы на круглой доске», что в Николо-Дворищенском соборе Новгорода. Вполне возможно, что в чем-то Плюшкинский сборник повторил состав своего протографа (т.е. переписанной оказалась не только Повесть, но и ряд других произведений), хотя и доказать, и опровергнуть такую точку зрения невозможно.

Таким образом, Псковская редакция «Повести о разорении Рязани Батыем», созданная, согласно высказанной точке зрения, в 1606–1609 гг., является интересным образцом посадской культуры. Она свидетельствует о большой начитанности ее создателя и в четьей литературе («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о Темир-Аксаке», «Повесть о прихождении Стефана Батория на Псков», «Повесть о взятии Царьграда турками», «Александрия» — два последних произведения входили в состав Хронографа), и в церковной (наряду с текстами Священного Писания, на которые ссылается создатель Псковской редакции, есть заимствования из «Жития Михаила Тверского», «Жития Иакова Перского», «Киево-Печерского патерика»). Кроме того, она, бесспорно, связана с традициями публицистической литературы конца XVI — начала XVII в.: в ней присутствуют ярко декларированная авторская позиция, что позволяет говорить об использовании старого исторического сюжета в дидактических целях.

---

[1] Новый шифр: БАН, собр. Плюшкина, № 165.

[2] Комарович В.Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 7. С. 273–274.

[3] Этой же точки зрения в настоящее время придерживается Б.М.Клосс. См.: Клосс Б.М. Избранные труды. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. Т.2. С. 433–435.

[4] Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 273–274.

[5] Евсеева-Лобакова И.А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» (К вопросу о времени и принципах переработки текста источника) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 370–377.

[6] Вступительную статью В.И.Малышева // Повесть о прихождении Стефана Батория на Псков. М.; Л., 1952. С. 22–24.

[7] О Смоленском кремле писали многие историки архитектуры, искусствоведы и историки: См.: Грабарь И.(Э). История русского искусства. История архитектуры. Допетровская эпоха. М., 1910. Т. 1. С. 493–508; Т. 2. С. 305–337; Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. М., 1970. С. 122–137; Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964.

[8] Текст Псковской редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» приводится по изданию Д.С.Лихачева. См.: Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском... С. 358–369. Добавления, сделанные создателем Псковской редакции, в тексте выделены курсивом.

[9] Салмина М.А. «О причинах гибели царств» — сочинение начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 332–353.

[10] Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 73.

[11] Демкова Н.С. Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII в. // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1984. С. 34–35; Она же. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума. Аввакум и традиции устного рассказа // Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 210-230.

[12] Евсеева (Лобакова) И.А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 г. // Вестник ЛГУ. 1983. Вып. 4, № 20. С. 50–55.

[13] Лобакова И.А. Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 36–53; Демкова Н.С. Летописная агиографическая повесть о смерти князя как жанровая модель средневекового повествования // Чтения по истории и культуре Древней и новой России. Ярославль, 1998. С. 53–57.

О.В. Панченко

СОЛОВЕЦКАЯ РЕДАКЦИЯ «ПОВЕСТИ О РЯЗАНСКОМ ЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ» В СБОРНИКЕ ПСКОВСКОГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА

В XVI–XVII вв. духовные связи между монастырями Псковской земли и Соловецким монастырем были постоянными и многообразными. Прежде всего их связывали многочисленные паломники, приходившие помолиться псковским и соловецким чудотворцам. Как рассказывается в цикле чудес Зосимы и Савватия Соловецких, в 1602–1603 гг. иноки Псково-Печерского монастыря неоднократно направляли приходивших к ним богомольцев на Соловки просить об исцелении соловецких чудоворцев[1]. Ездили на богомолье в Псков и соловецкие иноки. Известно, что в 1638 г. в Псково-Печорский монастырь приезжал по обету помолиться соловецкий келарь Ефрем Квашнин[2].

В XVII в. с Соловецким монастырем была связана деятельность, по меньшей мере, трех выдающихся деятелей Псковской епархии: архиепископа Иоасафа (1621–1634), митрополита Илариона (1691–1698) и игумена Никандрова монастыря Макария (конец 1660 — начало 1670-х гг.).

Архиепископ Псковский и Изборский Иоасаф был постриженником Соловецкого монастыря, учеником соловецкого игумена Антония (1603–1612). В 10-е гг. XVII в. он был одним из соборных старцев Соловецкого монастыря[3], а затем несколько лет служил в Новгороде при митрополите Исидоре (также бывшем соловецком постриженнике). В 1621 г. Иоасаф был поставлен в архимандриты Псково-Печорского монастыря, а через несколько лет возведен на Псковскую кафедру (в 1627 г.). В 1632 г. он был отстранен от службы патриархом Филаретом за то, что, пойдя против царской воли, поставил свою подпись под челобитной псковичей царю против постройки в городе немецкого гостиного двора. Вскоре после этого псковичи послали царю три тысячи

рублей и добились от него согласия, чтобы немецкий двор был построен за городом. Тогда же архиепископ Иоасаф получил от патриарха прощение и «разрешение», а вскоре после кончины патриарха Филарета был возведен по воле царя в сан патриарха всея Руси (1634–1640 гг.)[4]. Во время своего пребывания на псковской кафедре архиепископ Иоасаф неоднократно посылал в Соловецкий монастырь богатые книжные вклады, среди которых особенно примечателен список Толковой Псалтыри в переводе Максима Грека, сохранившийся до наших дней (РНБ, Соловецкое собр., № 1040/1149 и № 1041/1150).

Несколькими десятилетиями позже, в 1690-е гг., во главе Псковской епархии находился митрополит Иларион Смирнаго (1691–1698), который до этого на протяжении более 10 лет был келарем (1676–1680), а затем архимандритом Соловецкого монастыря (1680–1687). В книжном собрании митрополита Илариона находилось несколько книг соловецкого происхождения. В их числе был и известный список «Собрания от божественных писаний <...> против новых книг», созданный во время Соловецкого восстания 1667–1676 гг. духовными вождями соловецких старообрядцев уставщиком Геронтием и архимандритом Никанором (БАН, 16.7.21)[5]. История бытования этой и других книг из собрания митрополита Илариона была исследована в статьях Н.Ю. - Бубнова и О. А. Белобровой[6].

С Соловецким монастырем была связана судьба и бывшего игумена Псковской Никандровой пустыни архимандрита Макария, назначенного первым настоятелем Соловецкого монастыря после разгрома восстания 1667–1676 гг. Пребывание архимандрита Макария на Соловках длилось 4 года (1676–1680 гг.), после чего он был переведен в Тихвинский монастырь[7]. В книжном собрании архимандрита Макария находилось по меньшей мере четыре рукописные книги, созданные в Соловецком монастыре, которые впоследствии были вложены им в книгохранительную казну Никандровой пустыни. В начале XX в. эти книги были перевезены в Псков в библиотеку Церковно-археологического комитета, а затем переданы в Древлехранилище Псковского музея-заповедника[8]. Все они были рассмотрены в недавней статье В. И. Охотниковой, посвященной книжной деятельности архимандрита Макария[9].

Среди четырех соловецких рукописей, хранящихся в фонде Никандровой пустыни, вот уже многие годы внимание исследователей привлекает агиографический сборник середине XVII в., состоящий преимущественно из житий и служб русским святым[10]. Об этом сборнике упоминали в своих исследованиях Н.И. Серебрянский, В.И. Малышев, Г.К. Вагнер, А.А. Турилов[11]. Но только недавно благодаря исследованию О.С. Сапожниковой стало известно, что этот сборник был создан в середине 50-х гг. XVII в. знаменитым соловецким писателем Сергием Шелониным, который включил в него целый ряд собственных сочинений[12]. Подробное описание этого сборника содержится в «Каталоге славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника» Н.П. Осиповой и в упомянутой статье О.С. Сапожниковой[13]. В дополнение к содержащимся в этих изданиях сведениям укажем имя писца этого сборника, остававшееся ранее неизвестным. Почерк этого книгописца встречается в целом ряде соловецких рукописей 50–60-х гг. XVII в. (нам известно по меньшей мере 19 таких книг). В одной из них сохранилась его владельческая запись, в которой он сам называет себя «Козьмой Евсеевым вологжанином» (РНБ, Соловецкое собрание, № 317/337). Таким образом, интересующий нас сборник из собр. Никандровой пустыни № 292 был написан соловецким дьячком Козьмой Вологжанином, являвшимся постоянным помощником Сергия Шелонина в последний период его жизни.

Для истории бытования этого сборника представляется небезынтересным тот факт, что вскоре после его создания Сергий Шелонин вложил его в январе 1658 г. в книго-

хранительную казну Соловецкого монастыря вместе с другими книгами своей келейной библиотеки[14]. Тогда же по решению соборных старцев Соловецкого монастыря все книги, вложенные Сергием Шелониным, были признаны особо ценным достоянием Соловецкой обители: книгохранителям было запрещено продавать их, выменивать или выдавать из книгохранительной казны[15]. Однако уже спустя четверть века этот сборник оказался в библиотеке Никандровой пустыни. Произошло это после разгрома Соловецкого восстания 1667–1676 гг., когда на Соловках насильственно сменилось прежнее поколение соловецких иноков, и в монастырь были присланы новые духовные власти, в числе которых был и новый соловецкий архимандрит Макарий.

Рассмотрим подробнее состав этого сборника, в который, как уже было сказано, Сергий Шелонин включил целый ряд своих сочинений: Сказание о чудесах Иоанна и Лонгина Яренгских; Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа; 3 службы: митрополиту Филиппу, Герману Соловецкому и яренгским чудотворцам; 2 канона: Варлааму Керетскому и Трифону Печенегскому; и 8 оригинальных тропарей русским и восточным святым[16]. Помимо собственных сочинений Сергий Шелонин включил в этот сборник и несколько произведений других авторов: «Стихиры и канон киево-печерским святым и всем святым, в Малой России просиявшим» Мелетия Сирига,[17] Житие и Надгробное слово Иосифу Волоцкому, созданные волоколамскими книжниками первой половины XVI в. Саввой Черным и Досифеем Топорковым, и Житие Нила Столбенского, написанное иноком Болдинской пустыни Филофеем Пироговым. Вошли в состав этого сборника и несколько анонимных повестей: Повесть о страдании великого князя Георгия Всеволодовича (со службой ему), Повесть о Германе Соловецком и Повесть о рязанском епископе Василии (особой редакции). Об атрибуции последней из названных повестей и пойдет речь в настоящей статье.

Произведение это имеет следующее название: «Повѣсть како прейде из Мурома града епископъство в богоспасаемый град Переаславль Рязанский». Эта повесть представляет собой новую редакцию хорошо известной Повести о епископе Василии Рязанском, которая была составлена в середине XVI в. протопопом московской церкви Спаса на Бору Ермолаем-Еразмом (уроженцем города Пскова). Напомним вкратце сюжет Повести Ермолая-Еразма. В первоначальной ее редакции рассказывается о том, что однажды епископ города Мурома Василий был оклеветан дьяволом в блудной жизни и изгнан местными жителями с епископской кафедры. В доказательство своей невиновности епископ Василий взял на руки икону Богородицы и ушел с ней на реку Оку, где, сняв с себя мантию и положив ее на воду, уплыл на ней вверх по течению в Старую Рязань. Таким образом, говорится в Повести, бывшая муромская епископия была перенесена в город Рязань[18].

Две старшие редакции этой Повести — первоначальная Краткая и вторичная Пространная (вошедшая в состав Жития князя Константина Муромского) — были исследованы в цикле статей Р. П. Дмитриевой, посвященных творчеству Ермолая-Еразма[19]. Но третья редакция этой Повести, сохранившаяся в единственном списке в сборнике из собрания Никандровой пустыни № 292, осталась Р. П. Дмитриевой не исследованной[20]. Между тем текст этой редакции существенно отличается от текста двух старших редакций XVI в. и является вполне самостоятельным произведением. В нем сюжет о епископе Василии распространен целым рядом новых эпизодов, в которых события, связанные с перемещением епископской кафедры в Рязань, доведены до эпохи Смутного времени.

В рассматриваемой редакции, так же как и в двух предыдущих, рассказывается об изгнании епископа Василия жителями города Мурома и о его чудесном путешествии в Старую Рязань, но при этом сообщаются и некоторые новые подробности: например, о

том, что, прибыв в Рязань, он обнаружил ее полностью разоренной Батыем, после чего снова сел на мантию и поплыл дальше вверх по течению — в Переяславль Рязанский, новую столицу княжества. Там он построил церковь и учредил епископию, а спустя некоторое время мирно почил. Дальше в Повести рассказывается о том, как в годы Смутного времени мощи епископа Василия были перенесены в кафедральный Успенский собор Переяславля Рязанского: перенесение совершил архиепископ Рязанский Феодорит в присутствии воеводы Прокопия Ляпунова. Заканчивается Повесть рассказом о чуде святителя Василия — о его благодатной помощи страждущей жене другого рязанского воеводы князя Ивана Хворостинина, после того как тот обратился с молитвой к епископу Василию и отслужил по нему панихиду.

О данной редакции Повести уже упоминали в своих работах Н. И. Серебрянский и Г.К. Вагнер, но оба исследователя относили ее создание к первым десятилетиям XVII в.[21] При этом они исходили из того, что в тексте Повести упоминаются имена известных деятелей эпохи Смутного времени: Прокопия Ляпунова (скончался в 1611 г.), архиепископа Феодорита (умер в 1617 г.) и князя Ивана Хворостинина (служил рязанским воеводой в 1618–1619 гг.). Однако, по нашему мнению, рассматриваемая редакция Повести была создана, вероятнее всего, в середине 40-х гг. XVII в. (при рязанском архиепископе Моисее) и в создании ее принимал участие Сергий Шелонин.

Приведем доказательства атрибуции этой редакции Сергию Шелонину.

Во-первых, как уже было сказано, данная редакция Повести сохранилась только в одном сборнике, составленном самим Сергием Шелониным в середине 1650-х гг., включившим в него не менее 8 своих собственных сочинений. В числе других созданных им произведений он поместил в этом сборнике оригинальный тропарь епископу Василию, отдельные выражения которого буквально совпадают с текстом соловецкой редакции Повести. Приведем текст этого тропаря полностью:

«К могущему спасти Богу руцѣ простирая,
водамъ послужившимъ тебѣ Божиимъ мановениемъ,
на манатьи естество водное переѣхавъ,
искуситель же возрыдай погибе
священными твоими молитвами, Василие отче»[22].

При сопоставлении текста этого тропаря с соловецкой редакцией Повести обращает на себя внимание тот факт, что в обоих этих произведениях для описания чудесного путешествия Василия против движения реки использовано одно и то же довольно редкое выражение «Божиим мановением» (отсутствовавшее в двух старших редакциях Повести): «И абие, *Божием мановением* направляем, пойде вверх реки тоя...» (в соловецкой редакции Повести); «...водамъ послужившимъ тебѣ Божиимъ мановениемъ...» (в тропаре епископу Василию). Кроме того, и в тропаре, и в соловецкой редакции Повести епископ Василий назван просто *«отче* Василие» (вместо ожидаемого: *«святителю* отче Василие»). Такие совпадения двух текстов могут быть объяснены или влиянием одного памятника на другой, или *единством авторского стиля* сочинителя обоих произведений. Второе представляется нам более вероятным.

Во-вторых, характерным признаком авторского стиля создателя соловецкой редакции Повести о епископе Василии является широкое использование им принципа «уподобления» главного героя известным «агиологическим образцам»[23]. Автор соловецкой редакции «уподобляет» епископа Василия сразу двум известным новгородским святым — святителю Иоанну Новгородскому и преподобному Антонию Римлянину. Причем он использует принцип «уподобления» одновременно на двух уровнях художественной организации текста: на вербальном и на сюжетном. Вербально он прямо заявляет о том, что его герой «подобен во всем Ивану архиепископу Новгородскому», а в

другом месте говорит, что епископ Василий — это «второй Антоний Римлянин», ибо тот на камне, а этот на мантии чудесным образом преодолели водную стихию. Одновременно с этим и на сюжетном уровне писатель вводит в текст некоторые новые мотивы, заимствованные им из Повести об Иоанне Новгородском. Например, он сообщает о том, что дьявол, желая возмутить народ против епископа Василия, подбрасывал к нему в келию некую «утварь женскую». Данный сюжетный мотив отсутствовал в двух старших редакциях Повести и, вероятнее всего, был заимствован писателем из Повести об Иоанне Новгородском, в которой также рассказывается об оклеветании новгородского святителя дьяволом[24]. Основой для сближения сюжетов этих двух повестей, несомненно, послужило уподобление рязанского епископа Василия его «агиологическому образцу» — святителю Иоанну Новгородскому.

Следует отметить, что прием «уподобления» героя «агиологическим образцам» обычно используется в жанрах торжественного красноречия и гимнографии, но достаточно редко встречается в жанре «исторической повести» (к которому и относится соловецкая редакция Повести о епископе Василии). Поэтому то обстоятельство, что автор этой редакции неоднократно использовал прием «уподобления» именно в жанре «повести», может рассматриваться как отличительная черта его авторского стиля.

Среди большинства известных нам авторов первой половины XVII в. этот прием особенно часто использовал Сергий Шелонин, для которого (как мы показали в одной из предыдущих статей) принцип «уподобления» героев их «агиологическим образцам» является основной чертой его творческого метода[25]. Таким образом, исходя из особенностей художественного стиля соловецкой редакции Повести о епископе Василии мы можем предполагать, что ее автором был Сергий Шелонин.

В пользу авторства Сергия Шелонина может говорить и тот факт, что примерно в те же годы, когда была создана соловецкая редакция Повести о епископе Василии, им был написан «Канон всем святым, иже в Велицеи Росии в посте просиявшим», в одном из тропарей которого он прославил рязанского епископа Василия, которого он поместил в одном ряду с другими святителями-исповедниками, пострадавшими за благочестие от светской власти[26].

Предложенная нами датировка соловецкой редакции Повести 40-ми гг. XVII в. основывается прежде всего на атрибуции этого сочинения Сергию Шелонину, чье начало писательской деятельности приходится именно на 40-е гг. этого столетия. В этот период им было создано несколько сочинений, посвященных прославлению русских святых: «Похвальное слово русским преподобным», «Канон всем святым, иже в Велицеи Росии в посте просиявшим» и др.[27] Предложенная датировка Повести находит подтверждение в документальных источниках, которые свидетельствуют о том, что церковное празднование епископу Василию Рязанскому, по-видимому, также было установлено не ранее середины 1640-х гг., во время управления рязанской кафедрой архиепископа Моисея (1638–1651)[28]. Судя по опубликованным документам, в 1638 г., сразу же после прибытия архиепископа Моисея в Рязань была сделана опись Успенского кафедрального собора и находившейся там гробницы епископа Василия, в тексте которой епископ Василий еще ни разу не был назван святым[29]. Первое упоминание о церковном праздновании епископу Василию и о пении ему молебнов относится только к 1645 г. (до этого, судя по всему, по нему продолжали служить панихиды)[30]. Вероятнее всего, именно тогда, в середине 40-х гг. XVII в., по заказу рязанского архиепископа Моисея соловецкий писатель Сергий Шелонин и написал новую редакцию Повести о епископе Василии, сохранившуюся в единственном списке в собрании рукописей Псковского музея-заповедника[31].

Текст «Повести о рязанском епископе Василии» (соловецкой редакции) публикуется по рукописи Псковского музея-заповедника, собр. Никандровой пустыни, № 292, л. 404–411.

(л. 404) **Повѣсть како прейде из Мурома града епископъство в богоспасаемый град Переаславль Рязанский.**

Ревности убо божественныя похвала ходатай, яко «праведнику похваляему, возвеселятся людие». Бысть нѣкто в Муроме-граде епископъ именем Василии, благовѣренъ, праведенъ и благочестивъ, и бояся Бога, уча и наказуя люди по заповѣди Христовѣ, якоже другии нѣкто подобенъ во всемъ Иванну архиепископу Новгородцкому. Тако же и сему преподобному святителю Василию завидѣ искони ненавидяй добра дияволъ, хотя от благочестивыя мысли отвратити Божия люди и возложити поношение и хулу на святаго. Начатъ пре // (л. 404 об.) ображатися своими многокозненными мечты: овогда во образѣ жены являяся к народомъ, овогда же, во время прихода христолюбивых людей пользы ради, пометая в келии его утварь женскую. И симъ отврати народ, и в ненависть преложи их на святаго.

Многу же о сих времени мимошедшу, собрашася народи къ епископу, многия клеветы мещуще нань. Онъ же воспрещаше имъ, божиими словесы прелагаше их от гнѣва на кротость. Они же не престаяху, вопиюще: «Не хощем от тебе твоего ложнаго учения, понеже прелщаеши нас. Инако убо словесы своими уча, инако же дѣлы пребывая»

Во единъ же от дний паки собравше // (л. 405) мся имъ ко епископу, он же изшед к ним и миръ давъ людемъ по обычаю. Они же, яко дивии звѣрие, нападше нань, начаху ризы его терзати. Он же восхитивъ напрасно в руку свою образ пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы со превѣчным Младенцемъ, исторжеся из руку их и пойде на реку глаголемую Оку. И егда прииде к рецѣ, и снем съ себя мантию свою, верже на реку, и вседе самъ на ню. И абие, Божиимъ мановением направляемъ, пойде вверхъ рѣки тоя, направляемъ образом Пречистыя Богоматере. И в той же день достизает мѣста нарицаемо Старая Рязань. И ту мало помедливъ, и объглядавъ мѣста того, бѣ бо уже град // (л. 405 об.) той славный разорен от безбожнаго царя Батыя, и паки всѣде на мантию, течаше, Божия духа благодатию направляемъ, вверхъ тоя же рѣки. И егда прииде на мѣсто то, идѣже нынѣ град Переаславль Рязанскии стоит, и ста ту и возлюби мѣсто то зѣло. О великое чюдо, како во единъ день толико разстояние далняго пути прейде! Тако Богу изволшу на обличение жестоких людей и непокоривых, изгнавших святаго. Яко же глаголютъ, триемъстом поприщъ быти разстояние мѣсто то.

Людие же мѣста того начаша приходити ко святому, он же нача поучати их от святых писаний Христова учения заповедей Евангель // (л. 406) скихъ. И повѣдаша о немъ князю мѣста того. Князь же слышавъ о немъ, радостенъ бывъ, приемлетъ от него благословение и вопрошает его, откуду бѣ и коея страны. Святитель же Василии отвѣща ему: «Богъ, иже вся человѣки хотяй спасти, приведе мя сѣмо. А яже о мнѣ, вся по времени извѣстно ти будетъ. Но молю тя, княже, даждь ми мало мѣста в державѣ твоей, идѣже церковь воздвигнути в славу Божию и Пречистой Его Матери и святымъ страстотерпцемъ Борису и Глѣбу». Князь же обѣщася ему с радостию прошения его исполнити, еще же и способствовати во всем ему. И глагола святителю Божию: «Идѣже тебѣ Богъ известит, тамо // (л. 406 об.) себѣ сотвори церковь». Святый же походи, и возлюби мѣсто мало повыше града, яко едино поприще отстояние, и возлюби мѣсто себѣ, и ту начатъ церковь созидати. Князь же начатъ помогати ему. Тако же и людие мѣста того помагающе ему.

Услышавше же о нем злии клеветницы, Мурома-града жителие, начаша себе порицати: «О, каково зло, братие, сотворихом: такова учителя изгнахом злѣ, от дияволаострекаеми и поущаеми, вѣчно поношение себѣ изходатайствовахом!». И начаша приходити к нему во страну ту, благословения и прощения от него просяще. Он же с радостию вся приимаше, // (л. 407) подобяся во всем учителю своему Христу, и, его ученикъ беззлобию, глаголя сице: «Чада, не вы убо сия мнѣ сотвористе, но искони ненавидяй добра диявол, хотя вас безплодны сотворити в день Господа нашего Исуса Христа и отщетити вас от любве Его, без неяже никтоже узритъ Господа. О мнѣ же, яко же Господь устроитъ, тако и буди воля Его во всем». И тако поучивъ их, отпущаше в домы своя, подаваше им вѣчно благословение и прощение.

Святый же поживе ту многа лѣта, и с миром ко Господу отиде. И погребенъ бысть у тоя же церкви за олтарем.

Многимъ же лѣтам мимошедшим, бѣ бо ту церкви каменая от древних лѣт создана, // (л. 407 об.) и той разсыпавшися, и на том мѣсте создана бысть церковь древена. Во время же то в Росийском государстве грѣх ради наших нестроение и мятеж бысть от Ростриги и его единомысленникъ. И потом бысть на Рязани архиепископъ Феодоритъ; владеющу же тогда градомъ воеводцкою властию Прокопию, порекломъ Ляпунову.

Является в нощном видѣнии святый Василие тут же нѣкоему мужу просту, в подгории тоя же горы живущу в пещере земней от многъ лѣт, глаголя сице: «О, человѣче, не могу терпѣти попирания человѣча, понеже и от безсловесных скотовъ попираемъ есмь и небрегомъ, и плесни мои уже // (л. 408) пребиша. Возвѣсти сия архиепископу града сего, дабы мощи мои пренеслъ в соборную церковь». Человѣкъ же той, слышавъ сия, бысть во ужасѣ велице, и рече ему: «Повѣждь ми, господи, кто ты еси?». Он же рече ему: «Азъ есмь епископъ первый града сего, имя мое Василий». Муж же той возбнувъ от сна, начатъ размышляти в себѣ, и начат повѣдати видѣние то живущимъ ту людемъ. Архиепископу же того не повѣда.

И паки времени прешедшу иному, является святый другому мужу нѣкоему, имѣющу хитрость желѣзо ковати. И глагола ему тако же, и последи рече ему: «Аще повѣдаеши о мнѣ // (л. 408 об.) архиепископу града сего, имать Богъ исцѣлити сына твоего», бѣ бо у человѣка того сынъ злѣ боля при смерти. Человѣкъ же той, слышавъ сия и о исцѣлении сына своего, возбнувъ и радостенъ бывъ, тече ко архиепископу и повѣда ему вся, яже видя. Архиепископъ же с радостию сия слышавъ. Возвѣщается сия всему причту церковному, и архимандритом и игуменом. И нарече има день, в онь же пренесение сотворит честным мощем его.

И тако со всѣм освященнымъ собором пришедше, окопавше гроб его, бѣ бо каменнъ, плите же веръхней мало надломившейся, и того ради плесни святаго приимаху попирания от человѣкъ же и скот безсло // (л. 409) весных. Егда же открывше гробъ, видѣша святаго мощи цѣлы, яко и амфору его тлѣнию не подлежати, но цѣлъ весь. И тако со псалмы и пѣсньми пренесоша честныя мощи его в соборную церковь Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Мария честнаго Ея Успения. Человѣкъ же той принесе ту сына своего едва жива суща, и в той час исцѣление получи. И прославиша Бога, творящаго дивная и преславная святыми своими, и положиша мощи святаго в той же рацѣ.

Оле, преславное чюдо! Воистинну, братия, сей великий святитель — вторый Римлянинъ. Онъ бо на камени, сей же на мантии, подобно друг другу // (л. 409 об.) чюдо сотвориста. Пречистыя же Матере Божия образ, иже чюдеса сотвори святым своимъ угодникомъ Василием, над гробом его устроенъ, и до сего дни всѣми видимъ и покланяемъ и почитаем, и неугасимая свѣща пред нимъ стоит, приходящимъ точит целбы всегда и во вѣки, аминь.

Мало же и от чюдес нѣчто исповѣм желающимъ слышати к ползѣ душевнѣй.

Нѣкто синклитикъ царевы полаты, именемъ князь Иван, порекломъ Хворостининъ, повелѣниемъ царевымъ строящу ему градцкия вещи и управляющу люди. Женѣ его бывшей в болѣзни тяжцей зело во время // (л. 410) рождения младенцу ея, нужду велию и болѣзнь имущей, яко на четыре дни от тоя болѣзни мучитися ей и едва живѣ сущей. Прииде же мужъ в себѣ и начат помышляти: «Что се есть наше согрѣшение пред Богомъ?» — и прииде в соборную церковь Пречистыя Богоматере, моляше Господа Бога и Пречистую Его Матерь, дабы простил жену его. Возрѣв же на гроб святителя Василия и начат спрашивати ключаря: «Есть ли у вас написание о святѣмъ Василии епископе что мало?» Он же принесе ему писание и прочет. Онъ сиклитикъ писание то начат чести и удивлятися Божиимъ чюдесем. Рече же къ церковником ту сущим: // (л. 410 об.) «То почто таковый свѣтильникъ в презрѣнии есть?» Они же рекоша к нему: «Тако Богу благоизволшу о сем, мы не вѣмы. Точию кто призовет его, и бываетъ молитвами его от Бога великая помощъ и заступление». Он же рече к ним: «Да молебная совершаете ли святому?» Они же рекоша тако: «В презрѣнии святый сей, и канона ему нѣсть. Точию кто от православных людей понахиду пропоет святому, и во имя его принесет свѣщу и канон, и бывает милость Божия». Он же повелѣ в том часѣ кутию принести, и начаша пѣти понахиду. В том часѣ прииде вѣстникъ из дому его, повѣдая ему, что ему дарова Богъ сына // (л. 411) и княгиню его Богъ простил. Он же из глубины сердца благодарение и молитву воздая Господу Богу и Пречистой Богоматере и великому в чюдесѣх Василию епископу Рязанскому, и отиде в дом свой радуяся.

Мнози же православнии християне, приходящеи с вѣрою ко святому гробу его и поюще понахиду, приемлютъ исцеление от недуг своих неоскудно и здравы отходятъ в домы своя, благодаряще Бога и святаго отца Василия.

---

[1] Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2. С. 440–441, 475–476 («Чудо о болярыне Фекле, имущей руку десную скорчену»); 444–445, 470–471 («Чудо о немом отроце Иакове»).

[2] РНБ, Соловецкое собр., № 18/1477, № 304, л. 385.

[3] Имя соборного старца Иоасафа упомянуто в Отписной книге Соловецкого монастыря 1613 гг. (СПб., ИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 130, л. 1).

[4] Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. Т. 11. С. 315.

[5] О Никаноровском сборнике «Собрания от божественных писаний...», принадлежавшем впоследствии псковскому митрополиту Илариону см.: Бубнов Н.Ю. «Сказание ... о новых книгах» (1667) – источник Пятой Соловецкой челобитной // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН. 1985. Л., 1987. С. 112–133.

[6] Бубнов Н.Ю. «Сказание ... о новых книгах»... С. 112–133; Он же. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 196–207; Белоброва О.А. Из истории псковско-новгородской книжности и культуры конца XVII – начала XVIII в. // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 270–277.

[7] В 1660–1690-е гг. архимандрит Макарий был настоятелем целого ряда севернорусских монастырей: Никандровой пустыни (конец 1660 – начало 1670-х гг.), Клопского (1672–1675 гг.), Тихвинского (1675–1676, 1680–1689 и 1694–1696), Соловецкого (1676–1680), Хутынского (1689–1694). См.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 51, 63–64, 69–70, 396, 817.

[8] См. отчет священника А. Ляпустина о его поездке в Никандрову пустынь и о книгах, отобранных им для передачи в библиотеку Псковского церковного историко-археологического комитета (Псковские епархиальные ведомости, 1910, № 22. С. 358–360). Перечислим рукописные книги архимандрита Макария, хранящиеся в Древлехранилище Псковского музея-заповедника в фонде Никандровой пустыни (ф. 502): Сборник певческий на крюковых нотах (№ 16), Сборник аскетический (№ 102), Сборник житий и повестей об иконах (№ 128), Сборник служб и житий русских святых (№ 292). См.: Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX в.) / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. Ч. 1. С. 32-33, 39–41, 46–47, 47–48. Помимо 4 рукописных книг в Псковском Древлехранилище находится еще одна старопечатная книга, также принадлежавшая архимандриту Макарию: Ирмологий с месяцесловом. М., Печат-

ный двор. 1673 (ф. 294, № 70/97). См.: Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII веков Псковского музея-заповедника / Сост. Н. П. Осипова. 2-е изд., доп. Псков, 1985. С. 62.

[9] Охотникова В.И. Макарий, книжник второй половины XVII в., архимандрит Соловецкий, Хутынский, Тихвинский // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2003 (в печати). Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Валентину Ильиничну за возможность ознакомиться с ее статьей до ее публикации.

[10] Псковский музей-заповедник, собр. Никандровой пустыни (ф. 502), № 292. Сборник житий и служб русским святым. XVII в. (50-е гг.), в 4-ку, 420 лл. Запись на л. 1 об.: «192 году [1683] декабря в 10 день положил сию книгу в дом живоначальныя Троицы и Пречистыя Богородицы и преподобнаго отца Никандра Тихвина монастыря архимандрит Макарий в помяновение родителей своих и во отпущение грехов своих».

[11] Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 246; Малышев В. И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. М.-Л., 1955. Т. 11. С. 476; Вагнер Г.К. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 167–177; Турилов А.А. К истории скриптория и библиотеки Соловецкого монастыря в XVII в.: (соловецкие рукописи в коллекции Псковского музея-заповедника) // Народная культура Севера: «Первичное и вторичное, традиции и новации»: Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28–30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 195–197.

[12] Сапожникова О.С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергия Шелонина // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А.Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 340–355; Новые сведения о соловецком книжнике Сергии Шелонине // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 617–623.

[13] Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника... С. 47–48; Сапожникова О. С. Неизвестные сочинения соловецкого книжиика Сергия Шелонина... С. 341–344.

[14] Запись о вкладе этой и других книг, принадлежаших келейному собранию Сергия Шелонина, была сделана во Вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в.: «Да во 166-м [1658] генваря в 15 день он же Сергий, бывшей Ипацкого монастыря архимандрит, дал вкладом в десть и в полдесть печатных и писменых 37 книг ... Да он же Сергий дал вкладом по себе в вечной помин печатных и писменых в десть и в полдесть и в четверть 16 книг ... А что ево Сергиевых вкладных книг, и тому роспись: ... книга Жития и службы с канонами: митрополита Филиппа, и преподобного Германа, да яренгских чюдотворцов, да Иосифа Волоцкого, да 2 канона новым святым: Трифану Печенскому да Варламу Керецкому» (СПбИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 152, л. 330–331).

[15] Запись об этом читается в Отводной книге книгохранительной казны Соловецкого монастыря 1658 г.: «...тех вкладных архимандрита Сергиевых книг ис книгохранителные казны никому не продавать и не давать, держать в береженьи» (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 256, л. 39 об.).

[16] Сапожникова О. С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергия Шелонина... С. 340–355.

[17] «Стихиры и канон киево-печерским святым и всем святым, в Малой России просиявшим» были написаны известным греческим писателем Мелетием Сиригом в 1643 г. по заказу киевского митрополита Петра Могилы.

[18] Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. С. 325–326.

[19] Дмитриева Р. П. Две редакции XVI в. Повести о Рязанском епископе Василии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 136–142; Она же. Повесть о Рязанском епископе Василии. (История текста первоначальной редакции) // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 40–55; Она же. Повесть о рязанском епископе Василии и ее отношение к Повести о Петре и Февронии // Дмитриева Р.П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. С. 79–94, 325–326.

[20] Дмитриева Р.П. ограничилась лишь упоминанием о существовании третьей редакции Повести, известной в единственном списке XVII в. из собрания Никандровой пустыни. Она отметила, что появление этой редакции было «связано с канонизацией героя Повести» (см.: Дмитриева Р.П. Повесть о Рязанском епископе Василии... С. 41).

[21] Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития... С. 246; Вагнер Г.К. Повесть о рязанском епископе Василии... С. 171.

[22] Псковский музей-заповедник, ф. 502, № 292, л. 14.

[23] Художественный принцип «уподоблений» в древнерусской агиографии был рассмотрен нами в отдельной статье (см.: Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534).

[24] Ср.: «Ииогда же и началницы града того, приходяще в келию святаго благословения ради, видять моиста девичья лежаща, и сандалиа женьская, и рубища, и о семь оскорбляхуся, недоумеюще, что рещи. Вся же си бесь мечтуа показаваше имъ, да востануть на святаго и возглаголють неправедная и изженуть» (Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе / Подгот. текста, перевод и коммент. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. XIV–середина XV века. СПб., 1999. Т. 6. С. 454). О влиянии Жития Иоанна Новгородского на текст старших редакций Повести о епископе Василии исследователи писали и раньше, но в тексте старших редакций отсутствует прием «уподобления». См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографи-

ческих сказаний. Л., 1973. С. 156; Дмитриева Р.П. Две редакции XVI в. Повести о Рязанском епископе Василии... С. 141–142; Он же. Повесть о рязанском епископе Василии и ее отношение к Повести о Петре и Февронии. С. 85.

[25] Панченко О.В. Поэтика уподоблений... С. 491–534.

[26] Панченко О.В. «Канон всем русским святым» соловецкого писателя XVII в. // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 2002. № 2 (32). С. 160–161.

[27] Панченко О.В. Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» – сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // ТОДРЛ. СПб., 2002. Т. 53. С. 547–592; Он же. «Канон всем русским святым» соловецкого писателя XVII в. С. 160–161.

[28] До своего поставления на рязанскую кафедру архиепископ Моисей (в миру – священник Максим) служил протопопом Благовещенской церкви в Московском Кремле и более 15 лет был духовником царя Михаила Федоровича (см.: Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 252). С деятельностью архиепископа Моисея было связано создание еще одного сказания о местной святыне Рязанской и Муромской епархии – «Сказания об Унженском кресте» (известного также как «Повесть о Марфе и Марии»). См.: Брун Т.А. К вопросу о возникиовении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 216–226; Он же. Повесть о Марфе и Марии // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XVII в.). СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 148–152; Демкова Н.С. «Повесть о Марфе и Марии» («Сказание об Унженском кресте») и ее переделки в XVII в. // Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 103–121.

[29] Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. С. 11, 20, прим. 184.

[30] Там же. С. 13. О пении панихиды по епископу Василию в 1618 или 1619 г. рязанским воеводой князем Иваном Хворостининым говорится в тексте самой Повести.

[31] Хочу выразить искреннюю благодарность С. А. Волковой, заведующей Псковского Древлехранилища, за большую помощь в работе с рукописными фондами Псковского музея-заповедника.

И.В. Федорова

СПИСКИ ДРЕВНЕРУССКИХ «ХОЖДЕНИЙ» В СОБРАНИИ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Древнерусские «хождения» в Древлехранилище Псковского музея-заповедника представлены самыми известными произведениями этого жанра — «Хождением» игумена Даниила и «Хождением Трифона Коробейникова»[1].

Изучение рукописной традиции обоих памятников началось еще в XIX в., однако значительная часть списков de visu не просмотрена; о них известно только по описаниям, а это значит, что потенциально каждый вводимый в научный оборот список может изменить или скорректировать наши представления о «жизни» текста. «Псковские»[2] списки Хождений ранее не изучались[3], а потому их текстологическое описание — один из этапов восстановления литературной истории обоих памятников. Примечательна и «псковская» страница в литературной судьбе старшего памятника жанра — Хождении игумена Даниила. Именно в Пскове, будучи архиепископом псковским, Евгений (Болховитинов) закончил работу над созданием сводного списка Хождения игумена Даниила, готовя произведение к изданию, и передал свой труд в Московское общество истории и древностей российских (1810)[4]. Однако список Хождения игумена Даниила, хранящийся в фонде Псковской духовной семинарии №126 (далее — ПДС 126), Евгению известен не был и в дальнейшем к изучению не привлекался. Кратко охарактеризуем его.

Список датируется второй половиной XVII в.,[5] произведение передано полностью, каких-либо купюр или добавлений нет. Памятник в списке озаглавлен «Книга, глаголемая Странник» (л. 143) — это один из нескольких вариантов названия, под которым

Хождение игумена Даниила читается в списках XVI—XVII в. Рассматриваемый список интересен тем, что текст разделен на 29 глав, а не на 90, как в I редакции, и не на 50, традиционных для II редакции[6]. Уменьшение количества глав произошло в результате слияния мелких глав под одним заголовком. Важным критерием для установления редакции нашего списка служит указание в послесловии на время паломничества Даниила, отсутствующее в большинстве списков памятника: «... ходилъ есми тамо въ княжение рускаго кн(я)зя С(вя)тополка Изяславича, внука Ярослаля Володимера Киевъскаго» (л. 213). Вопрос о происхождении чтения — считать указание на время паломничества поздней хронологической вставкой читателя-писца XV–XVI вв. или видеть в нем отражение архетипного чтения — пока в науке остается открытым.

Списков, подобных «псковскому», в литературной истории Хождения игумена Даниила известно немного, старший датируется рубежом XV–XVI вв. (РГБ, собр. Флорищевой пустыни, №149)[7]. Место этих списков в литературной истории памятника исследователями определяется по-разному. Так, первый издатель Хождения игумена Даниила И.Сахаров называл такие списки «полными», противопоставляя «сокращенным»[8], а М.А.Веневитинов отнес их к III полной редакции[9]. С ним не согласилась В.П.Адрианова-Перетц, которая считала, что невозможно на основании одного чтения и сокращения количества глав говорить о новой редакции памятника, поэтому она предложила эти списки рассматривать как разновидность II редакции Хождения[10]. На наш взгляд, правильным следует признать мнение В.П. Адриановой-Перетц, так как изменений текста какой-либо переработки в указанных особенностях не прослеживается, в то время как есть немало общего со II редакцией. В списках с сокращенным количеством глав (в том числе и в ПДС 126), как и во II редакции, молитва Авраама о жителях Содома дана в кратком изложении, пропущено описание горы Армафем (глава «О горе Армафем)[11]. Что касается сокращения количества глав в списке ПДС 126 и всей группы (количество заглавий колеблется от 27 до 35), то еще М.А. Веневитинов обратил внимание на то, что заглавия вписывались после копирования текста, а потому некоторые заголовки оказывались из-за невнимательности писца пропущенными[12]. В случае с «псковским» списком так произошло с заголовком «О море Содомском»: заголовок отсутствует, хотя и предполагался, место для него осталось незаполненным (л. 175 об.), поэтому он включается в число заглавий рассматриваемого списка.

Вместе с Хождением игумена Даниила в рукописи читаются Житие Василия Нового, Житие мученицы Варвары, Мучение Димитрия Солунского, патериковые повести[13]. Такой состав сборника более характерен для XVI — начала XVII в., чем для времени создания ПДС 126 — второй половины XVII в. По наблюдениям М.А.Веневитинова, такой состав сборника говорит о восприятии Хождения читателями как «исторического свидетельства о его (Даниила — И.Ф.) жизни и деятельности»[14], к такому выводу подводит и название произведения в этих сборниках — «Житие и хождение игумена Даниила» (см.: РНБ, ОСРК, Q.XVII.88; Софийское собр., № 1409). В XVII столетии состав сборников меняется. Хождение в это время помещалось рядом с описанием других паломников и сказаниями о монастырях и церквях (РНБ, Софийское собр., №1453; собр. Погодина, №1553), что, как считал М.А.Веневитинов, свидетельствовало об отношении к произведению уже как путеводителю, «сочинению по церковно-исторической географии»[15], фиксировало это и название памятника «Книга, глаголемая Странник». Таким образом, «конвой» Хождения в сборнике из фонда Псковской духовной семинарии №126 для второй половины XVII в. нехарактерен, в то время как текст «псковского» списка для литературной истории Хождения традиционен, однако для восстановления этой истории каждый новый список уникален уже своим существованием и как факт востребованности произведения XII в. читателем XVII столетия.

В XVII–XVIII вв. особую известность получило Хождение Трифона Коробейникова. В фондах Псковского Древлехранилища хранятся три списка этого произведения: ф. Никандровой пустыни №134; Опочецкого уезда №151 и ф. Кузнецова №144.

Поскольку литературная история Хождения Трифона Коробейникова до сих пор не восстановлена, а памятник сохранился в большом количестве списков, многие из которых еще текстологически не изучены, то при описании «псковских» списков Хождения нами учитывалось, насколько полно список передает содержание памятника, а также наличие заголовка, количество глав, их названия.

Два списка из фондов Опочецкого уезда №151 и Никандровой пустыни №134 отнесем к «полной» редакции, по классификации Лопарева[16]: текст Хождения в списках воспроизведен полностью. Интересно название памятника в списке из ф. ***Опочецкого уезда, №151*** (далее — О151). Хождение Трифона Коробейникова прочитано здесь как «Древняя история о святыхъ мѣстах града Иерусалима и иныхъ местъ чудѣсныхъ» (л. 68). Во многих списках Хождения заголовок вообще отсутствует, а среди имеющих название такого раньше не встречалось. Главы в этом списке называются «сказаниями»: «Сказание о рекѣ Иорданѣ», «Сказание о градѣ Вифлиемѣ». Их десять, за счет объединения под одним заголовком нескольких глав они получились очень пространными, но усматривать в этом результат прочтения текста переписчиком списка О151 нет оснований: очевидно, именно так текст читался в скопированном писцом тексте. Об этом, как кажется, свидетельствует следующее: описание горы Елеонской, обычно в тексте Хождения Коробейникова помещаемое под названием «О горе Елеонской», в нашем списке писец пропустил, не оставив для него места. Заметив это, заголовок переписчик вставил убористым почерком между концом главы «Сказание о дому пророка и царя Давида» и началом рассказа о Елеонской горе (л. 93 об.), чего в отношении других названий, отсутствующих в списке О151, сделано не было. Следовательно, в рукописи, за которой точно следовал переписчик, этих заголовков тоже не было. Копиистом осознавал себя и переписчик этого списка. По окончании текста Хождения Трифона Коробейникова на л. 120 находим запись: «Копировалъ О:П:Б.С:С:Ш.». К сожалению, расшифровке запись пока не поддается.

Текст Хождения по списку ***ф. Никандровой пустыни №134*** (далее — Н134) пополнен тремя новыми главами, которых нет в других списках: «Сказание о святогорскихъ монастыряхъ: и сколко монастыреи, и сколко в которомъ монастырѣ брати» (л. 87 об.), «Воспоминание отчасти святыя горы Афонска, како наречеся святая гора Афонская и какихъ родитель тако прозвася» (л. 93 об.) и «Сказание царя Оловия во святомъ крещени Василия» (л. 97), известное в науке как «Сказание о Вавилоне». Вероятно, эти статьи отразили состав сборника, с которого было переписано Хождение Трифона Коробейникова в рассматриваемую рукопись. Такое восприятие «конвоя» как части Хождения произошло, на наш взгляд, по следующим причинам: рассказы о святой горе Афонской были приняты переписчиком за продолжение Хождения Трифона Коробейникова из-за тематической близости трех произведений друг другу: «Сказание о святогорских монастырях» содержит описание афонских монастырей (указаны их названия, история создания обителей, количество братии), а «Воспоминание» — это апокрифический рассказ о посещении Афона Богородицей. «Сказание о Вавилоне» с Хождением Коробейникова, возможно, было соотнесено из-за жанровой близости памятников. Как известно, в жанре и стиле Сказания исследователи видят сходство этого произведения с жанром «хождения» к святым местам[17]. В литературной истории Хождения Коробейникова случаи присоединения к тексту других произведений немногочисленны (отметим списки конца XVII–XVIII вв. из Соловецкого собрания РНБ: Сол.

900/1010, Сол. 1136/1240), тем более интересно включение указанных произведений в состав Хождения Трифона Коробейникова — в других списках они не встречаются.

С учетом этих произведений список Н134 имеет 21 главу («Глава 21. Сказание царя Оловия во святомъ крещени Василия», л. 97). На семнадцать глав, по этой нумерации, поделен собственно текст Хождения Трифона Коробейникова (последняя глава «О пришествии во Египетъ и в Царьград, и к Российскому государству. Глава 17-я», л. 87). Фактически Хождение поделено на тридцать три главы. Большинство глав, таких, как «О верѣ еретиковъ дивножѣ», «О селѣ Скуделниче», «О церкви святаго Николая чудотворца», «На горе Елеонъсте», «О птицахъ», «О Раифѣ», остались не пронумерованы. Эти главы имеют большинство уже изученных списков Хождения (см.: РНБ, ОСРК, Q.XVII.76; РГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, №401/853; ГИМ, собр. Уварова, №149/1918), исключение составляет лишь глава «О церкви святаго Николая чудотворца». Обычно повесть о церкви св. Николая помещается в главу «О Египте», и лишь в немногих списках (к примеру, РНБ, Сол. 882/992 и переписанный с него список Сол. 915/1025) этот сюжет выделен в отдельную главу. Но текстологически «псковский» список и списки из Соловецкого собрания РНБ не связаны, их «роднит» интерес к этому сюжету и одинаковое название соответствующей главы, саму повесть списки начинают по-разному. В списке Н134 повесть начинается словами «Той же царь черкизовски Гаврила беззаконныи повелѣ...» (л. 75 об.), заканчивается: «Патриаръ же въ той церкви служилъ и донынѣ, совершаше в неи ходу души своеа Божественную литоргию» (л. 75 об.). В списке Сол. 882/992 глава «О церкви святаго Николая чудотворца» имеет другое начало: «Дивное намъ паки повѣда патриархъ Селивестръ о церкви святаго Николы чюдотворца...» (л. 490 об.)[18], а заканчивается так: «...токмо одни ворота стоятъ в нихъ цѣлы, в них же вьехала святая Богородица со Христомъ и со Иосифомъ из Иерусалима, пребыхомъ в старомь Египтѣ 4 дни с патриархомъ» (л. 490 об.). Таким образом, в списке Н134 глава «О церкви святаго Николая чудотворца» содержит только рассказ об осквернении церкви св. Николая, а в списке Сол. 882/992 в эту же главу включен еще и рассказ о поездке русских послов в «старый Египет», который в списке Н134 выделен в отдельную главу «О святом граде Египте» (л. 76–77). Как видим, независимо друг от друга переписчики выделяют из повествования один и тот же сюжет, но «видят» его по-разному. Среди изученных списков Хождения пока не находят себе аналогов и другие главы списка Н134: «О санчакове погибели» (л. 61–61 об.), «О пощени Господа» (л. 67–67 об), «О святом граде Египте» (л. 76–77), «О двунадесяти источницехъ» (л. 79–79 об.), «О реке, иже из горы» (л. 79 об.–80)[19].

В тексте списка Н134 есть небольшой дефект: начало произведения механически утрачено, Хождение начинается с полуслова: «с Москвы в Царьград и во Отиохию, и во Лѣксандрию, и во с(вя)ты градъ Иерусалимъ...» (л. 45), поэтому трудно судить о том, имелось ли в этом списке название. Заголовок «Путешествие во Св. землю Трифона Коробейникова в 1584 г.», под которым читается Хождение в списке сейчас, поздний. Он вписан рукой читателя (очевидно, XIX в.), который исправлял в тексте описки переписчика или кажущиеся ему ошибки или комментировал отдельные сюжеты записью «баснословие» на полях рукописи.

Итак, знакомство с текстом списков О151 и Н134 позволяет точнее определить их место в рукописной традиции Хождения Трифона Коробейникова. На неоднородность «полной» редакции Хождения, к которой на основании содержания отнесены и «псковские» списки, обратил внимание В. Буш. Он предложил разделить редакцию на пять подгрупп: списки первой группы представлены списком РНБ, ОСРК, Q.XVII.44, опубликованным Хр.М.Лопаревым; второй группы, «которые к основе первой механически прибавляют дополнительные главы», третья группа с дополнениями легендарно-

апокрифического характера, четвертая группа — списки, сокращающие отдельные главы «типичного текста первой», пятая — вольный пересказ «полной» редакции Хождения[20]. При такой систематизации «полной» редакции список Н134 отнесем ко второй группе — списки с механическим присоединением новых глав, а текст списка О151 близок первой группе «полной» редакции. Третий «псковский» список Хождения — ***ф. Кузнецова №144*** (К144)— по этой классификации близок группе списков, «сокращающих отдельные главы типичного текста».

В отличие от рассмотренных списков, список К144 неполный: пропущены начало и конец произведения. В основной части сокращений нет. Прочтение текста убеждает, что сокращение выполнено сознательно: текст не оставляет впечатления неполноты и отрывочности; читатель, не знакомый с полной версией Хождения, не догадывается, что перед ним сокращенный вариант описания христианских святынь. В списке опущено вступление и описание пути в Иерусалим, повествование начинается описанием главной святыни Иерусалима — храма Воскресения Господня: «Воскресение Христово, гдѣ гроб Господень, каменно, а длина же тои церкви — семдесят сажень» (л. 179 об.), а заканчивается описанием предела Неопалимой Купины в Синайском монастыре, «гдѣ Моисѣй видѣлъ Богородицу со Младенцемъ во огни стоящу неопалиму» (л. 249 об.). Уникален рассматриваемый список и заголовком: «Сказание о царственномъ граде Иерусалимѣ, ибо есть мати окресным градомъ, какъ посланъ Трифон Коробѣиниковъ» (л. 179). Такое название произведения, обращенное к «царственному граду Иерусалиму» (как и заголовок ранее рассмотренного списка О151), а не к посольской миссии царя Ивана Грозного, и собственно текст списка, с опущенными подробностями о посольстве, дают возможность предположить, что автора этого варианта текста Хождение Коробейникова интересовало как рассказ о библейской топографии, содержащимися в нем подробностями «о Иерусалиме и окресных городах».

При описании списков Н134 и К144 Хождения Трифона Коробейникова наиболее сложно установить, внесены ли изменения в текст переписчиками списков или же в таком виде Хождение читалось в рукописях, с которыми работали переписчики этих списков. С одной стороны, соответствий им среди известных списков Хождения не обнаруживается, с другой стороны, значительное число списков памятника, как уже отмечалось, текстологически еще не изучено, а потому возможно предполагать существование списков с такими же, как у «псковских» списков, особенностями текста. Поэтому мы ограничиваемся лишь описанием списков, определение их места в литературной истории Хождения, характера взаимоотношений с другими списками — дело будущего.

Рассмотренные списки Хождения Трифона Коробейникова принадлежат книжной культуре XVIII века[21]. Это столетие в истории русской паломнической литературы было важной вехой: наряду с рукописными копиями появляются первые печатные издания древнерусских «хождений» и описания паломников нового времени, а также распространяются лубочные издания. Особое место среди последних принадлежит «Описанию Иерусалима» Симона Симоновича с гравюрами Христофора Жефаровича, известному в России начиная с 70-х годов XVIII в. и распространявшемуся на протяжении всего XIX столетия. В собрании Псковского Древлехранилища — ***ф. Красноумова, №154***[22] (далее — К154) — хранится рукописная копия этого произведения. В науке известно всего два рукописных списка Описания Иерусалима[23]. Вообще же случаи переписывания гравированных изданий редки, потому что иллюстрации в таких копиях не воспроизводились, а без них «содержание книги плохо воспринималось, терялась ее наглядность, «истории» становились скучны и малопонятны»[24]. Уникальность «псковского» списка Описания Иерусалима в том, что вместе с текстом воспроизведены ил-

люстрации: рисунки выполнены карандашом, это архитектурные иллюстрации сюжетных картинок, имеющихся в оригинале, практически нет (исключение представляет только «Жертвоприношение Авраама», л. 17). Возможно, это связано с многофигурностью сюжетных иллюстраций, которые были трудны для перерисовки создателю (или создателям) «псковского» списка. К тому же напрямую с текстом страницы сюжетные иллюстрации не связаны: Описание Иерусалима рассказывает о топографии местности, а не о евангельской истории, как сюжетные иллюстрации. Уникальность списка К154 еще и в том, что все гравированные московские издания Описания Иерусалима, как и рукописные копии, восходят к венскому изданию 1748 г.[25], а оригиналом «псковского» списка послужило второе издание Описания Иерусалима 1781 г. Это издание было подготовлено сербским просветителем и гравером Захарием Орфелиным и отпечатано с тех же досок, что и первое издание, изменениям подвергся только титульный лист, где и указана дата — 1781 г.[26], воспроизведенная рукописной копией: «Описание святаго божия града Иерусалима, церкве живоноснаго гроба Господня и прочих святых мест... преосвященнейший и словеснейший господин Моисей, путник православный, архиепископ и митрополит всего в державе вышняго и всеславнейшаго дома Аустрийскаго обретающагося сербо-славянскаго и валахинскаго народа и их цесарских кралевских величеств действительный двора советник на... прошение преосвященнейшаго господина Семеона Симоновича митрополита Птоломейскаго... 1781 года августа 27 дня» (л.1).

Завершая обзор не привлекавшихся ранее к изучению списков Хождений игумена Даниила, Трифона Коробейникова и «Описания Иерусалима» Симона Симоновича в фондах Древлехранилища Псковского музея-заповедника, еще раз подчеркнем их важность для восстановления литературной истории этих произведений. Свидетельствуют «псковские» списки также и об устойчивом интересе к литературе путешествий в XVIII в., ее жизнеспособности и востребованности читателями, среди которых были и жители Псковщины. Владельческие записи рассмотренных рукописей читателями Хождений называют опочецких купцов «Илью Астафьева, сына Куколника», Ивана Телнова, Ивана Телепнина, опочецкого мещанина Ивана Кукольника (ф. Опочецкого уезда, №151), Семена Акимовича Мардвинова (ф. Кузнецова, №144), а также священника города Порхова Василия Красноумова (ф. Красноумова, №154)[27].

---

[1] В статье не учитывается «Путешествие Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», читающееся в сборнике конца XVII в. ф. ПАО, №153, см.: Осипова Н.П. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV— начало XX в.). Псков, 1991. Ч. 1. С. 55. Хотя в этой легенде, дошедшей в составе Жития Иоанна Новгородского, присутствует мотив поклонения святыням Иерусалима, однако развития здесь он не получил, а потому в корпус паломнических «хождений» это Путешествие не включается, см.: Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976. S. 448–461 (Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Kunste: Texte und Abhandlungen, Bd 24).

[2] Здесь и далее рассматриваемые списки называются «псковскими» по их современному месту хранения в Древлехранилище Псковского музея-заповедника. Связывать происхождение этих списков с Псковщиной преждевременно, оснований для этого рукописи не дают.

[3] Списки введены в научный оборот В.И.Малышевым: Малышев В.И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 476.

[4] Подробнее об этом см.: Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII в.// Летопись занятий Археографической комиссии 1876–1877 гг. СПб., 1884. Вып. 7. С. 18.

[5] Осипова Н.П. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника... С. 41.

[6] Нами используется классификация списков Хождения, предложенная М.А.Веневитиновым и уточненная в работах В.П.Адриановой-Перетц. М.А.Веневитинов известные ему списки разделил на четыре редак-

ции (I, II, III и IV). При классификации списков он учитывал название памятника, количество глав, наличие главы «О горе Армафем», в кратком или пространном варианте читается молитва Авраама о жителях Содома, указание на время путешествия в послесловии, пропуски в главах «О дому Уриеве» и «О свете небесном», а также перечень русских князей, записанных Даниилом для поминовения в лавре святого Саввы. (См.: Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила... С. 89–98).

[7] М.А.Веневитинов (Там же. С. 93) в эту группу относил списки: БАН, собр. Археогр. ком., №158; РНБ, ОСРК, Q.XVII.76; Нижний Новгород, биб-ка Братства св. креста, №1/55; Норовский IV (место хранения последних двух списков не установлено, известны по описаниям А.С.Норова: Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. (1113–1115) / Под ред. А.С.Норова. СПб., 1864. С. IX (№4), XIII–XIV (№16). Современное местонахождение списков, их современные шифры установлены К. Зееманном: Игумен Даниил. Хождение. Abt Daniil. Wallfahrtsbericht: Nachdruck der Ausgabe von Venevitinov 1883/85 / Mit einer Einleitung und bibliographischen Hinweisen von Klaus Dieter Seemann. München, 1970. S. LXV–LXXII. В.П.Адрианова-Перетц включает сюда же списки ГИМ, собр. Уварова, № 205/1745 и № 132/1746, хотя в списках утерян конец, но он восстанавливал его по инвентарной описи. См.: Адрианова-Перетц В.П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII в. (Украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана») // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 249.

[8] И. Сахаров пишет: «К полным причисляю те, которые имеют надпись «Книга, глаголемая Странник». Здесь есть введение в путешествие, здесь есть послесловие, где говорится, что ходил в княжение Святополка Изяславича, в них очень мало ошибок» (Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 8. С. 10).

[9] Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила... С. 93.

[10] Адрианова-Перетц В. П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке... С. 249.

[11] В.П.Адрианова-Перетц считает, что пропуск был сделан еще в протографе II редакции, а «затем механически повторялся во всех списках этой группы» (Там же).

[12] Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила... С. 85.

[13] Постатейное описание сборника см.: Осипова Н.П. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника... С. 41–42.

[14] Веневитинов М.А. Хождение игумена Даниила... С. 78–79.

[15] Там же. С.82.

[16] Хождение Трифона Коробейникова 1593–1594 гг. / Под ред. Хр. М. Лопарева //Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Вып. 27. С. XXXV–XXXVI. (Далее — ППС. Вып. 27).

[17] Соколова Л.В. Сказание о Вавилоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2 (Л–Я). С. 355.

[18] Этими словами в «псковском» списке заканчивается предшествующая повести о церкви св. Николая глава «О взяти града Египта. Глава 12-я» (л. 76).

[19] Пока только в списке РГБ, собр. Тихонравова, №379 обнаруживаем главу, близкую главе «О реке, иже из горы», но под названием «О рецѣ Моисеови», см.: ППС. Вып. 27. С. 61, прим. 4.

[20] Буш В. К вопросу о «Хождении Трифона Коробейникова» : Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 154.

[21] Осипова Н.П. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника... С. 63, 111, 114.

[22] В книге К. Зееманна под этим шифром означено Хождение Трифона Коробейникова (Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. S. 455). В каталоге Н.П.Осиповой произведения различаются: Осипова Н.П. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника... С. 133; Ч. 2. С. 40, 60.

[23] Это списки из Отдела рукописей РГБ, собр. Тихонравова (ф. 299), №163 (1770 г.) и Музейное собр. (ф. 178), № 10464 (втор. пол. XVIII в.); см.: Хромов О.Р., Топурия Н.А. «Описание Иерусалима» Симона Симоновича и Христофора Жефаровича в русских лубочных изданиях: Исследования и Сводный каталог книг, хранящихся в московских собраниях. М., 1996. С. 10, 97, прим. 15. Отметим еще два экземпляра «Описания Иерусалима» московского издания 1771 г., хранящихся в собрании Отдела эстампов РНБ, собр. ОЛДП, LXIII, №3241 и ЭИ, №77865.

[24] Там же. С. 10.

[25] Там же. С. 10–11.

[26] Там же. С. 8.

[27] Пользуясь случаем, сердечно благодарю за оказанное содействие при подготовке статьи сотрудников Древлехранилища Псковского музея-заповедника, заведующую Древлехранилищем С.А.Волкову и сотрудника Отдела эстампов РНБ Н.И.Рудакову.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аделунг	— Полный немецко-русский лексикон из большого грамматикально- критического словаря г. Аделунга составленный. Ч. 1–2. СПб., 1798.
АЕ	— Археографический ежегодник. М.
АИП	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АН, ОЛЯ	— Академия наук, Отделение литературы и языка.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
БАН	— Библиотека Академии наук.
БАС	— Большой академический словарь (Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах. М.; Л., 1950–1965.
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси. СПб.
БМЦ	— Балтийская морская цивилизация.
ВЛ	— Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.
ВПГЗ	— Вестник Псковского губернского земства.
ГАНИПО	— Государственный архив новейшей истории Псковской области.
ГАПО	— Государственный архив Псковской области.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации.
ГИМ	— Государственный исторический музей. М.
ГРМ	— Государственный Русский музей.
ГТГ	— Государственная Третьяковская галлерея.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты.
ЖЕПск	— Житие Евфросина Псковского.
И	— Индекс тематического объединения материала.
ИИ	— Институт истории Эстонии.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН.
ИКЗ	— Историко-культурная зона.
ИНРЕКОН	— Институт проектирования исторических городов.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
КПОС	— Картотека Псковского областного словаря.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР).
КС XVIII	— Картотека Словаря русского языка XVIII века (СПб.).
ЛПРНГ	— Лексический атлас русских народных говоров.
ЛЕНГИПРОГОР	— Ленинградский институт проектирования городов (Институт урбанистики).
ЛСГ	— Лексико-семантическая группа
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
МГАМИД	— Московский государственный архив Министерства иностранных дел.
МС	— Московский свод конца XV в.
НИИКСИ	— Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований.
Ник.	— Никоновская летопись.
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел.
НОС	— Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
НІЛ	— Новгородская первая летопись.

НIVЛ	— Новгородская четвертая летопись.
НПЦ	— Научно-производственный центр охраны памятников истории и культуры при Комитете по культуре Администрации Псковской области.
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление.
ОИГСЗ	— Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны//Под ред. А.С.Гердта и Г.С.Лебедева. СПб., 2001.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ОРГА	— Опоченский районный государственный архив.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПГНИАЦ	— Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр.
ПГОИАХМЗ	— Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
ПЕВ	— Псковские епархиальные ведомости.
ПИ «СПР»	— Псковский институт «Спецпроектреставрация».
ПОС	— Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12. Л. (СПб.), 1967–1996.
П1Л	— Псковская 1 летопись.
П2Л	— Псковская 2 летопись.
П3Л	— Псковская 3 летопись.
Пск.Печ.м.	— Псково-Печорский монастырь.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов.
РГБ	— Российская государственная библиотека.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд.
РНБ	— Российская национальная библиотека
РО	— Рукописный отдел.
РСА	— Русская освободительная армия.
РСХА	— Главное управление имперской безопасности Германии.
СА	— Советская археология.
САР	— Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.
СД	— Служба безопасности рейхсфюрера СС.
СЗАЭ	— Северо-Западная археологическая экспедиция.
Сим.	— Симеоновская летопись.
СК	— Степенная книга царского родословия.
СлРЯ XI-XVII	— Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002.
СлРЯ XVIII	— Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–12. Л./ СПб., 1984–2001.
С1Л	— Софийская 1 летопись.
СПМ	— Старопечатная Минея.
СРГК	— Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. I–V. СПб., 1994–2002.
СРНГ	— Словарь русских народных говоров. Вып. 1-36. М.; Л./СПб., 1964–2002.
СС	— Охранные отряды нацистской партии Германии.
СПбГК	— Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А.Римского-Корсакова.
СПб.ИИ	— Санкт-Петербургский институт истории РАН.

ТГ	— Тематическая группа.
Тип.	— Типографская летопись.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ.
Т-ЦФ	— Макротекст на основе цитатного фонда.
УФСЕ	— Управление Федеральной службы безопасности по Псковской области.
Фасмер	— Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
ФРЛ	— Полный французский и российский лексикон. Т. 1-2. СПб., 1786.
Холм.	— Холмогорская летопись.
ЦГА СПб	— Центральный государственный архив в С.-Петербурге.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив.
ЦФ	— Цитатный фонд.

Сокращения в лингвистических статьях

Названия районов в ПОС:

Аш. — Ашевксий; Беж. — Бежаницкий; Вл. — Великолукский; Гд. — Гдовский; Дед. — Дедовичский; Дн. — Дновский; Кр. — Красногорский; Локн. — Локнянский; Ляд. — Лядский; Н-Рж. — Новоржевский; Н-Сок. — Новосокольничский; Оп. — Опочецкий; Остр. — Островский; Палк. — Палкинский; Печ. — Печорский; Пл. — Плюсский; Полн. — Полновский; Порх. — Порховский; Пск. — Псковский; Пуст. — Пустошенский; Пушк. — Пушкиногорский; Пыт. — Пыталовский; Себ. — Себежский; Сер. — Середкинский; Стр. — Стругокрасненский; Холм. — Холмский.

Названия районов в СРГК:

Белом. — Беломорский р-н Карелии; Карг. — Каргопольский р-н Архангельской обл.; Медв. — Медвежьегорский р-н Карелии; Онеж. — Онежский р-н Архангельской обл.; Пуд. — Пудожский р-н Карелии.

Названия разговорников:

А	— «Ein Rusch Boeck...» = Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Hrsg. Von A.Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.
Ф	— Tönnies Fenners Low German Manual of Spoken Russian. Pskow. 1607. Ed. L.L.Hammerich and R.Jakobson. Vol. II. Copenhagen, 1970.
Ш	— «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Cz. II. Oprac. A.Bolek, H.Chodurska, A.Fałowski, I.Kuninska. Kraków, 1997.

Латинские сокращения:

A *	— основа прилагательного, равная корню.
Ap	— префиксальная основа прилагательного.
As	— суффиксальная основа прилагательного.
Mser	— манускрипт.
N	— основа существительного; существительное.
Nm	— основа числительного.
Ns	— суффиксальная основа существительного.
P	— основа причастия.
V	— основа глагола, равная корню.
Vp	— префиксальная основа глагола.
Vs	— суффиксальная основа глагола.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверина Светлана Анатольевна. Кандидат филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Аверьянов Константин Александрович. Доктор исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Алексеев Юрий Георгиевич. Профессор. Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия. 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Аракчеев Владимир Анатольевич. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им.С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Баранов Константин Владимирович. Российский государственный архив древних актов. Россия. 119817, Москва, ул. Б.Пироговская, 17.

Белецкий Сергей Васильевич. Профессор. Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН. Россия. 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

Белоброва Ольга Андреевна. Кандидат филологических наук. Институт русской литературы РАН. Россия. 199403, Санкт-Петербург, Набережная Макарова, 4.

Бобров Александр Григорьевич. Доктор филологических наук. Институт русской литературы РАН. Россия, 199043, Санкт-Петербург, Набережная Макарова, 4.

Большакова Наталья Валентиновна. Кандидат филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина. 2.

Боренко Галина Петровна. Член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук. Санкт-Петербургское отделение Российской академии архитектуры и строительных наук. Россия. 191011, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 1/3, офис 307.

Булгаков Михаил Борисович. Кандидат исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Бурыкин Алексей Алексеевич. Доктор филологических наук. Институт лингвистических исследований РАН. Россия. 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

***Бычкова Маргарита Евгеньевна**.* Доктор исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19.

Верняев Игорь Иванович. Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия. 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Вершинина Наталья Леонидовна. Профессор. Доктор филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Воробьев Владимир Миронович. Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия. 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Воробьев Мирон Владимирович. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия. 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Герд Александр Сергеевич. Профессор. Доктор филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Голубева Ирина Борисовна. Псковский институт «Спецпроектреставрация». Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 9.

Емелина Ольга Владимировна. Псковский институт «Спецпроектреставрация». Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 9.

Енин Геннадий Павлович. Доктор исторических наук. Российская национальная библиотека. Россия. 191069, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18.

Ениосова Наталья Валерьевна. Кандидат исторических наук. Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, исторический факультет. Россия. 117234, Москва, Воробьевы горы, корпус № 1 гуманитарных факультетов.

Ермолаев Сергей Сергеевич*. Российский государственный архив древних актов. Россия. 119817, Москва, ул. Б.Пироговская, 17.

Журавлева Татьяна Николаевна. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Закурина Татьяна Юрьевна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Ивакин Глеб Юрьевич. Доктор исторических наук. Институт археологии НАНУ. Украина. 254655, Киев, просп. Героев Сталинграда, 12. Т. 229-47-80; Факс 229-69-51 или 418-33-06. e-mail: aarexp@iananu.kiev.ua; cancel@iananu.kiev.ua, т. 228-69-49 (дом.)

Иванов Евгений Павлович. Профессор. Доктор исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Ивашко Людмила Александровна. Профессор. Доктор филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Истомина Энесса Георгиевна. Доктор исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Кащенко Сергей Григорьевич. Профессор. Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия, 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Кирпичников Анатолий Николаевич. Профессор. Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН. Россия. 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

Китанина Таисия Михайловна. Профессор. Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия. 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Кобзарева Елена Игоревна. Кандидат исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Коваленко Геннадий Михайлович. Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский университет истории РАН (Великий Новгород). Россия. 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

Ковалых Елена Валерьевна. Кандидат филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Колосова Ирина Олеговна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Комеч Алексей Ильич*. Доктор искусствоведения. Государственный институт искусствознания. Россия. 119034, Москва, Козицкий пер., 5.

Кондратьева Ольга Александровна*. Кандидат исторических наук. Российский этнографический музей. Россия. 191011, ул. Инженерная, 4/1.

Конецкий Владимир Яковлевич. Кандидат исторических наук. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Гуманитарный институт. Россия. 173014, Великий Новгород, Антоново.

Кононенко Тимофей Витальевич. ЗАО «Русская Девелоперская Компания». Россия. 109240, Москва, ул. Яузская, 11.

Конявская Елена Леонидовна. Профессор. Доктор филологических наук. Редакция журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Россия. 107076, Москва, Преображенская, 6/68.

Королева Эльвира Валерьевна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Костючук Лариса Яковлевна. Профессор. Доктор филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Круглова Таисия Викторовна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Кулакова Марина Ильинична. Кандидат исторических наук. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Лабутина Инга Константиновна. Профессор. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Лагунин Игорь Иванович. Гендирекция «Псковреконструкция». Россия. 180000, Псков, Комиссаровский пер., 1.

Ланцев Виктор Васильевич. Кандидат архитектуры. Псковский политехнический институт. Россия. 180068, Псков, ул. Л.Толстого, 4.

Лебедев Владимир Борисович. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Лебедев Глеб Сергеевич. Профессор. Доктор исторических наук. Научно-исследовательский институт комплексных социологических исследований. Россия. 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 9.

Левин Натан Феликсович. Клуб псковских краеведов. Россия. 180760, Псков, ул. Профсоюзная, 2, Псковская областная универсальная научная библиотека.

Лифшиц Лев Исаакович. Доктор искусствоведения. Государственный институт искусствознания. Россия. 119034, Москва, Козицкий пер., 5.

Лобакова Ирина Анатольевна. Кандидат филологических наук. Институт русской литературы РАН. Россия. 199043. Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

Лутовинова Ирина Сергеевна. Кандидат филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Малыгин Петр Дмитриевич. Кандидат исторических наук. Тверской государственный университет. Россия. 170000, Тверь, ул. Желябова, 33.

Малышева Ирина Алексеевна. Профессор. Доктор филологических наук. Институт лингвистических исследований РАН. Россия. 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

Малышева Надежда Николаевна. Государственный исторический музей. Россия. 103012, Москва, Красная площадь, д.1/2.

Маркова Маргарита Тимофеевна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Масленникова Наталья Николаевна. Профессор. Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. Россия. 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2.

Медников Михаил Михайлович**. Клуб псковских краеведов. Россия. 180670, Псков, ул. Профсоюзная, 2, Псковская областная научная библиотека.

Мехнецов Анатолий Михайлович. Кандидат искусствоведения. Фольклорно-этнографический центр Министерства культуры РФ. Россия. 190000, Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 2/9, строение Б.

Мжельская Ольга Сергеевна. Кандидат филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Михайлов Андрей Александрович. Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет). Россия. 198013, Санкт-Петербург, Московский просп., 26.

Михайлов Евгений Эдуардович. Глава Администрации Псковской области. Россия. 180001, Псков, ул. Некрасова, 23.

Михайлова Любовь Петровна. Кандидат филологических наук. Карельский государственный педагогический университет. Россия. 185680, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 17.

Мокеев Геннадий Яковлевич. Кандидат архитектуры, академик Академии архитектурного наследия. Центральный музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Россия. 107120, Москва, Андроньевская площадь, 10.

Моппель Эдуард Леович. Псковский Вольный институт. Россия. 180000, Псков, набережная реки Великой, 6.

Назаров Владислав Дмитриевич*. Институт всеобщей истории РАН. Россия. 117334, Москва, Ленинский просп., 32 а.

Назарова Евгения Львовна. Кандидат исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Никитина Наталья Павловна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Новикова Наталья Николаевна. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Новожилов Алексей Геннадьевич. Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия. 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Охотникова Валентина Ильинична. Кандидат филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Панченко Олег Витальевич. Кандидат филологических наук. Институт русской литературы РАН. Россия. 199043, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

Петров Станислав Георгиевич. Управление образования г. Великие Луки. Россия. 182100, Великие Луки, ул. Карцева, 1.

Петрова Зинаида Михайловна. Профессор. Доктор филологических наук. Институт лингвистических исследований РАН. Россия. 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

Пецкая Татьяна Александровна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Пиотух Нина Валерьевна. Кандидат исторических наук. Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, исторический факультет. Россия. 117234, Москва, Воробьевы горы, корпус № 1 гуманитарных факультетов.

Плоткин Константин Моисеевич. Кандидат исторических наук. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации г. Санкт-Петербурга. Россия. 191011, Санкт-Петербург, пл. Ломоносова, 1/3.

Площук Галина Ивановна. Кандидат филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Поветкин Владимир Иванович. Новгородский центр музыкальных древностей. Россия. 173000, Великий Новгород, Ильина улица, 9-б.

Попова Ольга Васильевна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Поцепня Дина Михайловна. Профессор. Доктор филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Пуцко Василий Григорьевич. Калужский областной художественный музей. Россия. 248610, Калуга, ул. Ленина, 104.

Разумовская Аида Геннадьевна. Кандидат филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Родникова Ирина Самойловна. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Розов Евгений Константинович. Профессор. Доктор исторических наук. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт. Россия, 173014, Великий Новгород, Антоново.

Румянцева Вера Степановна. Кандидат исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Рычка Владимир Михайлович. Доктор исторических наук. Институт истории Украины НАНУ. Украина. 252000, Киев — 1, ул. Грушевского, 4.

Салмина Елена Вячеславовна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Сарабьянов Владимир Дмитриевич. Межобластное научно-реставрационное управление Министерства культуры РФ. Россия. 113035, Москва, Кадашевская набережная, 24.

Сарачева Татьяна Григорьевна. Кандидат исторических наук. Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, исторический факультет. Россия. 117234, Москва, Воробьевы горы, корпус № 1 гуманитарных факультетов.

Седов Валентин Васильевич. Академик РАН. Профессор. Доктор исторических наук. Институт археологии РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Сидоренская Нина Дорофеевна. Кандидат филологических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 1800760, Псков, пл. Ленина, 2.

Силеенков Вячеслав Васильевич. Кандидат исторических наук. Псковский политехнический институт. Россия. 180068, Псков, ул. Л.Толстого, 4.

Сиренов Алексей Владимирович. Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. Россия. 199164, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

Смирнов Николай Валентинович. Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургская гимназия № 85. Россия. 197022, Санкт-Петербург, Песочная набережная, 16, кв. 43.

Смирнова Анна Евгеньевна. Институт русской литературы РАН. Россия. 199043, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

Сорокатый Виктор Михайлович. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Россия. 107120, Москва, Андроньевская площадь, 10.

Старк Вадим Петрович*. Доктор филологических наук. Институт русской литературы РАН. Россия. 199034, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

Стефанович Петр Сергеевич. Кандидат исторических наук. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Стець Ирина Михайловна. Псковский политехнический институт. Россия. 180068, Псков, ул. Л. Толстого, 4.

Тарасова Марина Алексеевна. Кандидат филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Тимошенкова Зоя Александровна. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Усачев Андрей Сергеевич. Институт российской истории РАН. Россия. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Федорова Ирина Владимировна. Кандидат филологических наук. Институт русской литературы РАН. Россия. 199043, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

Филимонов Анатолий Васильевич. Кандидат исторических наук. Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова. Россия, 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Харлашов Борис Николаевич. Кандидат исторических наук. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Россия. 180000, Псков, ул. Некрасова, 7.

Хорошкевич Анна Леонидовна. Доктор исторических наук. Институт славяноведения РАН. Россия. 117334, Москва, Ленинский пр., 32 а.

Черепанова Ольга Александровна. Профессор. Доктор филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Чернуха Валентина Григорьевна. Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский институт истории РАН. Россия. 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская, 7.

Шкаровский Михаил Витальевич. Доктор исторических наук. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Россия. 193171, Санкт-Петербург, ул. Варфоломеевская, 15.

Юрасов Андрей Викторович*. Кандидат исторических наук. Институт славяноведения РАН. Россия. 117334, Москва, Ленинский пр., 32 а.

Яковлева Елена Александровна. Псковский государственный педагогический институт им С.М.Кирова. Россия. 180760, Псков, пл. Ленина, 2.

Янин Валентин Лаврентьевич. Академик РАН. Профессор. Доктор исторических наук. Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, исторический факультет. Россия. 117234, Москва, Воробьевы горы, корпус № 1 гуманитарных факультетов.

Angermann Norbert. Prof. Dr. Universität Hamburg. Historischen Seminar. Deutschland. Von-Melle-Park 6, 20146 Hamburg.

Aun Mare. Кандидат исторических наук. Ajaloo Instituut. Estonia. Rüütli, 6, 101130 Tallinn.

Bolek Anna. Dr. habil. Uniwersytet Jagelloński, Institut Filologii Wschodnioslowiańskiej. Polska. 31-120. Kraków, Al. Mickiewicza, 9.

Morozova (Морозова) Nadieždа*. Кандидат филологических наук. Vilniaus universitetas, Filologijos fakultetas. Lietuva. Universiteto, 5, Vilnius, 2734.

Netšunajeva (Нечунаева) Natalja*. Dr. fil. Private Commercial College. Estonia. Kivimurru 13 a, 11411 Tallinn.

Piho (Пихо) Mare. Кандидат исторических наук. Eesti Rahva muuseum. Estonia. Veski, 32, 51014 Tartu.

Selart Anti. Dr. fil. Tartu Ülikooli ajaloo-osakond. Estonia. Ülikooli, 18, 50090. Tartu.

Sokolovski Vladimir. Ajaloo Instituut. Estonia. Rüütli, 6, 10130 Tallinn.

Tvauri Andres. Dr. fil. Tartu Ülikool, Arheoloogia kabinet. Estonia. Lossi, 3, 50090 Tartu.

*Докладчики, не представившие тексты своих выступлений.

Научное издание

ПСКОВ В РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
(к 1100-летию первого летописного упоминания)

Международная научная конференция
Том 2

Ответственный редактор *В.В. Седов, академик РАН*
Корректор *Г.Н. Буханова*
Компьютерная верстка *И.В. Бурлаковой, Е.Н. Андроновой*

Изд. лиц. ИД № 04640 от 26.04.01. Подписано в печать 29.03.10.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,73. Тираж 1000 экз. Заказ № 2757.

Московский государственный университет печати.
127550. Москва, ул. Прянишникова, 2а.

Отпечатано в ГУП Псковская областная типография.
180007, Псков, Рижский пр., 17.